

Центр по исследованию межнациональных отношений
Института этнологии и антропологии Российской Академии наук

Михаил Губогло

ЭТНИЧНОСТЬ

(собрание сочинений в 10 томах)

Том 1. Беллетристика. Критика. Публицистика

2018

Ответственный редактор:

доктор истории Пашалы П.М.

Книга издаётся на личные средства автора

в дар землякам Гагаузии

Макет подготовил: Палачор Д.Г.

XX столетие называют веком этничности. Ей посвящены научные труды, беллетристика, публицистические статьи и эссе, раскрывающие смысл этногосударственных и межэтнических отношений. Особый интерес в постижении смысла этничности, например, как феномена гагаузства и гагаузскости, и ее места в жизни народов, представляют дискуссии, в т.ч. рецензии на произведения автора и его отзывы на труды коллег по научному цеху.

Губогло, Михаил.

Этничность : (собрание сочинений в 10 томах) / Михаил Губогло ;
отв. ред.: Пашалы П. М. ; Центр по исслед. межэтнических отношений Ин-та этнологии и антропологии Росс. Акад. наук, Б. и., 2018 (F.E.-P. “Tipografia Centrală”) – . –

ISBN 978-9975-3265-6-8.

Т. 1 : Беллетристика. Критика. Публицистика. – 2018. – 420 p. : fig., tab. – Bibliogr. la sfârșitul secțiunilor.

ISBN 978-9975-3265-7-5.

39

Г 933

Оглавление

РАЗДЕЛ I. ЭССЕ И КРИТИКА

Уведомление	6
VII Международный конгресс социологов	14
В поисках новых форм взаимодействия науки и практики	25
О создании Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов	32
Предпосылки изучения современной этнополитической ситуации в СССР	38
Энергия памяти	65
Рецензия Б.К.Тебиева на книгу М.Н.Губогло «Энергия памяти. О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти»	136
Отзыв С.К.Бондыревой на рукопись М.Н.Губогло «Энергия памяти. О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти»	138
Этнология и современность. К итогам работы Второго конгресса этнографов и антропологов России	139
Как два крыла в полёте	144
Предмет и перспектива национальной политики	149
Язык – душа и гордость нации	155
Корни. КТО МЫ, ОТКУДА МЫ, ЗАЧЕМ МЫ	162
Кто отнял родной язык	165
Солидарность. О формировании общероссийской, гражданской лояльности (О концепции законопроекта)	167
От сотрудничества и борьбы к сотрудничеству и солидарности	174
Этнополитическое взросление. Полувековой опыт гагаузов (1948-1998 гг.)	181

Букет идентичностей	184
Этногенез продолжается... ..	187
Этнология и социально-культурная антропология: «Тающая льдина» или «Снежный ком»?	200
Бремя ностальгии	207
Антропология человечности. Стратегии и практики Ассамблеи народов России	231

РАЗДЕЛ II. РЕЦЕНЗИИ НА ТРУДЫ М.Н.ГУБОГЛО

Увачан В.Н. Язык братства и братство языков	244
Зеленчук В.С. Книга о современных этноязыковых процессах	246
Шорников П.М. Энциклопедия этнополитики	251
Семёнов Ю.И. Этнополитология: трудный путь становления новой научной дисциплины	254
Семенов Ю.И. Этническая культура и политическая борьба	265
Ткачев А.Н. Двуглавый орел не может летать с одним крылом	281
Формузал М.М. Рыцарь романтики	285
Гросул В.Я. Судьба одной европейской нации	287
Чешко С.В. Феномен Удмуртии	294
Предисловие академика В.А.Тишкова к 75-летию М.Н.Губогло	301
Карлов В.В. Повседневность как объект и предмет рефлексии	308
Шорников П.М. История гагаузского проекта	312
Шорников П.М. Приручение пантеры	320
Грек И.Ф. Гагаузы	323
Шорников П.М. Русский язык в истории гагаузов	335
Бомешко Б.Г. Прорыв через забвение	338

Чешко С.В. Страсти по доверию.....	341
Карлов В.В. Межнациональные отношения и фактор доверия: этнолого-антропологический ракурс в науке и практике	344

РАЗДЕЛ III. РЕЦЕНЗИИ М.Н.ГУБОГЛО

Языки Родины	353
Рецензия на книгу Маамяги В.А. «Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940 гг.).»	355
Рецензия на книгу «Формирование молдавской буржуазной нации»	360
Молдаване и молдавизм. Устойчивость и динамизм этнической самобытности молдаван	366
Рецензия на рукопись «Основы этнологии»	372
Эволюция государственности башкирского народа	377
Буджак: Бренд Новороссии или сегмент украинского нациестроительства	382
Рецензия на книгу С.В.Чешко «Этническая и социальная антропология»	399
Советскость: мечта о процветании и/или агония саморазрушения	407

Раздел I. ЭССЕ И КРИТИКА

УВЕДОМЛЕНИЕ

*«В уединенье тёмных келий,
В глухих стенах монастырей,
Историки, от скорби сгорбясь,
Перед лампадою своей.
Без сна, ночами запивая
Заплесневелый хлеб водой,
Записывали ход событий
На свиток жёлтый и сухой»*

Аветик Исаакян, 1939

Перевод М.Зенкевича

Ко дню рождения принято дарить и получать подарки. Самыми дорогими подарками на старости лет – это, пожалуй, воспоминания о молодости. Мои воспоминания – о проделанной работе. *Iucundi acti laboris*. Мне уже посчастливилось часть из них издать в двух биографических томах («Сполохи прошлого», 2008, 2013). В предлагаемой книге – акцент делается не на перипетиях повседневной жизни, а на проделанной работе. Коротко говоря – это, во-первых, 6-томная серия «Национальные процессы и отношения в СССР», подготовленная совместно с выдающимися советскими учёными, членами авторитетного Научного Совета по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР (Председатель – академик Ю.В.Бромлей, зам.председателя – М.Н.Губогло). Во-вторых, проект «Национальные движения в СССР и постсоветском простран-

стве (1989-2014 гг., автор проекта и опубликованной серии – М.Н.Губогло), в 130 томах, исполненный совместными усилиями учёных из академических и университетских центров Российской Федерации.

В-третьих, серия «Феномен Удмуртии» (2001-2006 гг.), в 9 томах и 12 книгах (автор проекта М.Н.Губогло), совместный труд, созданный известными учёными и общественными деятелями Удмуртии под общим руководством М.Н.Губогло и депутата Государственной Думы III-IV созывов, Председателя Ассамблеи народов России, члена Совета при Президенте по межнациональным отношениям Светланы Константиновны Смирновой. В-четвёртых, 10-томная серия «Курсом развивающейся Молдовы» (2006-2010 гг.), изданная по материалам российско-молдавских симпозиумов.

Об этой серии стоит сказать особо. Она

стала выразительным брендом Комратского государственного университета, в известной мере ресурсом профессионального роста профессорско-преподавательского состава и студенчества, «опредмеченным результатом (как говорят философы) деятельности» международного научного сотрудничества. Серия создавалась по материалам научных и научно-практических российско-молдавских симпозиумов, инициированных учителем и учеником – профессором М.Н.Губогло и известным учёным, общественным деятелем, экс-спикером Народного собрания Гагаузии, доктором истории Петром Михайловичем Пашалы.

В условиях тяжелейших бюджетных затруднений, которые испытывала Гагаузия в глухие нулевые годы, только благодаря неценимой научно-организационной поддержке директора ТПП П.М.Пашалы и координатора секции этнологии РГНФ М.Н.Губогло учёные КГУ получили возможность для публикации своих трудов в 10-ти томном издании. Серьёзным вкладом в развитие гуманитарного знания Республики Молдова стали труды многих молдавских авторов, в т.ч. гагаузов по этническому происхождению. Заметную роль в осмыслении и постижении трендов развивающейся Республики Молдова стали, в частности, влиятельные труды П.М.Пашалы о роли бизнеса в развитии экономики и гражданского общества Гагаузии (том 1, 127-140), о роли культуры в социально-экономических преобразованиях (том 2, с. 149-159), о состоянии потенциала социально-экономического развития Гагаузии как гаранта самосохранения народа (том 8, с. 403-418) и о культурном наследии как основы этнического возрождения (том 9, с. 258-267).

Материалы российско-молдавских симпозиумов вряд ли могли бы увидеть свет без поддержки в редактировании материалов и подготовки их к печати, которую оказали мотивированные сотрудники КГУ – проректор по научной работе - Людмила Владимировна Федотова и начальник учебной части - Анна Георгиевна Нягова.

В книгу избранных трудов «Этничность» том 1 включены ранее опубликованные работы, посвящённые национальной политике,

стратегии и тактике этничности и идентичности, написанные в жанре эссе и беллетристики, критики и публицистики. Выбирая из более 600 опубликованных работ труды для переиздания, автор исходил из стремления показать, как за полувековой период менялось тематическое поле отечественной этнографии и межэтнических отношений, как складывались цели и мотивировка ученых отвечать на вызовы времени и модернизации, расчеловечивания в смутные 1990-е годы и очеловечивания в связи с трансформационными процессами.

Последовательное смещение классических этнографических сюжетов, снискавших отечественной гуманитарной науке заслуженную мировую славу, вело к антропологическому постижению человека как носителя, генератора и транслятора этнических особенностей, истории и языка, традиционной культуры и нравственности своего народа. В отечественной тюркологии дорогу к постижению человека, - его идентичности и этнической принадлежности, особый вклад внесли академики В.В.Бартольд, В.А. Гордлевский и В.В.Радлов. Главным своим достижением, отражённым более чем в 600 публикациях, в том числе в нескольких десятках индивидуальных и коллективных монографиях и трудах, считаю простую мысль, похожую скорее на логический парадокс, чем на академическую истину. Моя правда, состоит в системном понимании идентичности в этничности и этничности в идентичности подобно тому, как человек чувствует себя (в зависимости от масштаба мысли) частицей Вселенной, или микрокосмосом Русского или Тюркского мира, вмещающая каждый из них в самом себе, и представляя тем самым космос своего народа. Иными словами, человек как этнофор (или этноличность) может вмещать в себя всю этническую общность с её историей, культурой, языком и нравственными нормами и принципами.

На заре профессиональной карьеры неоднократно готовил обширные историографические обзоры по итогам работ профильных конференций и симпозиумов, в том числе международных. В качестве примера в выборку для данной книги включены два проблемно-тематических обзора: об итогах работы

Второго конгресса этнографов и антропологов, состоявшегося в 1997 г. в г.Уфе и о работе VII Международного конгресса социологов в 1970 г. в Варне. Будучи избранным на конгрессе в Уфе на двухлетний срок Президентом Ассоциации этнографов и антропологов России, мне пришлось согласно уставу, внимательно изучить проблематику и основные направления исследований для составления программы очередного III Конгресса, который состоялся в Москве в 1999 г.

Подготовка ныне исчезающего жанра – концептуально-тематических обзоров по материалам пленарных и секционных заседаний, хотя и не является исследовательской работой в прямом смысле, всё же расширяет спектр выделения состояния науки на данный момент времени.

Обстоятельное знакомство с социологической проблематикой и социологами в Варне, сыграло немалую роль в выборе дальнейшей специализации в области этносоциологии и некоторое охлаждение к базовому этнографическому образованию, полученному на кафедре этнографии исторического факультета МГУ. Интересом к социолингвистике я также обязан социологическому конгрессу. В 1960-1970-е годы, несмотря на хрущёвскую оттепель, все члены советской делегации перед выездом на международные мероприятия, проходили так называемое собеседование в отделах науки и пропаганды ЦК КПСС. Мне, в частности, было рекомендовано «бороться с буржуазными фальсификациями ленинской языковой политики».

Однако мой предполагаемый оппонент – выдающийся американский социолингвист Джошуа Фишман – вместо критики советскости, обратился к слушателям с лестным предложением изучать «полезнейший опыт советской национально-языковой политики», в ходе реализации которой было создано 50 письменностей для ранее бесписьменных народов Советского Союза. Участвуя в исполнении ряда исследовательских проектов, инициированных основоположником советской этносоциологии профессором Ю.В.Арутюняном, я воспользовался некоторыми идеями американского учёного, изложенными, в частности, в его знаменитой влиятельной

статье (1965 г.) «Who speaks what language to whom and when?».

Более того, из работ, включённых им в юбилейный сборник в честь собственного 75-летия, и который я с благодарностью получил от него в дар, я многое почерпнул в работе над книгой «Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия» (отв.ред. академик Ю.В.Бромлей, М., 1984), которую защитил в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Книга открыла дорожную карту в советскую социолингвистику, часть публикаций из проблемного поля который включены в данную книгу.

Участие в международных конгрессах тех лет позволяло молодому специалисту знакомиться с трудами коллег из зарубежных стран и гордиться теоретическим потенциалом отечественных коллег. На упомянутом конгрессе в Варне выдающийся советский этнограф, археолог и антрополог, полиглот С.А.Арутюнов был председателем одной из секций. Он свободно переводил с английского на французский и наоборот. Когда же коллега из Японии обратился к нему на ужасном ломаном английском языке, Сергей Александрович заговорил с ним на японском языке, Шок и радость японского учёного были ни с чем не сравнимы, так же как и моя гордость за достоинство представителя отечественной науки, коллеги из родного института, в котором я работаю с 1966 года. Углубление в социолингвистику позволило предложить более или менее развёрнутое определение двуязычия, представляющее феномен языковой жизни.

Двуязычие (билингвизм) - владение двумя различными языками или диалектами одного языка и успешное использование их в различных сферах официальных, групповых и межличностных коммуникаций. Особую роль двуязычие играет в формировании добровольной двукультурности, ориентированной на оптимальное сочетание национальных культур народов России и одновременно на нормы и ценности общероссийской культуры, успешно развивающейся на базе русского литературного языка как общегосударственного языка Российской Федерации. . Наиболее

распространенным видом двуязычия в России является владение, наряду с языком своей национальности, русским языком (так называемое национально - русское двуязычие). Знание русского языка как государственного языка Российской Федерации, является национальным достоянием всех народов России, естественным духовным каркасом всей многонациональной страны.

Объяснение композиционной структуры книги будет неполным, если особо не подчеркнуть тот факт, что несмотря на тематическое разнообразие и многожанровый характер включенных материалов, все они объединены сквозной идеей взаимосвязи этничности народа и идентичности личности. Эта комплексная идея имеет, в частности, принципиальное значение стержня предметной области этнической истории народов, в том числе для современного гагаузоведения. Даже в двухтомном фолианте «Гагаузы в мире и мир гагаузов» (том 1 – Гагаузы в мире, «Гагаузство» том 2 – Мир гагаузов, «гагаузскость»), созданном международным коллективом авторов, удалось больше выявить вопросов, чем получить ответы на них.

Попытки перевести двухтомник на турецкий язык и опубликовать на базе одного из университетов Турции, к сожалению, оказались безуспешными, хотя и изначально, в ходе переговоров, весьма обнадеживающими. Тем не менее краткий экстракт этого сочинения «Этногенез продолжается», опубликованный в виде статьи в сборнике сибирских этнологов, социологов и историков, вызвал оживлённый интерес научной общественности с международной точки зрения. И я решил включить его в данное издание. Изданный небольшим тиражом за счёт личных средств автора идеи, составителя, отдельных глав и редактора (М.Н.Губогло) двухтомник был роздан в качестве подарка участникам 3-го Всемирного конгресса гагаузов и мгновенно стал библиографической редкостью, малодоступной для аналитиков, политиков, критиков и студентов.

С идеями этничности и идентичности, этногенеза и этнической судьбы народов, связаны концепт самобытности и теория этнической мобилизации, разработке которых

посвящены многие мои научные исследования, в том числе несколько избранных публицистических выступлений, включённых в данную книгу (раздел 1). Ведущая роль этнической мобилизации ради сохранения этнического самосознания и ради сбережения самобытности и идентичности народов, многократно освещалась в предисловиях и редакторских комментариях к большинству из 130 томов книг, изданных по проекту «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» (1989-2012, автор и руководитель проекта М.Н.Губогло), что вполне могло бы составить еще один, подобный данной книге, том.

Поучительным примером этнической мобилизации, борьбы за сохранение (сбережение) гагаузов как самостоятельного этнического образования (самобытного народа), за конструирование национальной государственности гагаузов, служит общественная деятельность депутата Съезда народных депутатов СССР Михаила Константиновича Пашалы, а так же продолжающаяся по сей день научная и научно-организационная деятельность его сына – моего ученика – Петра Михайловича Пашалы. Защита им диссертации «Социально-экономические и этнокультурные основы самоутверждения Гагаузии как этнотерриториального региона Республики Молдова» (2009 г.) на Учёном Совете Института этнологии и антропологии РАН по защите докторских и кандидатских диссертаций состоялась с большим успехом. Глубокие знания и ответы П.М.Пашалы на вопросы неизменного Председателя приёмной комиссии о религиозной ситуации в регионах Западной Украины в первые послевоенные годы, привели в изумление выдающегося российского учёного, автора знаменитого учебного пособия для студентов учреждений высшего образования «Этнология и социальная антропология» (М., Издательский центр «Академия», 2014, 240 с.). (См. мою рецензию ниже в данной книге) Помощь оказанная руководством Исполкома Гагаузии в проведении серии этносоциологических исследований, изданные в России и Молдове труды, дают право считать Республику Молдова и Гагаузию родной советской, молдавской и Российской эт-

носоциологии.

По данным социологического опроса в 3-х городах и 6-ти сёлах Гагаузии в 2018 году, проведённым при весомой поддержке П.М.Пашалы, 93.9% жителей думали и свободно говорили на русском языке, 91.1% очень часто или часто смотрели телепередачи (на турецком – 12.7%). На русском языке ведётся преподавание в системе школьного образования, читаются основные лекционные курсы в Комратском государственном университете, проходят заседания Исполкома Гагаузии и Собрания народных депутатов.

Сохранение и поддержка учеными НИЦ Гагаузии им. М.В.Маруневич русского и гагаузского языков в системе образования Гагаузии, позволяет ей сохранять лидерство в Республике Молдова по качеству образования. В 2017 г. средний показатель успешной сдачи выпускных экзаменов по Молдове составил 91.5%, в 10 лицеях Гагаузии БАК сдали 100% выпускников. В 8 лицеях 100% выпускников поступили в КГУ и кишинёвские вузы. Передовые позиции образовательной системы Гагаузии во многом «подпитываются» образовательно-духовной продукцией, научной и культуртрегерской миссией всего педагогического коллектива автономии. Так, например, в 2017 г. в школы Гагаузии были переданы учебные пособия «История, культура и традиции гагаузского народа» для 3 класса; 6 номеров научно-методического журнала *Gagauz dili hem literaturasi*; учебное пособие по «Гагаузскому языку и литературе для учащихся 10-11 классов»; опубликованы «Гагаузско-русский тематический словарь» и учебное пособие «*Gagauz halkinin istoriyasi, kulturasi hem adetleri*» для 4 класса. Лишь на 4-м Всемирном конгрессе гагаузов пленарные заседания прошли на гагаузском языке, секционные попеременно – на гагаузском и русском.

В строгом (академическом) смысле этническая мобилизация представляет собой национальные движения, связанные с ростом этнического самосознания и активизацией чувств этнической идентичности. Под лозунгами модернизации и реформирования она инспирируется и используется лидерами этнических элит для социокультурной и по-

литической мобилизации в борьбе за сохранение этнокультурной самобытности народа и достижения гедонистических устремлений путём самоопределения народа или этнического меньшинства в формате национально-культурной автономии или этнотерриториального автономного образования, как в случае Гагаузии.

В крупном многоэтничном государстве большое и важное значение имеет гармонизация системы жизнеобеспечения и ментальности народов. Условием ее оптимизации является рациональный баланс политического суверенитета, социально-экономических условий и духовной жизни народов. Историческая уникальность истории Императорской России, Советского Союза и постсоветской России состоит в проведении проэтнической политики, ориентированной и порой нацеленной на сохранение культурной самобытности народов.

Право на самобытность имеет не менее важное значение, чем культивирование гражданской и этнической идентичности вместе с лояльным отношением государства к религиозному вероисповеданию. Однако стратегия сохранения, поддержки и продвижение самобытности основаны на доверии, внимательном и бережном отношении государственных, общественных структур и самих обладателей самобытности к ценностям своей традиционной культуры. Между тем в самой структуре и в содержании, в символике и семантике традиционной культуры, в брендинге городов, республик, и иных административных единиц, не предусмотрены нормы, механизмы и институты самозащиты, а также охранительный иммунитет от разрушительных воздействий глобализации и технотронных влияний.

Задача экспертов по этничности и идентичности, а так же этнологической экспертизы, понимаемой как система квалифицированных прикладных этнологических и этносоциологических исследований, состоит в том, чтобы сконструировать надёжную систему контроля над важными видами хозяйственной и управленческой, информационной и инновационной, политической и художественной деятельности, которые прямо или косвенно

могут оказывать разрушительное или креативное воздействие на ментальность и духовную жизнь народов (этнических сообществ). Вместе с тем оптимальная защита культурного наследия не означает её консервацию, а лишь способствует правовой стабильности и этнополитической консолидированности социума.

Для специализированной этнологической экспертизы необходимо создание такой информационной базы, которая позволила бы выявить и оценить возможный ущерб, причиняемый культурной среде и ареальной экологии неразумным хозяйственным вмешательством и малообоснованными политическими идеями и решениями. Известный опыт разработки стандартных методов анализа проекта законов, административных решений, техногенных вторжений в экологическую систему накоплен в Институте этнологии и антропологии РАН с конца 1980-х начала 1990-х годов. Менее всего при этом разработаны условия и механизмы координации исследовательских практик экспертов с региональными и местными властями, хозяйствующими и креативными структурами, в том числе на основании заключённых договоров о совместной разработке экспертизы.

Правовую основу этнологической экспертизы составляет оптимальное сочетание и учёт закона как (юридического инструмента) и ментальности народа, (в систему которой входят обычное право, культурные ценности, этические и эстетические принципы и нормы). Однако уже принятый Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» (25 июня 2002 г., новая редакция от 29 июля 2017 г.) с рядом последующих поправок, определивших механизм и методические процедуры историко-культурной экспертизы, не сопровождается корректным исполнением и не обеспечивает реализацию конституционного права каждого гражданина на доступ к культурным ценностям.

Исполнение законов и нормативных актов по охране самобытности народов затрудняется без идеологического и концептуального обоснования, без аргументированного составления реестра материальных, духовных и эко-

логических объектов культурного наследия, без разработки методико-инструментального аппарата обследования и исследования мер по созданию условий обеспечения необходимости сохранности элементов материальной и духовной культуры (артефактов и ментифактов), составляющих систему жизнеобеспечения и ментальности народа.

Одна из принципиальных задач антропологического дискурса и этнологической экспертизы состоит в том, чтобы наряду с защитой исконной среды обитания и традиционного образа жизни народов, привлечь внимание управленцев и творческой элиты к проблемам ментальности, выяснению, учёту, популяризации корневых основ доверия, нравственности и морали, смыслов и норм добра и зла, справедливости и ответственности, долга и совести с целью минимизации вредных глобализационных влияний и предотвращения девиантных форм поведения, извращений исторически сложившихся канонов жизнеустройства (по шкале «полезно – вредно»), минимизации проявлений алкоголизма, наркомании, социальной апатии, суицида, различных форм психопатологии. Именно эта стратегическая цель и задачи заложены в программу международного проекта «Адамлык» – нравственная основа человечности», на первом этапе которого проведенного в Гагаузии в апреле 2018 года, при содействии Исполкома Гагаузии и Комратского госуниверситета, было опрошено более 800 жителей в 3 городах и 6 селах Гагаузии.

Ответственность этнологической экспертизы обусловлена тем, что на её основании могут быть приняты государственные нормативные акты, обеспечивающие определенные виды деятельности, связанные с сохранением и поддержкой национального достоинства и культурного наследия. Результаты этнологической экспертизы могут получить отражение в народохозяйственных программах и проектах, в текстах учебников, художественных произведений, в публикациях СМИ, в брендировании субъектов страны и региона их столиц, городов и поселений, в маркировании товаров и изделий, в оформлении лозунгов, в программах и решениях органов государственной власти, в деятельности обществен-

ных движений и т.п.

О квалификационном уровне книг, изданных по упомянутому выше проекту «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» можно судить по факту их научного «веса». 12 книг, изданных по программе этой серии, принесли авторам заслуженную степень доктора исторических наук: Т.В.Табolina (1994), Э.Б.Гучинова (1995), В.П.Торукало (1996), Ю.П.Шабаев (1997), В.В.Амелин (1997), Ф.Г.Сафин (1997), Г.П.Лежава (1998), Т.М.Полякова (1998), З.В.Анайбан (1999), С.И.Аккиева (2002), С.К.Смирнова (2002), С.К.Казиев (2015).

Более половины книг этой серии подарены библиотеке Комратского госуниверситета, в том числе трёхтомная антология «Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика: Антология» (1995), подготовленная в связи с разработкой федерального закона Российской Федерации «О национально-культурной автономии» (17 июня 1996 г.) (см. Михаил Губогло, *Может ли двуглавый орёл летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений*, М., 2000, с. 343-355). Биография этого закона отражена в фундаментальной энциклопедии «Государственная Дума Российской Федерации. В двух томах» (отв. ред. А.Н.Аринин, М., 2006, с. 542-546), в частности, в моей статье. С общественной работой в качестве эксперта Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ II-IV созывов, связана моя разработка проекта закона «Солидарность (о концепции законопроекта)».

Важную роль в осознании защиты прав и свобод этнических меньшинств и групп в предотвращении манкуртизации и ассимиляции, в сохранении исторической памяти сыграла так называемая деревенская литература времён хрущёвской оттепели, представленная именами Ф.Абрамова, В.Белова, В.Распутина, В.Солоухина, В.Чивилихина и других маститых художников. Под неизгладимым впечатлением от романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» родилось включённое в данную книгу учебное

пособие «Энергия памяти» (1992). В наши дни филологи инициировали новое перспективное направление концептологии. Увидела свет, в частности, «Антология концептов» (2005-2011 гг.). Согласно краткой аннотации, антология представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно-значимых смыслов, закреплённых в языковом сознании и коммуникативном поведении. Первоначальный задел «Антологии концептов» составили диссертационные исследования, посвящённые концептам – сложным ментальным образованиям, воплощённым в различных языковых единицах на материалах различных языков – русском, английском, немецком, французском, китайском, калмыцком. Рассматриваются концепты через призму религиозных, политических, идеологических, художественных фактов и отзывов.

Знакомство с «Антологией концептов» натолкнуло на мысль включить в данный том мою раннюю книгу «Энергия памяти» (1992 г.), написанную более четверти века тому назад. Её вполне можно было бы сегодня называть «Концепт памяти». Хотя я в то время думал об исторической памяти не столько, как об этнологическом и философском концепте, сколько об энергии и ресурсах памяти, как важнейшем условии и факторе сохранения самобытности и традиционной культуры. Включение этой давней публикации вместе с рецензиями маститых учёных России – ректора Социально-психологического института С.К.Бондыревой и профессора Б.К.Тебиева в данную книгу воспринимается как предтеча серии «Курсом развивающейся Молдовы», изданную совместными усилиями коллектива учёных Республики Молдова, Болгарии, Украины, Казахстана, Российской Федерации.

Что касается II раздела, в котором представлена часть рецензий, посвящённых моим книгам, я не берусь ни отвечать на критику, ни комментировать. Читателю самому о них судить, точно так же как и о моих рецензиях в III разделе на книги коллег.

Однако не могу не подчеркнуть, что после развала Советского Союза классический жанр рецензирования, когда критик подробно, от души и «по косточкам» разбирает произведения, обращал внимание

как на заслуги и достоинства, так и на ошибки, просчёты и недостатки, увял, став более похожим на реферирование. Мне сильно повезло с критиками, которые наряду с комплиментарными комментариями, высказываниями, указывали на серьёзные недостатки. Таковы, в частности, рецензии всемирно известного советского и российского философа, историка и антрополога Ю.И.Семёнова, общепризнанного создателя теории происхождения человеческого общества. Он, с одной стороны, размышляет над моими сочинениями и относит их к числу тех, благодаря которым происходит становление нового научного направления, а с другой – нанизывает гирлянду недочётов, редакционных шероховатостей, внутренних противоречий.

Так, например, в одной из рецензий, опубликованной в разных изданиях, он обрушивается на мои «непоследовательности», считая, что в перестроечные годы я «оказался в плену» «демократического мифа» о национальном возрождении, согласно идеологии которой стало не равноправие людей, а «дискриминация по этническому принципу».

Нет смысла перечислять публикации, не попавшие в этот том, как, например, 118 статей об этногенезе народов России, написанных на закате Советского Союза совместно с моим другом, выдающимся этнографом, антропологом и путешественником, доктором исторических наук Ю.Б.Симченко по заказу газеты «Известия» и некоторых заинтересованных служб и ведомств, о чем мне уже приходилось писать в 11 томе воспоминаний. «Сполохи прошлого» (Комрат-Кишинев, 2013, с.327-345) Эти статьи были любовно собраны и изданы отдельной книгой «Союз. Этнографический словарь» (Тобольск, 2010, 282 с) известным исследователем этничности, этногенеза, культуры и этнической истории народов Сибири Ю. Квашниным. В домашнем архиве не обнаружил две чрезвычайно важные газетные вырезки с целью их факсимильного издания : «Язык, право, перестройка» (Советская Молдавия, 1989, 24 мая) и «Экспертное заключение по вопросу о создании государственности гагаузов в

СССР» (Знамя, 1990,7 июля). Буду рад, если кто-нибудь их мне подарит. Вместе с моими редакторскими комментариями к 130 томам серии «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» эти републикации могут составить второй том «Беллетристики, критики и публицистики», в составе которого мне видятся уместными мои доклады на Всемирных конгрессах гагаузов, лекции для студентов, интервью различным СМИ, несколько десятков отзывов в качестве официального оппонента по защитах кандидатских и докторских диссертаций.

В заключение остаётся приятный долг – выразить благодарность и признательность за помощь в подготовке рукописи к изданию заместителю директора Института этнологии и антропологии РАН Роману Александровичу Старченко, ведущему научному сотруднику этого же института Наталье Андреевне Беловой и особо моей дочери, выпускнице исторического факультета МГУ, кандидату исторических наук Елене Михайловне Губогло за долготерпение, профессионализм и вдохновляющее соучастие.

Слова особой благодарности автор обращает экс-директору Научно-исследовательского центра им. М.В.Маруневич П.М.Пашалы, который помогал на всех этапах этносоциологических исследований и организации российско-молдавских симпозиумов товарищескими советами и личным участием, а также Дмитрию Георгиевичу Палачор за профессиональную разработку макета, высокохудожественный дизайн и за фото М.Н.Губогло для контртитула книги.

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СОЦИОЛОГОВ

Международные конгрессы социологов организуются Всемирной социологической ассоциацией с 1950 г. В болгарском городе Варна 14-19 сентября состоялся очередной VII конгресс, основная тема которого - «Современные и будущие общества: научное прогнозирование, социальное планирование и руководство общественным развитием» - была предложена советскими социологами, исходившими из большого теоретического значения темы и широкого практического опыта СССР и других социалистических стран в решении этих проблем. Впервые международный конгресс социологов был проведен в социалистической стране. Это говорит о признании международной научной общественностью серьезных достижений и растущего авторитета социологической науки в мире социализма. В работе конгресса приняли участие свыше 3600 социологов из 80 стран. Ими было сделано более 500 докладов и сообщений. Предыдущие конгрессы в этом отношении характеризовались такими цифрами (таблица 1).

На Варненском конгрессе советская делегация была одной из самых представительных. Если в работе V конгресса приняло участие лишь 18 советских ученых, а работе VI - 83, то в Варне советская делегация насчитывала 350 человек. Не менее представительными были делегации других социалистических стран: Болгарии - 500 человек, Польши - 180 Венгрии - 90, Чехословакии - 70, ГДР - 60 делегатов и т. д. По сравнению с прошлым (Эвианским) конгрессом число социологов из стран социализма возросло на 1000 человек.

Из США прибыло 320 делегатов, из Италии - 140, Франции - около 100, Англии и ФРГ - по 80, Швеции - 54, Канады - 42.

Конгресс приветствовал Первый секретарь БКП, Председатель Совета Министров Народной Республики Болгария Тодор Живков. Подчеркнув принципиальное значение основной темы конгресса, он отметил, что проверенная всем историческим опытом социалистических стран идея научного предвидения, прогнозирования в планирования социальных процессов

Таблица 1

Конгрессы		Число		
Год	Место проведения	Участников	Стран	Докладов
1950	Цюрих (Швейцария)	124	30	56
1953	Льеж (Бельгия)	281	34	156
1956	Амстердам (Голландия)	524	54	170
1959	Милан-Стреза (Италия)	980	52	175
1962	Вашингтон (США)	1300	51	230
1966	Эвиан (Франция)	Около 2000	50	Около 600

стала в настоящее время достоянием всей мировой цивилизации. «Чрезвычайно сложные и противоречивые социальные процессы современности, обусловленные столкновением противоположных классовых интересов, идеологий и проходящей в мировом масштабе научно-технической революцией,- сказал Тодор Живков,- могут быть в полной мере разрешены только марксистской социологией».

Слова тов. Живкова о том, что государственные органы «и общественные организации НРБ «все шире используют марксистско-ленинскую социологическую науку, конкретные данные социологических и других социальных исследований» в своей руководящей деятельности, а Правительство НРБ создает все необходимые условия для: полнокровного развития болгарской социологической науки, произвели огромное впечатление на всех участников конгресса.

Первое пленарное заседание открыл докладом «Социология и социальное прогнозирование» директор Института социологии Болгарской Академии наук Живко Ошавков. Он сосредоточил свое внимание на некоторых основных методологических проблемах социального прогнозирования. Наиболее существенная особенность марксистской социологии, как общественной науки, состоит в том, указал докладчик, что она последовательно и полно раскрывает социологические закономерности функционирования и свободного развития человеческого общества.

В докладе «Социальное прогнозирование, его цели и возможности» академик А. М. Румянцев (СССР) охарактеризовал социальное прогнозирование как одну из центральных проблем социологической науки. Особый интерес у делегатов вызвал тезис докладчика о том, что прогнозирование должно осуществляться целостно: историю творит народ, и прогнозирование развития общества означает предвидение развития и поведения самого субъекта, т. е. изменения сознания и самосознания людей. А.М.Румянцев дал анализ возможностей одного из важнейших методов современной прогностики - экстраполяции (мысленного продолжения в будущем), без которого немислимо само прогнозирование. Этот метод имеет определенные границы. Главное состоит в том, что прогнозирование, не будучи простым механическим актом, означает научное предвидение развития общества под воздействием революционных сил. Современная ступень развития, достигнутая различными обществами, отнюдь не завершение их эволюции, а лишь один из моментов поступательного движения. Докладчик подверг аргументированной критике несостоятельные взгляды ряда западных ученых, особенно теорию «постиндустриального общества», рассмотренную в докладе американского социолога Д. Белла¹, который пытается весьма произвольно толковать марксизм, по за частую обнаруживает недостаточную осведомленность в обсуждаемых вопросах.

Проф. А. А. Катри (Индия) в докладе «Молодежь как фактор изменений» отметил необходимость особого подхода при рассмотрении роли молодого поколения в освободившихся странах. Характерно, что среди причин, порождающих конфликт между поколениями в США, проф. Катри назвал расовую дискриминацию и социальную несправедливость. Директор социологического института Римского университета проф. Ф. Ферраротти выступил с докладом «Использование социологии в развивающихся странах». Говоря о роли и значении социологии в управлении обществом, он подчеркнул, что социология все больше и больше привлекает внимание государственной администрации.

В докладе проф. Э. Хана (ГДР) «Концепция социологической системы и социальное прогнозирование» рассматривались вопросы практической реализации прогноза, которая, по мнению докладчика, зависит от способности людей изменить характер общества в целом. Только с установлением власти рабочего класса открываются новые перспективы для развития социального прогнозирования. Поскольку отношения между людьми и социальным прогнозом определяются развитием и поведением классов, постольку существование социального прогнозирования является составной частью и существенным фактором классовой идеологии.

На первом пленарном заседании выступили с докладами также Ф. Галтунг (Норвегия) и Ф. Х. Тенбрук (ФРГ). Говоря о пределах предвидения, последний, в частности, отметил, что развитие социологии увеличивает возможности контроля над развитием общественных процессов, но сами эти возможности якобы ограничены.

В прениях по докладам выступили 12 человек, в том числе три делегата из СССР и семь делегатов из других социалистических стран. Подвергнув критике предложенную Ф. Х. Тенбруком концепцию, прогрессивный американский социолог Д. Соммервилл отметил, что вообще люди имеют значительные возможности предвидеть будущее, но все дело заключается в том, могут эти возможности быть использованы

или нет. Делегаты из социалистических стран и Советского Союза подвергли острой критике теорию «постиндустриального общества». Все они были единодушны в признании неуклонного возрастания роли науки в развитии современного общества и в том, что наука сама по себе не может коренным образом изменить капитализм, так как последний сам пытается использовать ее как орудие самоутверждения.

Центральное место на пленарном заседании второго дня заняла дискуссия социологических проблем развития стран третьего мира. В докладе «Современная научно-техническая революция и социальные проблемы развивающихся стран» академик Е. Каменов (Болгария) сосредоточил свое внимание на некоторых отрицательных социальных последствиях современной научно-технической революции в странах, недавно получивших национальную независимость.

Обращая внимание на важность борьбы за устранение препятствий в современном развитии стран третьего мира, французский социолог Л. Мартэн в докладе «Социология и экономика» проанализировал проблемы, связанные с влиянием иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие этих стран и на выбор ими пути развития.

Особый интерес вызвали выступления представителей развивающихся стран Африки и Латинской Америки, которые отмечали, что традиционная социологическая наука Запада не может быть в полной мере применима к странам третьего мира. Характерно, что по мере развития социологии в этих странах их социологи все чаще обращаются к великому историческому опыту Советского Союза и других стран социализма. Так, говоря о будущем развитии социологии, Я. Диалло (Мали) подчеркнул огромную роль В. И. Ленина в развитии социологии как науки и заявил, что основой социологической науки может быть только марксизм-ленинизм. Малийский ученый обратил внимание аудитории также на стоящие перед Всемирной социологической ассоциацией задачи по содействию организации научных исследований в странах

третьего мира. В дальнейшем основная тема конгресса продолжала обсуждаться на заседаниях постоянно действующих рабочих групп, 19 научно-исследовательских комитетов, «круглых столов», а также 17 специализированных групп «ad hoc», включенных в программу работы конгресса непосредственно перед его открытием. В табл. 2 показано, как распределялось обсуждение главных проблем по этим подразделениям конгресса.

За первым «круглым столом» обсуждалась тема «Фундаментальные теории социальной эволюции и эмпирические образцы развития», а за вторым – «Связь между микро- и макро-социологией».

Советские делегаты совместно с учеными социалистических стран приняли активное участие во всех формах работы конгресса, который явился внушительной демонстрацией достижений марксистской социологической мысли. Как неоднократно отмечалось на заседаниях конгресса, в кулуарных встречах, а также в болгарской прессе, весьма объективно отражавшей ход конгресса, научный уровень советских докладов был очень высоким. Доклады же ряда представителей различных буржуазных социологических школ были слабо подготовлены и далеко не все из них представляли серьёзный научный интерес.

Такие концепции буржуазной науки, как теория «модернизации», теория «постиндустриального общества», «массового общества» и ряд других представляют собой попытку опровергнуть исторический материализм, в особенности учение об общественно-экономических формациях. Но ни одна из этих, теорий не может дать удовлетворительного объяснения социальным явлениям без признания их внутренней противоречивости или противоречия между прогрессом человечества и сохранением капиталистической действительности. Тем не менее, как показал конгресс, в работах некоторых приверженцев этих взглядов содержатся отдельные плодотворные идеи и интересе методико-процедурные приемы, которые, при должном критическом их переосмыслении могут найти применение и в советской социологической науке.

Главным событием четвертого дня конгресса стало заседание, посвященное теме «Ленинизм и теоретические проблемы современного общественного развития». Руководил работой этого заседания и выступил с основным докладом академик П. Н. Федосеев. За ходом заседания и развернувшейся после него дискуссий с большим вниманием следило около 1500 социологов из различных стран. Такое внушительное число делегатов, в десять раз превышающее средние цифры посещения остальных звеньев конгресса - «рабочих групп», «исследовательских комитетов» и «круглых столов», достаточно убедительно свидетельствует об огромном интересе социологов всего мира к теоретическому вкладу В. И. Ленина в социологию, о жизненности ленинских идей в современную эпоху.

Э. Хан (ГДР) говорил о ленинском применении диалектического и классового подхода в социологии. П. Кроссер (США) посвятил свое выступление ленинскому учению о классах и классовой борьбе и указал, что оно может быть использовано при анализе современных классовых отношений в США. Бурлаки (Венгрия) остановился на взаимоотношении эмпирической и теоретической сторон социологических исследований, применявшихся В. И. Лениным при изучении аграрных проблем. К. Ионеску (Румыния), А. Глезерман (СССР), А. Милейковский (СССР) проанализировали ленинское учение в связи с некоторыми вопросами социального прогнозирования. М. Митин (СССР) и Т. Трендафилов (Болгария) подвергли критике с ленинских позиций идеи о так называемом «особом пути» развития капитализма, отразившиеся, в частности, в теории «постиндустриального общества»: Э. Николов (Болгария) еще раз указал, что основные закономерности развития монополистического капитализма, открытые В. И. Лениным, действуют и в современную эпоху. Г. В. Осипов (СССР) остановился на ленинских идеях формирования личности в социалистическом обществе. И. Хоушка (Чехословакия) отметил, что революция делает идеологию рабочего класса основой

Таблица 2

	Рабочие группы	Исследовательские комитеты	Группы «ad hoc»
1.	Общества будущего и долгосрочное планирование	Вооруженные силы и общество	Ленинизм и современная социальная теория
2.	Изменения общественных отношений вследствие социальных перемен	Исследования общностей	Устремления, потребности и развитие
3.	Математические модели и методы социального прогнозирования	Социолингвистика	Отношение к будущему
4.	Власть и общество	Социология массовых коммуникаций	Концепция действенных исследований
5.	Сравнительный анализ планирования в обществах различного типа	Социология национального развития	Роль социологии в развитии азиатских обществ
6.	Модернизация и распространение инноваций	Социология права	Измерения национального развития
7.	Планирование развития городов и сел	Социология семьи	Проблемы социотехники
8.	Планирование в области образования и культуры	Социология свободного времени	Международный проект «Творцы общественного мнения»
9.	Молодежь как фактор изменений	Социология медицины	Социология кооперирования
10.		Социология политики	Социология села
11.		Социология психиатрии	Социология международных отношений
12.		Социология религии	Социология расовых отношений
13.		Социология науки	Социология социального обеспечения
14.		Социология спорта	Исследования бюджетов времени
15.		Социология труда и организаций	Грамотность как мировая проблема
16.		Социология города	Встреча редакторов социологических журналов
17.		Стратификация	
18.		Бедность, социальные действия и социальная политика	
19.		Социология познания	

человеческого прогресса. Хайзелер (ФРГ) показал, как ленинская методология исследования вскрывает реакционную сущность тех теорий, в которых отстаивается тезис «о преодолении» классовой борьбы при капитализме. Остановившись на вкладе В. И. Ленина в развитие принципа партийности, Д. Соммервил (США) подчеркнул, что этот принцип базируется на методологической связи теории с практикой. Комментируя ошибочные утверждения большинства западных ученых о том, что наука вообще и социология в частности должны быть «надпартийными», он указал, что такой «объективизм» в этом случае становится «партийным» отношением к нерешенным проблемам общества. Отметив, что столетие со дня рождения В. И. Ленина послужило поводом и стимулом для изучения многих проблем, Г. Бесс (Франция) говорил об обеспечении ленинизмом возможности фундаментального методологического подхода к раскрытию закономерностей современного общественного развития и о том, что в последние годы научный социализм получает все более широкое распространение во Франции. И. Вятр (Польша) рассмотрел некоторые понятия социальной структуры современных социалистических обществ, М. И. Куличенко (СССР) остановился на ленинском понимании значения классового подхода при решении национального вопроса, М. Н. Руткевич (СССР) - на роли интеллектуального труда в процессах социального управления, Малер (Румыния) - на значении ленинизма для анализа социальной роли современной молодежи.

Довольно значительное место заняла на Конгрессе этнографическая проблематика. В работе Конгресса, участвовали семь сотрудников Института этнографии АН СССР. Они работали в его различных подразделениях. Кроме того, еще семь человек подготовили доклады или являлись соавторами зачитанных на конгрессе докладов. Для сравнения отметим, что в работе предыдущего конгресса в 1966 г. принимали участие лишь два сотрудника Института (Ю. П. Петрова-Аверкиева и Ю. В. Арутюнян).

На заседании Исследовательского комитета по социологии города был заслушан доклад О. А. Ганцкой и Л. Н. Терентьевой «Семья в аспекте этнических процессов». Исходя из того, что научный прогноз социальных отношений в многонациональном советском обществе невозможен без анализа этнических процессов, авторы избрали объектом исследования национально-смешанные семьи как своеобразным индикатор проявления взаимоотношений между различными национальностями. Изучение массовых статистических источников в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Вильнюсе, Таллине, Риге, Казани, Чебоксарах, Ашхабаде и других городах позволило выявить тенденцию уменьшения влияния фактора национальной принадлежности на заключение браков в СССР.

Всего на заседаниях этого комитета было заслушано и обсуждено 13 докладов, в которых рассматривались главным образом социально-экономические проблемы современного города, причем обсуждаемые проблемы увязывались с конкретными условиями таких государств, как Турция, Индия, Кения, Сингапур, страны Южной Африки. Широкий географический диапазон проблематики, несмотря на эмпирический характер многих докладов, позволил сделать некоторые теоретические обобщения. Интерес для этнографов представляли доклады А. Мартенса (Бельгия) «Иммигранты в Брюсселе», У. Уилсона (США) «Модели расовых отношений и объяснение формирования „гетто» в городах США», Р. Хассана (Сингапур) «Этнические группы и городская классовая структура в Сингапуре», А. Коена (Англия) «Политика в области этнических отношений в африканских городах», Д. Гернера (США) «Социологические факторы негритянского национализма». Дискуссия по вопросу о расовом и классовом расслоении приняла характер критики капитализма, что особенно наглядно отразилось в выступлении У. Уилсона (США).

Специфические аспекты урбанизации, освещенные в докладе С. А. Арутюнова и Р. Ш. Джарылгасиновой (СССР) «Закономерности

сочетания традиционного и нового в развивающихся культурах стран Восточной Азии»; позволили участникам обсуждения прийти к ряду теоретических выводов по проблеме урбанизации и «европеизации» таких стран, как Япония, Корея, Сингапур, а также выяснить, какие традиции могут вызвать торможение этик процессов и какие условия могут их стимулировать. Было поддержано положение о том, что важнейшей и характерной особенностью урбанизации стран Востока является контакт «старого» и «нового», традиционного и «западного», приводящий в итоге к синтезу национальной («этнографической») культуры с культурой европейской («западной»), которую авторы определили как «современную общемировую урбанистическую культурную модель». В докладе была выдвинута идея и о наличии нескольких путей взаимопроникновения традиционного нового в культуре, а также рассмотрены факторы, обуславливающие выбор того или иного пути. В обсуждении доклада приняли участие А. Мартенс (Бельгия), Ф. Стамбулы (Тунис), П. Бессанье (Франция). Последний, в частности, отметил, что выявленные авторами закономерности проявляются и во Франции, особенно в тех случаях, когда крестьянство тяготеет к городским формам культуры, а городская элита, наоборот, вводит в быт архаику.

Ю. В. Арутюнян выступил с информационным докладом «Исследование этнических процессов в СССР», подготовленным совместно с Л. М. Дробизевой. Он рассказал о социологических исследованиях этнических процессов, проведенных в Татарской АССР созданным в 1966 г. сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР и дал оценку нового направления советской этнографической науки - этносоциологии, кратко охарактеризовав этносоциологические исследования. Л. Н. Терентьевой, Ю. В. Бромлея, В. И. Козлова, В. В. Пименова.

Э. Л. Нитобург выступил на заседании группы социологов национального развития с докладом «Этнический аспект негритянского вопроса в США». Отметив в развитии

этнического самосознания американских негров две тенденции - к полной интеграции в американское общество и к выделению в особую этническую общность - докладчик показал, что в разные исторические периоды преобладала то одна, то другая из них, и проанализировал способствовавшие этому факторы. Подчеркнув далее неразработанность данной проблемы в американской научной литературе, Э. Л. Нитобург наряду с характеристикой современной ситуации дал прогноз возможного развития указанных тенденций в ближайшем будущем.

Интересные для этнографов материалы содержались в докладах В. Н. Дадрайка (США) «Биполярная структура национализма», А. Мартинелли (Италия) «Марксистская теория и вопросы национализма», С. Райерсона (Канада) «Общественное и национальное: возрождение Квебека», Х. З. Улкен (Турция) «Проблема молодых наций в национальном развитии».

На заседании одной из групп «ад хок», занимавшейся проблемами расовых отношений, с докладом «Культурный релятивизм и расизм» выступила Ю. П. Петрова-Аверкиева, подчеркнувшая необходимость борьбы с расизмом, актуальность критики его идеологии в современных условиях, когда наблюдается взрыв национализма, обострение этнических и расовых отношений как в западных, так и в развивающихся странах. Перед социологами и этнографами стоит ответственная задача. Вскрытия теоретических основ так называемого «научного» расизма. В докладе была показана связь между теорией культурного релятивизма и концепциями «научного» расизма. Культурный релятивизм в наши дни используется как идейная основа различных форм расизма и шовинизма. В докладе отмечался вклад социологов и этнографов ряда стран, и частности СССР, в борьбу против идеологии расизма.

На этой же секции состоялся доклад С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова «Раса, этнос и популяция». Выступивший в дискуссии Я. Ржегак (Чехословакия) отметил сходство подхода авторов доклада при рассмотрении ими понятий этноса и расы с позиций теории

информации со своим собственным подходом в исследовании о чешских цыганах, где этнос формируется как система коммуникаций; С. Зубайда (Англия), В. Вильсон (США) проявили интерес к практическому и политическому приложению разработанных в докладе концепций. В заключительном слове С. А. Арутюнов обратил внимание оппонентов на то, что для разработки практических мер по ликвидации расового неравенства важно обладать четкой системой понятий, в частности, разграничить в расовом вопросе биологическую сторону от социальной. В итоге дискуссии делегаты пришли к выводу, что необходимость такого подхода ощущается в этносоциологии повсеместно.

Активное участие в работе этой группы принял еще один советский делегат Э. А. Баграмов, выступивший с докладом «Что такое национальный характер?»

На одном из заседаний этой секции с тенденциозным докладом «Статус и положение женщины в социальной структуре» выступила Берит Ас. (Норвегия). Ее тезис о якобы тяжелом положении матерей-одиночек в советском обществе опровергли выступившие в прениях Л. Н. Терентьева и Ю. П. Петрова-Аверкиева показавшие необоснованность фактическими данными вывода Берит Ас. о женском вопросе в СССР.

На заседании рабочей группы «Планирование развития городов и сел» Ю. В. Арутюнян прочитал доклад «Урбанизация села в СССР и некоторые проблемы социального планирования», подготовленный при участии М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой и М. Г. Панкратовой. В основу доклада легли результаты конкретно-социологического исследования 1967 г., позволившие сформулировать некоторые методологические проблемы урбанизации. Учитывая тот факт, что 44% населения СССР проживает в сельской местности, основное внимание было уделено процессу приобщения сельского населения к урбанизованному образу жизни. Наиболее общие следствия этого процесса состоят в расширении границ и сфер человеческой деятельности увеличении разнообразия ее форм во всех областях производства, общественной и семейной

жизни, досуга и т. д. При обсуждении доклада зарубежные делегаты обратили особое внимание на конкретное регулирование этого процесса при планировании. Подводя итоги дискуссии, Ю. В. Арутюнян подчеркнул большую роль социолога в социалистическом обществе, где резко возрастает значение социального планирования и участия в нем социологов.

В ходе дискуссии выявилось, что среди зарубежных ученых нередко бытует мнение, что урбанизация - это механический рост городского населения. Возражая против такого упрощенного подхода к проблеме, Ю. В. Арутюнян предложил расчлененное понимание этого процесса: урбанизация местности и урбанизация личности, которые в отдельных случаях могут не совпадать. Отсюда вытекает конкретная социологическая задача обнаружения и измерения возникающих конфликтных ситуаций, противоречий и разработки рекомендаций по ликвидации разрывов между аспектами одного и того же процесса. При этом немалую роль могут сыграть этнографы, так как урбанизация делает все более актуальными проблемы социального управления в области сельской культуры, чаще всего являющейся выразительницей и хранительницей традиционной культуры отдельных народов СССР, и в регулировании ее «взаимоотношений» с так называемой «городской культурой», под которой, как правило, выступает интернациональная (интегрированная) культура народов СССР. Причем особую роль в адаптационных процессах, происходящих в этнически разнородной среде, имеет распространение русского языка как средства межнационального общения и взаимообмена культурными ценностями. Как отмечалось в докладе, на селе традиционная культура и формы локальной пропаганды в основном адаптируют сельского жителя к своей среде, а современные средства массовой информации способствуют проникновению городских стандартов в сельский образ жизни. Задача в таких случаях сводится к полному и гибкому учету особенностей сельской местности, сочетанию интересов локальной сельской

общности с интересами общества в целом, что, в конечном итоге, благоприятствует улучшению социального тонаса личности и предотвращению общественной аномии. Ю. В. Арутюнян было задано много вопросов, свидетельствовавших о большом интересе ученых США, Франции, Польши, Югославии, Чехословакии, ФРГ и Голландии к теме доклада, в особенности к методологическим аспектам изучения урбанизации села. Американские социологи, в частности, отмечали, крупное научное значение работ советских ученых в области социологии села.

Видные советские языковеды Н.А. Баскаков, Ю.Д. Дешериев, Н.Г. Корлэтян и другие приняли активное участие в работе Исследовательского комитета по социалингвистике. На секции «Методы и направления исследований» М.Н. Губогло выступил с докладом «Этносоциальные аспекты языковых контактов в советском обществе».

Участие этнографов в VII Международном конгрессе социологов способствовало к установлению личных контактов с зарубежными специалистами, сопровождалось интересными беседами, обменом книгами, статьями, докладами. В этих беседах, как и в выступлениях советских делегатов, ярко проявились успехи советской социологической науки. Так, один из американских «советологов» заметил, что если 5-6 лет назад достаточно было одного человека, чтобы следить за всей советской социологической литературой, то теперь это не всегда под силу целому институту.

Общие итоги деятельности советских этнографов и этносоциологов на Варненском конгрессе были подведены на одном из заседаний Ученого совета Института этнографии АН СССР. В вызвавшем большой интерес докладе Л. Н. Терентьевой, а также в содержательных выступлениях Ю. П. Петровой-Аверкиевой, Ю. В. Арутюняна и других участников конгресса, рассказавших о работе и своих впечатлениях о различных звеньях конгресса, ведущей была мысль о том, что соотношение сил в мировой социологической науке за период между двумя предшествующими и настоящим (Варненским) конгрессами изменилось

коренным образом за счет резкого возрастания социального резонанса и международного престижа марксистской социологии. Особую роль в изменении ситуации сыграло стремительное развитие социологической науки в СССР и в других социалистических странах.

Варненский конгресс продемонстрировал и другое привнесение в этнографическую науку методов конкретно-социологических исследований, начатое Институтом этнографии АН СССР несколько лет тому назад и конституированное созданием специального сектора конкретно-социологического изучения культуры и быта народов СССР, начинает приносить зримые плоды. Особенно эффективными эти методы являются при изучении современных динамически протекающих этнических процессов. Однако в области фундаментальных эмпирических исследований, которые могли бы дать обширную и надежную информацию, способную послужить основой для решения теоретических и практических задач, предстоит еще много сделать. И в этом смысле многое будет зависеть от того, как быстро другие этнографические центры страны усилят исследования современных этнических процессов.

Проведенные к настоящему моменту этносоциологические (Ю. В. Арутюнян, Л. Н. Терентьева, В. В. Пименов), а также близкие по методике и проблематике социо-лингвистические (В. А. Аврорин) исследования дали еще один наглядный урок. Эти исследования продемонстрировали, что в изучении современных этнических процессов ведущее значение приобретают исходные теоретические позиции и принципиальный подход к формулировке частных гипотез и общей проблемы. Растущий интерес к национальному этапу исследования способствует некоторой «переоценке ценностей» как в сознании отдельных исследователей, так и в этнографической науке в целом. Еще в недавнем прошлом углубление этнографических знаний зависело почти исключительно от совокупности собранного материала, монографически характеризующего тот или ной народ.

Теперь значительную роль начинает играть методологическая обоснованность тех проблем и гипотез, которые дают «сквозную» характеристику односторонних явлений у нескольких народов.

При возросшей методической и технической оснащенности современных исследовательских поисков, умение выдвигать проблемы порой не менее важно, чем их решение. По мере расширения изучения этнических процессов, в сознании исследователей укрепляется понимание того, что эффективность полученных результатов будет зависеть от глубины проникновения в систему этноса и его отдельных составных частей. И здесь, вновь возвращаясь к итогам Варненского конгресса, следует особо подчеркнуть уже теперь назревшую потребность соединения эмпирических исследований, выполненных, разумеется, на высоком профессиональном уровне, с широкими теоретическими обобщениями, ведущими к созданию принципиальных теоретических концепций, раскрывающих закономерности между социальными, этническими и иными изменениями в советском обществе и в остальном современном мире. Серьезной проверкой результатов такой работы может послужить следующий Международный социологический конгресс, ориентировочная тема которого: «общество и научно-техническая революция», безусловно, потребует более пристального внимания к этническим процессам в связи с результатами современного научно-технического прогресса.

На конгрессе была организована большая книжная выставка, насчитывающая около 2000 книг по различным отраслям социальных наук. Она получила образное название «безмолвный конгресс». Ряд стран достаточно полно и всесторонне экспонировал свою социологическую литературу: Франция (400 книг), Польша (145 книг), СССР (около 300 книг), Болгария (160 книг), ГДР (140), Румыния (137). На выставке были представлены и труды Института этнографии АН СССР². В некоторых рабочих звеньях конгресса были организованы выставки специальной литературы. Большим успехом, например, пользовалась выставка советских книг по социолингвистике, организованная

Научным советом «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций».

В ходе работы конгресса было создано несколько новых исследовательских комитетов по социологии и планированию, социотехнике, социальной экологии, социальной психологии и др. Исследовательские комитеты представляют собой удобную форму работы в период между конгрессами, дают возможность проводить аналитические исследования ряда проблем и поддерживать организационные и научные связи между учеными разных стран. В 1972 г. в Ленинграде решено провести заседание Исследовательского комитета по социологии семьи. Рассматривается вопрос о проведении в СССР международного симпозиума по социолингвистике. Запланирован также ряд международных конференций, семинаров и встреч социологов.

По инициативе дирекции Института этнографии АН СССР и комитета по этносоциологии при Советской социологической ассоциации на конгрессе образована Подготовительная комиссия по созданию Исследовательского комитета по этносоциологии. В эту группу от СССР вошла Ю. П. Петрова-Аверкиева.

На конгрессе был избран новый Исполнительный Комитет Всемирной социологической ассоциации в составе: президент Р. Хилл (США), вице-президенты - Ж. Ошавков (Болгария), Т. Б. Ботомор (Англия), А. Е. Солари (Чили), члены Исполкома - Л. Розенмайер (Австрия), Г. Гиндон (Канада), А. Пагани (Италия), Г. В. Осипов (СССР), Э. К. Шойх (ФРГ), М. Н. Сринивас (Индия), К. Моркока (Япония).

Успех советской делегации на конгрессе был бы еще более значительным, если бы все советские доклады были переведены на один из рабочих языков конгресса - английский или французский. В целом ряде секций, рабочих групп и других звеньев конгресса огромный интерес зарубежных социологов, особенно из стран «третьего мира», к Советскому Союзу, к его общественно-экономической жизни, решению национального вопроса, опыту языкового строительства, наконец, вообще к советскому образу жизни, не был

полностью удовлетворен лишь потому, что доклады, отпечатанные только на русском языке, оказались труднодоступными для зарубежных коллег. Учитывая постоянно растущий интерес за рубежом к нашей стране, советские общественные науки, в том числе социология и этнография, должны не

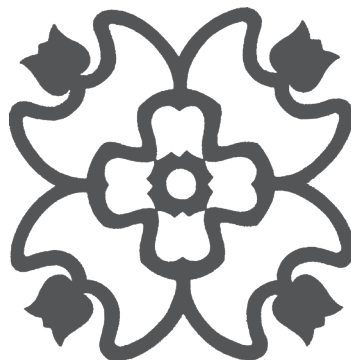
только широко пропагандировать советский опыт и успехи Советского Союза в изданиях на русском языке, но и помочь преодолеть языковой барьер всем тем, кто искренне желает знать правду об СССР, кто намерен идти по пути прогресса, используя при этом и достижения советских общественных наук.

(Endnotes)

¹ Сам Д. Белл не присутствовал на конгрессе, но его доклад «Постиндустриальное общество: технократия и устройство» был распространен среди делегатов. Д. Белл приверженец концепции «деидеологизации», т. е. предлагает основные социологические проблемы рассматривать вне идеологии социализма и капитализма. Этим он идентифицирует социальные процессы в капиталистическом и социалистическом обществах.

² «Против расизма», М., 1966; «Документы облегчают расизм», М. 1968; «Нет - расизму», М., 1969; Мартин Лютер Кинг, Есть у меня мечта, М., 1970, «Народы против расизма», М., 1970; «Кубанские станицы», М., 1967; Ю. В. Арутюнян, Опыт социологического изучения села, М., 1968; его же, Колхозное крестьянство в годы Великой отечественной войны, М., 1970; В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969; Я. Р. Винников, Экономика, культура и быт туркменского крестьянства, М., 1968; «Быт и культура народов Северного Кавказа», М., 1968; «Этнографическое изучение узбекского сельского населения», М., 1969; «Этнические процессы в странах Зарубежной Европы», М., 1970; несколько номеров жури. «Советская этнография» и многочисленные оттиски статей, освещающих ход и направление современных этнических процессов в СССР.

Впервые опубликовано в журнале : Советская этнография , 1971, №3, с.135-142

В ПОИСКАХ НОВЫХ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ПРАКТИКИ

В соответствии с решениями XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции и рекомендациями других политических документов КПСС в институтах АН СССР были предприняты определенные усилия по развертыванию исследований современных национальных процессов, в том числе по подготовке аналитических разработок к Пленуму ЦК КПСС, посвященному совершенствованию национальных отношений. Заметное воздействие на изучение национальной проблематики начинает оказывать предложенная КПСС и ее руководителем М.С.Горбачевым концепция нового политического мышления, предполагающая признание приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. С этой точки зрения, открывается широкая перспектива переоценки прошлой и оценки современной истории национально-освободительных и этнических движений с позиций автономности национального фактора в недрах политических движений и социально-экономических процессов. Соответственно, появляется возможность более точно определить диалектически единое, но противоречивое, порой стихийно складывающееся соотношение между общим и частным, между интернациональным и национальным, между глобальными и, локальными факторами, тенденциями и закономерностями в проявлении национальных процессов.

Новая ситуация, вызванная перестройкой в сфере межнациональных отношений, требует значительной активизации в исследованиях и разработках в области национальных отношений. Между тем приходится констатировать, что сегодня лишь в одном из головных обществоведческих институтов АН СССР - Институте этнографии - Сектором этносоциологии, созданным более 20 лет тому назад, осуществляются конкретные исследования современных национальных процессов. Учитывая кадры, подготовленные в этом отделе для союзных и автономных республик, и исходя из разработанной методологии, методики, инструментального обеспечения этносоциологических исследований, можно было бы его значительно расширить и придать ему наряду с научными и научно-организационные функции для координации исследований в масштабах всех страны.

Незначительные группы специалистов по историческим и философским проблемам национальных отношений, работающие соответственно в Институте истории СССР и Институте философии АН СССР, нуждаются в серьезном укреплении кадрами.

Созданные в 1988 г. в институтах государства и права, а также психологии АН СССР подразделения из-за отсутствия подготовленных специалистов смогут по-

настоящему развернуть исследования не ранее, чем через 2-3 года.

Наряду со структурными подразделениями в академических институтах в системе АН СССР формируется центр по изучению национальных отношений, состоящий пока из восьми сотрудников. Ими разработаны и переданы заинтересованным организациям ряд аналитических записок, в том числе по решению карабахской проблемы, по совершенствованию работы Палаты национальностей Верховного Совета СССР, по созданию представительного – на 300 человек – Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов (при Верховном Совете СССР и одновременно при АН СССР), по совершенствованию национально-государственного устройства, по созданию специализированных комиссий Верховного Совета СССР, в том числе комиссий во делах национальных групп и национальных меньшинств, по совершенствованию национальных отношений и разработке концепции Пленума ЦК КПСС «О совершенствовании национальных отношений в СССР». В настоящее время ведется работа над программой исследований национальных процессов и национальных движений в республиках Прибалтики, подготовлены к изданию ежегодник «Национальные процессы в ГССР - 1988 г.» (объемом 30 а.л.) и сборник статей о двуязычии и многоязычии среди национальных групп СССР (объемом 20 а.л.). К сожалению, из-за слабой оперативности издательств и типографий нет уверенности в том, то обе книги увидят свет накануне Пленума ЦК КПСС по совершенствованию национальных отношений. Центр нуждается в серьезном кадровом и материально-техническом обеспечении.

При обновлении теоретических представлений о национальных процессах нельзя, как прежде, исходить из некоей годной национальной политики, годной везде и на все времена. Комплексное понимание национального фактора предполагает не только наличие всесторонней и органической связи с экономикой, политикой и идеологией, но и известную автономность. Именно ею, этой

автономностью, можно объяснить отсутствие прямолинейных; однозначных корреляций, например, между национальным и экономическим факторами.

Опыт развития национальных процессов 1988 г. пододвинул нас к пониманию неоднородности, многовариантности и многоаспектности проявлений национального фактора в современных условиях. И подобно тому как социализм в целом должен изучаться как сложное, противоречивое, плюралистическое общество, так и национальный фактор, понимаемый в самом широком смысле, нуждается в обоснованной концепции с взвешенными научно обоснованными целями и средствами достижения этих целей.

Преодоление однолинейного представления об универсальном, характере национальной политики выдвигается на передний план в предметной области многих гуманитарных дисциплин. Опыт 1988 г. показал, что практика нуждается в новом видении национальной ситуации и межнациональных отношений в различных регионах страны. Неодинаковая численность народов СССР (наций, народностей, национальных групп), разнообразие моделей компактного и дисперсного расселения народов и их групп, различные сроки проживания на той или иной территории, неравномерные темпы социально-экономического и культурного развития, порой весьма отличающийся «стаж» и опыт политического развития – все эти и многие другие объективные факторы предполагают не унификацию национальностей, а их дальнейшую дифференциацию и соответствующее увеличение многоукладности всего нашего «национального хозяйства».

«Каким Вы видите будущее Советского Союза?» – чаще всего спрашивают нас иные зарубежные коллеги. И когда мы напоминаем известную формулу «сильный центр и сильные республики», они продолжают въедливо выяснять, «разве может быть петух одновременно и живым, и жареным». Сегодня необходима острая постановка вопроса, которая позволяет

мобилизовать мысль, понимать истинную глубину проблем. Наше государство многонационально, многонациональны и сами «национальные» государства - все наши 15 союзных республик. И наведение порядка в запущенном «национальном хозяйстве» требует разработать такие демократические механизмы упорядочения межнациональных отношений, с помощью которых удалось бы одновременно преодолеть и чрезмерную централизацию и предотвратить излишние центробежные тенденции. По-видимому, решения надо искать на путях полной инвентаризации всего многообразия национальностей и их многовариантных потребностей и на путях разграничения компетенции центра и мест на основе консенсуса. Судя по опыту первого этапа перестройки, при создании нового механизма управления межнациональными отношениями весьма полезным, вероятно, окажется удачно найденное соотношение широкого самоуправления и самофинансирования республик с их высокой ответственностью перед Союзом и качественное совершенство всех форм национальных автономий: национально-государственных, национально-территориальных, национально-культурных, позволяющее органически гармонизировать частные интересы каждой национальности с общими интересами всего содружества советских народов.

Однако задачи перестройки не сводятся к тому, чтобы только создавать новейшие теоретические концепции. Практика требует обновления всей технологии внедрения теоретических разработок в новую жизнь, продуманной и обоснованной реализации выводов и рекомендаций, сделав их предварительно гласными и доступными как для независимой экспертной оценки, так и для открытого обсуждения общественностью. Словом, существующая ныне связь науки и практики нуждается в перестройке и в обновлении.

В течение 1988 г., как, впрочем, и раньше, в прошлые годы, в Межведомственном научном совете по изучению межнациональных процессов шли горячие дискуссии по самому широкому кругу вопросов, затрагивающих

национальную проблематику. И именно этот жанр работы совета особенно высоко ценился научной общественностью. Доказательство тому - то, что на общественных началах, без дополнительных дотаций Научный совет издал более полутора десятка коллективных монографий на основе проведенных дискуссий и по материалам организованных по его инициативе всесоюзных и республиканских конференций и симпозиумов. Люди шли охотно, бескорыстно, несли свои знания всем.

Однако, где-то начиная со второй половины 1987 г. накал дискуссионных страстей в совете стал незаметно ослабевать. Хотя, казалось, все должно было быть наоборот. Сначала алма-атинский декабрь 1986 г., затем сумгаитский февраль 1987 г. должны были бы подхлестнуть полемический задор участников дискуссии, подбросить дров в костер бурных обсуждений. Случайна ли эта обратная реакция? Думается не случайна.

И причины здесь кроются, конечно, не в том, что добровольные участники жарких споров утратили жар души или потеряли интерес друг к другу, к организаторам сессий и Научного совета. Представляется, что многое объясняется девальвацией заключительного этапа нашей технологии, обеспечивающей связь науки и практики. Специалисты-обществоведы, а в работе Научного совета принимали участие историки, правоведы, этнографы, социологи, этносоциологи, демографы, этнодемографы, филологи, социолингвисты, стали ощущать свое отставание от реальной жизни и от реальных национальных процессов. Рубежом осознания этого отставания были подготовка к XIX Всесоюзной партийной конференции и осмысление итогов ее работы и принятых ею решений, в том числе резолюции по вопросу о совершенствовании межнациональных отношений. В чем заключалось «прозрение» специалистов, проявившееся в охлаждении к дискуссиям в рамках Научного совета? Ответ на этот вопрос более серьезен, чем, скажем, озабоченность о выполнении Научным советом своих многочисленных функций, в том числе по координации исследований по национальным процессам.

В самом деле, перестройка вызвала к жизни резкое ускорение современных национальных движений и вместе с тем обнажила разную меру и различный уровень подготовленности нацией, народностей и национальных групп к восприятию неординарных перестроечных целей, идей и задач. Обществоведы в области национальной проблематики и раньше не успевали следить за ходом событий. Не было ни точности, ни масштабности, ни оперативности в освещении сути и содержания национальных процессов. Никому в голову не приходила самая тривиальная мысль создать, например, хронику национальных процессов в СССР, которая могла бы служить одновременно и информационной базой для исследователей, и ориентиром для политиков и практиков. Материалы конференций и дискуссий при плановой медлительности наших академических и неакадемических издательств устаревали, не успев стать публикацией. В свое время это было терпимо. Когда публикуются итоги основательности исследований, такая «проверка временем» от письменного стола до прилавка магазина - тоже нужна. Но динамизм и неотложные дела перестройки несовместимы с этой медлительностью. Нужны иные формы связи исследователей между собой, с инстанциями и с практическими ведомствами и, наконец, самое главное с народом. Надо, чтобы выбор пути, выражение того, чего мы хотим, апробировался пробудившимся к общественной жизни народом.

Словом, резкому ускорению перестройки нужны своевременная, обстоятельная информация, о чем писал недавно академик В.Н.Кудрявцев (Коммунист, 1989, № 3, с.3-13), а также новые идеи и конструктивные предложения. В преддверии Пленума ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений предприняты определенные усилия по обеспечению специалистов не публиковавшимися до сих пор материалами переписи населения. Нетрудно предположить, что Госкомиздат скорее всего пойдет по пути публикации сводных данных о национальностях СССР в целом по стране. Между тем сейчас, вслед за активизацией национальных движений начали серьезно ставиться вопросы об

удовлетворении самобытных интересов и потребностей многих национальных групп, нужны не сводные данные, а материалы по отдельным национальностям в республиках, областях и даже в районах. Однако расширение одной только информационной базы – тоже совершенно недостаточно. Чтобы обеспечить успех перестройки, надо найти новые возможности для более полного учета общественного мнения и выводов специалистов.

Выход может быть один: обратиться к газетам. Однако большинство московских специалистов на своем опыте испытали, что пробиться с теоретическими или дискуссионными статьями в центральные газеты не так просто. Пока такую статью согласуют со всеми видимыми и невидимыми инстанциями или статья устареет, или автор охладает, или поезд уйдет.

Между тем в освещении национальной проблематики образец оперативности показывают издания некоторых национальных движений. Но делают это они иногда под очень специфическим, порой неприемлемым углом зрения. Так, например, две секции Советской социологической ассоциации («Этнической социологии» и «Этнополитологии») 19 января 1989 г. провели совместный «круглый стол» по теме: «Суверенитет республики и целостность федерации». И пока сами организаторы готовили собранные мнения и материалы к публикации, «Согласие» – издание литовского движения за перестройку – в № 2 от 2 февраля 1989 г. опубликовало часть материалов этого «круглого стола». Сообщение о «круглом столе» вынесено на первую страницу газеты. Подчеркнуто, что в его работе приняли участие делегации Эстонии, Латвии, Молдавии, Белоруссии, Азербайджана. Не указано, что дело происходило в Москве и по каким критериям подобраны материалы для публикации. Вызывает недоумение и сама композиция материалов, и подача их под названием «Как перестроить Союз ССР», над картой – схемой Советского Союза, разорванной на несколько частей и скрепленной булавками. Возникает вопрос: разве организаторы «круглого стола» ставили перед собой задачу

обсудить вопросы о том, как «перестроить СССР, допуская, что он разорван на шесть кусков?» Если не ставили и если не к этому сводилась их задача, тогда на каком основании газета «Согласие» была правомочна в таком тенденциозном духе освещать ход событий. Дело здесь не в ее позиции, а в том, что она чужую позицию — в данном случае позицию Советской социологической ассоциации — интерпретирует не совсем, мягко говоря, корректно. Ради чего? Какой из этого следует вывод? Только один. Наши центральные органы печати серьезно отстают от требования общественности всесторонне знать реальную ситуацию и реальные процессы в сфере межнациональных отношений. Этим искусственно создается информационный дефицит. Образующийся вакуум оперативно заполняют средства информации неформальных организаций, но делают это по-своему, в своих интересах, не всегда считаясь с интересами всех читателей многонационального государства. Жаль, что никто не подсчитал, в какой мере наши центральные газеты дублируют друг друга, многократно тиражируя одни и те же материалы. Между тем, куда как полезнее было бы даже если не создание нового издания, посвященного систематическому освещению жизни национальностей (наций, народностей, национальных групп), то хотя бы выделение в той же «Правде» на базе той же рубрики «СССР – наш общий дом» специальной ежедневной полосы, со специальным штатом компетентных сотрудников для целенаправленной публикации хроникальных и иных материалов о национальных процессах. В соответствии с социальным заказом многие специалисты представляют свои идеи, соображения, выкладки, предложения своим «социальным заказчикам». Однако формы и механизмы институционализации этого первостепенной важности задания не отработаны. Какова технология этих разработок? Как они делаются? Нескольким специалистам дается задание. Из представленных ими материалов составляется текст, редактируется, обсуждается, подкрепляется сопроводительным письмом и доставляется заказчику. Обратная

реакция - от заказчика к исполнителю, как правило, не проявляется. В институте, где работают специалисты, эта работа чаще всего не фиксируется, не отмечается, как правило, остается без внимания. В итоге исполнитель вместе с потерей авторства теряет меру своей ответственности за свое конкретное предложение. Анонимные коллективные разработки, хороня авторские идеи в «братскую могилу» (имеется в ходу между специалистами и такой термин), одновременно лишают их ответственности за свои идеи и предложения. В итоге растет легковесность научных разработок, падает их цена, снижается научное значение, авторитет науки в выработке основ национальной политики.

Бесспорно, коллективный разум партии нужен. Но не надо сваливать предложения генераторов идей в «братские могилы». Надо бы понять, что обезличенные идеи легко становятся добычей политического плагиата и некоторые неформальные движения, умышленно или бессознательно идеи партии слегка модифицируя, присваивают себе, наживая на этом капитал первопроходцев. Так, например, в резолюциях, принятых некоторыми московскими неформальными движениями в 1988 г., декларируется как некая сенсационная новинка и как особая позиция призыв отказаться от фиксации национальности в паспорте. Между тем это предложение, наряду со многими другими, было отправлено из Института этнографии АН СССР в директивные органы в конце 60-х - начале 70-х годов авторским коллективом, работавшим под руководством Ю.В.Арутюняна, а в начале 80-х годов эту идею активно поддержал В.И.Козлов.

Еще один порок системы «братских могил» состоит в том, что отсутствие двусторонней связи между заказчиком и исполнителями расхолаживает волю, энергию, внутреннюю дисциплину и ответственность ученых. И дело не в том, что исполнители ждут похвалы. Но когда «сверху» ему даже не подтверждают сам факт получения того или иного материала - это ведет к снижению ответственного отношения к идеям и социальным заказам.

Сейчас очень популярными стали всевозможные «круглые столы». Отчеты руководителей некоторых ведомств порой так и начинаются: «Со времени XXVII съезда, XIX партконференции, навстречу Пленуму ЦК КПСС, мы провели столько-то «круглых столов», посвященных совершенствованию международных отношений,» Для мозговой атаки специалистов по национальному вопросу собирают в научных, общественных и иных учреждениях и ведомствах. Кажется, техника позволяет все эти разговоры более или менее полно зафиксировать. В ряде случаев так и делается. Но конечный итог снова оборачивается расхолаживающей обезличкой. Похоже, в общественном сознании стал укрепляться приоритет диалогических форм обмена мнениями между учеными перед традиционными монологическими, когда с трибуны тоскливо зачитывались безответные доклады. Однако одно дело устное выступление, другое - написанный документ.

Для того, чтобы дискуссии были плодотворными, надо, чтобы их участники избавились от схоластики и опирались на конкретику. Для этого нужна пища для ума - обширная информация, отражающая взаимосвязь общественных и национальных процессов, вскрывающая политические, демографические, экологические, социально-культурные и картографические аспекты состояния дел в нашем «национальном хозяйстве».

Первоначально предполагалось, что основу сборника должны были составить выступления участников секции «Проблемы совершенствования международных отношений в СССР», организованной Межведомственным научным советом по изучению национальных процессов и Центром по изучению национальных отношений АН СССР в рамках Всесоюзной научно-практической конференции «Через перестройку - к новому облику социализма: теоретические и методологические проблемы общественных наук». Эта конференция была организована АН СССР, ИМЛ и АОН при ЦК КПСС, Всесоюзным домом политического просвещения при ЦК КПСС 25-26 января 1989 г. Руководители секции обратились к ее участникам с просьбой по-

пытаться построить свои сообщения таким образом, как будто бы им предоставлена возможность выступать с трибуны предстоящего Пленума ЦК КПСС по совершенствованию национальных отношений, и надо ответить на один единственный, извечный для нашей интеллигенции вопрос, что делать, чтобы улучшить состояние дел в международных отношениях. Многие выступавшие именно так и поступили, хотя, к сожалению, далеко не все представили письменные тексты. В итоге в сборник включены выступления Я.С. Бролиша, Л.М. Дробижевой, Б.Б.Задарновского, М.В. Иордана, Я.К.Рибане, В.Н.Стати, П.Т.Тимофеева, близкие по жанру к обычным аналитическим запискам материалы Э.В.Тадевосяна, А.А. Прусаускаса, Р.Р. Рахимова, М.Н.Губогло.

Разновидность независимой вневедомственной экспертной оценки ситуации в тех или иных участках и аспектах современных национальных процессов представляют материалы М.С.Джунусова, Е.А.Кузаковой, а также полученные ответы на вопросы экспресс-опроса, проведенного осенью 1988 г. центром по изучению национальных отношений АН СССР (г. Ю.Бурмистрова, В.И.Пароль, Н.А.Айвазян, М.А.Сайдашева, В.В.Мархинин, П.В.Терешкович, А.Ю. Ибрагимова, З.А.Арифханова).

В отличие от «независимых» экспертных оценок часть предложений по совершенствованию международных отношений прислана в центр от научных учреждений, в которых работают авторы предложений. Таковы, в частности, предложения, заверенные Отделом этнографии и искусствоведения АН Молдавской ССР (Г.А.Гайдаржи, С.С.Курогло, М.В.Маруневич), Батумского НИИ им. Бердзенишвили АН Грузинской ССР (Д.А.Хахутайшвили, З.О.Тандилава, Г. Я. Чаганова, Н.А.Кахидзе, Н.К.Чхаидзе), резолюция упомянутого выше «круглого стола»: «Суверенитет республик и целостность федерации» (И.А.Гришаев, Л.М.Дробижева, В.К.Малькова, Г.В.Старовойтова) и некоторые другие.

Анализируя предлагаемые ниже материалы, читатель поймет многое: и неодинаковый размах авторской мысли, и

далеко не равновеликие по масштабности предложения, по охвату явления. Дело не в этом. А в том, что сказанное здесь слово придет и уйдет в историю Пленума ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений, и размышления специалистов накануне Пленума станут свидетельствами перестройки. И каждый подписанный авторский документ будет отражением того, как проснувшаяся духовная энергия мобилизуется, чтобы служить укреплению нашего общего дома. И надо, чтобы каждый автор, независимо от титулов и чинов, от места работы и занимаемой должности, мог руководствоваться только одной мерой, мерой ответственности перед обществом. И

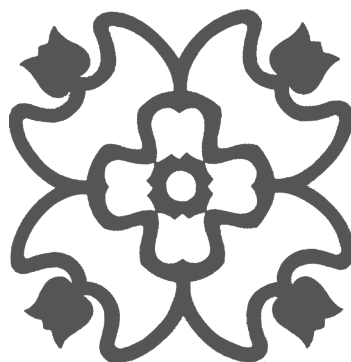
понимая эту ответственность, мог вслед за поэтом сказать:

*«Зато и впредь как были - будем, -
Какая вдруг ни грянь гроза –
Людьми из тех людей, что людям,
Не пряча глаз, глядят в глаза».*

(А.Твардовский)

И совсем не обязательно, чтобы каждый с каждым согласился. Важен результат, в котором все специалисты заинтересованы: найти верные пути, способы и механизмы, способствующие противоречивым процессам национальной консолидации и процессам межнациональной интеграции. И в теории, и в живой жизни. М.Н.Губогло

Впервые опубликовано в: «Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М. 1989, с. 7-18

О СОЗДАНИИ ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРА НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Совершенствование экономических, государственно-правовых, социально-культурных, языковых и психологических аспектов межнациональных отношений, укрепление братской дружбы народов СССР является одной из основных задач социальной политики КПСС, важной стороной демократизации, гуманизации социалистического общества, его обновления в ходе перестройки. Но для того, чтобы перестройка двигалась дальше, надо не только восстанавливать и «поправлять видение прошлого», но и хорошо знать настоящее, думать о будущем, предвидеть ход и направление национальных процессов завтра и послезавтра, прогнозировать их состояние, характер, последствия. Все это не под силу тем мелким структурным подразделениям, которые теперь в системе различных институтов заняты полукустарной разработкой национальной проблематики. Со всей решительностью об этом заявила XIX Всесоюзная партконференция, указав в резолюции «О межнациональных отношениях» на необходимость создания на общегосударственном уровне научного центра по комплексному изучению актуальных проблем национальных отношений и расширения научно-исследовательской и информационной работы в этой области.

Активное и целенаправленное осуществление национальной политики, сочетание в

национальной сфере тенденций дальнейшего развития национальностей и углубления интеграции, огосударствления и разгосударствления управленческих форм, нуждается в глубоком и всестороннем научном обосновании. Решение целого комплекса теоретических и прикладных задач возможно только при достаточном организационном, материальном и кадровом обеспечении на общегосударственном уровне. По существу наша многонациональная страна нуждается в едином межведомственном институте, объединяющем в своем составе практиков, ученых и педагогов. Совершенствование межнациональных отношений, укрепление взаимодействия теории и практики при осуществлении национальной политики нуждается в широкой информационной базе и в специализированных научных разработках. Для осуществления этих многообразных по содержанию и многоцелевых по функциям задач требуется авторитетный орган, объединяющий усилия специалистов, общественных деятелей и практиков различного профиля. Таким органом мог бы стать Всесоюзный центр научно-прикладных исследований национальных процессов при каком-либо высшем органе власти страны: при Верховном Совете СССР или при Совете Министров СССР. Эта идея в самом общем виде уже высказывалась накануне XXVII съезда КПСС в журнале «Коммунист». Соответствующие

предложения неоднократно звучали с трибуны XIX партконференции, со страниц широкой печати. Такого центра пока нет, но первые шаги уже сделаны. При Президиуме АН СССР создан Межведомственный научный совет по изучению национальных процессов (председатель - Ю.В.Бромлей). В его составе наряду с известными специалистами в области национальных отношений - демографами, историками, литературоведами, социологами, экономистами, этнографами и языковедами - представители ряда центральных учреждений и ведомств, практическая деятельность которых и не может осуществляться без учета национального фактора.

При Секции общественных наук Президиума АН СССР на базе Института этнографии АН СССР формируется центр по изучению национальных отношений, созданный в соответствии с идеями XXVII съезда КПСС. Однако выделенные этому центру 10 ставок не решают проблемы. Опираясь на квалифицированный потенциал уже имеющихся специалистов, а также расширив подготовку молодых специалистов по национальной проблематике, надо сделать еще один шаг - создать аналогичные вышеназванным структурные подразделения в республиках. Но и этого мало.

Стране нужен Всесоюзный центр научно-прикладных исследований национальных процессов. Он возьмет на себя организацию и осуществление оперативных исследований актуальных проблем, возникающих в ходе современных национальных процессов, изучение и участие в формировании общественного мнения относительно готовящихся решений инстанции и реакции на них, выявление социальных потребностей национальностей и групп населения в разнообразных сферах и ситуациях, анализ состояния разработки национальной проблематики в республиках, непосредственное участие в разработке научных основ национальной политики КПСС, подготовку обзоров зарубежной литературы в области национальных отношений.

Свою деятельность Всесоюзный центр может разворачивать на основе концепции национального фактора. Такой концепции в природе не существуете. Вероятно, она может

быть создана только объединенными усилиями специалистов различных отраслей знаний. Методологическим ориентиром для ее создания может служить идея о всестороннем учете и адекватной состыковке динамично меняющихся национальных и общесоюзных потребностей. Эта идея принадлежит В.И.Ленину.

На основе указанного ориентира и двуединого социального заказа - учет национальных и общесоюзных интересов и потребностей - может быть разработана система прикладных, задач. Всякое развитие есть преодоление противоречий. В национальной сфере противоречия рождаются во «взаимодействии» двух тенденций - развития и сближения национальностей, Настала пора менять наше понимание отношений между ними.

Значительно расширив историческую перспективу проявления этих двух тенденций, мы уже сделали шаг вперед от бесплодных дискуссий застойного времени о приоритетности одной из них. Следующий шаг - это признание того, что существование этих тенденций не протекает без противоречий и без борьбы. Следовательно, если рассматривать систему прикладных задач крупным планом, то надо выделить по крайней мере три типологические группы противоречий: 1) между развитием отдельных национальностей и многонациональным содружеством; 2) между формированием и реализацией национальных и общесоюзных интересов и потребностей; 3) между коренной нацией или национальностью, имеющей свое национально-государственное образование, и народностями и национальными группами, проживающими в данной республике без наличия какого-либо национально-автономного образования. Пока есть национальности и пока они живут под одной крышей многонационального государства, всегда будут иметь место неравномерные темпы экономического и социально-культурного развития. В них и заложен источник межнациональной напряженности. Путь к упрочению внутреннего единства только один - через преодоление этих противоречий.

Преодоление противоречий в национальной сфере может быть достигнуто путем установления полного равноправия взаимо-

действующих национальностей и построения отношений между ними на естественной, подлинно демократической, интернационалистической и закреплённой законами основе.

Для преодоления требуется единая национальная политика, но осуществляемая с учётом национального своеобразия всех регионов страны и направленная на дальнейшее развитие и совершенствование сложившихся межреспубликанских, хозяйственных, научно-технических и культурных связей, на более полное использование преимуществ внутрисююзного разделения труда. Многое зависит от масштабов гласности. На эту важнейшую предпосылку серьёзное внимание было обращено на XIX партконференции. «Трудящиеся должны полностью быть в курсе того, – говорил М.С.Горбачев, – как развивается их республика и какое место она занимает в народнохозяйственном комплексе. Они должны знать, как живут и развиваются не только их соседи, но и все республики страны»¹. Сегодня даже при первом приближении обнаруживается, что наличие или отсутствие национально-государственных образований, не вполне определённый или неодинаковый статус уже имеющихся образований даёт известные привилегии одним национальностям и тем самым служит тормозом для демократического решения проблем в национальной сфере. Между тем не должно быть никаких сомнений в том, что законность и право должны выступать не только факторами стабилизатора социальных отношений и социального прогресса, но и активными стимулами совершенствования национальных отношений на основе надёжной и прочной законности. Если мы хотим обновлять наши представления о социализме, мы не можем пройти мимо ленинских заветов о незыблемой правовой основе национальных процессов, о разработке кодекса правил межнациональных отношений.

Требуют серьёзной проработки внутри и межреспубликанские экономические взаимосвязи, отчисления в госбюджет, ценообразование, условия, сроки и механизмы перехода республик на хозрасчётные начала, увеличение вклада всех национальностей в единый народнохозяйственный комплекс,

обеспечение трудовыми ресурсами отраслей хозяйства и районов, так как именно в сфере экономики сильны факторы, «влияющие как на возникновение, так и на преодоление конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях. Пример тому – «теневая экономика» и ее последствия в некоторых южных республиках.

В связи с тем, что мы серьёзно отстали от мировой практики в анализе политических аспектов национальных движений, национальных процессов, требуется провести серию фундаментальных и прикладных исследований по государственно-правовым вопросам, включая разработку и уточнение правовых основ, национально-государственных, национально-территориальных и национально-культурных образований, разработать рекомендации по созданию новых национально-территориальных единиц, ликвидации отживших автономий, уточнению их юридического статуса.

Советское общество остро нуждается в глубоких разработках вопросов развития и взаимодействия культур и языков народов СССР, включая формирование фондов национальных культур, средств тиражирования, технической оснащённости культурной экологии, улучшение условий доступа к культурным ценностям своей национальности и других национальностей всем гражданам СССР.

В некоторых республиках проявила себя вредная практика отрицательного отношения к тенденциям интернационализации и факторам, благоприятствующим этому общемировому, по сути прогрессивному процессу. Особую активность в этом отношении проявляют некоторые республиканские молодежные журналы, выступающие с серией провокационных материалов, дискредитирующих такие прогрессивные в условиях многонациональной страны явления, как двуязычие, выступающее в Советском Союзе фактором, механизмом и результатом процессов интернационализации, важным инструментом укрепления интернационального единства народов, стабилизации политической, идеологической и оборонной мощи нашего государства. От ученых ждут серьёзных разработок социальной значимости реальной роли

двуязычия в жизни всех наций, народностей и национальных групп, места двуязычия во всех сферах советского образа жизни, разоблачения некомпетентных высказываний некоторых публицистов.

Специального изучения требует вопрос о факторах роста национального самосознания, о всех формах, ситуациях проявления национализма, экстремизма, изоляционизма и местничества. Плохо разработаны теория и практика интернационального воспитания в связи с новым мышлением, в условиях гласности, перестройки, демократизации.

Движения за национальные и языковые права, развернувшиеся в современном мире, - особая тема. И здесь мы серьезно отстали. Тем более уместно вспомнить ленинский принцип «безусловного равноправия наций в государстве и безусловного ограждения прав всякого национального меньшинства» (В.И. Ленин. ПСС, т. 23, с. 209) и его требование «ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно... Тут потребуются детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике» (В.И. Ленин. ПСС, т. 45, с. 361).

Создание Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов выдвигает на передний план особые задачи по коренному улучшению координационной деятельности, призванной обеспечить связь науки и практики, ориентировать исследовательские коллективы на разработку приоритетных направлений, устранить мелкотемье и дублирование, преодолеть присущие работам по национальной проблематике в застойные годы задравность и формализм и внутриведомственный изоляционизм. Повышение уровня координационной деятельности позволило бы мобилизовать значительные силы по подготовке серии книг, посвященных всесторонней характеристике наций, народностей и национальных групп СССР, разработке словарей, понятийно-терминологических и энциклопедических справочников, учебников и учебных пособий по истории и

этнографии народов, сборников материалов и документов; по выявлению роли и эффективности исторической литературы, в том числе школьных учебников, а также средств массовой коммуникации в интернациональном воспитании, в формировании национального самосознания и одновременно принадлежности к многонациональному советскому народу; по созданию (совместно с заинтересованными учреждениями, например с Госкомстатом) солидной информационной базы. О последнем аспекте надо сказать особо. Оценка межнациональных отношений, обусловленных историей национальных процессов, должна основываться на прочном информационном фундаменте. Состояние последнего есть решающее условие работы каждого исследователя независимо от того, как формируется «банк данных»: из официальных публикаций государственной статистики, научной литературы или, наконец, по материалам специально организованных исследований. В связи с этим еще одна задача Всесоюзного центра будет заключаться в пополнении «банка данных» не только статистическими материалами, но и своего рода «концептуальными полуфабрикатами», т.е. новыми идеями, предложениями, успехами в революционном обновлении, в улучшении климата и культуры межнациональных отношений.

Снятие ограничений с разработки национальной проблематики выявило острейший дефицит кадров в этой области. Вместе с тем в большинстве союзных республик немало имеется специалистов высокой квалификации в области истории, этнографии, социологии, языкознания, часть из которых, особенно из числа молодежи, могла бы, переключившись, более целенаправленно заняться исследованием современных национальных процессов. думается, что решительный вклад в изучение национальных процессов, проявляющихся сегодня на разных уровнях - на личностном, на межреспубликанском и на возросшем в условиях перестройки уровне общенационального движения, - должны внести республиканские научные коллективы.

Сегодня едва ли не самый большой вопрос - подготовка кадров по национальной проблематике. Формирование корпуса квалифици-

рованных экспертов - исследователей национальных процессов, способных всесторонне анализировать этнополитическую национально-языковую ситуацию в стране и в современном мире, грамотно формулировать сущность межнациональных отношений, обсуждать и предлагать ответственные рекомендации, - задача колоссальной важности.

От потенциала этих кадров, представленных не только в Академии наук и в вузах, но и во всех министерствах и ведомствах, непосредственно имеющих дело с национальным фактором, зависит как судьба перестройки, так и судьба социалистического способа решения национальных проблем в многонациональном государстве. Во всех цивилизованных странах мира давно перешли к ранней специализации молодежи, т.е. к подготовке будущих специалистов со школьной скамьи. В нашей многонациональной стране нет даже намека на то, чтобы школьное образование давало сколько-нибудь удовлетворительные знания по теории национальностей, национальных процессов и особенностей жизни в однопациональном и многонациональном государстве.

Совместное проживание национальностей под единой крышей – будь то СССР в целом или под единой крышей каждой республики с это наше главное богатство. Нам надо его беречь и преумножать. И если мы хотим, чтобы в формировании национального самосознания не было перекосов, не возникало пустот, нам надо, чтобы дети с первого школьного звонка знали, что они живут в многонациональной республике и что надо уважать опыт истории и образ жизни других народов.

Среднее специальное и вузовское образование в целом тоже не способствуют подготовке кадров по национальной проблематике.

Поэтому надо, чтобы в рамках Всесоюзного центра целенаправленно, через аспирантуру и докторантуру, готовились специалисты высокой квалификации по национальной проблематике для различных отраслей народного хозяйства СССР. Одновременно надо, чтобы и в ведущих университетах страны была расширена специализация студентов старших курсов в области межнациональных отношений.

В соответствии с обозначенными выше задачами и функциями Всесоюзный центр научно-прикладных исследований национальных процессов мог бы иметь двойное подчинение - Верховному Совету СССР (или Совету Министров СССР) и президиуму Академии наук СССР - и иметь в своем составе следующие структурные подразделения:

I. Отдел теории национальностей и национальных процессов, состоящий из проблемно ориентированных исследовательских секторов, в том числе:

1. Общих проблем.
2. Истории национальных процессов.
3. Государственно-правовых аспектов национальных отношений.
4. Экономических аспектов национальных процессов и проблем трудовых ресурсов
5. Социальной структуры национальностей.
6. Национальных аспектов демографических процессов
7. Культуры и быта.
8. Национально-языковых процессов.
9. Национально-психологических процессов,
10. Межнациональных конфликтов.

II. Отдел прикладных исследований мог бы состоять из секторов:

1. Национальных проблем русских,
2. Национальных проблем нерусского населения РСФСР,
3. Национальных проблем народностей Севера и Дальнего Востока.
4. Национальных проблем Прибалтики и Молдавии.
5. Национальных проблем Украины и Белоруссии.
6. Национальных проблем Кавказа.
7. Национальных проблем Средней Азии и Казахстана,
8. Национальных проблем национальных групп.
9. Интернационального воспитания.

III. Координационный отдел должен включать секторы:

1. Национально-государственных образований.
2. Национально-территориальных образований.

3. Национально-культурных образований.
4. Неформальных организаций и движений.
5. Межведомственных комиссий.
6. Связи с министерствами и ведомствами,
7. Связи с творческими союзами.
8. Связи со средствами массовой коммуникации.
9. Организации и планирования внутрисоюзных междисциплинарных исследований межнациональных отношений.
10. Организации и планирования международных проектов национальных процессов.

IV. В отделе информационно-методического обеспечения целесообразно иметь следующие структурные подразделения (секторы)

1. Историографии национальных процессов в союзных республиках.
2. Зарубежной историографии национальных процессов в СССР.
3. Сбора, систематизации и обработки массовых данных.
4. Сбора и систематизации концептуальных идей по национальной проблематике.
5. Издательский.
6. Материально-технического обеспечения
7. Хозрасчетных проектов и спецзаказов заинтересованных ведомств.

V. Отдел подготовки кадров по национальной проблеме включает:

1. Аппарат ученого совета.
2. Группу аспирантуры.

3. Группу докторантуры.

4. Группу стажеров.

При необходимости или для более детального обсуждения программы, задач, функций и структуры Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов могут быть даны дополнительные аналитические предложения и рекомендации. Характеристика как достижений, так и возникающих проблем в сфере межнациональных отношений должна быть научной, глубокой, правдивой и полной. Переоценка или недооценка трудностей, искусственное форсирование или торможение национальных процессов, лакировка их в равной степени недопустимы.

В усиленном внимании КПСС и Советского государства к межнациональным отношениям заложен глубокий гуманистический смысл. Отдачей этому вниманию будет их прогрессивное обновление и оздоровление. И людям всех национальностей, к какой бы форме общности они ни принадлежали – нации ли, народности ли, национальной группе – должны вернуться подлинное чувство хозяина, вера в демократические и интернационалистические принципы нашего образа жизни. Возвращение чувства хозяина своей судьбы – еще одна предпосылка свободного развития и единения всех национальностей Советского Союза, укрепления могущества нашего социалистического Отечества.

¹ Правда, 1988, 20 июня

Впервые опубликовано в книге: «Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР, Москва, 1989, с.94-104

ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СССР

Сегодня каждый из нас задумывается над тем, кто он есть и каков народ, к которому он принадлежит. Оглядываясь на день вчерашний и заглядывая в завтрашний, мы мучительно избавляемся от мрачного балласта гражданского и духовного оцепенения. Нам вселяет надежду мужество тех из нас, кто, освободившись из железных объятий страха и омертвления, начинает ощущать стыд и боль за былое равнодушие ко всему и ко всем. Это значит, что мы – граждане, что нынешние споры о национальном языке, культуре и истории, алфавите и гимне, флаге и экологии, гражданстве и достоинстве открывают мало-по-малу глаза даже тем незрячим, кто за деревьями всё ещё не видит леса.

На этом приходится останавливаться по той причине, что иные специалисты в области межнациональных отношений до сих пор, не утруждая себя трудоёмким и кропотливым сбором эмпирических данных, пытаются по привычке сочинять характеристики «текущего момента», «нынешней политической ситуации» простым наработанным в застое способом – подбором связки звенящих цитат. Понятно, что подобные приёмы далеки от науки и от нового мышления. Более того, они прямо противоположны традиционному требованию конкурентного анализа конкретной ситуации, прямо противоположны не только

букве, но и духу перестройки в изучении современности.

Для современного анализа национально-политической ситуации надо иметь более или менее полное представление об основных компонентах (действующих силах) ситуации, о характере макро- и микросреды, в которой эти силы действуют, о надёжности информационной базы с качественной и количественной точек зрения и, наконец, о методологической и инструментальной оснащённости, т.е. о подходах к теме, подступах к её расшифровке.

У нас нет пока возможности содержательно рассмотреть многовариантность национально-политической ситуации, многообразие и динамизм национально-политических процессов. Продолжаются процессы национальной консолидации и политической дестабилизации; в формировании общественных движений, в появлении новых протопартий и партий, в выходе на сцену межнациональных взаимодействий и политических отношений новых и новых национальных меньшинств, далеко не всё поддаётся не только осмыслению, но и достаточному информационному обеспечению. Поэтому нашу задачу в данном случае мы видим не столько в том, чтобы отвечать на вопросы, а в том, чтобы ставить их.

О контурах предметной области этнополитических исследований

*И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, -
Не сходим ли с ума мы в смене пёстрой
Придуманных причин, пространств, времён.*

А.Блок, 1912 г.

Попытаемся определить контурные границы новой предметной области науки – этнополитологии. Какие будут всходы в этой области – покажет время.

Первым шагом на этом пути представляется определение компонентов этнополитической ситуации, или объекта исследований. «Прежде чем выяснить, каков предмет, - предупреждал Аристотель, - надобно установить, существует ли он». Вторым шагом может стать выделение проблемных ситуаций, третьим – выбор методики, средств и способов создания информационной базы и изучения объекта.

Совершенно очевидно, что одной из центральных тем этнополитологических исследований должно стать изучение современных национальных движений. Работы здесь непочатый край. Дело в том, что за внешне сходной формой народных фронтов, которые воспринимаются как национально-освободительные движения национального возрождения, кроются подчас далеко не одинаковые цели и стремления.

Вместе с перестроечными процессами в стране началось новое осмысление всего, что происходит в нашем многонациональном доме, пришло время воскрешения надежд. В этом отношении ещё один истекший год перестройки был чрезвычайно знаменательным. Нам ещё предстоит серьёзно разобраться в том, что он дал национальным и политическим процессам. По мере социального «вызревания» общественных, в том числе национальных движений в Прибалтике, Молдове, Белоруссии, в республиках Средней Азии, в некоторых автономных республиках отчётливо проясняются их стратегические замыслы и тактические деяния. Даже самый беглый анализ их целей, программ, состава участников, предвыборной кампании, платформ к

партийным форумам даёт основание сделать вывод, что в сфере национальных отношений мы имеем дело с новым витком дальнейшей политизации этнической, в том числе культурно-языковой жизни населения республик.

Новейшие документы дают основание ещё для одного заключения. Параллельно с огосударствлением этничности коренной национальности в союзных республиках, с повышением активности и социальной зрелости национальных движений проявляется себя стихийная, шокирующая теоретиков тенденция к размежеванию населения по национальному признаку, а также навязываемая национальным большинством тенденция разгосударствления образа жизни национальных, меньшинств союзных республик.

Попытки деполитизации зарождающихся движений национальных меньшинств за свое национальное возрождение, попытки парт- и госаппарата союзных республик, порой вкупе с народными фронтами национального большинства, направить энергию и требования меньшинств в русло национально-культурных ассоциаций и обществ представляют собой по сути дискриминационный акт, оттеснение их на второстепенный план современной этнополитической жизни союзных республик. Стержневым аргументом курса на огосударствление национальной политики служат две основные идеи: согласно первой, союзная республика, несмотря на многонациональный состав, представляет собой суверенное национальное государство только одной, давшей ей имя нации; все остальное население, не относящееся к коренной нации, согласно этой точке зрения, лишено права иметь свой этнополитический статус.

Вторая базовая идея заключается в признании того, что территория союзной республики, ее земля и ресурсы принадлежат только одной-единственной нации, имя которой носит союзная республика.

Обо всем этом надо осторожно, старательно и внимательно думать.

Исторические, социально-политические корни курса на огосударствление понятны и вполне объяснимы. Они произросли из пороков административно-командного управления многонациональной страной. Корни - в

той системе бюрократизма, которая отдала землю, воды, воздух республики, историю и судьбу всех населяющих ее народов в проворные руки аппаратчиков из центральных министерств и ведомств.

Вместо национальных интересов приоритетными стали аппаратно-ведомственные интересы, реализуемые в соответствующих распределителях, надбавках к зарплате, внутриведомственных премиях и т. д. Дело шло к тому, что вместо многонациональной мы постепенно превращались в многоаппаратную, мультиведомственную страну.

Справедливая борьба наций против диктата ведомств и министерств, за свое национальное возрождение, за прошлое, настоящее и будущее своей самобытности приняла разнообразные формы и массовый размах. Однако, признавая совершенно справедливой эту борьбу, мы не можем закрывать глаза на то, что справедливая борьба против Центра становится несправедливой, когда она обращена против собственных инациональностей. И как ни парадоксально, огосударствление национальных интересов коренной нации смыкается с командно-административным стилем управления. Коренная нация республики создает новые формальные структуры по обслуживанию преимущественно своих интересов.

Власть, приобретенная не от всего многонационального населения республики, а только от коренной нации, является по существу узурпированной, следовательно, не отвечающей целям демократии. Приобретение этой власти путем борьбы с министерствами где противоправно, между тем как использование ее против национальных меньшинств антигуманно и антизаконно. В этом суть практически непредсказуемого противоречия двух тенденций: огосударствления и разгосударствления национальных интересов большинства к меньшинства. Жизненные потребности инациональностей в союзных республиках остаются беспризорными. Национальным меньшинствам в лучшем случае гарантируется юридическое равноправие. Тезис народных фронтов о реальном равноправии национальностей на первых порах усиливал привлекательность платформ национальных движений. Однако юридическое равноправие

национальностей, как показывает опыт, обрачивается новой социальной несправедливостью: неизбежной фактической дискриминацией меньшинства.

Явления политизации этничности национального большинства и попытки (сверху) деполитизации этничности меньшинства бесспорно усиливают внутреннюю дифференциацию современных этнополитических (национальных) процессов и выдвигают на повестку дня ряд новых исходных принципов их изучения.

Становится все более очевидным, что нельзя анализировать нынешнюю ситуацию в сфере межнациональных отношений, не принимая в расчет многонациональный состав населения союзных республик.

По переписи 1959 г. в 14 союзных республиках (кроме РСФСР) проживало 31,9% некоренного населения, в 1970 г.- 32,8 % , в 1979г. - 32,5%, в 1989 г.- 31,8%.

Многонациональный состав населения союзных республик (около трети населения в которых не относится к союзно-республиканским нациям) создает серьезные проблемы в воплощении декларированного принципа национального самоопределения. Кроме того, национальные движения союзно-республиканских наций вызвали к политической жизни движения национальных меньшинств.

«Возьмем борьбу за суверенитет, – писала популярная газета «Московские новости». – Как ярко отстаивают депутаты-«демократы» Молдавии, Литвы право на национальное самоопределение для молдаван и литовцев! Но какой кукиш получили от них же гагаузы и поляки, когда потребовали добиться национальной автономии!»¹.

Из противоречия между реальностью многонационального состава и желательностью однациональной государственности складывается взрывоопасная этнополитическая ситуация. Пожалуй, без особого преувеличения можно сказать, что это противоречие имеет почти универсальный характер, его не лишены развитые страны старого Запада, новые афро-азиатские государствам присущ он и странам, переосмысливающим построенный ими социализм (достаточно в этой связи напомнить, что 3 тыс. с лишним народов мира

входят в состав немногим более 200 самостоятельных государств).

В ряде случаев многонациональность союзных республик дополняется некоторой неоднородностью населения коренной национальности. Так, исследователи отмечают, что даже среди национальностей, имеющих свою союзную республику и неограниченные возможности для воспроизводства своей этничности, часть населения имеет неустойчивую или частично размытую этничность. Речь идет, в частности, о тех группах населения, для которых родным стал язык другой национальности. По переписям 1970 и 1979 гг. эта доля населения составляла среди русских 0,9%, 1989 г.- 1,00%. Среди нерусского населения СССР в 1959 г.- 12,4%, в 1970 г.- 13,0%, в 1979 г.- 14,4%, в 1989 г. 14,6%. В то же время часть некоренного населения союзных республик была ориентирована на адаптацию в систему национальной культуры и языка союзно-республиканских наций.

Этническое многообразие союзных республик в ходе перестройки дополняется политическим плюрализмом. Процесс этот естественный и закономерный. 1989 год был едва ли не рекордным по части появления на карте страны новых и новых политизированных национальных движений, объединений, партий, блоков, клубов, активно тиражирующих свои программы, уставы, декларации, заявления и прочие политические документы.

24 февраля 1990 г. в Литве были открыты избирательные участки, чтобы в новых условиях многопартийности определить новый состав Верховного Совета республики. На 141 место в законодательном органе претендовало 472 кандидата, в том числе 210 - это члены самостоятельной Компартии Литвы, 78 - члены компартии Литвы на платформе КПСС, 146 кандидатов от «Саюдиса». Наряду с этими крупными общественными силами своих кандидатов выставила партии социал-демократов, демократов «зеленых»; комсомол Литвы².

За два года, истекшие после XIX Всесоюзной партийной конференции, в советской национально-политической ситуации, понимаемой в широком смысле как соотношение и взаимодействие национального и полити-

ческого факторов, произошли кардинальные изменения. Существовавшее в доперестроечное время сочетание национального многообразия и политического единства, жестко зафиксированное двумя соответствующими статьями Конституции СССР 1977 г. (ст. 1 и 6)³, рухнуло, ушло в историю, стало достоянием прошлого. Третий внеочередной Съезд народных депутатов СССР, давший обществу в феврале 1990 г. право на многопартийность, открыл тем самым стране путь к политическому плюрализму.

Если справедлива гипотеза о взаимозависимости разнообразия деятельности людей и социальной структуры общества⁴, то в перечень компонентов многообразия национально-политической ситуации необходимо включить еще две категории: социальный и личностный плюрализм.

Парадигма социального плюрализма, например в понятиях и терминах социальной дифференциации советского общества⁵, не является новой для советского обществоведения⁶, особенно для этносоциологии, в рамках которой была проведена серия соответствующих крупномасштабных исследований. Так, аргументированно проанализированное на конкретно-социологическом материале многообразии культурной жизни народов СССР было предложено в одноименной монографии Ю. В. Арутюняна и Л. М. Дробижевой⁷.

Наряду с национальными движениями союзно-республиканских наций, в значительной мере вызванными на всесоюзную этнополитическую арену деятельностью народных фронтов, в последнее время дают о себе знать и национальные движения некоторых наций, имеющих свои автономные республики.

Дело в том, что перестройка позволила выявить и «обнародовать», что прежний этнополитический статус автономной республики уже не соответствовал интересам дальнейшего развития некоторых многонациональных автономных республик РСФСР. Так, например, правовое положение Татарской республики в составе РСФСР и СССР, предприятия которой ежегодно вырабатывали продукции на 25 млрд руб., не позволяло иметь ни одного республиканского промышленного министерства; кроме того, в Татарии на душу на-

селения приходилось всего лишь 212 руб., в то время как Литва, располагающая примерно такими же территорией и численностью населения и уступающая Татарии по величине национального дохода, имела на душу населения 1500 руб.⁸.

30 августа 1990 г. на сессии Верховного Совета Татарской АССР были приняты постановления о провозглашении государственного суверенитета Татарии, о преобразовании автономной республики в Татарскую Советскую Социалистическую Республику - Республику Татарстан. Иными словами, в Конституции и в других правовых нормативных актах, в этнополитической жизни бывшая автономия будет иметь двойное официальное наименование: «Татарская ССР» либо «Республика Татарстан». В принятом документе о государственном суверенитете всем гражданам республики, независимо от их национальности, социального происхождения, вероисповедания, политических убеждений и других различий, гарантированы равные права и свободы человека. Для многонационального народа Татарстана исключительно важное значение имеет тот факт, что в Декларации признано равноправное функционирование татарского и русского языков в качестве государственных, даны гарантии сохранения и развития языков других национальностей⁹.

На внеочередной сессии Верховного Совета республики Коми также была принята Декларация о государственном суверенитете, согласно которой и у этой республики из ее наименования исчезло слово «автономная», и она отныне будет называться Коми Советская Социалистическая Республика; было внесено предложение считать государственными два языка: коми и русский¹⁰.

В ходе движения общественности Башкирской республики за повышение ее статуса и предоставление ей прав союзной республики в августе 1990 г. были обнародованы три альтернативных проекта Декларации о ее государственном суверенитете. Накануне принятия этого документа на сессии Верховного Совета Башкирской АССР многие вопросы о Башкирии как о субъекте Союза ССР и РСФСР рассматривались и обсуждались в беседах Председателя Верховного Совета

РСФСР Б. Н. Ельцина во время его поездки по России в августе 1990 г.¹¹.

Противоречивые суждения вызвало содержание проекта Декларации о государственном суверенитете Марийской АССР, представленной на сессии ее Верховного Совета. Речь, в частности, шла о том, как совместить противоположные по сути предложения: с одной стороны - об оставлении республика в прежнем «автономном» статусе, а с другой - об объявлении ее суверенным государством с верховенством ее местных законов над законами российскими и союзными¹².

О том, как непросто и противоречиво идут процессы изменения этнополитического статуса автономных республик, с каким трудом дается «перераспределение» компетенции и полномочий между автономной и союзной республиками, о том, какую роль в этих процессах играют народные фронты, свидетельствует многострадальный опыт Абхазии, еще одной республики, ищущей свои пути к достижению национального суверенитета и переходу из автономной в союзную республику. Так, например, Постановление о правовых гарантиях защиты государственности Абхазии и Декларация о ее суверенитете, принятые в августе 1990 г. сессией Верховного Совета автономной республики, через несколько дней были признаны неправомочными Президиумом Верховного Совета Грузинской ССР¹³.

Чрезвычайно односторонне и предвзято освещены в печати (преимущественно в периодической) интердвижения, возникшие в ряде республик на альтернативной основе движениям народных фронтов. И хотя в программных документах интердвижений, образовавшихся на базе русскоговорящего (не обязательно русскоязычного) населения союзных республик, значительное место занимает деятельность за сохранение национальной самобытности дисперсно расселенных национальных меньшинств, не следует упускать из поля зрения и другой момент: противостояние национального меньшинства национальному большинству, монополизировавшему право создавать в республике приоритетные условия, в первую очередь для развития своей национальной культуры.

Неоправданно мало внимания уделяется (как теоретиками, так и практиками) национальным движениям национальных меньшинств. Трагедия последних состоит в том, что они в большей мере подвигнуты к катастрофической грани деэтнизации. Мы должны сегодня признаться в том, что деформация социализма в наибольшей мере проявилась в решении проблем межнациональных отношений, особенно в определении статуса национальных меньшинств. Откровенное преследование венгерского меньшинства в Румынии, турецкого - в Болгарии, преступная индифферентность к положению национальных меньшинств и национальных групп в Советском Союзе¹⁴, - все это звенья одной и той же цепи: откровенной или имплицитно осуществляемой ассимиляторской политики прежних правительств, политики (с подачи «отца народов») исчезновения меньшинств с этнополитической сцены. В 1989 г.

Верховный Совет Литовской ССР отказал в праве на реализацию принципа национального самоопределения 258 тыс. полякам, а Верховный Совет Молдавской ССР - 153 тыс. гагаузам. Несмотря на тот факт, что и поляки и гагаузы прожили не одно столетие в матах нынешнего расселения; им было отказано в праве иметь свое национально-автономное образование. На нелегком пути к правовому государству появились первые жертвы демократии, проявившей себя как диктатура большинства. В полемическом запале лидеры некоторых народных фронтов пытаются повесить на движения меньшинств ярлык антидемократичности только на том основании, что меньшинства не поддерживают эгоистические требования местного национального большинства к Центру.

Центр, занятый собственной судьбой, борьбой с дестабилизацией и центробежными тенденциями, не протягивает руку помощи. В результате 25 млн. русских, последовательно переводимых народными фронтами союзных республик в статус меньшинств, плюс еще 15 млн. человек, проживающих за пределами своих национально-территориальных образований, и, наконец, около 7 млн. человек, вообще не имеющих никаких форм национальных

автономий, предоставлены сами себе в поисках путей национального компромисса.

Позорной страницей вошел в историю Совета Союза Верховного Совета СССР день 24 апреля 1990 г., когда депутаты торпедировали три важнейшие статьи 3-го раздела проекта нового Закона «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР». Вряд ли большинство депутатов осознавали, что, возражая против обретения этнополитического статуса бесстатусными гражданами СССР, они не сократили очаги межнациональной конфликтности, а напротив, подлили масло в огонь.

В Европе, кажется, раньше, чем у нас, глубоко осознали нехитрую закономерность: от статуса, от положения национальных меньшинств зависит прочность социально-политического бытия. В нестабильной ситуации наибольший дискомфорт ощущают меньшинства: национальные, религиозные, расовые и т. п.

Не случайно в наши дни начались лихорадочные поиски рычагов социальной защищенности. Понимание важной роли меньшинств в создании того или иного климата межнациональных отношений привело трезвомыслящих политиков и теоретиков к идее упреждающей разработки правовых гарантий статуса национальных меньшинств в многонациональных государствах современного мира. Широкий общественный резонанс, в частности, получили мероприятия Венгрии по подготовке к широкому обсуждению в апреле 1990 г. ряда юридических документов по правам меньшинств: «Модель устава самоуправления меньшинств», «О национальных, этнических и языковых меньшинствах (Кодекс меньшинств)» и др. О глубоком беспокойстве положением меньшинств в связи с переменами в странах Центральной и Восточной Европы свидетельствует тот факт, что на призыв ученых и общественных деятелей Венгрии откликнулись многие ведущие эксперты мира по национальным проблемам.

Особое место в нынешней этнополитической ситуации занимают совершенно новые для нас общественные движения националь-

но-культурной ориентации. И хотя в их программных установках, формах организации и деятельности много несовпадающих черт, усилия большинства этик движений направлены на создание условий для сохранения национальной самобытности и оптимизацию процессов национального возрождения. Так, например, в течение 1988 г. в Эстонии возникли Армянское культурное общество (Таллинн), Еврейское культурное общество, Таллинское общество ингерманландцев, Тартуское русское культурное общество, Общественный центр русской культуры, Общество охраны памятников русской культуры, Украинское землячество.

В 1989 г. к ним добавились Армянское культурное общество им. Х. Абовяна (Тарту), Азербайджанское культурное общество, Литовское культурное общество, Общество латышей в Эстонии и Общество эстонских шведов, Союз ингерманландцев в Эстонии, Общество прибалтийских немцев в Эстонии, Татарское, Белорусское и Польское культурные общества, Румыно-молдавское культурное общество им. М. Садовяну, Венгерское культурное общество им. Б. Мункачи, Общество корейской культуры, Общество славянских культур, культурное общество «Наследие», культурно-просветительное общество «Светоч», - Белорусское культурное общество «Грюнвальд», Общество украинской культуры (в Тарту).

В идеологии национально-культурных движений национального возрождения, в тенденциях их саморазвития, пожалуй, наиболее отчетливо проявляется хорошо известный и относительно всесторонне описанный на зарубежном материале закон третьего поколения, согласно которому «внуки усиленно вспоминают то, что усиленно пытались забыть деды».

К сожалению, ни идеологии, ни практическая деятельность этих движений пока не изучаются. Исследования в области этносоциологии 1980-х годов показали, что есть методика, способная уловить, каким образом формируются взгляды, позиции и ориентации людей в национальных вопросах. Как эти ориентации проявляются в каждой конкретной ситуации: па работе, в общественной деятельности, в

культурных предпочтениях, в семейном быту, в нормах поведения. Изучение ориентаций поможет понять массовые движения на личностном уровне, в той сфере, где конкретный Иванов реагирует на конкретного Петренко, а конкретный Арутюнян строит свои отношения с конкретным Кикабидзе.

Изучение этнополитических ориентаций позволяет приблизиться к пониманию механизмов регулирования межнациональных отношений. В процессах мобильности (как вертикальной, так и горизонтальной) значительные массы людей меняют привычную среду. Без учета трудностей адаптации к новым условиям трудно представить себе благополучные решения ряда народнохозяйственных, культурно-психологических проблем. Без учета ценностных ориентаций на личностном уровне могут возникнуть трудности в размещении отраслей народного хозяйства, в распределении трудовых ресурсов, в налаживании благоприятного психологического климата в национально-смешанных производственных коллективах.

Поэтому так велика роль научного обеспечения национальной и социальной политики, выявления и взвешенной оценки тех объективных и субъективных факторов, которые определяют ценностные ориентации, а через последние - и характер межнациональных отношений: стабильность или шаткость политического климата, дружелюбность или конфликтность межнациональных отношений.

Смысл выявления ориентаций, их направленности на узконациональные или общечеловеческие дела позволяет ставить и прогностические задачи, в частности определение перспектив этнополитической обстановки с учетом сегрегационистских, сепаратистских, автономистских или интеграционистских тенденций. Понятно, что в основе каждого из обозначенных движений лежат разные условия, разные установки. В одних случаях - это факторы, общие для всех национальностей: экологические катастрофы, стихийные бедствия, засилие бюрократии, гос- или партаппарата, нищета и дискомфорт; в других случаях - факторы, специфические только для данной национальности: например, вос-

соединение двух разрозненных границами частей, реанимация попорченного национального самосознания, восстановление прежнего этнополитического статуса, возвращение на прежнюю территорию обитания и т. п.

Нарастание плюрализма в обществе, увеличение этнического, политического, социального разнообразия выдвигают перед отдельным человеком весьма непростые вопросы соответствующей идентификации. Требуется не только знание и манифестация своей позиции, но и четкая реальная этническая или политическая идентификация.

Нынешний переходный период по сути своей является маргинальным и порождает дополнительное состояние тревоги, беспокойства и неопределенности. Состояние маргинальности не может быть однозначно оценено в разных этнических и политических ситуациях и в различных сферах жизни. В отличие от этнической сферы, где маргинальность может иметь различные, и позитивные и негативные знаки, в политической сфере маргинальность сродни беспринципности. Если человеку природой отпущен значительный потенциал и он, освоив две культурные системы, почти в равной мере удобно себя чувствует одновременно в двух национальных культурах, то ничего дурного в подобном биэтническом состоянии нет. Хуже, когда его маргинальность состоит из осколков двойной полукультуры. В политике же нельзя быть одновременно радикалом и консерватором.

Главное внимание при изучении различных форм маргинальности, их взаимодействия друг с другом может быть сконцентрировано вокруг таких общественно значимых проблем, как выявление факторов возникновения, условий существования и социально-политических последствий маргинализации, влияние маргинального статуса на социальную мобильность и миграционные процессы, наличие в составе различных групп беженцев той или иной доли маргиналов. Известны, например, случаи, когда в условиях этнической поляризации населения в некоторых союзных республиках разваливаются национально-смешанные семьи. Самостоятельный теоретический и практический интерес представляет определение доли маргиналов в эт-

носах и фиксация планки допустимости маргинальности, не несущей реальную угрозу стабильному воспроизводству той или иной, особенно малочисленной этнической группы.

Еще совсем недавно межнациональные браки интерпретировались как убедительный реальный пример интернационализации, свидетельство дружбы народов. В большинстве случаев так оно и было. Симпатии распределялись не по национальному, а по более высокому, общечеловеческому признаку. Сегодня межэтнические конфликты нередко рассекают прочные семейные узы, внося раскол даже в ту сферу, которая создавалась без какого-либо указания сверху, а исключительно по любви и доброй воле каждой семенной пары.

Рамки и масштабы маргинальности в этнической сфере более или менее были известны. Это не только 15,0% национально-смешанных браков в стране, но и значительные контингенты лиц с расплывчатым или двойным национальным сознанием, когда, например, национальность и родной язык не совпадали. Так, по переписи 1989 г. 7,3% населения страны указали родным язык не своей, а иной национальности.

Сегодня, когда как снежный ком нарастает плюрализм гражданских, политизированных движений, особую актуальность приобретает политическая идентификация, политическое самоопределение личности. Маргинальность на политической арене - для нас совершенно новое явление. О значении политической маргинальности свидетельствуют, в частности, события в Литве. В начале 1990 г. в процессе размежевания число коммунистов; принявших программу и статус Коммунистической партии Литвы, составило, по данным заведующего организационным отделом ЦК КПЛ, 81532 человека, из которых 320 человек вступили в КПЛ после XX съезда, воодушевленные идеей независимости Литвы. Сторонников партии на платформе КПСС в это же время было около 40 тыс. человек. Убежденные сторонники независимой Литвы сделали свой выбор, уйдя в КПЛ. Те, кто остался на платформе единства СССР, остались на платформе КПСС. Казалось, что третьего здесь не должно было быть. Однако около 100 тыс. коммунистов Литвы заняли третью - выжида-

тельную позицию¹⁵. Совершенно очевидно, что этнополитический анализ этого не может пройти мимо этой нейтральной, а точнее, временно маргинальной массы людей. В какую сторону качнется стрелка этнополитического барометра в Литве (или в разных республиках), во многом будет зависеть от того, как поведут себя не определившиеся политические маргиналы.

Межэтнические конфликты как особое направление исследований представляют собой одну из перспективных зон в предметной области этнополитологии и национально-политических исследований. Возьмем только один сюжет - возникновение конфликтов и немедленно обнаружим чрезвычайно широкий диапазон межэтнических споров, возникших на почве исторических, экономических, территориальных, политических, идеологических, социально-психологических, религиозных, коммуникационных и других причин. Чего только стоит совершенно не изученный в нашем обществоведении фактор этноцентризма! Не исключено, что к перечисленным классическим предпосылкам и причинам межэтнических конфликтов, добросовестно описанным зарубежными учеными на примерах многих регионов мира, специалистам, изучающим нашу нынешнюю реальность, придется добавить специфический для нас «перестроечный» фактор. Речь идет, в частности, о том, что недостатки, медлительность или поспешность, половинчатость или «маргинальность» реформирования существующих хозяйственных, правовых и политических структур (в том числе основ федерализма) в купе с механизмами торможения перестройки становятся катализаторами межэтнических конфликтов.

Накануне последних президентских выборов в США вышла книга «Дукакис. Американский Одиссей»¹⁶. Главный герой этой книги, активный участник предвыборного марафона, американец греческого происхождения не стал 41-м президентом Америки. Им стал Дж. Буш. Но книга осталась. У нас нет такой традиции. Мы плохо знаем наших лидеров, когда они живут рядом с нами и среди нас. Не потому ли ущербны, неполны, а порой и неточны наши представления об этнополити-

ческой ситуации, о характере межнациональных отношений, что мы плохо знаем своих лидеров - политических, этнических, лидеров формальных и неформальных структур, истинных и мнимых, лидеров как представителей своей среды и как архитекторов современной этнополитической ситуации, лидеров как создателей климата межнациональных отношений.

В этнографической литературе немало примеров добротных монографий, посвященных зарубежным лидерам, в том числе выдающимся деятелям национально-освободительного движения ряда зарубежных стран. Достаточно напомнить, в частности, серию биографий, созданных И. Р. Григулевичем и посвященных С. Боливару, Ф. де Миранде, Б. Хуаресу, П. Вильи, Х. Марти, Э. Че Геваре, А. Сесара Сандино, К. Фонсеки Амадоре, С. Альепде, Уильяму Фостеру.

Разумеется, изучение биографий, идеологических платформ и деятельности лидеров - не самоцель, а составная часть того направления этнополитологии, в рамках которой изучается становление депутатского корпуса, состава лидеров гос- и партаппарата, эволюция, механизмы, ход и итоги избирательных кампаний, осуществляется контентанализ платформ и программ кандидатов в депутаты и претендентов в этнические или в политические лидеры.

«Сверхобеспеченность» лидерами народных фронтов, борющихся за приоритеты для коренных национальностей союзных республик, и острый дефицит этнолидеров среди национальных меньшинств могут служить не только индикаторами зрелости движений, но и быть основанием прогноза.

Психополитическая дуэль между М. С. Горбачевым и В. Ландсбергисом - это не только конфронтация между двумя личностями, но и противостояние двух идеологий, двух разных систем ценностей: общечеловеческих и узконациональных. Разумеется, нельзя противопоставлять интернациональные и национальные интересы. Но когда благополучие одной нации оборачивается дискомфортом для других, то вряд ли можно делать вывод о дальновидности соответствующей политики. На литовской арене немало ярких, талантлив-

вых личностей: А. Бразаускас, К. Прунскене, В. Швед и многие другие. Можно только сожалеть, что порой поступки отдельных руководителей трудно отличить от тривиального экстремизма.

Принятию законов о государственном языке в республиках предшествовала предварительная работа различных созданных для этой цели комиссий. Общественное мнение реагировало неоднозначно, порой излишне эмоционально или болезненно. В создании тревожной ситуации во многом повинны обществоведы, которые не нашли времени для объяснения фактического состояния дел: что такое государственный язык, кому и зачем он нужен, какова реальная этноязыковая и межнациональная ситуация, в которую предполагается внедрять новые законы о госязыке.

В таких условиях еще раз подтвердились слова, некогда сказанные профессором Колумбийского университета: «Половина беспоконьяства в мире вызвана людьми, пытающимися принимать решения до того, как они получают достаточную информацию; обуславливающую эти решения»¹⁷.

Без преувеличения можно сказать, что 1989 год был годом языковой революции в нашей стране. Еще до перестройки, по Конституции СССР 1977 г., три языка Закавказских республик - азербайджанский, грузинский и армянский были объявлены государственными языками. К концу 1989 г. еще 9 союзных республик - Эстония (18.I), Литва (25.1), Латвия (5.V), Таджикистан (22.VII), Молдавия (1.IX), Казахстан (22.IX), Киргизия (23.IX), Узбекистан (21.X) и Украина (28.X) - внесли дополнения и поправки в свои Конституции и провозгласили государственными соответствующие языки. Когда народ объявляет свой язык государственным, он защищается от диктата Центра, от бюрократической агрессии центральных министерств и ведомств. Это часть его справедливой борьбы за свое национальное достоинство, за свой национальный суверенитет. В конечном счете это воплощение в реальную жизнь принципа национального самоопределения.

Но для того чтобы быть последовательным, вряд ли можно согласиться с тем, что из 130 языков народов Советского Союза только 15

языков могут быть объявлены государственными, а остальные автоматически отнесены к более низкому статусу. Почему только 15? Почему 1 млн. эстонцев, имеющих союзную республику, имеют государственный язык, а 6,6 млн. татар, имевших до недавнего времени автономную республику, не имеют права объявить свой язык государственным? Если исходить из фундаментальных прав человека, утвержденных Всеобщей Декларацией 1948 г., то надо в Конституции страны все языки объявить государственными. Это идеал, практически он нереален, не нужно создавать новый Вавилон. значит, надо спуститься на реальную землю и исходить из того, что в Советском Союзе существует 4 типа национально-территориальных образований (15 союзных и 20 автономных республик, т. е. 35 национально-государственных образований, имеющих свои конституции); 8 автономных областей и 10 автономных округов, т. е. 18 национально-административных образований, не имеющих своих конституций, и, наконец, часть национальностей (народов) вообще не имеют никаких национально-территориальных образований. Даже если 53 народа из числа названных образований или хотя бы 35 союзных и автономных республик объявят по одному государственному языку, остальные 77 языков окажутся дискриминированы. Такова логика.

Цель законов о государственном языке состоит в том, чтобы создать правовые и материально-технические привилегии (приоритеты, согласно официальным документам) для языков тех народов, именем которых названы союзные республики. Но сами эти республики, за исключением, пожалуй, Армении, не являются мононациональными. Наши союзные республики многонациональны. Поэтому протекционистские законы об одном государственном языке в них по существу антидемократичны. Нельзя в многомерном мире пользоваться только одним измерением.

Введение государственных языков в союзных республиках автоматически превратило языки 40,5 млн. человек в языки меньшинств. Нет сомнений в том, что языковые права этих меньшинств рано или поздно будут соблюдены. Но пока за эти права надо бороться, и

волна многотысячных забастовок, митингов, демонстраций в 1989 г. прокатилась по союзным республикам, являясь формой политического протеста против объявления только одного языка государственным.

Иными словами, законы о языке в союзных республиках, с одной стороны, принесли моральную компенсацию нациям, давшим название 9 союзным республикам; с другой стороны, эти же самые законы создали в республиках политическую нестабильность, обострили межнациональную напряженность, ухудшили общественный климат. Таков урок 1989 г.

Еще более поучителен опыт лета и осени 1990 г.

2 сентября 1990 г. в г. Тирасполе Молдавской ССР на состоявшейся сессии народных депутатов городов и районов Левобережья Днестра, а также города Бендеры было принято решение об образовании независимой от Молдовы Приднестровской Молдавской ССР¹⁸. Двумя неделями ранее, 19 августа 1990 г., на Первом съезде сельских и городских Советов юга ССР Молдова была единогласно принята Декларация «О свободе и независимости гагаузского народа от республики Молдова». Главной причиной, толкнувшей к провозглашению Приднестровской Молдавской ССР, считают депутаты, было принятие в МССР в августе 1989 г. закона о языке, ущемляющего «политические и гражданские права представителей других национальностей»¹⁹. По мнению депутатов, нынешний языковой режим «грозит народному хозяйству региона потерей кадров и специалистов», так как хозяйственным руководителям Молдовы указанный закон о языке предписывает овладеть государственным (т. е. молдавским) языком в течение нескольких лет.

Вот почему задача видится в том, чтобы смягчить экспансию; диктатуру государственного языка. Для 15 млн. меньшинств 14 союзных республик (кроме РСФСР) жизненно важным является проблема не только первого (своей национальности) но и второго языка. Например, для поляков в Литве, гагаузов в Молдавии, болгар на Украине, белорусов в Латвии и т. д. вторым языком по их собственному выбору стал русский. Новые законы о

государственных языках обязывают их учить еще один - третий язык. Значит, из 40 млн. национальных меньшинств в 14 союзных республиках по крайней мере для 15 млн. трехязычие (родной + второй нерусский + третий - русский) становится обязательным.

Некоторые эстонские специалисты выступали в печати против эстонско-русского двуязычия. Они объясняли это тем, что изучение второго (русского) языка тормозит умственное развитие эстонских детей, создает психологическую дисгармонию личности, представляет угрозу для развития эстонской национальной культуры. Однако, отвергая двуязычие для эстонцев, эти же самые специалисты приняли участие в создании такого закона о государственном языке, согласно которому неэстонское и нерусское население республики обязано стать трёхязычным.

Каким способом можно преодолеть диктатуру одного государственного языка? В одной из центральных газет²⁰ я уже писал о том, что к цивилизованному правовому обществу нужно идти снизу вверх: от прав граждан – к правам меньшинств и далее к правам народов. Уверен, что и в языковой политике надо идти от потребностей отдельных людей к одному и далее к двум государственным языкам. Об этом, т. е. о необходимости признания двух государственных языков, мне также пришлось выступать, в т. ч. в газете «Правда» (1988г.).

Придание в республиках статуса государственного не одному, а двум языкам позволит развиваться, например, эстонско-русскому и русско-эстонскому двуязычию на паритетной основе, а двуязычию неэстонцев и нерусских (украинцев, евреев, белорусов и т. п.) - на альтернативной основе, т. е. по выбору только с одним вторым обязательным (или эстонским, или русским) языком.

Определение состояния этнополитической ситуации, направленность ее движения, форм, этнополитических процессов имеет большое практическое значение. Для того чтобы осуществлять политику в сфере межнациональных отношений, надо знать перспективы и масштабы национальной идеи и прочность ее взаимосвязи с политическим фактором. Из этой задачи вытекает и другая: установление

диагноза межэтнических конфликтов, поиск конкретных рецептов-рекомендаций для преодоления кризисных явлений. и т.д.

Иными словами, объектами этнополитического исследования выступают этнические единицы, формальные и неформальные политические организмы и система взаимоотношений между первыми и вторыми, а также взаимосвязи внутри каждой из них.

Обозначенные прикладные задачи, разумеется, не охватывают всей предметной области этнополитических исследований. Поэтому имеет смысл остановиться лишь на некоторых первоочередных проблемах. Затянувшаяся близорукость общественных наук, неумение распознавать взаимосвязи политизированной этничности и этнизированной политики требуют преодоления.

Комплексное изучение этнополитической ситуации – задача без альтернатив.

На пороге последнего десятилетия XX в. межнациональные и политические отношения в СССР приобрели кризисный характер. И судя по противостоянию и национальных и гражданских движений, неоднозначности их платформ, провозглашенных целей и средств достижения выдвинутых задач, трудно быть уверенным в том, что завтра указанные отношения станут лучше, чем сегодня.

В установление гармоничных отношений между республиками и Центром, между нациями и национальными меньшинствами, между различными национально-территориальными образованиями должны внести свой вклад разработки обществоведов. Эффективность научных исследований в этой сфере в значительной мере будет зависеть от того, насколько глубоко мы осознаем сущность и основные направления развития этнополитических процессов; насколько взвешенным и откровенным будет наш анализ.

Нынешний кризис этнополитической ситуации во многом определяется действием двух взаимосвязанных тенденций: потерей влияния формальных структур, в том числе падением престижа компартии и отказом ее от монополии на власть, и выходом на политическую арену свежих сил, оформлением неформальных структур. И хотя новейшие документы КПСС не дают четкого ответа, ка-

кой именно должна быть компартия в условиях конкуренции, поляризации и дестабилизации общества, ясно одно, что ей - компартии - приходится привыкать к мысли о наличии многопартийности как вне ее, так и фракционности внутри ее самой.

Формальные структуры создают сегодня разветвленную систему практических и научных подразделений: в аппарате ЦК КПСС и при Президиуме Верховного Совета СССР созданы специальные отделы по межнациональным отношениям, соответствующие сектора приступили к работе при ЦК компартий союзных республик, при обкомах КПСС автономных республик; начали активно проявлять себя постоянные комиссии по вопросам межнациональных отношений в Верховном Совете СССР, Верховных Советах союзных и автономных республик; создаются сектора и группы по изучению национальных отношений в ИМЛ и АОН при ЦК КПСС, в Институтах истории партии союзных республик; продолжает формироваться Центр по изучению межнациональных отношений при Секции общественных наук АН СССР.

Причин отставания общественных наук в научном обеспечении совершенствования межнациональных отношений много: это отход от общечеловеческих, гуманистических идей и принципов развития национальностей (национальных меньшинств и групп); отсутствие концептуальных разработок по вопросам формирования социальной инфраструктуры и системы жизнедеятельности национальностей; отсутствие качественной и надежной информации о реальных этнополитических процессах; игнорирование командно-административным аппаратом рекомендаций ученых по проблемам наука-политика-практика, отсюда ошибки и просчеты при разработке и проведении в жизнь ряда управленческих акций.

И сегодня в научных и популярных публикациях продолжается догматическая канонизация сталинского подхода к решению ряда фундаментальных проблем национального движения и национальных процессов²¹. За редким исключением²² нет сколько-нибудь обстоятельного анализа принципов права народов на самоопределение. Не ведутся пои-

ски реальных механизмов реализации этого права, никто еще не взялся за аргументированное разоблачение скрытой ассимиляторской политики, внедренной сталинизмом и направленной на искусственное формирование лакировочно-нивелировочных тенденций, в том числе завышение уровня консолидационных процессов у отдельных наций и интеграционных процессов в рамках этнополитической общности народов СССР. Поистине судьбоносная задача состоит в том, чтобы настойчиво и последовательно внедряемый ныне принцип суверенности союзных и автономных республик на нелегком пути к новому Союзному Договору и к обновленному Союзу Советских Суверенных Республик не заблокировал реализацию и воплощение в жизнь принципа национального самоопределения, который на современном этапе бесспорно имеет приоритетный характер перед принципом суверенизации республик, имеющих к тому же не моно-, а многонациональный состав населения.

До сих пор мнение специалистов как экспертов по современным национальным процессам не принимается серьезно в расчет. Аналитические записки, подготовленные в Институтах АН СССР и представляемые органам, принимающим решения, как правило, в этих решениях не учитываются или учитываются без достаточной гласности. На XIX Всесоюзной партийной конференции, на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС большинство выступающих затрагивали вопросы межнациональных отношений. И не было выступлений известных в стране специалистов. Ни в составе делегатов последних Пленумов ЦК КПСС, ни даже в числе гостей не было профессионалов по национальной проблематике.

Исключением стал XXVIII съезд КПСС, в работе которого в качестве делегатов приняли участие директор Института этнографии АН СССР В. А. Тишков, включенный в состав образованной XXVIII съездом Комиссии по подготовке новой программы КПСС, и заведующий кафедрой этнографии Ереванского университета Ю. И. Мкртумян, избранный на том же съезде в состав ЦК КПСС. В самом деле, сегодня совершенно очевидно, что

межнациональные отношения требуют не меньшего умения считать и думать, думать и считать, чем проблемы сельского хозяйства, промышленности или сферы обслуживания. Приходится еще раз напоминать, что одна из целей национальной политики сталинизма состояла в том, чтобы ассимилировать национальные меньшинства и национальные группы. Эта политика продолжалась и в послевоенные годы, за исключением короткого промежутка конца 50-х - начала 60-х годов, когда были предприняты отдельные меры по удовлетворению потребностей малочисленных народов и национальных групп в развитии их самобытных культур и языков. До сих пор, однако, общественные науки молчат о том, что права всех национальных групп и малочисленных народов никак не учтены ни в Конституции СССР, ни в национально-государственном устройстве страны, ни в каких-либо законодательных актах. Особенно бросается в глаза неравноправное положение национальных групп по сравнению с остальными народами, нередко значительно меньшими по численности, но имеющими свои национальные образования.

В принятом Верховным Советом СССР Законе «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» предусматривается удовлетворение национальных запросов национальных меньшинств на основах национально-территориальной и национально-культурной автономии. В русле общей тенденции политизации этничности меньшинства заинтересованы в создании своих политизированных автономных образований. Между тем становится все более очевидным, что эти требования наряду с социально-экономическими и культурными составляют группу факторов, обостряющих межнациональные отношения в СССР.

Социальная инфраструктура районов СССР, населенных национальными меньшинствами, значительно беднее, чем районов обитания коренной национальности союзных и автономных республик. Несмотря на наличие значительных денежных средств на банковских счетах колхозов национальных

меньшинств, руководители районов не могут получить от ведомств республик необходимые стройматериалы для строительства дорог, возведения зданий культурно-бытового назначения. Нет общесоюзных программ по оказанию целенаправленной помощи национальным меньшинствам в подготовке специалистов различных отраслей народного хозяйства, художественной интеллигенции. Неоднократные перекройки административно-территориального деления внутри союзных республик дестабилизировали такой националеобразующий фактор, как чувство «родной земли», и серьезно затруднили в конечном счете нормальное развитие консолидационных процессов среди национальных меньшинств. В кадровой политике республик и районов, населенных меньшинствами, сильны перекосы. Все это способствует складыванию среди малочисленных народов чувства социальной несправедливости. Конечно, за истекшие годы перестройки произошли некоторые позитивные сдвиги в решении давно назревших социально-культурных проблем, однако решительных перемен в статусе национальных меньшинств все же не произошло. Этнополитические проблемы, как известно, проявляются во всех сферах жизни: от экономики до психологии, от экологии до языковой практики. Современная общественная жизнь полна примеров яростной борьбы, развернувшейся вокруг атрибутов национальной символики. Вступивший в силу 27 февраля 1990 г. закон о новой государственной символике Латвийской ССР (герб, гимн и флаг)²³ один из многих примеров политизации национального самосознания. Однако с сожалением приходится констатировать, что осуществляемые в настоящее время в стране этнополитические исследования охватывают лишь некоторые аспекты современных этнических процессов, сегодня у нас пока не принято на должном профессиональном уровне компетентно вести исследования и вырабатывать серьезные дифференцированные рекомендации по проблемам этноязыковых, демографических, психологических, экологических и других проблем этнополитической ситуации.

На основе двуединого социального заказа - учета национальных и общесоюзных ин-

тересов, потребностей большинства и меньшинства - может быть предложена система прикладных задач. Всякое развитие есть преодоление противоречий. В современной этнополитической ситуации противоречия рождаются во взаимодействии двух тенденций - консолидации и интеграции национальностей. Значительно расширив перспективу проявления этих двух тенденций в национальной сфере, мы, похоже, уже сделали шаг вперед от бесплодных дискуссий застойного времени о приоритетности одной из них. Следующий шаг - это признание того, что действие этих тенденций не протекает без противоречий и без борьбы.

Следовательно, если рассматривать совокупность прикладных задач крупным планом, то надо выделить по крайней мере три типологические группы противоречий: 1) между интересами развития отдельных национальностей и задачами многонационального сотрудничества; 2) между реализацией национальных и общесоюзных интересов и потребностей; 3) противоречие между интересами коренной нации или национальности, имеющей свое национально-государственное образование, и национальными группами, проживающими в данной республике и не имеющими какого-либо национально-автономного образования.

Пока есть национальности, всегда будут иметь место неравномерные темпы их экономического и социально-культурного развития. В них и заложен источник межнациональной напряженности. Путь к упрочению внутреннего единства - преодоление этих противоречий и расширение зоны интеграционных процессов, по крайней мере по трем аспектам: в сфере жизнеобеспечения (уменьшение различий между параметрами социальной инфраструктуры); в зоне развития и взаимодействия культур (аккультурация меньшинств путем их адаптации к культуре большинства, с развитием самобытных этнокультурных особенностей); в сфере политики (например, путем установления адекватного представительства в легитимной и управленческой системах).

Полного преодоления противоречий, как и абсолютно положительного развития интеграционных процессов, быть не может. Однако

можно представить себе несколько вариантов взаимодействия большинства и меньшинства. Первая модель - наименее конфликтная: обе стороны, и большинство (коренная нация республики), и меньшинство (инонациональное население), поддерживают и приветствуют интеграцию по всем трем указанным аспектам. Вторая модель прямо противоположная: обе стороны - и большинство, и меньшинство - отрицательно относятся к культурной и социальной интеграции, что подчас не мешает позитивной оценке политической интеграции. Третья модель: большинство сопротивляется, а меньшинство добивается интеграции в любой из сфер. И, наконец, четвертая модель: большинство проявляет заинтересованность, чтобы интеграционные процессы шли безболезненно и чтобы меньшинство при этом воспринимало идеологию и ценности большинства; меньшинство, напротив, сопротивляется такому исходу дела.

Рецепты выписывать пока рано. Однако, опираясь на итоги этнографических и этносоциологических исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР по комплексным программам Ю. В. Арутюняна, В. В. Пименова, О. И. Шкаратана, можно считать плодотворной гипотезу о том, что преодоление противоречий в национальной сфере может быть достигнуто путем установления полного равноправия взаимодействующих национальностей и построения отношений между ними на подлинно демократической, интернационалистской, закреплённой законами основе. Национальным меньшинствам необходима уверенность в продвижении по социальной лестнице без ущемления и унижения, без риска потерять свою национальную культуру.

Еще одна глобальная, поистине универсальная тенденция: последовательное смещение проявления этничности с элементов материальной на элементы духовной культуры, с опредмеченных результатов человеческой деятельности в сферу духовной жизни и особенно в сферу национального самосознания - побуждает серьезно приглядеться к той роли, которую играют современные средства массовой информации в становлении, упрочении и политизации этничности. При этом

их реальная роль колеблется в очень широком диапазоне: от полной поддержки (культивации) до полного отрицания этничности. Понимая огромную роль средств массовой информации в социализации личности, сегодня огромные требования общество предъявляет к качеству газетно-журнальной публицистики: она должна быть аргументированной, доказательной.

Однако именно здесь, на этом пути от публицистической раскованности суждений к научной обоснованности, возникла парадоксальная ситуация. Этносоциология, едва ли не единственная новая дисциплина, возникшая в застойные годы и худо-бедно, но все же дававшая картину реальных национальных процессов, сегодня, в эпоху гласности и раскрепощения, вдруг забуксовала из-за ряда объективных и субъективных моментов, в том числе из-за отсутствия притока свежих сил. Перед отечественной этносоциологией, разрабатывающей проблемы взаимосвязи социального и этнического, сегодня стоит первостепенной важности задача: всесторонне раскрывать содержание и основные направления развития современных этносоциальных процессов, выявлять составные компоненты национальных движений и их многообразные варианты в формационном, географическом и временном аспектах.

Политизация этничности национально-большинства в республиках может иметь прогрессивный характер для судеб самого большинства, но одновременно стать регрессивным для меньшинства, если последнее в ходе политизации большинства обрекается на неизбежную маргинальность или на оцепенелую нейтральность. Причем порой такая ситуация может проявляться не обязательно в явной (открыто насильственной) форме. Так, например, введение обязательного экзамена по государственному языку - на первый взгляд вполне объяснимое требование с точки зрения большинства. Но для меньшинства этот экзамен есть скрытая дискриминация, серьезная помеха в социально-профессиональной карьере.

Нуждаются в серьезной проверке некоторые аксиоматические утверждения, совсем недавно кочевавшие из одной книги в дру-

гую. Так, специалисты в области национальных процессов некритически восприняли из хорошо известной на западе теории коммуникации идею о том, что интенсификация межнациональных контактов скорее приводит к взаимопониманию, нежели к взаимному отчуждению. Эта теория в известной мере находила подтверждение и в эмпирических данных этносоциологических исследований, хотя именно этносоциологи не дали ввести себя в заблуждение. Было обнаружено, что на практике наращивание интенсивности контактов иногда вело к обратному эффекту. В условиях роста этнического самосознания и пробуждающейся этнической активности консолидационные процессы пошли более опережающими темпами, чем процессы общегосударственной интеграции, т. е. учащение контактов дало обратный эффект. Пример тому – Прибалтика. Расширение зоны межнациональных контактов за счет последовательного роста удельного веса неэстонского, нелатышского населения, при одновременном росте национального самосознания эстонцев и латышей, привело к открытой межэтнической конфронтации.

**Национальные движения:
нужна аннотированная хроника**

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей...*

Г. Р. Державин

Современная этнополитическая ситуация - это не только сосуществование различных этнических образований, не только наличие формальных и неформальных структур, но и совокупность конкретных идей, событий, поступков и фактов - словом, духовной и материализованной деятельности. Суть взаимодействия между формальными и неформальными структурами - это борьба за власть. Порой, например в ходе избирательных кампаний, борьба за власть переносится и в сферу межнациональных отношений. Только что народившийся, неустойчивый плюрализм современного советского общества обретает

различные формы, в том числе в виде этнополитических и этнокультурных движений.

Формальные структуры сегодня имеют весьма широкие, но слабеющие социальные подпорки, рыхлые, половинчатые программы, неопределенные идеологические цели. Альтернативные им силы, напротив, объединены радикальными программами, но не имеют прочной социальной базы. Однако решительность программ многих течений имеет ущербный характер, т. к. пафос многих документов направлен в большей мере па отрицание, на выражение общественного недовольства, в меньшей - на созидательные цели. Как отмечалось в печати, легче понять, чего они не хотят, чем то, чего они хотят.

Бояться этой борьбы, конечно, не следует, так же, впрочем, как и не надо ее идеализировать. А вот понимать ее внутренние пружины и перспективы - одна из задач этнополитических исследований. Этностатистический анализ национального состава депутатского корпуса Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных и автономных республик, даже дополненный корреляцией с социально-профессиональными, региональными и половозрастными характеристиками, может дать представление лишь о надводной части айсберга. Подводная, решающая же часть айсберга - это весь предсъездовский марафон, весь ход избирательной кампании. Кажется, еще никто серьезно не заинтересовался, кто и что побеждает именно здесь, на этой дистанции: платформа кандидатов, личность претендентов, энергия их доверенных лиц, господин случай или политически незрелое, некомпетентно и неумело голосующее большинство?

Представительство (этническое и политическое) депутатов – это следствие, причина же кроется в самом характере этнополитической ситуации. Поэтому ее надо анализировать. Однако даже в Москве проще найти профессионала по этническим проблемам, знающего язык давно вымершего племени, нежели этнополитолога, знающего современный живой язык какого-нибудь народа на шей страны.

В перестройке общественных отношений, в совершенствовании политических институтов и условия существования этнических организмов важную роль должны играть ис-

следования национальных движений. Поэтому еще одно направление научных поисков этнополитологии может быть сосредоточено на раскрытии взаимосвязи перестройки и национальных движений²⁴.

Изучение национальных процессов и межнациональных отношений особенно пострадало в застойные годы, работы по этой тематике носили начетнический или заздравный характер. Что было, то было. Вместе с тем в это время возникло научное направление, в рамках которого были проведены исследования на достаточной по количеству и надежной по качеству информационной основе. Речь идет об этносоциологических исследованиях, проведенных в 70-е - начале 80-х годов по всесоюзному проекту «Оптимизация социальных и культурных условий развития и сближения наций в СССР» (автор проекта - Ю. В. Арутюнян) В серии монографий, коллективных сборников и аналитических записок были рассмотрены на институциональном и личностном уровнях важные аспекты современных национальных процессов в СССР. В рамках этого направления были вскрыты реальные тенденции в межнациональных отношениях, сделаны важные теоретические обобщения о формировании социальных структур советских наций и некоторых национальных меньшинств, о закономерностях и направлениях взаимодействия культур народов СССР, о факторах и путях развития национально-языковых процессов, в том числе процессов национально-русского и некоторых иных типов двуязычия. Эти исследования получили широкое признание, они высоко оценены советской и мировой научной общественностью. Вместе с тем этим исследованиям; несмотря на их оригинальность и представительность, была присуща исторически обусловленная ограниченность. Это объясняется объективными обстоятельствами, в том числе относительно узкими рамками изучения национальных процессов, ограниченным «допуском» исследователей к острой тематике и т. д.

К существующим при сталинизме и в застойные годы двум формам национальных процессов - институциональному и личностному - теперь, в годы перестройки, демокра-

тизации и обновления, добавились новые, неведомые ранее формы: национальное возрождение и национальное движение. Нельзя не указать в связи с этим, что значительные по объему данные этносоциологических опросов, до сих пор не введенные в научный оборот, позволят при изучении современных национальных движений глубже «заглянуть в корень», сравнить современную этнополитическую ситуацию с теми тенденциями, которые проявили себя в 70-80-е годы.

Современные национальные движения представляют собой форму социальных движений, сочетающих в себе протест против сталинизма, застойных явлений, против перекогов и деформаций в социально-экономическом развитии страны, против экологической катастрофы, против нивелирующей национальной политики. В каждом из национальных движений своеобразно проявляются общие закономерности, сочетаясь с национальными и региональными особенностями.

В ходе исследований национальных движений требуются новые методы сбора, систематизации, интерпретации разнообразной информации, в том числе ведомственной статистики, организация и проведение массовых и локально ограниченных экспресс-опросов, интервьюирование, беседы с экспертами, систематический, по возможности фронтальный контент-анализ периодики (газет, журналов и возникших совсем недавно информационных бюллетеней, издаваемых органами национальных движений).

Объектом исследования выступают участники и лидеры национальных движений, их цели, программы, деятельность, формы и средства борьбы.

Начав свою деятельность под броскими лозунгами борьбы с бюрократическими пережитками формальных структур, многие неформальные движения в свою очередь начали формализоваться: они создают свои руководящие органы, правления, думы, сеймы, координационные советы и центры, горизонтальные и вертикальные структуры, свои печатные органы. Развенчивая неэффективные методы идеологической работы партии, многие из этих движений ведут идеологическую

обработку населения для пополнения рядов своих сторонников.

Национальные движения в СССР набирают ценный политический опыт. Совершенно очевидно, что обществоведы, особенно работающие в центральных учреждениях, серьезно отстают в осмыслении происходящих событий. Представляется, что и неформалы точно так же нуждаются в науке, как и научные работники - в информации о неформалах. Взаимная заинтересованность проистекает из того факта, что в нынешней этнополитической ситуации как формальным, так и неформальным структурам явно недостает профессионализма, компетентности в расчетах и прогнозах, учета реальной ситуации и текущего момента, конкретных позитивных мер.

Осуществление теоретических исследований, выработка рекомендаций сегодня немислимы без обширной информационной базы, без систематически организованного сбора сведений, материалов и документов. Как показал опыт некоторых исследовательских коллективов, как, например, сектора истории советской культуры, работавшего долгое время под руководством академика М. П. Кима в Институте истории СССР в Москве, важное значение в разработке многогранных проблем занимает предварительный сбор документированной информации. Показательна в этом отношении созданная этим коллективом пятитомная хроника «Культурная жизнь в СССР»²⁵.

Представляется, что подобная хроника, созданная на базе документированных материалов, освещающих основные направления деятельности национальных движений, может служить своеобразным банком информации, во-первых, для изучения сущности национальных движений, их места и роли в национальных процессах СССР; во-вторых, в качестве самостоятельного издания, где материалы и документы даются в хронологической последовательности; в-третьих, способствовать осмыслению новейших тенденций в национальных процессах и межнациональных отношениях в СССР.

Взрыв массовых демократических движений, плюрализм мнений, точек зрения вызывают к жизни и разные жанры отражения

многообразия реальной жизни. В отличие от недавнего прошлого, когда резко ограничивалась тематика литературы о национальных процессах, сейчас наряду с обычными научными публикациями потребуются аналитические и аннотированные хроники – фиксаторы событий и фактов, хроники-хрестоматии как регистраторы документов, справочники, летописи и т. д. Указанная выше «Хроника культурной жизни в СССР» - интересная модель для создания новых хроник, в том числе хроники национальных движений в условиях перестройки. К сожалению, ни в одном из 5 томов указанной серии не приводится концептуальное обоснование теоретической и методико-инструментальной стороны дела. Иными словами, ключ подборки документов и фактов остался в тайниках редколлегии и авторского коллектива. Для специалистов это имеет двоякое значение: с одной стороны, конечно, затрудняет первые шаги, с другой - облегчает тем, что не навязывается готовая модель и не возникает «давления авторитета».

При разработке тематического классификатора предстоит решить ряд непростых задач как теоретического, так и прикладного, инструментального характера. Едва ли не самым трудным является определение критерия выбора информации. Прежде всего надо исходить из понимания сущности и содержания массовых национальных движений. Даже простой перечень этих движений говорит о сложности задачи: это экологические, кооперативные движения, за расширение демократических свобод, женские, молодежные объединения, за сохранение исторических и культурных памятников, за восстановление «белых пятен» и возвращение в фонд национальной культуры забытых имен, всевозможные фонды (детский, культурный и т. д.), борьба против «безъязычия» и т. п.

Сущность и содержание этих движений раскрываются в их программных документах, лозунгах и политических установках. Для этнополитолога принципиальным является тот факт, в какой мере в каждом из движений присутствует национальный момент (при определении, какое именно требование занимает более важное место в программе движения: национальное в экологическом или экологи-

ческое в национальном, перестроечное в национальном или национальное в общем движении за перестройку). Короче говоря, при сборе информации, видимо, надо присматриваться ко всем формам движений, отыскивая в них национальную проблематику и все то, что так или иначе связано с национальными движениями и процессами.

Часы перестройки, как известно, запущены совсем недавно - в апреле 1985 г. Какие события, факты, люди, идеи, концепции, высказывания, лозунги, декларации и т. д. и т. п. нас интересуют? Только те, что характеризуют собственно межнациональные отношения, или информация, отражающая жизнь одной национальности, развернувшей национальное движение, или всех национальностей данной республики? От ответа на этот вопрос зависит многое, и в первую очередь рамки тематического информационного классификатора (ТИК). Следовательно, независимо от того, о каком из движений пойдет речь, принципиально важно лишь следующее обстоятельство: чтобы в истории этого движения находила отражение информация о национальном факторе, о национальных процессах в СССР, о межнациональных отношениях.

Конкретнее говоря, этнополитолога интересуют материалы, освещающие место национальных движений в: а) жизни национальностей, в т. ч. 1) нации, давшей название республике; 2) в жизни русских в этой республике; 3) в жизни остальных национальностей этой республики; б) в межнациональных (межреспубликанских) отношениях: 1.) в отношениях республика - центр, 2) в межреспубликанских, 3) во внутриреспубликанских отношениях.

Аннотированная информация о предпосылках и текущей истории национальных движений может собираться по следующим направлениям:

1. Объективные и субъективные предпосылки возникновения национального движения (причины), экономические: падение темпов экономического развития, низкий уровень элементарных условий жизни, ущемление хозяйствования, засилие центральных ведомств; исторические: борьба за независимость и достоинства нации, «белые пятна» ее

истории, герои и легенды, вхождение в СССР, депортация части населения; правовые: требование пересмотра союзного договора, четкое определение компетенции республик и Центра; демографические: иммиграция, падение доли коренной национальности, рождаемость и смертность; экологические: борьба против строительства атомных электростанций, проблемы земли, ее недра, воды, ресурсы - «национальная территория»; национальная культура: реальная или надуманная угроза национальной самобытности, возрождение интереса к национальному богатству и традициям, состояние памятников истории и культуры; национальный язык: социальные функции, сферы функционирования, отношение к двуязычию; национальная символика: флаг, герб, гимн, элементы материальной и духовной культуры; межнациональные контакты.

2. Текущая история национального движения: организационные мероприятия, в том числе: гражданские инициативы, самостоятельные организации, инициативные группы, «круглые столы», совещания, конференции, форумы, съезды; принятые документы организационных мероприятий, публикации идеологов движения, программы, платформы, резолюции, решения, манифесты, обращения, лозунги; формы борьбы (массовые действия и акции), в том числе: демонстрации, шествия, митинги, пикеты, сбор подписей, переговоры с властями, распространение листовок, создание органов печати (информационные бюллетени) .

3. Цели, задачи, требования национальных движений, в том числе стратегические и тактические.

4. Идеология национального движения, соотношение ее с общечеловеческими ценностями. Идеологические параметры национально-политических и национально-культурных движений нуждаются в серьезном изучении. В одной только Москве насчитывается свыше 150 неформальных структур. Кто кому противостоит, кто с кем против кого объединяется? В Москве, как и по стране в целом, это политические течения, в числе которых социал-демократическое, либеральное и неолиберальное, национал-демократическое, национал-патриотическое, популистское,

анархо-синдикалистское, экологическое, христианско-демократическое и т. д.

5. Развитие организационных форм движения от «кружка друзей» до создания партии, от вспыхнувшего интереса к изучению происхождения своего народа, языка и культуры до движения широких масс за национальное возрождение.

6. Структура движения, его печатные органы (является ли их существование условием признания самого движения); теоретические семинары (краткий перечень или примеры обсуждаемых тем); рабочие секции: дискуссионный клуб, библиотека, архив, летопись; рабочие органы движения: постоянные собрания, съезды фиксированных членов. Освещение национальных движений не может быть полным без описания присущих им функций, среди которых можно, в частности, выделить следующие: 1) этнизация; 2) политизация; 3) социализация; 4) деидеологизация (и переидеологизация); 5) демократизация; 6) гражданская активизация; 7) коммуникация; 8) плюрализация; 9) расширение состоятельности; 10) углубление альтернативности; 11) социальная взаимопомощь; 12) внутри- и межгрупповое партнерство.

Источники и информационная база - это те строительные леса, не воздвигнув которые, нельзя браться за строительство самого здания этнополитологии. Наряду с традиционными источниками, позволяющими оцепить общие контуры духовной экологии, социальной среды и инфраструктуры (переписи населения, текущие ведомственные статистические и иные материалы, материалы конкретно-социологических обследований), в изучение современной этнополитической обстановки важное значение имеет совершенно новый источник - политические и этнополитические документы национальных движений: интерфронтов, национальных меньшинств и общественных организаций (клубов, ассоциаций, землячеств, обществ) с национально-культурной ориентацией. Первый такой сборник по Латвии из серии, запланированной Центром по изучению межнациональных отношений АН СССР, уже увидел свет²⁶ Подготовлены к изданию аналогичные сборники с подборкой программ, уставов, деклараций, обращений,

опубликованных в местной печати, по Таджикистану, Узбекистану, Литве, Молдавии. Продолжается работа по сбору документов по другим республикам.

Еще один новый вид источников, родившийся благодаря перестройке и гласности, это материалы периодики, обрушившей лавину публикаций по вопросам межнациональных отношений. Они тоже требуют какого-то систематизированного осмысления, может быть в виде серии информационных бюллетеней. Утверждение принципов нового мышления, внедрение его в практику национально-политических исследований - важная задача этнополитологии.

О новых подходах в изучении этнополитической ситуации Проблема противоречий

*Есть у меня шестерка слуг,
Проворных, удалых,
И все, что вижу я вокруг, -
Все знаю я от них.
Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.*

Редьярд Киплинг

Изучение этнополитической ситуации требует углубленной разработки теории, методологии, понятийно-терминологического аппарата, выработки новых подходов в ее аналитическом, историографическом освещении, источниковедческом оснащении.

Едва ли не самым трудным шагом в этом отношении может быть определение рамок «внешней истории» этнополитических процессов, если под этими «рамками» иметь в виду тот социум, внутри которого происходит развитие и взаимодействие этнических и политических структур, формальных и неформальных образований.

В широком смысле экология этнополитической ситуации - это все то, что является внешним по отношению к этническим образованиям и политическим структурам. В узком смысле этническая экология - это природная зона общения человека, включающая каче-

ство территории, систему жизнеобеспечения (в том числе состояние здоровья населения, его генофонда). При изучении экологии этнополитической ситуации можно выделить следующие подходы, без применения которых картина этнополитической ситуации может оказаться неполной.

1) Этнотерриториальный, позволяющий выявить пространственное расположение, расселение этнических образований в рамках определенных формальных и неформальных структур (город - село, другие административные единицы). Этот подход применялся при этносоциологических исследованиях, в частности при создании типологии этнической среды в связи с изучением этноязыковых процессов;

2) Экономический, дающий общее представление о неравномерных темпах экономического развития регионов, республик, распределение районов по ряду основополагающих показателей (например, общий объем промышленной и сельскохозяйственной продукции, темпы роста производительности труда, объем валового национального дохода и т. д.);

3) Инфраструктурный: несмотря на потрясающую бедность статистики, все же удается получить некоторое представление о различиях между республиками по уровню развития социальной инфраструктуры (например, путем сравнения качества и количества благоустроенных дорог, состояния медицинского обслуживания, торговли, быта, хранения и распространения духовной информации: школа, книгоиздательские и книготорговые структуры, средства массовой информации и т. д.);

4) Этнодемографический подход дает представление о населении по следующим показателям: пол, возраст, состав семьи и др.;

5) При этносоциальном подходе изучается городское и сельское население, его профессиональная структура (особое внимание к интеллигенции, выражающей национальные и политические интересы);

6) При изучении уровня развития культуры рассматриваются способы человеческой деятельности (активные-пассивные, традицион-

ные-профессиональные, национальные-инонациональные и т. п.);

7) При этноязыковом анализе изучаются параметры языковой адаптации разноязычного населения, в том числе масштабы двуязычия и т. д.;

8) При этноличностном анализе выявляются интересы и ориентации, имеющие этническую специфику, в том числе взгляды и мнения национальных и политических лидеров, выражающих интересы того или иного народа;

9) При изучении ситуации с этноправовой точки зрения анализируются права национальностей на внутривнутриреспубликанском уровне;

10) Этноисторический подход позволяет мобилизовать этнополитические документы прошлого;

11) Историкографический анализ - основа научного исследования, накопление опыта в понимании синхронного и диахронного состояния этнополитической ситуации. Сочетание «внутренней» (союзной и союзно-республиканской) и «внешней» (зарубежной) историографии позволяет избежать односторонности в толковании происходящих процессов;

12) Понятийно-терминологический аппарат должен обеспечить понимание исследования специалистами различных смежных наук.

Хотя перечисленные факторы экологии этнополитической ситуации, вероятно, не охватывают всей ее системы, но они облегчают понимание проблем изучения межнациональных отношений.

Этнодемографическая ситуация оказывает немаловажное влияние на отношения между национальным большинством и меньшинством, на ход избирательной кампании и на «расклад» депутатских вакансий в Советах всех уровней. Степень социально-экономического развития во многом определяет образовательный уровень, чем в свою очередь объясняется «качество» национальной интеллигенции, в том числе ее потенциал, ее готовность к политизации и практической реализации национальных потребностей и интересов. Детальный учет и изучение всех перечисленных выше факторов, линий их взаимного пересечения необходим для выработки строгих, от-

ветственных рекомендаций и в политике и на практике.

В ряде академических и других учреждений национальная проблематика уже изучается специальными подразделениями, у каждого института есть свой «угол зрения» на национальные аспекты тех сторон жизни, которые входят в предметную область исследований данного института. Поэтому развертывание исследований современной этнополитической ситуации может идти по двум направлениям: 1) в ассоциации с традиционными науками, 2) в поисках новых междисциплинарных зон, проблем, подходов. Для организации и проведения исследований тех или иных аспектов национальных процессов (например, демографических, социокультурных, языковых, психологических), тек или иных конкретных ситуаций или проблем претворения в жизнь национальной политики необходимо располагать информационной базой, техническими средствами машинной обработки данных и соответствующим научно-вспомогательным персоналом.

Без самостоятельной информационной базы, являющейся неперенным условием конкретно-социологического изучения современных национальных процессов, трудно ручаться за успешность, результативность, практичность выводов и рекомендаций. Только надежность, полнота и своевременность исходных данных помогут выйти на такие рубежи, когда возможными станут опережающие теоретические разработки актуальных проблем межнациональных отношений.

Основу информационного банка данных по этнополитической ситуации и этнополитическим процессам могут составить: 1) материалы переписей населения; 2) данные государственной и ведомственной статистики; 3) документы формальных и неформальных структур и движений; 4) итоги специальных исследований (микрпереписи); 5) систематически накапливаемые данные периодики; 6) методические разработки и пакеты программ, а также стандартные методы и инструментально-исследовательские технологии; 7) отраслевая библиография; 8) терминологический банк данных.

Создание самостоятельной информационной базы имеет многоцелевое назначение: это накопление, систематизация и обеспечение информацией научных сотрудников и практических деятелей, заинтересованных организаций и т. д.

Чтобы стать компетентным, конкурентоспособным, нынешний специалист по этнополитической ситуации должен быть методологически подготовленным, информационно оснащенным, историографически осведомленным. Ему предстоит заниматься сбором, систематизацией и обобщением результатов специальных исследований и подготовкой па их основе аналитических записок для заинтересованных организаций.

В глубоком изучении нуждается реформа федерации. Историографический обзор призван показать весь диапазон мнений по этому вопросу. Имеющиеся на сей счет высказывания можно объединить в три группы. Согласно точке зрения одной группы авторов, уже сегодня надо взять курс на разгосударствление национальной государственности, поскольку существующая ныне четырехчленная иерархическая структура национально-государственного устройства включает в себе фактическое неравноправие народов. Отсюда вывод: надо отказаться от принципа национальной государственности и перейти на территориальный федерализм. Эта западная концепция питается идеями интеграции, интернационализации и глобализации этнополитических процессов.

Полярная, прямо противоположная концепция исходит из необходимости исчерпывающей реализации в национально-государственном устройстве принципа национально-го самоопределения. В основе этого подхода идея равноправного огосударствления всех без исключения народов СССР. В завершённой форме эта идея отражена в проекте Конституции СССР, предложенной А. Д. Сахаровым. Критики иногда передергивают отдельные положения этой концепции, приписывая, в частности, ей то, что она якобы предполагает создание в рамках советской федерации более 100 самостоятельных союзных республик. Смешение двух принципов - идеи единой национальной государственности и двоя-

ких форм ее реализации - ведет к ошибкам в объяснении самой концепции.

Между двумя крайними парадигмами - разгосударствления и огосударствления национальностей - в литературе высказывается немало вариантов федеративного устройства, имеющих гибридный характер и основанных на сочетании принципов национальности, территориальности, государственности, а в самое последнее время - и на принципах культурной автономности.

Сегодня ощущается острая нехватка специалистов, готовых на высоком историографическом уровне оценить имеющуюся литературу, и в первую очередь на языках коренных национальностей республик.

Особенно трудно в Москве, т. к. в научных подразделениях столицы нет специалистов, готовых вести историографические исследования на языках коренных национальностей союзных республик. Между тем историографическое богатство национально-язычной научной литературы (исторической и востоковедческой - на армянском языке, этнографической - на литовском и эстонском языках, языковедческой и психологической - на грузинском, искусствоведческой - на азербайджанском и т. д.) весьма впечатляет. Опыт каждой национальноязычной литературы, в том числе в разработке таких узловых тем, как присоединение к России, осуществление социалистической революции (проведение индустриализации, коллективизации, культурной: революции), решение национальных вопросов и т. д., остается неосвещенным. Дальнейшее усиление общественных функций национальных языков, а дело идет именно к этому, уже в недалеком будущем еще в большей мере актуализирует проблему взаимобмена опытом. В условиях, когда нет возможности (да, пожалуй, и необходимости) переводить всю республиканскую литературу на русский язык, актуальными становятся другие формы взаимобмена ценностями: реферирование, дайджесты, историографические описания, двуязычные тезаурусы, словари, глоссарии, терминологические справочники и т. д.

В современных условиях, накануне компьютеризации систем информационного обеспечения, немаловажное значение имеют и у

чет передового мирового опыта, и разработка применительно к собственным условиям методов и форм обработки данных, получения и выдачи этностатистической и библиографической информации, и доступность ее для широкого круга исследователей и читателей.

Интерес к этнополитической ситуации, проявляемый со стороны ученых самого различного профиля и практиков самых неожиданных ведомств, крайняя рассредоточенность информации по национальным аспектам общественной жизни, «занаученность» важнейших публикаций по национальной проблематике (в сочетании со скучным языком) - все это свидетельствует о крайней необходимости в отраслевой библиографии по национальной проблематике, как в виде отдельных книг, так и в виде ежегодных обзоров. Примером таких изданий могут, в частности, служить пользующиеся спросом библиографии по народонаселению, подготовленные сотрудниками Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ²⁷.

Надежным средством установления взаимопонимания между специалистами, ориентиром в расширяющихся потоках информации выступают одноязычные, дву- и многоязычные отраслевые словари. К созданию таких словарей стремятся представители всех гуманитарных наук: уже появились словари философский, социологический, демографический, литературоведческий, кино²⁸ и т. д. Увидели свет первые книги 10-томного «Свода этнографических понятий и терминов»²⁹. Создан первый глоссарий по этничности и этническим процессам³⁰. Представляется, что было бы целесообразным создать такой глоссарий и по этнополитическим проблемам.

Разработкой проблем этнополитической ситуации в СССР занимается ряд зарубежных центров. Сегодня надо менять наше отношение к зарубежному опыту. Там, где есть интересная методика, там, где разработан ценный инструментарий, надо его использовать. Надо сделать доступными для широкого круга читателей книги, хранящиеся в спецхране. Чрезвычайно привлекательной кажется идея об организации издания на русском языке наиболее ценных трудов зарубежных исследователей.

дователей по этнополитической ситуации, подобно тому как это делается в языкознании систематической публикацией «Новое в зарубежной лингвистике», в составе которой уже увидели свет 25 хорошо зарекомендовавших себя томов.

По договоренности со специальными службами ЮНЕСКО можно и целесообразно было бы организовать получение текущей информации о новейшей мировой литературе по ряду «этнополитических» тем. Более того, можно сэкономить значительные средства, если закупать в некоторых западных издательствах уже переведенную на русский язык литературу.

Д. Гранин как-то упоминал о гуманной деятельности некоторых зарубежных издательств, позволившей спасти от исчезновения литературное наследие ряда русских писателей, философов, историков, эссеистов зарубежья³¹. Действительно, надо отдать должное этим зарубежным издательствам, проделавшим важную собирательскую работу по сохранению литературных памятников русскоязычной, в том числе русской национальной культуры.

Ни «внутренняя», ни «внешняя» историографические службы исследований современной этнополитической ситуации в СССР, разумеется, не являются самоцелью. Каждая из них в конечном счете подчинена общему стратегическому замыслу — помочь в разработке проблем, накопившихся в сфере межнациональных отношений. Комплексование исследовательских, информативных, историографических и научно-организационных задач и функций позволит рассматривать не только национальные проблемы прошлого и настоящего, но и в некоторой степени обозначить контуры будущего.

Нарастает потребность в информации быстрого реагирования. На сегодняшний день мы имеем крайне парадоксальную, внутренне противоречивую ситуацию. С одной стороны, специалисты тонут в лавине информации, хлынувшей со страниц многочисленных периодических формальных и неформальных изданий. С другой стороны, они не успевают ее просматривать и ощущают острый недостаток в аналитических статьях, содержащих

компетентные выводы. Информации много, но ее не хватает.

Трудно найти специалистов для академических институтов, здесь нужны мыслители и аналитики, умеющие в равной мере владеть полевой методикой и кабинетным анализом. И подобно тому как для классического этнографа обязательны навыки полевой экспедиционной работы, умение грамотно фиксировать нужные сведения по этнологии народов (от этногенеза до современного этнополитического состояния), точно так же нынешние молодые кадры нуждаются в собственном полигоне, в собственном «информационном поле». Таким образом, еще одна задача состоит в создании условий для выработки и апробации новых подходов, нужен новый широкий полигон для первичной обработки материала.

Важную роль в организации исследований этнополитической ситуации должна сыграть координационная деятельность, если иметь в виду, что координация призвана обеспечивать связь науки и практики.

Характеристика как достижений, так и возникающих проблем в сфере межнациональных отношений должна быть научной, правдивой и полной. Переоценка или недооценка трудностей, искусственное форсирование или торможение национальных процессов, лакировка или маскировка их в равной степени недопустимы. В усиливающемся внимании советского общества к межнациональным отношениям заложен глубокий гуманистический смысл.

Сейчас рано еще претендовать на исчерпывающий анализ всех проблем, входящих в предметную область изучения современной этнополитологии. Можно наметить лишь концептуальные рамки в качестве предварительного проекта дальнейших исследований.

Изучение этнополитической ситуации и этнополитических процессов в синхронном и диахронном аспектах можно рассматривать как самостоятельное научное направление, имеющее прикладной характер. Естественно, это направление не может не вызывать ассоциаций с некоторыми смежными научными дисциплинами, уже утвердившими себя в си-

стеме наук признанными результатами. Назовем некоторые из них.

По своему генезису этнополитология - изучение этнополитической ситуации - подобна этносоциологии, возникшей на грани между этнографией и социологией и вскрывающей социальную обусловленность национальных явлений и национальное многообразие социальных процессов³². По своим целям и задачам, объекту изучения и предметной области она близка к зарубежной этнополитологии³³, включающей в свою предметную область теоретические материалы об этнической политике и этнополитической ситуации, данные прикладных исследований о реальных этнополитических процессах в тех или иных конкретных регионах, политические программы этнических и национально-освободительных движений, материалы об аборигенном населении, национальных меньшинствах, иммигрантах.

Чрезвычайно полезным для этнополитологических исследований может оказаться опыт, накопленный в изучении языковой ситуации. Это прежде всего работы Л. Б. Никольского³⁴, положившие начало плодотворному направлению в советской социолингвистике³⁵.

Советские этнографы плодотворно занимаются изучением этнической ситуации, под которой подразумевается «этнический состав населения той или иной страны, того или иного региона, а также процессы и факторы, так или иначе влияющие на этот состав и вызывающие его изменение»³⁶.

Вместе с тем нельзя не признать, что сегодня изучение политизированной этничности находится в эмбриональном состоянии.

Не лишены логики рассуждения и принципиальные выводы отдельных специалистов о тупиках национальной государственности³⁷. Более того, в стратегическом плане можно согласиться с тем, что принцип тождественности государственных и национальных границ ошибочен. Но в таком подходе есть неизбежный перенос воображаемой картины нескорого будущего в уже подоспевшее сегодня. Сегодня, когда часть народов страны получила свою государственность или ту или иную автономию, а другая часть не получила, нам нельзя оставлять накопленный в прошлом и

дополненный перестройкой груз социальной несправедливости. Как это ни парадоксально звучит, но для того, чтобы когда-нибудь отказаться от национальной государственности, сегодня надо еще дальше идти в «тупик», т.е. продолжать огосударствление недоогосударственных национальностей.

Видимо, применительно к нашей стране путь к деполитизации этничности лежит через промежуточный этап полной политизации всех многочисленных народов, которые история распорядилась разместить в рамках одного многонационального государства. Нельзя искусственно организовать прыжок через этот промежуточный этап. История уже сурово наказала нас за наш субъективизм, за то, что некоторые народы, например народы Средней Азии и Казахстана, «прыгнули» из феодально-патриархального состояния, а народы Крайнего Севера и Дальнего Востока - из родо-племенного строя прямо в «развитой социализм». Чем это обернулось - перестройка высветила довольно наглядно: для первых - сращиванием коррумпированной части парт- и госаппарата с реанимированными патриархально-феодальными структурами, для вторых - угрозой депопуляции.

Нынешние рекомендации к немедленной деполитизации этнического фактора означают на деле призыв к искусственной организации еще одного исторического «прыжка» и напоминают известный идеологический штамп «догоним и перегоним». С учетом особенностей этногенеза и этапов этнической истории народов СССР (большинство из них, как известно, являются автохтонными, в отличие от Американского континента, где значительная доля населения - иммигранты) призыв к полной деполитизации следует признать несостоятельным. Даже если смотреть на этнополитическую ситуацию в нашей стране широко, не через привычные очки советоцентризма, а с учетом опыта общемировых тенденций, все равно у нас нет оснований допустить, что национальная идея полностью себя исчерпала. Судя по целому ряду международных документов, моральная сила принципа национального самоопределения все еще авторитетна и дает о себе знать.

Итак, наша цель состояла в том, чтобы дать представление о состоянии этнополитической ситуации в целом по стране и в ее отдельных регионах. Круг подобных задач, связанных с изучением вовлеченности этносов в политические процессы и роли политики в этническом развитии народов и в межнациональных отношениях, настолько широк, что практически возникает вопрос о самостоятельном месте перечисленных прикладных исследований в нынешней системе общественных наук.

- 1 Московские новости, 1990, 19 авг.
- 2 Правда, 1990, 25 февр.
- 3 Конституция СССР, Конституции Союзных, Советских Социалистических республик, М., 1978, с.17
- 4 Шкаратан О.И. Социальная структура: иллюзии и реальность // Социология перестройки. М., 1990, с. 61-63
- 5 Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М., 1988, с. 9-50
- 6 Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1973; Бляхман Л.С., Шкаратан О.И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973
- 7 Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987
- 8 Правда, 1990, 1 сент.
- 9 Там же
- 10 Известия. 1990, 31 авг.
- 11 Там же, 10 авг.
- 12 Там же, 25 авг.
- 13 Там же, 28 авг.
- 14 Губогло М.Н. Национальные группы в СССР // Коммунист, 1989, № 10, с. 53-58
- 15 Известия, 1990, 17 февр.
- 16 Ch.Kenney, R.L.Turner. Dukakis. An American Odyssey. Boston, 1988
- 17 Цит. по: Дейл Карнеги. Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей. М., 1989, с. 543
- 18 Известия, 1990, 17 февр.
- 19 Там же
- 20 Советская культура, 1989, 15 сент.
- 21 См., например: Ненароков А.П. Догматическая канонизация сталинских подходов к решению национального вопроса и потери советской историографии объединительного движения // История СССР, 1988, № 6, с. 58-74
- 22 Барсегов Ю.Г. Право на самоопределение – основа демократического решения межнациональных проблем, Ереван, 1989
- 23 Правда, 1990, 27 февр.; см., например, обстоятельное обсуждение темы «Большие проблемы малых народов», проведенное газетой «Советская культура» (1988, 11 февр.)
- 24 Губогло М.Н. О разработке научной основы вопросов интернационального воспитания // Актуальные проблемы формирования интернациональной зрелости учащейся молодежи, Рига, 1987, с. 15
- 25 Культурная жизнь в СССР. Отв.ред. М.П.Ким. т.1. 1917-1927, М., 1975; т.2. 1928-1941, М., 1976; т.3. 1941-1950, М., 1977; т.4. 1951-1965, М., 1979; т.5. 1966-1977, М., 1981
- 26 Гражданские движения в Латвии 1989. Отв.ред. Н.Г.Чичерина, М., 1990
- 27 Библиография по проблемам народонаселения (советская и переводная литература 1960-1971 гг.), М., 1974, 344 с.; Библиография по проблемам народонаселения (1972-1975), М., 1977, 232 с.; Литература о народонаселении. Библиографический указатель (1979 – первая половина 1987 г.), М., 1987
- 28 Философский энциклопедический словарь. М., 1983; Словарь прикладной социологии, Минск, 1984; Демографический энциклопедический словарь, М., 1985; Юридический энциклопеди-

ческий словарь, М., 1987; Литературоведческий энциклопедический словарь, М., 1987; Кино. Энциклопедический словарь, М., 1987

29 Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура, М., 1986; Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. М., 1988

30 Подробнее см.: Концептуальные глоссарии: цели и принципы создания, М., 1988

31 Известия, 1989, 14 янв.

32 Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования, М., 1984, с. 6

33 Rotshild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework, New-York, 1981

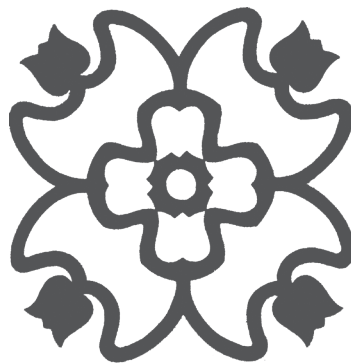
34 Никольский Л.Б. Изучение языковой ситуации как прикладной языковой дисциплины // Историко-филологические исследования, М., 1967; Он же. Изучение языковой ситуации как прикладная языковая дисциплина // Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки, М., 1970

35 Языковая ситуация в странах Африки, М., 1975; Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи, М., 1976; Языковая политика в афро-азиатских странах, М., 1977; Чернышёв В.А. Динамика языковой ситуации в Северной Индии, М., 1978; Кямилев С.Х., Мишкурлов Э.Н. Языковая ситуация и языковая политика в арабских странах // Языковая политика и языковое планирование в развивающихся странах, М., 1982; Кондрашкина Е.А. Индонезия. Языковая ситуация и языковая политика, М., 1986; Никольский Л.Б. Язык в политике и в идеологии стран Зарубежного Востока, М., 1986

36 Пучков П.И. Этническая ситуация в Океании, М., 1983

37 Тишков В.А. Тупики национальной государственности // Правда, 1990, 4 сент.

Впервые опубликовано в: «Национальные процессы в СССР», Редакторы-составители И.А.Гришаев, М.Ю.Чумалов, Ответ. Редактор М.Н.Губогло, Москва, «Наука». 1991, с. 5-42 (Endnotes)

ЭНЕРГИЯ ПАМЯТИ

(О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти)

Ассоциация «Педагоги за
национальное возрождение, развитие
и сотрудничество народов.»

В книге М.Н.Губогло делается попытка сформулировать ряд вопросов о месте, роли и значении исторической памяти народов в современных национальных движениях. Предлагая читателю новое идеологически растабуированное прочтение ряда художественных произведений, и в первую очередь, романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», автор обнаруживает осязаемое стремление осмыслить вклад литературно-художественной интеллигенции в обновление этнополитической ситуации на нынешнем, непростом пути народов к союзу суверенных государств. Как педагог, я надеюсь, что предложенный им подход окажется привлекательным для учителей истории и литературы в их повседневной деятельности, в том числе, в укреплении межпредметных связей при изложении истории через призму художественных произведений, и при изучении литературы в зеркале исторического процесса.

Светлана Бондырева.

(с) М.Н.Губогло, 1992

«Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после...»

Книга Екклесиаста, Библия, М, 1989, с. 666.

1. Непрерывная связь поколений.

Еще на рубеже XI XII веков Владимир Мономах в своем «Поучении» удивлялся поразительной родовой памяти птиц, позволяющей новым поколениям преодолевать огромные расстояния и безошибочно отыскивать традиционные места своего обитания. Феномен памяти, в т.ч. памяти, побуждающей птиц искать и находить постоянные зимовья и летовья всегда в одних и тех же местах, а также памяти, дающей народам ощущение исконности земли обитания, как бы не менялся облик этой земли и облик населяющих ее народов, продолжает волновать мыслителей нашего времени. Академик Д. С. Лихачев один из них. Ему, в частности, принадлежит фундаментальная идея о том, что раскрыть этничность (на примере русскости) можно только через понимание памяти, ее места и роли в формировании и сохранении национальной самобытности народа. Не случайно свою книгу, адресованную молодежи, он начал словами о памяти: «Очень мало у нас делается для того, чтобы рассказать широкому читателю о наших «корнях»... Мы не знаем о себе самых простых вещей» (1)

Лишение памяти о прошлом равносильно смерти. «Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек носитель прошлого и носитель национального характера», это снова Д.С. Лихачев. А вот ассоциированное с этой мыслью объяснение Василия Белова, автора книги «Лад» энциклопедии традиционного образа жизни русского крестьянства: «Беречь надо память.

Для памяти и пишу... Вне памяти, вне традиций, истории и культуры, на мой взгляд, нет и личности. Память формирует духовную крепость человека» (2)

Свое выступление на V съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (г.Горький, июль 1987) В.Г. Распутин начал с определения памяти, которая по его мнению представляет собой скрепляющую и охранительную силу, направленную на раскрытие и расцвет народных возможностей. И нет почвы более плодотворной, чем национальная память, если понимать ее как «ощутительную, непрерывную связь поколений, живущих с поколениями прошлого и будущего»(3). Лишение памяти, манкуртизация, самая страшная кара для отдельного человека и для целого народа. Одним из самых жестоких преступлений против человечности Чингиз Айтматов считает варварское изобретение кочевых средневековых жуаньжуаней, позволявшее им отнимать у пленников их память, тем самым лишая человека его сути и превращая его в беспамятного раба-манкурта.

«Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, причитает НайманАна, мать живого сына, превращенного в беспамятного манкурта, но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека?! О господи, если ты есть, как внушил ты такое людям? Разве мало зла на земле и без того?» (4)

Когда корпус под командованием генерала А.П.Кутепова в составе Русской армии П.Н. Врангеля высадился с кораблей в маленьком турецком городке Галлиполи, казалось, что разрозненным, измученным духовно и физически, изнуренным и выброшенным зимой на пустынный берег разбитого городка русским

воинам нет никакого дела до памяти, памяти о покинутой родине, памяти о солдатах русской армии, памяти о павших за честь любимой России. Впрочем, когда французы потребовали сдать оружие, в ответ услышали, что только после боя, если бой с французами будет проигран. Более того, генералу А.П. Кутепову удалось мобилизовать обреченных людей, вселить в них надежду на победоносное возвращение, и армия возродилась. И жарким июльским днем 1921 года, когда в торжественной обстановке в Галлиполи открывался памятник, каждый из русской армии принес на место памятника камень, который ему под силу было поднять, и из 24 тысяч камней сложился курган, на котором установили, как на шапке Мономаха, мраморный крест. На переднем фасае Русский государственный герб, двуглавый орел, а под ним на мраморной доске надпись на русском, французском, турецком и греческом языках: «Упокой, Господи, души усопших. 1ый корпус Русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь родины нашедшим вечный покой».(5) Память нужна была не усопшим, а тем, кто остался в живых. Память и воля к жизни оказались нерасторжимыми. Память стала продолжением жизни, ее неотъемлемой частью.

Четверть века дрались горцы во главе с легендарным Шамилем за национальную независимость. За двадцать пять лет борьбы изменился не только внешний облик Дагестана, но даже названия мест и рек. «Авар Косу, вспоминает Расул Гамзатов, стала называться Кара Койсу, то есть Черной рекой. Появились Раненые скалы, Ущелье смерти, прославилась река Валерик, остались в народной памяти тропа Шамиля, дорога Шамиля, танец Шамиля.» (6)

Когда князь Барятинский пытался внушить плененному Шамилю мысль о напрасных жертвах, о бесполезности его борьбы, Шамиль ответил ему: «Нет, не напрасны. Память о ней сохранится в народе. Многих противников моя борьба делала братьями, многие враждовавшие между собой аулы она объединила, многие народы Дагестана, враждовавшие между собой и твердившие «мой народ», «моя нация», она слила в единый Дагестанский народ. Чувство Родины, чувство

единого Дагестана я завоевал и оставляю своим потомкам. Разве этого мало?»(7).

2. «Прости им, ибо не знают, что делают»... Или наступление на память.

Важным условием существования и развития любой культуры является оптимальное сочетание в ней преемственности и инноваций. И если деформируется соотношение между этими двумя составляющими, если нарушается баланс, то культуре угрожает размывание, исчезновение, бесплодие, тупиковое или застойное топтание на месте. Именно последнее грозило иметь место для многих национальных культур, пока не грянула перестройка. Тупиковый путь был предопределен внедрением идеологии приоритета классового фактора над общечеловеческим и над национальным факторами. В итоге культура лишалась важнейшего катализатора своего развития: вечного диалога прошлого с настоящим. А между тем, спор между настоящим и прошлым представляет собой поиск будущего. Вывод очевиден: лишая себя прошлого, мы лишаем себя и своего будущего.

Метастазы этой болезни в 70-80е годы поразили глубокие слои наших национальных культур и в первую очередь культур народов не титульных (не имеющих своей национально-государственной или национально-территориальной автономии) и малочисленных. Приведу только один пример из результатов опроса общественного мнения, организованного и проведенного социологами три года тому назад в декабре 1989 года. Согласно итогам опроса, лишь 8,0% советских людей испытывают чувство связи с ушедшими поколениями.(8)

Согласитесь, что этот удручающий показатель очень трудно комментировать. Хотя думать над этим надо, и, видимо, непрестанно. Это показатель степени манкуртизации лишения народов их исторической памяти под надуманными псевдореволюционными предложениями разрушения старого ради построения новой коммунистической цивилизации, уничтожения культуры прошлого ради создания новой пролетарской культуры и нового советского человека. Горько сознавать,

что значительная часть советских людей это поколение полуманкуртизированных людей. Еще более удручающее впечатление производит другая цифра полученная в ходе того же самого опроса: только один человек из сотни опрошенных осознает вину своей страны перед другими народами. Это тоже результат манкуртизации. Не исключено, что понятие манкурта и манкуртизации будут до полнены новыми терминами, показывающими упадок национальной и общечеловеческой культуры, степень деградации личности вследствие истощения запаса культуры. Ю.Карякин предложил, в частности, ввести новый термин «мауглизм», согласно которому, все мы, советские люди, за редким исключением, «маугли, почти каждый из нас по-своему маугли», потому что, «мы рождены и воспитаны в бесчеловеческой социальной стае» (9). В гениальной книге Р.Киплингга, конечно, есть одна существенная неточность. В самом деле, человеческий детеныш, попавший в стаю волков, и воспитанный в стае, никогда уже не станет нормальным человеком. Немногим из нас, полу манкуртам, полумаугли, суждено возродиться в нормальных людей, в таких истинных немаугли, как А.Сахаров, С.Аверинцев, Вяч.Иванов, Д.Лихачев, А.Солженицын. Хотя среди интеллигенции немало тех, кто, вопреки всем идеологическим табу, сохранил любовь к Бунину и Есенину, Булгакову и Платонову, сочувствие Максиму и Солженицыну, Набокову и Некрасову.

Выше я привел примеры интраманкуртизации, т.е. той, что укоренилась в душе и в памяти советского человека или группы людей. Но есть еще экстраманкуртизация, т.е. выбитая память из нашей культурной экониши. Хорошо известно, с какого времени запущены часы экстраманкуртизации. С того самого, когда Петербург переименовали сначала в Петроград, а затем в Ленинград.

Не случайно, ленинградцы, пришедшие 12 июня 1991 года к избирательным урнам, проголосовали за возвращение городу его исторического названия Санкт-Петербург. И хотя, во-первых, результаты опроса населения не имели юридической силы, а во-вторых, для части населения память о Ленинграде ближе и дороже памяти о Санкт-Петербурге, обще-

ственное мнение было учтено при вынесении окончательного решения.

Ураганы Октябрьской революции, Гражданской войны, военного коммунизма, нэпа уничтожили многое в русской национальной памяти, воздвигли страшный барьер между прошлым и будущим русского народа. Громадное количество разрушенных памятников старины, русских культурных институтов, массовое уничтожение русского крестьянства, социальной базы русской национальной памяти, утраченные надежды на возрождение русской этничности, гибель или бегство значительной части цвета нации лучшей части русской интеллигенции все это трагически сказалось на развитии русского национального самосознания.

С 1918 года началось «триумфальное шествие» переименований городов, площадей и улиц. По подсчетам специалистов, в одной Москве в 1972 г., т.е. через полстолетия сохранилось только 693 названия из 1344, указанных в путеводителе 1912 года.(10) Так, с помощью экстраманкуртизации ускорялась интраманкуртизация. Закономерно, что это вызывало протест у той части творческой интеллигенции, которая считала преступлением насильственное стирание памяти о прошлом. В этом смысле автор «Мастера и Маргариты», «Театрального романа», «Белой гвардии» принципиально пренебрегал новыми названиями улиц Москвы, именуя их в своих произведениях не иначе, как подореволюционному: Патриаршие пруды вместо Пионерских, Божедомка вместо Достоевского, Тверская вместо Горького, Пречистенка вместо Кропоткинской, Кудринская площадь вместо площади Восстания.

Напомним, что «Мастер и Маргарита» наряду с «Доктором Живаго» и «Тихим Доном» составляют непревзойденные ориентиры русского романа XX века, века, на чью долю досталось как насаждение манкуртизации, так и, будем надеяться, ее преодоление.

Наступление на историческую и национальную память народов велось систематически с тех времен, когда на этнополитической авансцене появился решительный человек с холодным взглядом, в перетянутой пулемет-

ными ремнями куртке с тяжелым маузером в деревянной кобуре.

Помним мы и трагически вершинные точки подавления памяти все, что было в 1929 году, в конце 30х, накануне Великой Отечественной войны и в конце 40х после ее завершения.

Ущемление русской памяти началось гораздо раньше, чем наступление на память нерусских народов. Достаточно вспомнить яростную кампанию, запущенную на XII съезде РКП(б) Сталиным, сразу же после смерти Ленина, против великорусского шовинизма.

Главной задачей своего участия на этом съезде Сталин выбрал борьбу против великорусского шовинизма, так по его словам, «национализм великорусский стал нарастать, усиливаться» в связи с нэпом (11). Столкнувшись лбами и откровенно противопоставив, «бывшую державную нацию», состоящую из 75 миллионов человек остальным 65 миллионам угнетенным национальностям», назвав советскую власть русской властью (12), он предложил целую программу борьбы с российским наследством и добился принятия соответствующей резолюции.

И подобно тому, как общеизвестная резолюция «Об очередных за дачах партии в национальном вопросе (13)» X съезда РКП(б) в 1921 году открыла широкую дорогу аффирмативной национальной политике, («Помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию...»), политике приоритетных условий возрождения памяти, самопознания, культуры и хозяйства отсталым в прошлом народам, неосмотрительно насаждая среди определенной их части комплекс иждивенческих настроений, искусственно культивируя преувеличенное значение национального фактора и национального самосознания, резолюция XII съезда РКП(б) в 1923 году «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» (14) почти дословно повторяющая тезисы Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» (15), открыла широкое наступление против национальной памяти русского народа под революционным флагом борьбы против российского наследства «периода националь-

ного гнета», «тюрьмы народов», «жандарма народов» и т.п.

Перелистаем еще раз внимательно материалы XII съезда. В одной из его резолюций встретим такую установку: «Партия обязана вести решительную борьбу прежде всего с остатками великорусского шовинизма. Только решительной борьбой с великорусским шовинизмом можно обеспечить прочный союз и обеспечить влияние партии среди трудящихся» (16), в другой резолюции еще более резко, более однозначно, прямолинейно против российского наследства, которое, согласно установке большевиков тех лет, «состоит, во-первых, в пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великоруссов... разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание (так в тексте М.Г.) положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются ничем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности..., во-вторых, в фактическом, т.е. хозяйственном и культурном неравенстве национальностей Союза Республик... Поэтому борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей (вот где истоки и начало идеологии курса национальной политики на решительную унификацию М.Г.), борьба за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов является второй очередной задачей нашей партии» (17), и, наконец, в докладе И.Сталина XII съезду «... опаснейший враг, которого мы должны свалить, ибо если мы его свалим, то на 9/10 свалим и тот национализм, который сохранился в отдельных республиках» (18)

В 1988 году в стране отмечалось шестисотлетие Куликовской битвы. «Но разве мы свято храним память об этом великом народном подвиге, героях исторической битвы?» спрашивает Д.С.Лихачев и приводит, как бы в ответ на свой вопрос, слова народного художника СССР П.Корина: «На Куликовском поле решалось будущее России и Европы. Русские грудью своей, жизнями тысяч оплатили победу. В те далекие века было завещано помнить

павших на поле Куликовом «пока стоит Россия».

А первым павшим был Александр Пересвет, что перед сдвинутыми ратями принял вызов Челубея и погиб, сразив врага... Пересвет и Ослябя упоминаются в каждой летописи. Для множества поколений были они символом доблести и ратной чести. Но многим ли известно, что Пересвет и Ослябя похоронены в Москве, в церкви Рождества? Сейчас она находится на территории завода «Динамо». В четверике старой церкви установлен мотор в 180 киловатт. На метр он углублен в землю. Древняя почва вся перерыта. Здание сотрясается от грохота. Близлежащие улицы, называвшиеся именами героев Пересветинская и Ослябинская, теперь переименованы. Нет ни одного упоминания доски мемориальной хотя бы. Ничего нет. Рев моторов над прахом героев. Вот вся тебе память и слава».(19) В этих словах выражена не только гражданская позиция художника, в них выражены скрытые чувства граждан, желающих помнить и чтить героическое прошлое своего народа.

Выйти из кризиса беспамятства, очевидно, можно таким путем, каким мы в него вошли: восстановление эпопеи, исторической памяти, возвращение полуразрушенной инфраструктуры ее прежних красок и устоев.

И поскольку историческая память живет в самом народе, воспроизводится им, а также воплощается в жизнь и возрождается интеллигенцией, постольку и интеллигенции надо предъявлять счет за память о памяти, за общее состояние духа и самосознание нации, за полнокровные традиции, за бесперебойную работу механизмов межпоколенной и внутрипоколенной передачи той информации, без которой этничность не этничность, самобытность не самобытность.

И.Сталин, по-видимому, неплохо представлял себе значение исторической памяти в национальном вопросе, т.е. в межнациональных отношениях. Объявляя бой русской памяти, великорусскому шовинизму, он принимал в расчет самую же память..., в том числе те традиции русского дореволюционного либерализма, согласно которым радикальное проявление русского патриотизма объявлялось, во-первых, реакционным, во-вторых, направ-

ленным против инородцев. Иными словами, обращаясь к одной части памяти, будущий диктатор мобилизовал силы для преследования другой памяти, памяти, связанной с любым проявлением русского национального самосознания.

А когда стране стало совсем худо в суровые дни Великой Отечественной войны, он, отдавший много сил борьбе с русской национальной культурой и с православием, быстро сменил хулу на похвалу и обратился к русской памяти, русскому патриотизму, к доблестным деяниям легендарных русских полководцев. В годы войны, после десятилетий принижения дореволюционной истории русского народа и истории Государства Российского, Сталин перестал бороться с православной церковью и использовал ее поддержку, в частности, в партизанском движении.

Для того, чтобы утолить ущемленное системой национальное самосознание русских, Сталин обратился к идее великого русского народа, объединившем вокруг себя нерусские народы, к идее, старшего брата, примеру которого надо следовать братьям меньшим. На заложенном «вождем народов» концептуальном фундаменте последовательной манкуртизации русского народа в форме, провозглашенной им борьбы с великорусским шовинизмом, выросла новейшая историографическая пристройка, состоящая из серии книг и статей, изданных внутренним самиздатом и зарубежной, отнюдь не дружественной группой исследователей. В самом общем виде основные положения этой историографии, вольно, или невольно раскручивающей жернова манкуртизации, состоит признание того, что «русские это народ рабов, всегда преклонявшихся перед сильной властью, ненавидящих все чужое и враждебных культуре, а Россия вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира» (20). Понятно, что систематическое тиражирование этой концепции, внушение народу его периферийного положения в череде цивилизованных стран, ведет к духовному оскудению, размыванию национального самосознания, к массовому манкуртизму.

3. Контрнаступление... или борьба за память.

Следы беспамятства и сегодня беспокоят многих деятелей национальной культуры, идеологов и лидеров современных национальных движений. «Тоталитарная система, констатирует, в частности, Программа Белорусского Народного Фронта, физически и морально уничтожала тех, кто начинал белорусское Возрождение выдающихся деятелей культуры, науки, политики, и привила многим страх перед всякими проявлениями национального самосознания. Свою дань взяла с Белоруссии война. Все это привело к смертельно опасному кризису, в котором оказалась сегодня белорусская нация... Ее перестают объединять традиционные культурные и моральные приоритеты, перестают объединять язык и забота о будущем»(21).

Эпоха беспамятства не осталась бесследной: выросли поколения людей, не восприимчивые к культурно-историческому наследию, с догматическим мышлением и ощущением, без понимания связи прошлого с настоящим. Трудно ожидать от таких людей, особенно, если они оказываются руководителями учреждений, проявления заботы о памяти.

Поэтому, до сих пор «памятники продолжают сноситься, закон перед отечественными варварами в руководящей тоге продолжает пасовать, да и слаб он, этот закон..., говорил В.Распутин на V съезде Все российского общества охраны памятников истории и культуры, право на память даруется подобно ярлыку, за которым в старой Руси ездили на поклон в ханскую Орду»(22).

Возрождение национальной памяти народов закономерно занимает едва ли не ведущее место в программных документах всех нынешних национальных движений. Однако, нередко передний фронт этой борьбы оказывается совсем не там, где ему следовало бы проходить, а энергия памяти направляется по ложному пути. Вместо борьбы с бюрокра-

тическим диктатом Центра, с расходами на поддержание сомнительных режимов на азиатском, африканском, латиноамериканском континентах, с расходами на содержание растущего вширь, а не вглубь, количественно, а не качественно военно-промышленного комплекса, с борьбой против крайне отсталой экономики, острое возмущение направляется против одной из национальностей, в пределах бывшего СССР чаще всего против русских.

Искусственное насаждение манкуртизации, попытки очернить историю и культурное наследие отдельных народов, порождало, подобно эффекту бумеранга, прямо противоположную тенденцию: возрастание явного или скрытого интереса к истории и своему прошлому. Более того, с повышением образовательного и культурного уровня народа, ростом национальных отрядов интеллигенции, исторические сочинения, в том числе историческая беллетристика, становились объектом пристального читательского внимания все более широких кругов. Как показали представительные этносоциологические исследования, проведенные в ряде союзных республик в 70-80е годы, книги об истории своего народа являются одними из наиболее популярных среди читателей. При этом среди грузинского и узбекского населения в городах Узбекистана и Грузии книги такого рода занимали по степени популярности второе место. У русских четвертое, у эстонцев в Эстонии третье. «Исторические» книги называли любимыми четвертая часть среди опрошенных узбеков-горожан. При этом у более молодых групп узбекского городского населения книги о прошлом своего народа пользовались несколько большей популярностью по сравнению с аналогичными группами других обследованных национальностей. Отсюда ясна и та роль, которую играет историко-художественная литература в формировании и развитии как национального самосознания, так и идеологии современных национальных движений.

Степень интереса к различным литературным темам среди городского населения различных национальностей (по данным этносоциологических опросов, проведенных Институтом этнографии АН СССР) приведена в табл N 1.

Литературные темы	Популярность среди читателей мест, занятых каждой темой в структуре предпочтений						
	1	2	3	4	5	6	7
О войне	Русские Грузины Молдаване		Узбеки		Эстонцы		
О прошлом своего народа		Узбеки Грузины	Эстонцы	Русские		Молдаване	
О любви и дружбе	Узбеки	Русские Молдаване		эстонцы			
Приключенческая фантастика	Эстонцы		Русские Молдаване	Узбеки			
Общественно-политическая				Молдаване	Русские Грузины		Узбеки эстонцы
Преимущественно психолог. содерж.		Эстонцы		Грузины	Молдаване	Узбеки Русские	
По специальности			Грузины		Узбеки	Эстонцы	Русские Молдаване

Вместе с тем неодинаковая степень интересов к литературе о прошлом своего народа у представителей различных национальностей, в нашем случае больше среди городских узбеков, грузин, эстонцев, русских, относительно меньше среди молдаван заставляет задуматься и искать соответствующее объяснение. Не исключено, что глубокий интерес к прошлому своего народа выше, во-первых, там, где оно есть, во-вторых там, где более устойчиво национальное самосознание. Если принять за меру устойчивости национального самосознания степень совпадения национальной идентичности и родного языка, то без особого труда можно обнаружить, что среди национальностей, имевших союзную республику, именно среди городских молдаван в Молдавии эта устойчивость на рубеже 70-80х годов была самая низкая: она составляла по данным переписи населения 1979 года 88,5%. Среди русских в городах РСФСР доля лиц с родным языком своей национальности составляла 100,0%. Среди грузин, эстонцев и узбеков в городах соответствующих республик указанный показатель поднимался соответственно до 99,1%, 98,5% и 96,7%. Распределение чи-

тательских интересов по литературным темам, разумеется, не могло быть идентичным среди различных половозрастных, социально-профессиональных и национальных групп городского и сельского населения. Сравнение этих различий на достаточных по количеству и надежных по качеству материалах этносоциологических опросов, проведенных этносоциологами Института этнографии АН СССР в 70-80е годы в республиках, представляющих основные регионы страны Россию, Среднюю Азию, Кавказ и Прибалтику, позволили выявить как общие, так и индивидуальные наклонности. (23)

Если к разряду исторических романов отнести и литературу, посвященную прошлой войне, то есть основания констатировать, что среди русских, грузин и молдаван предпочтения, отданные этой литературе, занимали первое место, среди узбеков третье, среди эстонцев пятое. Взрыв читательских интересов к литературе о прошлом, в том числе о прошлом своего народа, отмечали в 70-е годы многие исследователи в разных республиках страны. Об этом, в частности, свидетельствуют зачитанные до дыр экземпляры истори-

ческих романов в сельских библиотеках Вологодской области. Для этого жанра библиотечным работникам приходилось выделять особые полки и особые отделы.

«...Какой одновременно ужасный и величественный вид являют собой эти отделы! Я сказал бы, пишет наблюдавший эти тенденции Ю.А.Андреев, что далеко не всякий пункт макулатуры отважится принять этих индивидов жертв читательского интереса к отечественной истории. Но что делать, если библиотеки получают исторический роман считанными единицами, а, в очередь, например, за «Емельяном Пугачевым» или «Петром Первым» записываются чуть ли не за год вперед?» (24)

Разумеется, память далеко не единственная забота отечественной интеллигенции, издавна, еще со времен «Слова» Даниила Заточника, оказавшейся в промежуточно-маргинальном состоянии и взявшей на себя нелегкую миссию посредника между управляемым народом и управляющей, власть имущей властью. Тысячелетнее противостояние интеллигенции и Власти само по себе достойно памяти, понимания и систематического уважения. Борьба за память, иногда в форме беспощадной критики существующей общественной системы, иногда разговорно-эзоповым языком, иногда молчаливым ничегонеделанием, иногда писанием бумаг, иногда вступлением в связь и в переписку с сильными мира сего, иногда протест, выраженный в Манифестациях, Обращениях, Меморандумах, Путешествиях и т.д. все это формы участия интеллигенции в общественной жизни страны, многотрудной истории России.

Всегда у нас так было. С одной стороны, интеллигенция корнями своими уходила в народ, выходила из народа, и набивала себе шишки в борьбе за народ. Но эта же самая интеллигенция и обвиняема была за все беды народные. С другой стороны, на интеллигенцию в первую очередь, обрушивался гнев Власти за те или иные промахи. Интеллигенция первая принимала на себя репрессии тоталитарного режима.

Она больше всех страдала, если отказывалась выполнять волю тех, кто оказался на вершине пирамиды власти. Каждая из дей-

ствующих сил народ, власть и интеллигенция по-разному относятся к памяти, в разной мере и для разных целей нуждаются в ней. Народу память нужна для того, чтобы оставаться самим собой, чтобы, имея прошлое, быть в настоящем. Власти нередко память нужна для того, чтобы отрицать самую эту память, ради того, чтобы реализовывать ею, Властью, избранные и сформулированные цели. Как, например, в партийном гимне:

*Весь мир насилья мы разрушим до основанья
А затем мы наш, мы новый мир построим
Кто был ничем, тот станет всем.*

В этом гимне красноречиво выделено крепдо: разрушим старое и возьмем себе все, станем всем. Интеллигенция нуждается в памяти, чтобы оправдать свое существование перед народом, который кормит ее, и пытается иногда исправить память ради Власти, так как последняя прикармливает ее не важно как, выгодными заказами ли, или еще прямолинейнее дачами, привилегиями, званиями, орденами и другими «наградами». Именно эта двойная зависимость интеллигенции и от народа и от Власти, лишает ее (интеллигенцию) полной свободы ее творчества. И именно поэтому ее достоинства и ее заслуги в деле возрождения памяти порой переходят в прямо противоположное свойство в искажение памяти. Но об этом, последнем, речь ниже. Редко кому из художников, подобно Пушкину, например, удавалось быть свободным и от народа, и от Власти. Взаимоотношения же интеллигенции, и это особенно заметно в периоды политической нестабильности, напоминают постоянный маятник, раскачивающийся то в одну, то в другую сторону, примыкая то к тому, то к иному политическому полюсу. Вот почему выяснение роли творческой интеллигенции в национальном возрождении и в возрождении памяти, относится к числу тех роковых задач, в которых, быть может, содержится ключ, как говорил Г.П. Федотов, к пониманию России и ее будущего(25).

Поэтому многие пишущие об этнической истории, о национальной культуре и о культуре памяти не могут пройти ее стороной. Если интеллигенция не воздвигает мосты между прошлым и будущим, скорее всего она

обречена на хроническое бесплодие. Она в таком случае не выполняет свое предназначение быть памятью памяти. Чем иначе можно объяснить теперь, когда мы все немножко опьянели от свежих ветров демократизации, определенную изолированность большей части творческой интеллигенции, не создавшей, за редким исключением, ни одного монументального произведения, достойного длительной жизни. Ни новых романов и свежих полотен, ни свежих идей, ни захватывающих проектов. У всех на виду еще одна полоса выход к широкому читателю тех произведений, которые до недавнего, таясь, мы временами лихорадочно читали в коротких зарубежных командировках.

Сегодня многим кажется, что интеллигенция поддержала Власть сначала в лице М.С. Горбачева, а затем в лице Б.Н.Ельцина за то, что ей, интеллигенции, не запрещено говорить, писать, думать и вспоминать. Однако, еще задолго до нынешнего президента страны, интеллигенция в художественной форме выявила и лучше, чем в научной, обнародовала несоответствие официальных деклараций реальной практике. О манкуртизации писали многие писатели, поэты, публицисты, ученые и политики, художники и практики. Однако, судьбой было предопределено Чингизу Торекуловичу Айтматову найти такие слова, такую форму, и создать такой тройной роман в одном романе, чтобы малоизвестная легенда о манкуртах стала символом и первоначальным импульсом важнейшего социально-культурного движения многих народов нашей страны. Но как часто случается у нас, сам термин получил более широкое распространение сначала на Западе, а потом вернулся и к нам.(26)

Это произошло, разумеется, не случайно. Одно дело появление в свет нового художественного явления. Совсем другое то значение, которое придается официозом этому явлению перед лицом общественного мнения. Едва ли не издевкой сегодня, в условиях идеологии ческой раскрепощенности, звучат слова краткой аннотации к роману «И дольше века длится день», целиком посвященному сохранению национальной самобытности, идентичности тюркоязычных народов Средней Азии через восстановление нарушенной

исторической памяти. Не могу не привести эти слова из аннотации, дающей лжезначение роману, там, где этот роман публиковался: «Если человечество не научится жить в мире, оно погибнет», и «Трудолюбие одно из непреходящих мерил достоинства человека.»(27)

Так сказано о содержании романа в пустой напутственной аннотации, хотя сам автор, по его словам, ставил перед собой совсем иную цель, о чем сам же недвусмысленно заявил в предисловии к своему роману. «Человек без памяти прошлого, объяснял свое понимание беспамятства Ч.Айтматов, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем».(28)

Естественно, возникает множество вопросов. Выделим наиболее важные: когда манкуртизация началась, как претворялась в жизнь, кто и как поднял знамя борьбы с ней, забив в тревожные колокола народной памяти. Подготовка к Учредительному съезду «Педагоги за национальное возрождение» предоставила случай начать ответ с третьего вопроса. Ибо лучшая часть педагогов, воспитателей в широком смысле, вместе с лучшими (вершинными) представителями творческой интеллигенции начинали, всегда вели борьбу с манкуртизацией.

Никто не сможет отрицать, что заметную роль в этом сыграла серия произведений, посвященных проблемам исторического наследия народов «Память» Владимира Чивилихина, «Аз и Я» Олжаса Сулейменова, «Царьрыба», «Печальный детектив» Виктора Астафьева, «Русь изначальная», «Русь Великая» В.Иванова, «Лад» Василия Белова, «Прощание с Матерой», «Пожар» Валентина Распутина, «Судьба» Петра Проскурина, «Длинный караван» Дионисия Танасоглу, «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова. Серия этих произведений, число которых можно было бы значительно увеличить, напоминает те случаи, когда по выражению В.Г.Белинского художник становится историком, а историк художником.

К другой серии лирической прозы, также посвященной памяти, или утверждению любви к своему дому, к родному очагу, относятся «Ледовая книга» Юхана Смуула, «Трава забвения» Валентина Катаева, «Тетива» Виктора Шкловского, «Ночные бабочки» Эдуардаса Межелайтиса, «Поэт» Эффенди Капиева, «Мой Дагестан» Расула Гамзатова, «Очаг» Зория Балаяна и многие другие. Я не называю национальность общеизвестных писателей, кроме исторического романа Д.Танасоглу, произведения, опубликованного во-первых, на гагаузском языке, во-вторых, мизерным тиражом, и потому малодоступного для широкого читателя. Борьба передовой интеллигенции против губительного беспамятства практически началась с того самого момента, когда обрушилась беда на нашу историю, когда стали насильственно разрушаться общечеловеческие ценности и национальные устои культуры народов.

Может быть, в самом деле, первой жертвой пал русский поэт, который прежде, чем повеситься, кровью из перерезанной вены написал знаменитые строчки: «В этой жизни умирать не ново.» А потом пошло поехало. Уехали или ушли сами из страны, из культуры, из жизни, или были раздавлены прессом социалистического реализма сначала В.Маяковский и М.Цветаева, потом А.Фадеев. Уже в наши дни «добровольно» или насильственно покинули страну летописец трагедии народа А.Солженицын, поэты Иосиф Бродский, Александр Галич, художник и скульптор Эрнст Неизвестный, виолончелист Мстислав Растропович, певица Галина Вишневская. Были обречены на полулегальное, полуэзоповское творчество М.Булгаков и А. Платонов, А. Ахматова и М. Зощенко, Д. Шостакович и А. Довженко, бесплодием завершилась реализация таланта А. Блока и М. Горького, М. Шолохова и других писателей. За рубежом, а не у нас в стране, стал выходить талантливый журнал «Континент» Владимира Максимова. Покинули страну, чтобы за ее пределами сохранить преемственность между дооктябрьской и современной культурой там, за кордоном писатели и поэты Иван Бунин и В.Ходасевич, художник Кандинский, композитор Рахманинов, философ Мережковский.

Высланный из страны Питирим Сорокин стал непревзойденной вершиной социологической науки первой половины и середины XX века, Н.Бердяев отцом философии персонализма. Русская память, историческое наследие сохранялись Там более целенаправленно, чем Здесь. Более того, имеются заслуживающие доверия свидетельства относительно того, что оставшаяся в России интеллигенция, потеряв смысл своего существования и, не видя перспектив реализации своего таланта, оказалась на краю физического вымирания. По крайней мере, так об этом писал Г.Уэльс, наблюдавший жизнь русской интеллигенции в 1920 г. «Смертность среди русской творческой интеллигенции, констатировал он, невероятно высока. В большой степени это, несомненно, вызвано общими условиями жизни, но во многих случаях, мне кажется, решающую роль сыграло трагическое сознание бесполезности большого дарования. Они не смогли жить в России 1919 года, как не смогли бы жить среди кафров»(29).

Известны и другие, более широкомасштабные примеры, подтверждающие взаимосвязь продолжительности жизни и сохранения памяти, в т.ч. среди крупных социальных и этнических групп. Комплексные исследования феномена долгожительства, проведенные этноэкологами Института этнологии и антропологии АН СССР позволили выявить положительную корреляцию между долгожительством абхазов и полнокровным сохранением памяти, что находило, в частности, свое выражение в более или менее стабильном соблюдении соционормативной культуры абхазской этнической общности. Хранимая в памяти народной система предписаний всевозможных обрядов от родильных до похоронных, и система запретов на нарушение этих правил, система запретов на разрушение памяти, давала людям преклонного возраста дополнительные силы и стимулы к жизни. Словом, память продлевала жизнь. И, наоборот, беспамятство, разрушение памяти, в том числе, закрепленное в духовной культуре или в идеологии, порой могло стать причиной преждевременного вымирания. Можно сослаться на слова Г. Уайлда, которого доверительно цитирует И. Шафаревич: «Идеология, как бы она ни была да-

лека от очевидных биологических потребностей, практически оказывается биологически полезной, то есть благоприятствует выживанию вида. Без этого духовного вооружения не только общества приобретают тенденцию к распаду, но и составляющие их индивидуумы перестают держаться за жизнь.» Разрушение религии» у примитивных народов всегда рассматривается специалистами как основная причина их гибели при столкновении с цивилизацией белых»(30).

Таким образом, есть некоторые основания сделать вывод о том, что сохранение памяти, и в первую очередь интеллигенцией, как ее прорабами, умножает ее силы, удлиняет жизнь народа, и, напротив, разрушение памяти создает угрозу существованию как интеллигенции, так и народу, которому интеллигенция служит. Пытаясь понять, где проходит линия центрального напряжения в нынешней этнополитической ситуации в СССР, директор библиотеки конгресса США Х.Биллингтон, в лекции, прочитанной в американском посольстве в Москве, сделал очень важное признание. По его мнению, составляющие Советский Союз народы, одновременно борются и за общие гражданские права и за собственное национальное самосознание. И ключевая борьба в политике идет не на поверхности между программами и индивидуальными лидерами, а гораздо глубже в системе экономики. Не поддающиеся преодолению конфликты, происходят как непрерывная цепь схваток за обладание власти между разными соперничающими группами, и прежде всего между теряющей силу машиной управления сверху созданной компартией для руководства народом и новыми силами демократизации идущими снизу от самого народа. Все эти силы, по мысли Х.Биллингтона «легче понять, читая длинные романы, нежели сокращенную историю России.» (Независимая газета, 1991, 4 июня).

Для того, чтобы поднять знамя борьбы против манкуртизации на рубеже застойных 70-80х годов, нужен был очень сильный, едва ли, не скандальный, прецедент. Роль шоковой терапии сыграло появление в декабре 1980 года романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день». Критика не медленно заме-

тила его как явление художественной жизни, но специалисты до сих пор не оценили его как некий компендиум национальных процессов.

И хотя о трагедии беспамятства и о роковой опасности утраты исторической памяти писали задолго до Айтматова, и параллельно с ним, и после него, именно ему выпал жребий подарить общественности фундаментальную дефиницию, манкуртизм, без которой сегодня, практически, нельзя понять ни современные национальные движения, ни новую этнополитическую ситуацию страны, ни шквально обрушившийся рост национального самосознания народов. Специалисты, т.е. литературные критики «прозевали» архитектуру романа и вместе с ней и его содержание. Между тем, присущая построению романа тайна, равно как и система действующих в нем лиц, требует серьезного, систематического, заинтересованного чтения, а с учетом свойственного культуре ислама толкования и прочтения. Планка этого прочтения порой очень высока: от читателя требуются глубокие знания истории кочевых цивилизаций, а также владение этнополитической ситуацией Европейских степей в различные времена.

Стержнем культуры ислама, как впрочем и некоторых других религий, например, иудаизма, является традиция толкования. Без толкования нельзя проникнуть ни в толщу культуры, ни в многообразие образа жизни. Не зря великий мистик и поэт Джалаладдин Румин понимал Коран как некую закрытую систему, как некий закрытый текст, доступный постепенному пониманию лишь через толкование, и сравнивал тайну Корана с тайной женщины, отвечающей тому, кто решился приподнять ее покрывало: «Я не то, что ты ищешь»(31).

Специалисты обществоведы не увидели значение романа по более простой причине: им все равно никто не позволил бы обнародовать «увиденное». Центральный нерв всего романа «И дольше века длится день» проблема исторической памяти народов, лишаясь которой, человек теряет себя, становится манкуртом, рабом, бессловесным исполнителем чужой воли, а народ, теряющий свои корни, наработанные веками механизмы преемственности культуры и образа жизни, обречен

на ассимиляцию и последующее исчезновение с этнической карты.

Четыре обстоятельства побудили меня вернуться к роману Ч.Айтматова, который впервые я прочитал более десяти лет тому назад. Во-первых, это сложная система историко-культурных ассоциаций, пространственно-временных и личностно-психологических параллелей, вызываемая содержанием романа, во-вторых, идеи писателя, высказанные им десятилетие тому назад, но не утеревшие свою актуальность сегодня, включая и предсказанные им современные межнациональные конфликты, и, в-третьих, универсальный характер борьбы творческой интеллигенции против манкуртизации, означающей ни много, ни мало предпосылку и необходимые условия национального возрождения, и, наконец, в-четвертых, плавный эволюционный переход от изобличения манкуртизма, от призывов за восстановление исторической памяти к общественной активности за обоснование национального возрождения как важного шага по пути к достижению национальной независимости.

Это обретение нового качества нашло отражение в выступлении той части творческой интеллигенции, которая естественно возглавила национальные движения или влилась в состав активных участников этих движений. Так, например, выступая на митинге 28 августа 1988 года, в годовщину подписания пакта Молотова-Риббентропа, объявленного в Литве «Днем национального траура», писатель В.Петкявичюс указал на наличие тесной связи между борьбой против манкуртизации и подъемом национального движения. «От начала и до конца движения, говорил, в частности, В.Петкявичюс об истории становления Саюдиса литовского национального движения за перестройку, при надлежало и будет принадлежать всему нашему народу, и никому больше... Движение это эшелоны ссыльных и проклятых, с которых это проклятие не снято и по сей день. Движение это дороги страданий всей нашей интеллигенции у себя дома, в Сибири, и в эмиграции.

Движение это память о тех честнейших коммунистах-ленинцах, против которых фабриковались дела и которые уничтожались

как злейшие враги народа. В конце концов, Движение это наше всеобщее желание избавиться от силой навязанной нам доли манкуртов, это желание снова видеть наш край свободным от экономического диктата союзных министерств, от колониальной сельскохозяйственной политики, это желание снова жить полнокровной жизнью не забывающих о национальном интернационалистов в своем зеленом, экологически чистом краю, где никогда не смолкал бы наш древний балтийский язык, и процветала бы такая же древняя и славная наша культура».(32)

4. Воскресение памяти... или национальная проблематика в системе ассоциаций романа «И дольше века длится день»

Существует множество способов того, как оторвать, или, напротив, как в нужном направлении сцепить между собой явление и значение этого явления. Более того, как явление, уже ставшее фактом жизни, сделать как бы и не состоявшимся вовсе, например, изгнать из памяти тривиальным умолчанием. Часть книг о национальных проблемах, касающихся конфликтности стороны дела, принято было шельмовать, прорабатывать, подвергать убийственной критике. Не менее опасным был другой, не менее конфликтный прием: изъятие из употребления, помещение в «спецхраны» или замалчивание. Роман «И дольше века длится день» не закрыли под замок спецхраны, не запретили приобретать массовым библиотекам в глубинке. Но с его идеологически опасной начинкой комплексом национальных проблем поступили безжалостно. Сделали вид, что этой начинки попросту не существует.

Удивительно, как в столь коротком романе писатель сумел создать обширное полотно взаимодействия политики и практики, найти важнейшие точки пересечения исторического наследия народов, с нынешними насущными задачами, сгруппировать методом непосредственных упоминаний и имплицитных ассоциаций демографические, экологические, социально-культурные, языковые, исторические аспекты национальной проблематики и

обнародовать в образах те болячки, о которых специалисты в области теории наций и национальных отношений не смели в те времена даже заикнуться.

Вся система ассоциаций построена вокруг легенды о манкуртах. Национальная проблематика отражена в зеркале этой легенды, в возгласе ночной птицы Доненбай: «Вспомни, чей ты? Как твое имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай!» Этот вопрос имеет принципиальное значение. Ч.Айтматов сознательно адресует его не только к самому себе, как писателю, к своему концептуальному кредо, но и ко всей творческой и иной интеллигенции, призванной бережно хранить память о предках и об отцовском доме, напоминать о том, как тяжело покидать родные края, края своего народа.

*У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому.*

(Ив.Бунин, 25.06.1922 г.)

Легенду о манкуртах любимый герой Айтматова Едигей вспоминает по дороге на кладбище АнаБейит, куда он везет хоронить своего друга Казангапа согласно завету покойного. По преданию сарозекские земли в прошлом были захвачены жестоким племенем жуаньжуаней, которые часть захваченных ими пленных превращали в своих послушных рабов, уничтожая при этом их память.

На бритые головы обреченных надевали кусок освежеванной плотной выйной части верблюжьей шкуры (шири), которая, высыхая на солнце, причиняла страшные мучения, завершавшиеся в конечном счете полным помутнением рассудка. Оставшийся в живых рабманкурт не помнил, кто он, где и когда родился, не ведал своего имени, не помнил рода-племени, не помнил детства, отца-матери. В то же время подобно преданной собаке, он признавал только своих хозяев, тех, кто его кормил; усердно выполнял порученную ему нудную и грязную работу, был чужд неповиновению, и все его помыслы сводились только к утолению чрева.

Один из таких молодых военнопленных, превращенный в манкурта, по наущению сво-

их хозяев убивает собственную мать Найман Ану, которая, узнав сына, пыталась восстановить его память, неоднократно повторяя ему его собственное имя Жоломан, и имя его отца Доненбай. От смертельной раны НайманАна стала медленно сползать с верблюдницы, а ее белый платок превратился в птицу Доненбай, которая с тех пор летает по ночам над степью с криком: «Вспомни, чей ты? Как твое имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай!» Место, где НайманАна пала от стрелы, пущенной в нее сыном манкуртом, стало называться кладбищем АнаБейит материнским покоем, а от ее белой верблюдницы Акмаи пошло знатное потомство, в том числе белоголовые верблюдницы, а также черные могучие самцы, подобные «герою» романа Буранному Каранару.

5. Освобождение памяти... или о судьбе исторической личности

Энергия памяти имеет двоякую форму существования: пассивную, состоящую, как дремлющий вулкан, в бездействии, и активную, пробуждающую народ из сонного состояния, вовлекающую значительные массы людей в борьбу за справедливость, за независимость, за суверенитет и за иные, свободу несущие идеи. Память, кроме того, содержит как то, что народ любит, воспекает, чем гордиться, в чем черпает силу, так и то, от чего сгорает от позора и стыда, предпочитает в подсознании помнить, но не вспоминать. И от нас зависит как распорядиться памятью о легендарном событии, о выдающемся предке, о любимом классике, или о недавно отстраненном от власти первом и последнем президенте ушедшего в историю СССР.

В самом начале 1992 года, всего лишь через несколько месяцев после того, как не стало ни СССР, ни его президента, ни КПСС и Генерального секретаря ЦК, бывший Председатель Совета Министров СССР Н.Рыжков в своих воспоминаниях горько сетовал: «Сегодня принято все беды, просчеты, огрехи и даже преступления, происшедшие в период перестройки, валить на убранного в отставку Горбачева. Это какая-то воистину холопская черта: топтать поверженного кумира, изга-

ляться над ним, крушить памятники и чернить память. Так было всегда, и отнюдь не только в советские годы. Самая точная в мире наука история стала в России самой неточной, самой лживой. Она переписывалась столько раз, что, пожалуй, уже невозможно определить, какой властитель каким был на самом деле варваром или созидателем, гуманистом или мизантропом, ангелом или убийцей. ... Советская власть усугубила процесс исправления истории тем, что мы стали просто-напросто вычеркивать из нее ушедших от дел или из мира правителей, будто их и не было вовсе»(33).

В нашей истории не было недостатка в скоропалительных оценках, стремительных возвышениях и скоротечных разоблачениях. Так было со Сталиным, так случилось с Хрущевым, а затем с Брежневым. Не избежал своей участи и Горбачев. А сколько неоправданных авансов было выдано сначала Звиаду Гамсахурдиа, а затем его преемнику на посту главы независимого Грузинского государства Эдуарду Шеварднадзе? Разрубленный мечом абхазский узел быстро снизил высокий рейтинг, с которым последний вернулся в Грузию и попытался силой вывести ее в ряд цивилизованных государств.

Борьба с памятью народа, не всегда напрямую вела к манкуртизации или мауглизации. Случался и другой, побочный результат, когда одни пласты памяти пытались подменить другими, или когда вместо теневой памяти пытались сочинить другую, освященную новейшими за ботами дня память. Так, например, случилось с освещением истории взаимоотношений нерусских народов с русскими в истекшие века. В угоду «светлой дружбе народов» из памяти народов пытались вытеснить их знаменитые победы, подвиги национальных героев, выдающиеся деяния царей и ханов, вклад в цивилизацию всемирно известных ученых. Предполагалось, что подобное вытеснение, или обеление темных мест в прошлой истории, добавит солнца в нынешней несветлой дороге жизни. Так рождались директивы, постановления, декреты, устные установки и прочие распоряжения «сверху», лишаящие народы радости воспоминаний,

подменяющие гордость за предков разочарованием пустоты прошедших веков.

Однако, свершая подобные насильственные операции над памятью, реставраторы истории, конечно, не подозревали о возможности эффекта бумеранга. Нельзя было ни чуть, ни тем более беспредельно, уничтожить народ, лишая его героического прошлого, даже если это героическое прошлое выражалось в виде побед над нынешним дружественным соседним народом. Лишая народы нормального воспроизводства, их национального самосознания, лишая радости познания своей истории, реставраторы памяти, по существу, культивировали новые запасы лицемерия, подготавливали динамит ненависти, усугубляли боль души народной. Так, например, случилось в 40-е годы, когда активно была проведена шумная политическая кампания против героического эпоса тюркских народов, когда ни в чем не повинные произведения устного народного поэтического творчества были вдруг обвинены в подрыве дружбы народов. И даже после хрущевской оттепели трудно было ломать подобные узаконенные подходы. Именно поэтому высокой оценки заслуживает роман «И дольше века длится день», в котором «во глубине застоя», на рубеже трудных 70-80х годов были выдвинуты задачи переоценки героических эпосов тюркских народов Средней Азии и Казахстана, поставлены задачи возвращения народам их героев, а героических страниц их истории.

Восстановление из небытия известных исторических деятелей, оправдание их деяний, переоценка их значения и места в национальной истории эти и другие вопросы пересмотра и переоценки ценностей истории, культуры, имен знаменитых исторических деятелей, восстановление забытых или полуразрушенных памятников все это входило важнейшей составной частью борьбы за сохранение исторической памяти и национальное возрождение. Ключевая роль в этом отношении в романе «И дольше века длится день» отводится имени главного героя Едигея. Не случайно оно совпадает с именем правителя Волжской Орды конца XIV начала XV вв., когда многое было сделано для возрождения пошатнувшегося великодержавного могуще-

ства Золотой Орды. Историческая параллель здесь имеет место вне всякого сомнения. Напомним основную канву правления Едигея (1398-1411 гг.), ставшего национальным героем не только для поволжских татар, но героем эпических произведений других тюркоязычных народов.

Сражение 1395 года на берегах Терека между армией Тимура правителя Мавераннахра и войсками Тохтамыша правителя Золотой Орды, закончилось поражением второго. Тохтамыш лишился престола в Сарай Берке, ушел сначала (на два-три года) в Крым, а затем бежал в Великое княжество Литовское. Так Едигей, не без помощи Тимура, занял престол Золотой Орды. В 1399 году войска Едигея нанесли сокрушительное поражение объединенной армии Витовта и Тохтамыша на берегу реки Воркслы. Эта грандиозная победа по сути стала центральным событием этнополитической истории Восточноевропейских степей конца XIV в. и открыла возможность хану Едигею, несмотря на зависимость от Мавераннахра, внести существенные коррективы в этнополитическую структуру Восточной Европы на рубеже XIV-XV вв. Орда вновь стала играть видную роль в международной политике того времени, блокируя, в частности, консолидацию русских земель, препятствуя созданию антиордынского союза между Великим княжеством Литовским, Русью и Орденом.

Известно послание Едигея Витовту, в котором содержится предложение стать вассалом ордынской державы: «Разумей убо, яко язесьмь стар предь тобою, а ты млад предо мною, подобает мне над тобою отцом бити, а тебе у меня сыном бити, и дань и оброки на всяко лето мне плати со всего твоего княжения и во всем твоём княжении на твоих денгах литовских моему ордынскому знамени быти»(34).

Укрепив свое положение победой на берегу Воркслы, Едигей прекратил борьбу против Великого княжества Литовского и Русского, приступил к восстановлению баланса между ним и княжеством Владимирским. Дипломатия состояла в том, чтобы восстанавливать, и по возможности, укреплять ослабленные государства и ослаблять те княжения, что обна-

руживали признаки усиления, т.е. искусственно выравнивались силы между ведущими восточноевропейскими государствами, а также они искусно натравливались друг на друга. В «Повести о нашествии Едигея» (35) немало свидетельств ордынской тактики сталкивания Москвы и Вильно. Называя князя Московского Василия «своим сыном любимым», Едигей, с одной стороны, «силу многу на помощь обещавал ему», а, с другой стороны, ханские послы предупреждали Витовта об опасности, якобы грозившей Литве из Москвы. «Ты мне буди друг, а я аз тебе буду друг»(36) клялся Едигей Витовту.

Айтматовский Едигей безумно любит своего Каранара. Излюбленные подарки Золотоордынского хана верблюды. Свое послание Витовту хан Едигей сопровождает традиционным для кочевых цивилизаций подарком тремя верблюдами и десятком породистых коней. Призывы Буранного Едигея к примирению и миру между народами корреспондируют с отдельными сюжетами из дипломатической переписки ордынского Едигея.» Не могу скрыть от внимания пресветлейшего князя, обращался Едигей к Витовту, согласно польской хронике, в которой был использован текст ордынского оригинала, что мы оба с тобой приближаемся к закату жизни. Не пристойней ли нам провести конец жизни в согласии и мире, чтобы кровь, пролитая в войнах между нами, впиталась в землю, чтобы ветер развеял взаимные упреки и проклятия, чтобы огонь уничтожил гнев и ожесточение между нами, чтобы пожары, все еще пылающие в наших странах, были погашены водой.»(37)

Историческая память любого народа очень глубока. И чем дальше, вглубь веков уходит история народа, тем выше гордость народа за свою историю, тем больше вероятность противостояния агрессивной ассимиляции, тем шире надежды на национальное возрождение. Чрезвычайно важную функциональную нагрузку в романе несет изображение ареста Куттыбаева и «обоснование» предпринятых против него репрессивных мер. Ему, в частности, инкриминируется преступное собиранье фольклора тюркоязычных народов Средней Азии. Сотрудники ГПУ, арестовавшие Куттыбаева, предстают как жестокие жуань-

жуани, преследующие цель стереть память и уничтожить традиционную культуру кочевых Евроазиатских степей. В романе акцентируется внимание на том, что сотрудники ГПУ конфискуют дневники Куттыбаева, в которых он тщательно фиксирует фольклор кочевых цивилизаций казахских степей. Сочетание образа собирателя фольклора и мученика, принявшего смерть, но не пожелавшего стать манкуртом является свидетельством сопротивления автохтонного населения политике манкуртизации, проводимой Центром.

В конце 40х начале 50х годов, действительно, Центром был предпринят крестовый поход против некоторых произведений устного народного поэтического творчества. Естественно, последовали «меры», в т.ч. репрессии против тех интеллектуалов, которые опирались на памятники устного эпоса, как источники патриотического воспитания. Административный аппарат Центра объявил многие традиционные произведения тюркоязычных народов националистическими, в том числе, казахский Алпамыс, узбекский Алпаныш, киргизский Манас. Зрелая творческая интеллигенция из числа казахов и киргизов пыталась взять под защиту народные эпосы и отвести обвинения клеветников в национализме. Протестуя против губительной политики манкуртизации, пытающейся очернить эпосы тюркоязычных народов, Ч.Айтматов привлекает внимание к богатейшему культурному наследию, его красоте, мудрости, гуманизму.

«Песня в моем понимании, излагает Абу-талип свою позицию и свое собирательство народных сказаний, весть из прошлого ... До чего красиво пели в старину! Каждая песня целая история.» На аварском языке самочувствие и песня сливаются в одном слове. И когда просят : «Сыграй мне одну мелодию», говорят «бакъан»(38). Когда спрашивают о самочувствии, также произносят «бакъан».

Песни, как и все устное народное поэтическое творчество народа, это события, факты, дела людей, вся их жизнь, выраженная в слове, и в мелодии, или в надписи на кинжале:

*(Две песни, два лезвия, две струны:
О смерти врагов, о свободе страны)
или в надписи на могильной плите:*

*(Он песни пел, и слушали другие.
Теперь он слушает, когда поют другие.)*

Формирование гуманитарной интеллигенции из среды тюркоязычных народов, рост национального самосознания, в том числе вследствие осознания своей роли и участия в победе над Германией пробудили глубокий интерес к истокам своей истории, к фольклору, к легендарным историческим деятелям. Наряду с положительной оценкой позитивной роли ряда правителей, в том числе золотоордынских, имели место и неоправданные преувеличения.

Москву встревожила волна движения в тюркоязычных регионах к своему наследию, к переосмыслению эпосов. 9 августа 1944 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в котором были «выявлены» серьезные ошибки «в освещении истории татарского народа, а также в татарской литературе и искусстве», и предложено Татарскому обкому ВКП(б) «организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалского эпоса об Едигее.»(39)

И поскольку Едигей жил своей легендарной жизнью на страницах казахского и киргизского устного народного поэтического творчества, то, понятно, что стрелы процитированного партийного документа были направлены в адрес исторического наследия и других тюркоязычных народов, а не только поволжских татар. В постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» от 27 января 1945 года так же были осуждены допущенные «отдельными историками и литераторами, работающими в Башкирской АССР», серьезные идеологические ошибки в «освещении исторического прошлого башкирского народа». Постановление не прошло мимо башкирской версии тюркоязычного эпоса об Едигее. В подготовленных к печати «Очер-

ках по истории Башкирии», в литературных произведениях «Идукай и Мурадым», «Эпос о богатырях», говорилось в партийном документе, не проводятся разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодалное прошлое башкир.»(40)

Наряду с фольклором тюркоязычных народов Поволжья, были подвергнуты «осуждению» и варианты эпоса об Едигее казахов и других тюркоязычных народов Средней Азии. Более того, борьба против ордынского и фольклорного Едигеев тюркоязычных эпосов («Манас», и т.д.) была частью наступательной кампании партии против роста национального самосознания. Блокировке этой тенденции послужили Постановления ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической работы среди населения» от 9 августа 1944 (41) года, «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР» от 27 сентября 1944 года,(42) «О работе ЦК КП(б) Белоруссии» от 25 января 1947 года (43).

Описанные в романе «И дольше века длится день» арест Куттыбаева агентами ГПУ и конфискация записанной Куттыбаевым легенды о манкуртах, в сочетании с итогами политики манкуртизации, призывают к переоценке одиозных оценок в проведении культурной политики в республиках Средней Азии, к переоценке истинной значимости исторического, поэтического творчества кочевых народов в нынешних процессах национального возрождения. В самом деле, в историческом очерке, помещенном в последнем издании БСЭ о Татарской АССР, даже не упоминается имя Едигей.

Перелистывая тетради арестованного Абуталипа Куттыбаева, сотрудник бериевской службы иронизирует над фольклорными записями. «Подумаешь, писатель феодальной старины,» размышляет вслух, выдавая штампы из принятых в 40е годы документов

против исторической памяти тюркоязычных народов. Понятно, куда направлены стрелы айтматовской критики.

Его аргументы зовут к пересмотру документов, на основе которых были нанесены непоправимые удары по традиционной культуре тюркоязычных народов, и значительно прорежены ряды той части национальной интеллигенции, которая боролась за сохранение и возрождение исторической памяти своих народов.

Борьба центральных госпартийных аппаратов с историко-эпическими памятниками кочевых или полукочевых в прошлом народов стала особенно обидной для интеллигенции Среднеазиатских республик, когда в самом Центре стали выходить книги серии «Литературные памятники», возникшей по инициативе тогдашнего президента АН СССР С.И.Вавилова. Именно ему, в частности, принадлежала идея открыть серию изданием «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, давшего образец глубокоуважительного отношения первого европейца, побывавшего в Индии к местным народам, языкам, культурам. Цель книг всей серии состояла в том, чтобы помочь литературе других народов служить делу взаимопонимания народов, усвоению инонационального опыта. Сам факт появления этой серии сыграл двоякую роль. С одной стороны, книги этой серии, начавшие выходить в тяжелых условиях послевоенного времени, когда многие исторические памятники были разрушены, нуждались в немедленном восстановлении, противостояли идеям национальной исключительности, национализма и шовинизма, под флагом которых нацистами и была затеяна кровавая война. С другой стороны, включение в серию классических произведений русской и других литератур, при одновременной борьбе с тюркским эпосом создавала у национальной интеллигенции комплекс неполноценности, ущемленности, социальной несправедливости. В самом деле, в серию были включены такие вершинные фольклорные произведения средних веков, как «Песнь о Нибелунгах»(1972), «Песнь о Роланде»(1964), «Легенда о Тристане и Изольде» (1976), «Песнь о Сиде»(1959), «Эпос о

Гильгамеше («1961), «Старшая Эдда» (1963), «Младшая Эдда» (1970).

Не остались в стороне и циклы русских фольклорных произведений «Илья Муромец» (1958), «Добрыня Никитич и Алеша Попович» (1974). В то же время в списки серии не попали выдающиеся эпосы тюркоязычного населения. Именно против этого был направлен протест айтматовского Абуталипа, подавленный репрессивными органами. Поэтому, сегодня, в начале 90-х годов, имеет смысл хотя бы привести хронологию публикаций выдающихся эпических произведений устной поэзии тюркоязычных народов СССР и косвенно подчеркнуть тем самым этнополитическую значимость, поднятых айтматовским романом проблем по возрождению памятников культурного наследия тюркских народов. Напомним, что в серии «Эпос народов СССР», еще до выхода в свет романа «И дольше века длится день», были опубликованы туркменский (романический), узбекский, алтайский, казахский героические эпосы (44), а уже после туркменский (героический), киргизский, якутский (45).

6. Память и беспамятство родной земли

Многообразна и многоаспектна тема взаимосвязи нынешнего беспамятства тюркоязычного населения степей Средней Азии с историей этих народов, с культурой, языком и образом жизни. Исторический аспект беспамятства исследуется автором романа «И дольше века длится день» на разных уровнях на уровне всего народа и на уровне отдельной личности, в глобальном геополитическом (судьба народов евроазиатских степей) и в конкретно-этническом, на примере казахско- или киргизского народов. Важную роль

призваны играть в романе разделительные линии, в том числе, без ведома коренного населения степей окруженный колючей проволокой безымянный Почтовый ящик сверхсекретный космодром. Эти разделительные линии, особенно железная дорога, чужды естественной жизни народов Средней Азии. Забор из колючей проволоки, преградивший в романе путь похоронной процессии к родовому кладбищу, символизирует шапку манкур-

та, с помощью которой те, кто вторгся на землю предков индигенного населения и построил безымянный почтовый ящик космодром, хотят отрезать у народа его историческую память, прервать связи настоящего с прошлым, иссушить корни у кроны этничности. Все эти ассоциации прозрачны, убедительны и оказывают сильное воздействие на психику читателя, способствуют формированию чувства протеста и росту национального самосознания и борьбы за свое национальное достоинство. Роман и заканчивается тем, что Едигей начинает борьбу за сохранение кладбища Ана-Бейит, а, следовательно, за восстановление исторической памяти и исторической справедливости. «В старые времена, рассказывается в романе, хоронить сюда привозили порой из таких дальних уголков, что приходилось людям ночевать в степи.

Но зато потомки погребенных на Ана Бейите законно гордились тем, что оказывали памяти предков особую почесть.» Борьба, в которую вступает Едигей за сохранение Ана-Бейитского кладбища, это борьба за сарозекский пантеон, борьба за национальное достоинство народа, создателя этого пантеона, борьба за самосохранение. Национально-государственное размежевание, проведенное в 1924 году под предлогом и под знаменем национальной консолидации народов, в действительности превратило регион в бомбу замедленного действия. Народы, жившие веками совместно, оказались по разные стороны колючей проволоки, привнесенной в степи центральным (Московским) правительством. Суть разделительной политики состояла, во-первых, в том, чтобы заблокировать наметившиеся в 20-е годы тенденции к естественной консолидации тюркоязычных народов, во-вторых, воздвигнуть барьеры интеграционным процессам, углубляющимся на почве единой профессиональной системы, в-третьих, оградить индигенные народы Средней Азии от нарастающего влияния Турции, в-четвертых, создать условия, при которых существовавшие в прошлом диалектальные различия переросли в различия между формирующимися литературными (национальными) языками, в-пятых, создать условия для успешной русификации. Читатель сам видит как переплетено в романе

требование пересмотреть нежизнеспособные границы, сохранить землю коренным народам с требованием восстановить чувство родной земли, национальных памятников, кладбища предков, родного языка и родных (народных) обычаев.

И когда лейтенант Тансыкбаев рассказывает о том, что принято решение ликвидировать родовое кладбище Ана Бейит и воздвигнуть на его месте новый микрорайон, Едигей, еле сдерживая бешенство, в упор спрашивает его: «Слушай, а кто твой отец?». Так неназойливо фиксируется внимание читателя на наличии неразрывной связи между утраченным языком своей национальности у сына с отцом, потерявшем себя, после того, как он предал интересы своего народа и смирился с системой, отторгнувшей у народа его исконную землю. Но Едигей сам, в конце концов, совершает погребальный обряд, находя в себе молитву, и произносит нужные к месту погребальные слова, обращенные к богу с просьбой определить душу Казангапа на вечный покой. Так перекликаются одни и те же слова на могиле казаха, которого хоронят за пределами отторгнутой территории кладбища, и на мраморном памятнике, воздвигнутом русским воинам в маленьком турецком городке Галлиполи.

Память у всех народов уникальна, а потому и универсальна. Манкуртизм нередко у разных народов выступает как пренебрежительное отношение к кладбищу. Одного из таких манкуртов, как «чересчур идейного товарища» жестоко высмеял Расул Гамзатов, рассказав об его выступлении на идеологическом совещании республиканского актива. «Мы ведем неустанную повседневную борьбу за укрепление дружбы между народами, говорил этот высокоидейный человек о Махачкале, многонациональном городе, в котором есть православные, мусульманские, еврейские кладбища, а между тем у нас столько разных кладбищ. Пора создать одно общее кладбище. Можно подумать и о названии. Скажем: «Дети одной семьи.» Да и вообще... Мои родители, например, были верующими, они молились богу. Как же я, член партии с 1937 года, могу лежать в одном кладбище с ними? Нет, давно пора создать в нашем горо-

де новое кладбище на более высоком идейном уровне»(46).

Беспамятство может быть многообразным в своих проявлениях и трагических последствиях. Назовем хотя бы две разновидности исторической памяти: одну корневую, что живет в народе и сама собой воспроизводится традиционными межпоколенными связями, и другую как крону, расцветающую, набирающую силу и возвышение под пером и кистью талантливой творческой интеллигенции, стоящей на страже национального духа, народного знания, цивилизованности любого народа. И вполне естественно, что в момент обширного кризиса памяти, совпадающего с необратимыми метастазами всей общественной системы, приоритет воспроизводства памяти принадлежит народу. А интеллигенции, упорно ищущей выходы из тупика беспамятства, приходится снова и снова припадать к родникам памяти, к сокровищнице народного эпоса, к вечнозеленым легендам из кладези устного народного поэтического творчества.

Ч.Айтматов интуитивно это осознал, воздвигнув краеугольным камнем в здание своего романа «И дольше века длится день» бессмертную легенду о несчастном манкуртеубийце памяти матери. Историкографическая функция романа Ч.Айтматова состоит в том, что он обнаружил и перечислил сложнейшие узлы в жизни национальностей Средней Азии и трагические точки пересечений в межнациональных отношениях. Железная дорога в романе не имеет прямой связи с восстановлением исторической памяти, но она несет важную смысловую нагрузку. Во-первых, железная дорога, как неоднократно повторяется в романе, разделяет естественную жизнь центрально-азиатских степей на 2 части. Нетрудно себе представить, взглянув на географическую карту Советского Союза, сравнительно узкую площадь густонаселенной степной и лесостепной полосы, окрашенной с юга желтыми песками Каракумов и Кызылкумов, а с севера густозеленой и бурозеленой краской бескрайних болот, тайги и тундры, полосы лесостепной полосы по которой веками и тысячелетиями передвигались народы то с востока на запад, то с запада на восток. И если слово «поезда» в повторяющемся рефре-

не романа «И дольше века длится день» мы заменим словом «народы» мы получим геополитическую картину истории этого естественного природного коридора, вся жизнь которого наполнена передвижением кочевых народов, рождением кочевых цивилизаций, взаимовыгодными контактами кочевых и оседлых народов.

Во-вторых, в другом смысле, железная дорога превращает казахские степи в проходной двор, по которому бесконечно в одну и другую сторону передвигаются люди, товары, грузы, ломаются человеческие судьбы, переменяются радость и печаль.

При этом автор романа не скрывает ни конкретных исторических причин великого переселения народов, ни конкретного новейшего времени, когда оно начиналось и сколько продолжалось. В одном случае виной тому была всенародная война: «...и пошли эшелоны через Боранлы Буранный на запад с солдатами, на восток с эвакуированными, на запад с хлебом, на восток с ранеными». В другом случае это освоение целинных степей, о чем говорится в более скрытой, в более осторожной форме: «...и ни конца, ни края откуда только черпали эту неисчислимую людскую рать, эшелон за эшелоном проносился на фронт днем и ночью, неделями, месяцами, а потом годами и годами (выделено мной М.Г.). Мне кажется, что выделенные мной слова не

заметили зарубежные критики, не захотели заметить наши соотечественники. В итоге всех этих передвижений, как упоминается в романе: «Даже на таком глухом полустанке, как Боранлы Буранный, сразу стало ощутимо как резко переиначилась жизнь на кругах своих...» (выделено мной М.Г.). В итоге железная дорога дает ключ к пониманию того, как ломаются традиции степной жизни, как привносятся под казахстанское небо новые стандарты поведения и взаимоотношения разнообразных и разноязычных людей.

В-третьих, в широком смысле, дорога, живущая неутомимой, динамичной жизнью (рефрен «А поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток» повторяется в открытой или скрытой форме более десятка раз), имеет более глубокий смысл. И конкретно-историческая увязка изменений,

связанных с этой дорогой и казахской степью во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, когда Центральным правительством было принято решение об освоении целинных земель, уступает место более широкому геополитическому контексту. Этот контекст необходим автору романа для того, чтобы перекинуть мостик между прошлым и настоящим и целенаправленно вызывать у читателя необходимые эмоции и ассоциации с нынешними болячками степных обитателей и полуразрушенной степной жизни.

Выделенный петитом и вмонтированный в текст романа рефрен о поездах, идущих то в одну, то в другую сторону, повторяется 12 раз. Наряду с отмеченным выше геополитическим смыслом, этот двенадцатикратный рефрен вызывает не только историко-про странственные, но и фольклорно-поэтические ассоциации, например, с композицией и стиливыми особенностями киргизского героического эпоса «Манас», в котором, как известно, многократное повторение какого-либо рефрена, например, деепричастия «деп» («сказал», «сказав») в конце, середине или в начале прямой речи, обусловлено национальными языковыми особенностями и своеобразием тюркского эпического сказа(47). Наряду с этим в указанном эпосе число 12 упоминается, как годовой цикл, как 12ти тысячное войско богатыря кыпчаков, прибывающего на поминки киргизского хана Кёкебая, как 12й день поминок знатного хана (48) т.д. Манкурт, манкуртизация, беспамятство в человеке и беспамятство на земле, шапка манкурта на голове несчастного и колючая проволока вокруг степного пантеона все это незримыми нитями связано с историей земли, на которой веками создавалась кочевая цивилизация, и на которую всегда были внешние претенденты, и внутри которой междуусобицы чередовались временами затишья. И повторяющийся рефрен бесконечных поездов делает свое дело: прокладывает дорогу не только с востока на запад, и наоборот, но и дорогу к предкам, дорогу к истории евроазиатских степей. Наконец, это дорога читателя к самому себе, дорога внутри человека.

Из череды столетий, из вереницы примеров этнических передвижений по степным

просторам Ч.Айтматов выбирает то, что наиболее плотно связывает прошлое с настоящим, память с беспамятством. Кочевые жуаньжуани, «вынесшие из своей кромешной истории» самый жестокий вид варварства разрушение в человеке его разума и памяти, хлынули на север, в казахстанские степи из южных пределов кочевой Азии «и, надолго завладев сарозеками, вели непрерывные войны с целью расширения владений и захвата рабов... Но сопротивление чужеземному нашествию возросло. Начались ожесточенные столкновения. Жуаньжуани не собирались уходить из сарозеков, а, напротив, стремились прочно утвердиться в этих обширных для степного скотоводства краях. Местные же племена не примирялись с такой утратой и считали своим правом и долгом рано или поздно изгнать захватчиков.»

7. Вулканы памяти... или социальные и экологические беды нашего времени.

Многолики проявления манкуртизма. Оказывается, забывать можно не только свое имя, своих родителей, свою историю, но и свою родную землю. И если люди теряют чувство родной земли, и земле, и им грозит общая беда. Манкуртизм по отношению к земле наказуем. Перечисленные идеологемы Ч.Айтматов разворачивает на примере бедственного положения Арала, воды которого стали высыхать вследствие возведения необдуманных широкомасштабных ирригационных сооружений в Среднеазиатском регионе. Вслед за исчезающей водой гибнет рыба, наступает засоление почвы, бегут, спасая свои жизни, жители процветающих некогда берегов Арала. В судьбе главных героев романа Едигея и Казангапа, живших в довоенные годы в деревнях на берегу Арала, отражена огромная экологическая и острая социальная проблемы, о которых долгое время непринято было говорить в открытой печати. Как не принято было критиковать засилье монокультуры хлопка в Узбекистане, табака в Молдове, пораженные ядохимикатами фрукты в других республиках.

Насколько раз упоминаются в романе «И дольше века длится день» трагические со-

бытия в истории кочевых тюркоязычных народов, и прежде всего, казахов, связанные с коллективизацией. Судьба Казангана, одного из приаральских казахов, сломалась с тех пор, как его отца, подобно многим тысячам хозяев середняков, попавших под перегиб, выслали в ходе ликвидации кулачества как класса. За отказ выступить и принародно отречься от отца, Казангапу пришлось податься в дальние края, чтобы избежать позора, и никогда больше не вернуться в родные приаральские степи, в родной Бешагач.

«Малый Октябрь», так называют сегодня в Казахстане широкомасштабную насильственную коллективизацию 1931-1932 годов, в ходе которой рушились образ жизни и вековые традиции кочевников, имело место обширное разорение народных масс, значительное сокращение поголовья скота главного источника существования кочевого народа. В самом деле, там, где оседлое население перебивалось затирухой с лебедой, кочевые казахи, лишаясь главного источника своего жизнеобеспечения, не приспособленные к растительной пище, вымирали целыми семьями. Об этом принято было молчать, за семью замками держать эту память и эту правду.

Прошло более десятилетия со времени публикации романа, но до сих пор, до середины 1992 года, не дана официальная оценка событиям тех страшных лет. Об этом, в частности, говорилось еще в начале июня 1989 года на сессии Верховного Совета Казахской ССР. Одновременно было принято решение о создании парламентской комиссии для расследования истинной сути событий первой половины 30-х годов, когда в результате насильственной коллективизации от голода в Казахстане погибли 2,5 миллиона человек. Память жертв голода депутаты Верховного Совета Казахской ССР почтили минутой молчания. «Пора, говорили многие из них, дать оценку событиям тех лет, назвать имена виновников»(48)

Между тем, айтматовский герой Казангап говорил об этом же самом десятилетием раньше. Когда, Сабитжан, его манкуртизированный сын, посмеиваясь, попытался неловко пошутить над судьбой казахов, которые в годы коллективизации вынуждены были уйти

в Синьцзянь, а позднее бежать оттуда обратно, побросав свое имущество, Казангап, задрожав от гнева, дал сыну понять, что для него, жертвы той же коллективизации, трагедия не забыта и никогда не будет забыта.

«Знаешь, Сабитжан, мое дело по мне, то, что мне по плечу. В другие дела я не вмешиваюсь. Но запомни, сын, я думал, ты своим умом уже дошел, так вот запомни. Только на бога не может быть обиды если смерть пошлет, значит жизни пришел предел, на то рождася, а за все остальное на земле есть и должен быть спрос!»

Именно для предъявления этого спроса Верховный Совет Казахской ССР создал упомянутую комиссию в ответ на заявление группы старейших писателей республики. О том, кто виноват в экологической катастрофе, читатели догадываются по биографии того же Казангапа. Во времена коллективизации, обернувшейся для многих тысяч кочевых казахов насильственным переводом на оседлый образ жизни, родители Казангапа были высланы с берегов Арала. В результате была нарушена целая экониша, что и стало причиной медленного умирания Арала. Так сливаются, по крайней мере, четыре сюжетные линии: экологическая (гибель Арала), социальная (ликвидация кулачества как класса), национальная (бегство от родной земли) и семейная (разрушение семьи Казангапа). Национальная катастрофа дублируется катастрофой личности. Сын Казангапа Сабитжан становится современным манкуртом, по вине тех, кто «сломал» Аральское море, кто умертвил около одного миллиона кочевых казахов, и кто сажал в тюрьму Абуталипа, за то, что тот старался сохранить историческую память народа, записывая памятники его традиционной культуры. Пересечение общих и личностных проблем в связи с принудительной манкуртизацией, осуществляемой теми, кто огородил пастбища колючей проволокой для космодрома, теми, кто запрещал собирать и фиксировать фольклорные материалы, Ч.Айтматов дополняет психологически сильной сценой, когда в последние минуты перед отправкой в тюрьму Абуталип просит Едигея, передать эстафету памяти рассказать его маленьким сыновьям об Аральском море.

Уничтожение Арала выступает со страниц романа «И дольше века длится день» как необратимая экологическая и национальная катастрофа. В вынесении сурового приговора виновникам этого бедствия Ч.Айтматов не одинок. Об этом писали казахский поэт Олжас Сулейменов, многие русские писатели, поэты, ученые, общественные деятели. Всего за десять лет до появления романа «И дольше века длится день» по всем издательствам была разослана цензурная инструкция с грифом «секретно», запрещающая в открытой печати упоминать наряду со сталинским произволом 1937 года и тюрьмами случаи «отравления природы», т.е. об экологических катастрофах. Слово в защиту Арала было сказано Ч.Айтматовым не по политическому заказу, а по велению души, по зову сердца, по гражданскому долгу.

Более того, пройдет всего шесть лет после выхода романа в свет, и откроются шлюзы острых выступлений против череды экологических катастроф в различных уголках страны. Приведем некоторые выдержки из этих выступлений. «Умирание Аральского моря, по словам узбекского писателя Сарвара Азимова, началось давно... Особенно резко оно ускорилося в шестидесятые годы: в республиках Средней Азии начало развиваться орошаемое земледелие. Вода, наполнявшая прежде Арал, растеклась теперь по тысячам километров каналов, по миллионам гектарам полей... С 1960 года по сей день Арал уменьшился почти вдвое по средней глубине, на треть площади акватории и более чем вдвое по объему воды ... Арал практически потерял свое транспортное и промысловое значение (50).

Трагически звучат беспристрастные слова из текста политического документа о крупнейшей экологической катастрофе нашей планеты, катастрофе, связанной с дальнейшим ухудшением санитарно-эпидемиологической, социально-экономической и экологической обстановки в Каракалпакской АССР, Кзыл-Ординской, Хорезмской и Ташаузской областях в связи с экстремальной ситуацией, сложившейся во всех сферах жизни. Приведем эти слова, памятуя, что взяты они не из эмоциональных выступлений писателей и по-

этов, а из рационально взвешенного, научно обоснованного сухого Постановления Верховного Совета СССР «О ходе выполнения Постановления Верховного Совета СССР «О неотложных мерах экологического оздоровления страны» по проблемам Аральского моря». «Экологическая ситуация в регионе констатируется в указанном документе, вышла из-под контроля человека. Климат Приаралья резко ухудшается. Усиливается вынос солей и пыли с осушенного дна моря. Продолжается опасное загрязнение пестицидами и засоление главных источников питьевой воды региона рек Амударья и Сырдарья. Поднялся уровень агрессивных грунтовых вод, погибают сады и виноградники, разрушаются строения. Снижается плодородие почвы, деградируют пастбища. Из-за осолонения море полностью потеряло рыбопромысловое значение, происходит утрата генофонда ценных видов рыб. Усилилось разрушительное воздействие опустынивания на памятники культуры, истории и архитектуры мирового значения. Экономический ущерб, наносимый народному хозяйству этой экологической катастрофой, в целом по Приаралью доходит до нескольких миллиардов рублей в год.» (Известия, 1991, 8 марта).

Роман Ч.Айтматова был создан на рубеже 70-80х, процитированное Постановление Верховного Совета принято 4 марта 1991 года, катастрофическая беда началась гораздо раньше. О потрясающих фактах отравления экологии Еревана и других городов химической промышленностью сообщалось М.С. Горбачеву 350 деятелями культуры и рабочих в марте 1986 года. «Из семи наиболее отравленных городов СССР ... пять находится в Армении. Химические заводы Еревана, Алаверди, Кировокана, Кафана, Каджарана и других городов, а также цементный комбинат Раздана, уничтоживший близлежащие леса, растительный и животный мир...» Бесконтрольное производство химической промышленностью Армении сильных ядохимикатов вызвало увеличение заболеваемости десятками болезней... За последние 15 лет число умственно отсталых детей возросло в 5 раз, число душевнобольных в 6 раз, лейкоз в 4 раза, количество ненормальных и преждевремен-

ных родов в 7 раз, инфарктов сердца в 8 раз (51). Об экологической катастрофе Молдавии с горечью поведал писатель Ион Друце: «Четверть века над полями Молдавии вьются химические бури... В конце концов использование ядохимикатов в Молдавии вышло из под контроля. Колхозам предоставлена полная свобода сыпть и сыпть. И они сыплют. В среднем по 22,5 килограмма на гектар, то есть в десять и более раз щедрее, чем по стране...

Ассимилируясь с питательными веществами, химикаты проникают в колос, в ягоду, в овощ... Попав в человеческий организм и превратившись в нитраты, они прежде всего атакуют иммунную систему и наследственный аппарат...

Ни для кого уже не секрет, что после увлечения этими пестицидами в Молдавии стали рождаться неполноценные дети. Сегодня в Молдавии действуют около пятидесяти школ для больных детей (52).

8. Вначале было слово ... или о роли языка в национальном возрождении

«Хмуря черные брови над раскосыми глазами», начальник караула лейтенант Тансыкбаев решительно пресек попытку Едигея заговорить на казахском языке: «Товарищ посторонний, обращайтесь ко мне на русском языке. Я лицо при исполнении служебных обязанностей!». В эту емкую этноязыковую микроситуацию Ч.Айтматов вложил многогранную этнополитическую проблему. Во-первых, убийственная самооценка лейтенанта с раскосыми глазами, а точнее, его самоотречение от этничности, выраженное им самим тем, что он не человек, а «лицо при исполнении служебных обязанностей», во-вторых, лейтенант Тансыкбаев сын того кречетоглазого, который во времена разгула бериевщины арестовал Абуталипа Куттыбаева, обвинив его не только в том, что в годы войны он оказался в плену, воевал и имел связи с югославскими партизанами, но и в том, что он целью своей жизни ставил сохранение исторической памяти родного народа, записывая памятники устного народного творчества, в-третьих, лейтенант Тансыкбаев, казах,

находясь на казахской земле по ту сторону колючей проволоки, неоднократно называет Едигея и остальных своих соплеменников посторонними, в-четвертых, для исполнения служебных обязанностей ему не нужен казахский язык, он обходится русским языком. Неудивительно, что в данной этноязыковой ситуации даже выдавший виды Едигей теряет дар речи и забывает суть своей просьбы, ради которой он появился перед шлагбаумом контрольно-пропускного пункта на территории космодрома, расположенного среди обширных казахстанских степей и огороженного колючей проволокой. Колючая проволока и заградила путь похоронной процессии к родовому кладбищу АнаБейит, а вместе с тем путь к своей истории, к своим корням. И глядя на молодого манкурта Тансыкбаева, Едигей хранитель исторической памяти народа (а потому и вызывающий симпатию Айтматова) начинает понимать, что ему не удастся похоронить своего друга Казангапа на казахском кладбище, и что его связующая нить с историей сарозеков обрывается и вмиг превращается в ничто.

Здесь содержится недвусмысленный намек на языковые реформы 20-30х годов, которые в конечном счете привели к обрыву преемственности и создали угрозу потери исторической памяти через забвение нынешними поколениями языка, в том числе арабского шрифта, на котором были написаны многие шедевры коренного населения Средней Азии. Так, например, в результате перевода казахской письменности сначала в 1930 году с арабского алфавита на латиницу, а затем в 1940 году на русскую азбуку, нынешним поколениям оказались недоступными письменные памятники XIX века, написанные на арабском шрифте.

Разработанная для киргизского языка письменность на арабской графике, в 1926 году была переведена на латиницу, а в 1940 года на кириллицу. Подобные реформы имели место и в истории двух других многочисленных тюркоязычных народов Средней Азии. Письменность туркменского языка, существовавшая до 1928 года на основе арабской графики, была переведена сначала на латиницу, и, просуществовав до 1940 года, была

затем еще раз реформирована, переводом на русскую азбуку. Арабская письменность узбекского языка была «отменена» в 1927 году, а в 1939 г. кратковременное функционирование латиницы было заменено введением русского алфавита.

Осуществление языковых реформ 20-30х годов имеет свою поучительную периодизацию. Далекое не случайна в романе ассоциация с тем, что они были проведены безжалостно и бездумно в духе легенды о страшном ремесле жуаньжуаней, научившихся лишать свои несчастные жертвы памяти. На первом этапе языковой реформы было сломлено отчаянное сопротивление интеллектуальной элиты народов Средней Азии и выкорчеваны корни мусульманской традиции, подпитывающие этничность, язык, культуру на основе арабской графики. Пример героя турецкой революции и инициатора языковой реформы Кемаля Ататюрка был поставлен на службу этой злокачественной идее. К сожалению, пример сработал. Однако, в дальнейшем, по мере функционального углубления литературных языков и по мере внедрения латинизации перед сталинским режимом начала подниматься новая волна страха перед возможной национальной и интер(меж) национальной консолидацией тюркоязычных народов Средней Азии.

И был срочно придуман и безоговорочно претворен в жизнь второй этап: перевод литературных языков народов Средней Азии с латинского на русский алфавит. Три далеко идущие цели преследовала эта реформа. Во-первых, необходимо было преградить путь межэтническим консолидационным тенденциям, во-вторых, оградить тюркоязычные народы Средней Азии от возрастающего этнополитического и социокультурного влияния Турции, в-третьих, сбить с толку сами народы, искусственно раздувая различия между ними и эффективно закрепляя эти различия с помощью национальной государственности и ощущения этноизоляционализма. Сама идея самобытности была гипертрофирована и использована для возведения дополнительных барьеров между народами. Колючая проволока вокруг космодрома на обширных степях еще одно символическое пояснение.

Колокольный гул романа «И дольше века длится день» не исчез под бескрайним среднеазиатским небом. Он слился с песнями и гимнами родному языку, прозвучавшими в разных концах страны. Немало поэтов поклялись в верности языку своей национальности. Запомнилась позиция Расула Гамзатова:

*Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.* (53)

Достаточно перелистать сегодня законы о государственных языках, принятые в республиках Средней Азии в 1989 году, чтобы убедиться в том, что боль от языковых реформ 2030х годов не утихла и по сей день. В ходе подготовки к языковой реформе 1989 года в республиках Средней Азии было уделено значительное внимание восстановлению традиций литературных языков, основанных на арабской и латинской графике. Следы жарких дискуссий, звуки набата, услышанные общественностью, нашли отражение в новых законах о языках.

В республике Кыргызстан согласно ее языковому закону «создаются условия для изучения киргизского языка, основанного на арабской и латинской графике в общеобразовательных школах, средних специальных, высших учебных заведениях гуманитарного профиля с киргизским языком обучения» (53). Казахская ССР «содействует изучению традиционной казахской письменности на основе арабской графики в научных целях, для чего осуществляется подготовка соответствующих научно-педагогических кадров и создается для этого необходимая материально-техническая база» (55). В Узбекистане «в школах с узбекским языком обучения и в группах средних специальных и высших учебных заведений с узбекским языком обучения обеспечивается изучение узбекской письменности на основе арабской письменности как учебного предмета» (56). Таджикская ССР, подобно тюркоязычным республикам, также «создает необходимые условия для изучения таджикской письменности, основанной на арабской графике, и издания литературы на этой графике» (57).

Восстановление функционирования арабской и латинской график имеет не только узколингвистическое, не только широкое этнополитическое, но и более глубокое этнопсихологическое значение, так как является ответом на вызов времени, ответом на рост национального самосознания, компенсацией за долгие годы манкуртизации. Согласно космической линии романа, даже инопланетяне, готовясь к контактам с землянами, стали двуязычными «изучили и систематизировали путем радиоперехвата в космосе английские и русские слова и составили земной словник». Мораль ясна, если хочешь дружбу, готовь двуязычие, овладевай языком той земли, с обитателями которой решил иметь контакты. А контакты чрезвычайно важны. Например, обитатели планеты Лесная Грудь «полны желанием вступить в контакт с землянами не только из естественной любознательности, но, как полагают они, прежде всего ради торжества самого феномена разума, ради обмена опытом цивилизаций, ради новой эры в развитии мысли и духа вселенских носителей интеллекта.»

Более того, гуманистическую миссию двуязычия роман «И дольше века длится день» видит «в объединении общих усилий ... основной путь обеспечения беспредельной продолжительности жизни в природе.» Не навязчиво, но достаточно твердо, отчетливо и последовательно в романе утверждается мысль, призыв к уважительному отношению к языкам коренного населения обширных казахстанских и Среднеазиатских степей. Необходимость знания вызывается и со стороны общества, и стороны отдельного человека, в том числе со стороны тех, кто приехал на степные просторы из других регионов страны.

Глухой, железнодорожный разъезд «при великой Сары Озекской степи» «это маленькое связующее звено в разветвленной, как кровеносные сосуды системе других разъездов, станций, узлов, городов... открытый всем ветрам на свете... Потому и называется этот степной разъезд Боранлы Буранный, и надпись висит двойная: Боранлы по-казахски, Буранный по-русски...» Двойная надпись это акцент на необходимость паритета в межэт-

нических и межязыковых отношениях. Это важно соблюдать и на земле, и в космосе.

Текст послания, составленного паритет-космонавтами, перед тем, как покинуть орбитальную станцию «Паритет», написан на двух языках на английском и на русском и подписан паритеткосмонавтом 12 и паритеткосмонавтом 21.

В романе часто встречаются пословицы, диалоги, определенные слова из тюркских (казахского, киргизского) языков.¹ Конечно, Чингиз Айтматов не Лев Толстой, а роман «И дольше века длится день» это не многотомная эпопея «Война и мир», но масштабы поднятых в романе проблем соотношения памяти и беспамятства вполне соизмеримы. Французской речи русского дворянства у Льва Толстого отведены целые страницы. Бесконечны споры между литературными критиками относительно того, как выглядел бы роман без показа в нем реального русско-французского двуязычия. Ч.Айтматов решает этот спор в пользу изображения двустороннего (паритетного) двуязычия. Его примеры двуязычия уместны и нацелены на изображение добровольности, правомерности, паритетности двуязычия. Более того, паритетность (взаимное тюркско-русское и русско-тюркское двуязычие) является частью более широкого явления паритетности в отношениях между носителями двуязычия. Язык едва ли не самый сильный элемент этнической идентификации. Соответственно знание и употребление двух языков немаловажный фактор взаимопонимания народов, достижения консенсуса, согласия, установления общего мира и порядка. Случайно ли в фантастическом субромане, посвященном вземным сюжетам, космическая станция названа «Паритет», а где-то «в Тихом океане, южнее Алеутских островов, в квадрате, примерно, на одинаковом расстоянии от Владивостока и Сан-Франциско», находится авианосец «Конвенция». Конечно, от реальности до идеала, как от Земли до вземных цивилизаций, далеко. Однако, не случайно именно в казахском, а не в каких-либо других из языковых законов, принятых в 1989 г. в ходе языковой реформы, когда были предусмотрены принципы взаимоотношений

между языками и их носителями, были установлены паритетные отношения.

Намек романа был понят и реализован. Законодатели, похоже, прислушались к голосу писателя и к идее паритетности. «Казахская ССР, гласит специальная (5-я) статья закона «О языке в Казахской ССР», проявляет государственную заботу о всестороннем развитии национально-русского и русского-национального двуязычия»(58).

Отзвуки идеи паритетного двуязычия слышны не только в казахском законе. Согласно статье 3-й Закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» русский язык «как язык межнационального общения в СССР используется на территории республики наряду с молдавским языком как язык межнационального общения, что обеспечивает осуществление реального национально-русского и русского-национального двуязычия» (59).

После смерти Сталина и разоблачения преступлений бериевщины, Едигей решает обратиться к своему давнему другу Афанасию Ивановичу Елизарову, которого за редкую принципиальность и порядочность ласково именуется аргамаком скакуном чистых кровей по вопросу о реабилитации Абуталипа Куттыбаева. Елизаров, бывший московский комсомолец, очутившийся в Туркестане еще в двадцатые годы, встретив старого друга Едигея, не только принимает его, как особого гостя, по казахскому национальному этикету, но и произносит народную заповедь по-казахски:»Сыйдын сыйы бар» (Уважение от уважения).

Русский в Казахстане, знающий казахский язык, вызывает явную симпатию автора романа «И дольше века длится день». К сожалению, приходится отметить, что в конце 70х годов, когда писался роман, очень трудно было найти реальный прототип для изображения в Казахстане казахскоговорящего русского. По переписи 1979 года лишь 40 тыс. человек (всего 0,7%) из бмиллионного русского населения (60) Казахской ССР могли, подобно Елизарову, разговаривать со своими друзьями-казахами на казахском языке.

Сейчас, после языковой реформы 1989 года, ситуация должна измениться. Именно

на это, на паритетное национально-казахское и казахско-русское двуязычие нацелен, например, новый Закон Казахской ССР «О языках в Казахской ССР». Республика обязуется создавать условия, чтобы не только казахи приобщались к русскому языку, но и чтобы неказахи овладевали казахским языком, возведенным в ранг государственного языка республики. В будущем для лиц некоторых профессий и специальностей знание двух языков предписывается Законом. Статья 16я этого Закона, в частности, гласит: «Работники органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, органов социального обеспечения, учреждений народного образования, культуры и здравоохранения, предприятий торговли, бытового обслуживания, связи, транспорта, коммунального хозяйства, средств массовой коммуникации и информации обеспечивают прием граждан и беседу с ними на языке обращения, а по мере создания соответствующих условий овладевают казахским и русским языками, а в местах компактного проживания других национальных групп и их языка ми в объеме, необходимом для выполнения служебных функций»(61).

Более того, закон предполагает, что в расчете на перспективу, по мере повышения уровня профессиональной подготовки и образования в области казахского и русского языков, будет реализовываться аттестация и подбор кадров со знанием двух языков, разумеется, с обязательным учетом прежде всего деловых, моральных и политических качеств работников (62).

В Законе «О государственном языке Киргизской ССР» также предусматривается знание и применение государственного (киргизского) языка в объеме, обеспечивающем выполнение своих служебных обязанностей руководителями и всеми другими работниками органов государственной власти и управления, общественных и кооперативных организаций, правоохранительных органов, народного образования, здравоохранения, культуры, связи, транспорта, торговли, бытового обслуживания, коммунального хозяйства», т.е. всеми теми работниками, в функции которых «входит общение с гражданами» (63).

Лаконична статья еще одного Закона: «О государственном языке Узбекской ССР». Закон обязывает руководителей и работников органов государственной власти и управления, работающих в Узбекской ССР «знать государственный язык республики в достаточной мере для выполнения своих служебных обязанностей»(64).

В разных республиках, среди различных национальностей углубляется стремление активизировать память, оживить язык, вдохнуть новую жизнь национальной культуре. Поистине фундаментальное значение для каждого народа создание письменности и через письменную культуру удвоение механизмов, каналов передачи памяти от поколений поколениям. Знаменательным событием весны 1991 года для русского и других славянских народов страны явилось объявление 24 мая Днем славянской письменности. Появление языка едва ли не истоки истории народов, появление письменности и зафиксированная мысль — это уже начало вечности. «Придавая важное значение культурному и историческому возрождению народов России и учитывая международную практику празднования дня славянских просветителей Кирилла и Мефодия, говорится в Постановлении Верховного Совета РСФСР, объявить 24 мая Днем Славянской письменности и культуры»(65).

Шестой всероссийский праздник славянской письменности и культуры, состоявшийся в конце мая 1991 года в Смоленске, собрал известных ученых-славистов, писателей и поэтов из многих стран. Праздник дал возможность продолжить начатый ранее разговор об истории и культуре славянства, о том, как добиться подлинного возрождения славянских народов, как реализовать идею создания славянского университета, как укрепить корни и украсить крону славянской цивилизации. Праздник памяти письменности, вне всякого сомнения, имеет право стать общеславянским. Праздник письменности многим незрячим открыл глаза на то, что у каждого из нас отношение к истории, своя доля в национальной культуре. Надо лишь методически познавая свою историю, двигаясь от века к веку, вглядываясь в мозаику событий и в галерею лиц, ощутить себя включенным в этот непре-

рывный процесс. Такое напутствие получили, в частности, участники полуторамесячного «Славянского хода», завершившегося на древней Смоленской земле из далекого Афона, от настоятеля Свято-Пантелеймоновского монастыря отца Иеремии. «В дни светлого праздника Славянской духовности говорится в этом послании, примите самые сердечные поздравления из Свято-Пантелеймоновского монастыря на горе Афон древней обители Православной веры и культуры. Здесь, несмотря на суровые испытания и трудности, выпавшие на долю очага Славянского просвещения, неугасимо горит лампада чистого духа и любви к ближнему» (66).

Когда сливаются воедино праздник языка и праздник памяти, как не вспомнить короткий Бунинский шедевр о родном языке?

*Молчат гробницы, мумии и кости,
- Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письма.
И нет у нас иного достояния!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья
Наш дар бессмертный речь.*

(7.01.1915.Москва)

Роман «И дольше века длится день», наряду с другими манифестами национальной памяти еще раз подтвердили жизненную силу пламенного призыва беречь язык своего народа.

9. Обретение памяти... или о месте религии в воспроизводстве этничности

В романе содержится немало прямых и косвенных указаний на позитивную благотворную связь этнического и конфессионального факторов. Большие жизненные силы, богатый духовный запас, прочность соционормативных установок и строгое следование им в жизни у Едигея и Казангапа, тридцать лет проработавших вместе на степном безлюдном разъезде, («а по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства Сары-Озеки, Серединные земли желтых степей») обусловлены их мусульман-

скими корнями. «Чтобы жить на сарозекских разъездах, говорится уже на первых страницах романа, надо дух иметь... Степь огромна, а человек невелик. Иные, глядя из вагонов мимоходом, за голову хватаются господа, как тут люди могут жить?! Кругом только степь да верблюды! А вот так и живут, у кого на сколько терпения хватает. Три года, от силы четыре продержится и делу тамам (конец): рассчитывается и уезжает куда подальше. На Боранлы-Буранном только двое укрепились тут на всю жизнь Казангап и он, Буранный Едигей.»

Однако это исламское наследие противоречно, и Ч.Айтматов не скрывает этого. Более того, он идет навстречу этому противоречию, чтобы вскрыть проблемы, показать несовместимость современной цивилизации с отдельными догмами ислама.

Так, например, Едигей, с одной стороны, испытывает страх перед новейшей технологией (ему становится жутко, не по себе), когда он видит старт космической ракеты («неужто, думает он, в этом огне сидит человек?»), а, с другой стороны, он не испытывает никаких сомнений и колебаний в экстремальных ситуациях, когда ислам дает ему надежные ориентиры того, как себя вести, в частности, тогда, когда наступает смерть, когда умирает человек. Показателен в этом отношении его диалог с национальнобезликим дежурным по разъезду Шаймерденом, потерявшим свои национальные и мусульманские корни.

«Ты подумай, - говорит Едигей ему, - среди нас человек умер, нельзя, не положено ни у кого оставлять покойника одного в пустом доме.

- А откуда ему знать... один он или не один?
- Зато мы знаем!...
- Ну что ты хочешь?... Что там будешь делать, все равно ночь кругом.
- Буду молиться. Покойника буду обряжать. Молитвы буду приносить.(Так в тексте М.Г.)
- Молиться? Ты, Буранный Едигей?
- Да я. Я знаю молитвы.
- Вот те раз - шестьдесят лет ...советской власти.
- Да ты оставь, при чем тут Советская власть! По умершим молятся испокон веков. Человек ведь умер, а не скотина!» В то-же

время самого Шаймердена, проявившего безразличие к смерти Казангапа, выявившего потрясающее непонимание и неуважение к традиционным похоронным обрядам, Едигей называет скотиной: («хайван безмозглый»).

Таким образом, бесчувственность, безнравственность, бессовестность есть прямое следствие отсутствия корней, пренебрежение к национальным и мусульманским истокам.

На погребение Казангапа, от общей молитвы, джаназы, осуществляемой незадолго до выноса тела, и до последней молитвы с развернутыми перед лицом ладонями у засыпанной могилы, в романе отводится целый день. Но этот день вмещает в себя больше века, потому что на изображение всей жизни требуется очень много жизненного и романного времени.

Ислам насыщен сложной обрядностью, многочисленными предписаниями и запретами, регламентирующими все поступки верующего, весь образ жизни человека от рождения до похорон. И всех людей легко разделить на верующих, на тех, кто соблюдает все предписания, и участвует в обрядах, и тех, кто не выполняет и не соблюдает обычаи. Манкурты относятся к разряду вторых. Едигей, выполняющий просьбу своего умершего друга Казангапа похоронить его на кладбище Ана-Бейит к разряду первых. По сравнению с родильными и свадебными обрядами из цикла семейной обрядности, наиболее тесно связывающих ислам и этничность, похоронный обряд, дает, пожалуй, наиболее широкий простор для изображения роли традиций, роли преемственности в сохранении национальной культуры и самого народа.

Не случайно погребение Казангапа завершается клятвой выполнить завет Едигея и похоронить его самого «бок о бок с Казангапом». «Если так, Едигей, сделаем, как ты хочешь. Не сомневайся,» звучит ответ Длинного Эдильбая.

В организации похорон Казангапа Едигей следует предписаниям традиционного мусульманского обряда, тем самым демонстрируя принадлежность к своему народу, к национальной культуре, к истокам и корням: «омыл покойника, как полагается, руки ноги выправил и уложил как полагается, белый

саван скроил и обрядил в него Казангапа как полагается, не жалея на то полотна.» Утром, перед отправкой на кладбище, «наглухо запеленатое в плотную кошму и перевязанное снаружи шерстяной тесьмой тело Казангапа с закутанной головой положили на прицепную тракторную тележку, предварительно подостлав на дно опилок, стружек и слой чистого сена.» А вечером, перед тем, как произнести погребальную молитву, вырыли могилу с боковой нишей, предписанной исламом, опустили тело в могилу без гроба головой на запад, потом кинули вниз по пригоршне земли и принялись засыпать могилу с подветренной стороны.»

И хотя Едигей частично нарушает канонический обряд, в частности, позволяет выкопать большую часть могилы экскаватором, тем не менее он начинает и заканчивает рытье руками, тем самым примиряя традиционный ислам с современной технологией. Получается, что этот компромисс по мысли автора, есть способ выживания этничности народов, веками исповедующих ислам.

Исторически этот компромисс был подвергнут экспериментальной этнополитической проверке в 20-е годы частью среднеазиатской интеллигенции, которой и сегодня отводится важная моральная, социокультурная и политическая роль в восстановлении исторической памяти, в национальном возрождении.

Чем сильнее давил прессинг антирелигиозной пропаганды, т.е. манкуртизации, на исламские народы Средней Азии, тем больше и было противодействие, в том числе расширение масштабов соблюдения мусульманских обычаев, как предмета самоуважения на уровне отдельного человека и на уровне всей нации.

В молитве при захоронении Казангапа Едигей обращается к молодым поколениям, сожалея, что они утратили веру, стали неверующими, сделав шаг навстречу манкуртизму: «в бога они не верят и молитв никаких не знают ... что они смогут сказать себе и другим в великий час смерти? Жалко мне их, как постигнут они сокровенность свою человеческую, если нет у них пути возвыситься в мыслях так, как если бы каждый из них богом не станет, но иначе и ты перестанешь существо-

вать. Если человек не сможет возомнить себя втайне богом, ратующим за всех, как должен был бы ратовать ты о людях, то и тебя, боже, тоже не станет...»

Исследователи творчества Ч.Айтматова уже отмечали отрицательные ассоциации, вызываемые понятием неверие, безбожие, атеист, нерелигиозность (динсизлик) среди творческой интеллигенции народов Среднеазиатского региона. Так, например, Александр Беннигсен отмечал, что динсизлик (безверие) означает «разновидность коллективного позора, жестокость, отсутствие чести и недостаток совести»(67).

Несмотря на то, что слова дин и производное от него динсизлик заимствованы из арабского языка, в лексике ряда тюркоязычных народов (киргизов, татар, казахов, крымских татар, гагаузов, турок и некоторых других) оно обозначает неверие, вероотступничество, жестокость. Но не только это. В некоторых языках понятием динсизлик обозначается озорство, хулиганство, безродность, безнравственность. Именно в обойме этих значений Ч.Айтматов наделяет отрицательными чертами тех героев своего романа, которые потеряли веру, утратили память, разменяли этничность, оборвали свои связи с родной землей и родным народом. Как тут не вспомнить пушкинский критерий интеллигентности и уровня культуры отношение к памятникам:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретае сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.*

В центре внимания сын покойного Казангап Сабитжан, приехавший из города на похороны своего отца без жены. Его отказ хоронить отца на родовом кладбище Ана-Бейит ставит его в один ряд с еще одним манкуртом начальником караула. И если в манкуртизации второго повинен его отец, бывший сотрудник органов госбезопасности, участвовавший в репрессиях против национальной интеллигенции, то в манкуртизации первого виноват не его отец Казангап, достойный представитель своего народа, а виновата среда, и пре-

жде всего школа, институт, в которых он обучался. «А что из того, сокрушается Едигей на последних страницах романа, что обучался он (Сабитжан М.Г.) на разных курсах да в разных институтах? Может быть, его и обучали для того, чтобы он сделался таким, каким оказался.» Понятно, в чей адрес направлен этот вопрос-размышление Едигея. Читателя подводят к мысли о роли советской школы в манкуртизации таких как Сабитжан. «Может быть, где-то есть кто-то пронизательный, как дьявол, который много трудов вложил в Сабитжана, чтобы Сабитжан стал Сабитжаном, а не кемто другим», так грустно, с намеком заканчивает свои размышления Едигей, и чем больше на эту тему он размышляет, «тем обидней и безысходней становилось от этих мыслей.»

«Безверный», «беспамятный», «безэтничный» человек, выходит по роману, это человек безответственный, бессовестный, неблагодарный, а, следовательно, не способный быть связующим звеном между прошлым и будущим.

Роман «И дольше века длится день» стал важным этапом в переоценке роли религиозного фактора в развитии национальной культуры, в формировании нравственности, достоинства человека. Успех романа предопределен тем, что его автору удалось нащупать взаимосвязь между падением нравов и угасанием интереса к своему прошлому и своим корням, в том числе, корням, связанным с религиозной культурой. Корни эти оказались более глубокими, чем можно было предполагать, когда объявляли религии безумную антирелигиозную войну. В выражении уважительного отношения к религиозным чувствам верующих, к позитивной роли религиозного фактора Ч.Айтматов не одинок. Согласно З.Балаяну, благодаря христианству и просвещению спаслось само армянство. «Создание армянского алфавита, распространение христианства на родном языке, делает вывод М. Хачатурова, явилось единственным условием объединения народа, его национального самосохранения»(68).

«Школу, церковь и книги» З.Балаян объявляет обозначенными на национальном флаге символами армянского народа; стирая раз-

личия между процессами христианизации и распространения просвещения среди армян. «...После мощного восстания армян, возглавляемого Варданом Матикопяном, пишет З.Балаян, именно Сюникский мир приобрел определенную самостоятельность. Мир этот, борясь за окончательную христианизацию и просвещение страны, по сути дела спас в будущем само армянство»(69).

Высокая оценка роли христианства в истории и культуре армянского народа отчетливо проявляется из последующих высказываний З.Балаяна: 1)»Всякий раз, останавливаясь у чудом сохранившегося тысячелетнего монастыря, словно по мановению волшебной палочки возвращаешься вглубь веков... Мы знаем, что каждый монастырь это не какое-нибудь сооружение культа, а живой организм со многими функциями, главной из которых было просвещение. Значит, монастырь излучал свет. Свет для народа.»; 2)»Монастырь Арич это комплекс строений V и XII веков. Он стоит сегодня как символ вечности народа... Свет храма распространяется далеко за пределы Ширака, ибо главная задача его просвещение»(70).

Роль исламского фактора в образе жизни и в стиле мышления мусульманских народов далеко неоднозначна. В самом деле, в жизни каждого народа, в каждой религиозной системе немаловажное значение, например, имеют принципы, социокультурные нормы и позиции межличностных отношений, в том числе половой морали. В исламе позиция последней исключительно противоречива. С одной стороны, в связи с общим запретом на изображение человека, никаких проявлений эротики в искусстве исламских народов не может быть допущено. С другой стороны, в скрытых от постороннего глаза внутрисемейных отношениях, допускается проявление беспредельной чувственности. Более того, указанное противоречие проявляется и в том, что строгая половая мораль в исламе сочетается с культом мужской сексуальности. Так, например, исследователь тюркоязычных и арабоязычных народов Д.Е.Еремеев констатирует, что в сказках «Тысячи и одной ночи» немало персонажей, наделенных выдающейся мужской потенцией. Один из них, в частности, овладел

за ночь сорока женщинами по тридцать раз каждой (71).

Понятно, что без изображения этого неразрешимого противоречия ислама строгой морали и гиперболизированной мужской сексуальности образ жизни и национальная специфика, были бы в романе неполными. Ч.Айтматов нашел остроумный выход из положения, наделив Буранного Каранара любимого, неистового верблюда Едигея выдающейся сексуальностью. Автор романа неоднократно возвращается к описанию сексуальных подвигов Каранара. Приведем лишь некоторые примеры.

«С начала холодов снова пришел в неистовство Буранный Каранар, снова взъерился, снова взбунтовалась в нем самцовая сила, и уже ничего и никто не мог посягать на его свободу... Обуреваемый пробудившейся страстью верблюд... требовал своего, он орал, фыркал, угрожающе скрипел зубами, ломал загон...

На другой день уже стали поступать вести, как сводки с фронта, о боевых действиях Буранного Каранара... Стоило остановиться поезду на Боранлы-Буранном, как машинист или кочегар, или кондуктор наперебой рассказывали о бесчинствах и погромах Каранара, устраиваемых им в пристанционных и приразъездных верблюжьих гуртах...на разъезде Малакумдычач Каранар забил до издыхания двух атанов и погнал перед собой в степь четырех маток... В другом месте Каранар согнал с верблюдицы ехавшего верхом хозяина...

«Покалечил ... атанов, а сам отбил трех лучших маток, к тому же прибыл сюда не один пригнал какую-то верблюдицу оседланную... Готов загрызть, изжевать заживо кого угодно! Только не мешали бы ему заниматься его делом. Он не жрет, не пьет, кроет этих маток подряд, только земля ходуном ходит... И орет при этом на всю степь, словно конец света наступает... Каранар не находил себе места... Сколько же в нем было силы! Он и сейчас не прочь был бы заняться любовным трудом и все докучал и приставал то к одной, то к другой матке, крепко кусал их за ляжки, оттирал их одну от другой, но это было уж слишком с его стороны, верблюдицам достаточно было и

дневного времени, когда они охотно исполняли его прихоти, а ночью им хотелось покоя».

В романе достаточно прозрачно сравнивается сила страсти Каранара и неразделенной любви Едигея к Зарипе. По крайней мере, не редко описание того или иного мгновения из жизни Каранара сопровождается размышлениями Едигея о самом себе и об его отношении к своей жене и к своей возлюбленной. «Каранар то и дело стряхивал с головы налипающие комья снега и будил на бегу тишину рыком и выкриками. Худо было хозяину в том пути. Едигей ничего не мог поделать с собой, никак не удавалось ему успокоить, определить себя на чем-то одном, бесспорном и безусловном. Не мог начистоту открыться перед Зарипой, не мог отречься и от Укубалы.» Не видя выхода из противоречия между страстью к Зарипе и долгом перед своей женой, Едигей «начинал поносить, ругать себя последними словами: «Скотина! Хайван, что ты, что твой верблюд! Сволочь! Собака! Дурья голова! и еще в том же духе, перемежая их крепким матом, бичевал себя, устрашал и оскорблял, чтобы отрезвить, чтобы прийти в себя, одуматься, остановиться... Но ничего не помогало...»

Обдумывая, каким способом усмирить взбунтовавшегося в зоне Каранара, Едигей «ждал рассвета, чтобы... пораньше отправиться в путь, побыстрее добраться до Боранлы-Буранного, где ждут его детишки обоих домов (своего и овдовевшей Зарипы М.Г.), потому что он всех любит в равной степени и потому что он для того и живет на этой земле, чтобы им было хорошо».

И еще из страданий Едигея: «Как сделать, чтобы никто не пострадал и чтобы боль свою не таить, а сказать напрямик так и так, мол, Зарипа, люблю тебя».

Вернувшись с фронта любовных битв Каранара, Едигей обнаружил, что Зарипа уехала в неизвестном направлении. По этому поводу Едигей учинил жестокую расправу над Каранаром, вымещая на нем всю свою беду и неразделенную любовь к Зарипе. «Яростно, беспощадно хлестал он Буранного Каранара, нанося удар за ударом, хрипя, изрыгая ругательства и проклятья: - На тебе! На! Подлая скотина! Это все из-за тебя! Ненасытная

тварь! Тебе все мало! Тебе надо бегать по сторонам. А она уехала тем часом с детьми! И никому из Вас нет дела, каково мне! Как мне теперь жить на свете? Как мне жить без нее?»

Гиперболизированная антропологизация Каранара имеет свой этноисторический смысл. Она нужна автору романа не только для того, чтобы отвести Каранару в своей душе второе место после Едигея по силе авторской симпатии, но и для того, чтобы показать связь времен, соединяя воедино силу жизни, силу страсти и силу этнической памяти. В этом отношении обращает на себя внимание, во-первых, сопричастность Каранара к центральной легенде романа о манкуртах, и выражаясь терминологией некоей цивилизации «дворянское» происхождение Каранара.

Согласно сарозекскому преданию, Буранный Каранар ведет свое происхождение от знаменитой белоголовой верблюдицы Акмаи, стоящей целого стада верблюдов, принадлежащей не менее знаменитой хозяйке Найман - Ане, которая после смертельного выстрела сына-манкурта, была похоронена на знаменитом кладбище Ана-Бейит. «По преданию, золотая матка Акмая принесла семерых детенышей - четырех маток, трех самцов. И вот с тех пор все матки рождаются светлые, белоголовые, все самцы, наоборот, черноголовые, а сами каштановой масти. Оттого Каранар и уродился таким. От белоголовой матки черный верблюд. Это первый признак его происхождения от Акмаи, и с тех пор, кто его знает, сколько лет прошло, двести, триста, пятьсот или больше, но в Сарозеках род Акмаи не переводился. И нет-нет да и появиться такой верблюд - сырттан (сверхсущество), как Буранный Каранар.

Во-вторых, Буранный Каранар связан не только с историей, но и с природой тех степей и тех краев, в которых проживает родной народ Едигея и Казангапа. Покойный Казангап неоднократно рассказывал Едигею о легендарном происхождении Каранара. Что же касается слияния Каранара с природой, то в этом убедился и сам его хозяин. «Вот только дурной уж очень становится, когда в гон идет, вспоминает и вспоминает о своем любимце Едигей, в самые холода всегда это с ним

случается, и тогда он лютует, страшно лютует, и зима лютует и он... Сладу нет никакого с ним.»

О проявлении буйной силы верблюда в зимнюю пору имеются упоминания в киргизском героическом эпосе:

*«Удалью переполнен Манас,
глаза горят огнем
ярость переполняет его ...
не уцелеть тому, на кого взгляд устремит,
Он словно тигр в осеннюю пору,
Он словно верблюд в зимнюю пору».*(72)

В-третьих, Каранар выступает олицетворением полноты образа жизни степного населения. Без него, никуда, даже похороны не обходятся без его участия. Каранар часть долга Едигея перед покойным другом, «часть долга памяти перед обычаями своего народа. «А он, Буранный Едигей, завтра с утра возглавит на Каранаре, убранном помпой с кистями, путь на АнаБейит, провожая Казангапа к его последнему и вечному местопребыванию... Восседая на Каранаре, Буранный Едигей ехал впереди, указывая направление на АнаБейит..., следом поспевали по целине трактор с прицепом, в котором рядом с покойным Казангапом одиноко и терпеливо сидел его зять, муж Айзады (дочери покойного - М.Г.), и за ними экскаватор «Беларусь». В-четвертых, участие и роль верблюда заранее предусмотрены в похоронном процессе, в то время, как верный пес Жолбарс примыкает к каравану случайно.

Похоронная процессия на старинное родовое кладбище Ана-Бейит двигалась во главе с верховым на Каранаре, а замыкалась она колесным трактором «Беларусь» в этой картине соединены традиции и инновации, точно так же, как и весь похоронный обряд. Современный ислам, чрезвычайно тесно переплетенный с этничностью своих носителей, воспроизводит историю, но и сам подвергается некоторым модификациям, приспособляясь к технологическому ритму жизни.

10. Трагический колодец памяти... или о беспаятстве личности

Ч.Айтматов не пожалел черной краски для изображения современного манкурта. Для полноты картины к образу Сабитжана он возвращается несколько раз. «Поглядеть с первого раза, вроде ничего малый. Все-то он знает, все-то он слышал, только толку мало от всего этого. Учили, учили по интернатам, по институтам, а человек получился не ахти. Похвалиться любит, выпить, тосты говорить мастак, а дела нет. Пустышка, одним словом...»

Внедрение манкуртизма (беспаятства) начинается там и тогда, где и когда начинается ревизия памяти. Так было в нашей истории, интеллигенция подверглась репрессиям только за то, что старалась сохранить память о своей истории. Жестоко преследовали М.А.Булгакова за восстановленную им память о Белой гвардии, о театральном деле Москвы, о понятии добра и зла, о совести и бессовестности Понтия Пилата и его талантливого собеседника, за подписанный смертный приговор которому Понтий Пилат навеки потерял свой душевный покой.

Роман Ч.Айтматова разоблачает и идеологию тех, чьими руками осуществлялись репрессии, ревизывалась память, внедрялось беспаятство. «Важно вспоминать, нарисовать прошлое устно или тем более

письменно так, - внушает на допросе Едигею кречетоглазый полуманкурт Тансыкбаев, пришедший арестовать учителя географии, участника войны и партизанского движения в Югославии - Абуталипа Куттыбаева, - как требуется сейчас, как нужно сейчас для нас. А все, что нам не на пользу, того и не следует вспоминать. А если не придерживаться этого, вступаешь во враждебное действие.»

Много их было, Тансыкбаевых, в нашей трагической истории. Но даже о беспаятстве должна остаться память, чтобы не заслонить корневую память. А тем, кто лишал, уже воздано или еще предстоит воздать по заслугам. «Сколько их, с такой фамилией, - думает Едигей о начальнике караула космодрома, современном манкурте лейтенанте Тансыкбаеве, сыне того, бериевского, манкурта, кречетоглазого, из-за которого погиб Абуталип Кут-

тыбаев, - ... с тем Тансыкбаевым сквитались ведь потом сполна... Все-таки есть правда на земле! Есть! И как бы то ни было, всегда будет правда.»

Для современного манкурта не имеет значения, где хоронить своего отца - на родовом кладбище, там, где ему положено, по традиции, или просто в степи. Сабитжан и пытается сказать, что он сам знает, где хоронить отца: «Это мой отец», но его перебивает на полуслове Эдильбай: «Отец-то твой, да только вот ты сам не свой.» Манкуртам различных мастей, всем разновидностям манкуртизма в романе противостоят Абуталип Куттыбаев, который умирает от сердечного приступа, когда его отрывают от детей, ради которых и для которых он пишет свои воспоминания «Дни и ночи в Югославии», поет казахские, каракалпакские народные песни, записывает легенды, в том числе легенду о манкурте, легенду «Обращение Раймалыаги к брату Абдульхану.» «Я так и знал, ставит диагноз о причинах его смерти Едигей, не выдержал он разлуки с детьми... не вынес разлуки. А тоска это вещь страшная.» Здесь речь идет не только о тоске родителя по своим детям, и тоске детей по своим родителям, но и о тоске по своей растоптанной земле, исковерканной истории.

Перестройка, инициированная М.С.Горбачевым и его единомышленниками, нанесла гораздо более ощутимый удар по сталинизму, чем хрущевская оттепель на рубеже 50х 60х годов. Едва ли не самый главный итог перестройки состоит в том, что мы, кажется, начали избавляться от всеобщего тотального страха, введенного в трагические 30 е годы, и неискорененного до наших дней.

Вот почему трудно переоценить роль той части творческой интеллигенции, которая в глухие годы стагнации звонко заявила о том, чтобы историческая память народов оставалась постоянно включенной и постоянно действующей.

Аварское слово «миллат» имеет два значения: нация и забота. «Кто не заботится о нации, - внушал Расулу Гамзатову его отец, - тот не может заботиться и обо всем мире» (73).

Если мы сохраним память, мы сохраним себя, и мы не обречем будущее, если не сохра-

ним прошлое. Мы не добьемся национального возрождения народов, если не преодолеем манкуртизм.

«Добро отберут у тебя - не пропадешь, выживешь, - резко отвечает Казангап на неуместную шутку Едигея, обронившего фразу о том, что они вновь разбогатели, в пору хоть раскулачивать заново, - а душа останется потоптанной, этого ничем не загладишь.» И хотя утекло много воды со времени коллективизации, унесшей около миллиона казахских жизней, в том числе и жизнь отца Казангапа, так и не смог вернуться Казангап в родной аул Бешагач, что находился в тридцати километрах от Арала.

К 70-80 годам в союзных республиках сформировались значительные отряды национальной интеллигенции. Аффирмативная политика в области национальных процессов, курс на которую был задан соответствующими резолюциями X и XII съездов РКП(б)(74), дала свои результаты. Приоритетные условия, созданные в республиках и в союзном Центре во исполнение партийных решений, позволили взрастить относительно в короткие сроки новую национальную интеллигенцию. В ряде республик образовался избыток и соответственно возникла ситуация конкуренции за престижные места на социальной лестнице иерархии. В сферах хозяйственной деятельности, в технике, в естественных науках, выросла цена деловым качествам лиц, занятых умственным трудом. Новый, более высокий, чем прежде, уровень планки профессиональных занятий, потребовал (соответственно) улучшения качества образования и повышения уровня подготовки. В отличие от технических и естественных сфер, в гуманитарной области недостаток профессионализма, сложившийся, как побочный продукт аффирмативных действий, можно было компенсировать национальной принадлежностью, или застраховаться знанием родного языка. Так появилось соревнование за преувеличенное выражение верноподданических чувств не столько своему делу, сколько своему языку и своей нации. Чем могли выражать свое отношение писатели? Понятно, словом! И недостаток таланта, нехватку профессионализма стали восполнять суперпатриотизмом,

сверхверным служением нации, чрезмерным восхвалением своей истории, своей культуры и охаиванием чужой.

11. Противостояние этноциду... или неисчерпаемые ресурсы исторической памяти

18 мая 1944 г. согласно Постановлению Государственного Комитета Оборона «О крымских татарах» (публикуется в Приложении) всему крымско-татарскому народу было предъявлено чудовищное обвинение в измене Родине, и весь народ, включая стариков и младенцев, организовано, поистине с имперско-тоталитарным размахом, был насильственно переселен в восточные районы страны (Средняя Азия, Урал, Западная Сибирь, Алтай). Это стало кульминацией этнической трагедии целого народа, народа, обреченного злой волей руководителей Кремлевского режима на этноцид. Однако народ не смирился с предуготованной ему участью. Важную роль в его выживании сыграла историческая память.

Крымско-татарский народ был не единственной, не первой и не последней коллективной жертвой национальной политики тоталитарного сталинского режима: до него, одновременно с ним и позднее насильственной депортации, унижениям, ограничению в правах, массовому или частичному геноциду подлежали многие другие «народы СССР»: корейцы Дальнего Востока, немцы Поволжья, финны Ленинградской области, поляки Западной Украины, народы Северного Кавказа чеченцы, ингуши, аккинцы, балкарцы, карачаевцы; турки Месхетии, этнические меньшинства Крыма, включая армян, болгар и греков; гагаузы Молдовы и это еще далеко не полный перечень, да и та неполная, частичная депортация, тот выборочный, но крупномасштабный социальный геноцид, который пережили и русские, и украинцы, и народы Прибалтики, и практически все народы страны, были для них не меньшей трагедией.

Чрезвычайно характерная деталь, особенность преступной политики массовых депортаций в СССР заключалась в том, что при всем откровенном цинизме этой политики

она сопровождалась определенным, порою весьма тщательно разработанным камуфляжем, видимостью цивилизованной благопристойности.

С первых дней депортации крымско-татарский народ не смирился с грубой, насильственной акцией советского правительства, с совершенной несправедливостью.

Передним краем противостояния между немногочисленным народом, лишенным не только своей исторической родины, но и возможности компактного расселения на какой-либо иной территории, с одной стороны, и мощным партийно-карательно-государственным аппаратом, с другой, стала ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ крымско-татарского народа.

Сразу же после переселения крымских татар режим предпринял массивную атаку на национальное самосознание, на крымско-татарскую культуру и крымско-татарский язык. С разрушением исторической памяти был связан курс на манкуртизацию и последующее полное уничтожение крымскотатарскости. С потерей памяти о своем прошлом, о своей этнической цельности, о своей культуре должен был сойти с этнографической карты страны и целый народ.

Целенаправленное наступление на этом фронте велось одновременно по нескольким направлениям как в местах нового поселения, так и в районах прежнего обитания крымских татар. Местах «спецпоселения» крымских татар был введен особый режим, цель которого состояла в разрушении традиционного хозяйственного уклада, отработанной веками системы жизнеобеспечения крымских татар. До войны на своей родине, в Крыму, они были заняты преимущественно в сельском хозяйстве и особенно славились своими навыками садоводов, виноградарей, табаководов. В районах нового проживания, расселенные в бараках, коммуналках, наспех сооруженных землянках, пристройках, принадлежащих заводам, крымские татары, независимо от рода прежних занятий, вынуждены были переключиться на тяжелую работу в различных сферах промышленности. Устои национальной самобытности рубились под корень, с перспективой навсегда.

Ощутимый удар по традиционной культуре, в том числе по механизмам передачи межпоколенной информации, нанесла тройная изоляция крымских татар: от своей исторической родины, от внешнего окружения и даже, в какой-то мере, друг от друга, от собственных земляков и сородичей. Предусмотрена была (правда, к счастью, недостаточно последовательно претворенная в жизнь) изоляция между поколениями, между членами одной семьи, между родителями и детьми, между супругами. После переселения на новые места нередко родители и дети, братья и сестры оказывались в разных поселках и не всегда имели возможность повидать друг друга. «Спецпереселенческий» режим строго ограничивал передвижения рамками региона, запрещал поездки в крупные города, причем нарушение запретов могло обернуться тяжелым наказанием еще более полной изоляцией в лагерях, отправкой на лесозаготовки на север страны.

Разрыв внутриэтнических контактов губительно сказывался на сохранении основ национальной жизни, на развитии языка, культуры, обычаев, семейных традиций и устоев. Особенно жестоко атака велась на профессиональную крымско-татарскую национальную культуру. В первые годы глобального этноцида не было театров, творческих коллективов, национальных библиотек, не выходила периодическая печать, не издавались книги на крымско-татарском языке, не было в по mine сколько-нибудь удовлетворительной национально окрашенной инфраструктуры.

Всячески принижались функциональная роль и социокультурная нагрузка крымско-татарского литературного языка. Были ликвидированы научные центры по исследованию крымско-татарского языка и литературы, прекратилась публикация художественных, в том числе фольклорных произведений. Оттеснение языка шло по двум направлениям функциональному и структурному. Наряду с сокращением сфер употребления языка, уничтожением периодики и книг на крымско-татарском

языке, низведением его до языка семейно-бытового общения, отвергалась самостоятельность лингвистического статуса языка, ему было отказано в самобытности, и он рас-

сматривался в качестве одного из диалектов языка татар Поволжья. По сути крымско-татарский язык был отброшен в дописьменную стадию.

Систематически подрывались объективные основы крымско-татарского национального самосознания. Крымским татарам было отказано в самостоятельном этнониме, из самоназвания народа было сокращено слово «крымские», и культивировалось представление о крымско-татарском народе как «просто» о татарах.

Долгие годы национальное самосознание было ущемлено огульным обвинением в «измене Родине». При этом носить этот ужасный ярлык должны были и семьи крымских татар, погибших на фронте, и дети, родившиеся после войны. В то же время старательно и последовательно стирались следы исторической памяти проживания крымских татар в Крыму. Уничтожались памятники материальной и духовной культуры, сжигались не только религиозные книги, не только оригинальные сочинения крымско-татарских писателей, ученых, но и переведенные на крымско-татарский язык произведения, включая даже труды «классиков марксизма-ленинизма». Мусульманские кладбища сравнивались с землей, мечети разрушались и опустошались, надгробные камни использовались как строительный материал. Одновременно уничтожалась крымско-татарская топонимика.

В числе практических мер, призванных стереть следы крымско-татарской истории и культуры в Крыму, выделяется постановление, принятое бюро Крымского обкома ВКП(б) 20 октября 1944 г. Согласно этому Постановлению, необходимо было «переименовать населенные пункты, реки и горы, названия которых связаны с татарским, греческим и немецким происхождением». Менее чем через год, 21 августа 1945 г. был принят не подлежащий широкой огласке Указ Президиума Верховного Совета РСФСР (N 69/3) о переименовании сельских советов Крыма. Согласно этому Указу были переименованы и потеряли свои исконные исторические наименования 10 сельсоветов Алуштинского, 10 сельсоветов Ялтинского, 19 - Куйбышевского

районов, а также села крымчаков, расселенных в окрестностях Мариуполя с ХУІІІ в.(76)

Наступление на историческую память народа вела также конъюнктурно-услужливая историческая наука. Целые эпохи из истории крымских татар, высочайшие достижения их древней культуры «вырезались» из народного обихода, предавались анафеме и проклятиям. На многие факты, реальные события давнего и недавнего прошлого, даже на имена известных национальных общественных деятелей накладывалось своеобразное табу запрещалось даже их упоминание. Радикальная операция фальсификации истории Крыма и крымско-татарского народа последовательно охватывала все этапы с древнейших времен до современности.

«Чудовищному преступлению, писал об этом позднее крымско-татарский писатель Эмиль Амит, нужно было найти оправдание. И вот срочно издаются путеводители, учебники, нацеленные на то, чтобы разжечь в людях презрение и ненависть к крымским татарам. Товарные составы, битком набитые семьями сражающихся на фронте солдат, были еще в пути, а уже переписывалась «История СССР»... В Крыму распространялись страшнее страшного слухи о зверствах крымских татар, об этом же вещали радио и пресса... <...> Мы устали ждать о себе честное слово. Молодежь, как в глотке свежего воздуха, нуждается в правде. Но события, связанные с оккупацией Крыма, до сих пор не находят объективного освещения в литературе. Зато в 1947 г. появился роман П.Павленко «Счастье» - о величайшем счастье, которое обрели те, кто остался в Крыму, очищенном от «варваров». Роман был удостоен сталинской премии.

А как «плодотворно» потрудились И.Козлов («В крымском подполье»), А.Первенцев («Честь смолоду»), вместе с ними и И.Вергасов («Крымские татары»), не пощадивший и боевого соратника Бекира Османова, с которым не раз ходил в разведку: не изменив даже имени, вывел его ... турецким шпионом. Принять за чистую монету то, о чем рассказывают эти авторы, могут только те, кто дезинформирован. Упомянутые произведения служили именно этой цели»(77).

Из сокровищницы национального менталитета вытравлялось осознание длительности пребывания крымских татар в Крыму, преемственности сложившихся на местной почве культурных традиций, неразрывной связи этнопсихологического и территориального факторов, связи истории Крыма с историей крымских татар.

Пресекались любые попытки восстановить историческую память народа. Так, например, директор Крымского краеведческого музея Е.Жук направил в КГБ по Крымской области донос, приложив к нему две записи крымских татар в книге отзывов музея. В этих записях речь шла об отсутствии среди экспонатов музея материалов о деятельности крымско-татарских подпольщиков в борьбе с фашистскими оккупантами

Крыма, фотографий Героев Советского Союза крымско-татарской национальности, об участии крымских татар в партизанском движении. Эти записи, были немедленно включены в материалы следствия и судебного процесса над десятью активистами крымско-татарского национального движения, стали «основанием» в ряду других документов для вынесения приговора (78).

Одновременно замалчивалась и искажалась история крымских татар в местах их нового поселения. В научных монографиях и популярных изданиях, в художественной литературе тех республик Средней Азии, где проживали крымские татары, трудно было найти даже упоминание об этом народе. «25 лет мы находимся в Узбекистане, с горечью говорил в своей защитительной речи на заключительном этапе ташкентского судебного процесса 1969 г. один из активистов крымско-татарского движения Роллан Кадыев. Как широко шагнула узбекская литература за это время. Но в романах, которые я читал на русском и на узбекском языках, я никогда не видел даже в эпизодических картинах крымского татарина. А ведь полмиллиона человек в течение четверти века живут, трудятся, создают материальные богатства бок о бок с другими народами. Разве в какой-либо литературе отражен труд этого народа? Его судьбы, надежды, мысли о возвращении на Родину? Именно в отсутствии этого я усматриваю тен-

денциозность, а иногда и лживость советской литературы, которая обязана нести правду народу. Я эту правду в отношении крымско-татарского народа не вижу.» (79).

Печальный и катастрофический итог общенациональной дискриминации крымских татар в социально-экономической, политической и культурной жизни за первые два десятилетия их пребывания в спецпоселениях подвели 65 уполномоченных представителей крымско-татарского народа в «Обращении крымско-татарского народа к XXIII съезду КПСС» в марте 1966 г. «Было все сделано, говорилось в этом обращении, чтобы: 1) Уничтожить государственность крымских татар; 2) Уничтожить как можно больше самих крымских татар; 3) Сначала очернить народ и оправдать тем самым антиленинский акт произвола, а затем нигде не упоминать о крымских татарах, чтобы народы не только Советского Союза, но и всего мира забыли о существовании таковых; 4) Уничтожить культуру, искусство и литературу крымских татар; 5) Уничтожить историю этого народа; 6) Уничтожить его язык; 7) Уничтожить его обычаи; 8) Сделать все, чтобы каждый крымский татарин стыдился называть себя крымским татарин; 9) Доказать каждому представителю этой нации, что ни у него самого, ни у его детей, ни у тех его потомков, которые еще не родились, нет будущего»(80).

Надо сказать, что разработанная и претворенная в жизнь в «сталинский период», в 1944-1953 гг, система этноцида оказалась чудовищно живучей и имела свое продолжение, свои метастазы и в «хрущевский», и в «брежневский» периоды, когда в жизни ряда других репрессированных народов уже что-то изменилось к лучшему. Не оставалась вовсе неизменной и крымско-татарская ситуация. Однако все ее проблемы, связанные с наступлением на историческую память крымско-татарского народа и с сопротивлением этому наступлению, сохраняли свою актуальность многие годы.

Решительный протест против наступления на историческую память крымских татар, лишение которой открывало дорогу глубокой этнической ассимиляции, растворению народа в иноэтническом окружении, выразили

правозащитники Московской Хельсинкской группы. В одном из ее заявлений, сделанных уже в 1970е гг., говорилось: «Основная масса крымских татар, насильственно и несправедливо высланных со своей земли в 1944 г., проживает в Средней Азии. Они фактически вычеркнуты из списка советских наций. У них нет ни одной школы на родном языке, хотя до выселения из Крымской Автономной ССР их было несколько сот. Нет ни одного журнала. В 1944 г. был ликвидирован Институт, занимавшийся исследованиями в области крымско-татарского языка и литературы. Власти отказываются издавать даже словари. С 1944 по 1973 гг. были изданы два учебника на крымско-татарском языке (против 58, изданных, например, за 9 месяцев в 1939 г.). Из семи газет, издававшихся до войны, сохранилась лишь одна (не ежедневная) (81).

Подводя итог преступной политике этноцида, осуществляемой по отношению к крымско-татарскому народу особенно жестоко и последовательно в первое, еще «сталинское» десятилетие, мы обязаны открыть счет поистине неисчислимым потерям в людях, человеческих жизнях, искалеченных судьбах, в утратах материальных и духовных культурных ценностей, в том нравственном ущербе, который был нанесен всему советскому обществу, его исторической памяти.

Анализируя последствия депортации и варварского этноцида, мы должны иметь в виду не только то, к чему стремились те, кто проводил эту политику, и не только то, что им удалось совершить, обрекая народ на мучительные жертвы, но и то, что всей этой политике противостояло, сопротивлялось, в конечном итоге опрокидывало все расчеты на физическое истребление и нравственное порабощение «наказанного» народа. Сила стойкости народа, жизнеспособность, противодействия гнету и геноциду оказались поистине неисчерпаемыми.

Эту сложную диалектику, несоответствие между тем, что было задумано «в верхах», что начертала сталинская рука, обрекая народ на покорное беспомыслие и вымирание, и тем, что получилось на самом деле в силу внутреннего сопротивления политике этноцида, можно проследить на любом из тех направле-

ний, которые мы выделили выше, характеризуя планы и политику преступного этноцида. Было задумано подавить историческую память народа она только окрепла и углубилась.

Было задумано разрушить генетический фонд нации, лишить ее творческой интеллигенции, собственной духовной элиты с величайшим трудом, жертвами и страданиями, но крымско-татарский народ сохранил и выдвинул из молодой генерации своих духовных лидеров, людей высокой культуры, исторической «самообразованности», широкого диапазона знаний, свободного интеллекта и незаурядного таланта.

Было задумано разрушить устои этнической культуры, семейные традиции, нравственные нормы, трудовые навыки не получилось и это, хотя стоило противостояние невероятных усилий. Народ сумел сохранить свое нравственное лицо, свое достоинство, свой культурный потенциал, свой традиционный семейный очаг.

Было задумано поставить народ «вне закона», изолировать его от других народов страны, натравить против него общественное мнение, но пробил час и выяснилось, что у крымско-татарского народа очень много друзей и среди русских, и среди украинцев, и среди узбеков и всех других народов несчастной многонациональной страны.

Крымских татар не удалось обречь на полную нищету своим трудолюбием, вопреки разорительному прессингу всей экономической системы «развитого» и еще «недоразвитого» социализма, они сумели выстоять, обеспечив развитие своего личного хозяйства и даже относительное материальное благосостояние, насколько оно, вообще, было достижимо в условиях нищей страны.

Из крымских татар не удалось сделать лишенных исторической памяти и собственного национального достоинства манкуртов, и в этом состоял главный исторический итог пережитого итог, который сводился к поражению системы, объявившей тотальную войну одному из своих народов.

Не имея возможности детально рассмотреть все аспекты этого поражения, имеет смысл остановить внимание лишь на одном из них, который представляет особый инте-

рес и имеет актуальное значение постольку, поскольку этим вопросом практически до сих пор никто всерьез не занимался (ни в отечественной, ни в зарубежной литературе по крымско-татарской трагедии он не нашел почти никакого освещения). Речь идет о языковой ситуации, о языковой политике, входившей в общую систему организованного этноцида, и о сопротивлении крымско-татарского народа этой политике, давшем поразительные результаты.

В самом деле вряд ли крымско-татарское национальное движение достигло бы серьезных политических успехов в борьбе с тоталитаризмом, если бы оно не опиралось на поддержку широких народных масс, на внутринациональную солидарность, на верность, сохраненную народом своему национальному языку, национальной культуре, взлелеянной самосознанием мечте вернуться в Крым и вернуть Крым.

Полученные в ходе переписи населения 1989 года данные о совпадении национальной принадлежности и родного языка среди 92,6% крымских татар бывшего Советского Союза стали красноречивым открытием народом самого себя и открытием крымского народа для народов всего мира.

Напомним для сравнения ситуацию среди немцев Поволжья, также подвергнутых насильственной депортации Указом Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (от 28 августа 1941 г.) (82). За полвека более половины всего Российского немецкого народа (51,3%) потеряло национальный немецкий язык, если судить об этом по данным переписи населения 1989 г., согласно которой лишь 48,7% немцев страны указало родным язык своей национальности, в том числе, 40,9% среди городского населения и 57,5% среди сельского населения.

Широкомасштабное и глубокое сохранение языка своей национальности крымскими татарами на фоне многих других народов имеет исключительно важное значение. По сути своей это итог самоотверженной борьбы народа за выживание и самосохранение. Эта борьба шла и в первые, самые тяжелые годы «спецрежимной» жизни, и на всех последую-

щих этапах, когда уже была сформулирована цель возвращения народа в Крым.

Роль языковой памяти поистине уникальна в общей системе исторической памяти народа. Особенно заметно проявляется эта роль на фоне языковой жизни и на фоне этноязыкового самосознания других народов. Даже среди 15-ти народов, имевших во время переписи населения 1989 г. свои союзные (суверенные) республики, оказалось 4 народа, среди которых удельный вес лиц с родным языком своей национальности был даже ниже, чем среди крымских татар (это армяне, белорусы, молдаване и украинцы).

Среди следующей группы народов, имевших на момент переписи на селения свои автономные республики, приблизительно половина от общей их численности сохранила в качестве родного языка язык своей национальности хуже, в меньшей степени, чем крымские татары. Среди 13-ти народов из 29-ти (включая народы Дагестана) доля лиц с родным языком своей национальности была ниже, чем аналогичная доля лиц среди крымских татар (92,6%).

Однако больше всего впечатляет сравнение картины языкового самосознания крымских татар с теми народами и национальными группами, которые, как и крымские татары, не имели на 1989 г. никаких национально-государственных и национально-территориальных образований. Лишь 4 народа (абазины, белуджи, венгры и дунгане) из 58 «бесстатусных» («нетитулованных») народов сохранили родным языком язык своей национальности лучше, чем крымские татары.

Вряд ли эти данные нуждаются в дополнительных комментариях, они говорят сами за себя. Можно быть уверенным, что широкое и глубокое сохранение родным языка своей национальности среди крымских татар является следствием укрепившегося в ходе политической борьбы национального самосознания и возрожденной исторической памяти.

По своему потенциальному запасу национальной энергии и исторической памяти крымские татары занимают среднее место между народами, имевшими к 1989 г. «свою» союзную республику, и между народами, имевшими иные формы национально-госу-

дарственного устройства и самоопределения, так называемые «автономии». Пребывание крымских татар по параметрам сохранности национального языка в одном типологическом ряду с народами, имевшими свои национально-государственные образования, еще один показатель, еще одно свидетельство того, что крымские татары вполне обоснованно претендуют на восстановление своей национальной автономии.

Уделяя столь пристальное внимание языковой проблеме и ситуации, мы исходим из того, что между языковым и национальным самосознанием существует тесная и прочная логическая этнопсихологическая связь. Народ, сумевший вопреки политике этноцида сохранить в качестве родного язык своей национальности, оказался и во многих других отношениях способным к активному противостоянию, противодействию этой политике. Именно в этом противодействии, начавшемся стихийно, в массовом масштабе и задолго до возникновения каких бы то ни было формальных структур и организаций, заключались глубинные истоки крымско-татарского национального движения.

1944-й год пытался перечеркнуть многовековую историю крымско-татарского народа, лишить его надежды на этническое самосохранение и на создание самостоятельной государственности. Вряд ли кто-нибудь из несчастных участников той майской трагедии мог помышлять тогда, в товарных вагонах, уносивших крымских татар из европейского Крыма в азиатские степи, о том, что потребуется почти полвека, чтобы возрожденная историческая память мечта стала лучом света в конце мрачного периода вынужденного изгнания. Вряд ли кому-нибудь приходило в голову, что под жгучим среднеазиатским небом и на морозной сибирской земле народятся новые поколения и, вдохновленные традициями предков, пойдут на штурм командно-административной твердыни постсталинского тоталитаризма. Однако история дала народу шанс и силы, породила лидеров, расширила круг активистов и вручила в руки знамя победы. Сегодня вполне очевидно, что не было бы ни победы, ни проекта национальной Крымско-татарской Конституции (декабрь 1991 г.),

если бы против курса на этноцид, против имперской линии на уничтожение крымско-татарскости не восстал народ.

Трудной, тернистой и долгой оказалась дорога домой: сначала на первом этапе крымско-татарского национального движения народу надо было элементарно выжить, сохранить себя и свой этнофонд, уберечь от полного разрушения национальный язык, культуру, историческую память, затаенную мечту о возвращении на Родину. На это ушло целое десятилетие, глухое, беспросветное десятилетие второй половины 40х и первой половины 50х годов. Затем, на втором этапе, вместе с пробуждением и первыми робкими попытками накачивания мускулов, надо было одновременно работать и головой, и сердцем: вырабатывать политические цели, ставить конкретные задачи, обдумывать тактику сопротивления, осмысливать свое место под солнцем и свое предназначение. Прошло еще полдесяток лет. Но впереди был подъем движения, прорванная плотина спецпоселенческого молчания и терпения, а вслед за подъемом и отдельные горькие поражения. За право оставаться самим собой, за голос в защиту своей истории и в защиту гражданских прав своего народа предстояло еще многим патриотам отсидеть на тающих островах созданного сталинским режимом ГУЛАГа.

Слияние некоторых групп сопротивления с правозащитным движением и установление связей с зарубежными сторонниками прав человека, пожалуй, сделало крымско-татарское национальное движение непобедимым.

Первая глубокая трещина, обозначившая в 1985 году контуры новой этнополитической ситуации в стране, положившая начало перестройке, расколу и распаду советской империи, одновременно стала важной вехой, заметной точкой отсчета в новой активизации национально-освободительного движения крымско-татарского народа.

Опираясь на накопленный ранее опыт, черпая силы из боли и слез предыдущих лет, обретая новых друзей и соратников, вписываясь в широкую панораму и многоцветный контекст новейших национальных движений (от Прибалтики до Кавказа, от Молдовы до Тувы), используя просчеты дряхлеющей но-

менклатуры, маховик крымско-татарского сопротивления и возрождения набирал новые, ускоренные, победоносные обороты.

Через общее нетерпение и внутренний раскол среди активистов национального движения, через манифестации на площадях Москвы и городов и поселков Средней Азии и Крыма, через унижительные «хождения» по кабинетам бюрократов и чиновников разного ранга, через дискуссии и полемику о путях и средствах достижения конечной цели, через разоблачение антикрымско-татарской направленности ряда создаваемых партаппаратом структур (прежде всего государственной комиссии под руководством А.А.Громыко), через противоречия между различными группами крымско-татарских активистов, через лабиринты выбора между идеологией «реконкисты» и солидарности, крымско-татарское национальное движение продвигалось к осмысленному, аргументированному, обоснованному пониманию того, с кем, как, в какие сроки и с какой целью обустроивать Крым. В изнурительной борьбе с бывшим Центром бывшего Союза и партаппаратом Крыма, в тонкой дипломатической игре с номенклатурой и национальными движениями Украины, пролегла дорога к созданию Крымско-татарской Конституции. Ни Москва, ни Киев, ни Симферополь не хотели того. Крымско-татарскую Конституцию готовил Бахчисарай и народ, устремленный в свой завтрашний день. Духовной опорой непоколебимой веры крымских татар в свое будущее служила историческая память, вызванная сопротивлением репрессивному режиму из грозящей народу бездны небытия.

Решительными оказались и усилия крымско-татарской элиты, ее творческая сила, противостоящая этноциду, ее самоотверженная борьба за самосохранение и выживание народа.

12. Промахи в раскрепощении памяти

Своим обращением почти ко всем аспектам традиционного образа жизни тюркоязычных народов Центральноазиатской степной полосы роман «И дольше века длится день» частично заполнил на рубеже 70х-80х годов

вакуум, созданный отсутствием научных и публицистических описаний злободневных проблем жизни национальностей и картины межнациональных отношений. Критики и комментаторы заметили в романе очень многое и человека труда и гимн трудовому подвигу, и соблюдение автором узаконенных идеологией канонов социалистического реализма, и воспевание идей интернационализма и многие другие, положительные к началу 80-х годов, достоинства романа. Не заметили главного скрытой политизации национально-го фактора.

Между тем, именно эта особенность романа его неявная политизация продолжает лучшие традиции российской классической литературы XIX века, когда писатели не обходились без политики даже в условиях, когда отсутствовали отработанные механизмы демократии парламент, политическая публицистика и беллетристика.

Политизированная литература и сегодня имеет плюсы и минусы. Вскрывая накопившиеся гнойники национального бытия, она играет важную роль в подъеме национального самосознания народов, замещая частично раздавленные идеологическим прессингом общественные науки. Но в политизированной художественной литературе, посвященной национальной истории и национальному бытию, были и свои минусы, свои промахи.

И дело не только и не столько в том, что политизация ограничивала мир, грани, качество художественных произведений, или явлений искусства, сколько в создании такого климата, в котором оставалось место культивированию лжи, фальши, лицемерия. В этом ее негативный аспект. В диалоге, опубликованном «Правдой»(83), Виктор Астафьев и поэт из Смоленска Виктор Смирнов отметили, что сегодня немало подвижников, радеющих об Отечестве «не требуя за то «венца и повышения в чин». Но, «К сожалению, - как грустно заметил В.Астафьев, - развелось много спекулянтов на защите России, русского.»

Чрезмерная политизация превращала достоинства литературы в ее недостатки, особенно в тех случаях когда дефицит таланта, некоторые деятели из корпуса творческой интеллигенции пытались компенсировать

сверхверноподданническим усердным служением своей нации, единственно достойной внимания и художественного изображения.

Талант требует ответственности. Малейшее смещение акцента в позиции писателя, поэта, ученого и его борьба за память может обернуться новым витком беспамятства, а стремление быть выразителем интересов народа обернуться пропагандистом идей одной из враждующих партий, группировок, фракций. Уже немало примеров, когда, забросив свои лаборатории, иные деятели культуры добровольно отдают себя в плен политических интриг и доктрин. И немедленное трудоемкое восстановление исторической памяти оборачивается крикливым удревлением своей истории, в том числе, за счет принижения истории соседнего народа.

Обзор научной литературы и публицистики, отдельных исторических романов и иных художественных произведений, посвященных этногенезу, этапам этнической истории, историческому наследию своего и других народов, позволяет выделить некоторые линии некритического подхода к оценке национального и конфессионального факторов в происхождении и формировании отдельных народов, установить перегибы, или смещение акцентов в освещении истории межнациональных отношений. Коротко говоря, суть отклонений от взвешенной оценки исторических явлений, фактов, процессов, личностей и их деяний, сводилась в научной и художественной литературе следующим моментам: нередко история той или иной республики сводится к истории исключительно только того народа, именем которого названа данная республика(84). В самом деле, о каком полнокровном изображении истории народов, населяющих республику Молдову, может идти речь, если, например, в капитальном сочинении «История Молдавской ССР», изданном в 1982 году объемом в 550 страниц, проживающие в пределах этой республики гагаузы случайно упомянуты всего лишь на нескольких страницах, (169, 204, 268, 499, 505) которые можно легко пересчитать на пальцах одной руки. В краткой хронологии фактов, приложенной к этому солидному тому, гагаузам не сподобилось быть обозначенными ни в одной из дат. По-

следовательное замалчивание проблем истории, культуры, языка гагаузов на страницах научных, научно-популярных республиканских изданий представляло собой фактически создание условий для их манкуртизации, т.е. умышленное или неумышленное лишение гагаузов своей истории и права иметь свою историю. Во что это замалчивание вышло, в дни перестройки, хорошо известно читающей публике: официальным постановлением Верховного Совета республики Молдова гагаузам было предписано считать себя этнической группой. Иными словами, им отказано в праве быть самостоятельным народом, каковым они являются, отказано иметь свое имя, свои национальные символы, свою территорию, на которой они проживают на законных основаниях два столетия, а с учетом проживания на этой же земле их тюркоязычных кочевых предков около тысячи лет.

В литературе союзных и автономных республик, в самом деле, очень редко освещаются социально-культурные проблемы национальных групп и народов, не относящихся к коренной национальности, т.е. к нации, давшей название той или иной республике. Со страниц обществоведческой литературы многих республик последовательно «исчезают» представители некоренной национальности. Создается впечатление, какбудто в каждой союзной республике никто, кроме коренной национальности не проживает.

В целом ряде работ, в том числе и в специальных трудах, посвященных современным национальным отношениям, всесторонне раскрывается помощь русского народа нерусскому населению, и в то же время не упоминается о помощи титульной нации проживающим в пределах республики представителям национальных групп, или малочисленным народам.

Заключительный (четвертый) раздел монографии «История армянского народа» (Ереван, 1980) посвящен советскому периоду (5). По существу, в этом разделе раскрывается история Армянской ССР. В разделе выделено несколько специальных параграфов о зарубежных армянах, но нет ни одного раздела о неармянском населении республики, хотя и упоминается о «большом внимании Совет-

ского правительства в 1920-1930 гг.»... «Повышению культурного уровня проживающих в Армении национальных меньшинств азербайджанцев, курдов, ассирийцев, греков.» Так, например, «был создан Курдский алфавит вначале на основе армянской, а затем латинской письменности», «в 1931 г. в Ереване открылся курдский педагогический техникум»(86).

При научном или художественном воссоздании этногенеза народов, имеет место не подтвержденное достоверными фактами и убедительными документами утверждение происхождения и истории коренного народа союзной республики.

Ученые неоднократно высказывали тревогу по поводу того, что в ряде популярных изданий, выходящих большими тиражами, излагаются научно несостоятельные теории о древних корнях того или иного народа. Так, например, писатель Вл.Щербаков отыскал в Восточной Атлантиде за девять тысячелетий до нашей эры корни славянских племен и установил прямую связь между современным русским и этрусскими языками (87). Путешествуя по Артикскому району Армении, З.Балаян замечает: «Здесь всегда были камни. Миллионы лет. И здесь всегда жили армяне. Тысячи и тысячи лет», описывая населенный пункт Ошакан Аштаракского района, пишет: «Ошакан красивый и уютный поселок ... Пять тысяч двести жителей. Несколько тысяч лет назад здесь, как везде по республике, отмечалось снижение рождаемости; думая об армянах, живущих на чужбине и лишенных «самого прекрасного человеческого чувства - чувства причастности к родине», заключает: «К родине, где жили твои предки тысячелетия подряд» (88).

Говоря об археологических раскопках в Анийском районе, на месте dna будущего водохранилища, З.Балаян дает волю воображению. «Под землей, как представляет он себе, целый город... Приглядишься, вырисовываются улицы и дворы, по которым несколько тысяч лет назад прохаживались армяне» (89). Писатель А.Югов попытался доказать, что герой греческой мифологии Ахилл является русским по своей этнической принадлежности. Подобных примеров немало.

В художественной литературе национально-патриотического направления в некоторых случаях предъявляются претензии на земли, входящие в пределы других союзных республик, или даже в состав других государств. При этом в прямой или косвенной форме обосновывается идея своей «Великой страны», созданной средневековыми или более древними предками коренной национальности той или иной союзной республики.

Так, например, обосновывается идея «Великой Армении» или «Исторической Армении», включающей все те земли, на которых когда-либо проживали армяне. «До сих пор, пишет З.Балаян, ежегодно десятки армян переезжают в советскую Армению из Баку, Нагорного Карабаха, Гюлистана, Дашкестана, Ханлара, Грузии, Средней Азии.

Только за последние десятилетия на родину репатриировало более двухсот тысяч зарубежных армян...

Разумеется, пишет далее автор, все это только радует сердце. Радует потому, что соотечественники собираются под один, единый флаг, флаг Армянской социалистической республики, ставшей маяком для всех армян мира. Но беда в том, делается тут же странный вывод, что в некоторых случаях они оставляют родные края, оставляют исторические земли исторической Армении». В ряде других мест этой же книги, говорится, что нынешняя Советская Армения это только лишь «крохотный остаток некогда поистине Великой Армении», что «древние армяне, владеющие территорией от моря до моря, были отменными моряками», «в начале прошлого века в Карабахе, одной из исторических областей Армении»,» Со второго века до нашей эры Арцах (т.е. Карабах) со своим армянским населением и аборигенной княжеской династией (Араншахи) входил в состав Армении.

Упоминание отдельных районов, населенных пунктов, расположенных в других союзных республиках или зарубежных государствах, в сочетании с геополитическими высказываниями, в некоторых случаях прямо или косвенно ассоциируется с территориальными претензиями.

«Тесно нам, говорит об армянах З.Балаян, как никому и нигде в мире. Плотность населе-

ния в стране составляет одиннадцать человек на один квадратный километр. В нашей республике более ста одиннадцати человек»(90). Проезжая по Нахичеванской АССР, З.Балаян подчеркивает, что видит вокруг: «Армянские храмы, армянские церкви, армянские школы» и допускает скрытые оскорбления и выпады в адрес азербайджанцев: «Придет время, пишет он о расположенном в Нахичеванской АССР селе Агулис, будет восстановлен». «А пока пусть Агулис своим печальным видом напоминает современникам о вандалах недавнего прошлого» (91).

Иногда авторы иных художественных произведений чрезмерно увлекаются восхвалением достоинств своей нации, что приводит к выводу относительно ее уникальности исключительности.

В ряде работ авторы всеми средствами пытаются преувеличить или представить более древней, чем она есть на самом деле, культуру своей нации. При этом делаются попытки идентифицировать с национальной культурой такие древнейшие памятники культуры, этническая принадлежность которых научно не выявлена и не доказана. Низкая компетентность и слабая обоснованность подобных попыток лежит прямо на виду, а противоречивость авторской позиции обнаруживается буквально на соседних страницах его текста. Справедливо утверждая, что «наскальные изображения или петроглифы являются уникальным источником для изучения первобытной культуры», З.Балаян тут же добавляет, «что к великому нашему сожалению многие наскальные изображения, сотворенные рукой наших древних предков, были вывезены вместе со скалами, с осколками камней за пределы республики». Иными словами, наскальные изображения в одном случае тракуются как результаты человеческой деятельности первобытной эпохи, а в другом - объявляются делом рук армян и соответственно достоянием армянской культуры (92).

Справедливо отмечая, что казахский этнос сложился не ранее, чем в XV в. нашей эры, Е.Д.Турсунов усматривает корни творчества акына Жырау и других исполнителей казахского фольклора в первом тысячелетии до н.э. и в более ранние времена. К.Исмалов полага-

ет, что в становлении основы сюжета узбекских сказок и образов ведущую роль сыграли древнетюркские мифы.

Случаи, когда исследователи находят истоки этнического фольклора еще в те времена, когда не сформировались сами этносы, встречаются довольно часто. Непомерное восхваление и преувеличенная оценка отдельных элементов национальной культуры и образа жизни своего народа граничит с национализмом. Так, например, в книге З.Балаяна утверждается: «В высокогорном селе Личк, известном историкам как культурный центр, перепись населения ведется испокон веков. Однако сохранились данные лишь с 1873 года»; «Трудно найти лучшее место на земле для обмена мнениями между архитекторами, нежели Санаин и Ахпат»; «лучший в Европе сыр «Рокфор» производят в селе Талин»; «абрикос во многих словарях отмечен, как «армянский фрукт»; «Я глубоко убежден, земледелие, мелиорация и вообще все сельское хозяйство Советской Армении это феномен. Думается, подобного феномена мир не знает»; «И я думаю, какое мы все-таки совершаем преступление перед будущим, перед всем современным миром, если хотите, что не снимаем фильмов о феномене, каковым, по существу, является Советская Армения» (93).

Разработку армянской письменности М. Хачатурова объявляет чудом. «В годы безвременья, пишет она, когда в кровавых битвах с грозными врагами Армения теряла свою независимость, когда ей грозила ассимиляция, именно национальная письменность и язык были той мощной и непобедимой крепостью, за которой армянский народ сохранял и развивал свою самобытную культуру» (94).

Серьезный вред обществоведению наносят далекие от науки дискуссии между учеными различных республик. Украинские литературоведы нередко настаивают на том, что памятники древнерусской литературы XI-XIII вв., являющиеся общим духовным наследием всех трех этнически родственных народов (украинского, белорусского и русского) безраздельно принадлежат одной только древней украинской культуре.

«Кто такой, в самом деле, писатель Гоголь украинский или русский писатель?» с таким

вопросом обратился к депутатскому корпусу академик Д.С. Лихачев 3 сентября на Внеочередном съезде народных депутатов СССР. И тут же ответил: «Он принадлежит и России и Украине. А великий музыкант Борзнянский украинский музыкант и композитор или русский? Художник Левицкий без него немыслима история русской живописи? Архитектор Ухтомский, без которого нет ни Москвы, ни Петербурга? Кто такой Балтрушайтис, один из основателей Литовского государства? Это русский поэт-символист. Или художник Добужинский? Или великий философ Карсвин в Литве? Это русский, петербургский профессор, ученый, задолго до знамени того Хейзинга определивший новое отношение к истории. Что такое Тартуский университет? Это и Юрьевский университет, это и Дерптский университет, это объединение немецкой, русской и эстонской наук.» (95). Размышления (вопросы-ответы) академика зал встретил одобрительными аплодисментами.

Между армянскими и грузинскими учеными до сих пор ведется не всегда «справедливый» «дележ» ромейского культурного наследия. Но чувствуется, что хотя здесь и имеются симптомы как-нибудь «договориться», но до полной согласованности и здесь также далеко.

Ведутся бесконечные споры относительно наследия «Волжской Булгарии», между учеными Башкирской, Татарской и Чувашской АССР. Так, например, Гали Чокрый (1846-1889), Акмулла (Мифтахетдин Камалетдинов, 1831-1895), Меджит Гафури (1880-1934) в своих произведениях изображали образ жизни генетически близких башкир и татар. Как известно, указанные деятели культуры родились и жили в Башкирии, но писали на татарском литературном языке. Поэтому логически нет особого смысла делить их творчество между народами, а скорее надо гордиться тем, что каждый из них внес большой вклад в развитие национальной культуры не одного, а двух народов. Более того, творчество Акмуллы, писавшего кроме башкирского и татарского, еще и на казахском, можно считать достоянием и казахской культуры.

Время от времени проявляются разногласия между представителями Армении, Гру-

зии и Азербайджана о том, кому принадлежит творчество СаятаНовы (Арутюна Саядяна), который родился, жил и умер в Тбилиси, а свои произведения писал на 3х языках: армянском, грузинском и азербайджанском. В справочной литературе он назван «великим армянским поэтом, крупнейшим представителем армянской средневековой поэзии» (96). Но вряд ли достаточно относить творчество двуязычного или многоязычного поэта к национальной культуре того или иного народа, исходя из антропологической принадлежности самого поэта. В конце концов, видимо, надо узнать об этом у самого поэта, кем он сам себя считает.

Отход от объективных научных позиций особенно опасен тогда, когда деятельность одного и того же исторического лица описывается и оценивается специалистами бывших союзных республик прямо с противоположных позиций, в одном случае как национального героя, в другом, напротив, как врага народа. Этим наносится травма национальному самолюбию народов, затрудняется межнациональное взаимопонимание, подрывается взаимодействие народов. Так, например, в книге «Очаг», опубликованной в Армении, говорится: «В июле 1918 года выдающийся полководец, предводитель народно-освободительного движения генерал Андроник объявил в Нахичеване Советскую власть и сообщил Чрезвычайному комиссару Кавказа Шаумяну, что он со своим отрядом находится в полном распоряжении Российского Центрального правительства и подчиняется ему» (97). В другой книге, увидевшей свет в столице Азербайджана, о том же самом Андронике можно прочитать, что он одерживал победы «над беззащитными селениями, беззастенчиво грабил и устраивал массовые избиения безоружных азербайджанцев. В результате погромов Андроника были разрушены деревни Суст, Чешмебасар, Тумбул и другие» (98).

В ряде публикаций, особенно юбилейного плана, долгое время воздавались непомерно высокие похвалы отдельным деятелям национальной культуры. Так, например, в изданной на 4х языках книге «Низами. Афоризмы», (1982), говорится, что «Великий азербайджанский поэт Низами Гянджави принад-

лежит к числу крупнейших мыслителей всех времен», его идеи «намного опередив свое время, предвосхитили возникающие впоследствии уже на европейской почве концепции эпохи Возрождения о гуманизме, возвышенной любви, самопожертвовании, необходимости активно бороться за установление справедливости... На протяжении восьми веков каждое новое поколение воспринимает творения Низами как художественное явление современности, наследие его служило и служит неисчерпаемым источником вдохновения для художественного творчества и развития социально-философской мысли...- ... не убоился, вопреки господствовавшим в его эпоху воззрениям, смело обожествить прекрасный мир чистых и возвышенных стремлений человеческой души, вдохновенно воспел самоотверженную любовь, которой чужды корысть и расчет, которая сильнее всех условностей и традиций. Тем самым Низами предвосхитил Данте, Петрарку, Шекспира, Пушкина...(99).

В некоторых художественных произведениях допускается очернение истории, культуры или отдельных представителей инациональных народов. Так, например, в романе М.Мураталиева «Кукушка месяца мая» приводится следующее описание убийства киргизов русскими солдатами. То, что речь идет о солдатах царской армии существа дела не меняет. «Убийцы, - читаем в романе, - со спокойным видом резали их живые тела и бросали по сторонам, тех, кто убежал, протыкали вилами в спину, обухом топора раздробили череп ... повалили на землю и полоснули горло острием меча, при этом каждый старался, чтобы его не забрызгала теплая кровь живого тела. Растаскивали отдельные части тела, стремились волочь по всему загому туда, в угол, куда складывали в кучу, где еще полуживые члены тела дрожали, стонали, хрипели, тряслись, обливались кровью...

Во дворе стоял теплый пар от свежего мяса и хлюпала кровь убитых людей. По двору невозможно было пройти, попадая в голенища убийц, чавкала кровь, насквозь промокали портянки, низ штанин. На их рубашках, брюках, мешках укрывавшихся (на голову надетые) не было живого места, не забрызганного кровью, ведь сложно стирать человеческую

кровь. Убийцам было жалко только своего обмундирования...

Когда убийцы отняли душу последнего черноголового, их силы иссякли, тяжело дышали, плевались, курили табак. Они были довольны своей работой и, получив удовлетворение, теперь ждали следующего приказания, чтобы срочно взяться за него.»)

Подмена социальных факторов этническими в освещении геноцида армян, приводит к враждебным, недопустимым, человеконенавистническим выпадам в адрес некоторых неармянских народов. Воспроизведем лишь несколько примеров из книги З.Балаяна: «Будь то среди христиан Европы или мусульман Сирии, Аравии и Африки, турок приносил везде только разрушение: никогда он не был способен развивать в мирное время то, что завоевал в войне»; «Монастырь Арич...разрушал, распиливал, гигантские колонны татаро-монгольский варвар и вандал ... и вновь турки в XVII, XVIII, XIX, XX веках грабили, жгли, разрушали»(100). Число таких примеров из книги З.Балаяна можно было продолжить.

Жертвы армянского народа во время геноцида действительно велики. Но разве надо виновниками этой трагедии считать всех, без исключения, турок? Достаточно заглянуть в компетентные исторические публикации.»Очевидно, что вся ответственность за массовое избиение армян, пишет академик М.Г.Нерсисян, падает на правительство султана Абдул-Гамида и особенно на правительство младотурок»(101).

В книге З.Балаяна допускаются оскорбительные выпады против азербайджанцев: «варвары», «вандалы», «дикие кочевники», «воинствующие кочевники». Нет нужды доказывать, что подобные «определения» далеко не способствуют воспитанию этнической терпимости, а создают напряженность между двумя соседними народами (102). Во что эта напряженность вылилась, нет смысла напоминать!

Случаи восхваления истории «своего» и очернения «несвоего» народа, к сожалению, встречаются не только в названной работе, но и в публикациях других авторов. Печально известной стала попытка поставить спектакль по написанной в 1927 году пьесе А.Софроно-

ва «Сбившийся с пути не исправится», в которой один из ее героев говорит: «Да, нынешний век, кажется, будет гибельным, сильно изменились нравы из-за различных русских напастей. Ныне каждый законник и знаток, каждый пьяница и картежник. Все, что ни делает русский, все оборачивается нам во вред, а мы несчастные, всему этому бездумно подражаем. Увеличение числа русских сильно пошатнуло нашу жизнь». Нетрудно догадаться каким ветром в конце 20х годов придуло в пьесу якутского автора антирусские выпады. Достаточно перелистать доклад Сталина «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве», с которым он выступил на XII съезде РКП(б), т.е. за 4 года до появления пьесы А.Сафронова. «Основная сила, по определению Сталина, ставшего затем и определением в резолюциях съезда, тормозящее дело объединения республик в единый союз, это та сила, которая нарастает у нас ... в условиях нэпа: это великорусский шовинизм ... старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское ... который наступает и ползет, капля за каплей впитываясь в уши и в глаза, шаг за шагом

разлагая наших работников ... таков первый и самый опасный фактор, тормозящий дело объединения народов и республик в единый союз» (103).

Бесспорно, чем выше культура нации, тем больше она дает оснований для национальной гордости. Но это лишь одна сторона дела. Другая же заключается в том, что признание ее необходимости для соседей, должно исходить от самих соседей, а не от самих создателей и носителей этой культуры. Чем ниже культура народа, тем она безразличнее к освоению инонациональных достижений, тем больше она нуждается в одобрительном восхвалении и в поддержке как изнутри, так и извне.

Историческое наследие многих народов понесло колоссальный урон через разрушение храмов и иных памятников, через искажение в угоду идеологическим концепциям места и роли отдельных элементов культуры в общей истории цивилизации, через замалчивание вклада тех или иных народов в ко-

пилку общечеловеческих ценностей. Восстанавливая истину, выводя на сцену общественного внимания забытые явления истории или полуразрушенные памятники, иные авторы не могут удержаться от чрезмерного восхваления своей национальной культуры, что в конечном итоге ведет к преувеличению элементов «своей» и, механически, к занижению «достижений «чужой» национальной культуры. Не приносят успеха и славы попытки «разделить» общекультурное наследие народов, «перехватить» у соседнего народа тех или иных легендарных личностей, «развести» по нынешним национальным квартирам одних и тех же предков или общее культурное наследие.

В научной и художественной литературе идут бесплодные споры при освещении этногенеза, этнической истории народов и вообще древней и средневековой истории своего региона у исследователей Закавказья. Для примера здесь можно назвать, в частности, отношение к проблеме истории древнего аборигенного населения Восточного Закавказья Албании албанам. Азербайджанские ученые, пытаются поставить этногенез современного азербайджанского народа в прямую связь с древним аборигенным населением Албании, хотя известно, что в историческом прошлом тюркоязычные племена сыграли в истории Кавказской Албании и албанов такую же абстрактную роль, какую тюрки-османы сыграли в истории народов Малой Азии. С целью «доказать» албанское происхождение своего народа азербайджанские ученые стремятся «албанизировать», а затем «азербайджанизировать» таких представителей средневековой культуры армян как Мовсес Каганкатвацц, Мхитар Гош, Киракос Гандзакецц и многих других, писавших на классическом древнеармянском языке.

В ответ, оказывая «сопротивление» этой концепции, армянские ученые впадают в другую крайность. Так, Ш.В.Смбатян в предисловии своего русского перевода труда Мовсеса Калакатуаци (Ереван, 1984), отказывается древним кавказским албанам в этническом своеобразии. Имеет место лакировка действительных процессов, искажение реальной сути отдельных событий, имеющих принци-

пиальной значение в становлении и развитии данного народа, в формировании его национальной гордости и национального достоинства. Бывало и так, что и среди талантливых поэтов находились такие, которым выпадала судьба быть тенью времени, и писать об исторических деятелях по «социальному заказу». За одно из таких выступлений горько пришлось раскаиваться Расулу Гамзатову, который вслед за официальным признанием Шамиля английским и турецким агентом, разжигателем вражды между народами, написал стихи, «разоблачающие» народного героя.

*И отец мой до смерти своей незадолго
О героя поэму сложил ... но, увы,
Был в ту пору Шамиль недостойно оболган,
Стал безвинною жертвою темной молвы.
Может, если б не это внезапное горе,
Жил бы дальше отец ...
Провинился и я :
Я поверил всему, и в порочащем хоре
Прозвучала поспешная песня моя (104).*

Предпринимаются попытки разработать такие «этнозащитные механизмы», суть которых состоит в обосновании приоритетных условий развития национального большинства без учета реальных потребностей и интересов национальных меньшинств. При разработке идей и способов реализации «этнозащитного механизма», не учитывается ни образовательный уровень, ни социально-профессиональная структура нации, ни социальные и политические позиции людей. Под флагом «этнозащитного механизма» пропагандируется, по существу, идея национальной ограниченности. В научной литературе были подвергнуты критике взгляды Ю.М.Бородай (105). Контакты людей разных национальностей, по мнению автора, ведут к идейному обезличиванию, «образуются «этнические химеры», «природный фундамент психической конституции человека размывается. Появляется масса мятущихся и усиленно рефлексирующих личностей... Это значит, что соотношение между этносом и химерой, такое же как между здоровой жизнью и раковой опухолью»(106). Автор абсолютизирует национальные моменты в сознании, считает,

что каждый этнос имеет свою замкнутую систему сознания и мироощущения.

В ряде изданий, наряду с преувеличением роли отдельных элементов национальной культуры, возвеличиваются и идеализируются функции религии в истории народа. Отсутствуют публикации, в которых рассматривались бы специально проблемы взаимоотношения национального и религиозного в истории народов, критерии взаимосвязи национальных обычаев, обрядов и ритуалов с религиозными. В тех случаях, когда подлинно национальные ценности объявляются религиозными, это задевает легко ранимые национальные чувства народов. И, наоборот, бывают случаи, когда религиозные обряды выдаются за национальные ценности. В этом случае национальное может быть использовано, как прикрытие религиозного.

Не всегда адекватно объясняется соотношение национального и религиозного в обрядовой практике народов и в особенности среди народов, живущих в районах традиционного распространения ислама. В одной из книг, например, утверждается, что «суннет, как ритуальное обрезание, находит у молодежи «открытую поддержку». Ссылаясь на данные анкетного опроса, автор утверждает, что «суннет с детства вербует ребенка в лагерь «муслимов», калечит психику, развивает в нем национальный эгоизм и неприязнь к «инаковерующим» (107). Такие публикации могут лишь дискредитировать исторический опыт исламских народов.

Итак, нет оснований для вынесения однозначной оценки вклада художественной, в том числе и части научной интеллигенции в реанимации исторического наследия народов, в восстановлении полуразрушенной памяти. По-видимому, место и роль этого вклада определяется тем, какие плоды произросли из засеянного поля национального самосознания. В одном случае призывы к сохранению памяти, к бережному отношению к историческим памятникам дали прекрасные семена в деле укрепления национального достоинства народов, обретение ими свободы от административно-бюрократического диктата Центра, избавления от чувства страха перед системой. В другом случае, там, где на почву

национальной жизни попадали недоброкачественные семена вместо возвышения национального духа, благородного стремления вывести нацию из социально-политического и экономического тупика, произрастали ростки экстремизма, нетерпимости к иным национальностям, идеализация всего своего и очернение чужого, стремление создать себе приоритетные условия за счет других.

Тем более возрастает ответственность творческой интеллигенции сегодня, в смутные времена, когда на очередном витке буксующего реформирования вносится дополнительная острота в конфронтацию между свободой и несвободой, между коллективизмом и индивидуализмом, между демократией и тоталитаризмом, нищетой и богатством, жестокостью и состраданием, талантом и бездарностью. И если мы не станем укреплять исконные корни, вернувшись к чистым истокам, с умом восстанавливая утраченные пласты исторической памяти, нас унесет ветрами очередной интернационализации или диктаторской национализации. Первые порывы подобных ветров уже явственно ощутимы в нынешней заблудившейся литературе. Тревожное состояние передается многим.

Одновременно в нестройном хоре отчаяния нарастают и предупреждающие голоса, призывы отказаться от дискредитации памяти и национального самосознания, сохранить энергию самобытной культуры. Вот как пишет о нынешней ситуации в культуре один из идеологов демократии ровно через год после того, как он провел три ночи среди защитников Белого дома. «Потрясающе, с какой легкостью и внесовестливой игривостью потешаются ныне ворвавшиеся в литературу и искусство представители «анатомического реализма» над трагедией России, над обесцененным ее народом. Им все равно, над чем иронизировать, что ненавидеть, опошлять. Мне видится в них нового склада атеисты, в душах которых умер бог. Или никогда не рождался. Им, таким остроумным, авангардным, таким еще вчера андеграудным, а сегодня надмирным, как-то даже неловко объяснять, что существуют святыне понятия, деликатные темы, что «не может сын глядеть спокойно на горе матери родной», и уж тем более превра-

щать это горе в цирковую чернуху. Когда же со всех экранов, страниц, эстрад на нас вываливаются бесчисленные трупы на фоне куполов, голые задницы на фоне крестов, мерзкий юморок на фоне слез и крови, тогда эта анатомическая параноя сводит с ума, производит в сознании преступную подмену. И главное откуда столько презрения, садистской (советской?) ненасытности в отмщении прошлому и настоящему? Чаше всего даже не собственно-му прошлому»(108).

Допускаются промахи не только в раскрепощении памяти, но и, наоборот, в ненормальной ее культивации. Это особенно нетерпимо, когда нечистоплотные люди, стремясь к политической карьере, усиленно педалируют те или иные болевые точки исторической памяти народов. Уважаемый в Кыргызстане человек, писатель Асанбек Стамов, руководитель издательского концерна «Учкун» неоднократно возмущался приемами агитации, которую ведут в Бишкеке активисты общества «Семиречье», взявшие на себя миссию по организации эмиграции русского населения из Кыргызстана. Между тем, «... массовый отъезд русскоязычного населения, по словам профессора В.М.Плоских, ведет к экономической и политической дестабилизации как в нашей республике, так и в России.»(109).

13. От художественного творчества к политической деятельности.

Многоплановый и сложный по архитектонике и глубокий по смыслу роман Ч.Айтматова с положительным центральным героем, приверженцем национальных, исламских и трудовых ценностей, сыграл немаловажную роль катализатора движений за восстановление исторической памяти народов, за реанимацию мусульманско-национального наследия, за обретение народами суверенитета.

От создания художественных образов до включения в активную политическую деятельность так можно определить путь, пройденный той частью национальной творческой интеллигенции, которая в 70-80е годы подняла знамя борьбы против манкуртизации, а на рубеже 80-90х годов самой логикой своих

действий была вовлечена в горнило политической борьбы.

Немаловажную роль при этом сыграл своеобразный тренинг расширяющиеся на виду участие творческой интеллигенции писателей, ученых, художников, архитекторов в центральной и местной периодической печати, в обсуждении проблем происхождения народов, их духовной и этнической истории, исконности этнической территории, легитимности этнических границ. Накаплились страсти, усилились притязания этнически близкородственных народов на литературное наследие классиков, творивших на двух языках. Это наследие, как и памятники национальной архитектуры, предметы традиционной утвари, элементы декоративного и прикладного искусства, изделия художественных промыслов становились важной формой восстановления и воссоздания исторической и вместе с тем национальной памяти.

Заинтересованный читатель жадно ловил материалы о культуре своего народа, острые выступления в защиту «своей» истории, о реабилитации выдающихся личностей и выдающихся дат. За вечерней чашкой чая горячо обсуждались черты характера, внешний облик, деловые качества людей своей и не своей национальности, беды и радости успехи и поражения в стране и за ее пределами.

На передний план все чаще и чаще выдвигались национальные интересы, выраженные в прямолинейной форме. От проблем восстановления исторических памятников стрелка компаса решительно поворачивалась на восстановление исторической памяти и воспитание национального самосознания. И хотя до залпа по иссушающему национальную душу интернационализму было еще далеко, первые раскаты орудия уже прогремели. Историческая память, как ядро национального фактора, уверенно выходила на этнополитическую арену. Возрождение народа и его культуры воспринималось ни много ни мало как важный элемент демократизации и продвижения к равноправию народов.

Едва ли не диссонансом газетно-журнальному буму оставалось непонимание лидерами роли и места исторической памяти, национального самосознания и национального

«вопроса» в процессах реформирования. По свидетельству Н.И.Рыжкова, в самой середине 80-х годов, когда затеянная перестройка опиралась на четыре «кита»: демократизацию, гласность, политическое обновление и экономическую модернизацию, ни о какой перестройке в национальном вопросе, как тогда говорили, речь вообще не шла (110).

Выдвинутые в романе «И дольше века длится день» идеи о необходимости восстановления исторического наследия нашли (в той или иной форме) отражение в программных документах большинства гражданских движений. И поскольку, ничто не возникает само по себе, на пустом месте, нам предстоит понять, что и политизация национальных движений имела свои предпосылки как в нашей объективной действительности, так и в деятельности художественной части национальной интеллигенции. Борьба за национальное возрождение стала предтечей, подтолкнула к борьбе за политическое освобождение. 1990-ый год, год суверенизации союзных и автономных республик, год парада деклараций о суверенитете стал логическим завершением, а, частично, и решением вопросов о национальном возрождении. Логика этой взаимосвязи национального и политического особенно наглядно и убедительно прослеживается на примере истории народных фронтов Прибалтики, Молдовы, республик Закавказья.

В самом деле, эмбриональное состояние любого народного Фронта начиналось с лозунгов и требований о восстановлении правды об историческом прошлом своего народа. Так, в частности, зарождалась история Саюдиса, начавшаяся летом 1988 года. С митингов и выступлений вернуть Литве и литовскому народу правду об историческом прошлом. Естественно, на первых этапах само движение было овеяно романтикой, эйфорией освобождения национального духа, радости подъема самосознания нации. В условиях открытой конфронтации с Центральными ведомствами это была такая социально-нейтральная позиция, которая подготавливала общественное мнение к следующему шагу — формированию более жестких претензий к Центру и системе. Вот почему, в отличие от европейской новейшей историографии, создавшей на первых

порах немало иллюзий о независимости идей национального возрождения от концепции и программ политического возрождения, мы не должны дать себя увести в сторону от понимания логики современных национальных движений.

Исторические, языковые, моральные, экологические, культурологические требования, чрезвычайно тесно воспринимались со стратегией всего движения за независимость, за выход из состава СССР. Перечисленные общегуманистические лозунги и требования были составной частью движения за суверенитет, понимаемый, разумеется, по разному союзными и автономными республиками, союзными республиками Европейской и Азиатской частей страны.

Были и другие формы подготовки творческой интеллигенции к борьбе сначала за память, а потом и за национальный суверенитет. Так, например, еще в конце пятидесятых начале шестидесятых в Азербайджане сформировался круг творческой интеллигенции, которую азербайджанский писатель Юсиф Самедоглу условно назвал «внутренним диссидентством». В кругу этих людей укрепилась традиция чтения «запрещенной» литературы, переосмысления того, в каком государстве проживают советские люди. Благодаря этой «внутренней» межличностной коммуникации, многие представители творческой интеллигенции уяснили себе тот факт, что живут в тоталитарном государстве, государстве подавляющем личность. Вместе с тем от переосмысления сути социальной действительности до попытки изменить ее, было еще далеко. Да и жертв было немало на путях перехода от инакомыслия к инакодействию. О судьбе группы людей, из которых пополнялись ряды диссидентов и националистов, испытавших на себе весь набор средств подавления борьбы за национальные права и национальную самобытность написал В.Черновил в открытом письме М.С.Горбачеву: «Но, может, затаив обиду на советскую власть за свои искалеченные судьбы, мы сами ушли в глубокую внутреннюю оппозицию ... Да нет же! Попытки официально вернуться к творческой жизни мы делали и делаем»(111).

Итак, от выхода в свет романа «И дольше века длится день» в 1980 г. до рубежа 88-89 годов времени начала реформ в сфере национальных отношений, прошло менее одного десятилетия. Однако, предварительные шаги, первая проба пера и проба сил была предпринята не на уличных манифестациях и митингах, не перед микрофонами, а на страницах романов и других художественных произведений. Пока наука безмолвствовала (или почти молчала) искусство повело борьбу, казалось бы, с вопросов, далеких от политики. В ряду поднятых проблем звучали вопросы восстановления памятников, национальной истории и культуры, переименования названий площадей и улиц, вопросы реабилитации лиц, пострадавших за желание знать национальную историю, за сохранение и хранение памяти. Чуть позже встали вопросы о возрождении национально-государственной символики (герба, гимна, флага), за восстановление религиозных праздников, особенно в республиках Средней Азии, где ислам особенно жестко «сцепил» национальный фактор с религиозным.

И, пожалуй, вполне закономерным было, согласно наблюдениям исследователей, почти дословное переливание в тексты новоиспеченных политических документов отдельных художественных образов из арсенала борьбы за историческую память народа. Сошлемся, в частности, на указанный С.М.Червонной красноречивый пример того, как акты искусства становились фактами политики. «Около четырех тысячелетий, по словам Виргилиуса Успайтиса жили литовцы на своей земле. Семь веков назад они создали могущественное государство, отблески славы которого согревают их и поныне»(112).

В приведенном пассаже легко просматриваются элементы удревления этногенеза литовского этноса, попытка обоснования исконности национальной территории, хотя в европейской традиции, как известно, давно признали идею исконной земли таким же мифом, как и идею «Золотого века». Речь идет, попросту говоря, о необходимости различать стереотипы от юридических понятий. Тем не менее, как уже указывалось в литературе, в данной, скорее художественной, неже-

ли научной аргументации, есть свой резон: компенсация ущерба, нанесенного нации со стороны социалистического режима. Для нашего анализа важно подчеркнуть другое, что приведенной мысли нашлось место в строгом документе в преамбуле Новой Конституции, разработанной на основе идей, привнесенных лидерами Саюдиса.

Художественная интеллигенция 70-80-х годов, несмотря на идеологические шоры, очень многое успела, чтобы сделать историческую память народов активной. В отличие от пассивной, активная память завладевает умом и сердцем человека, логично вовлекая его в борьбу за сохранение памятников прошлого, за преумножение культурного достояния.

Сегодня уже есть все основания сделать вывод о том, что наиболее активная, талантливая часть творческой интеллигенции сыграла значительную роль в национальном возрождении полуманкуртизированных народов. Писатели, поэты, художники, композиторы, журналисты, искусствоведы которые в дореволюционное время действовали на эмоции и чувства, постепенно стали политизироваться и политизировать вопросы исторической памяти.

От яркого, талантливого образа в художественных произведениях, к темпераментным, эмоционально насыщенным речам на митингах, манифестациях и шествиях, к непосредственному участию в составлении политических деклараций и документов (включая участие в разработке основ языковой реформы 1989 года и научных основ процесса суверенизации республик в 1990 году) и, вхождение в состав обновленных структур высшей государственной власти через полученные от народа депутатские мандаты таковы основные вехи этнополитической эволюции творческой интеллигенции. Такова дорога от художественной деятельности к деятельности политической.

Приведу один пример отрывок из политического манифеста, опубликованного в первом номере информационного бюллетеня Саюдиса «Возрождение», подписанного литовским поэтом Марцинкявичусом из переходного этапа, на котором писатели перехо-

дили от создания художественных образов к подготовке политических документов.

Вся система ассоциаций, (родная земля, история, родной язык, природа, свободный труд и творчество, свои традиции и корни), возникающая у читателя романа «И дольше века длится день», находит почти зеркальное отражение в литовском политическом документе, рожденном на гребне литовского национального движения. Поэтому имеет смысл привести текст этого документа.

«Земля, которую мы унаследовали от своих предков, это наша земля. Зовем мы ее Литвой и хотим, чтобы это слово не исчезло ни с географической карты, ни из языков разных народов... История, которая служит нам опорой, это наша история. Пусть луч света и правды озарит ее трагичные и героические, кровоточащие и мрачные страницы, старые и новые памятники ее культуры. Язык, на котором мы говорим и которым гордимся, - это наш язык. В нем достаточно слов для любви и ненависти, радости и печали. Он никому не угрожает и никого не отвергает. Как и все другие языки он хочет жить... Природа, в которой мы существуем, это наша природа, но и мы ее дети. Давайте омоем ее засоренные зеленые глаза, заботой и любовью окружим все ее творения... Мы приветствуем Перестройку, освобождающую дух, мысль, труд, творчество, и под ее знаменами - знаменами гласности и демократии выступаем за обновление, возрождение человека и нации»(113).

Сегодня можно взять почти наугад любую газету, республиканскую или центральную и немедленно обнаружить на ее страницах многие из тех запретных вопросов, о которых повествуется в романе «И дольше века длится день»! Так, например, обсуждая вопрос о том, какой договор подписывать республикам, в одной из статей, опубликованных в еженедельнике «Союз» в середине мая 1991 года, предлагалось дополнить преамбулу союзного договора непременно перечислением допущенных в стране перегибов и деформаций в национальной политике, осудить насильственное изменение письменности, сокращение национальных школ, лишение целых наций и народов родных земель, признание Центром своей вины в Чернобыльской

и Аральской катастрофах, тбилисских, бакинских, ошских, ферганских трагических событиях (114).

Закономерно, что многие представители художественной интеллигенции, поднявшие знамя восстановления исторической памяти и исторической правды, оказались народными избранниками, стали народными депутатами СССР, республиканских и других структур власти. Надо не упустить из поля зрения и то, что чрезмерная эксплуатация темы памяти и исторического прошлого, как уже говорилось, начинала проявлять себя подобно сильно действующему наркотику. И вместо восстановления реальных этапов этнической истории всплывало искусственное, научно необоснованное, эгоистическое, эгоцентристское удревление своей истории, приукрашивание своего прошлого и очернение прошлого соседнего народа.

Влияние творческой интеллигенции на зарождение и расширение национальных движений было многообразным и проявлялось как на индивидуально-личностном, так и на групповом-институциональном уровнях. Дело в том, что представители интеллигенции не только действо вали духовно били в колокола и пробуждали национальное самосознание. Своими произведениями, остроумными лозунгами (115), красочным оформлением многих акций творческие работники придавали мощный эмоциональный заряд программным требованиям, выдвигаемым лидерами национальных движений (116).

Обращение идеологов современных национальных движений к героическим страницам прошлого своих народов лишней раз подтверждает старую истину о том, что на каждом сколь-нибудь значительном этапе культурного взлета, человечество обращалось к своей памяти. Так, например, неоднократно случалось с возвратом к вершинным творениям античности. Как тут не вспомнить, что для достижения победы в годы Великой Отечественной войны потребовалось мобилизовать резервы памяти, и в первую очередь обратиться к прошлым победам России, одержанным ею задолго до Октябрьской революции.

Обладая доступом к средствам массовой коммуникации, к издательским структурам,

и печатным органам, типографским базам, творческие союзы стали той крышей, под которой делали свои первые, порой робкие, неуверенные шаги будущие народные фронты, именуемые в литературе на первых порах безликим термином неформальные организации.

Так, например, впервые предложение образовать Народный Фронт Украины прозвучало на экологическом семинаре Союза писателей Украины, состоявшемся в октябре 1988 года. Уже через год, в сентябре 1989 года на Учредительном съезде «Руха» принимало участие свыше 1100 делегатов, среди которых были и народные депутаты СССР. Потребовался только один год, чтобы «Рух» мобилизовал свои отделения почти во всех областях Украины. Председателем «Руха» стал известный украинский поэт Иван Драч, удостоенный до того званий лауреата многих государственных премий Украинской ССР.

Именно через творческие союзы получали первоначальную материальную поддержку несмелые ростки национальных движений на изначальном этапе своего развития: аудитории, клубы, конференцзалы, кабинеты, возможности телефонной связи и тому подобное. Для первоначальных публичных дискуссий творческие союзы национальной интеллигенции предоставляли не только крышу, деньги, коммуникативные связи, но и активную «живую силу», делегируя из своих рядов в состав инициативных групп, в состав руководящих органов движений значительную прослойку активистов, решая тем самым вопросы кадровой политики.

Творческая интеллигенция инициировала в новых условиях гласности и перестройки новые формы взаимоотношений с органами государственной и партийной власти, новые формы взаимоотношений периферийных и центральных органов творческих Союзов. Не случайно, за два - два с половиной года накануне суверенизации союзных республик (1990 г.) начались процессы суверенизации творческих Союзов в некоторых союзных республиках.

Так, например, Союз художников Литвы 11 марта 1989 года сделал решительный политический шаг, приняв заявление о сво-

ем «суверенитете», т.е. о выходе из состава Союза художников СССР. И ровно через год Верховный Совет Литвы, сформированный под руководством Саюдиса, принял Акт «О восстановлении независимого Литовского государства» и провозгласил восстановление и реализацию суверенных прав Литовского государства и становление Литвы независимым государством (117). В социально-политическое вызревание идеи и акции о суверенитете республики наряду с Союзом художников свою лепту внесли писатели и кинематографисты Литвы, так же принявшие на своих съездах (67 июня и 11 июня 1989 г.) решения о «суверенизации», о своем выходе из состава творческих Союзов.

Курс официальной национальной политики, осуществляемый партаппаратом на лимитированное культивирование национального самосознания, на ограничение его роста, на иерархическую дозволенность его проявления (нациям, имеющим союзные республики - больше, народам, создавшим автономную республику - меньше, автономную область или округ - еще меньше, народам же, лишенным автономии или никогда ее не создавшим, вообще ничего), породил оппозиционные демократические движения. Такой оппозицией стала та часть творческой интеллигенции, что вступила в неравный бой с официальной идеологией в борьбе против манкуртизации.

Таким образом, важнейшая функция движения антиманкуртизации это легализованная (хотя и частично в эзоповской форме) разновидность политической оппозиции. Одновременно антиманкуртизация являлась нелегальной формой политического протеста против основополагающих постулатов социализма, как общественно-политической системы.

Понимание истинной роли возрожденной памяти сегодня приходит немногим. Там, например, где общественные организации содействуют возрождению этой памяти, там они сохраняют свое влияние среди народных масс. Так, например, в г. Чадыр-Лунге, что на юге Молдовы, потребовался лишь один 1990-й год для того, чтобы построить заново две православные церкви взамен когда-то в годы манкуртизации снесенных ретивыми руково-

дителями районного масштаба. Решительная помощь, оказанная Чадыр-Лунгским РК КПМ в деле восстановления церкви в городе, и в селах района, повысила рейтинг районного комитета КПСС. Новая идеология руководства восстанавливать все то, что было разрушено в ходе губительной кампании антирелигиозной пропаганды, находила еще накануне августовских событий отклик среди населения.

На восстановление церквей, как и на восстановление исторической памяти народа, например, на площади перед районным Домом культуры в апреле 1991 года был открыт памятник священнику Михаилу Чакиру - автору первой книги об истории гагаузов, написанной на гагаузском языке с использованием латинского алфавита.

Уникальную статую Будды, выполненную из сандалового дерева, возвратило верующим правительство Бурятии в связи с преддверием празднования 250-летнего юбилея буддизма в России. Указанная статуя была изъята в 1936 году при закрытии Эгитуйского доцана-монастыря и свыше пятидесяти лет хранилась в запасниках республиканского объединения музеев.

Память проявляет себя в человеке, в его духовной культуре, в социокультурных нормах его поведения с другими людьми, а также в среде его обитания. Последняя состоит из определенных результатов человеческой деятельности в памятниках архитектуры, в музейных ценностях, библиотечных фондах, архивах и текущей статистике, в повседневной сети массовой коммуникации.

И для того, чтобы память, и внутренняя (духовная) и внешняя (материальная) работали на человека, сегодня нужна действенная система мер, как наказаний, так и поощрений, для того, чтобы сохранить память, уберечь ее от коррозии, от губительного воздействия беззакония, хаоса и беспорядка. Нужен, условно говоря, закон о памяти, и в качестве приложения к нему нужна долгосрочная программа по возрождению и развитию памяти. Понятно, что и закон о памяти и общегосударственная программа возрождения памяти видятся в деидеологизированном свете.

Не исключено, что первым шагом на этом пути станет закон «Об усилении уголовной и

административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории, культуры». При обсуждении законопроекта на сессии Верховного Совета 10 июня 1991 года приводились примеры нависшей угрозы над многими памятниками, защита которых должна быть вознесена в ранг государственной политики памяти. Языком законов назрел разговор с руководителями «Мосметростроя», по вине которого, в частности, поврежден Пашков Дом, и приближается «очередь» Коломенского заповедника, на границах которого тот же «Мосметрострой» задумал разместить тупик метропоездов (118).

Так, например, министерство культуры РСФСР совместно с НИИ культуры и институтами АН СССР разработало ряд целевых республиканских программ: «Наследие», «Духовное возрождение России средствами театрального искусства», «Юные дарования», «Международное культурное сотрудничество», «Наука и культурная политика» и некоторые другие. И хотя Министерству культуры постоянно не хватает средств, все же только в 1990 году на реставрацию памятников истории и культуры России, по словам министра культуры Ю.М.Соломина, было выделено 162,8 миллионов рублей (119).

Президиум Верховного Совета Украинской ССР принял постановление о праздновании 22 июня Днем всенародной памяти жертв войны и разработал комплекс мероприятий, посвященных 50-летию начала Великой Отечественной войны и организации партизанского движения на Украине. Обращение к памяти войны вдохновило на проведение в республике марша мира «Единство», а также на выделение средств на улучшение жилищных и материальных условий, медицинского обслуживания ветеранов войны, инвалидов и вдов (120).

Формы проявления возрожденной памяти, извлечение из манкуртизма легендарных имен, подвигов, многообразны. В июне 1991 года в Уфе состоялись дни памяти легендарного героя башкирского народа, поэта, певца Салавата Юлаева (121).

«Возрождение имен возрождение духовности» так определили суть Всесоюзной

конференции по топонимике ученые, писатели, представители общественности, состоявшейся с 2 по 5 июня 1991 года в Центральном доме литераторов для обсуждения проблем возвращения исторических имен городам, селам, улицам (122).

Одна всесоюзная конференция это лишь капля в море той огромной работы, которую предстоит проделать, чтобы вызвать к жизни убитую память народов, чтобы вернуть в строй из глубинных душевных и темных музейных отстойников духовные ценности предков. Общественная и этнополитическая ситуация, падение нравов и усиление хаоса, смятение умов и беспокойство душ повседневно наращивают тенденции дестабилизации. Есть немало признаков реанимации беспамятства. С одной стороны, мы вспоминаем трагические уроки истории и каемся за наши окаянные дни, оплакиваем порушенные памятники, разоренные могилы предков, испоганенные церкви, создаем фильмы о «Покаянии», берем на себя грех «Цареубийц», приносим запоздалые извинения репрессированным народам, с другой стороны, забыв о собственном покаянии, еще не покаявшись до конца, до доньшика, мы впадаем в новое беспамятство. Ничем иным не назовешь логику действий тех, кто сегодня «вешает» Ленина, «крушит» Сталина, поливает грязью Хрущева и Брежнева. Едвали не хронику событий с фронта беспамятства напоминают отдельные газетные статьи о новом витке беспамятства.

Вот одна из таких сводок из Грузии: «Демонтированы памятники революционным и советским деятелям, и один из первых в стране пал монумент Ленину в центре Тбилиси. Убрали прах революционеров из пантеона писателей и общественных деятелей. Переименованы улицы, города, поселки. Отменены прежние «красные» дни календаря, почищены библиотеки от коммунистической литературы» (123).

«Мне, например, совсем не симпатичен Свердлов, говорил кинорежисер Карен Шахназаров, после завершения своего фильма «Цареубийца». Но, полагаю, что памятник в Свердловске кстати, чудовищно бездарный, надо сохранить. Но и это наша история. Я считаю ошибкой разрушение памятников

Сталину. И об этой странице истории должны знать и помнить наши дети ... Я убежден, что необходимо вернуть старинные названия городам. Ведь нелегко менять имя взрослому человеку. Чем же города с древнейшей богатейшей историей провинились?»(124).

В одном из приказов министра культуры и культтов Республики Молдова Иона Унгуряну содержится указание исключить из фондов молдавских библиотек книги, которые идут вразрез с интересами и «ориентацией молдавского государства». В соответствии с этим документом из библиотечных фондов будут исключены работы Маркса, Энгельса и Ленина, а также книги, которые их комментируют. Более того, библиотекам Республики Молдова отныне запрещено приобретать литературу по социально-экономической тематике и издания КПСС (125).

Накал межнациональных конфликтов становится все более высоким. Горько наблюдать, как демократизация оборачивается незапланированной стороной. «Война законов» сменяется войной финансовой, дополняется идеологической борьбой; газетные битвы чередуются с митингами и контрмитингами. Набирает обороты маховик всевозможных взаимных претензий. Этнополитическое противостояние оборачивается гражданской войной между народами и в душе отдельного человека. Поляризация и конфронтация соперничающих сил в борьбе за власть напоминает предреволюционные времена. И в нарастающем вихре беспокойства остается одна надежда, надежда на память. Толь ко память, сказав всем: «Стой!», может преградить дорогу к апокалипсису. Каждый наделенный памятью, прекрасно понимает, что будет потом. Потом ничего не будет, кроме беспамятства, беспорядка и хаоса. Только генетическая память народа, пережившего насилие, не должна позволить ни сверхправым, ни сверхлевым свергнуть страну в очередной виток беспамятства. Память должна сегодня взять на себя еще две функции миссию дипломатическую и миссию охранительную.

За ней последнее слово о том, что все наши перемены должны происходить исключительно мирным, эволюционным путем. Другие пути ведут в тупик. Сегодня память нужна

для разрядки той огромной разрушительной силы, аккумулированной за несколько десятилетий беспамятства и безверия.

Обращение к исторической памяти служит доказательством права народов на национальное самоопределение и государственный суверенитет.

К этому приему прибегают большинство авторов-составителей Программ современных национальных движений. «Белорусский народ, согласно преамбуле Программы Белорусского Народного фронта, завоевал и выстрадал право на суверенную государственность всем своим историческим путем. Традиции государственности Польского и Туровского княжеств, суверенитета Белоруссии и Литвы в Великом княжестве Литовском, Русском и Желютийском, традиции борьбы за достойное существование человека и народа в ходе восстаний Костюшко, Намновского, революций 1905-1907 гг. все это имело логическим результатом самоопределение белорусской нации в форме объявления независимости Белорусской Народной республики 25 марта 1918 года, а потом создания Советской Социалистической Республики Белоруссии 1 января 1919 года (126). Едва ли не в каждой программе, а порой и в иных установочных документах современных национальных движений среди формулируемых целей движения важное место отводится восстановлению памяти. «Духовное возрождение, духовное единство народа, гласит программа Белорусского Народного фронта «Адраджэньне», наивысшая цель БНФ. Пути к ним лежат через пробуждение и развитие исторической памяти и сознания народа, восстановление правдивой научной истории Белоруссии» (127).

Энергия памяти выступает движущей силой не только для целых народов, но и для отдельных социальных, этнографических групп или социально-сословных групп одного и того же народа. Заметным явлением последнего времени стала нарастающая тенденция возрождения казачества. Сами казаки понимают возрождение как комплексную проблему, составными частями которой являются возрождение традиций, культуры, семейного быта, духовного потенциала народа.

Понимая возрождение казачества как часть возрождения России и русской нации, казаки выдвигают задачу добиться полной реабилитации (политической, экономической, культурной) казачества. Так, например, атаман Кубанской Рады, потомственный казак, доцент Кубанского госуниверситета, историк по профессии В.П.Громов считает, что «государство должно вернуть казакам их право на землю и традиционную систему землевладения общинное землепользование» (114).

Для того, чтобы движение казачества за возрождение стало массовым и эффективным, лидеры казачества выдвигают требования перед Верховным Советом России и перед ее президентом принять программу возрождения казачества. Это требование вполне вписывается в общее русло этнополитических движений и процессов, связанных с демократизацией в границах постсоветского пространства.

Имеется двоякая вероятность логики развития казачьего движения. В одном случае, стихийное, неуправляемое и непредсказуемое движение «снизу» может привести к возникновению мощной оппозиционной колонны, блокирующей демократические реформы нынешнего правительства. В другом, напротив стать важной, сплоченной, активной поддержкой обновляющейся российской государственности, неотъемлемой составной частью многонационального состава народов России, а после принятия соответствующих законодательных актов стать союзником новой российской власти.

От выбора оптимального пути и от климата общественного мнения, неоднозначно трактующего феномен казачества в истории народов России, от адекватно восстановленной исторической памяти во многом зависит как судьба самого казачества, так и в известной мере восстановление мощи государства Российской Федерации.

Во взаимопонимании, четком и ясном определении нынешних взаимных претензий и позиций казачества к власти, и правительства к казачеству чрезвычайно важное значение имеет систематизированная, информация о реальных процессах возрождения казачества, о понимании казаками самих себя, сво-

его места в прошлой истории Российского государства, своей роли в нынешних этнополитических процессах, в укреплении обороноспособности России и в ее социально-экономической и культурной жизни, в стабилизации политического, межэтнического, межконфессионального и межличностного климата на обширных пространствах обновляющейся Европы и Азии.

Сложная, многокомпонентная структура казачества в досоветские времена, полифункциональная роль в жизни общества, трагическая история в первые советские годы предопределяет и многообразие форм процессов его возрождения в нынешних условиях.

Идеология и практика современного казачьего движения как и многих других политизированных или этнизированных движений отражается в программных документах, конкретной деятельности по переобустройству своей жизни в центре, а также в пределах исторически сложившихся окраин Российского государства. Эти документы должны быть старательно изучены, систематизированы, вписаны в общую летопись демократических обновлений.

Наряду с процессами возрождения казачества в Европейской части России (включая Центр, северо-западную, южную часть, Поволжье, Урал), а также на Украине, в Приднестровье и в Причерноморье, активно заявляют о себе казаки Азиатской части бывшего СССР забайкальские, амурские, семиреченские и другие.

Содержание возрожденческого процесса не отличается единством понимания целей и задач казачества. В одних случаях на передний план выдвигаются задачи восстановления казачества как сословия со своими привилегиями, в других проявляется тенденция самовосстановления, самоорганизации собственного самоуправления, в третьих, обнаруживается стремление стать своеобразной социальноэкономической, традиционно самообеспечивающей себя экономической категорией населения (со своеобразной формой общинного владения и частного пользования землей), в четвертых, как складывание особой историко-культурной группы (части) русского народа, в пятых, как особый пограничный

заслон, воздвигнутый на рубежах Российского государства.

Генезис возрождения казачества также отнюдь неоднозначен. На ряду с ростом «казачьего» самосознания, «пробуждением вольного духа», то есть стихийным движением «инициативы снизу», легко проглядываются и «указка сверху», что вносит дополнительные нюансы в суть и в проблематику самого движения.

Накопившийся опыт самовольного участия казаков в разнообразных этнополитических и этноконфликтных ситуациях, их «однозначная» засвеченность в ряде регионов бывшего СССР, от Молдовы до Курил, и от Северо-запада России до Северного и Южного Казахстана, от Уральских гор до Кавказских, добавил правительству России целый ряд серьезных дипломатических проблем, в том числе с государствами ближнего зарубежья.

Иными словами, в связи с широким веером социальных, оборонных, политических, этнокультурных проблем, порождаемых процессами возрождения казачества и неоднозначной трактовкой их в неустойчивом общественном сознании возникает настоятельная потребность глубокого понимания исторической памяти казачества.

В обществе, идущем к плюрализму мнений, взглядов, позиций, движений каждая группа должна иметь право на возрождение своей культуры и памяти, право на создание соответствующих центров, ассоциаций, клубов и иных объединений. Не могут составлять исключение и национальные группы, компактно или дисперсно расселенные в инациональной среде. И, как уже отмечалось, новая этнополитическая ситуация открыла широкие правовые возможности для возникновения таких национально-культурных ориентированных центров. Это движение пустило глубокие корни в столицах как Европейской, так и Азиатской частях страны (129). Имеют место случаи, когда республиканские органы блокируют, или, по крайней мере, чинят препятствия конституированию (в признании права на движение за возрождение памяти) объединений национальных меньшинств. Именно такими трудностями, в частности, было выдвинуто

открытое письмо Президенту Узбекистана Исламу Каримову, опубликованное в центральной печати представителями различных общественных организаций и государственных учреждений, глубоко обеспокоенных известиями о препятствиях, возникших на пути создания русского культурного центра в Узбекистане.

«В Ташкенте, ... - как говорится в том послании, - открыто уже более десятка культурных центров. Однако, до сих пор нет русского, открытие его задерживается, что никак нельзя оправдать на наш взгляд. Двухмиллионная русская община республики, думается, заслуживает большего внимания к себе, к своим социальным и культурным проблемам»(130). Послание подписали представители Общественного российского комитета, Московского городского добровольного общества русской культуры «Отечество», Русской Академии, «Русского центра», - Т.О. при СП СССР, Всероссийской ассоциации любителей отечественной словесности и культуры «Единение», Союза русских беженцев, Союза духовного возрождения, Интердвижения СССР, Комитета спасения Волги.

Обращение к Президенту Узбекистана оказать личное содействие в открытии русского культурного центра в Ташкенте продиктовано пониманием высоких целей этого центра, состоящих не только в возрождении культуры русского национального меньшинства, но и в достижении мира и согласия в межнациональных отношениях в республике.

В августе 1992 года правление русской общины Таджикистана распространило обращение к президенту республики Рахмону Набиеву «являющемуся в соответствии с Конституцией и клятвой гарантом прав всех граждан республики, в том числе и прав национальных меньшинств». «Однако новые законодательно-правовые акты от проекта закона о языке до проекта Конституции Таджикистана, мягко говоря, недостаточно учитывают интересы национальных меньшинств, а кое в чем грубо их попирают»(131). В этом же обращении раскрываются мотивы, вызывающие исход русских из Таджикистана. «В последнее время, констатируют активисты русского национального меньшинства Таджикиста-

на, слышны обвинения в адрес уезжающих из республики, будто они грабят республику, вывозя свое имущество. Против некоторых развязана кампания травли и угроз. Складывается впечатление, что этот в сущности спровоцированный исход русского и русскоязычного населения кому-то хочется усугубить необоснованными нападка и обвинениями и переложить ответственность на людей, которые в течение трех поколений обеспечивали не только свое право на место под солнцем Таджикистана, но и саму возможность жизнедеятельности республики» (132).

Вклад, внесенный национальной творческой интеллигенцией в борьбу за национальное возрождение народа, как подземные источники, служил концептуальной, социокультурной подпиткой народным фронтам и национальным движениям. Там, где таких корней не было, или они были маломощными, ростки движения за национальное или политическое возрождение хирели.

Возьмем для примера конфронтацию, возникшую еще до развала Союза между народными фронтами и интердвижениями. Порой указанное противостояние принимало весьма взаимосопоставимые размеры. Например, движение «Единство», сформировавшееся в качестве контрорганизации «Саюдису», сумело организовать в Вильнюсе сотысячный митинг и принять резолюцию против Указа Президиума Верховного Совета Литвы, объявившего литовский язык единственным государственным языком республики.

Однако, в конечном итоге, все интердвижения в каждой из 3х прибалтийских республик, в Молдове и в некоторых других проиграла. Немаловажную роль в их поражении сыграло отсутствие исторической памяти, отсутствие сколько-нибудь глубоких социокультурных корней. И дело не только в том, что часть социально-демографической базы интердвижений состояла из мигрантов первого или второго поколений, а в том, что русское население или население из числа национальных меньшинств, не сумело сформировать свою интеллектуальную элиту, создать свою местную творческую интеллигенцию, своих певцов «прошлого», борцов за восстановление исторической памяти. И жизнь препода-

ла жестокий урок: там, где нет прошлого, там нет движения за восстановление исторической памяти, там и само движение за национальное возрождение обречено на поражение. Без прошлого нет настоящего, под сомнением будущее.

Разумеется, в поражении Интердвижений сыграли свою роль и другие причины. Лидеры национальных движений в борьбе с возрождающейся памятью национальных меньшинств, и в первую очередь русских, ловко разыграли карту «руки Москвы», карту борьбы против Центра, под которым в явной или скрытой форме подразумевалась борьба с великодержавным, великорусским шовинизмом. Первым знамя этой борьбы на этнополитической карте страны 20х годов водрузил Сталин. Так что было у кого заимствовать идеи и ориентиры. «Если бы не было великорусского шовинизма, внушал Сталин делегатам XII съезда РКП(б) который является наступательным, потому что он силен, потому что он и раньше был силен, и навыки угнетать и принижать у него остались, если бы если бы великорусского шовинизма не было, это, может быть, так сказать, в минимальном, в миниатюрном виде, потому что в последнем счете антирусский национализм есть оборонительная форма, некоторая уродливая форма обороны против национализма великорусского, против шовинизма великорусского» (133).

Энергия памяти не является чемто случайным. Творческая деятельность народов и интеллигенции не могут быть бесцельными. Она должна иметь какой-то смысл. Так вместо ответа в завершение статьи возникает вопрос: в чем состоит стратегическая цель памяти и в чем смысл этой цели?

Сегодня в канун великого разлома, или в канун великой смуты, пожалуй, не стоит сомневаться в стратегическом значении памяти. Не случайно не осталось незамеченным мудрое предостережение академика Д.С. Лихачева, трезво прозвучавшее с трибуны сентябрьского съезда народных депутатов, сразу же вслед за пьянящими августовскими днями, нелегкими днями в судьбе нашего государства: «Сохранение Союза, - это сейчас важнейшая проблема. Развал его повлечет за собой катастрофическую гибель всех наших

республик. Это должно быть ясно не только здесь, в зале, но и за пределами наших стен. Это должно быть ясно каждому рабочему и крестьянину, неискушенному в чиновничьем языке, возможно не понимающему, что такое «экономическое пространство» и так далее. Они должны ясно представлять себе, почему необходим Союз... Все может быть оборвано. Но есть одно, чего нельзя отменить никакими силами, даже всемогущим богом, и что должно быть понято. Это наше прошлое, наша история, общая культура, хотя некоторые советские историки хотят властвовать и над прошлым и менять его. Но этого сделать никто не в силах. Мы живем общей культурой, в которую входит и наука с ее школами... Проще живет в настоящем, и мы от него не отделаемся.»(134).

В обращении поколений к памяти имеется свое глубинное противоречие. С одной стороны память нужна для целенаправленного, неограниченного накопления идей, сюжетов, настроений, или того, что можно именовать духовным и материализованным багажом человечества.

Но ценность этих накоплений в каждый исторический отрезок времени неоднозначна. Соприкосновение с действительностью, с инновациями, с научно-техническим художественным прогрессом вносит существенные количественные коррективы в объемы памяти, видоизменяет ее цель, смещает границы в сферах ее влияния, вносит поправки в ее конечный смысл.

История цивилизации убеждает нас в том, что у памяти есть энергия, но нет самоцели. Будучи не способной самостоятельно, автономно ставить перед собой цели, память заимствует те или иные цели извне, из окружающей среды. Отсюда возникают прямо противоположные цели, взаимоисключающие оценки, память одна в противовес другой.

В самой памяти что-то постоянно нарождается, что-то отмирает. Возникает удвоенное противоречие, с одной стороны, по вертикали, память постоянно конфронтирует с непамятью, т.е. с тем, что происходит сегодня, с другой стороны, по горизонтали, в противоречие вовлекается память различных групп населения.

Пересечение двух указанных линий в условиях многонациональной страны с ее нестабильной ситуацией, создает ту гремучую смесь, которая от неосторожно брошенной спички чревата взрывами памяти, взрывами межнациональных конфликтов. Более того, когда на нынешнюю этнополитическую арену привносятся (энергией памяти) отзвуки былых времен, взаимоотношения былых поколений, то и от этого электризуется атмосфера. Память изменяет себе и начинает играть роль катализатора в реакции межнациональных отношений.

Отношение к памяти занимает ключевое место в идеологии многих современных национальных движений, а стало быть и в состоянии нынешней этнополитической ситуации. Борьба за раскрепощение закрепощенной и подавленной «кем-то» памяти становится вполне ясной, доступной целью широкого понимания и легкого подхватывания.

Идеологами национального движения тут же предлагается своему народу простой, ясный как день, путь решения всех своих сложных проблем. С противоположным знаком он состоит в зеркальном отражении с колониальной политикой. Борьба направляется за восстановление национальных тенденций в искусстве, искусственно создаются приоритетные условия для своей нации в исправлении «исправленной» истории, восстанавливаются исторические реликвии, прежняя топонимика, возвращаются городам и весям, площадям и улицам названия, связанные с историей нации, или с историей ее собственной культуры, раскрепощается религия, тесно связанная с национальной культурой, отодвигается далеко в сторону забота о языке-посреднике, выдвигается сверхидея: освобождение от колониальной зависимости.

Такова, вкратце, логика реализации цели и смысла памяти. Куда это ведет? Вот в чем вопрос.

14. Мобилизация памяти... или о положении русского и русскоязычного населения в ближайшем зарубежье.

На рубеже 80-х 90-х годов, т.е. за одно десятилетие до третьего тысячелетия, в 14 бывших союзных республиках, как показала перепись населения СССР, проживало 25,3 млн. русских, что составляло 17,4% всего русского населения страны, или 18,2% от общей (совокупной) численности проживающего в республиках населения. (138,7 млн. человек).

За три года реальных и мнимых этнополитических реформ, и в результате суверенизации, население бывших союзных республик бывшего Советского Союза оказалось жестко «распределенным» на две категории: на титульное население, ставшее носителем государственного суверенитета и нетитульное население, не имеющее своей национальной автономии или расселенное за пределами своей государственности.

В сериях законодательных актов (законы о языках, о гражданстве, о референдумах, о правах нацменьшинств), в декларациях о суверенитете объем прав указанных групп населения оказался далеконоединаковым (135).

В ряде бывших союзных республик проводится политика, направленная на разрушение сложившейся инфраструктуры по функционированию русской культуры: недавно закрыт русский театр юного зрителя в Риге; в русском драматическом театре Таллинна нет возможности обновления авторского коллектива из-за запрета на прописку; по требованию Министерства культуры республики даже расписание репертуара, репетиций и т.д. должно быть на эстонском языке. В ряде вузов Эстонии формально сохраняется прием молодежи на русское отделение, но преподавание на русском языке идет только на первом курсе, со второго курса практически все обучение идет на эстонском, что, конечно же не стимулирует поступление в вузы русской молодежи.

Наступление на русский язык и на русскую память идет и в вузах Узбекистана. Там сохраняется преподавание на русском языке, но на узбекский язык переводится вся доку-

ментация, коллективные собрания и т.п. В республике запрещена организация русских, а также украинских и белорусских культурных обществ, хотя существуют общества казахское, таджикское, армянское, азербайджанское, татарское и некоторые другие.

Русские в бывших союзных республиках вне России (как и большинство мигрантов в инациональную среду), имеют более высокий образовательный уровень, чем представители титульных национальностей. Степень же реализации этого преимущества во многом зависит от социально-культурного уровня, в т.ч. степени урбанизированности представителей титульных национальностей.

Там, где они относительно выше (Закавказье, Прибалтика) уровень представительства русских в сферах квалифицированного умственного труда ниже. В тех же республиках, где социально-культурный уровень и урбанизированность титульных национальностей относительно низки (некоторые республики Средней Азии, Молдавия, отчасти Белоруссия) степень представительства русского населения в названных сферах выше.

Можно сказать, что в целом русское население за пределами России обладает достаточно высоким социально-культурным, в т.ч. и профессиональным потенциалом, чему в известной степени способствовали и условия конкуренции с представителями титульных национальностей, социально-культурное продвижение которых в известной мере стимулировалось искусственно созданным парниковым эффектом - существованием особых условий и ряда специальных преимуществ. Последнее обстоятельство, особенно в нынешних условиях, когда в большинстве бывших союзных республик активно проводится политика огосударствления языка титульных национальностей, вытеснение, где это возможно русских из сфер престижного, в т.ч. квалифицированного умственного труда приводит нередко к тому, что у русской молодежи вырабатывается комплекс социальной неполноценности. Специальные исследования о жизненных планах школьников, проведенные недавно в Ташкенте, показали, что у русских школьников, несмотря на объективно более высокий социально-культурный уровень по

сравнению с узбекскими школьниками, социальные ожидания заметно занижены, а у вторых, наоборот, завышены.

Создавшееся положение, особенно в условиях, когда Россия не проводит активной политики поддержки русского и русскоязычного населения ближайшего зарубежья приводит к тому, что заметная часть потока потенциальных мигрантов из числа местных русских пройдет мимо России, в основном в страны Запада и в другие государства за границей бывшего СССР. О том, что такая тенденция наметилась, свидетельствуют, в частности, материалы опроса русских в Ташкенте, проведенного Институтом этнологии и антропологии РАН в самом конце 1991 года. Среди русскоязычного населения, решившего уехать из Узбекистана, половина намерена мигрировать в Россию, немногим более трети за пределы СССР, остальные на Украину и в Белоруссию.

Вероятно, в этой связи Россия должна помочь уехать и устроиться на ее территории тем, кто уже хочет это сделать и рано или поздно все равно уедет. В таком случае у них и у остальных русских и ассоциированных с ними русскоязычных национальностей будет стимулировано появление чувства национальной социально-психологической защищенности, чего у них нет сейчас. Эти меры Российской администрации изменят на более положительное сейчас в основном негативное отношение к Российской государственности и ее лидерам русской диаспоры в нашем ближайшем зарубежье. Итоги упомянутого выше опроса русскоязычного населения Ташкента показали, что доля полностью доверяющих Б. Ельцину среди них довольно низка (14%) и она почти в два раза ниже, чем высказавших подобное отношение к Каримову и Назарбаеву.

В соответствии с новой ситуацией и новым статусом перед русскими возникает проблема самоопределения: или укореняться в систему ценностей (язык, культура, обычаи, средства массовой коммуникации) инационального государства и обречь себя на процессы маргинализации путем этнической адаптации усвоения государственного (нерусского) языка и приобщения к ценностям титульной на-

ции, или же покинуть иноэтническую среду и вернуться в Россию, где не потребуются дополнительные усилия на этнизацию, но возникнут непростые вопросы социализации и социальной адаптации.

Соответственно возрастут вес, «цена» и спрос на историческую память. Не надо быть пророком, чтобы предвидеть в ближайшее время крутой подъем русского национального самосознания. И ни России, ни ее ближайшему зарубежью далеко не безразлично куда, в какую сторону движется волна русского национального движения, усиленная экономическим кризисом, политической нестабильностью, набухшая кровью межнациональных конфликтов.

Обе перспективы и этническая адаптация в иноэтническую культуру за пределами России, и социальная реадaptация в новые демократические структуры России потребует от людей значительных духовных и нравственных усилий, материальных средств.

Каждая из ожидаемых тенденций будет создавать дефицит культуры, следом за которым ускорятся падение нравственности, снижение интереса к жизни, оскудение творческих замыслов и ослабление созидательной деятельности.

Установление тоталитарного режима в постоктябрьской России начиналось с уничтожения ее главных ценностей - с ликвидации интеллигенции, обладающей глубоким интеллектуальным и профессиональным потенциалом, с разрушения крестьянского уклада, без корней которого общества задыхается от безродства и беспамyтства, с занижения планки компетентности, без которой общество теряет контроль над собой и перестает быть управляемым и жизнеспособным.

При этом некоторый отход от русскости и включение в сеть иной культуры будет иметь неодинаковое содержание в разных государствах новейшего зарубежья. В одних случаях на передний план при сокращении русскости будут всплывать вопросы сохранения православия, в других - борьба за равноправный русский язык, в-третьих - сохранение компактного расселения в инациональном окружении, в-четвертых, стремление восстановить прежний сословный статус, например,

казаческий, в-пятых, надежда на достойное представительство в органах законодательной или исполнительной власти и т.д.

Начавшиеся еще накануне перестройки процессы «вымывания» не титульного населения, в том числе русских, из большинства бывших союзных республик, по всей вероятности получит продолжение в дальнейшем расширении миграционных процессов.

Языковые законы 1989 года, Декларации о суверенитете республик 1990 г. Законы об экономической самостоятельности, дополнения к Конституциям бывших союзных республик о верховенстве на их территории законов республики над законами Советского Союза и многие другие законодательные акты новых властей, особенно там, где ее взяли в свои руки националистически настроенные представители Народных Фронтов, возвели не только правовую, но и идеологическую крышу этого новейшего процесса.

Наступление на права русских и русскоязычного населения в ряде случаев сопровождается дополнительными территориальными притязаниями, предъявляемыми России. Так, например, в принятом 22 января 1992 г. Постановлении Верховного Совета Латвии «О непризнании аннексии города Абрене и шести волостей Абренского уезда» ставится вопрос о передаче Латвии из состава Псковской области города Пыталово и прилегающего района с русскоязычным населением (136).

В ряде законодательных актов, в частности, в законе Литвы «Об удостоверении гражданина Литовской республики» конституируется политическая нетерпимость к инакомыслию, бьющая прежде всего по правам русскоязычного населения (137).

Межэтнические конфликты, пронесшиеся по столицам союзных республик от Алма-Аты до Кишинева и от Тбилиси до Риги показали, что в обозначенный переходный период, путь русского населения в 14 союзных республиках (кроме РСФСР) к статусу национального меньшинства будет многотрудным, болезненным и трудноразрешимым. Увеличение социальной активности титульных народов периферии, в частности, в нерусских союзных республиках, сопровождаемые ростом социальной апатии русского и шире русскоязыч-

ного меньшинства, достигло определенного рубежа, вслед за которым развернулось ожесточенное противостояние. Комплекс «поражения», накопленный русским меньшинством в ходе развернувшихся национальных движений, начал постепенно рассасываться. И сегодня даже среди людей, например, в кругах технической интеллигенции, начинается брожение и новая волна обеспечения самообороны. И от всех, от усиливающегося в республиках огосударственного национального большинства и от разгосударствляемого национального меньшинства требуются необычные усилия для создания новой обстановки взаимной терпимости.

Несостоявшийся путч в августе 1991 г. правящая этнократическая верхушка бывших союзных республик использовала для подавления движения русских национальных меньшинств. Были разгромлены Интердвижения в Эстонии, Латвии, Литве, Молдове, запрещены в Грузии, Узбекистане, Азербайджане, Таджикистане. Годовщина провозглашения Гагаузской Республики и день 19 августа, объявленный всенародным праздником, трагически совпал с событиями в Москве. Тем не менее молдавское правительство воспользовалось этим случаем для разгрома гагаузского национального движения. Были, в частности, арестованы лидеры этого движения за участие во всенародном празднике.

Раздуваемая средствами массовой информации независимых государств антирусская истерия, в том числе настойчивое обвинение русскоязычного населения в шовинизме, в насаждении тоталитарного режима, в нежелании воспринимать культуру титульных национальностей, создает невыносимые условия жизни, труда и отдыха. Установление законодательным путем приоритетного положения титульных наций в сфере экономики, управления, политики, культуры и быта обрекает русских на второсортное население и на перспективу ассимиляции и исчезновения с этнополитической арены. Альтернативой этой тенденции выступает отток русского населения в Россию или организованное сопротивление и конфронтация с титульной национальностью.

На трудностях адаптации русских играют националисты. Опубликованная в эстонской газете «Постимээс» статья историка Эвальда Лааси так прямолинейно и называется «О невозможности интегрирования русских» (138). Русские, по мысли автора, во-первых, виновны в 50летней оккупации и колонизации, едва ли не прекративших существование эстонцев, во-вторых, 700летнее владычество немцев над эстонцами привело к вхождению эстонцев в западноевропейскую культуру и оградило от губительного славяно-византийского влияния, в-третьих, коренные жители Эстонии печорцы, принарвские, причудские русские в течении сотен лет были ближайшими соседями эстонцев, но так и остались враждебной эстонцам силой, в-четвертых, накануне войны русские поголовно были готовы шпионить в пользу России и активно шли в истребительные батальоны.

Каждая из двух указанных тенденций - и приспособление русских к новым условиям межэтнических отношений в независимых государствах, и реиммиграция русских в Россию требуют постоянного внимания и серьезных решений.

Для обеспечения гаранта русских и русскоязычного населения в иноэтнической среде, равно как и создания гаранта для любых национальных меньшинств, назрела необходимость предусмотреть такую систему двусторонних (горизонтальных) межгосударственных договоров, с помощью которых можно было бы в рамках независимых государств создавать единое правовое пространство. Одним из механизмов функционирования такого пространства могли бы стать заново «отредактированные» пакеты законов, предусматривающие гибкую систему различных моделей двойного гражданства.

Так, например, принятый на Украине закон о гражданстве разрешает двойное гражданство. Однако этот новый правовой механизм, безусловно, нуждается в предварительном заключении с каждым независимым государством соглашения, в котором должна быть разработана форма получения двойного гражданства, разграничены права и обязанности, в том числе имущественные права на долю государственного имущества при приватиза-

ции, или выполнение воинской обязанности в случае призыва в армию.

Обновление и «исправление» принятых в бывших союзных республиках дискриминационных законов может пойти двумя путями: во-первых, это услышанный голос России в процессе утверждения и принятия новых законов, которые не только устанавливают правовые нормы, исключая дискриминацию русскоязычного населения, но и создают необходимые материальные гарантии для реализации антидискриминационных принципов, во-вторых, рекомендации по внесению поправок в сроки и в условия введения в действие законов о переходе русскоязычного населения на государственный язык бывшей союзной республики.

Жесткость принятых законов вынудила правительства некоторых независимых государств идти на уступки. Так, например, в литовский закон «О национальных меньшинствах» были внесены изменения и поправки, закрепляющие права русскоязычного, в том числе польского населения Литвы, учиться в вузах на национальном языке, подготавливать специалистов, необходимых для удовлетворения потребностей национальных меньшинств (139). «В местных учреждениях и организациях территориально-административных единиц, - говорится в законе «О внесении поправок в закон Литовской республики «О национальных меньшинствах», - в которых компактно проживает население какого-либо национального меньшинства, наряду с государственным языком используется язык этого национального меньшинства» (140).

На очереди трудные переговорные процессы, результатом которых должен стать отказ от лозунгов типа: «Грузия для грузин», «Молдова для молдаван», Украина для украинцев» и т.д.

Требуют серьезного внимания проблемы воспроизводства русскоязычной интеллигенции, особенно гуманитарной. В частности, необходим специальный вуз для подготовки русской интеллигенции для ближайшего зарубежья.

Российская Федерация, и прежде всего Москва, как столица России и русскости, обладающая огромным научным и экономиче-

ским потенциалом, сосредоточенным в академических институтах, в вузах, в различных ведомствах могла бы приступить к созданию крупного международного фонда по оказанию этнокультурной и гуманитарной помощи и поддержки самобытности и этничности зарубежного русского и русскоязычного населения. Заслуживает поддержки идея о создании Международной вещательной компании, питающей русскоязычной информацией общее информационное пространство СНГ. Опрос, проведенный в 8 столицах Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Ереване, Киеве, Кишиневе, Минске, Ташкенте, в ходе которого около 7 тыс. человек дали вполне представительную картину, позволил выявить особую притягательность для русскоязычного населения телепередач на русском языке из Москвы.

Передачи канала «Останкино» «регулярно» смотрят 57,0% русскоязычного и 41,5% титульного населения в Алма-Ате, и далее соответственно 72,5% и 50,5% в Баку, 70,0% и 40,5% в Бишкеке, 66,0% и 55,0% в Киеве, 67,0% и 26,0% в Кишиневе, 90,0% и 70,5% в Ташкенте (141). Комментарии, как говорится, излишни. Развал Советского Союза создает реальную угрозу не только в дестабилизации межэтнических отношений, в эскалации межнациональных конфликтов, но и в разрушении этничности, в том числе русскости, в приближении этнической катастрофы русских и других национальных меньшинств в ближайшей диаспоре.

Работа указанного специализированного Фонда могла бы охватывать ряд направлений, в том числе: по всестороннему изучению состояния ближайшего русского зарубежья; по систематической подготовке кадров для русского и русскоязычного населения в иноэтнической среде; по целенаправленной системе радио и телепередач по договоренности с руководством государств ближайшего зарубежья; по обмену коллективами, группами лиц, заинтересованных в сохранении и укреплении внутриэтнических связей населения, разделенного государственными границами; по подготовке научно-информационных банков данных о состоянии этничности, экономики, культуры и самосознания русских в России и за ее пределами; по созданию специа-

лизированных двусторонних рабочих групп по разработке рекомендаций и предложений по удовлетворению интересов и потребностей русского населения в независимых государствах и интересов национальных групп в России, например, интересов русских на Украине, и интересов украинцев в России; по мобилизации сил и средств для осуществления научно-обоснованных санкций (системы мер морального и материального поощрения) русского населения в этносоциальных организациях независимых государств.

Международный Фонд этнокультурной гуманитарной помощи русскому зарубежью мог бы, во-первых, стать магнитным полем, притягивающим группы отверженного, бесстатусного населения, во-вторых, служить компенсирующим гарантом для групп русскоязычного населения, оказавшегося в дискриминируемом положении, в-третьих, восстановить культуртрегерскую роль, которую Россия играла до того, как к власти пришли большевики, в-четвертых, служить резервуаром идей и практических предложений в разработке внешнеполитической деятельности обновляющейся России.

Для разработки системы санкций, а также всестороннего сотрудничества с российским и русскоязычным сектором ближайшего зарубежья необходимо создание специальной научно-координационной службы неотложной этнокультурной помощи. Ее стратегические и тактические задачи будут состоять в определении места различных групп русского населения в исторической судьбе народов; раскрытии противоречивой роли этнического фактора в процессах его взаимодействия с социальным и политическим факторами; в выявлении значения взаимодействия культуры национальных групп и национальных меньшинств с культурой русской нации; в определении многообразия форм этноязыковой жизни русских, включая различные формы двуязычия в разнообразных регионах, в ситуациях, этапах истории; в сравнении устойчивости и размываемости русскости (русской этничности) в ходе современных процессов урбанизации, интеллектуализации и технотронизации общества; в определении соотношения интеграционных и дезинтеграционных процессов, центростреми-

тельных и центробежных тенденций, а также их связи с процессами стабилизации внутри России, в недрах русского народа, и, наконец, в оценке степени солидарности, нейтралитета или конфронтации между национальными меньшинствами и народами, составляющими национальное большинство.

Российское министерство иностранных дел развернуло кампанию по отстаиванию прав россиян, расселенных в пределах бывшего СССР, но после его распада невольно оказавшихся в дискриминационном положении. Проводимую в Латвии и Эстонии политику в отношении русского и русскоязычного населения представитель России в ООН Сергей Березный расценил как «дискриминационную, недружественную и недальновидную». Выступая на проходившей в конце августа 1992 г. в Женеве 44й сессии подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, директор норвежского Института прав человека Асбьерн Эйде сказал: «Если людям отказывают в гражданстве и создается угроза нарушения их прав в будущем, то можно говорить об элементах «этнической чистки». С Латвией и Эстонией предпринимаются двусторонние переговоры о правах национальных меньшинств. Россия пытается привлечь внимание мировой общественности и правительств стран участниц ООН, СБСЕ и других организаций к нарушениям прав россиян в Прибалтике»(142).

Совершенно очевидно, что путь народов бывшего СССР к новому сосуществованию будет трудным, сложным, бессистемным, начиненным опасными межнациональными конфликтами. Знание, понимание, учет факторов, тенденций и закономерностей развития (социализации, политизации, этнизации) русского и ассоциированного с ним русскоязычного населения за пределами России, учет опыта, накопленного в международном сообществе, позволит снять часть межнационального напряжения, улучшить климат межнациональных отношений, углубить и расширить историческую память народов, память, исконно ориентированную не на вражду и войну, а на мир и согласие И от творческой интеллигенции народов во многом зависит в какую сторону «сработает» энергия памяти.

Список литературы:

1. Д.С.Лихачев. Земля родная, М., 1983, с.49.
2. В.Белов. Длинною в жизнь, Кишинев, 1984, с.529.
3. Валентин Распутин. Против беспамятства. Наш современник, 1988, N1, с.169
4. Здесь и далее все ссылки на текст романа «И дольше века длится день» даются без указания страниц по изданию: Чингиз Айтматов. И дольше века длится день. Фрунзе, 1981.
5. А.Кузнецов. Божий промысел. Наш современник, 1991, N4, с.19.
6. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 1974, с.259.
7. Там же, с.260.
8. Московские новости. 1990, 18 марта. Цит. по: М.П.Капустин. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М. 1990, с.467.
9. Неделя, 1991, 3 9 июня.
10. См. об этом: М.Булгаков. Собр. соч. т.5, М. 1990, с.631.
11. И.Сталин. Соч. т.5, М. 1947, с.238.
12. Там же с.241.
13. «Съезд, решительно осуждая оба этих уклона (великорусский шовинизм и национализм невеликорусских народов М.Г.) , как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать на особую опасность и особый вред первого уклона в сторону великодержавности, колониаторства». КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том второй . 1917 1924, М. 1970, с.255 256.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2, 1917 1924, М. 1970, с.433 443.
15. И.Сталин. Соч. т.5, М. 1947, с.181 194.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2, 1917 1924, М. 1970, с.406 407.
17. Там же, с.437, 438 439.
18. И.Сталин. Соч. т.5, с.262
19. Цит. по: Д.С.Лихачев. Прошлое будущему. Статьи и очерки. Ленинград, 1985, с.59.
20. Цит. по: Игорь Шафаревич. Есть ли у России будущее? М., 1991, с. 405.
21. Программа НФБ.
22. Наш современник, 1988, N1, с.170
23. См. об этом подробнее: Социально культурный облик советских наций. По материалам этносоциологического исследования. М.1986, с.435 446.
24. Ю.А.Андреев. По земле Вологодской. Литература и социология. М., 1977, с.392 394.
25. Г.П.Федотов. Трагедия интеллигенции. В кн.: О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990, с.403.
26. Joseph P. Mozur. Dufting “mancurt’s cap”. Chingiz Aitmatov’s “The day lasts more than a hundred years”, and the turkic national heritage. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. N605, University of Pittsburg, 1987.
27. Чингиз Айтматов. И дольше века длится день. Фрунзе, 1981, с.295.
28. Там же, с.6.
29. Г.Уэллс. Россия во мгле. М. 1959, с.28.
30. Цит. по: И.Шафаревич. Есть ли у России будущее? М. 1991, с.343 344.
31. Шариф Шукуров. Что такое культура ислама. Литературная жизнь, 1991, 5 июня.
32. Возрождение, 1988, N1, с.16.
33. Николай Рыжков. Перестройка: История предательств. М., 1992, с.361362.
34. Цит. по: И.Б.Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М. 1975, с.231.
35. ПСРЛ, т.XV, вып. 1,Рогожский летописец, Петроград, 1922.
36. Цит. по: И.Б.Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М. 1975, с.262.

37. Там же, с.306.
38. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 1974, с. 302.
39. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т.VI, 1941 1954, М. 1971, с.119.
40. КПСС в резолюциях, с.131.
41. КПСС в резолюциях..., с.106 112.
42. Там же, с.124 129.
43. КПСС в резолюциях, с.195 209.
44. Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос. М., 1971; Рустамхан. Узбекский героикороманический эпос. М., 1972; МаадайКара. Алтайский героический эпос. М., 1973; Кобланды Батыр. Казахский героический эпос. М., 1975; Башкирский народный эпос. М., 1975.
45. ГерОглы. Туркменский героический эпос. М., 1983; Манас. Киргизский героический эпос. Книга первая. М., 1984; Строптивный Кулун Куллуштуур. Якутское олопхо. М., 1985; Манас. Киргизский героический эпос. Книга 2, М., 1988; Алтын Арытг Хакасский героический эпос. М., 1988; Манас. Киргизский героический эпос. Книга 3. М., 1990.
46. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 1974, с.27.
47. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 3, Москва, 1990, с.488.
48. Там же, с.332.
49. Известия, 1991, 11 июня.
50. Литературная газета, 1986, 26 ноября.
51. Подробнее см.: А.П.Айриян. О социально экологической очаговости болезней человека. Ереван, 1985.
52. Литературная газета, 1987, 29 июля.
53. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 1974, с.59.
54. Советская Киргизия, 1989, 29 сентября.
55. Казахстанская правда, 1989, 28 сентября.
56. Правда Востока. 1989, 24 октября.
57. Комсомолец Таджикистана, 1989, 2 августа.
58. Казахстанская правда, 1989, 28 сентября.
59. Советская Молдавия, 1989, 3 сентября.
60. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984, с.116 117.
61. Казахстанская правда, 1989, 28 сентября.
62. Там же.
63. Советская Киргизия, 1989, 29 сентября.
64. Правда Востока, 1989, 24 октября.
65. Цит. по.: Российская газета, 1991, 24 мая.
66. Российская газета, 1991, 5 июня.
67. Alexandre Bennigsen and Marie Broxup. The islamic Threat to the Soviet State, Nem Jork, St.Martins Press, 1983, p.62.
68. Книжное обозрение, 1986, 25 июля.
69. Зорий Балаян. Очаг. Ереван, с.41.
70. Зорий Балаян. Очаг. С.63,315.
71. Цит. по: Д.Е.Еремеев. Ислам. Образ жизни и стиль поведения. М. 1990, с.195.
72. Манас. кн. 3, М., 1990, с.376.
73. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 1974, с.286.
74. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том второй, 19171924, М., 1970, с.246256, 433443.
75. М.Н.Губогло, С.М.Червонная. Крымскотатарское национальное движение. Том 2, М., 1992, с. 4446.
76. Там же. Том 1. с.77.

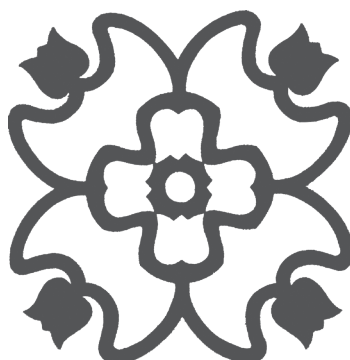
77. Литературная Россия, 1989, 20 октября.
78. Ташкентский процесс... Суд над десятью представителями крымско-татарского народа (1 июля 5 августа 1969 г.). Амстердам: 1976. с.178179.
79. Там же. с.60.
80. Там же. с. 3940.
81. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. НьюЙорк: Хроника, вып. 2.С.27.
82. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII. Депортации народов СССР. (1930е 1950е годы.), ч.I, М., 1992, с.3435.
83. Правда, 1991, 18 мая.
84. История Молдавской ССР, Кишинев, 1982.
85. История армянского народа. Ереван, 1980, с.277 427.
86. Там же.
87. Московские новости, 1985, 6 января.
88. З.Балаян. Очаг, Ереван, 1984, с.314,388,385.
89. Там же, с.328 329.
90. З.Балаян. Очаг, Ереван, 1984, с. 9,174,43,40.
91. Там же, с.109,16,20,21.
92. З.Балаян. Очаг, с.64,65.
93. Там же, с.29,220,344,348,354,393.
94. Книжное обозрение, 1986, 25 июля.
95. Известия, 1991, 4 сентября.
96. Советский энциклопедический словарь. М.:» Сов. энциклопедия», 1980, с.1186.
97. З.Балаян. Очаг, с.15.
98. Г.Мадатов. Победа Советской власти в Нахичевани и образование Нахичеванской АССР, Баку, 1958, с.39.
99. Низами. Афоризмы. Баку, 1982.
100. З.Балаян. Очаг, с.299,315.
101. Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов, Ереван, 1986, с.9.
102. З.Балаян. Там же, с.8,21,298,42,387.
103. И.Сталин. Соч. т.5, с.244 245, 247.
104. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. С. 73.
105. Ю.М.Бородай «Этнические контакты и окружающая среда». Природа, 1981, N9, с.83.
106. Там же.
107. Ж.Б.Базарбаев. «Опыт социологического изучения атеизма и религии». Нукус, 1979.
108. Литературная газета, 1992, 26 августа.
109. Там же.
110. Николай Рыжков. Перестройка: История предательств. М., 1992, с.198.
111. Цит. по: Валерий Чалидзе. Национальные проблемы и перестройка. Бенсон, Вермонт, 1988, с.148.
112. Возрождение, 1988, N1, с.16.
113. Возрождение, 1988, N1, с.1.
- 114.Союз, 1991, N22 (72), май.
- 115.Лозунги армянского национального движения были, в частности, систематизированы и проанализированы в докладе А.Марутяна, с которым он выступил в конце мая 1990 года в Алма-Ате на ежегодной сессии советских этнографов.
- 116.Едва ли не первой вопрос о необходимости изучения актуализации художественного наследия в социально-политическом становлении национальных движений сформулировала С.М.Червонная.
- 117.Декларации о суверенитете союзных и автономных республик. М., 1990, с.27.
- 118.Правда, 1991, 11 июня.

119. Российская газета, 1991, 24 мая.
120. Известия, 1991, 15 июня.
121. Правда, 1991, 15 июня.
122. Правда, 1991, 3 июня.
123. Известия, 1991, 13 июня.
124. Правда, 1991, 24 мая.
125. Известия, 1991, 31 мая.
126. Программа БНФ.
127. Программа БНФ.
128. Комсомольская правда, 1991, 8 июня.
129. См., например, «Современные национальные процессы в СССР», М. 1991.
130. Литературная Россия, 1991, 7 июня.
131. Независимая газета, 1992, 28 августа.
132. Там же.
133. И. Сталин, соч. т.5, с. 249.
134. Известия. 1991. 4 сентября.
135. Михаил Губогло. Крутые выражи суверенизации. Российская газета, 1992, 16 июля.
136. Известия, 1992, 20 марта.
137. Правда, 1991, 16 января.
138. Известия, 1992, 31 июля.
139. Известия, 1991, 30 января.
140. Правда, 1991, 31 января.
141. Известия, 1992, 17 марта.
142. Известия, 1992, 27 августа.
142. Известия, 1992, 27 августа.

(Endnotes)

¹ Приведем краткий перечень понятий и терминов, перевод и смысл которых дан в постраничных комментариях романа: Агай учитель, АнаБейит материнский покой, Арстан лев, Атанша молодой самец; бачара бедолага, Бейбах несчастливица, Боранлы буранный, Борнбасар волкодав; Джаназа общая молитва в доме умершего; Жолламан имя, образованное из двух слов «жол» путь, и «аман» здоровье, что означает в целом пожелание: «Будь здоров в пути!»; Жолбарс тигр, Жырау степной бард; Ини младший брат, земляк, младший родич; Кайманча молодая верблюдица; кокетай ласкательно-уменьшительное, в то же время ласкательное обращение; кумбез гробница; «кюш атасын танымайды» сила отца не признает; «мал не си нудайдан» хозяин скотины от бога; сагындым истосковался, измучился в тоске; «сыйдан сыйы бар» уважение от уважения сырттан сверхсущество, сверхчеловек; тайлак детеныш верблюда; хайван скотина; тубат кумыс из верблюжьего молока; шиш деревянная заноза, продаваемая в верхние губы верблюда.

* Пользуюсь случаем поблагодарить А. Асанканова за оказанную по мощь в переводе приведенной цитаты с киргизского языка.

РЕЦЕНЗИЯ

На книгу М.Н.Губогло «Энергия памяти. О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти»

Рукописный текст. Объем 125 стр.

В годы застоя общественные науки утратили свое монопольное право на вскрытие и характеристику факторов, тенденций и закономерностей развития социальных процессов. При этом едва ли не катастрофичной оказалась ситуация в тех научных дисциплинах, в предметной области которых стояла задача анализа процессов национального развития и межнациональных отношений. Из монографии в монографию бесконечным унылым потоком кочевали выдержки из ленинских работ, создавая иллюзию научности.

Идеологический аппарат номенклатуры сделал все возможное, чтобы придушить конкретные социологические исследования, включая результаты этносоциологических исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР.

Попытки отдельных публицистов и журналистов привлечь внимание общественности к болевым точкам национальной истории, культуры и языка не имели успеха, а в отдельных случаях заканчивались трагически для авторов смелых произведений. Миссию по выявлению назревших проблем в сфере национальных процессов взяла на себя художественная литература, верная отечественным традициям быть рупором, трибуной и гласом

народа в раскрытии его человеческой трагедии. Однако играть эту роль ей, литературе, было чрезвычайно трудно. Изголодавшийся читатель ждал от нее не только образов, но и фактов. Однако именно объективные факты литература не умела ни собирать, ни осмысливать. Тем не менее, начавшийся в 60е начале 70х годов бум на тематику, связанную с поиском исторических корней, обратил целую группу писателей к проблемам исторической памяти народов. В литературах народов страны возникло целое направление, сконцентрировавшее свое внимание на проблемах памяти.

Включив серию этих произведений в поле своего исследовательского внимания, М.Н. Губогло в рецензируемой рукописи сделал важную попытку взглянуть на состояние национальных культур и национальных языков глазами наиболее талантливых художников образа и слова.

Соединив, как историк, свое знание реальной истории (факты) и новое (раскрепощенное от идеологических табу) прочтение ряда романов (образы), автор проследил как художественная литература организовала сопротивление против наступления на историческую память народов. Логика собранного

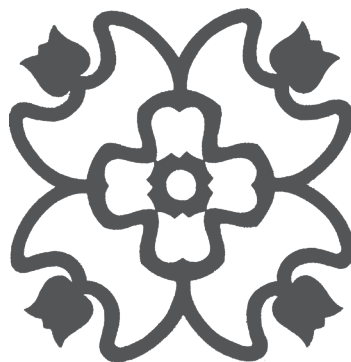
и систематизированного материала убеждает, что в национальном возрождении народов решительную роль сыграла та часть творческой интеллигенции, которая подняла знамя борьбы против манкуртизации. Пожалуй, автор прав, признавая, что лучшим воплощением этой борьбы стал роман Ч.Айтматова «И дольше века длится день». Хотя, надо отдать должное, автору, он не забыл упомянуть и ряд имен и произведений русской литературы. Можно лишь сожалеть, что объем книги не позволил М.Н.Губогло более пристально приглядеться к художественному опыту В.Распутина и, в частности, к его «Прощанию с Матерой».

Можно надеяться, что особый интерес у читателей вызовут рассуждения о взаимос-

вязи исторической памяти и национального самосознания народов с экологическими, географическими, конфессиональными, языковыми факторами нашего времени. В рукописи заслуживает высокой оценки беспристрастность автора в освещении реального вклада тех иных художественных произведений в дело восстановления исторической памяти, в дело подъема национального самосознания. В заключительной части книги М.Н. Губогло раскрывает ошибки тех писателей (например, З.Балаяна и его «Очага»), которые в пылу гипербололизации национальных достоинств своего народа, теряют чувство меры.

Рукопись М.Н.Губогло можно публиковать.

Заместитель директора НИИ
теории и истории педагогики
д.п.н., профессор Тебиев Б.К.

ОТЗЫВ

*на рукопись М.Н.Губогло
«Энергия памяти. О роли творческой интеллигенции в восстановлении
исторической памяти».
(125 страниц)*

Подъем национально-национального самосознания и расширение национальных движений привели к бескровному развалу бывшего СССР. Немалую роль в этом дезинтеграционном процессе сыграла творческая интеллигенция, подготовившая общественное мнение к падению сначала оков коммунистической идеологии, а затем, после августовского путча и номенклатуры КПСС.

Сегодня можно без преувеличения сделать вывод о том, что именно произведения писателей, художников, композиторов, обратившихся к исторической памяти народов, стали той бомбой, с помощью которой удалось круто повернуть руль от коммунизма к национализму, от десятилетий страха перед государством к борьбе с его структурами и ведомствами.

Обратившись к ряду художественных произведений 70-х, 80-х годов, представив их новое, в духе времени, прочтение М.Н.Губогло раскрыл систему образов и приемов, с помощью которых писатели добивались пробуждения народов, способствовала преодолению

барьеров страха, пересмотру общественной системы и своего места в ней.

Рукопись книги «Энергия памяти» убеждает в эффективности метода прочтения художественного произведения в зеркале истории. По сути дела, М.Н. Губогло, как реставратор, шаг за шагом открывает оригинальные исторические факты, двигавшие воображением писателя, взявшегося за произведение, посвященное памяти народа. Так, например, новое осмысление романа Ч.Айтматова «И дольше века длится день», едва ли не самое красноречивое тому доказательство.

Сочетание двух подходов, художника и ученого, в раскрытии течения истории и духа времени открывает новые возможности перед преподавателями школ и вузов в раскрытии места человека в жизни и места любой национальности в историческом процессе.

Рукопись М.Н.Губогло не нуждается в дополнительном редактировании и рецензировании. Она заслуживает быть опубликованной.

Председатель ассоциации
«Педагоги за национальное возрождение,
развитие и сотрудничество народов»
кандидат педагогических наук
С.К.Бондырева

Впервые опубликовано в 1992 г.

Вторично, (без Рецензии Тебиева Б.К. и без Отзыва Бондыревой С.К.) в: «Языки этнической мобилизации», Москва, «Языки русской культуры» 1998, с. 497- 603

ЭТНОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

К ИТОГАМ РАБОТЫ ВТОРОГО КОНГРЕССА

ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ

(УФА, 1-5 ИЮНЯ 1997 г.)

1. Смотр сил

Вместо традиционных в прошлом ежегодных сессий, посвященных итогам полевых этнографических исследований, в России сложилась новая форма творческого содружества специалистов в разработке актуальных этнических проблем - конгрессы этнографов и антропологов России, проходящие раз в два года.

Богатый опыт первого (Рязань, 1995) и особенно второго (Уфа, 1997) конгрессов дает основания для выводов о важнейших направлениях современной этнологической мысли и о том, в каком состоянии находится отечественная наука о народах России и всего мира.

Казавшееся вначале обоснованным мнение о предметной области этнографии как о тающей льдине, исчезающей под обжигающими лучами современной модернизации, похоже, рассеивается. Более того, победа либерально-демократической идеологии под знаменами этничности и национализма над коммунистической идеологией с ее интернационализмом разрушила представление

не только об «окончательном решении национального вопроса», но и о том, что вместе с «новым мышлением», «концом мировой истории» и «общечеловеческими ценностями» якобы наступит эра бесконфликтности. Окончание холодной войны между великими противоборствующими системами и идеологиями открыло возможности для новой фазы масштабного выяснения отношений. Межсистемное и междеологическое противостояние перетекло на внутрисистемный и межнациональный уровень. Попытка российских реформаторов-вестернизаторов «галопом по Европам» отказаться от коллективизма, в том числе от этнической солидарности, в пользу индивидуализма, стать в один ряд с развитыми странами Запада, а также создать с помощью таких технологий, как «шоковая терапия», «ликвидация берлинской стены», «революция вестернизации», всемирную ассоциацию миролюбивых и дружественных народов, провалилась. Запад остался Западом, Россия не стала в одночасье Западом. В подводной части айсберга технотронной цивилизации, интеллектуальных космических

технологий, интернетных коммуникаций оказались живучими глубокие различия между этническими общностями, идеологиями, психологиями, религиями. Этнические различия, и особенно значение этих различий, на долгие годы оставленные в тени советской этнографией и другими дисциплинами, имеющими дело с национальными и межнациональными отношениями, вышли на передний план, стали предметом жгучего интереса.

Этот сдвиг в сторону актуализации этнического фактора вызвал глубокий, пока еще неудовлетворенный интерес к этничности, а также к создаваемой ее мобилизованными формами опасной неустойчивости межнационального и международного порядка. Неслучайно в опубликованной к началу Второго конгресса этнографов и антропологов России коллективной монографии «Ресурсы мобилизованной этничности» (Москва; Уфа, 1997); серьезное внимание было обращено на необходимость систематического и более глубокого изучения соотношения и взаимодействия звеньев в цепи: **этнические различия - этнические противоречия - этнические конфликты**. И столь же неслучайно, что именно такая постановка вопроса вызвала противодействие со стороны некоторых этнографов-традиционалистов, а также новых теоретиков, претендующих на роль лидеров в постсоветской истории.

Внимание этнологии к новым аспектам этничности, понимание ее функций и механизмов, а также ресурсов и движущих сил этнической мобилизации серьезно обеспокоили этнических лидеров, озабоченных судьбой своего этноса и забывающих о том, что каждый этнос тысячами нитей связан с другими этносами, имеющими к тому же свои национальные интересы. Победа мобилизованной этничности над коммунистической идеологией и наметившийся разрыв с принципами демократии вызвали к жизни потребность в разработке более глубоких концепций этнического конфликта, его предпосылок, механизмов предотвращения, правовых и политических средств преодоления. Вызовы более жесткого, чем в советские времена, самоопределения по оси «мы» и «они», попытки радикального этнического самоутверждения

в многообразных формах гражданских, национальных и национально-культурных движений, о чем убедительно свидетельствуют более семи десятков книг, очерков, документов и материалов, опубликованных Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН (проект «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве»), очередной крутой поворот от интернациональных идеологических догм к этническим ценностям, некомпетентный, ослепленный этноцентризм потребовали решительного расширения предметной области этнологических исследований. К сожалению, эта общественная потребность оказалась в роковом противоречии с возможностями государства по оказанию финансовой поддержки теоретическим и особенно полевым этнографическим исследованиям. Даже крылатая фраза В.С. Черномырдина «хотели, как лучше, а получилось, как всегда», непригодна в качестве характеристики современного состояния этнографии, так как именно фундаментальная наука, в том числе и этнология, оказалась падчерицей для посткоммунистических реформаторов, увлеченных шоковой терапией и равнодушных к судьбе России и российской науки.

2. Этнологическая мобилизация

Оказавшись беспризорной, этнология, как сирота, вынуждена была мобилизоваться. Для выживания нужны были не только деньги, но и новые формы самосохранения, новые источники и ориентиры саморазвития.

Одной из таких форм саморазвития стало создание по инициативе директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова Ассоциации этнографов и антропологов России. Двойное освобождение постсоветской этнографии - и от прежнего идеологического обруча, и от финансовой зависимости - толкнуло специалистов на путь поиска новых инициатив, стратегий и тактик. В Уставе этой ассоциации, Учредительный съезд которой состоялся шесть лет тому назад (Саранск, 1992), были определены ее цели и задачи. Коротко говоря, они состояли в том, чтобы объединить и скоординировать усилия исследова-

дователей и исследовательских организаций, имеющих отношение к науке о человеке и о народах. В качестве приоритетных задач ассоциации были выделены научные, политические и пропагандистские задачи: 1) содействие исследователям в области этнографии, фольклора и антропологии; 2) содействие в проведении в жизнь политики мира и дружбы народов всего мира, взаимопонимания, сотрудничества народов России и других стран в борьбе против расовой, национальной, религиозной и любой другой формы нетерпимости, дискриминации и исключительности; 3) пропаганда знаний о народах и странах мира, а также достижений этнографической и антропологической науки среди научных и широких кругов общественности России и других стран.

3. Этнология и антропология: Меняющиеся контуры предметной области.

Неиссякаемый интерес к проблематике, границам предметной области и основным направлениям исследований вполне понятен, так как от ответов на эти вопросы зависят по сути дела состояние и судьба самой науки: быть ей или не быть.

На пленарные заседания были вынесены три доклада, в которых ставились и рассматривались фундаментальные вопросы современной этнологии и антропологии. Это доклады директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова: «Современная Россия и российская этнология», председателя Музейного совета РАН Т.И. Алексеевой «Современные направления в российской антропологии» и руководителя Центра по изучению межнациональных отношений (ЦИМО) ИЭА РАН М.Н. Губогло «Деинфантилизация этничности», а также лекция «Этнос и история», с которой выступил заведующий Отделом народов Урала и Музеем археологии и этнографии (Уфа) Р.Г. Кузев на заключительном пленарном заседании Конгресса. По его мнению, события второй половины и конца XX в. показали, что национальный вопрос - самостоятельный фактор современной истории.

Следовательно, перед этнологией встает необходимость обновленного изучения феномена этничности. Общество заинтересовано знать подлинную роль этноса и этнических процессов в истории и в современности. Оно ждет прогностические анализы на будущее: является ли взрыв этничности конца XX в. эпизодом в истории, случайностью или это постоянный, а то и возрастающий фактор истории? Каков механизм этнических (этнокультурных, этносоциальных, этнополитических) процессов и каковы факторы воздействующие (мобилизующие или подавляющие) на эти процессы? Каково соотношение этноса и государства, особенно в современную эпоху? Актуальной является проблема взаимодействия современных процессов демократизации, гражданских и этнокультурных движений. Возможно ли «окончательное» решение национального вопроса в современной России? В лекции Р.Г. Кузеева обращено внимание на общие (общечеловеческие) фазы развития этничности, связанные с изменениями в соотношении коллективного и индивидуального мышления и поведения в обществе, и на региональные (континентально-евразийские) особенности этногенетического и этнокультурного становления и развития народов.

Общие проблемы этнологии и антропологии рассматривались также на секционных заседаниях. Это выступления московских ученых С.А. Арутюнова «Этнология этнологии», В.Н. Басилова «Традиции отечественной этнографии», Н.А. Дубовой «Еще раз о предмете, задачах и методе этнической антропологии», А.А. Никишенкова «Постмодернизм и научная традиция. К проблеме взаимопонимания западной антропологии и российской этнологии», С. В. Соколовского «Современные течения отечественной антропологической мысли: натурализм, инструментализм, конструктивизм», омского ученого Н.А. Томилова «Этническая история как научное направление», а также вашингтонского ученого М. Балзера «Наследие или радикальный перелом? Постсоветская этнография и этнология». Квалифицируя современное состояние этнологии как кризисное, В.А. Тишков выделил его признаки и критерии и предложил в качестве выхода из сложившегося тупика

несколько новых направлений исследовательских поисков. Современные интересы и приоритеты российской науки, по его мнению, определяются как внутренней логикой саморазвития, так и общественно-политической ситуацией в стране. Наиболее перспективными направлениями и задачами отечественной этнологии В.А. Тишков считает следующие: распространение среди научной общественности широкого понимания социальной антропологии (или этнологии) как науки и создаваемых ею культурных и социальных форм в исторической и современной перспективах. В связи с этим крайне актуальными представляются такие научные направления, как, например, антропология тотальных систем массовой культуры и потребления, войны и насилия, развития и кризиса, глобализма и партикулярности. Наряду с дальнейшим изучением этногенеза и развитием этнографического музееведения не менее значимо - изучение политических проекций этноисторических интерпретаций, антропологии музеев и других публичных презентаций культуры.

Судя по пленарным и секционным заседаниям и особенно состоявшимся дискуссиям, важное место в предметной области этнологии приобретает целенаправленное изучение этничности. Неслучайно в первые годы постсоветской истории появилось немало работ, посвященных тем или иным формам и тенденциям проявления этничности и идентичности. Более того, этот интерес укрепляется и в наши дни.

Этнографическое обозрение, 1998. № 3. С. 129-131.

Анализ современного состояния и важнейших направлений исследовательских поисков в рамках антропологии как науки, изучающей физические различия между людьми, исторически сложившиеся в ходе их развития в различной естественной среде, дал основание Т.И. Алексеевой выделить важнейшие направления российской антропологии, в том числе антропогенез, расоведение, этническую антропологию и морфологию человека. Становление физической антропологии позволило по-новому подойти и к проблеме конституциологии. Появилась возможность изучения

гормональной основы конкретных морфотипов, их «эндокринной формулы», а также поиска межсистемных корреляций эндокринных функций.

Еще одно из важнейших направлений современной российской антропологии - изучение биохимического полиморфизма у человека. Исследование генетических маркеров с целью выяснения генофонда населения России и сопредельных стран в связи с изучением адаптивных процессов - вот основные задачи, стоящие перед антропогенетикой в настоящее время. По мнению Н.А. Дубовой, этническая антропология - самостоятельный раздел расоведения, предметом которого является изменчивость во времени и в пространстве особенностей физической организации представителей различных народов. Этническая антропология не ставит своей задачей отношение индивидуумов к той или иной социальной общности на основании характеристик их внешности. Благодаря изучению исторической динамики антропологического типа населения она играет важную роль в определении тех компонентов, которые вошли в состав данного народа на разных этапах его существования.

Этнографическое обозрение, 1998. № 3. С. 133.

Этнография как наука имеет две стратегические задачи: познавательную, состоящую в том, чтобы изучать, знать и понимать народы, помогать им в развитии их культуры, языка и самобытности, и управленческую - смысл которой сводится к урегулированию отношений между государством и населяющими его народами. Понятно, что вклад этнологии в познание, политику и практику может быть продуктивным и полезным только в том случае, если ряды этнографов пополнятся представителями самих народов. Неслучайно развитие отечественной этнографии не было бы полноценным без творческого вклада казаха Чекана Валиханова, бурята Доржи Банзарова, хакаса Н.Ф. Катанова, черкеса Хан-Гирея, кабардинца Шора Ногмова и многих других. Предыдущие и нынешний конгресс как представительные форумы советской и постсоветской этнологии подтверждают большую роль эт-

нографов, вышедших из среды своих народов и привносящих огромный вклад в изучение происхождения и этнической истории этих народов, расселения, социального состава, материальной и духовной культуры, самосознания и, наконец, в национальное движение и возрождение. Сегодня в ходе реформирования и модернизации России роль и значение этнографических знаний значительно повышается. При этом знания, профессионализм, компетентность этнографов нужны как в центре, так и на местах, как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Законодатели, политики и практики нуждаются в знании не только этнической истории и происхождения народов, но и многих аспектов их современной системы жизнедеятельности. Самобытность и этническая специфика народов входят в поле зрения не только этнологии, но и других наук. На стыке с этнологией сформировались **этносоциология**, изучающая взаимодействие социально-профессиональных и этнокультурных явлений, **этногеография**, позволяющая иметь точное представление о расселении народов, **этнопсихология**, характеризующая межэтнические установки, этнические стереотипы, процессы роста национального самосознания, **этнолингвистика**, развертывающая панораму языкового родства народов, и ряд других областей знания. В последние годы на одно из приоритетных мест в системе научных направлений выдвинулась **этнополитология**, изучающая взаимоотношения государства и его народов. В золотой фонд этого нового направления войдут более 100 докладов, изданных Институтом этнологии и антропологии РАН в серии «Неотложная этнология», а также документы и материалы, освещающие историю, идеологию и практику национальных движений в СССР и в постсоветском пространстве. Все добываемые этнографами и представителями смеж-

ных наук сведения о народах бесценны. Однако политикам, по их собственному признанию, особенно недостает знаний о правовых аспектах жизни и взаимодействии народов в их прошлой и современной истории

Этнографы вместе с представителями других научных дисциплин сыграли важную роль в разработке закона «О национально-культурной автономии», принятого Госдумой и подписанного президентом Б.Н. Ельциным 17 июня 1996 г. Более того, они внесли существенный вклад в создание «Концепции Государственной национальной политики».

Этнография накапливала сведения о народах в течение многих веков. Как особая самостоятельная научная дисциплина, с ее характерным историзмом, она сформировалась к середине XIX в. и к настоящему времени располагает огромным информационным материалом о народах мира. Достаточно напомнить о 17-томной серии этнографических очерков «Народы мира», не имеющей аналогов в мировой науке, но опирающейся на добротные традиции отечественной этнографии. Из коллективных изданий и популярных серий дореволюционного периода, можно отметить, в частности, «Народы земли», т. 1-4, 1903-1911, «Народы России» (1905); «Великая Россия» (1912) и, наконец, много-томное издание, рассчитанное на подготовленного читателя «Россия», увидевшее свет под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского. Сегодня общественность ждет выхода в свет 30-ти томной серии «Народы и культуры России», первый том которой, в виде фолианта, посвященного русскому народу, только что опубликован.

Словом, деинфантилизация бывших советских граждан и непрекращающаяся мобилизация этничности расширяют границы предметной области этнологии, побуждают ее двигаться наперегонки со временем.

Опубликовано в: Этнографическое обозрение, 1998. № 3. С. 129-147.

КАК ДВА КРЫЛА В ПОЛЁТЕ

(от редакции)

Ведя перестройку общества, глубокие революционные преобразования, нам предстоит в полной мере раскрыть гуманистическую природу социализма, раскрепостить созидательный потенциал всех народов СССР. Достижение этой цели в государстве, объединяющим граждан более ста национальностей, требует реализации комплекса намеченных партией мер: радикальной экономической реформы, перестройки политической системы, углубления демократии, борьбы с бюрократизмом, расширения гласности, утверждения самоуправления. В этом же ряду, как свидетельствуют резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции, материалы июльского Пленума ЦК партии, - совершенствование межнациональных отношений во имя последовательного увеличения вклада наций, народностей и национальных групп в ускорение социально-экономического развития страны. Отсюда требование пристально взглянуть на состояние языкового общения между ними. Сегодня на эту тему высказывает своё мнение учёный.

Процессы развития и взаимодействия языков далеко не одинаковы в различных союзных и автономных республиках. Но есть общие закономерности, которые позволяют не только определить единые подходы к их изучению, но и более дифференцировано воздействовать на национально-языковые процессы. Тесные межнациональные связи народов нашей страны привели к тому, что множество людей в той или иной степени владеют двумя языками. Можно выделить, во-первых, национально-русское двуязычие, при котором знание языка своей национальности у значительной части нерусского населения сочетается со знанием русского языка. Во-вторых, развивается русско-национальное двуязычие, то есть

знание русскими людьми языков коренных национальностей тех или иных республик. И, наконец, можно указать на примеры многоязычия, когда человек наряду с родным и русским владеет языками других народов СССР.

Надо признать, темпы развития этих процессов далеко не одинаковы. К примеру, доля нерусского населения, свободно владеющего русским языком, возросла в 70-е годы с половины до двух третей. За этот же период, по данным переписи, доля двуязычных среди русского населения в союзных республиках (кроме РСФСР) выросла с 15 до 18%. Однако итоги специальных исследований показывают, что достигнутые масштабы русско-национального двуязычия несколько шире. При

общем приросте русского населения в СССР за период 1970-1979 гг. на 6.5% численность русских, свободно владеющих каким-либо другим языком народов СССР, возросла на 24, а по союзным республикам (без РСФСР) – соответственно на 12 и 33%. Если знание второго языка расширялось быстрее темпов естественного прироста – значит, была в нём нужда.

Анализируя факторы и тенденции развития двуязычия, особенно национально-русского, многие специалисты ограничивались комментариями достижений. В застойный годы было не принято освещать негативные стороны национально-языковых явлений, назревшие проблемы и противоречия. Правда, отдельные исследовательские проекты и программы были ориентированы на изучение реальных тенденций. Если по итогам этих исследований выходило, например, что две трети нерусского населения страны владели русским языком, то было совершенно очевидно, что остальная треть не владела им или владела очень слабо. Если в таблицах этносоциологических трудов приводились многочисленные данные о том, что, например, от 80 до 90% городской или сельской части населения положительно относились к национально-смешанным трудовым коллективам, к инонациональному руководителю или соседу, национально-смешанным бракам и т.д., то нетрудно было сообразить, что остальная часть занимала в этих вопросах отрицательную или по крайней мере прохладную позицию. Десятки и сотни подобных таблиц опубликованы в открытой печати, но тысячи остались в архивах.

На рубеже 70-80-х годов соотношение общественных функций языков народов СССР во многих важных сферах складывалось не на научной основе, а стихийно. В ряде союзных республик проводилась политика замалчивания языковых и культурных потребностей тех групп населения, которые не относятся к коренной национальности.

Распространение русского языка среди коренных национальностей союзных республик шло крайне неравномерно. Это, а также узкая прослойка двуязычия среди русских, нелёгкий путь к трёх- или четырёхязычию для некото-

рых из национальных групп, конечно, затрудняли межнациональные контакты. Попытки же решать эти проблемы без учёта реальных потребностей приводили к бесплодным дискуссиям о соотношении языков в различных сферах общественной жизни – в системе среднего и высшего образования, работе средств массовой коммуникации, книгоиздательской практике, переводческой деятельности. Между тем обществоведы неоднократно высказывали озабоченность, что расширяющаяся подготовка кадров на национальных языках ограничивает возможности республик в обмене производственным и социальным опытом. В условиях НТР специалисты, получившие образование на национальных языках, из-за объективной невозможности переводить всю специальную литературу нередко отставали по уровню компетентности.

Словом, вопреки зазданным выводам в стране были явные языковые барьеры, затруднявшие межнациональные контакты и сотрудничество.

Разумеется, гармония двуязычного состояния может быть достигнута лишь при том, что интересы развития культуры всех народов соблюдается в равной мере. Но когда писатели и публицисты, справедливо обеспокоенные судьбами национальных языков, стали бить в колокола, в общественном мнении возникло неправильное представление о неких силах, якобы заинтересованных в русификации, в исчезновении языков малочисленных наций и народностей, в унижении национально-го чувства и т.д. Если трезво и ответственно взглянуть на вещи, не было у нас ни злостных ассимиляторов, ни космополитов-провокаторов, ни насилия над национальными интересами и потребностями. Но было равнодушие, было безответственное отношение со стороны некоторых центральных и, как ни странно, республиканских органов, в непосредственной зоне действия которых находились задачи языковой политики.

Не всегда можно выявить конкретных виновников, но нетрудно указать некоторые из ведомств, которые вольно или невольно причастны к перекосам. Достаточно сравнить, к примеру, изданные в типографиях учебники на молдавском языке и наспех сшитые из

унылой бумаги ротапринтные издания учебников гагаузского языка и литературы, а ведь те и другие в равной степени предназначены детям, открывающим первые страницы культуры своего народа! Так безразличие создаёт почву для социального неравенства и может рано или поздно дать горькие плоды. А виноваты в этом конкретном случае молдавское издательство «Лумина» и Министерство просвещения Молдавской ССР, под грифом которого увидели свет в 1986 г. названные издания. Тем не менее валить всё на бюрократов из министерств и ведомств, как делают сейчас отдельные представители национальной творческой интеллигенции, было бы неверно. В не меньшей, если не в большей степени в сложившемся перекосе повинна сама интеллигенция, по крайней мере та её часть, от которой зависело и зависит воспитание здорового национального самосознания народа.

Признавая на словах практическую необходимость, объективность и неизбежность двуязычия в государстве с многонациональным составом населения, некоторые специалисты ищут аргументы для дискредитации этого явления, пугают читателей якобы грозящими из-за него неисчислимыми бедами.

К сожалению, подобную позицию занимают и некоторые республиканские периодические издания, которые охотно предоставляют страницы критикам двуязычия и отказывают тем, кто придерживается иной точки зрения.

По инерции вместе с двуязычием его критики порой подвергают сомнению интернационализм и сам факт уникального содружества более чем ста наций, народностей и национальных групп нашей страны.

В попытке обосновать негативное отношение к национально-русскому двуязычию они доказывают, что чем скромнее его масштабы, тем лучше для национальной культуры, и наоборот – чем лучше местные жители владеют инонациональным (в том числе русским) языком, тем больший урон наносится процветанию национальной культуры. При этом внушается мысль, будто нерусскому населению страны русский язык так же трудно учить, «как любой другой иностранный».

Не назвав ни одного конкретного факта, не сославшись ни на один сколько-нибудь пред-

ставительный эксперимент, ни чужой, ни собственный, авторы подобных публикаций договариваются даже до того, будто «двуязычие дошкольников может быть одной из причин появления у них заикания». Вопреки практике живой жизни, реальным процессам распространения русского языка среди многих миллионов лиц нерусской национальности отрицается давно уже начавшийся процесс превращения русского языка в язык межнационального общения. Чего в большей степени пытаются добиться такими «выводами»? Усилить любовь к своему языку или только отбить охоту и стремление к русскому?

Между тем, как подчёркивают отечественные и зарубежные исследователи, двуязычный ребёнок оказывается более подготовленным, чем одноязычный, обладает преимуществом в решении задач, требующих навыков абстрактного мышления. Именно двуязычные дети проявляют большую гибкость в познавательных операциях. Более того, неоднократно отмечалось и позитивное влияние второго языка на овладение первым, родным языком. Конечно, нет нужды эти выводы абсолютизировать, но и не учитывать их тоже нельзя. Учёные, исследовавшие взаимосвязь двуязычия и эмоционального состояния личности, пришли к выводу о том, что если и происходит разрегулировка эмоционального состояния, то не на основе знания второго языка, а, напротив, на основе его незнания и таких факторов, как внутренне противоречивые социально-экономические условия, обучение в школах со слабым методическим и материальным оснащением, у преподавателей относительно низкой квалификации и т.д. И, наоборот, движение вверх по социальной лестнице сопровождалось у высококвалифицированных представителей коренных национальностей ряда республик повышением интереса к языку своей национальности, возрождением прогрессивных традиционных обрядов. Другими словами, национально-русское двуязычие вело не к ослаблению, а к усилению самобытных основ национальной культуры.

Перестройка двуязычия не может и не должна означать ни переход на новое, ни возвращение на прежнее одноязычие. Речь идёт о создании сбалансированных основ гармо-

ничного развития каждого из языков.

В конституциях трёх союзных республик – Азербайджанской, Грузинской и Армянской – государственными объявлены языки коренной национальности. Если нация имеет свою государственность, то она вправе на конституционном уровне, законодательно осуществлять заботу о всмерном развитии национального языка как своей неотъемлемой социально-культурной ценности.

Эту непреложную истину долгое время старательно замалчивали наши теоретики и практики.

Но если провозглашение того или иного языка государственным языком не связано с элементами его принудительного внедрения и не означает искусственного создания приоритетов одному языку за счёт ущемления интересов других, в этом ничего плохого нет. Более того, это может стать показателем зрелости социалистического правового государства.

Однако ни статус такого языка, ни конкретные сферы его употребления не определены у нас с достаточной чёткостью, что может служить источником возникновения противоречий в межнациональных отношениях.

Понимая это, в Азербайджане, Грузии, Армении попытались избежать подводных камней, гарантировать в одной и той же конституционной статье и осуществление заботы о развитии национального языка, и свободы в употреблении языков всех других проживающих в республике национальностей. Но и это не сняло противоречий. Если нация, имеющая союзную республику, объявляет свой язык государственным, то есть делает его официальным языком управления, это влечёт за собой обязательное его использование в государственном аппарате (например, в делопроизводстве). А как тогда быть остальным народам СССР, имеющим иные формы национально-государственного устройства или вовсе не имеющим таковых? По всему видно, назрело обсуждение и решение этих вопросов.

Отсутствие в отдельных звеньях государственного аппарата научно взвешенного правового регулирования использования языков, стихийное решение в каждой республике со-

отношение языка коренной национальности, русского и других в зависимости от субъективных факторов, в том числе от взглядов отдельных работников государственного управления и общественных организаций, может вести к дестабилизации обмена информацией и даже к ущемлению языковых и национальных прав граждан. Нужны такие юридические, идеологические, политические гарантии, которые предохраняли бы от бесконтрольного администрирования в области национально-языковых процессов, обеспечивали бы их свободное развитие в соответствии с естественными потребностями народов.

В условиях каждой республики соотношение между различными языками может быть своё. Задача состоит в том, чтобы нормативные акты не допускали никаких привилегий одним и никаких ограничений другим языкам. Возможно, например, конституционное закрепление во всех национально-государственных образованиях одновременно двух государственных языков: языка коренной национальности и русского – как языка межнационального общения. Можно при этом терминологически «развести» эти языки, определив один из них как республиканско-государственный, другой – общегосударственный, или проще: республиканский и общесоюзный, национальный и межнациональный и т.д. Дело не в термине, а в сути. Гармоничному развитию языков на естественной для многонационального государства двуединой основе должно способствовать всестороннее удовлетворение естественной потребности каждого народа как в национальном, так и в инонациональном языке.

Задачи нормализации, гуманизации языковых аспектов современных национальных процессов, оптимизации двуязычия в СССР требуют восстановления подлинно ленинских принципов национально-языковой политики на основе глубокого демократизма, широкого интернационализма и высокого гуманизма. Для этого необходимо разработать и принять комплексную систему мер. Сегодня нежелательны ситуации, когда среднее, а порой даже и высшее образование отдельной части русского населения сочетается с незнанием или плохим знанием русского языка. Нужны

также условия, чтобы и русское население союзных республик имело больше шансов улучшать своё знание языков коренных национальностей.

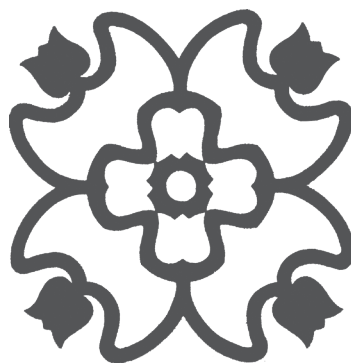
Естественное развитие национально-русского и всех остальных типов двуязычия будет достигнуто только при полной свободе выбора языка обучения. К началу XXI столетия, как утверждают исследователи многих стран, каждый второй живущий на земле человек будет двуязычным. Если так случится, можно быть уверенным, что борьба за языковое

и национальное равноправие, активная деятельность по сохранению и развитию языка своей национальности, бережное отношение к национальному и культурному наследию, возрастающее и возвышающее чувство гордости за свою национальность примут осознанный, более широкий и целенаправленный характер. И если смотреть реалистически на этноязыковые процессы в мире, в том числе и в Советском Союзе, надо укреплять, а не ослаблять двуединую основу языковой жизни советских народов.

Опубликовано в: Правда, 25 августа 1988 г.

Перепечатана в республиканских газетах союзных республик бывшего СССР, а также в книгах:

- 1) Перестройка и межнациональные отношения, Минск, 1989
- 2) СССР – наш общий дом, М., 1989

ПРЕДМЕТ И ПЕРСПЕКТИВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Диалог государства с народами

Пришедшая к власти (в 1998 г.- ред.) команда младореформаторов продолжила беспрецедентную по мощи кампанию по развенчанию исторически сложившихся российских ценностей, в том числе традиций национальной консолидации народов и их межнациональной солидарности и интеграции. И хотя ссылка на авторитет, согласно элементарным законам логики, не есть доказательство, тем не менее в качестве решающего аргумента для противников идеи Ассамблеи народов России является опыт Запада, и прежде всего опыт по построению гражданского общества, согласно которому «Национальность является личным делом каждого гражданина, и финансирование из общегосударственного бюджета национальных организаций не практикуется».

Идеологической основой национальной политики советского периода был, как известно, принцип интернационализма при умеренном манифестировании уважительного отношения к этно-культурному развитию народов. Целью либеральной идеологии, осуществляемой младореформаторами через полностью контролируемые ими СМИ, стало, во-первых,

демонстрация максимально индифферентного, переходящего в пренебрежение, отношения к этническому фактору и национальным традициям и, во-вторых, подмена культурно-нравственных ценностей путём массивного вытеснения в пропагандистской деятельности этнических традиций, исторических достижений и национальных героев массовой попкультурой, порноиндустрией, развенчанием ценностей традиционной культуры России и её народов.

В рамках этой парадигмы, ведущей на деле не столько к заимствованию передовых западных технологий, и в чём-то полезной западной рациональности, сколько к накоплению огромного заряда апатии и девиантного поведения, у сторонников западничества ... лозунг «Пусть расцветают все цветы» не находит сочувствия, а вызывает скорее отторжение.

Использование этнического фактора в качестве служанки политических амбиций и интересов привносит новые угрозы массового протеста. Опыт Чечни, Северной Осетии в России, Приднестровья в Молдавии, абхазов в Грузии – в этом отношении чрезвычайно поучителен. Подобным примерам не счесть

числа и далеко за пределами России: Квебек, Каталония, Уэльс, Фламандия, Шри-Ланка и т.д. и т.п.

Придя к власти весной 1998 г., команда младореформаторов немедленно переименовала Министерство по делам национальностей и федеративным отношениям в малопонятное по смыслу и маловразумительное по своим функциям Министерство региональной и национальной политики...

Статус этнического фактора резко снизился не в связи с тем, что в России забуксовали реформы и что младореформаторы полностью переключили своё «управляющее» внимание на вывод России из финансового и экономического кризиса, а по причине того, что в пылу неумеренного реформаторства и неуверенного модернизаторства этническому фактору не нашлось достойного места. Запальчивое реформаторство взяло верх, а государственное чутьё, т.е. стратегическое понимание нужд государства и его населения, подвело безопытных управленцев, взявшихся за руль, не накатав нужного количества часов учебной езды по ухабистым дорогам российского политического пространства. Главная ошибка младореформаторов свелась к тому, что они проигнорировали или же не сумели понять того, что в своём рвении сделать всё, как на Западе, они посягнули на основной закон существования политического социума, основанный на праве каждой культуры на самобытность и уникальность.

В стратегическом плане, конечно, можно согласиться с тем, что «время уничтожает различие культур, народов» и человечество идёт к единой модели общественного устройства. Но, во-первых, пока ещё никто не определил суть и содержание этой модели, во-вторых, адепты демократизации и построения гражданского общества по западному, чаще всего американскому образцу, забывают, что выход из тоталитаризма и первые шаги к демократизации произошли благодаря непредсказуемому альянсу тех, кто назвал (или переименовал себя) демократами, и тех, кто выбился в верхние структуры государственного управления на белом коне мобилизованной и мобилизуемой этничности.

Таким образом, форсировано и бесцеремонно выдавливая этнический фактор из системы государственного управления, российские младореформаторы совершали двойное предательство: против самих народов России, которые отнюдь не намерены по американской модели оказаться в плавильном котле, и против этнических лидеров, с непосредственной помощью которых младореформаторы оказались в той самой лодке, из которой вытесняли своих бывших союзников, а затем оказались сами вытесненными.

Национальное кредо младореформаторов

Судя по нескольким интервью, данным бывшим министром по национальной проблематике (1998 г. – ред.) в команде младореформаторов, он намеревался прежде всего вести дело к тому, чтобы статус областей приравнять к статусу республик и таким способом одновременно решать две стратегические задачи: строевскую – по «прекращению этнизации российской государственности» и собственную – по переходу от решения национальных к решению этнополитических проблем российских провинций с помощью новой налоговой политики, регулирования дотационных средств регионов, оптимизации межбюджетных отношений между Центром и регионами.

Можно предположить, что, начатая в первой половине 1998 г. стратегия выдавливания этнического фактора из государственных структур, корреспондирует с позицией тех радикально-либерально настроенных прозападных реформаторов, которые ради насаждаемой сверху модернизации и вестернизации готовы пожертвовать не только электоральными ориентациями граждан, но и этнокультурными традициями народов. Последние скорее всего воспринимаются сторонниками немедленной вестернизации как ненужная помеха на пути полного уподобления народов «варварской» России блистательному «цивилизованному Западу».

Вместо естественного развития народов и столь же естественного построения полиэтничного дома с единством в многообразии предлагается правовое согражданство, выво-

дящее за скобки государственного внимания этнический фактор.

Однако похоже, что при этом в очередной раз забывается предупреждение, высказанное более двух веков тому назад автором «Очерка истории гражданского общества» (1767 г.) шотландским философом А.Фергюсоном о невозможности перенесения культурного опыта одной цивилизации на неподготовленное поле другой цивилизации.

Кому, как не самим народам России, решать дилемму, что для них важнее: взять ли на вооружение идею прогресса, означающую уподобление Западу по нехитрой логике «догоняющей экономической стратегии», или двигаться своим оригинальным путём, опираясь на миротворческие корни соборной культуры общежития и собственного цивилизационного поля. Ключевым вопросом в этой стратегии является поиск баланса между двумя типами этнокультурного развития, примордиального, опирающегося на свою собственную логику и цивилизационные корни, или конструктивистского, вытекающего из логики внешнего толчка и внешнего воздействия на этнический фактор и его развитие.

Озабоченное финансовым кризисом государство, в лице его «омоложенного правительства», снимало с себя целенаправленную заботу о населяющих страну народах. Более важным для него представлялось жёстко собирать налоги, «наука делить» ... ресурсы, собственность, финансы, в основу которой может быть положен «подушевой принцип». Соответственно задача Министерства по региональной и национальной политике сводилась не к обеспечению прав и благоприятных условий этнокультурного и этноязыкового развития народов, а к определению бюджетных потребностей регионов и в разработке рекомендаций для Министерства финансов.

Приоритеты региональному фактору в ущерб национальному были не случайны. Нефть, газ, лес и алмазы комфортнее добывать в беспризорных регионах, чем у тех или иных конкретных народов, являющихся подлинными хозяевами земли, на которой живут. Интересы народов, не имеющих юридически закреплённых прав на землю своего обитания и её недра, в расчёт не принимаются. Этни-

ческий фактор не доставляет денег в казну, а лишь усиливает головную боль и отвлекает от борьбы с налогоплательщиками.

Вызовы исторической России

Крутая волна ... наступления высшего государственного чиновничества на этнический фактор была вызвана ухудшением финансового и социально-экономического положения в стране, импотентностью властных структур, лихорадочно ищущих поддержку не у своих народов, а на Западе, в Международных валютных фондах. Общий кризис, в том числе в сфере национальной политики, усугубляется отсутствием навыков самоорганизации у населения, ослаблением накала национальных движений. Пик напряжения этнической мобилизации совпал с развалом Советского Союза и пошёл на убыль после расстрела Белого Дома в октябре 1993 года.

Падающее напряжение этнической мобилизации снова, в который раз, ввело многих политиков в искушение одним махом, с помощью пресловутой шоковой терапии, т.е. «региональной политики», окончательно решить «национальный вопрос». Сказывается и то обстоятельство, что новая бюрократия, вкусившая плоды приватизации, т.е. обмена, а точнее соединения власти и собственности, отнюдь не заинтересована делиться этой властью и тем более нажитой собственностью с народами России.

В самом деле для установления доверительного и продуктивного диалога между государством и его народами надо, чтобы представители самих народов принимали посильное консультативно-конструктивное участие в формировании стратегии развития и соответствующей этой стратегии национальной политики. Особое значение в этом диалоге имеют совместные разработки таких программ национально-культурного развития, которые предусматривали бы укрепление межнационального согласия и сотрудничества, согласование экономических, политических, исторических интересов, сочетание коллективных и частных форм землевладения и землепользования с учётом исторически на-

работанных форм традиционного хозяйствования.

Не менее важны, конечно, и задачи дипломатического, консультативного и пропагандистского свойства, в том числе по осуществлению миротворческой миссии, направленной на предупреждение и преодоление межэтнических конфликтов, на поддержание контактов с соотечественниками ближнего зарубежья, осуществление культурно-просветительской деятельности по распространению позитивной информации об увлекательной истории и своеобразной культуре соседних народов, по рассмотрению запросов, жалоб и предложений из регионов или от имени народов, по проведению гуманитарных акций в районах бедствий или межнациональных конфликтов, по воспитанию уважения и достойного отношения к этнической и гражданской идентичности каждого человека и своеобразной культуре каждого народа.

Одной из ... задач, которую можно решать только в форме доверительного и компетентного диалога между государством и народами, является достижение внутренней устойчивой, внешней стабильности, а также правового и твёрдого порядка, без которых никакая демократия и реформы не могут быть установлены и реализованы. В свою очередь без подлинной демократии становится проблематичным воспроизводство этническими общностями своей внутренней стабильности, устойчивости и самобытности.

Надо ли уподобляться США?

Переход от национальной политики к региональной вполне корреспондирует с идеологическими установками молодых реформаторов. Для многих из них от Гайдара до Немцова обезэтниченные «общечеловеческие ценности» и космополитический гедонизм являются более привлекательными категориями (ценностями), чем национальные особенности и этнически окрашенный аскетизм. Потребительская идеология западного индивидуализма не сочетается с той частью этнического аскетизма, которая коренится в подавлении эгоистических потребностей индивида ради достижения общеэтнических це-

лей. Иными словами, часть личных интересов в этнических предпочтениях и идентификациях приносится в жертву групповых. Именно с этим не согласны адепты идеологии, ведущей Россию уподоблению США, а народы политической страны – в унифицированных сограждан. Стратегия «Плавильного котла», от которого отказались сами американцы, нашим младореформаторам представляется идеальной моделью решения национальных вопросов. Нет народов – нет вопросов. Кажется, вождь народов придерживался такого же мнения.

Попытки уподобления России США, приведение к общему демократическому знаменателю можно было бы понять, если бы эти две страны не имели принципиальное отличие в своей истории и в истории формирования своего населения. США изначально складывались из свободных переселенцев, которые, как перекасти-поле, гонимые голодом или в поисках наживы, стекались на северо-американский континент со всех уголков остального мира. Каждый переселенец с оружием в руках отстаивал свою свободу и независимость, не размышляя о своём народе, оставленном по ту сторону Великого или Атлантического океана.

Для освоения новых земель, в том числе за счёт физического истребления их исконных обитателей, культурно-языковые различия имели второстепенное значение, не влияющее ни на выбор среды обитания, ни на лояльное отношение к иноэтническому опыту и к историко-религиозным предрасположениям.

Совсем иным путём шла Россия. Она формировалась из народов, испокон веков населяющих «свою» территорию. Историческая задача демократии в США состояла в защите прав индивида так, чтобы смелые люди не поубивали друг друга. Историческая миссия России, как показывает её многовековой опыт, свелась к защите вступивших под её крышу народов. Следовательно, одного этого факта вполне достаточно для того, чтобы закономерной показалась постановка вопроса о защите прав народов России. С правовой точки зрения этот вопрос далеко не простой, как может показаться с первого взгляда.

Фундаментальная трудность заключается в создании такого правового поля, в котором конституирование отдельной этнической общности (народа) в качестве субъекта права имело бы приемлемый характер для всего населения и всех народов, независимо от численности каждого и от отличительных признаков.

Права человека и права народов

Ахиллесовой пятой построения российского федерализма с учётом исторического опыта России и этнического фактора, и особенно создания правовой основы легитимных отношений между государством и населяющими его народами, является оптимальное соотношение прав человека и прав народов, взаимно дополняющих симбиоз индивидуальных и групповых прав. Судя по имеющейся литературе, как российской, так и мировой, эта проблема остаётся одной из самых трудных для разрешения.

В Конституции РФ 1993 г. относительно полно и всесторонне, в 48 статьях главы II, представлены нормы о правах человека. В статье 103 предусмотрена должность Уполномоченного по правам человека. Назначение на эту должность и освобождение от неё отнесено к введению нижней палаты высшего законодательного органа страны.

Однако, Конституция, хотя и упоминает в ряде статей о групповых правах, особенно там, где речь идёт о малочисленных народах и национальных меньшинствах, не предусматривает должность Уполномоченного по правам народов. Безоговорочно отдавая приоритет правам человека перед правами народов, Конституция 1993 г. тем самым порождает между ними если не конкурентную ситуацию, то, по крайней мере, труднопреодолимое противоречие.

Отсутствие собственного правового поля побуждает аналитиков и политиков России обращаться к зарубежному опыту и к содержанию международных документов. Однако понятийно-терминологические и концептуальные трудности, возникающие при переводе на русский язык иноязычных документов и при освоении зарубежного опыта, влекут за собой немало недоразумений и трудностей. В

острополемический дискурс, как правило, вовлечены несколько наиболее популярных документов, в контексте которых, как это видится заинтересованным лицам, содержатся нормы, позволяющие думать о правах народов. Наряду с уже ставшими хрестоматийными пактами 1966 г. («Международный пакт о гражданских и политических правах»), провозглашающими право народов на самоопределение, Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 1969, 1975 и 1986 гг. («Декларация социального прогресса и развития», «Ликвидация всех форм новой эксплуатации», «Декларация о праве на развитие»), закрепляющими взаимосвязь прав человека и прав народов, Декларациями 1960, 1988 гг. («Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам», «Азиатско-тихоокеанская декларация о правах человека и правах народов»), признающими право народов на свободу, суверенитет и национальную территорию, появляются новые документы, формулирующие самостоятельную отрасль – право народов.

После окончания холодной войны на Западе, как это ни парадоксально, набирает силу новая волна политико-правового интереса к правам народов. Так, например, 23 января 1996 г. Германия, Люксембург и Швейцария подписали в Карлсруэ международный договор – «Декларацию о хартии народов и регионов». Этот документ по замыслу его создателей, должен стать первым шагом Европы на пути решения внутри- и межгосударственных конфликтов, возникающих в связи с нарушением прав народов, а также примером для всего мира в деле обеспечения гарантии этническим группам прав и свобод, автономии и права на самоопределение.

Два аспекта указанного документа – концептуальный и ситуационный – прокладывающего путь к правовому полю национальной политики, межнациональных и межгосударственных отношений в европейских странах, представляют особый интерес с точки зрения анализа идеологии и технологии деятельности Ассамблеи народов России.

Необходимость группового права, или хотя бы «минимум прав этнических групп», вытекает из того элементарного обстоятельства, что в противном случае равные права индиви-

дуумов, относящих себя к указанным группам, остаются чисто формальными. Иными словами, краеугольным камнем концепции «Европейской Хартии народов и регионов» является понимание того факта, что «для реализации подлинного равноправия индивидуумов необходима защита национальной идентичности целой группы». В самом деле, если нет в наличии группы, т.е. этнической общности, то индивиду не с кем себя отождествлять. Именно эта мысль стала отправной точкой для того, чтобы инициаторы «Парижской Хартии всей Европы» от 21 ноября 1990 г. обратились к правительствам и парламентам европейских государств с призывом содействовать расширению рамок прав человека как индивидуума за счёт включения в них дополнительно права этнических групп и меньшинств с целью достижения «эры демократии, мира и единства».

Согласно букве и духу этого документа, стабильный мир и демократия, как прочный фундамент для объединения Европы, возможны в том случае, если вслед за гарантией группам минимума прав и свобод будут созданы условия для того, чтобы этнические большинства и меньшинства могла взаимодействовать друг с другом через механизмы культурной автономии и структуры самоопределения. Именно для этого за этническими группами должны быть признаны и закреплены права, защищающие «их равенство и национальное своеобразие».

Что касается этнической стороны дела в Европе, ставшей реальной основой для идеи международного договора, то она состояла в том, что Европа стоит наряду с крупными национальными государствами из примерно 100 миллионов человек (около одной восьмой всех европейцев), которые принадлежат к 200 этническим группам и меньшинствам. Лишь в немногих европейских государствах гарантированы равные права этим группам. Большинство же из указанных 100 миллионов европейцев сопротивляются различным видам имплицитной или эксплицитной дискриминации, имущественным или эксплуатационным стратегиям, направленным на их этническую и

языковую ассимиляцию. Именно из этой угрожающей миру, порядку и стабильности ситуации исходили инициаторы создания проекта «Хартии народов и регионов».

В нынешней конфронтации западничества и славянофильства, имеющей глубокие корни в истории России, по одну сторону баррикады оказалась новоиспечённая компрадорская буржуазия, сумевшая соединить власть и собственность, но абсолютно безразличная к этническому фактору, а по другую – широкие народные массы, представленные в России более чем ста пятьюдесятью национальностями. Для сохранения накопленного богатства «новым русским», являющимся олицетворением пост-тоталитарного западного прогрессизма, нужна сильная неограниченная власть. Отсюда осознание ими необходимости закручивания гаек бюджетного и прочего федерализма и ностальгическая тоска по авторитаризму.

Здесь же корни вскипающего желания минимизировать влияние самих народов с помощью этнического представительства в высших законодательных и исполнительных органах власти.

В этих условиях этничность, своими корнями и духом связана скорее с отечественным почвенничеством, нежели с западным прогрессизмом, становится костью в горле. И по мере того, как подгоняемые алчным гедонизмом радикал-западники растаскивают испечённый всеми народами советский пирог собственности, среди них нарастают тревога и раздражение против своих же консервативных с их точки зрения этнических образований, не желающих, чтобы их загоняли в рыночно-демократический рай дубиной. Тем более, что обещанный рыночно-демократический рай оказался такой же несбыточной мечтой, как и обещанное Н.С.Хрущёвым построение коммунизма через 20 лет. Но даже если на минуту допустить, что такой рай мог бы состояться, вряд ли следует забывать впечатляющие уроки истории великих империй, канувших в бездну под тяжестью восторжествовавшего накануне их заката гедонизма.

Впервые опубликовано в газета «Марий Эл». 2001, 3 марта

ЯЗЫК – ДУША И ГОРДОСТЬ НАЦИИ¹

О чём говорят материалы переписи 1989 года

По страницам газет и журналов до сих пор гремят раскаты первоперестроечного грома, вызванные накопившимися проблемами в языковой жизни народов нашей страны, в том числе связанных и с двуязычием. Вместе с тем становится очевидным, что обрушившаяся на двуязычие критика на самом деле была направлена не столько против собственного знания двух языков, сколько против насильственных методов насаждения второго языка, особенно, когда речь шла об активной «помощи» Центра в распространении русского языка среди нерусских народов страны.

Законы о языке, принятые в 1989 году и провозгласившие языки корённого населения союзных республик государственными, создали конституционную основу для развития родных языков этих народов.

Благодаря развернутым правительственным программам, последовавшим вслед за законами об огосударствлении языков, акцент постепенно стал смещаться со второго языка на первый, коренной. В 1990 году обнаружались признаки новой тенденции. Суть ее состоит в том, что в тексты Декларации о

суверенитете ряда автономных республик, особенно из числа тех, которые летом и осенью 1990 г. «повысили» свой статус, утвердив свое желание стать субъектами федерации, были включены пункты о признании государственными одновременно двух языков: и языка национальности, давшей наименование республике, и русского языка (см. Декларации о суверенитете Северо-Осетинской республики от 20.07.90 г., Татарской от 30.07.90 г., Коми от 5.09.90 г., Удмуртской от 20.09.90 г., Якутской – Саха от 27.09.90 г.). Есть основания полагать, что мотивы, с которыми связано законодательное конституирование двуязычия (на основе двух государственных языков), вполне обоснованы, так как исходят из реальной, уже сложившейся в республике этноязыковой ситуации.

Вопрос состоит лишь в том, чтобы на место существовавшему так долго приоритету языка межнационального общения, пришло бы сбалансированное понимание забот и проблем развития каждого из сцепленных в двуязычии языков.

В развитии и распространении двуязычия, как показывает история, были сильные перепады. Во второй половине 20-х годов — начале 30-х в ходе национально-государственного строительства приоритет, безусловно, отдавался созданию условий для развития национальных языков. Но позже произошло резкое изменение курса, и первостепенное внимание стало уделяться интересам русского языка, как единого языка межнационального общения. В наши дни вновь изменился курс и снова в республиках на переднем плане — интересы первого языка.

А двуязычие между тем вопреки крутым поворотам языковой политики последовательно расширяется. Так, например, за два десятилетия, в 70-80-е годы, численность нерусского населения, свободно владеющего русским языком (в качестве второго языка), возросла со 113 до 141 млн. человек (на 164,5%), а общая численность двуязычных русских за этот же период увеличилась с 3,9 млн. до 5,7 млн. человек (на 148,0%). В результате удельный вес двуязычного населения среди нерусских народов в целом возрос с 37,1% в 1970 г. до 48,9% в 1989 г., а доля двуязычных русских соответственно с 3,0% до 4,0%, в том числе в 14 союзных республиках (кроме РСФСР) с 15,4% в 1970 г. до 18,0% в 1989 г.

Распространение двуязычия в целом не расшатывало национальное самосознание и языковые ориентации населения страны. Об этом свидетельствует тот факт, что доля лиц, считающих родным язык своей национальности, оставалась в течение трех десятилетий приблизительно на одном и том же уровне: 94,3% — в 1959 г., 93,9% — в 1970 г., 93,1% — в 1979 г. и, наконец, 92,7% — в 1989 г. Одновременно вместе с распространением русского языка в качестве составной части процессов национально - русско-двуязычия несколько возрастала доля лиц нерусской национальности с родным русским языком: 4,9% — в 1959 г., 5,5 % — в 1970 г., 6,2% — в 1979 г., 6,6% — в 1989 г.

Согласованные данные четырех последовательно проведенных переписей населения говорят сами за себя. Мы имеем дело с такой устойчивой картиной в психологии языковой жизни народов, с такими взвешенными тен-

денциями, которым вполне можно доверять. Тем более необходимым представляется скорейшее знакомство читателя с конкретными данными последней переписи населения о языковой жизни народов в различных республиках, областях и районах, в городах и селах, среди лиц различного пола, возраста, уровня образования и занятости в тех или иных сферах народного хозяйства. Ждать эти данные еще 2-3 года — значит упустить время в анализе и в понимании нынешней этноязыковой ситуации и современных этноязыковых процессов. Даже если в эти данные будут внесены некоторые компьютерные поправки, это не повлияет на осмысление основных этнодемографических и этноязыковых тенденций.

Сегодня ни для кого не секрет, что многие законы о государственных языках в союзных республиках были приняты «с ходу», без какого-либо серьезного взгляда на реальную языковую ситуацию, без знания и без понимания социолингвистических тенденций, без учета того самого двуязычия, которое рождалось не только из-под палки министерских директив, но и естественным путем, по доброй воле совместно, под одной крышей проживающих людей.

Как часто в нашей истории бываю, что благие устремления иных политических лидеров, рожденные без учета реальной ситуации, приводили к непредсказуемым результатам. Вот и теперь, в переходную эпоху, стоит ли удивляться тому, что в союзных республиках возросли опасения граждан некоренных национальностей в связи с тем, что ускоренное претворение в жизнь скороспелых законов об одном государственном языке приведет к ущемлению политических и гражданских прав - носителей «безстатусных» языков. Так оно и случилось. На состоявшейся, к примеру, 2 сентября 1990 г. в Тирасполе сессии народных депутатов городов и районов с преимущественно немолдавским населением было принято решение об образовании независимой от Молдовы республики. Двумя неделями ранее 19 августа 1990 г. на первом съезде сельских и городских Советов Юга Молдовы была принята декларация «О свободе и независимости гагаузского народа от республики Молдова». Краеугольный камень требований

каждой из вновь образованных республик - объявить в многонациональной Молдове два государственных языка: наряду с молдавским и русский язык, ставший для многих, в том числе и для части молдаван, языком социально-профессиональной мобильности, языком культурной и политической активности.

Еще раз выражая глубокую благодарность Госкомстату СССР за предоставленные полуфабрикаты (сведений об итогах переписи населения СССР в 1989 г.) и используя возможности компьютерной техники, мы берем на себя смелость представить читателям «Союза» новую серию таблиц с данными о языковой жизни постоянного населения страны, как в статистике, так и в динамическом аспекте, думается, абсолютные и относительные показатели таблиц избавляют от необходимости подробных комментариев и вместе с тем позволяют заинтересованным читателям самостоятельно судить о важнейших гранях и закономерностях языковой жизни народов страны.

Отметим лишь, что перепись 1989 г. позволила выявить в СССР в отличие от многих многонациональных стран мира, общее устойчивое самосохранение народов и стабильное воспроизводство этничности. Однако в рамках этой общей картины немало отклонений, а порой исключений. Для уяснения картины в равной мере важны и интересны как закономерности, так и исключения из общих правил.

Неравномерные темпы прироста населения среди народов СССР, относящихся к различным языковым группам (см. «Союз» № 44), привели к заметным сдвигам как в соотношении удельных весов народов на этнической карте страны, так и в красках этноязыковой палитры. Едва ли не самым существенным при этом было сокращение (на 6,8%) доли славянского населения - с 77,1% в 1959 г. до 70,3% в 1989. году и возрастание удельного веса (на 6,2%) тюркоязычного населения: с 11,1% в 1959 г. до 17,3% в 1989 г. Понятно, что тенденции развития языковой жизни славянских и тюркских народов, составляющих суммарно около 88% всего населения страны (см. схему лингвистической принадлежности

народов СССР), представляют значительный интерес.

Так, например, у народов, относящихся к тюркской группе языков, лишь 5,9% лиц указали родным какой-либо нетюркский язык. Однако между отдельными народами в рамках этого суммарного показателя были существенные различия. Самым высоким - 97,9% - совпадение национальности и родного языка было среди многочисленных народов, имеющих свою союзную республику. У тюркоязычных народов, образующих автономные республики, этот показатель составлял 82,2%. Среди тех, кто не имел никакой автономии - 85,7 %. И хотя из этой общей тенденции «выпадает» опыт языковой жизни трех тюркоязычных народов (алтайцев, карачаевцев и хакасов), имеющих статус национально-территориального образования ниже автономной республики, можно все же сделать более общий вывод о том, что чем многочисленнее народ и чем выше статус его государственного образования, тем шире и устойчивее позиция родного языка, тем стабильнее воспроизводство этничности и сохранения в качестве родного языка своей национальности.

Внутригрупповые различия языковой жизни тюркских народов тем больше, чем ниже статус, занимаемый ими в существующей ныне иерархии национально-государственных образований. Если, скажем, между количеством туркмен, назвавших свой язык родным языком (98,5%) и казахов (97,0%) разница лишь 1,5%, то уже в следующей группе тюркских народов, имеющих автономную республику, этот же показатель составлял 26,2% между тувинцами (58,5%) и башкирами (72,3%).

И, наконец, среди тюркских народов, не имеющих никакой государственности, «разброс» в устойчивости сохранения этничности чрезвычайно велик - 74,9% - между крымскими татарами (91,9%) - и караимами (17%).

Среди городского населения всех тюркоязычных народов (за исключением каракалпаков) совпадение национальности и родного языка было несколько меньшим, чем в сельской местности. Понятно, что в городах, с их многонациональным составом чаще, чем в селах, пригодится общаться не только между

собой, но и с представителями многих других народов нетюркской национальности.

Мужская часть у большинства (среди 15 из 26) тюркоязычных народов несколько меньше, чем женская, сохранила родной язык своей национальности. Этносоциологические исследования, проведенные в 70-е годы в ряде республик, показали, что этому способствовали прежде всего такие факторы, как служба в армии, относительно более высокий социально-профессиональный статус у мужчин по сравнению с женщинами более широкое, чем среди тюркских женщин, участие в миграционных процессах.

Истоки сохранения в качестве родного языка своей национальности, или, напротив, утраты его, восходят к ежедневной речевой практике, к употреблению того или иного языка в разнообразных жизненных ситуациях. Иными словами, корни этнопсихологии языка подпитываются социолингвистической кроной его реализации в практической речевой деятельности.

Данные переписи населения 1989 г. свидетельствуют об очевидной связи между параметрами совпадения «национальности» и «родного национального языка» и рамками «одвуязычивания» того или иного народа.

Именно среди тех 6 относительно многочисленных тюркоязычных народов, которые имеют свою союзную республику, наиболее высокий процент сохранения в качестве родного языка своей национальности сочетается с относительно небольшим процентом лиц, свободно владеющих вторым языком. Так, например, национально-русским двуязычием у двух из них (узбеков и туркмен) охвачено около четверти всего населения, а у других двух народов (азербайджанцев и киргизов) двуязычие имеет место среди трети всего населения. Более высокий удельный вес казахов со свободным владением русского языка (60,4%) объясняется тем, что они в своей республике представлены в арифметическом меньшинстве. И значительная часть казахов относительно дисперсно расселена в северо-казахстанских областях, в плотном инонациональном окружении.

С «понижением» статуса и «уменьшением» численности проявляется обратно про-

порциональная зависимость. Среди 5 (балкарцы, башкиры, кумыки, татары, ногайцы) из 9 имеющих автономные республики тюркских народов удельный вес двуязычных превышает 70,0% и охватывает с незначительными отклонениями по отдельным народам почти три четверти каждого народа. Среди чувашей и якутов — около 65% двуязычных.

Нельзя оставить без внимания и тот любопытный факт, что гагаузы и крымские татары — из числа 8 тюркоязычных народов (не имеющих национально-территориального образования) весьма схожи с представителями автономий по масштабам своего национально-русского двуязычия. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что дальнейшему развитию их языковой жизни должно способствовать их обретение той или иной формы национальной государственности.

Среди других тюркских народов (алтайцы, долганы, карачаевцы, хакасы) масштабы национально-русского двуязычия в целом колеблются между вышеприведенными группами.

Читателя не должны вводить в заблуждение очень низкие показатели национально-русского двуязычия среди некоторых тюркоязычных народов, не имеющих своей национально-территориальной автономии, так как малая доля лиц, свободно владеющих вторым (русским) языком, объясняется тем, что у них повышенная доля лиц, перешедших на русский язык указавших вследствие этого его в качестве своего родного языка. Именно так, в частности, обстоит дело среди караимов, среди которых 14,4%, свободно владеют русским языком, зато 75,4% считают его своим родным языком, у крымчаков (соответственно 30,2% и 62,2%), у тофаларов (39,1% и 55,3%).

Низкий уровень национально-русского двуязычия (40,3%) в языковой жизни советских турок дополняется иными формами двуязычия: около 30% турок свободно владели и каким-либо из языков коренной национальности той союзной республики, в которой они проживали после депортации.

У 15 из 26 тюркоязычных народов в городах национально-русское двуязычие имело более широкие масштабы, чем в сельской местности, в том числе среди каракалпаков

почти в 3 раза, узбеков — в 2,9 раза, туркмен — в 2,7 раза, киргизов — в 2,4 раза, азербайджанцев — в 2,2 раза. Среди трех народов — гагаузов, ногайцев и крымских татар — доли городского и сельского двуязычного населения были приблизительно равными. Среди остальных 8 народов преобладание доли сельских двуязычных жителей над долями двуязычных горожан объяснялось разницей в темпах языковой ассимиляции. Через переходный этап национально-русского двуязычия часть городского населения из числа караимов, крымчаков, долган, шорцев, чувашей, хакасов, тофаларов и алтайцев, перешла на русское одноязычие.

У народов иранской языковой группы, среди мужской части которых распространение как национально-русского; так и всех форм двуязычия шире, чем среди женщин, в том числе среди таджиков — 35,9% и 19,2%. осетин — 70,4% и 67,5%, афганцев — 36,9% и 17,9%, белуджей — 7,2% и 1,9%, курдов — 30,8% и 26,7%, пеосов — 49,2% и 42,4%, талышей — 7,7%, и 3,5%. Характерно, что у ирано-язычной группы лишь среди горских и среднеазиатских евреев свободное владение вторым языком как русским, так и каким-нибудь другим языком народов СССР, приблизительно в равной мере встречается среди мужчин и женщин.

Для тюркоязычных народов в большей мере, чем для народов двойной языковой принадлежности, характерно преобладание национально-русского двуязычия среди мужчин по сравнению с женщинами. Среди 21 тюркского народа удельный вес мужчин, свободно владеющих русским языком, выше, чем среди женщин. Среди остальных четырёх народов (тувинцев, долган, караимов и крымчаков) эти доли почти равновелики.

Выявленные переписью населения общие закономерности развития языковой жизни тюркоязычных народов в основном «проявляются» и среди народов в рамках других языковых групп. Некоторые отклонения в ту или иную сторону не меняют главных направлений языкового развития; оно состоит в сочетании сохранения устойчивости родных языков с одновременным развитием языковых контактов, появлением и функционированием

явлений двуязычия, в том числе в массовых масштабах.

Схема лингвистической принадлежности по языковым семьям и группам

Алтайская семья

Тюркская группа – 17.3%

1. Азербайджанцы
2. Казахи
3. Киргизы
4. Туркмены
5. Узбеки
6. Балкарцы
7. Башкиры
8. Каракалпаки
9. Кумыки
10. Ногайцы
11. Татары
12. Тувинцы
13. Чувашаи
14. Якуты
15. Гагаузы

Монгольская группа – 0.2%

1. Буряты
2. Калмыки
3. Халха-монголы

Тунгусо-маньчжурская группа

1. Эвенки
2. Нанайцы
3. Негидальцы
4. Ороки
5. Орочи
6. Удэгейцы
7. Ульчи
8. Эвены

Северо-кавказская семья

Абхазо-адыгская группа – 0.2%

1. Абхазы
2. Кабардинцы
3. Адыгейцы
4. Черкесы
5. Абазины

Нахско-дагестанская группа – 1.0%

1. Аварцы

2. Агулы
3. Даргинцы
4. Ингуши
5. Лакцы
6. Лезгины
7. Рутульцы
8. Табасараны
9. Цахуры
10. Чеченцы
11. Удины

Индоевропейская семья

Славянская группа – 70.3%

1. Белорусы
2. Украинцы
3. Русские
4. Болгары
5. Поляки
6. Сербы
7. Словаки
8. Хорваты
9. Чехи

Иранская группа – 1.8%

1. Таджики
2. Осетины
3. Афганцы
4. Белуджи
5. Евреи горские
6. Евреи среднеазиатские
7. Курды
8. Персы
9. Тальши
10. Таты

Албанская группа

1. Албанцы

Армянская группа

1. Армяне

Балтийская группа – 1.6%

1. Латыши
2. Литовцы

Романская группа – 1.2%

1. Молдаване
2. Испанцы
3. Итальянцы

4. Кубинцы
5. Румыны
6. Французы

Греческая группа

1. Греки

Германская группа – 1.2%

1. Австрийцы
2. Американцы
3. Англичане
4. Голландцы
5. Евреи европейские
6. Немцы

Индоарийская группа

1. Цыгане
2. Народы Индии

Уральская семья

Финно-угорская группа – 1.6%

1. Эстонцы
2. Карелы
3. Коми
4. Марийцы
5. Мордва
6. Удмурты
7. Коми-пермяки
8. Манси
9. Ханты
10. Венгры
11. Вепсы
12. Ижорцы
13. Ливы
14. Саами
15. Финны

Самодийская группа

1. Ненцы
2. Нганасаны
3. Селькупы
4. Энцы

Чукотско-Камчатская семья

Чукотско-Камчатская группа

1. Коряки
2. Чукчи
3. Ительмены

4. Чуванцы

Китайско-Тибетская семья

1. Китайцы
2. Дунгане
3. Вьетнамцы

Семитская семья

Арабская группа

1. Арабы

Эскимосско-Алеутская семья

Эскимосско-Алеутская группа

1. Алеуты

2. Эскимосы

Картвельская семья

Грузинская группа

1. Грузины
2. Евреи грузинские

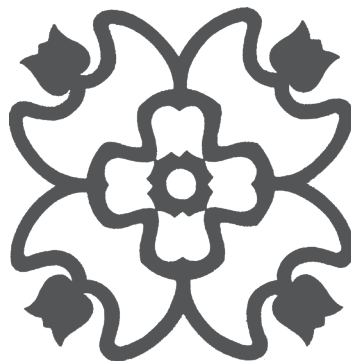
Изолированные языки

1. Ассирийцы
2. Кеты
3. Корейцы
4. Нивхи
5. Юкагиры
6. Японцы

Впервые опубликовано в Еженедельном приложении к газете «Известия» СОЮЗ, 1990, № 48, ноябрь с. 12-13

(Endnotes)

¹ ОТ РЕДАКЦИИ. предыдущие материалы и таблицы .Энциклопедии «Союза», разработанные Михаилом Губогло и безвременно ушедшим из жизни Валерием Кондратьевым, вызвали огромный читательский интерес. Сегодня мы начинаем разговор о языках. В ближайших номерах «Союза» наши читатели смогут познакомиться с таблицами, отражающими языковую жизнь страны. Компьютерная обработка данных переписи населения 1989г. подготовлена Еленой Губогло.

КОРНИ.

КТО МЫ, ОТКУДА МЫ, ЗАЧЕМ МЫ

Слово этногенез порою отпугивает своим неблагозвучием, таинственностью, хотя расшифровывается довольно просто - происхождение народа. Интерес к корням, к социально-культурным истокам - естественная для каждого человека потребность, поскольку только этот интерес, собственно, и позволяет человечеству сохранять свое многообразие, не дает застопорить развитие духовной и материальной культуры. Вспомним, какой негативный оттенок заложен в выражении «Иван, непомнящий родства», вспомним айтматовского манкурта...

К этногенезу, как к науке, тоже во все времена был повышенный интерес. Я помню лет 30 назад, когда был еще студентом кафедры этнографии МГУ тема этногенеза маячила практически на каждом семинаре, каждой лекции. Но этот интерес удовлетворялся, я бы сказал, однобоко, поскольку изучались корни, но совершенно не освещалась современная история народов, современная этнополитическая ситуация. Некоторые поколения студентов - этнографов выросли, не зная о судьбе крымских татар, турок-месхетинцев, немцев Поволжья. Вообще о судьбах депортированных народов негде было черпать информацию. Таким образом, в развитии исторической

науки образовалось белое пятно, и сегодня мы жестоко расплачиваемся за эту потерю. Не буду говорить, что чрезвычайно остр нынче дефицит специалистов по межнациональной проблематике, хотя это одно из порождений белого пятна в науке. Оторвав крону от корней в самом историческом изучении процесса развития народов, мы понесли урон в общественном сознании, породили дефицит культуры в межнациональных отношениях, жестоким деформациям подвергли семью, когда-то выступавшую важнейшим звеном в цепочке поколений. Незнание того, что было не дает сегодня нам возможности определить, что есть и что должно быть. Отсюда, в частности, «гордые узлы» национальных конфликтов, жестокие кризисные явления во взаимоотношениях некоторых народов. Так как же нам быть?

Институт этнографии АН СССР приступил к созданию многотомной серии Народы СССР, где одно из центральных мест займет проблема этногенеза, то есть происхождения каждого из более чем 130 народов нашей страны. Это, конечно, лишь малая часть по преодолению образовавшегося в науке разрыва. Но важная по значимости. На базе института этнографии создан Центр по изучению

межнациональных отношений, научно-методическое руководство которым осуществляет межведомственный совет по изучению национальных процессов при президиуме АН СССР. Чтобы проиллюстрировать тяжесть понесенных потерь, отмечу: первоначально предполагалось, что центр займется изучением национальных процессов в республиках, историографическим освещением республиканского и зарубежного опыта в этой сфере. Но всесторонний анализ происходящих в стране процессов оказался центру не по плечу, здесь отразился острейший дефицит специалистов. И мы пришли к убеждению, что на нынешнем этапе первоочередной задачей центра должна стать информационная деятельность. Ведь у нас нет источниковой базы, связанной не только с национальными движениями (а это явление сравнительно новое), но и с национальными процессами, которые шли, идут и будут идти: скажем, нерусские народы будут продолжать изучать русский язык, русское население, проживающее в союзных республиках, будет, несколько более активно, чем прежде приобщаться к языку коренных национальностей, взаимная адаптация, взаимная приспособляемость народов к друг другу - это постоянный, непрекращающийся и независимый от политических реалий процесс.

Ощущаем мы острый недостаток и в другого рода информации. Что знаем мы о национальных движениях? Отрывочные сведения, обрывочные факты. Не систематизируются программы, платформы различных народных фронтов, нет хроники - именно хроники - событий, фактов, лидеров, идей, связанных с этими движениями. А ведь такая систематизация - не просто вспомогательный для исследователей материал. Это - портрет нашего времени, лицо наших дней, позволяющее с большей, нежели сейчас, точностью оценивать происходящее, прогнозировать будущее и, если хотите, нащупывать правильные рычаги для урегулирования всякого рода трений, взаимного недовольства.

Не раз приходилось слышать: мол, это перестройка обострила межнациональные отношения, породила вообще эту проблему. Насколько верны подобные утверждения? Перестроечные процессы - экономическая,

политическая реформа - выступили лишь катализаторами вулкана, каковой вследствие деформаций стала межнациональная сфера. Но не у каждого межэтнического спора, конфликта есть исторические корни. Иные конфликты - действительно порождение нашего времени.

Я не припомню случая, чтобы, например, более чем за двухсотлетнее проживание гагаузов на территории Молдавии между двумя этими православными народами случались разногласия, хотя одни - тюркоязычны, другие - романоязычны, имеют совершенно различную духовную и материальную культуру. По сути дела оба этих народа ощущали одинаковый административный гнет и невнимание центра. И возникновение молдавского национального движения против диктата ведомств, за развитие своей культуры нельзя не назвать прогрессивным. Однако, ставя перед собой благородные цели, эти движения большинства начали создавать для развития собственной культуры приоритетные условия. Это незамедлительно вызвало ответную реакцию меньшинств. Пробелы в исторической науке, о чем я уже говорил, отрыв от собственных корней и незнание корней другого народа, целый ряд иных деформации, нанесенных общественному сознанию в годы сталинщины и застоя, не могли не отразиться на уровне культуры межэтнического, межчеловеческого общения. И получилось, что в сущности благородные цели народных фронтов ударили по интересам национальных групп и меньшинств, так же ощущавших потребность в саморазвитии.

В Молдавии, к примеру, в гагаузские районы спущена была директива, предписывающая выделить средства на латинизацию молдавского алфавита. Никто не подумал, что целый ряд поколений гагаузов говорит по-русски, русскому языку обучаются их дети. Так возникло недопонимание. Похожим образом, через ущемление прав рядом живущих народов и народностей, возникли движения национальных меньшинств в других регионах - поляков в Литве, кумыков в Дагестане, таджиков в Узбекистане, и так далее. Кстати, весьма распространено мнение, особенно среди лидеров народных фронтов, что движения

меньшинств, интердвижения в республиках инспирированы чуть ли не Москвой, чуть ли не аппаратчиками. На самом деле эти движения возникли как бы в ответ на движения коренных народов, давших название союзным республикам. Сбор, классификация всех материалов, связанных со становлением, развитием и движением неформальных структур, позволяет видеть все эти процессы с полной очевидностью.

Если мы говорим о корнях, о нравственных наших потерях, мы не должны упускать из поля зрения проблемы семьи. Корни национальные и корни семейные тесно связаны. Ведь сама по себе национальная самобытность, этничность воспроизводится двояким путем. С одной стороны - профессиональным, через литературу, средства массовой информации, изобразительное искусство и так далее. С другой - путем межпоколенной трансмиссии, через передачу традиционных ценностей данной национальной культуры от одних поколений другим. Посредством сочетания этих двух каналов этнической информации и осуществляется общее воспроизводство этничности. Сейчас семья все больше из многопоколенной превращается в однопоколенную. Причин этому много. Наряду с тем, о чем я говорил выше, во многом на возникновение однопоколенных семей повлияли урбанизационные процессы. Связь между поколениями ослабевает. А это приводит к тому, что нравственные устои, элементы духовной культуры, принципы поведения, нормативные модели этики воспроизводятся в усеченной форме. Бабушка не склоняется над колыбелью внука, подрастающее поколение мало знает, чем занимались, как мыслили и что собой представляли их прадеды. Трудно предугадать, как нынешние национальные процессы, рост национального самосознания отразятся на семье, на возрождении ее многопоколенности. С одной стороны, может, повлияют благотворно. С другой же... У нас в стране примерно 15 процентов семей состоят из лиц разной национальности. Насколько

мне известно, во многих таких семьях отношения ухудшаются, поскольку у супругов порой расходятся национальные интересы. Все это требует специальных исследований, причем неотложно!

В заключение хотел бы сказать, что устранение белых пятен в истории, в корнях, в истоках полезно и необходимо не только ученым, но и практикам. Нынешние явления в межнациональных отношениях во многом продиктованы недопониманием друг друга, нежеланием национального большинства проникнуться в боли и заботы меньшинств. Взять ту же проблему с немцами Поволжья. Имеются все документы о том, как переселялись они еще со времен Екатерины II, как осваивали, цивилизовали заволжскую землю, как возникла республика и как потом была ликвидирована. Иными словами, есть сведения о корнях. Советские немцы вследствие депортации сегодня дисперсно расселены. Они катастрофически теряют этничность. И не совсем правильно думать, что их выезд из СССР объясняется только политическими, социальными или экономическими причинами. У этого народа, как и у любого другого, есть генетическая потребность сберечь и воспроизводить дальше свою национальную культуру. Понять бы это сердцем и умом нынешнему населению Поволжского региона, руководству Саратовской и Волгоградской областей, понять бы, что Поволжье - родина советских немцев, что там их истоки, могилы их предков!.. Понять бы всем нам, что чувство родины, чувство корней, потребность жить там, где родился, должны гармонировать с иными интересами - экономическими, социальными!.. Гармонировать, а не расходиться, вышибая искры взаимной розни. Искры, которые, увы, не раз уже приводили к пожару.

ОТ РЕДАКЦИИ. Этой публикацией мы открываем рубрику «Корни». Приглашаем читателей принять в ней заинтересованное участие - материалами, письмами, вопросами.

Впервые опубликовано: Еженедельное приложение к газете «Известия» «Союз», 1990, №1, с.

КТО ОТНЯЛ РОДНОЙ ЯЗЫК

Накануне переписи российское чиновничество лишило народы России права зафиксировать языковую принадлежность

Подобная «мелочь» может сыграть роль первого камешка при обвале в горах, а в нашей стране столько «обвальных» проблем, что, прежде чем создавать новые, следовало бы подумать о тех, что уже есть.

Попытка чиновничества самовольно, без широкого обсуждения, без участия экспертов вмешаться в технологию проведения переписи населения 2002 года может явиться источником тенденциозного искажения реальной картины этнического и языкового состава, а в итоге – стать катализатором глубокого недовольства.

Начиная с переписи 1920 и 1926 годов, а также во всех последующих переписях в СССР (1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.), как и во многих других странах мира, этническая (национальная) принадлежность человека записывалась с помощью двух взаимосвязанных индикаторов: национальной

и языковой принадлежности. Отмена графы о родном языке лишает нас возможности выявления динамики трансформационных процессов, прерывает связь времён, является ударом по национальному самосознанию народов России. Если в первой постсоветской переписи эта графа будет исключена, значит, народы не смогут полноценно выразить свою этноязыковую идентичность. Отмена графы о родном языке в бланке предстоящей переписи будет означать политику этнической и языковой дискриминации народов. Подобная акция является нарушением Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 года. Указание собственной национальности в ней признаётся не обязанностью, а правом человека. Это право осуществляется на основе самоидентификации, то есть свободного выбора самим человеком. При этом язык – и прежде всего родной язык – является, с одной стороны, важнейшим элементом национальной культуры народа, выразителем его самобытности, а с другой – основной формой свободного про-

явления национального достоинства и личностного самосознания.

Лишение любого народа возможности выбирать и открыто определять свой родной язык является первым шагом на пути этноцида, способом разрушения его менталитета. Эта акция является прямым нарушением ст. 19 Конституции РФ, запрещающей любые формы ограничения прав граждан по ряду признаков, в том числе по признакам национальной и языковой принадлежности. Более того, в Законе «О Всероссийской переписи населения», принятом Государственной Думой 27 декабря 2001 года и подписанном президентом РФ Владимиром Путиным 25 января 2002 года, в ст. 6 были перечислены данные о лицах, подлежащие учёту при проведении этой акции. Среди них, в частности, наряду с полом, возрастом, гражданством указаны и национальная принадлежность, и родной язык, и владение языками, в том числе русским языком как государственным.

Следовательно, отсутствие в переписном листе записи о родном языке означает нарушение не только Конституции Российской Федерации, но и федерального закона о Всероссийской переписи населения. Видимо, нынешнее чиновничество не в состоянии осознать политическое значение и конфликтные последствия этой антиэтнической акции. А ведь отсутствие родного языка в системе других важных показателей приведёт к искажению реальной картины этнического и языкового состава населения РФ и в целом по стране, и в отдельных республиках, после чего не исключены и громкие политические спекуляции.

По данным переписи 1989 года, 5.4% всего населения Советского Союза указало родным языком язык не своей национальности, в том числе 29% нерусского населения. Иными словами, почти у трети населения нерусских народов этническое самосознание было «двойственным». Так, например, среди башкир лишь 72.8% указали родным язык своей национальности, ещё 10% - русский, 16.9% - татарский. Если предстоящая перепись не

будет учитывать родной язык разных народов, то не исключено, что численность одних, например, башкир, будет неоправданно увеличена, а татар – соответственно – сокращена, что неизбежно приведёт к трениям между двумя соседними республиками и Центром. Аналогичные коллизии не заставят себя долго ждать.

Возможны не только статистические, но и другие последствия отмены фиксации родного языка. Имеет смысл напомнить, что «языковые революции» в бывших союзных республиках в 1988-1991 годах привели к развалу СССР, к конфликтам с человеческими жертвами между Молдавией и Приднестровьем, Грузией и Абхазией. Нужны ли «языковые войны» России?

Если два показателя этнического самосознания человека – этническая принадлежность и родной язык – совпадают, это означает естественный ход этнокультурного развития, нормальную передачу этнической информации из поколения в поколение. Выбор в качестве родного языка другой национальности означает преодоление серьёзного психологического барьера. Сохранение лояльности к своему народу сопровождается манифестацией доверительности к языку другого народа. Такой переход, если он происходит на добровольной основе, означает решительный шаг в сторону межэтнической солидарности и укреплению внутреннего единства Российской Федерации. Государство сегодня как никогда заинтересовано в знании о подлинных масштабах этой солидарности (или, наоборот, её отсутствии). А без соответствующих данных о родном языке нельзя реально восстановить эту картину.

Нынешний произвол чиновников, как ни парадоксально, основывается на высоком рейтинге президента Путина. Однако беззастенчиво действуя от его имени, они бросают дерзкий вызов народам России, угрожают авторитету президента, нарушая подписанный им Закон «О Всероссийской переписи населения» с обязательной регистрацией родного языка граждан России.

Опубликовано в: Независимая газета, 2002, 22 июля

СОЛИДАРНОСТЬ.

О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ,

ГРАЖДАНСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

(О КОНЦЕПЦИИ ЗАКОНОПРОЕКТА)

Сообщение в СМИ о подготовке новой редакции «Концепции Государственной национальной политики России» вызвало разновекторную реакцию политиков по шкале от правых радикально настроенных либералов до левых унитарно-консервативных представителей общественности.

Многонациональное сообщество народов нельзя конструировать по меркам любых теоретиков по той простой причине, что оно в России уже исторически и вполне естественным путем давно сложилось, по мере того как складывалось Российское государство. Поэтому речь должна идти о солидаризации, основанной на надежной правовой базе и подкрепленной взаимным доверительным отношением народов России к власти и к друг другу.

Редакция журнала «Жизнь национальностей», сожалея о том, что подготовка нового проекта «Концепции Государственной национальной политики» проводится келейно, без

широкого обсуждения, предлагает вниманию читателей статью известного специалиста в области этносоциологии и этнополитологии профессора М.Н.Губогло.

По его мнению, оптимизация дел в сферах этногосударственных и межэтнических отношений может быть достигнута наряду с другими мерами, программами и технологиями, с помощью закона «О солидарности».

В нынешнем российском социуме нет ни понимания, ни опыта следования принципам гражданской лояльности. Конституция Российской Федерации, законы и правовые акты, обеспечивающие защиту и гарантии малочисленных народов, свободу самоопределения путем создания территориальных и экстерриториальных автономий различного уровня, составляют важнейшую основу для обеспечения солидарности граждан и народов. Однако до тек пор, пока три правовые сферы - законотворчество, законознание и законо-

послушание - не станут адекватными друг другу и граждане не научатся жить, мыслить, чувствовать и действовать, следя принципам солидарности, оптимально балансируя свои приоритетные интересы с потребностями и нуждами других, реальных изменений в установлении атмосферы солидарности не произойдет. Страну, где политическая культура чиновников и политиков, граждан и народов не пропитана духом солидарности, откидают возникновение недопонимания и противоречий с ужасающими последствиями. Солидарность россиян как сограждан, - предтеча благополучия населения, процветания России и фактор формирования «профессионального гражданина».

Утверждение солидарности происходит на основе приверженности граждан базовым ценностям демократии, понимаемой не только как «диктатура большинства», например, в ходе избирательных компаний, но и как приоритет солидаризма перед индивидуализмом, как верховенство закона, как уважения прав и свобод человека и народа, как стратегии по сохранению культурного многообразия Российской Федерации.

Отсутствие законодательной базы в деле предотвращения и преодоления конфликтов, в том числе имеющих этническую окраску, в свою очередь обусловлено обширным идеологическим вакуумом, возникшим в России и в постсоветском пространстве вследствие распада Советского Союза, кризиса коммунистической идеологии «дружбы народов», а также недопониманием частью нынешней политической элиты, а также некоторыми ассоциированными с ними экспертами первостепенной важности создания в стране атмосферы всеобщей солидарности по вертикали - между государством и его гражданами, по горизонтали - между регионами и народами, между политическими партиями и неправительственными объединениями в сферах экономики, политики, социальной жизни.

Нынешнее законодательство, а также экстренные меры, предпринимавшиеся в первом постсоветском десятилетии по правовому регулированию этногосударственных и межэтнических отношений, как правило, были призваны тушить пожар, т.е. решать

текущие тактические задачи, но не исходили при этом из стратегических целей по утверждению в России правового равенства и нравственно-юридической солидарности граждан и не были связаны с задачами государства по созданию в стране уверенного в себе среднего класса с развитым чувством социальной ответственности как опоры доверительности и солидарности.

Межэтнические отношения в России в первом постсоветском десятилетии развивались под влиянием сложной совокупности противоречивых факторов, определяющих в целом благоприятную атмосферу, благодаря которой удалось предотвратить развал Российской Федерации под напором движений народов к самоопределению, самоутверждению и политической суверенизации.

Распад Советского Союза и привнесенные в Россию вместе с вызовами глобализации и модернизации угрозы этнокультурной самобытности народов создали особо тревожную ситуацию среди нерусских народов. Возникающая опасность этнокультурной ассимиляции усиливалась в общественном сознании, доставшейся от советского периода правовой незащищенностью функционирования национальных языков и культур. В силу относительной малочисленности, многие нерусские народы обрели обостренную чувствительность к сохранению своей этнической идентичности. Именно этим и рядом других факторов объясняется тот факт, что, заручившись необдуманном лозунгом федерального центра «брать суверенитета столько, сколько каждый сможет», амбициозные лидеры некоторых республик и малочисленных народов сумели в первой половине 1990-х годов консолидировать определенное количество своих соплеменников в борьбу за защиту своих прав и свобод более ускоренно, чем представители русского народа.

Ответом на вызовы этнической мобилизации нерусских народов, протекавшей под лозунгами и идеологемами национального возрождения, явилась разработка в середине 1990-х годов правовой базы проэтнической политики, относительно убедительно отраженной в «Концепции Государственной национальной политики Российской Федерации»,

утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. и закрепленной в ряде законов, как например, «О национально-культурной автономии», одобренной Советом Федерации ФС РФ 5 июня 1996 года.

Итогом конституционного процесса 1992-1996 годов, протекавшего на федеральном и республиканском уровнях, при лояльном отношении Президента, усилиями экспертов и политиков, стала правовая база, ориентированная преимущественно на защиту прав и свобод национальных меньшинств и нерусских народов. На периферии этой в целом правильной и своевременной политики оказались интересы этнического большинства, т.е. русских, как самого многочисленного народа России. Смещение акцентов с защиты большинства на создание приоритетов для нерусских народов с особой силой проявилось в самоотстранении ряда республик по обеспечению условий для оптимального развития и распространения русского языка и русской культуры, в которой были заинтересованы не только сами носители русского языка, но и другие народы страны. Более того, такой подход в корне противоречил реальным языковым и солидаризационным процессам, в ходе которых на протяжении всего десятилетия происходило дальнейшее приобщение нерусских народов к русскому языку и употребление его не только в официальных, но и в сферах социокультурной и бытовой жизни.

Системная ошибка подобной стратегии (преимущественная ориентация на защиту интересов меньшинств за счет ограничительных ущемлений интересов большинства), дополненная индифферентным отношением на ход трансформационных и консолидационных процессов, вызвало ответный рост русского национального самосознания.

Стратегия внутренней политики послеельцинского периода, направленная на усиление вертикали власти, на ограничение чрезмерных аппетитов республиканских элит в деле наполнения суверенитета своих республик реальным содержанием, восстановления курса языковой политики, направленной на обеспечение благоприятных условий для развития русского языка, в том числе благодаря

принятию специального закона «О русском языке как государственном языке России», вызвали в регионах новый прилив этнической мобилизации национальных меньшинств. Таким образом, опыт первого постсоветского десятилетия по созданию правовой базы для осуществления проэтнической политики, ориентированной то на защиту меньшинств, то на защиту большинства, оказался не продуктивным и не вполне адекватным для многоэтнической страны, каковой является Российская Федерация.

Сегодня для многих стало очевидно, что маятниковая смена разновекторной активизации общественных движений то в сторону меньшинств, то большинства, будет уподобляться пороховой бочке, постоянно держать общество и государство в состоянии межэтнического напряжения и в ситуации недопонимания между государством и населяющими его народами, отвлекать внимание от проведения социальных реформ.

В последние годы, благодаря реализации таких федеральных программ, как «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», «Русский язык», такому спортивно-оздоровительному движению как «Президентские состязания», достигнуты определенные успехи в утверждении толерантности к другим народам, языкам, культурам, к инаковости. Однако далеко не решенной остается задача по морально-нравственному оздоровлению и консолидации российской нации, о чем с тревогой говорил Президент В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию. Между тем, путь от толерантности к консолидации далеко не так прост.

Буксующие реформы, провалы и прерывы постепенности в экономическом, политическом и социальном развитии в значительной мере обусловлены острым дефицитом социального капитала, состоящего, как правило, из наработанных веками взаимной доверительности, ответственности и солидарности граждан, прозрачности действий органов власти и институтов гражданского общества.

Анализ законотворческой деятельности депутатов Госдумы третьего созыва, к сожалению, показывает, что многие депутаты

гораздо больше заботятся о высоком уровне внутригрупповой (внутрифракционной) солидарности, чем об установлении атмосферы солидарности в масштабах всей страны.

Стратегическая цель разработки, принятия и исполнения закона «Солидарность» в качестве правового механизма, ориентирована, во-первых, на создание и поддержку в стране атмосферы солидарности; во-вторых, на предупреждение, предотвращение и преодоление эскалации социальных конфликтов, в том числе с этнокультурной окраской; в-третьих, на поощрение благотворительности, меценатства и спонсорства гуманитарных и гражданских инициатив. Она предполагает учет исторических традиций соборности и коллективизма, присущих всем народам Российской Федерации, систематический анализ меняющихся экономических и социальных условий во всех регионах страны, а также адаптацию позитивного законодательского опыта зарубежных стран к российским условиям; в-четвертых, на сближение норм солидарности, выраженных в принципах нравственности и морали, как части накопленного социального капитала с нормами юридического права, как взаимного долга, обязанности и ответственности граждан и народов перед государством и государства перед своими гражданами и народами. Закон «Солидарность» преследует цель укрепления прочности и стабильности России как основы жизнестойкости и процветания всех вместе и каждого в отдельности.

В стране с нынешней глубокой социальной поляризацией, ростом бедности и нищеты, как результатами несправедливой приватизации и дикой капитализации, безусловно, усиливается психологическая напряженность, накапливается недовольство, проявляются антисоциальные действия. Все это дополняется тем, что государство, взяв курс на идеологизацию, самоотстранилось от проведения целенаправленной политики по внедрению принципов доверительности, ответственности и солидарности, от чего в конечном счете страдает консолидированность. Вместе с тем, нынешние реформы, связанные с переходом на рыночную экономику, создают новое разделение труда и подготавливают почву для ак-

туализации взаимного обмена идеями, услугами и опредмеченными результатами своего труда. Иными словами, индивидуализация, привносимая глобализацией и модернизацией, вытекающим новым витком разделением труда, провоцируют социализацию, основанную не на механической и не на навязанной, а на вполне осознанной и добровольно избранной коллективизации, не противоречащей трансформационным процессам и не включающей друг друга. В связи с этим одна из задач закона «Солидарность» состоит в том, чтобы преодолеть сопротивление новоявленных олигархов и крупных бизнесменов стремлению и попыткам некоторых регионов России сохранять ценности коллективизма и солидаризма.

Одной из причин распада СССР и девальвации идеологии советского народа, безусловно, было ухудшение питательной среды, в которой происходило формирование триады идентичностей - этничности, конфессиональности, гражданственности. Ухудшение было многоплановым, но особенно оно выразилось, во-первых, в исключении из традиционной триады религиозной идентичности с помощью тотальной, насильственно внедряемой в общественное сознание атеизации как составной части большевизма, особенно в межвоенный период; во-вторых, в замене гражданской идентичности на патриотическую, что нашло выражение в идеологизации солидарности вместо создания правовой базы; и, наконец, в третьих, в необдуманных, а порой и преступных манипуляциях с этнической идентичностью в широком диапазоне от искусственного ее возвращения на основе декларированного принципа самоопределения и политики коренизации с помощью мобилизованного лингвизма до жестоких репрессий путем поголовных депортаций по признаку этнической принадлежности (идентичности).

Но если причина распада СССР в ослаблении прочной связи между идентичностями в триаде советскости, значит, путь к сохранению единства нынешней России пролегает через создание условий для нормального функционирования каждой из них и далее на этой основе установления национально-го единства на основе солидарности. Дорога

к солидарности начинается с толерантности, понимаемой как лояльность к инаковости. Следующими двумя принципами и соответственно навыками гражданского поведения, которыми следует овладеть, выступают доверительность и ответственность, реализуемые по двум линиям: по линии властной вертикали и по линии этнорегиональной и административно-территориальной горизонтали. Мотивацией для движения по каждой линии служат духовные ценности и материальные блага. Без удовлетворения мотивов вряд ли могут формироваться полноценные и взаимосогласованные идентичности в рамках триады.

Солидарность по вертикальному и горизонтальному направлениям сохранения и нормального функционирования триады идентичностей создает условия для формирования интегративной целостности «профессионального гражданина» («civil citizen»), преодолевая попутно идеологическую надломленность, политическую апатию и социальную расслабленность. В свою очередь социальная зрелость профессионального гражданина гарантирует базу интегративной целостности государства.

Модернизация условий нормального существования и сосуществования триады идентичностей, как основы солидарности граждан, нуждается не в умозрительном монтаже этнорелигиозной или этнокультурной политики, а во внимательном, напряженном и квалифицированном изучении изменяющихся ценностей в изменяющейся России. Ответственность и конструктивность обновляющейся триады может быть весомой и достойной только в том случае, если эта триада будет востребована народным большинством. Отказавшись от коммунистической идеологии, Россия, как правопреемница СССР, оказалась в деидеологизированном состоянии. Потребовалось более 12 лет, чтобы основательно осознать нищету идеологического многообразия, обернувшегося на практике идеологическим вакуумом.

В декабре 1993 года скоропалительно была принята Конституция РФ. Ее статья 13-я ввела в юридический оборот новое понятие «идеологическое многообразие», как эффе-

низм утвердившейся на западе доктрины плюрализма. Однако отрезвление наступило довольно скоро. Уже через два месяца, в феврале 1994 г. в «Послании» Президента РФ ФС, Б.Н. Ельцин вынужден был признать, что «государство не может строиться на идеях, вызывающих раскол и поляризацию общества» и призвал строить будущую Россию «страной, в которой граждане независимо от политических убеждений объединены приверженностью фундаментальным идеалам и ценностям».

Летом 1996 года по инициативе Б.Н. Ельцина «Российская газета» объявила конкурс на лучшую «идею для России». Однако все попытки ельцинской команды, пока она безраздельно правила страной, найти объединяющую идею, которую можно было бы положить в основу политики социально-политической стабилизации, оказались безуспешными. Итоги конкурса, подведенные в начале 1998 года, показали, что дальше триады «нравственность — народность — патриотизм» интеллектуальная мысль не продвинулась. И по библейскому закону «все возвращается на круги своя» интеллектуалы были вынуждены вернуться к более чем тысячелетней триаде «православие — самодержавие — народность».

И сегодня на повестке дня перед Россией стоит задача подведения под социальный капитал солидной и надежной правовой нравственно-идентификационной базы. Сегодня нуждаются в государственной защите не только отдельные граждане, попавшие под дискриминационный пресс по признаку национальной или языковой принадлежности, но и российские народы, каждый в целом.

Значительным шагом на этом пути могло бы стать принятие закона «Солидарность» и с его помощью культивировать как высшую ценность идеологему «Отечество — это солидарность проживающих в нем граждан и народов». В Конституциях ряда европейских государств под солидарность, понимаемую в качестве социального капитала, на конституционном уровне подведена правовая база.

Преамбула Конституции Французской Республики 1946 г. от имени французской нации и провозглашала солидарность и равенство

всех французов». Ключевыми положениями «Вводного раздела» испанской Конституции, вступившей в силу 29 декабря 1978 г., является, во-первых, нерушимость испанской нации, которая состоит из кастильцев, каталонцев, галисийцев и басков, и, во-вторых, единство и неделимость отечества всех испанцев. В соответствии со статьей 2 Конституция Испании гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между ними. Таким образом, солидарность приобретает принципиальное значение в проэтнической политике многоэтнического государства. На высоком конституционном уровне обеспечивается легитимная основа равновесия и гармонии трех разноплановых идентичностей каждого гражданина Испании. Эти идентичности указаны в краткой, но емкой по смыслу процитированной выше второй статье. Для ясности еще раз назовем их: это - этническая (национальности), региональная, формируемая по модели национально-территориальной автономии (самостоятельный статус имеют не только 17 исторических регионов проживания национальных меньшинств, как, например, Страна Басков, Каталония, Галисия), но и каждая из 50 провинций и более 8000 муниципий; гражданская, основанная на лояльности к «единому и неделимому отечеству».

Забота о воспитании, укреплении солидарности на индивидуальном и групповом уровнях в Португалии возведены в ранг нескольких конституционных положений. Действующая Конституция Португальской Республики, принятая в 1976 г. в момент осуществления в Португалии демократических преобразований, т.е. в условиях, в чем-то напоминающую нынешнюю российскую обстановку, в качестве стратегической цели государства провозглашала «построение свободного, справедливого и солидарного общества». Иными словами, принципу солидарности был придан равный статус с рядомположенными свободой и справедливостью.

Пункт 2 статьи 74 предписывал учреждениям, входящим в образовательную и культурную систему, во-первых, «способствовать преодолению экономического, социального и культурного неравенства», во-вторых, «гото-

вить граждан» к демократическому участию в жизни свободного общества», в-третьих, развивать «взаимопонимание (доверительность), терпимость (толерантность) и дух солидарности».

Обеспечивая гарантии неотъемлемых прав человека, как выразителя частных стратегий и как члена общественных объединений, Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г. в статье 2 «требует выполнения непреложных обязанностей, вытекающих из политической, экономической и социальной солидарности». Аналогичная норма в Конституции Греции, принятой 9 июня 1975 г., дает право и полномочия государству «требовать от всех граждан исполнения своих обязательств, вытекающих из их социальной и национальной солидарности». Здесь уже, как видно, солидарность обретает ранг правового долга и ответственности граждан Греции перед государством. Основным закон понимается в этом случае как договор между гражданином и государством о правах и обязанностях граждан перед государством и государства перед своими гражданами.

На фоне приведенных примеров парадоксально выглядят положения Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. В ней находим статью 58, обязывающую каждого гражданина России сохранять природу и окружающую среду, статью 59, утверждающую долгом и обязанностью граждан защищать отечество. Но ни в одной из 137 статей Конституции не содержится далее намека, близкого понятию солидарности, нет упоминания ни о дружбе народов, как это было в прежних Конституциях, ни тем более о необходимости конструировать солидарность, беречь ее и укреплять.

В советские времена, особенно накануне развала СССР, большинство населения было зомбировано аллергией к понятию «солидарность», даже несмотря на то, что всенародно отмечали 1 мая как день международной солидарности трудящихся. В первые постсоветские годы в горниле этнической мобилизации возникло новое предубеждение, согласно которому казалось, что солидарность противопоказана сохранению и развитию этничности. Хотя в действительности без солидар-

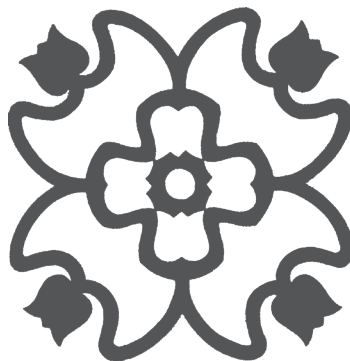
ности невозможна полноправная этничность и развитие национальных культур. Эти два феномена не исключают, а дополняют друг друга, имея возможность развиваться только в нерасторжимом взаимодействии и гармоничном единстве.

Гражданская лояльность и межэтническая солидарность не противоречат этнической идентичности, а органично дополняют друг друга. Солидарность, основанная на толерантности, доверительности и ответственности, может представлять собой идеологию, политику и практику умонастроения и поведения для всех граждан, независимо от этнической, социальной и конфессиональной принадлежности.

Таким образом, совмещая в себе три стратегические цели, - в том числе утверждение принципов, норм и морали солидарности по вертикали и горизонтали, предлагая санкции против действий, направленных на нарушение солидарности, олицетворяющей само государство, а также принимая меры поощрения индивидуальных и групповых практик, направленных на формирование, поддержку и функционирование солидарности, как нормы жизни российской нации, закон «Солидарность» усиливает прочность и стабильность Российского государства, демократические институты и позиции гражданского общества.

Исполнение закона «Солидарность» требует, во-первых, уточнения некоторых положений «Концепции государственной национальной политики» и отдельных законов по национальной проблематике; во-вторых.. глубокого переосмысления концептуально-терминологического арсенала проблематики, связанной с пониманием сути, содержания, целей и методов утверждения атмосферы солидарности; в-третьих, создания и реализации федеральной программы «Солидарность», включающей в себя открытое изложение целей, задач, технологий реализации и освещения прогнозируемых итогов и способов реализации современных реформ, конечный итог которых до сих пор остается неясным для народного большинства; в-четвертых, создания мощного информационно-пропагандистского аппарата, оснащенного компетентными кадрами, способными с помощью передовой техники усиливать эффективную работу Интернета и телевидения, радио и печати; в-пятых, сменить акцент информационных программ и установить оптимальный баланс негативной и позитивной информации, расширить информацию об инвестициях и инновациях, о социально-трудовой мобильности и передовом опыте отдельных граждан и коллективов, о самобытных культурах народов России.

Впервые опубликовано в журнале: «Жизнь национальностей», М. 2005, 33, с.46-52

ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА И БОРЬБЫ К СОТРУДНИЧЕСТВУ И СОЛИДАРНОСТИ

*(Выступление на научных юбилейных чтениях Института стран СНГ
«Вчера и завтра. Сотрудничество и борьба на постсоветском пространстве».
15 марта 2006 г., г.Москва)*

В течение первого десятилетия своего существования Институт стран СНГ оставался едва ли не единственным выразителем реальных интересов и приоритетов Российской Федерации, осуществляя свою деятельность по двум важнейшим направлениям. С этой целью Институт, во-первых, вел комплексное изучение современных процессов в экономической, политической, культурной и некоторых других сферах для обеспечения заинтересованных лиц, ведомств и стран на достаточном по количеству и надежном по качеству материале информацией о состоянии дел в постсоветском пространстве, во-вторых, подвергал ход трансформационных процессов независимой экспертизе, прогнозировал ход событий и предупреждал Россию о подстерегающих ее внутренних и внешних опасностях.

Траектории сотрудничества Института с различными институтами и ведомствами и

его борьба с ошибочными стратегиями и толкованиями сущности и горизонтов отдельных стран СНГ нашли отражение в серии публикаций, получивших признание общественности¹.

В течение всего первого десятилетия для деятельности Института стран СНГ был характерен всесторонний подход к анализу факторов, способствующих укреплению безопасности России, благодаря чему он воспринимался в качестве компетентного эксперта и «изготовителя» полезных рекомендаций и рецептов. Вместе с тем Институт налаживал мосты сотрудничества со странами СНГ для недопущения новых разделительных линий и новых недопониманий и для преодоления нерегулированных конфликтов и других проблем, вызывающих нестабильности в постсоветском пространстве.

Активная и энергичная деятельность Института стран СНГ, выраженная не только в изданиях, но и в серии важных в научном и практическом отношениях конференций², вселяет уверенность, что грядущее (второе) десятилетие станет не столько десятилетием «сотрудничества и борьбы», сколько десятилетием новой парадигмы «сотрудничества и солидарности». Не приходится сомневаться в том, насколько важно на новом этапе укрепление доверия между государствами-участниками для обеспечения равноправного и справедливого сотрудничества и для оказания взаимной помощи в поддержании и укреплении безопасности и стабильности.

Для того, чтобы принципы и нормы солидарности стали основой партнерства и сотрудничества, конечно, нужны взаимные усилия всех стран-участниц СНГ.

В самом деле, Россия не может повышать эффективность интеграционных процессов СНГ в одностороннем порядке, только путем финансовых и иных материальных вливаний и инвестиций. Не менее важной стратегией укрепления заинтересованности стран-участниц СНГ в интеграции следует признать наведение порядка и создание благоприятной атмосферы межэтнической и межконфессиональной доверительности и солидарности в самой России. Российская Федерация, обладая рядом преимуществ, своим достоинством и своим примером, а не только своими материальными средствами, может играть притягательную консолидационную роль для различных групп населения стран СНГ.

Для решения этой задачи, по укреплению доверия и углублению солидарности, имеющей геополитическое значение, необходимо:

Усилить участие СМИ в обсуждении принципов и норм взаимодополняемости стран СНГ и принятия важных законов и законопроектов, призванных укреплять правовую основу деятельности государственных структур, неправительственных организаций и гражданских объединений по пропаганде и внедрению принципов межэтнической толерантности, доверительности по установленной в стране атмосфере общегражданской солидарности. Особое внимание обратить на широкое обсуждение и реализацию Концеп-

ции Государственной национальной политики и факторов, способствующих преодолению нестабильности в отдельных регионах Российской Федерации.

Особого внимания в работе СМИ заслуживает освещение и расширение позитивного материала о состоянии, уроках, проблемах и перспективах трудовой иммиграции в Россию. Необходимо создание или участие в создании школы по культуртрегерскому разъяснению и характеристике различных групп иммигрантов. С этой целью редакциям СМИ необходимо чаще предоставлять страницы и эфир для участия политиков, экспертов и самих гастарбайтеров в обсуждении проблем трудовой миграции с целью ускорения разработки «Концепции государственной миграционной политики». Провести Парламентские слушания и серию «круглых столов» по проблемам гастарбайтерства с участием самих гастарбайтеров и расширить доступ аналитиков и экспертов в СМИ для участия в обсуждении позитивных и негативных сторон трудовой иммиграции, а также того, какие категории мигрантов, из каких стран-доноров требуют специальных мер по регулированию миграционных процессов.

Вместе с учеными и политиками СМИ должны принять участие в разработке основ для принятия политических решений в связи с необходимостью регулирования потоков трудовой иммиграции. С этой целью нужны обстоятельные экспертные оценки и адекватные ответы на вопросы о том, в какой мере представляет сокращение численности населения угрозу безопасности России и насколько необходимо создание благоприятных условий для позитивной динамики численности населения. Нужен адекватный диагноз того, соответствует ли количественный и качественный состав населения в субъектах Российской Федерации, а также компактный или дисперсный характер его расселения потребностям социально-экономического, этнокультурного развития и, соответственно, установления атмосферы доверительности и солидарности в межэтнических, социальных и межконфессиональных взаимоотношениях; соответствует ли характер размещения трудо-

способной части населения географическому распределению природных ресурсов.

По некоторым данным только в Москве проживает около 1 миллиона лиц, проживающих нелегально. Большинство из них плохо или совсем не владеют русским языком. Стихийное, нерегулируемое законодательством расселение гастарбайтеров и мигрантов по районам и кварталам больших городов, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, создает изначальную основу для возникновения анклавов с повышенным удельным весом нерусского населения.

Первые признаки геттоизации³ в отдельных районах Москвы и Санкт-Петербурга вызывают не только тревогу местного населения, но и глубокую озабоченность экспертов, политиков и ученых-аналитиков. К сожалению, к этой проблеме менее всего привлечено внимание социологов и правоохранительных органов. Между тем за период с 1998 по 2002 гг. удельный вес русского населения в Москве сократился с 89,7 % до 84,8 %. За этот же период численность представителей закавказских республик, например, азербайджанцев, увеличилась почти в 5 раз, армян и грузин соответственно почти в 3 раза. За этот же период численность представителей титульных национальностей из бывших республик Средней Азии увеличилась в среднем в 12 раз. Численность молдаван возросла более чем в 5 раз, достигнув к 2002 году 36,6 тыс. человек, а численность гагаузов почти в 3 раза⁴.

Согласно разработкам ученых Института этнологии и антропологии РАН Л.В. Остапенко, И.А. Субботиной и А.В. Юракова на западе Москвы выделяется несколько микрорайонов, где доля представителей «нерусских» народов превышает треть населения микрорайона, в том числе в Дорогомилово – 35,1 %, или приближается к этому показателю: в Можайском микрорайоне – 32,3 %, в Раменках – 27,9%, в Фили-Давыдково – 27,5%.

На востоке столицы удельный вес лиц нерусской национальности в некоторых микрорайонах превышает 40%. Так, например, в Вешняках доля людей нерусской национальности достигла 41,8 %, а в таких старых московских районах, как Измайлово, Богород-

ское и Перово доля нерусских жителей колеблется в интервале от 35,9 до 23,1 %⁵.

Современное гастарбайтерство представляет собой набор форм и технологий приспособления человека к изменениям в сфере социально-экономических отношений. При этом гастарбайтерством чаще всего принято считать ту часть трудовой миграции, которая связана не с внутригосударственными перемещениями, а такими территориальными передвижениями населения, которые реализуются при пересечении межгосударственных границ. Безвозвратное оседание гастарбайтеров в стране-реципиенте означает конец гастарбайтерства, которое выступает в разных формах: маятниковой, сезонной, временно-постоянной, спорадической, вахтовой, легально- нелегальной и в некоторых других. Так, например, на рынке труда в европейских странах институт гастарбайтерства сводится к тому, что работодатели, пытаясь уклониться от уплаты налогов государству, прибегают к услугам иностранцев-нелегалов. Однако численность нелегалов в странах Европы контролируется установленными в законодательном порядке квотами на визы, вследствие чего, численность «вольных стрелков» редко превышает 2-3% от общего рынка рабочей силы.

Преобладающее большинство гастарбайтеров в Москве занято на стройках и в многочисленных бригадах по ремонту квартир. Однако не мало и тех, кто, повышая свою квалификацию, или приобретая новую профессию, устраиваются на работу, требующую серьезных знаний и профессиональных навыков. Так например, вместе с украинцами, белорусами и молдаванами русскоязычные гагаузы значительно опережают в социально-профессиональной мобильности выходцев из Средней Азии. Большинство гастарбайтеров–таджиков, плохо владеющих русским языком, в Москве, как известно, за мизерную плату работают по уборке дворов, газонов, улиц и площадей, в то время как украинцы, белорусы, молдаване и гагаузы чаще устраиваются водителями общественного транспорта. В ходе нескольких интервью, взятых у гастарбайтеров в районах Москвы, удалось выяснить, что за одну и ту же работу московские работодатели платят русскоязычным гастар-

байтерам из Молдовы в 1,5-2 раза больше, чем, например, таджикам, плохо владеющим русским языком.

Русскоязычные женщины из Молдавии и Украины часто находят себе занятие в прибыльном цветочном бизнесе, на базарах, или за продовольственными прилавками.

В более ускоренной и более успешной адаптации лиц нерусской национальности в Москве, в частности гагаузов и молдаван по сравнению с таджиками и узбеками, сказываются запасы «советской» «языковой компетенции», накопленные в годы Советской власти.

Сегодня трудно переоценить социальное значение русского языка для адаптации в России гастарбайтерам из республик бывшего Советского Союза с высоким уровнем владения русским языком. Дело в том, что адаптационный эффект русского языка для гастарбайтеров нерусской национальности в стране-реципиенте (т.е. в России) оказывает некоторое влияние на языковую ситуацию в стране доноре. В последние годы, несмотря на усиленные попытки руководства Республики Молдова, используя административный фактор, форсированными темпами сокращать функционирование русского языка, в том числе его преподавание в системе народного образования, 30-40-летние молдавчане-гастарбайтеры вопреки официальному курсу переводят своих детей в Кишиневе и Бельцах из школ с молдавским языком обучения в школы с русским языком обучения.

В связи с политико-правовыми и социально-экономическими ожиданиями гастарбайтеров и мигрантов долговременного пребывания в России, в том числе ориентированных на глубокую адаптацию в российский социум, перед СМИ возникают актуальные задачи по освещению стратегий и технологий по реализации Концепции миграционной политики России. Для удовлетворения их ожиданий требуется система правовых, информационных, организационных и дипломатических мер, в том числе серии межгосударственных договоров и соглашений.

Для учета, анализа и принятия адекватных решений по регулированию трудовой миграции и перемещения тех или иных кон-

тингентов населения требуется обширная информационная система, содержащая объективные сведения о факторах выталкивания и притяжения, согласованная с органами государственной власти и неправительственными объединениями. В свою очередь создание подобной системы предполагает наличие или предварительную подготовку специалистов научного обеспечения и кадров по вопросам рынка труда, трудовой занятости и миграции населения.

Оптимизация содержания, масштабов, тенденций и направлений трудовой миграции с целью солидаризации ее участников с российским социумом предполагает решения ряда комплексных задач, в том числе: по созданию специальных служб и обеспечению технологий по оказанию целенаправленного влияния на ход и направления иммиграционных процессов, в том числе за счет сокращения нелегального гастарбайтерства; оказания правовой и организационной поддержки тем категориям гастарбайтеров, особенно вынужденным мигрантам и соотечественникам, которые наиболее нужны российской экономике и которые в перспективе могут успешно адаптироваться и принимать участие в создании интегрированного солидаризированного российского общества; установление дипломатических и деловых контактов с государственными структурами зарубежных стран и, прежде всего трудовой иммиграции, которые могут участвовать в освоении северных, восточных и приграничных регионов России.

Оптимизация миграционных потоков и жизнеустройства гастарбайтеров требует, во-первых, создания надежной правовой основы на федеральном уровне и на уровне отдельных субъектов Российской Федерации, во-вторых, четкого и недвусмысленного разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти субъектов Российской Федерации в области оптимизации потоков трудовой миграции с обязательным наделением контрольных функций за специализированным ведомством федерального уровня.

Особого внимания и особых усилий требует расширение переговоров по совершенствованию системы организационных мер,

начиная от совершенствования системы органов регистрации и управления миграционными потоками вплоть до разработки и реализации конкретных программ и мероприятий по обустройству гастарбайтеров и мигрантов в местах их прибытия; от разработки социально-экономических мер по регулированию миграционных процессов с учетом демографических, этнических, конфессиональных и социокультурных параметров до учета состояния в регионах реципиентах, от расчета баланса трудовых ресурсов до расчета инвестиционных вложений в экономику или в социокультурную инфраструктуру соответствующих регионов.

Наконец, система дипломатических мер предполагает, во-первых, заключение межведомственных и международных договоров и соглашений по вопросам переселения из стран-доноров в принимающую страну, их обустройства, защиты прав и свобод мигрантов и предоставления соответствующих социальных гарантий; во-вторых, объединение усилий компетентных государственных органов стран-доноров и стран-реципиентов с международными организациями по вопросам регулирования перемещения трудовой миграции из одних стран в другие.

Создание благоприятных условий для привлечения и цивилизованного обустройства трудовой иммиграции в России, безусловно, будет играть позитивную роль в стремлении значительных групп населения СНГ к интеграции с Россией.

Так, например, мощную интеграционную функцию могла бы сыграть перекавалификация малопопулярного праздника 12 июня «День России» в неделю «Солидарности народов постсоветского пространства», которую можно было бы проводить во всех субъектах Российской Федерации, особенно граничащих со странами-участницами СНГ.

Принять в качестве отдельной для СМИ особую программу «Охрана культурного наследия народов России». В связи с этим прекратить оплевывание прошлой истории страны и ее народов и содействовать укреплению позитивного имиджа России в глазах стран СНГ. В этой концептуальной схеме шире разьяснять, что пропаганда культурного мно-

гообразия подразумевает создание условий, стимулирование и оказание всяческой поддержки не только сохранению самобытности народов и культурных различий, но их развитие в связи с глобальными процессами модернизации.

На каналах Российского телевидения освещать не только юбилеи известных телеведущих и популярных юмористов и сатириков, но и юбилеи классиков отечественной художественной культуры вех народов бывшего СССР.

Институтам РАН, совместно с факультетом журналистики МГУ, творческими союзами и руководством СМИ создать спонтанные и спорадически действующие курсы повышения квалификации журналистов и сотрудников МВД для систематического изучения отечественного и зарубежного опыта, формирования и функционирования солидарности на основе обычного, гражданского и международного права. Обеспечить полную прозрачность деятельности органов законодательной и исполнительной власти, помещая соответствующую информацию на специальных сайтах в сети Интернет.

Шире пропагандировать успехи демографического поведения, государственную поддержку молодым семьям, создавая при этом культ семьи и семейной жизни, от которых в немалой степени зависит стабильность, порядок и авторитет страны.

Исключительно важное значение имеет создание благоприятных условий для оптимального развития и функционирования единого информационного, образовательного и коммуникационного пространства СНГ, использования современных инновационных технологий в науке и образовании, а также создания совместного интернет-сайта АН стран СНГ.

Следует обратиться к правительствам стран СНГ с предложениями:

- о создании в странах СНГ льготных условий налогообложения для научного книгоиздания;
- об установлении таможенных льгот для научного книгообмена между странами СНГ;
- о создании портала электронной информации во всех выходящих в странах СНГ научных изданиях.

Необходимо обсудить возможность координации усилий органов государственной власти, бизнеса и неправительственных организаций и объединений по созданию благоприятных условий для развития науки и образования и принятия мер для межгосударственной интеграции усилий ученых и практиков стран СНГ, а также вопросы нормативно-правового обеспечения взаимной докторантуры и аспирантуры стран СНГ. С этой целью создать группы экспертов совместно с представителями Министерства финансов по разработке нормативно-правовых основ и условий материального обеспечения для приема в докторантуру и аспирантуру ведущих академических институтов и университетов Российской Федерации молодых специалистов из стран СНГ. В этом же плане необходимо обсудить вопросы защиты и утверждения докторских и кандидатских диссертаций, их утверждения и признания дипломов стран СНГ.

Учитывая выдающуюся консолидирующую роль русского языка в установлении атмосферы доверительности и солидарности в межэтнических отношениях, шире привлекать СМИ для освещения состояния преподавания, изучения и обучения русскому языку в республиках Российской Федерации и в странах СНГ. Критически освещать деятельность администраций тех республик, которые самоотстранились от создания правовых, организационных, политических и идеологических условий по успешному распространению русского языка среди молодых поколений нерусских народов России. Вместе с органами Министерства народного образования СМИ должны принимать участие в инспектировании преподавания русского языка в горных районах Северо-Кавказских республик и в сельской местности некоторых республик

Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, а также оказывать поддержку странам СНГ в сохранении престижа востребованности русского языка.

Исторически сложившаяся приверженность населения стран СНГ к русскоязычным цивилизационным ценностям нуждается в последовательной и постоянной подпитке и поддержке со стороны России путем книгообмена, создания единой базы данных, в том числе на электронных носителях. К сожалению, отсутствие нормальной правовой базы не позволяет министерствам, ведомствам, академическим учреждениям, университетским центрам, общественным объединениям и неправительственным организациям осуществлять прямой информационный и культурный обмен.

В странах СНГ набирает силу тяга населения к русскому языку, российской науке и культуре. Между тем руководство некоторых стран, как, например, Грузии и Молдовы, в лучшем случае не способствует распространению и функционированию русского языка, в худшем случае – вводит ограничительные меры по его изучению и по приобщению к нему значительного большинства. Такая ситуация настоятельно нуждается в изучении, обсуждении и в оптимизации. Шире использовать русский язык для широкомасштабного проведения исторических, научных и художественных юбилеев, дающих уникальные импульсы для интеграционных процессов и для осмысления ведущей роли исполнительного Комитета СНГ в современных трансформационных процессах, в том числе процессах раннего предупреждения и преодоления конфликтных ситуаций и постконфликтных возрождений межнационального мира и согласия.

(Endnotes)

¹«Национальная безопасность Казахстана: проблемы и «перспективы» (ред. К.Ф.Затулина), «На пути к воссоединению России и Белоруссии» (Сборник статей по проблеме российско-белорусских отношений под общ. ред. К.Ф.Затулина, А.Н.Севастьянова), «Обман века. К проблеме ратификации «Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве» между Россией и Украиной.» (Документы и материалы. Предисловие К.Ф.Затулина, ред. А.Н.Севастьянова), «Испытание Украиной» (сборник статей по проблеме российско-украинских отношений под общ. ред. К.Ф.Затулина, автор статей К.Ф.Затулин, В.И.Романенко, К.А.Фролов), «Россия и ее диаспора в новых государствах» (доклад К.Ф.Затулина в Париже), «От Съезда до Конгресса соотечественников» (сборник материалов под

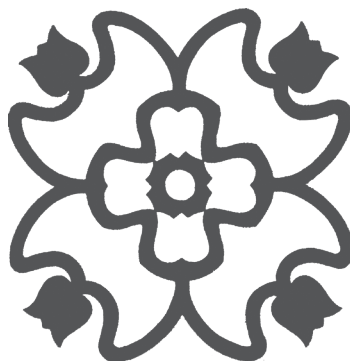
ред. А.В.Докучаева, К.Ф.Затулина, Д.Е.Лебедева, В.И.Романенко), «Российско-белорусское Союзное государство на постсоветском пространстве» (доклад. К.Ф.Затулина на Международной конференции «Беларусь между Востоком и Западом/ президентские выборы-2001 и перспективы демократии». Осло, 10-11 мая 2001г.), «Пять лет Беларуси и России» (материалы научно-практической конференции 24.12.2002. Редкол.: М.В.Введенская, А.Ф.Фадеев. Авт. ст. К.Ф.Затулин, В.И.Романенко, В.П.Жарихин, А.В.Фадеев, А.М.Мигранян и др.), «33 и еще одна история из жизни нашего «Материка» (стенограммы телевизионной программы «Материк» (ред.-сост. М.В.Введенская), «На фоне оранжевой революции. Украина между Востоком и Западом: вчера, сегодня, завтра» (ред. К.Ф.Затулина, В.Л.Жарихина, А.Ю.Артемова, М.А.Ветровой. Предисл. К.Ф.Затулина. Сост. М.В.Введенская).

² «Пять лет спустя. К годовщине распада Советского союза» (Минск, декабрь 1996 г.), «Договор между Россией и Украиной: – за и против» (Москва, апрель 1997 г.), «Казахстан на пороге XXI века» (Москва, январь 1998 г.), «Проблемы русской диаспоры в Новом зарубежье» (Москва, март 2000 г.), «СНГ – 10 лет независимого развития. Проблемы и перспективы» (Москва, декабрь 2001 г.), «Новое в российско-украинских отношениях. Крымский пример» (Крым, февраль 2002 г.), «Проблемы русского языка на Украине» (Ялта, март 2002 г.), «Пять лет Союзу Белоруссии и России» (Москва, апрель 2002г.), «Права человека в странах СНГ и Прибалтики» (Москва, сентябрь 2002г.), «Русский язык – язык общения в странах СНГ и Балтии. Проблемы и пути их решения» (Москва, июль 2003 г.), «Россия и Центральная Азия: проблема воды и стратегия сотрудничества» (Москва, апрель 2003 г.), «Итоги и уроки Крымской войны» (Севастополь, октябрь 2004 г.), «Что будет с Украиной после выборов» (Киев, декабрь 2004 г.), «Проблемы регионального развития и самоуправления регионов Украины, как один из ключевых вопросов политической жизни» (Ялта, июнь 2005 г.), «Параллельное СНГ. Абазия, Приднестровье, Южная Осетия и Нагорный Карабах как реалии постсоветского пространства» (Москва, сентябрь 2005 г.), «Украина: год после оранжевой революции. Что было и что будет» (Киев, ноябрь 2005 г.) «Черноморский флот или НАТО? К вопросу о выборе» (Севастополь, февраль 2006 г.), «Демократический опыт решения вопроса о государственных языках и проблема русского языка на Украине» (Запорожье, март 2006 г.), «Что сулят выборы российско-украинским отношениям» (Киев, март 2006 г.), «Выборы после выборов. Что будет на Украине на следующий день после 26 марта» (Москва, март 2006 г.).

³ Вендина О. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? Демоскоп. Weekly, 2004. С. 177-178.

⁴ Подробнее см.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина, А.В. Юраков. Москва многонациональная: парадоксы столичной жизни // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М., 2006. С. 226-238.

⁵ Там же. С. 231.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗРОСЛЕНИЕ.

ПОЛУВЕКОВОЙ ОПЫТ ГАГАУЗОВ

(1948-1998)

Доклад подготовлен к международной конференции «10 лет автономного территориально-го образования Гагаузия, как формы самоопределения гагаузского народа, и единство народа Республики Молдова» (22 декабря 2004 г., г.Кишинёв, Дворец Республики)

В 2059 г. наши внуки и правнуки будут торжественно отмечать 700-летие Молдавской государственности, 70-летие провозглашённой Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР и 65-летие образования Гагаузского автономно-территориального образования – Гагауз-Ери.

Юбилей – это круглая дата (5-летие или 10-летие), дающая повод придать кому-либо или чему-либо определённое общественное звучание и значение. В этом году, отмечая 645-летие Молдавского государства и 10-летие Гагаузии, мы видим совпадение двух разных юбилеев двух дружественных народов по пятилетнему циклу. Это великий дар исторической судьбы и образ библейской силы и мощи от «от дней и во веки веков» совместно отмечать совпадающие по фазе достойные юбилеи.

Концентрированное выражение толерантности, доверительности и солидарности нашло отражение в том, что история обрекла два народа, молдаван и гагаузов, на дружбу и кон-

солидацию в рамках единого государства.

В предназначенности жить вместе, дружить и совместно справлять юбилеи проявляется великий урок более чем двухвекового сосуществования гагаузов и молдаван и главный урок полувекового движения гагаузов к обретению своей этнополитической идентичности, наряду с восстановлением разрушенных в советский период религиозной идентичности и идентичности собственника. Эта полувековая дистанция стартует в 1948 г., когда из Управления делами Совета Министров СССР (16 декабря) министру образования СССР тов. Кафтанову М.А. поступила директива подготовить проект Постановления Совмина СССР «Об организации культурно-просветительской работы среди гагаузов», и завершила в 1998 г., когда Народное Собрание Гагаузии в г.Комрате приняло Уложение Гагаузии (Основной Закон).

Особую роль в этнополитическом взрослении гагаузов второй половины 20 века сыграл принятый Парламентом Республики Молдова

Закон «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз-Ери)», десятилетие которого даёт ориентиры и прекрасный повод для огляда, хотя бы с высоты птичьего полёта, на полувековой опыт этнической и социо-культурной мобилизации гагаузов. Этот путь завершился обретением новой для гагаузов этнополитической идентичности.

Gutta cavat lapidem non vi sed sepe calendo – гласит латинская поговорка. Древняя мудрость о том, что капля точит камень не силой, а частым падением, оказывается вполне применимой к новейшей истории гагаузов.

В самом деле, капли терпения и нетерпения точили неприступную крепость государственных и партийных структур Кишинёва и Москвы, Одессы и Киева, а этнополитическое развитие соответственно шло по эволюционной модели. Вместе с тем, были взлёты революционного подъёма духа, выразившиеся в движении за сохранение своей самобытности и за утверждение своей идентичности путём этнополитического и этнотерриториального самоопределения.

Если судить по готовности, интенсивности и результативности этнической мобилизации гагаузов во второй половине 20 века, то, коротко говоря, в их этнополитической истории можно выделить, по крайней мере, 6 периодов.

В первом периоде, длившемся с 1948 по 1962 гг. произошло возгорание этнической мобилизации, благодаря инициированным официально сверху попыткам создания, во-первых, письменности 1948-1949 гг., и, во-вторых, создания государственности в 1957-1958 гг.

Краткий период возгорания закончился в 1962 году в связи с отменой преподавания гагаузского языка в школах и начался период тления (1962-1985), в котором вялотекущая социокультурная и этнопсихологическая социализация (социальное взросление) напоминала затухающий костёр. В этом костре догорала собственническая идентичность, связанная с переходом от капиталистического к социалистическому менталитету и образу жизни, теряла свою силу и слабея религиозная идентичность, зато возрождалась, как ручейки талой воды под сугробами дискриминации, этническая идентичность и относительно форсировано, в силу законопослушности гагаузов, укреплялась гражданская и профессионально-производственная идентичности и особен-

но лояльность к молдавской государственности и к Советскому Союзу.

Вслед за короткой хрущёвской оттепелью и продолжительным, почти в четверть века брежневским тлением, наступил, как и у многих других народов Советского Союза, краткий, но темпераментный период горбачёвского томления (1985-1989 гг.), наполненный (насыщенный) острыми дискуссиями и страстными поисками древних пращуров, своих этнокультурных корней, своего «Золотого века», своей «исконной территории», своих реальных и мифологизированных героев.

В 70-80-е годы в пределах Советского Союза на разогрев и растопку типологически сходного томления с энтузиазмом работала академическая и университетская профессура, создавали свои патриотические, ностальгические и этнически окрашенные произведения учёные, поэты, писатели, художники. И не случайно в ряду впечатляющих сочинений об исторической памяти народов СССР и романов против манкуртизации таких, как «Очаг» Зория Балаяна, «Память» Владимира Чивилихина, «Письма из Русского Музея» Владимира Солоухина, непревзойдённой повести «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, романа «И дольше века длится день» Ченгиза Айтматова, ностальгически окрашенных произведений Иона Друцэ, «Мой Дагестан» Расула Гамзатова появился первый исторический роман на гагаузском языке «Узун керван» Д.Н. Танасоглу, а также циклы стихов С.С. Куроглу.

Душевный пожар, характерный для этнических мобилизаторов в период томления, обернулся в следующем периоде – горения (1989-1990 гг.) пожаром в умах, в делах, на дорогах Молдовы и в гагаузских сёлах.

Две самопровозглашённые гагаузские республики, сначала 12 ноября 1989 г. в составе Молдавской ССР, а затем 19 августа 1990 г. («Декларация о свободе и независимости гагаузского народа от Республики Молдова»), а также неуклюжий поход волонтеров с севера на юг, едва не спалили более, чем двухвековую мирную, добрососедскую, дружескую жизнь двух народов – гагаузского и молдавского.

Англичане недаром говорят: «Law is always the product of politics». Выдающимся достижением пятого периода – упоение (1990-1994 гг.) стал, следуя английскому афоризму, Закон «Об особом правовом статусе Гагаузии», как про-

дукт трезвомыслящих и опалённых гражданской войной на берегах Днестра молдавских и гагаузских политиков.

Сегодня, пожалуй, нигде в постсоветском пространстве нет закона, равного тому, что при содействии молдавского истеблишмента, гагаузских экспертов и этнических мобилизаторов, а также при содействии международной общественности, был принят 23 декабря 1994 г. в зале заседаний молдавского парламента.

Историческое значение этого документа состоит в том, что была создана правовая база для развития этнополитической идентичности гагаузского народа не на экстерриториальной основе, как это, например, предусмотрено законом РФ «О национально-культурной автономии», а на территориальной основе в районах компактного проживания гагаузов.

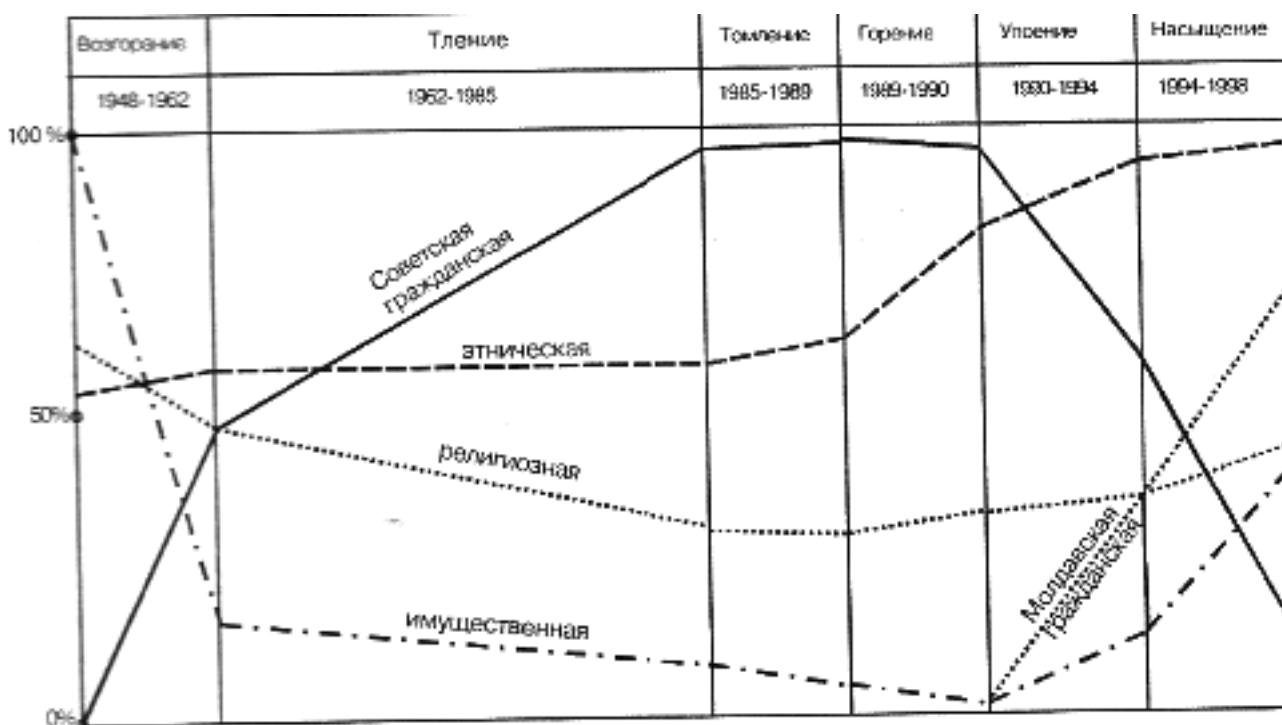
Даже та часть радикальной гагаузской элиты, что считала себя обделённой, недополучив искомую Гагаузскую республику, в конечном счёте утешает себя тем, что, как гласит турецкая поговорка, « Bu günkü tauk yarınki kazdan yidir».

В самом деле, в том, что сегодняшняя курица лучше завтрашнего гуся, показал следующий период – насыщение (1994-1998 гг.), когда созданная законом правовая база, ставшая юридическим закреплением права гагаузов, как самостоятельного народа на этнополи-

тическое самоопределение, и одновременно показателем, готовностью и подтверждением Республики Молдова идти путём демократических преобразований и путём построения гражданского общества.

Итогом соединения усилий лидеров этнических мобилизаторов и вновь созданных официальных структур и Комрата, и Кишинёва стало принятие «Уложения Гагаузии» в 1998 году.

Таким образом, основанием для периодизации схематично представленной этнополитической истории гагаузов во второй половине 20 века служат ни индоктринальные идеологии, ни митинговая риторика, ни технологии этнической мобилизации, ни деятельность неправительственных организаций, хотя все они работали на социализацию и деинфантилизацию, а политико-правовое закрепление административного статуса районов в местах компактного проживания гагаузов. Этот продуктивный подход, в свою очередь, обеспечивает пусть пока и не безболезненное, в связи с переходом от плановой к рыночной экономике, восстановление частной собственности и соответственной имущественной идентичности, нормальную реанимацию и оптимальное функционирование религиозной идентичности, сохранение и укрепление этнической и гражданской идентичностей.

Впервые опубликовано в газете: «Вести Гагаузии», 2005 г. 28 января. №13-14,(7009-7010)

БУКЕТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Предисловие к книге В.П.Степанова

*«Грани идентичностей: Этногражданские процессы в среде национальных меньшинств республики Молдова на примере украинского населения *1989-2009 гг.»*

Вызовы времени на рубеже XX и XXI вв. актуализируют исследовательские темы, раскрытие которых позволяет дать ответ на научные проблемы и открывает выход в практику. Конкретные выводы, помещенные в заключительной части монографии В. П.Степанова, - еще одно наглядное тому подтверждение.

Изучение различных форм идентичности, в том числе этнической и гражданской, составляющих предмет исследования в данной работе, осуществляется в предметной области отдельных научных направлений - социальной психологии, социологии, политологии, этнологии, взаимодействие которых, в свою очередь, порождает массу научных междисциплинарных направлений.

Монография В. П. Степанова, посвященная этнической и гражданской идентичности украинского населения Республики Молдова, представляет собой междисциплинарное исследование, выполненное на стыке этнологии, истории, политологии, права и социологии.

Во-первых, в нем анализируется этносоциальная группа, длительное время проживающая на территории Республики Молдова,

во-вторых, характеризуется положение украинцев в очерченных хронологических рамках на обоих берегах Днестра, что приобретает особо важное значение в период нерешенных проблем во взаимоотношениях между Кишиневом и Тирасполем.

Наряду с обязательными требованиями, предъявляемыми к монографии, автор, несмотря на то, что исследование касается процессов современности, делает серьезный и глубокий экскурс в историю украинского населения края. Демонстрируя прекрасное знание фактологии, В. Степанов подробно знакомит читателя с основными вехами в истории восточного славянства на молдавской земле, трансформацией этнического имени украинского населения. В исследовании выделяются этапы историографического изучения украинского населения края. Работа, безусловно, выигрывает от подробного анализа автором, на основе разного рода историографических источников, традиционной культуры хозяйствования в XIX - начале XX вв., занятий и устройства дома изучаемого народа. Важность исследования заключается в возможно-

сти выявить общеукраинские и региональные черты.

Количество представленного материала, в том числе впервые вводимого в научный оборот, глубина его осмысления и сделанные выводы о становлении нормативно-правовой основы межэтнических отношений, ее соответствии международным нормативно-законодательным актам, о факторах, масштабах, темпах формирования этнической и гражданской идентичности украинцев Республики Молдова, о роли этнических мобилизаторов и украинских этнокультурных объединений, являются важным вкладом в гуманитарное знание.

Серьезный и всесторонний анализ историографии по общетеоретическим вопросам идентичности в Республике Молдова и за рубежом, а также материалов, затрагивающих непосредственно этническую и гражданскую идентичность украинского населения края, достигнут за счет авторского умения выделять и сочетать интересы одной отдельно взятой этнографической группы в полиэтническом сообществе и учитывать общественные интересы всего меняющегося сообщества.

При изложении результатов исследования В. П. Степанов порой выходит за рамки своей темы, непосредственно связанной только с украинцами Молдовы и украинством, при этом он не избегает острых дискуссионных тем, делая это изобретательно и профессионально. Пафос и итоги монографии В. П. Степанова свидетельствуют о том, что в построении гражданского общества принимают участие все представители Молдовы как полиэтнического государства. Многоликость этнической и гражданской идентичности находит свое проявление в среде лиц различной национальности и среди интеллигенции, делает национальные меньшинства одной из устойчивых сил в деле поддержки и сохранения молдавской государственности. Причем украинцы, как справедливо отмечено в монографии, выступают своеобразным локомотивом в рассмотрении процессов развития гражданского и этнокультурного общества в Республике Молдова постсоветского периода.

Характеристика проблем становления института законодательного обеспечения прав и

свобод национальных меньшинств, деятельности государственных органов, которая направлена на защиту и поддержку национальных меньшинств, превращает положения и выводы исследования в важное пособие для коллег, занимающихся изучением и оптимизацией этнополитических и этноправовых процессов в среде представителей национальных меньшинств.

В. П. Степанов, обладая острым чутьем социальной ткани, хорошо представляет себе механизмы формирования этнической и гражданской мобилизации на страницах национальноязычной литературы. При ее анализе автор выделяет произведения, освещающие традиционно-бытовую культуру украинцев как самими украинцами, так и авторами других национальностей. Этот малоисследованный аспект позволяет направить прожектор на видение этноса/этнической группы как «своими», так и «иными» носителями этнической идентичности. Особой заслугой автора можно считать всесторонний и обстоятельный анализ художественной литературы как фактора этнокультурной мобилизации. Соответствующие страницы читаются с захватывающим интересом.

Безусловный интерес представляют авторские размышления на историософскую проблематику, одновременно имеющие прямой выход на практику. Речь идет о проблеме мифологизации истории и влияния ее на формирование этнических стереотипов. Авторское понимание этой глобальной проблемы, безусловно, вносит достойный вклад в изучение проблемы искусственного формирования ценностей, воздействия на массы.

Неординарно подходит автор и к анализу этнокультурного движения народа. Наряду с традиционным описанием жизни этнокультурных организаций он удачно и неожиданно рассматривает закрытое/полузакрытое общественное движение, способное влиять на мобилизацию самой элиты. В качестве примера Вячеслав Петрович характеризует деятельность украинской организации «Рыцарский орден архистратига Михаила» и его роль и укреплении рядов этнической элиты Молдовы.

Обращает на себя внимание текст, посвя-

щенный урбанистическим процессам и проблеме ксенофобии в городах Молдовы. Вообще, нужно сказать, что многогранность проблем идентичности уводит исследователей в самые далекие палестины. Вероятно, чувствование этого автором и послужило поводом для названия этой книги.

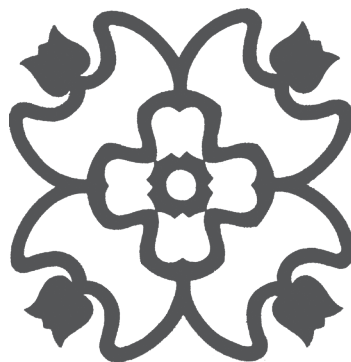
Не менее интересной выглядит попытка разобраться в проблеме формирования культурного кода Молдовы.

Этносоциологический опрос, проведенный среди представителей украинского населения, позволил выявить тот факт, что представителей национальных меньшинств по-прежнему беспокоит проблема межэтнической стабильности, войны и мира, а также вопрос о формировании патриотических ценностей. Редкий в нынешних условиях рыночной экономики, разработанный В. П. Степановым опросный лист состоит из нескольких блоков (языковые ценности, семья, семейные отношения и предпочтения в выборе партнера, такие маркеры, как «Родина», «Вторая Родина», «земля», состояние этнических и гражданских ценностей респондентов-украинцев в связи с этнической Родиной (восприятие государственной символики, оценка этнокультурного движения); вопросы, касающиеся этнопсихологической характеристики украинского населения), которые позволили

получить новые, впервые вводимые в научный оборот сведения об авто- и геторостереотипах, сложившихся в среде этносоциальной группы населения, что усилило выводы и доказательность исследования.

Книгу В. П. Степанова отличает четкая логика изложения. Текст читать и полезно, и интересно, хотя автор иногда бывает критичен. Материалы монографического исследования были апробированы автором в многочисленных научных публикациях, в том числе в трех монографиях, последняя из которых «Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода (1989-2005)» (Кишинев, 2007) встретила широкий положительный отклик среди специалистов. А текст, положенный в основу данной работы, был защищен автором в виде диссертации на соискание ученой степени доктора habilitation истории. Исследование, безусловно, выигрывает в связи с тем, что на его страницах представлены этнополитические и этнокультурные процессы, затрагивающие судьбу украинцев Левобережья. Автор накопил большой и разносторонний материал и сумел его доказательно представить. Исследование В. Степанова станет ценным научным пособием для всех, кто интересуется проблемами жизнедеятельности украинцев (и других этносоциальных групп) в Молдове или изучает их.

Впервые опубликовано в книге: Степанов Вячеслав Петрович. Грани идентичностей: Этно-гражданские процессы в среде национальных меньшинств Республики Молдова на примере украинского населения (1989-2009 гг.) Кишинев, Tipogr. «Elan/Inc», SRI, 2010, с. 7-10.

ЭТНОГЕНЕЗ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

В последнем десятилетии XIX в. и первом десятилетии XX в. вопросы этногенеза в России ставились неоднократно. Это было выражением общественной востребованности этнографической науки и одновременно показателем расширяющихся горизонтов гуманитарного знания. Наряду со специализированными изданиями РГО («Вестник», «Записки», «Известия») выходили тематически ориентированные «Этнографические сборники». Особое место в ряду этнографических журналов занимали «Этнографическое обозрение», «Новая старина», с 1881 по 1901 г. вышло 12 томов «Живописная Россия».

Интерес к собиранию этнографических материалов в связи с изучением происхождения народов поддерживался вовлечением в эту деятельность широких масс русской и инородческой интеллигенции. Именно в эту пору, отвечая на вызовы времени, В. А. Мошков собрал в Бессарабии уникальные сведения по этнографии и филологии гагаузов¹.

Фронтальное исследование материального, общественного и семейного быта народов России, народных верований и знаний, устного народного творчества, обычного права, народной медицины и музыки позволило собрать в огромном количестве материалы и

мобилизовать их не только для комплексного изучения происхождения, но и для характеристики традиционной культуры народов. Одним из первых к изучению этногенеза, как специфической проблемы, крайне важной для истории и культуры народа, призывал еще в XVIII в. В. Н. Татищев. На рубеже XIX-XX вв. в пору активного накопления этнографического материала о народах России, особенно данных по обычаям, обрядности, верованиям и ментальности, удалось преодолеть заложенную В. Н. Татищевым одностороннюю теорию этногенеза, выводимую, как полагал С. А. Токарев, путем сравнительного анализа языков («разности и согласия языков»).

В конце анкеты, составленной и разосланной В. Н. Татищевым в 1734 г. и состоящей в первой редакции из 92, а во второй - из 198 вопросов, приводилась принципиально важная установка: «наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть»².

Для раскрытия тайн, залегающих во глубине веков, исследователи обратились наряду с языковыми данными к археологическому, антропологическому материалу, к многим данным материальной и духовной культуры. В связи с этим сегодня очередной задачей этно-

логии выступает обработка, систематизация и осмысление собранного материала, «сведения воедино» данных, собранных специалистами различных отраслей науки о тюрках в мире и о мире их повседневной жизни. Необходим широкий этнологический охват всего тюркского мира не только с научной, но и с идеологической и практической точки зрения. В наши дни чрезвычайно важным представляется понимание того, что не только экономика, но и культура, в том числе традиционная, имеет катализирующее значение для общественного прогресса.

Так, например, в современном пантеоне культов гагаузов прослеживается яркий пример симбиоза следов языческих представлений, идущих от кочевой жизни (культов волка, коня, родника, предков) и следов язычества, коренящихся в жизни оседлого населения (культы земли, хлеба, петуха, фаллоса)³. Поэтому, вполне естественно, востребована обширная информационная эрудиция и значительные процедурные возможности, чтобы шаг за шагом, кирпичик к кирпичику увязывать этнографические материалы воображаемых или вероятных предков и потомков с данными фольклористики, археологии и антропологии. Эта методологическая Анучинская триада, получившая широкое распространение в первой четверти XX в., сохранила свое значение и сегодня, на заре XXI в. Создание методологии и методики изучения этногенеза, этногенетической истории народов, бесспорно, считается гордостью российской этнологической науки. От этой позиции вряд ли целесообразно самоустраняться.

Однако сегодня, в постсоветский период, позиции отечественной науки в деле осмысления и анализа происхождения и этнической истории народов заметно ослабли. Так, например, обширный свод данных об истории и культуре куман (половцев) в двух томах увидел свет в 2009 г. не в России, а в Болгарии. Свод античных и византийских источников о древних и средневековых тюрках «Великой степи» составлен и издан в 2005 г. не в России, а проживающим в Казахстане А. Н. Гаркавцем. Серьезные труды по истории тюркских народов опубликованы в России, Болгарии, Румынии, Венгрии, Турции, США,

в том числе на основе заново переведенных арабских, византийских и других источников. Однако внимание большинства исследователей сосредоточено, как правило, на политической, в ущерб этнической истории тюркских народов.

Разнообразные идентичности, в том числе, например, этническая, гражданская, гендерная, социальная, политическая, региональная, триедины по своей сути и по своему проявлению: осознаваемые, т.е. предполагающие знание объективных факторов, подобно фундаменту, поддерживающему воображаемое или реальное здание идентичности, реализуемые в своей повседневной жизни в разнообразных поведенческих стратегиях и, наконец, самооценивающие сам факт собственной принадлежности к той или иной группе населения⁴.

Важное значение для этнической истории народа, в том числе для сохранения его оригинальной идентичности, имеет сохранение в качестве родного языка своей национальной принадлежности. Несовпадение родного языка с этнической принадлежностью символизирует, по крайней мере, о «размываемости» этнического самосознания, а вслед за расплывчатым самосознанием - и о коррозии самобытности.

Сегодня не только этническая, но и другие идентичности молдаван, как, впрочем, и других народов, требуют серьезного внимания. Гендерная идентичность требует оптимального баланса рациональности и эмоциональности, чтобы соответствовать мужскому кредо. Оно, как известно, гласит: «Чтобы быть мужчиной, мало им родиться - надо им стать: надо построить дом, воспитать ребёнка, посадить дерево, создать и лелеять семью, нести ответственность за её благополучие». Чтобы быть носителем гражданской идентичности, надо, в частности, пользоваться правами и свободами и исполнять обязанности, предписанные Конституцией.

Объективная основа религиозной идентичности мусульманина интересовала выдающегося молдавского мыслителя Д. Кантемира. В главе «О теологии мухамеданской» он, в частности, писал и находил ответ в предписаниях Корана. Вопрос: «Колико есть кондиции, имиже вера мухамеданская, совершается.

Ответ: пять: 1) Исповедание веры. 2) Определённые на всякий день моления. 3) Пост. 4) Путешествие в Мекку. 5) Еже даяти Богу десятину по все годы, то есть пятьдесятую часть от своих си стяжаний». «Вопрос: Какое есть кондиции совершенного поста? Ответ: Четыре: 1) Воздержатися от питие воды. 2) От брашна. 3) Отъ пребытия со женою. 4) Не токмо телом, но и умом и духом поститися»⁵. При этом, по крайней мере, две из пяти заповедей ислама созвучны в турецком и гагаузском языке: урудж - хоруч (пост) и гаджь - хаджи (посещение соответственно Мекки и Иерусалима)⁶. В ряде стран историки, этнологи и социологи собираются, чтобы обсудить и уточнить опредмеченные результаты своей профессиональной деятельности: статьи, книги, музейные выставки, кинофильмы, театральные постановки. Имеет смысл коротко остановиться на примере двух стран — США и России, в том числе - на источниках, которые публикуются в «The Journal of American History» и в тезисах докладов IX Конгресса этнографов и антропологов России (г. Петрозаводск, 2011 г.).

Обсуждения творчества профессионалов коллегами на специализированных конференциях или на их отдельных структурных подразделениях, секционных заседаниях, круглых столах, тематически ориентированных симпозиумах обычно начинаются с упреков

и сожалений в том, что мы, профессионалы, редко выносим на обсуждение такие базовые вопросы: «Как, что и почему мы делаем, чтобы усвоить, чем и во имя чего мы занимаемся, какие ценности и культурные элементы мы создаем и кому они нужны. Что мы поддерживаем или выступаем против чего? С помощью каких институтов мы сохраняем мир и порядок и с помощью каких идей и идеологием подкармливаем самосознание и достоинство народа?». При этом интерес, конечно, вызывает не только профессиональная продукция на выдаче кто, что, как, во имя чего пишет), но и на приеме, т.е., кто читает историческую и этнологическую литературу, как ее воспринимает, комментирует, включает в свой интеллектуальный багаж в поведенческие стратегии.

Так, например, в одном из номеров американского журнала «The Journal of American History»⁷ были опубликованы итоги специального исследования, проведенного в июне 1993 г. среди американских специалистов, профессионально работающих в области исторического знания. На вопросы анкеты, посвященной мотивам и оценкам своей профессиональной занятости, ответили 1047 профессионалов (11,4 %о) из 9162 человек, в том - 925 историков, работающих в США, и еще 122 специалиста, временно осуществляющих исследования за пределами США (см. табл. 1).

Таблица 1. Какими мотивами определяется профессиональная деятельность американских историков?

1.	Идеология	38.5
2.	Образование	37.8
3.	Национальность (гражданство)	30.4
4.	Социальная принадлежность	16.8
5.	Гендерные интересы	16.3
6.	Региональные особенности	15.2
7.	Религиозная принадлежность	12.8
8.	Вопросы возраста	8.4
9.	Этническая принадлежность	6.9
10.	Расовые проблемы	3.4
11.	Политическая ориентация	2.0

При этом каждый девятый специалист, добровольно принявший участие в опросе, уклонился от ответа на этот вопрос⁸. Данные более чем красноречивы. Но прежде чем их комментировать, примем во внимание, что анкетированный мог выбрать, по крайней мере, две позиции из предложенной шкалы ответов. Примерно три четверти опрошенных указали в качестве движущей силы их творчества интерес к идеологии и образованию, что, безусловно, имеет прямое отношение к профессиональной карьере и мобильности, связанных с занятостью и в большинстве случаев с проблемами жизнеобеспечения. Вместе с тем 112,2 % указали в качестве мотивов своей профессиональной деятельности те или иные виды идентичности, среди которых первые 4 места заняли идентичности, связанные с национальностью (гражданством), социальной принадлежностью, гендерной озабоченностью и региональными особенностями. Вероятно, в последнем случае речь идет о том, что принято считать малой родиной, осознание которой в США сильно размыто в отличие от граждан России.

При подготовке IX Конгресса этнографов и антропологов России в адрес руководителей секции по проблемам идентичности М. Н. Губогло и М. А. Жигуновой поступило около 200 заявок. В ходе редактирования и переписки с авторами было рекомендовано включить в программу конгресса свыше 80 заявок, из них опубликовано 69 тезисов докладов. Выступили с докладами 32 участника секции. В дискуссии приняли участие свыше 100 человек из 20 городов и 9 государств мира.

После развала Советского Союза одной из составных частей транснациональных изменений стали процессы повышения интереса русских и других народов России к своей этнической истории, происхождению и осознанию своей гражданской и этнокультурной идентичности, в немалой мере - росту самосознания граждан, поискам ответов на вопросы «Кто мы, откуда и куда идем? В чем наше сходство и различие с другими народами?» и ряд других проблем личностной, групповой, региональной и государственной идентичности.

Не случайно в программах общероссий-

ских конгрессов этнологов и антропологов проблемы идентичности занимают одно из ведущих мест. Секция по проблемам идентичности, инициированная М. А. Жигуновой, в работе последних конгрессов 1997 - 2011 гг., особенно - на конгрессах в Саранске (2007 г.), Оренбурге (2009 г.), Петрозаводске (2011 г.) собирала рекордное число участников по сравнению с остальными 30-40 секциями, посвященными актуальной проблематике по программам этих конгрессов. Как удачно заметил один из участников: «секция по идентичности - это конгресс в конгрессе».

Свою существенную роль в выявлении и актуализации этнического самосознания и идентичности в зигзагах этнических историй народов сыграли труды этнографов и историков. Их публикации способствовали прочтению прежних полузабытых страниц этнической истории народов, порождали стремление, память, истоки, судьбу и будущее своих культур, языков, стратегий повседневной жизни. Изучение идентичности в современном гуманитарном знании, с одной стороны, подводит итоги и анализирует уроки, вызванные изменениями в культуре и менталитете русского и других народов России, с другой, открывает перспективы для специалистов в расширении предметной области этнологии и антропологии и для их участия в расширении горизонтов гуманитарного знания. Обновление программатики и проблематики идентичности, начатое более 20 лет тому назад, раскрывается в сборниках статей и материалов, посвященных времени, пространству и причинно-следственным основаниям и факторам идентичности, идентичностям и образам России и россиян: Сборники изданы к 70-летию академика В. А. Тишкова⁹.

Обсуждение проблематики идентичности на рубеже XX - XXI вв. происходило по следующим направлениям: личностной и групповой идентичности на примере этнической истории разных народов и этнической судьбы представителей различных этнических и этносоциальных сообществ; проблемно-предметной, ориентированной во времени и пространстве; причинно-следственной, обусловленной, главным образом, социальными процессами, этнополитической средой

и мотивами карьерного роста. В литературе заметно растет удельный вес проблематики идентичности, связанной с культурным наследием народов. Сказалось, в частности, влияние инициированной Президиумом РАН Программы фундаментальных исследований «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Одним из позитивных итогов недавней политизации идентичности в 1990-е гг. явилось смещение общественно-го интереса, а вместе с тем и общественных факторов от артефактов к ментифактам, от так называемых «осязаемых» к «неосязаемым» фактам и факторам¹⁰. В изучении форм групповой идентичности выявлен растущий интерес к ретроисследованиям популярной в досоветские и советские времена проблематики, связанной с происхождением и этнической историей народов.

Объективные и субъективные факторы, порождающие новые идентичности или вызывающие переосмысление прежних, связаны и сопряжены не только с политикой, но и с отдельными конкретными аспектами культуры, в том числе с языком, религией, с пропагандой и воспитанием, историческими памятниками, с гражданской идентичностью, этногосударственной символикой, семантической брендов (локальных территорий)¹¹.

От конгресса к конгрессу расширяется участие этносоциологов в обсуждении проблем идентичности, что говорит о закреплении и расширении этого нового междисциплинарного направления в системе этнологии и в лоне современного гуманитарного знания. Молодые исследователи на заре нового столетия с энтузиазмом добывают новые факты и свежую информацию о текущем моменте и о характере этнической идентичности. выступающей причиной и следствием этнополитических процессов и межэтнических отношений. Вместе с тем порой выводы строятся на песке, без привязки итогов проведенных опросов к конкретным показателям внешней среды как в местном, так и в региональном масштабе. Воспринятая из романтического периода этносоциологии «цифромания» не всегда подкрепляется привязкой ее к социально-экономической, политической и социокультурной инфраструктуре. Назрела, види-

мо, пора обсудить проблематику идентичности в увязке с характером внешней среды и особенностями этнической истории.

В 1960-е гг. на кафедре этнографии исторического факультета МГУ среди студентов и аспирантов самой привлекательной и востребованной темой для специализации была проблематика, связанная с происхождением народов. Сегодня она, увы, выведена на периферию предметной области этнологии. Ее место заняла новая тематика - её Величество Идентичность. Сторонники неолиберальных взглядов, исходя из того, что мы, современники, не обязаны считать себя в долгу перед прошлым, отвергают проблематику этногенеза как невостребованную и никому не нужную. Сегодня, однако, это выглядит, по крайней мере, нелепо в свете неизменного восхищения египетскими пирамидами, скифским золотом, половецкими (куманскими) каменными изваяниями, парфянскими коврами и другими бессмертными изделиями ума, души и рук человеческих.

Между тем, состояние и содержание идентичности, как самовыражения каждого из народов, вместе с обликом их повседневной жизни и этнополитического статуса, характер расселения напоминают хорошо разветвленную крону и корни дерева. Вполне естественно, что широко разветвленная крона (осознанная идентичность) подпитывается глубоко залегающими, могучими историческими корнями. Живая кросспоколенная связь передает водяное питание листьям от корня и вместе с тем обеспечивает питание от листьев корням. Для того, чтобы разглядеть многоветвистую вершину дерева, необходимо усилие: приподнять себя и свой взгляд и расширить горизонт своих представлений. Для того, чтобы оценить могущество многоцепких корней, необходимы раскрытие почвы и профессионально проведенные археологические раскопки: необходимо в себе самом углубить представление об историческом контексте, в бульоне которого создавалась «амальгама» и бытовала культура предков. Однако в происхождении и в этногенетической истории любого народа остается загадкой количество «годовых колец», пересчитать которые практически невозможно, увы, не спилив самого дерева.

Широкий фронт исследований, развернутый в области этнической истории, вселяет надежду, что наряду с общим расширением кругозора исследователей и обогащением предметной области науки, с повышением уровня технологических и процедурных средств односторонние, однолинейные теории происхождения по принципу «или-или» будут постепенно изживать себя. Информационный вакуум, сложившийся в истории некоторых народов, к примеру, у гагаузов, в связи с отсутствием прямых упоминаний их этнонима в письменных источниках до начала XIX в., или сменой одного этнонима другим, не позволяет сегодня прямолинейно судить о реальных предках (точно так же, как скрытые под корой в стволе дерева годовые кольца не раскрывают внешнему взгляду его реальный возраст).

Однако ситуация с проблемой этногенеза народа не столь безнадежна, как она порой обрисовывается в сочинениях отдельных скептиков, разработанная на основе нарративных источников. В ее решении большую помощь могут оказать классические теории этногенеза народов, созданные и успешно применяемые многими поколениями российских исследователей. В основу антропологии может быть положена стратегия, сочетающая синхронно-диахронный подход, объектом внимания которого выступают не только тексты, но и вещи, их семантика и синтез, а также - явления, символы и отношения, связывающие культуру предков и потомков. Весьма ценными, в частности, представляются археологический инвентарь, данные нумизматики, к которым довольно часто и весьма успешно обращаются исследователи этнической ситуации Причерноморских степей, Крыма, Бужака, Подунавья, Добруджи, а также районов Венгрии, Молдовы, Румынии.

Однако монеты приходят и уходят. И находки каждого клада в известной мере случайны, так как представляют собой сочетание заслуженного профессионального успеха археолога и счастливой удачи. Вряд ли репрезентативна и случайно найденная керамика, на которой не обозначена этническая идентичность ее изготовителя или потребителя. Совсем другое дело — элементы традиционной и, прежде всего, соционормативной куль-

туры, которые сохраняются порой в неизменном виде, так как осознанно передаются из поколения в поколение в массовом масштабе.

Изучение менталитета, обычаев и нравов, духовной культуры сельджуков и других тюркоязычных народов Юго-Восточной Европы в XIII-XIV вв. на основе данных персидской хроники Ибн-Биби, тюркской летописи Языджи оглу Али, византийских и русских источников, лексического материала из всемирно известного Codex Cumanicus, позволяет сегодня, по крайней мере, отказаться от теорий прямолинейного восхождения тех или иных современных тюркских народов к одному единственному народу средневековья или древности.

Так, например, этнокультурные параллели, обнаруженные турецкими учеными в повседневной жизни сельджуков XIII-XIV вв. и современных гагаузов, убеждают, что в традиционной культуре гагаузов сохранились следы не только печенегов, узов (торков) и куман (половцы), но и сельджуков. Особым светом эти этнокультурные параллели освещаются данными, содержащимися в незаслуженно забытом источнике — произведении Д. Кантемира «Книга систима или состояние мухамеданския религии», написанном на латыни в 1719 г. и опубликованном на русском языке в 1722 г. по личному указанию Петра Великого. Парадокс, и вместе с тем интрига, состоит в ее названии и оглавлении¹². Первый том состоит из 6 книг, в том числе книга 1 - «О лжепророке Мухаммеде» (С. 1-36); 2 - «О коране» (С. 37-54); 3 - «Об апокалипсисе мухаммеданском» (С. 55-80); 4 - «О теологии мухаммеданской» (С. 81-166); 5 - «О религии мухаммеданской» (С. 167-250); 6 - «Об иных религии мухаммеданской уставах» (С. 251-379).

Ислам как религиозная система в значительной мере предписывает принципы и правила повседневной жизни верующих. За 22 года, проведенные в Турции, будучи сначала заложником (1688-1693 гг.), а затем - представителем Господаря Молдавии при Оттоманской порте, Д. Кантемир уловил главную особенность ислама, регламентирующего повседневную жизнь мусульман, и впоследствии вынес в название своего сочинения, и тем самым ввел в заблуждение на долгие три

столетия тех, кто не потрудился ее мотивированно прочитать или не имел возможности заглянуть в ее содержание и увидеть за догмами ислама будни и праздники повседневной жизни.

На самом деле в книге речь идет не только и не столько о Коране и религиозной догматике, сколько о жизнедеятельности, ментальности и особенностях обыденной жизни людей, исповедующих ислам, и в первую очередь о турках. Если бы Кантемир дал своей книге другое название, например, «О состоянии повседневной жизни и этничности у мусульман», вероятно она, во-первых, не оказалась забытой на протяжении трёх столетий, и, во-вторых, к заслугам её автора наряду с присвоением почётного звания первого в мире «исламоведа, корановеда, суфилога, арабиста, ираниста и тюрколога»¹³ можно было бы добавить, во-первых, «звание основоположника этнографического описания» турок, во-вторых, «создателем теории повседневности»¹⁴

Книга насыщена турецкой терминологией, например, персидское слово ресул, переведённое в ислам пейгамбер (святой), Д. Кантемир предлагает именовать по-турецки словом «улвз иоль гиостереджи», т.е. указатель широкого, великого пути (С. 2). «Мухаммедане, а наипаче Турки, какъ Константинопольские, так и других градов и весен, подъ властью отпоманского сущих жители, обычаи имеют»¹⁵.

Некоторые аспекты повседневной жизни сельджуков XIII-XIV вв., известные из персидской хроники, турецкой летописи и ряда других источников, вполне корреспондируют с традиционной культурой османских турок XVII-XVIII вв. и современных гагаузов. Повторим, уже называвшиеся в литературе обычаи гостеприимства, омовение покойного, связанное с культом предков, известное по фольклорным источникам, плохое отношение к попам, безгреховное убийство цыгана-конокрада, терминологическое сходство номинации ада, обозначаемое словом *sendem* в гагаузском и *sehennem* — в турецком, обращение к Богу — словом: Аллахым, обычаи присвоения почетного звания человеку, посетившему Иерусалим — хаджи, аккуратное и вместе с тем настороженное отношение к

сглазу, страсть к коворотчеству, популярное в народе двуязычие и многоязычие, престиж трудолюбия и долг гостеприимства, обилие поговорок и пословиц едва ли не на все случаи жизни¹⁶

Исключительно ценные сведения о гостеприимстве, системе питания, одежде, родильных и похоронных обрядах турецкого населения, содержащиеся в выдающемся сочинении Д. Кантемира «Система или состояние мухамеданской религии», вместе с коллекцией пословиц и поговорок, значительно раздвигают источниковую базу для изучения гагаузско-сельджукско-турецких этнокультурных параллелей¹⁷.

Кроме риторики и главных заповедей, частично сходных в исламе и православии, Д. Кантемир приводил примеры популярных нравственных идеологем, сопутствующих щедрости или оправдывающих ее. Так, например, щедрость в султанском дворе подкреплялась присловием «Бугюнъ гелень бугюн гитсин», кто есть приходящее сегодня, сегодня и пусть уйдёт»¹⁸. Вместе с тем, Д. Кантемир, как проницательный автор и как человек иного вероисповедания, наблюдавший ислам извне, отмечал и негативные аспекты щедрости, исходящие порой из корыстных соображений. Как видно, султанская щедрость находит своё проявление в незыблемой обязанности и мусульманина, и православно-славного человека оказывать помощь бедному и убогому, сиротам и безродным. У гагаузов, как и у ряда других народов, этот обычай имеет ряд проявлений, в том числе необходимость обязательно отвечать отдарками на подарки.

«... К тому обычаи есть Султанам Турецким, егда съ которым либо Князем Христианским мирь сотворить, и чрез посланников его, или ординарных, или сутраординарных, дары... от него яко приятеля примет, положив оные въ надлежащую цену, такие самъ взаимно посылает дары, которые цену воспрятых въ том, аще не многим, то хотя малым чемъ превосходят въ том, сиречь разуме, яко не хочет отъ много, въ даянии и щедротах препобежден непцеватися. Тако Паши, и прочая низшего достоинства агаваты, аще какой либо подарокъ от кого чрезъ слугу его присланные получить, николине слугу оног

лица и безъ подарку (которой бахшиш называют) отпустить»¹⁹.

Диапазон идеологической и этнокультурной влиятельности сочинения Д. Кантемира весьма широк и охватывает без малого три столетия. В интернете висит сообщение о том, что на аукционе в Лондоне 27 ноября 2008 г. книга Д. Кантемира «Систима ..» (лот 2) была оценена в 12-18 тысяч фунтов стерлингов, несмотря на следы книжного червя в нижнем левом углу, видимые на иллюстрации в каталоге. Огромный фолиант Д.К. Кантемира в богатом кожаном переплете хранится в родовом имении предков А.С. Пушкина - Ганнибалов в усадьбе Петровское вместе с коллекцией медалей и оружия XVIII в., личной печаткой Петра Абрамовича Ганнибала, иконой «Спас нерукотворный», подаренной лично Петром I прадеду А. С. Пушкина.

Вторая половина XX в. в СССР была отмечена продуктивным собирательством, накоплением полевого материала по этнографии молдаван и гагаузов. Подвижническая деятельность этнографов, филологов, историков принесла ощутимые плоды по извлечению бесценных фактов истории и артефактов культуры этих народов из состояния информационного безмолвия. Исключительно важную роль в конституировании гагаузоведения как самостоятельного научного направления сыграла книга В. А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», в которой впервые в мировой науке было представлено монографическое описание гагаузского народа. Ее издание на страницах журнала «Этнографическое обозрение» было завершено в 1902 г. Рубеж XIX -XX вв. стал «золотым веком» российской этнографической в предметной области которой проблема происхождения народов играла ключевую роль.

Ключевым временем в этногенетических процессах вероятных предков гагаузского народа стал, в частности, XIII в. В этом столетии происходили коренные изменения в расселении и формировании образа жизни тюркоязычных кочевников, переходивших на оседлость и частично принявших христианство. Одновременно с синтезом разнородных этнических компонентов происходило формирование основ вероятных предков гагау-

зов. Тайна происхождения гагаузов и их вероятных предков, а также виражи этнической истории молдаван не перестают завораживать исследователей во многих странах.

Одной из первых родилась гипотеза о куманском (половецком) происхождении гагаузов. В 1869 г. ее высказал знаменитый профессор Новороссийского университета (г. Одесса) В. К. Григорович²⁰. Разработку гипотезы куманского происхождения гагаузов продолжил академик К. Иречек, внук выдающегося чешского слависта П. И. Шафарика. Уникальную сводку работ – по истории, языку, культуре куман собрал и издал в двух томах болгарский ученый В. Стоянов²¹. Кроме этого труда, как маяка в кумановедческой литературе, на создание которого у болгарского исследователя ушло около двух десятилетий, вряд ли может пройти кто-либо из современных исследователей средневековой истории куман (половцев)²².

По сравнению с так называемой «куманской», менее популярна теория южного «огузско-сельджукского» происхождения гагаузов. Заслуга ее выдвижения принадлежит болгарским исследователям Г. Баласчеву и И. К. Димитрову²³. Согласно этой теории, основанной на произведении «Огуз-наме», но подвергнутой, а порой и эпатажной критике известным болгарским историком П. Мутафчиевым²⁴, гагаузы - суть потомки турок, переселившихся в середине XIII в. в Добруджу из Малой Азии. В разные времена ее поддержали П. Н. Ников, Е. М. Хоппе, В. Зайнчковский, Р. Вулпе, Г. Братяну. К числу сторонников этой теории относится востоковед из Лондонского университета П. Виттек²⁵. Среди новейших публикаций выделяются труды К. Карпата (США), Ф. А. Ангели и некоторых других исследователей²⁶. Хотя, судя по контексту книги Ф. А. Ангели, как уже упоминалось, он придерживается не столько однозначной «огузской», сколько более сложной синтетической теории, согласно которой в этногенезе гагаузов определяющую роль сыграл синтез нескольких тюркоязычных предков²⁷. Теория «сельджукского» происхождения гагаузов особую популярность получила среди турецких исследователей. К их числу относятся О. Туран, Х. Иналджык, Ф. Сюмер, болгарский историк И. Джансызов

и др.²⁸. Решающий вклад в поддержку этой теории внес П. Виттек, решивший на основании данных хроники Языджи оглу Али, что гагаузы являются потомками Изеддина Кейкавуса («The gagauz age, indeed, the people of Kailaus»)²⁹.

Незаслуженно оказалась на периферии исторических обзоров и не была подвергнута тщательной экспертизе гипотеза о том, что этногенез гагаузов складывался из смешения местных балканских народов, в том числе из синтеза греков, болгар, владаров и итальянцев во времена Венецианской республики³⁰. Весомым аргументом в пользу «болгарской» теории выступает и отсутствие в источниках о ранней истории гагаузов этнонима «гагаузы» и глоттонима «гагаузский язык» вплоть до начала XIX в., а также наличие сходных черт в материальной культуре гагаузов и болгар. Окидывая общим взглядом горизонты гуманитарного знания, трактующего в разнообразных, порой взаимоисключающих теориях происхождение гагаузов, читатель невольно приходит к мысли, что каждый из сторонников прямолинейной этногенетической преемственности гагаузов то с одними, то с другими средневековыми кочевниками в чем-то по-своему прав. Нельзя не согласиться, что в этногенезе гагаузов есть и печенежский, и узский (торческий), и куманский (половецкий), и сельджукский след. Весь вопрос - в доле каждого из предков.

Однако совершенно ясно, что синтез этнического ядра вероятных предков гагаузов происходил в два этапа: сначала в пределах южнорусских степей и Древнерусского государства за счет этнического смешения печенегов, узов (торков) и куман (половцев), а затем в северо-восточных регионах Балканского полуострова, когда в историческую драму формирования новой этнической общности - гагаузов - подключились новые этнические факторы в лице сельджуков и ногайских татар, а также представители болгарского и греческого населения.

Сегодня гагаузы твердо знают, что они - гагаузы, точно так же, как преобладающее большинство молдаван убеждены, что они - молдаване. Согласно данным переписи населения Молдовы 2004 г., лишь 7,7% гагаузов и 21,6

% молдаван испытали сомнение и некоторую неуверенность в своей этнической принадлежности, поскольку у них родной язык (по их собственному признанию) не совпадал с их этнической принадлежностью.

Делать какие-либо прогнозы о дальнейшей судьбе этнической идентичности и тех, и других в условиях этнопсихологической маргинализации я не берусь. Это требует обстоятельных, глубоких исследований и длительных обсуждений. В одном я уверен: в основе этногенетического процесса лежит не последовательное восхождение народа от какого-либо единого предка, не признание точечной прародины, не перечень переселений из одних в другие места проживания, а многосторонний процесс взаимодействия, взаимообогащения, несущий в себе взаимопроникновение культур. Термины могут быть разные: межэтническая интеграция, межэтнический синтез, консолидация, амальгама и многие другие, но в основе лежит универсальный процесс межэтнического смешения.

В одной из самых первых этнографических монографий в России Г. Новицкого «Краткое описание о народе остяцком», написанной в 1715 г., были обозначены предтечи двух теорий этногенеза - прародина, переселение, а также роль межэтнического смешения в этнической судьбе хантов и манси. Опираясь на свои полевые наблюдения, а также на сходства в языке хантов и пермяков, Г. Новицкий сделал вывод о том, что ханты переселились из Пермской земли, спасаясь от христианизации ради сохранения своих традиционных верований. «Како же по сих сей Остяцкий народ в сия вселися страны наченше от дни святого Стефана Великия Пермы епископа - известно есть: сей бо первый проповедник и просветитель во тме неверия. Великой Пермы бысть яко солнце светом благовидения тму нечестия и скверну идолобесия от стран Великия Пермы начат прогонити, тогда мраком идолским одержимыя Пермьке света истинны евангелской благодати божией бежаша в сия полнотныя страны, укывахуся zde, где и доселе с тмою идолобесия пребываху»³¹.

В дальнейшем этническая судьба выходцев из Перми складывается тройко: «... сии людие по переселении своём от Пермы и разыдоша-

ся zde по различных тех странах, измениша и язык свой: едины бо, иже по Иртышу селения своя имеют и всегда обхождении имея с Татари, измениша язык свой пермский и переменяша татарскому наречию; друзии же, иже по Оби вверх яко в далныя разстояния от своих удалишася и имея обхождения с различными народы с Калмыки, Пегою ордою и прочими, сии зело измениша язык свой, яко мало что с пермским согласуют с наречием, ис великою трудностию едины других между собою наречия запедво узнати могут. .

Сии же, что вниз по Оби, непременно глаголют наречием пермским, зане сии егда чрез Камень, иже от Пермы прилежат, преидоша, тогда не в дальние страны удалишася от Пермы, но близ предел оныя пребывают, и всегдашние с оными имущи обхождения, сохраниша неизменно язык свой пермский»³².

В сочинениях Д. Кантемира нет прямых упоминаний о гагаузах, как о самостоятельном народе, и, похоже, его мало интересовала судьба и личность сельджукского султана Изеддина Кейкавуса II. Однако приводимые им ценные сведения о типологическом сходстве обычаев гостеприимства в двух регионах Турции - в Добрудже и малоазиатской Конии - представляют исключительный интерес, так как свидетельствуют о наличии этнокультурных параллелей между сельджуками Малой Азии XIII-XIV вв., оставившими след в многоэтничной Добрудже в XVII-XVIII вв. и современными гагаузами. Причины подобного сходства остаются пока не до конца разгаданной загадкой Д. Кантемира.

Трудно удержаться от подробного цитирования его сообщения о гостеприимстве, приправленного теплым доброжелательством, сообщения, значимость которого сегодня, почти через 300 лет, трудно переоценить. «Странноприимство, - характеризует Д. Кантемир гостеприимство двух регионов Турецкой империи, - Добруджи и Конии, - понеже есть аки сестра щедроты, по истине въ турецком роде похвалы достойно есть суть бо зело прилежащи странноприимству, и всемъ мимоходящимъ странникамъ, ничтоже рассуждая о религии, столь представляют, и место ко предпочитию показывают. Две суть в Турецкой империи, зело пространные страны, една

Европейская яже называется Добруджие [сия есть древняя нижняя Мисия] другая Иконийская въ Анатолии, сихъ глаголю стране жители, толикое являют человеколюбие, и странноприимство, я не сведущему о никъ, едва вероятно бытии покажется, всякими дому господинъ, имеет во дворе своемъ особливую горницу для гостей странныхъ уготованную, где хотя кто о палунощи придет, обрящет брашо готовое, и постелю чистыми перинами, простынями, и одеялами настланную, подобно и коням овёс, и сено, домовые слуги предлагают, и оных в подобающее время напоить. Сие усердно творять, даже до третьего дни, без всякого роптания, гаже въ трети день избылино угощенного, без всякого денегъ, или цены напоминания, вопрошают, куда едете? И аще гость речеть, яко такой грабъ, ему путь предлежить, учтиво путь ему показывают, и проводника придают, а которые въ городехъ и великикъ селекъ обитають, не тако, хотя и те въ той стране, о не-човеколюбии никакоже укоритися могут»³³.

Оказывается, постоянно употребляемые у гагаузов сопровождения дающего и принимающего подарок словами, как заклинаниями, «Хелал елнян» и «Хелал олсун» означало в повседневной жизни турок на рубеже XVII-XVIII вв. легитимное обрамление, ограждающее участников этой акции от обвинения во взяточничестве и мздоимстве. В более ранней работе «Описание Молдавий», написанной в 1714-1716 гг., Д. Кантемир дал описание гостеприимства молдаван, «достойное похвалы и постоянного прославления». Однако градус восхищения заметно слабее, чем при описании гостеприимства «турок» Добруджи и доосманских сельджуков Конии. Никто у молдаван, рассказывает Д. Кантемир, «не отказывает в крове и пище гостю и бесплатно кормит его самого и его лошадей в течение трёх дней, хотя сами очень бедны из-за соседства с татарами. Прибывающего гостя принимают с весёлым и радостным видом, как будто пришёл родной брат или близкий родственник»³⁴.

Через призму этнической истории подведем некоторые предварительные итоги истории тюркских народов. Можно видеть, как сегодня работают традиционные концепции этногенеза: генеалогическая, когда происхож-

дение наивно интерпретируется путем выявления связи между современным народом и каким-либо легендарным родоначальником. Таким, мягко говоря, донаучным способом делаются неуклюжие попытки установления некоей прямой непрерывной связи, например, или между Огуз-ханом и некоторыми тюркскими народами, между сельджукским султаном Кейкавусом Изеддином II и гагаузами.

Более научнообразный вид имеют теории возведения современного народа к какому-либо конкретному «пранароду»: средневековому или народу древнего мира. Проблема состоит, во-первых, в том, насколько правомерен подобный подход, во-вторых, какие представлены серьезные аргументы, в-третьих, в какой мере тот или иной народ является продуктом непрерывного однолинейного или длительного и сложного историко-культурного процесса, в-четвертых, насколько перспективными или бесперспективными выступают попытки объяснить «чистоту» или «смешанность» этнического ядра народа и его этнополитических и этнокультурных связей с другими народами.

Для выяснения исторических связей между прошлым и настоящим, между «пращурами» и потомками, между древними и современными народами важное значение имеет еще одна группа теории этногенеза, суть которой сводится к поискам прародины. Стратегия и практика исследований по логике такой теории обычно сводится к анализу передвижений конкретных народов с одних на другие места обитаний и связанной с передвижениями динамике численности народов. При этом основное внимание уделяется пространственным перемещениям, порой в ущерб вертикальной мобильности и в ущерб социодинамике культурных ценностей, и взаимопроникновению культур.

Принципиальная теоретическая проблема заключается в экспертном определении времени, пространства и причин становления этнической общности в качестве самостоятельной и самодостаточной единицы. Иными словами, нужен ответ на вопрос, существует или отсутствует воображаемая или реальная грань между свершившимся или продолжаю-

щимся процессом становления, формирования или разрушения и исчезновения этнической общности. Иными словами, речь идет о том, завершится ли этногенез, как традиционно было принято считать, или он продолжается бесконечно.

Исключительная важность изучения проблем этнической истории состоит, прежде всего, в том, что этнологическая наука, хотя и в необходимом союзе с рядом других дисциплин, более чем какая-либо другая отрасль гуманитарного знания, создает адекватную питательную среду для становления и укрепления этнического самосознания, свободного от этноцентризма и чрезмерных политических амбиций, от попыток признания превосходства одних народов над другими. Знание ее проблематики страхует этническую мобилизацию от ошибок и приближает к справедливому решению проблем, возникающих в ходе межэтнических взаимодействий.

Актуальность задач изучения «этнической истории» обусловлена поиском и объяснением этнокультурных параллелей в культуре, менталитете и системе жизнеобеспечения конкретного народа с образом жизни его вероятных или воображаемых предков. В соответствии с ними важно исследовать и подвергнуть описанию новые и уже использованные источники и историографию этнографического изучения этногенеза, этапов этнической истории, динамику численности и развития социальной структуры, хозяйственных занятий, институтов соционормативной культуры, амальгаму культов кочевой и оседлой жизни, этнополитические и этнопсихологические аспекты межэтнических отношений.

Глубокий общественный интерес к русскому, а, следовательно, и к славянскому миру, не лишенный на заре XIX в. идеологической и политической ангажированности, неизбежно актуализирует проблематику, связанную и с тюркским миром. Оправданием для реализации старых и выдвижения новых теорий происхождения и этнической истории тюркских народов евразийского пространства может служить этнокультурный синтез славянского и тюркских миров, который имел место на евразийском пространстве на протяжении многих столетий и продолжается по сей день. В

ходе многомерного этнокультурного синтеза одни народы, говорящие на тюркских языках, исчезли с этнической и политической карты мира, другие, напротив; родились и укрепились под крышей Российской империи и Советского Союза. Историческая память об ушедших поколениях и их связях с современниками представляет исключительный интерес с точки зрения выявления и типологии различных по форме, содержанию и типу этнических историй.

Отечественной этнологии, особенно в пору ее «золотого века» на рубеже XIX-XX вв., принадлежит заслуженный приоритет в мировом гуманитарном знании в деле исследования этногенеза на основе накопления огромного фактического материала об этнографических особенностях и повседневной жизни многих народов, в том числе тюркских. И подобно тому, как историю взаимоотношений народов можно рассматривать через при-

зму «Антропологии движения»³⁵, точно также дискурс этнической истории народов можно подвергнуть ревизии путем анализа межэтнических взаимоотношений, взаимопроникновений и этнических смешений.

Создание свода «этногенезов» и панорамы «этнических историй», можно надеяться, позволит соотнести возрастание или угасание общественного интереса к этой проблематике с тем или иным социальным заказом в связи с ростом этнического самосознания, активизацией этнической мобилизации, переменами в общественно-политической жизни. Научное освещение происхождения народов позволит использовать данные науки для оптимизации этнической политики как в сфере этногосударственных, так и в области межэтнических отношений. В служении этой идее видится в первую очередь долг этнологии и смежных с ней наук.

(Endnotes)

- 1 Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // ЭО. — 1900. № 1; -1901. №№ 1,2,4; -1902. - №№ 3, 4; То же. - Кишинев, 2004. — 493 с.
- 2 Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. - М.: Географгиз, 1950. — С. 94-95.
- 3 Гагаузы / Отв. ред. М. Н. Губогло, Е. Н. Квилинкова. - М.: Наука, 2011. - 614 с. (Серия «Народы и культура»).
- 4 Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. - М.: Наука, 2003. - 764 е.; см. этническая идентичность — С. 195-251; гражданская — С. 467-534; гендерная — С. 93-147; социальная — С. 326-343; региональная — С. 467-534 и т.д.
- 5 Кантемир Д. Книга систима или состояние мухаммеданския религии. Напечатается повелением его Величества Петра Великого императора и самодержца Всероссийского. — СПб., 1722. — С. 83.
- 6 Там же. - С. 170
- 7 The Journal of American History. - 1994, vol. 81, № 2, September. - P. 1420-1636.
- 8 Там же. — С. 934
- 9 Антропология социальных перемен: сб. ст. / Отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОС СПЭН), 2011. — 758 с.; Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова / Сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. - М.: Наука, 2011. — 670 с
- 10 Курсом развивающейся Молдовы / Отв. ред. Губогло М. Н. — Т. 1-10. -М., 2006-2010.
- 11 Малькова В. Е., Тишков В. А. Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. - М.: ИЭА РАН, 2009. — 149 с.; Филиппова Е. И. Территории идентичности в современной Франции. - М.: Росин-формагротех, 2010. — 300 с.
- 12 Кантемир Д. Книга систима или состояние мухаммеданския религии... — 379 с.
- 13 Густерин П. В. Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. -М.: Восточная книга, 2008. — С. 54.
- 14 Guboglu Mihail, Dimitrie Cantemir - Orientaliste. Studia et Acta Orientalia. 111. 1960; Bucuresti, 1961. -P. 129-160.
- 15 Кантемир Д. Книга систима или состояние... - С. 81
- 16 Покровская Л. А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов //

- СЗ. - 1974. - Н. 1. - С. 139-144; Harun Gungor, Mustafa Argunsah. Gagauz turkleri. Tahir-Dil-Folklor ve Edebiati Ankara, 1991. - С. 17-19.
- 17 Guboglu Mihail. Dimitrie Cantemir - Orientaliste... - P. 129-160.
- 18 Кантемир Д. Книга систима или состояние... - С. 227.
- 19 Там же.
- 20 Донесение об испытаниях в Тираспольском уездном училище и о болгарских народных училищах в Бессарабии и пр. // Циркуляр по управлению Одесским учебным округом. - Одесса, 1869, июль, }[в 7. - С. 153-197.
- 21 Стоянов В. Куманология. Историографски ескизи. - Т. 1- 2. - София, 2009.
- 22 Губогло М. Н. Воображаемая вероятность: новейшие размышления о происхождении гагаузов. - М.: ИАЭ РАН, 2010. - 352 с.; Стоянов В. Куманология... - Т. 2. - С. 10.
- 23 Баласцев Г. «Огузнамето» и Изеддин // Списание на БАН, 1915, IX; Баласцев Г. Държавата на огузите в Добруджа на султан Изеддин Кейкавус // Военни известия, 1917, 1я 33-36; Balascef G. D. Imparatul Mihail VIII Paleo-1oiei1 si запп1 oguzilor pe Тагт1 Marii 1ere, Editi intocmita дыра Техн1 Gre-севс си о introducere де g.i. Bratiani .Iasi, 1940; Димитров И. К. Переселение на сельджукските турци около срезата на XIII в. // СПБ, БАН, кн. X. - София, 1915. - С. 23-40.
- 24 Мутафчиев П. Избрани произведения. Т. 2. - София, 1973. - С. 607-745
- 25 Wittek Paul. Les Gagaozes – les gens de Kaykaus // Rocznik Orientalistyczny, т. XVII (1951-1952). - Krakow, 1953.- С. 12-24.
- 26 Ангелы Ф. А. Очерки истории гагаузов - потомков огузов (середина VIII - начало XXI вв.). - Кишинев: Центральная типография, 2007. - 640 с.; Он же. Эпоха и новая трактовка родословия Кантемиров: конец XIV - первая половина XVII вв. - Кишинев: Ф.Е.Н. «Tipogr. Centrala», 2010. -233 с.; Карпат К. Сельджукско-анатолийское происхождение гагаузов // ЭО. - 1994. - Ns 4. - С. 36-43.
- 27 Ангелы Ф. А. Очерки истории гагаузов...- 639 с.; Ангелы Ф. А. Эпоха и новая трактовка родословия Кантемиров; Губогло М. Н. Воображаемая вероятность... - С. б.
- 28 Ангели Ф. А. Очерки истории гагаузов.... - С. 228.
- 29 Wittek Paul. Les Gagaozes – les gens de Kaykaus // Rocznik Orientalistyczny, т. XVII (1951-1952). - Krakow, 1953.- С.639-668; Wittek Paul. Yazijoglu Ali on the Christian Turks of the Dobruja // British School of the Oriental and African Studies, XIV, 3, 1953. - С. 668.
- 30 Атанасов Георг. Добруджанското Деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIУ век // Велико Търново, 2009. -С. 401, 426
- 31 Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г. - СПб: Изд. Л. Майков, 1884; То же. Новосибирск: Новосибгиз, 1941. - С. 38-39
- 32 Там же.-С.39
- 33 Кантемир Д. Книга систима или состояние. - С. 228.
- 34 Кантемир Д. Описание Молдавии /Пер. с лат. Л. Панкратьева. - Кишинев: « Картя Молдовеняскэ» , 1973. - С. 157-158
- 35 Головнев А. В. Антропология движения (Древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Воллом», 2009. - 496 с.

Впервые опубликовано: «Население Сибири :межнациональные отношения, образование и культурная идентичность, Отв. Ред. М.А.Жигунова, Омск, Полиграфический цент КАН. 2011, с. 9-33.

**ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ:
«ТАЮЩАЯ ЛЬДИНА»
ИЛИ «СНЕЖНЫЙ КОМ?»
(О КУЛЬТУРТРЕГЕРСКОЙ МИССИИ РГНФ)**

В течение двух десятилетий существования Российского гуманитарного фонда не теряет своей актуальности вопрос о взаимодействии сотрудников фонда, экспертного сообщества и соискателей грантовой поддержки исследований. На практике этот непростой социологический вопрос сводится к решению двуединой задачи: определение баланса между с одной стороны свободой исследователя в выборе объекта и предмета своего исследования и с другой стороны участием Фонда и экспертного сообщества в социальном заказе в имплицитной или эксплицитной форме.

В конечном счёте всех участников этой драмы - получателей, распределителей и пользователей бюджетных средств - объединяет одна и та же цель : участие в решении народохозяйственных и социокультурных задач, стоящих перед страной.

Предложенная статья представляет собой доработанный и дополненный «Отчёт» по секции «Этнография и антропология» за 2014 г. (16.01.15) и некоторые размышления об опыте работы автора в составе экспертного

сообщества РГНФ в 2012-2014 гг.

На заседании секции «Этнология и антропология» (26.12.2014) были обсуждены итоги работы за 2014 год по 63 (вместо 75 в 2013 г.) отчётам. На долю каждого члена секции выпало в среднем по 12 отчётов, вместо 15 в 2013 году. (см. табл. 1)

Все отчёты в целом были тщательно обсуждены и утверждены. Тексты 4 из 14 завершённых исследовательских проектов и 6 из 37 продолжающихся, а также один отчёт по экспедиции, были рекомендованы к публикации в журнале «Вестник РГНФ».

В предметной области этнологических и антропологических исследований особое значение имеет накопление новой информации и новых знаний в ходе полевых исследований в экспедициях и командировках. Однако за последние 2-3 года наблюдается тенденция сокращения такого вида научной деятельности. Это связано, во-первых, с утерянной традицией длительного стационарного и вахтового проживания в среде изучаемого народа, во-вторых, с ничтожным финансированием

Табл. 1. Распределение отчётов по жанрам

		2013	2014
1.	Итоговые отчёты по исследовательским проектам	13	14
2.	Продолжающиеся	28	37
3.	Экспедиционные	16	8
4.	Издательские	2	2
5.	Конференции	1	1

(100 рублей суточные и 500 рублей гостиница, тогда как сегодня стоимость гостиницы в 2-3 раза дороже), в-третьих, с отложенным сроком обстоятельного научного отчёта, требующего дополнительного времени для осмысления.

Поляризация отчётов по экспедиционным обследованиям диктует необходимость более строго подходить к оценке качества, как самих отчётов, так и представляемых на конкурс заявок. Если в обосновании экспедиционного выезда предусмотрен сбор и накопление каких-либо материалов без серьёзного концептуального обоснования, без четкой программы и без основательного методико-инструментального оснащения, собранный в таком режиме материал теряет смысл.

При определении масштабов и оценке академического уровня экспедиционных отчётов выявляется поляризация профессионального уровня экспедиционной деятельности (Д.А. Функ). В одних случаях участниками экспедиционного обследования (не исследования - М.Г.) ограничиваются фиксацией неких нарративов без современной аудиовизуальной аппаратуры, без фиксации сопутствующей экологии и инфраструктуры, без четких критериев выбора двух-трёх населённых пунктов. В других случаях полнота и качество фиксации различного рода источников обеспечивается комплексным подходом, при котором письменные и архивные тексты, ведомственная статистика и официальные документы регионального и локального уровня дополняются итогами личных наблюдений.

Встречаются случаи, особенно среди молодёжи, предпринимающей первые попытки составления заявок одну и ту же проблематику исследования представить на конкурс под различными названиями, а опредмеченный

результат своих исследований по двум или трём грантам авансировать одной и той же книгой, или коллективным сборником статей.

Около 40 лет тому назад на ежегодной сессии, посвящённой итогам полевых археологических и этнографических исследований (Ташкент) академик Б.А.Рыбаков сравнивал предметную область и проблематику этнографии с «льдиной, тающей под горячими лучами весеннего солнца». Завершённые и продолжающиеся отчёты по исследовательским проектам 2012-2014 гг., а так же заявки, поданные на конкурс 2015 г., показывают, что предметная область этнологии и антропологии последовательно расширяется и тематически, и географически за счёт активного участия в конкурсах РГНФ отечественных этнологов, этносоциологов и этнополитиков из университетских и академических центров. Расширение предметной области этнологии напоминает скорее движение нарастающего снежного кома, а не «тающую льдину». Происходит этот процесс по двум направлениям: информационно-накопительному, в ходе которого создаётся новая источниковая база, в том числе на цифровых носителях, и проблемно-аналитическому, призванном решать оставшиеся от прошлого и возникающие вновь проблемы этнодемографического, этносоциального и этнокультурного наследия. Важную роль при этом играет решение инновационных, вновь возникающих проблем этноконфликтов и этнополитического развития народов и в первую очередь русского народа, русского языка и русской культуры.

Без преувеличения можно сказать, что решающую роль в «раздвижении» горизонтов этнологического и антропологического знания сыграли исследования и труды академика В.А.Тишкова и команды его единомышленни-

ков (В.С.Малахов, В.Ю.Зорин, С.В.Соколовский, В.В.Степанов, Е.И.Филиппова, В.А.Шнирельман и др.), а в известной мере и полемика с оппонентами (Р.Г.Абдулатипов, А.Г.Дугин, Г.С.Кара-Мурза, Э.А.Паин и др.).

Именно В.А.Тишкову принадлежит приоритет открытия новой проблематики в предметной области этнологии и антропологии, связанной со смещением акцента с канонического в советские времена круга проблем, вокруг так называемого национального вопроса, к новому ракурсу - доктринальному обоснованию проблематики российского национал-строительства и к пониманию граждан страны, как государственно- политической нации, наряду с традиционным восприятием некоей совокупности людей как этнической нации. Сообщество отечественного гуманитарного знания обязано РГНФ за решительную поддержку эволюции этнологической проблематики и социальной антропологии от «нерастаивающей льдины» к нарастающему «снежному кому», состоявшейся благодаря ряду публикаций академика В.А.Тишкова, в том числе благодаря двум его капитальным монографиям, увидевшим свет под грифом РГНФ: «Реквием по этносу. Исследования по социально- культурной антропологии» (М., 2003, 544 с.) и «Российский народ. История и смысл национального самосознания» (М., 2013, 649 с.).

Анализ и классификация образов российской нации и идентичности россиян, в создании которых немалую роль сыграли творчество и общественная деятельность В.А.Тишкова, посвящены две коллективные монографии, подготовленные при поддержке РГНФ: «Феномен идентичности в современном гуманитарном знании» составители М.Н.Губогло, НА.Дубова (М., 2011, 670 с.); «Антропология социальных перемен» отв. ред. Э.Гучинова, Г.А.Комарова (М., 2011, 758 с.). Частично итоги своей реформаторской деятельности в предметной области этнологии академик В.А.Тишков подвёл в развёрнутом очерке «Двадцать лет спустя: опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений» (М., 2009, 47 с.).

4 отчёта по завершённым проектам, в 2014 г. признанные лучшими и рекомендованные

к печати, а также новые заявки, поданные на конкурс 2015, опровергают мрачный прогноз маститого академика о «тающей льдине». На самом деле предметная область этнологии вместе с ассоциированными междисциплинарными направлениями расширяет границы этнологической науки. Оригинальными и важными с научной и практической точек зрения и новаторскими с точки зрения надёжного качества, являются, в частности, проекты, посвящённые «Этническим моделям потребительских практик» (на примере Татарстана) (руководитель - д.и.н. Г.Р.Столярова, Казань); «Российской спорт XX - начала XXI вв.» (руководитель А.В.Буганов, Москва), в котором, в частности, впервые в науке раскрываются этнокультурные и этнополитические аспекты и роль спорта в воспитании гражданской идентичности и патриотизма; политико-антропологические исследования «Традиционализм и революционизм на Востоке» (Бочаров В.В, СПб); «Сравнительное и сквозное по времени исследование национальной политики в Императорской России и в Советском Союзе» (Ю.Ю.Карпов).

В ряду продолжающихся научных исследований участники секции «Этнологии и антропологии» специально отметили проект «Феномен междисциплинарности в современной этнографии/этнологии» (руководитель Г.А.Комарова). Напомню, что на заседании Президентского Совета по науке и образованию, проведённого Президентом В.В.Путиным 8 декабря 2014 года в Эрмитаже, специальное внимание было уделено комплексу новаторских междисциплинарных исследований. Это означает, что, сказывая поддержку междисциплинарным исследованиям в области этносоциологии, этнополитологии, этнодемографии, этноязыковым процессам и двуязычию, этнической и национальной политике, экспертное сообщество РГНФ тем самым, во-первых, квалифицированно влияло и влияет на вызовы общества и подтверждает, что поддержанные гранты стали важной формой развития российской науки, во-вторых, цантосоискатели и экспертное сообщество обладают острым социальным чутьем инноваций и, с государственной точки зрения, «не зря хлеб едят».

Последовательное обеспечение прозрачности и объективности экспертизы предполагает взаимное доверие между соискателем гранта и экспертом, что в свою очередь продиктовано ответственностью и доверием общества объективным критериям, по которым определяется качество представленного на конкурс проекта и его экспертной оценкой.

На перекрёстке науки и искусства возникает синтез поэзии и живописи, литературы и этнографии. Наряду с идеей синтеза слова и изображения расширяется предметная область этнологии и антропологии, происходит обогащение гуманитарной среды новыми фактами и образами, проясняется смысл мотиваций и ориентации в приумножении культурных ценностей.

Показательным примером междисциплинарного исследования, судя по отчётам за 2014 год, служит проект «Пространство региональных идентичностей соседних районов Украины и России» (руководитель д.г.н. М.П. Крылов, Москва, Институт географии РАН). Исследование представлений о Малой Родине, исторической памяти, динамике этнокультурных ситуаций, проведённое с использованием этнологических, этносоциологических методов и инструментальных процедур, в нём удачно дополнено географическим картографированием, в том числе с учётом современных ценностей по сравнению с имперским и советским наследием и мерой их актуализации в современном самосознании. Отчёт был рекомендован экспертами к печати в «Вестнике РГНФ», а также выражена готовность поддержать издательский грант, если таковой последует в конкурсе 2016.

Анализ отчётов по исследовательским проектам за 2014 год и заявок, поданных на конкурс 2015 г., показывает, как буквально на глазах рождаются новые направления: «Антропология движения», «Антропология путешествий» (А.В.Головнёв, О.В.Кириченко, П.С.Куприянов), или реанимируются на новой исследовательской методике и технике этнорегиональные (Е.Мельникова, М.П.Крылов, А.В.Черных, Ф.Г.Сафин, Т.А.Колосовская, О.М.Рындина, Е.Ф.Фурсова, М.И.Васильев, В.В.Поддубиков) этнорелигиозные направления (О.М.Фишман, В.А.Бурнаков,

М.В.Аюшеева, О.В.Кириченко, Д.Д.Амоглонова, В.А.Шнирельман, Д.А.Функ, И.А.Селезнёва), антропология рынка (Н.В.Скорин-Чуйков, Г.Р.Столярова), антропология повседневности и гендерных взаимоотношений (Н.А.Пушкарёва, М.Н.Губогло, М.Л.Бутовская, М.Ю.Мартынова).

Исключительно важную роль поддержка РГНФ играет в издательской деятельности, в которой особое место занимает монументальные труды, подчас задающие основу новым научным направлениям. Среди капитальных трудов, созданных усилиями учёных ИЭА РАН совместно с рядом академических и университетских центров, в том числе с представителями описываемых народов, первое место, безусловно, занимают монографические тома, имеющие энциклопедический характер и посвящённые отдельным народам России и сопредельных стран. Они изданы в рамках широкомасштабного долговременного проекта «Народы и культуры». (Ответственные редакторы серии академик В.А.Тишков, д.и.н. С.В.Чешко).

Одними из первых в серии «Народы и культуры» увидели свет коллективные монографии о русских (М., 1997, 828 с.), белорусах (М., 1998, 503 с.), украинцах (М., 2000, 535 с.).

Вторым по численности этническим элементом России являются тюркские народы, у которых, согласно Л.Н.Гумилёву и А.Г.Дугину «существует этническая комплиментарность», т.е. этнокультурная совместимость, позволяющая тюркским народам на протяжении многих веков органично сосуществовать друг с другом, а также с представителями славянских народов и смешиваться прежде всего с русскими. В серии «Народы и культуры» увидела свет книга о «Татарах» (М., 2001, 583 с.), хотя этим названием охвачены далеко не все татары, значительная часть которых проживает за пределами Татарстана.

В томе о народах Дагестана (М., 2002, 588 с.) в отдельных монографических очерках даётся этнографическая характеристика кумыков, ногайцев и азербайджанцев.

В одном томе «Тюркские народы Крыма» (М., 2003, 459 с.) отражены этнографические портреты караимов, крымских татар и крым-

чаков.

10 тюркским народам Сибири посвящён специальный том, в котором с учётом последних достижений этнологической науки даны монографические описания сибирских татар, чулымцев, телеутов, шорцев, кумадинцев, алтайцев, челканцев, тубаларов, телегитов, хакасов (Тюркские народы Сибири, 2006, 678 с.).

В отдельном томе «Тюркские народы Восточной Сибири» (М., 2008, 422 с.) приведены информационно насыщенные монографические очерки (разделы) о тувинцах, тофаларах и долганах.

Специальные тома были предусмотрены и вышли отдельными изданиями о гагаузах (М., 2011, 615 с.), узбеках (М., 2011, 688 с.), якутах (М., 2013, 599 с.), карачаевцах совместно с балкарцами (М., 2014, 815 с.).

Особую роль в становлении этнического состава Российского государства сыграли финно-угорские народы, расселённые в северо-восточных регионах страны задолго до прихода славян и кочевников. В томах, представленных в серии «Народы и культуры» важнейшее значение имеет полное и всестороннее описание того, как значительная часть финно-угров сохранила до наших дней самобытность и этническую идентичность. В книге «Прибалтийско-финские народы России» (М., 2003, 671 с.) этническая история, культура и описание повседневной жизни приведены о саамах, карелах, вепсах, российских финнах, о воевод и ижора. В томе «Народы Поволжья и Приуралья» (М., 2000, 579 с.) описаны наиболее важные Тюркские народы Восточной Сибири аспекты и фрагменты этнической истории, языкового и культурного развития коми-зырян, коми-пермяков, марийцев, мордвы, удмуртов.

Совместно с институтом монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН был издан том «Буряты» (М., 2004, 633 с.), а с Калмыцким институтом гуманитарных исследований - том «Калмыки» (М., 2010, 568 с.).

Высокую оценку общественности получили тома, посвящённые «Абхазам» (М., 2012, 547 с.), «Молдаванам» (М., 2010, 542 с.), «Армянам» (М., 2012, 648 с.), «Осетинам» (М.,

2012, 605 с.), «Чеченцам» (М., 2012, 622 с.), «Ингушам» (М., 2013, 509 с.), подготовленные Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с институтами России и сопредельных стран.

В 2014 году продолжена поддержка изданий серии по широкомасштабному проекту «Народы и культуры». Увидели свет тома: «Ингуши», М., 2013, 509 с.; «Карачаевцы. Балкарцы», М., 2014, 815 с.; «Грузины», М., 2014. Всего с 1997 г. по 2014 г. в основном при поддержке РГНФ изданы 25 томов. Трудно себе представить академическую издательскую деятельность такого высокого класса без длительной, заботливой поддержки РГНФ.

Значительное, поистине историческое значение томов этой серии состоит в том, что они, во-первых, продолжают традиции отечественного народоведения, получившего признание во всём мире, во-вторых, представляют наиболее полный свод современных знаний, в-третьих, представляют собой замечательный вклад в историю российского националстроительства, и, в-четвёртых, призваны показать значение Российской государственности и её национальной политики не только в деле выживания десятков народов, но и в сохранении их самобытности при успешной модернизации и усвоении современных форм жизнедеятельности. Тома серии снабжены иллюстрациями, архивными и современными фотографиями и рисунками, многие из которых публикуются впервые.

Судя по отчётам 2014 г. успешно продолжались исследования по подготовке проблемно-тематических и монографических исследований по славянским, тюркским, финно-угорским народам (В.А.Бурнаков), в том числе: по русским (В.А.Липинская, С.А.Инникова), тюркским народам, туркменам (В.А.Тишков, О.И.Брусина), чувашам (Е.А.Ягафова), татарам Барабы (Д.А.Мягков), евреям (Е.Э.Штейн), народам Дагестана (Р.И.Сефербеков) в том числе по адыгам (Ю.Д.Анчабадзе), малочисленным народам Урала (А.В.Черных), коренным народам Чукотки (Л.Н.Хаховская).

При общей хорошо налаженной системе грантовой поддержки исследовательских проектов, в отчётах по реализованным про-

ектам настораживает отсутствие указания на «отрицательные» результаты по изначально выдвинутым гипотезам о наличии в природе тех или иных трудноразрешимых процессах, конфликтах, противоречиях. Это означает, что, формулируя тематику и задачи своего проекта, исследователи избегают рисков и проявляют излишнюю осторожность в выдвижении оригинальных, свежих идей. Понятно, что такое самоограничение, целенаправленно ориентирующее на достижение заранее известного положительного результата, ведёт к застойным явлениям.

Более того, порой для того, чтобы представить своё лицо в выгодном свете перед лицом экспертного сообщества, в некоторые отчёты включаются итоги ранее проведённых исследований или результатов, полученных при поддержке других, например, зарубежных грантов.

Ничего плохого в таком патриотическом отношении к Фонду, конечно, нет, но у экспертного сообщества должна быть ясная позиция. И дело даже не в меркантильном получении автором проектов двойного вознаграждения за одну и ту же выполненную работу, и не в этической ущербности, а в том, что такой подход свидетельствует о консервативном характере исследователя, настроенного на повторение пройденных троп, вместо поиска новых и смелых идей и путей.

Вместе с тем у лауреатов конкурсов РГНФ есть и скрытый позитивный опыт, к сожалению, не учитываемый принятой системой отчетности, так называемый «отложенный отчёт». Сошлюсь на собственный опыт. По завершению и позитивной оценке запланированных работ, по двум исследовательским грантам: № 09-01-00012а «Гагаузы: история в культуре и культура в истории» и № 11-01-00534а «Этногенез: воображаемые пращуры и реальные потомки» и одного издательского гранта № 11-01-161780(д) «Гагаузы» (М., 2011, 615 с.) был подготовлен иллюстрированный двухтомник «Гагаузы в мире и мир гагаузов», том 1 (756 с.), том 2 (1012 с.) для делегатов III Всемирного конгресса гагаузов, состоявшегося 2-3 ноября 2012 г. Для его окончательного завершения в него были включены ранее не использованные матери-

алы, полученные руководителем проекта и исполнителями в ходе реализации трех вышеупомянутых грантов РГНФ.

Сверх намеченного планом гранта № 11-01-00534а «Этногенез: воображаемые пращуры и реальные потомки» был подготовлен и издан коллективный сборник статей с участием иностранного автора «Тюркские народы: фрагменты этнических историй» (М., 2014).

К разряду застойных явлений в современной грантовой системе относится выбор и отбор приоритетных тем и направлений с целью их финансовой поддержки. Об этом, в частности, можно судить по запаздыванию грантозаявителей в деле своевременной оценки вызовов общества и, следовательно, по непониманию возможностей влияния науки на оптимизацию экономической и социокультурной жизни в России.

В 2014 году прошло 6 месяцев со дня воссоединения Крыма с Россией до дня подачи научно-исследовательских и экспедиционных заявок на конкурс 2015. Однако среди 62 заявок на исследовательские и 27 заявок на экспедиции только 2 заявки: этносоциологическая (Р.А.Старченко) и палеантропологическая (С.В.Васильев) - оба сотрудники ИЭА РАН), оказались посвященными Крыму.

Инфантильность с запаздыванием ответов на вызовы уходит корнями в первое постсоветское десятилетие, когда разрушились связи между социальным заказом, вытекающим из задач социально-экономического развития регионов страны и влияния науки на модернизацию различных аспектов общественной жизни, в том числе на оптимизацию межэтнических отношений и преодоление конфликтов и социальных противоречий.

Исключительно важной представляется последовательная поддержка Фондом проведения раз в два года Конгресса этнографических и антропологических знаний. Вероятно, можно было бы рекомендовать организаторам этого широкомасштабного форума, в котором принимают участие или представляют для публикации тезисы докладов более тысячи учёных, публиковать развёрнутые аналитические отчёты о пленарных и нескольких десятках секционных заседаний, круглых столов, мастер-классов в двух ведущих этнографи-

ческих журналах «Этнографическое обозрение» и «Вестник антропологии», как это, например, было сделано по итогам работы III и IV Конгрессов (Губогло МН. Этнология и современность. К итогам работы Второго Конгресса этнографов и антропологов России. 1-5 июня 1995 // Этнографическое обозрение. 1998, № 3; Абашин С. О работе конгресса // ЭО, 2002, №1, с.3-13).

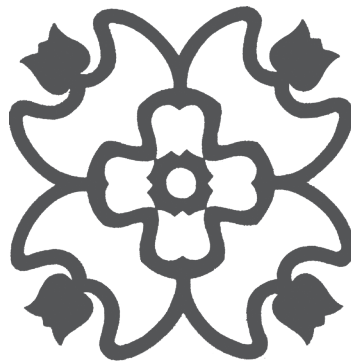
Возобновление угасающей традиции полновесных проблемно-аналитических отчётов диктуется, на мой взгляд, культуртрегерской миссией таких конгрессов, дающих, кроме всего прочего, надёжные маяки и ориентиры на путях новаторских поисков для молодых исследователей, а также демонстрирующих продуктивность междисциплинарных подхо-

дов к изучению этнических, политических и этносоциально окрашенных процессов и явлений.

Трудно переоценить роль РГНФ в поддержке творческих связей российских учёных с зарубежными коллегами. Совместно с учёными Республики Молдова, Украины, Белоруссии, Казахстана, Болгарии была проведена серия международных конференций и симпозиумов. Междисциплинарные проекты по итогам этих мероприятий завершились изданием материалов в 10 томах: «Курсом развивающейся Молдовы» (2001- 2010 гг.) Все книги (см. коллаж) изданы с указанием грантов, полученных в качестве поддержки от РГНФ и частично при поддержке грантов Президиума РАН.

1. № 06-01-917 57 (е) «Оптимизация трансформационных процессов в Республике Молдова. Постсоветский период»
2. № 05-01-01324(а) «Созидательная адаптация и этноразрушительная энергия гастарбайтерства»
3. X» 07-01-0003 6(а) «Молдаване»
4. Совместный Российско-Молдавский проект «Технологии преодоления социально-экономического неравенства в ходе построения гражданского общества» (№ 06-01-18035 (е))
5. № 09-01-00012(а) «Гагаузы: история в культуре и культура в истории».

Впервые опубликовано (с иллюстрациями) в: «Вестник РГНФ» М. 2015, 4(81), с.15-28

ВРЕМЯ НОСТАЛЬГИИ
(ОПЫТ ЭТНОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
РАЗМЫШЛЕНИЙ ОБ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ
ИСКУССТВЕ ГАГАУЗИИ)¹

Светлой памяти основоположника
изобразительного искусства Гагаузии
Дмитрия Ивановича Савастина посвящается

Аннотация

Ностальгия в художественной культуре Гагаузии анализируется не с точки зрения медицины или психиатрии. Она не уподобляется эмигрантской тоске по утраченной родине, не противостоит урбанизации, индустриализации и модернизации. Её корни залегают в глубинах неопознанной истории, а также в несостоявшейся «американской мечте», внедрённой в общественное сознание партийным лозунгом: «Наше поколение будет жить при коммунизме». Переживая постимперскую травму, ностальгирующие художники Гагаузии подпитываются сохранившимися реальными артефактами и воображаемыми картинами кочевого прошлого далёких пращуров, преодолевавших евразийское пространство в могучем движении с Востока на Запад. Малоопознанная биография народа рождает сентиментальную тягу к прошлому.

Annotation

Nostalgia in the artistic culture of Gagauzia is analyzed not from the point of view of medicine or psychiatry. It does not liken emigrant melancholy on the lost homeland, does not oppose urbanization, industrialization and modernization. Its roots lie in the depths of an unidentified history, as well as in the failed “American dream”, introduced into the public consciousness by the party slogan: “Our generation will live under communism». Experiencing a post-imperial trauma, nostalgic artists are fueled by the survived real artifacts and imaginary pictures of the nomadic past of distant ancestors who have been bridging the Eurasian space in the mighty movement from East to West. A little-known biography of the people gives rise to a sentimental craving for the past.

*В то селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я первые песни слагал.
Где я счастье и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда,*

И.А.Бунин

1. Ностальгия по ностальгии

Кризис идентичности советских людей, вызванный распадом Советского Союза, накатил на заре нового тысячелетия крутую волну сентиментальной идеализации прошлого. Ностальгия, как ключевой концепт современной истории, провоцирующий тоску по советскости, выдвинулся на передний план гуманитарных наук, заняв достойное место в предметной области этнологии/антропологии (Губогло, 1991, 1998, 2017; Тишков, 1999).

Вместе с исторической памятью ностальгия стала выражать смутно осознанное тяготение к утопической «Американской мечте» 1970-х годов, с лукавого обещания Н.С.Хрущёва что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Мощный историко-социологический дискурс, рождённый актуализацией феномена исторической памяти и ностальгии, в значительной мере подпитывался вдохновляющими идеями влиятельной книги «Измерение ностальгии» (Shase, Shaw, 1989), опубликованной непосредственно накануне распада Советского Союза. Опираясь на содержащиеся в ней постулаты, российские учёные выделили ряд условий формирования и функционирования ностальгии в умах и чувствах россиян. Наряду с бременем накатившейся неопределённости будущего, связанного в России с отказом от идеологии. Лишившись какого-либо целеполагания, бывшие советские граждане оказались под гнётом дефицита доверия и избытка декультуризации и дегуманизации (Трубина, 2011; Абрамов, 2012).

Историческая травма, полученная в связи с развалом одной из ведущих держав мира, породила устойчивый алармизм, избавление от которого виделось в поисках стабильности и определённости в недавней прошлой истории. Ностальгия становилась разновидно-

стью психотерапии от геополитического травматизма и от глобалистской агрессивности.

Хрущёвская оттепель и брежневский застой заглушили тотальную подозрительность и «ночные» страхи, терзавшие значительные массы советских граждан вплоть до ухода «Вождя народов» в мир иной.

Сегодня оба периода советской истории – хрущёвская оттепель и брежневский застой -- находят отражение в ностальгических проявлениях и выдвигаются на передний план гуманитарного знания. Востребованность исследования концептов ностальгии и исторической памяти определяется тем, что они становятся методологическим ориентиром объяснительного ресурса для понимания буксующих реформ, состояния переходного периода и постсоветского менталитета.

Тематика недавнего прошлого в формате ностальгии активно эксплуатируется СМИ, становится достоянием публицистики, беллетристики, художественной литературы, научных публикаций, в том числе нескольких аналитических обзоров. Между тем, в ряде отраслей художественной культуры от иммигрантской прозы и поэзии до советской литературы социалистического реализма, накоплен богатый опыт по изображению и осмыслению понятия ностальгии. Не остаётся в стороне и художественная культура Гагаузии, в том числе живопись и другие отрасли изобразительного искусства.

Менее всего в научной литературе проблема ностальгии увязана с обращением к истокам этнической идентичности и ролью ностальгических воспоминаний с сохранением или реанимацией этничности и этнической идентичности. Между тем, в художественной литературе, в мемуарах и воспоминаниях имеется немало убедительных свидетельств о взаимосвязи ностальгии и этничности. Поистине уникальным в этом отношении является опыт А.Н.Бенуа. В детстве он говорил и писал на немецком, французском и английском языках, но родным считал русский язык, являющийся стержнем в ресурсах его русскости, как русской этнической идентичности.

«Прозрение «русскостью» А.Н.Бенуа ощущал в себе, совершив первое путешествие за границу. Перечитывая страницы его пятитом-

ного фолианта, у нас не возникает никаких сомнений в значительной роли ностальгического настроения в сохранении и поддержке основ этнической идентичности. «Перевалив двадцатилетний возраст, мы даже пережили искренне и прямо таки бурное увлечение русским» (Бенуа, 1990, 425). «Понадобился затем опыт многих лет, опыт, повторявшийся несколько раз, чтобы я и она (Анна Карловна – Г.С.) поняли, до чего сердечно и душевно мы связаны с Родиной и до чего трудно, а то и просто невозможно нам, русским, вполне приобщиться к жизни на чужбине» (Цит. по: Стернин, 1990, 583).

2. Ностальгия в живописи и литературе Гагаузии

Важной особенностью становления и взросления живописи Гагаузии и гагаузов, как младописьменного народа, до недавнего времени лишённого функционально развёрнутой профессиональной художественной культуры, является её синхронное развитие с процессами социокультурной и этнополитической истории гагаузского народа во второй половине XX века. Вместе с художественной литературой, повышением образовательного и культурного уровня, формированием легендарного председательского корпуса, влиятельного отряда творческой и управленческой элиты, гагаузская живопись в лице её наиболее талантливых представителей по мере сил и мастерства выводила народ из исторического небытия в ряды передовых европейских народов, в том числе отдавая дань по недавнему прошлому.

Роль живописи в судьбе гагаузского народа характеризуется активным участием художников в создании атмосферы национального достоинства, сохранения и поддержки социокультурного единства. Иными словами, кроме эстетической функции, живописная палитра несёт дополнительную смысловую и социальную нагрузку, служа надёжным антропологическим источником для характеристики различных периодов истории народа, выявлению и исполнению стратегии его повседневной жизни, изображению традиционного образа жизни, его устного поэтического

творчества, быта и традиционной культуры. Немалую роль, например, в ностальгическом осмыслении «золотых» десятилетий накануне распада СССР, играют русский и функционально возрождающийся гагаузский языки, совместно открывающие доступ к вершинам мировой и тюркской цивилизации.

Смею предположить, что если ближайшее одно-два десятилетия в Восточноевропейской части мира на стыке европейской, славянской и тюркской цивилизаций не произойдёт какая-нибудь геополитическая катастрофа, трагически связанная, например, с утратой Республикой Молдова государственного суверенитета, мировая история обогатится уникальным опытом молодой новоявленной нации при поддержке гуманитарного знания, наработанного усилиями сверхмолодого по историческим меркам Комратского государственного университета, а также с помощью научной и художественной литературы, всенародного билингвизма, отражения истории и ностальгии в профессиональной живописи.

Особенности форсированного по хронологическим срокам развития гагаузской живописи, позволяют сделать вывод, хотя и предварительный о принципиально новом явлении в сфере гуманитарной поэтики: созданная литература, функционирующая на двух языках, и живопись, впитавшая в себя наряду с научным колоритом общий для мирового искусства опыт мифологических, фольклорных сюжетов и мотивов, служит мощным фактором поддержки и выражения самобытности народа, генератором и локомотивом этноязыковой и этнографической мобилизации.

Исследование ностальгии в искусстве через призму философско-эстетического и этнологического анализа представляет важную задачу, так как образы живописи с особой эмоциональной силой раскрывают красоту детства и мудрости взрослости как дань любви и преданности детей своим родителям и старшим поколениям. Живописцы Гагаузии, изображая детские образы или образы родителей или старушек, следуют нравственным канонам и нормам традиционной культуры своего народа, сохраняя, поддерживая и продвигая её самобытность и достоинство. В произведениях Нины Пеевой «Детство», «Девоч-

ка-Осень», Натальи Кожокарь «Одинаковые туфельки», «Портрет дочери», Куповых Светланы «А на том берегу», Дмитрия Кара-Чобана «Портрет гагаузской женщины», Михаила Арабаджи «Портрет матери», Петра Новакова потрет «Мать», Прасковьи Беженарь «Старушки», Светланы Курудимовой «Фырын» выразительно представлена идея ностальгии по неотъемлемым сторонам образа жизни и традиционной культуры гагаузского народа.

Произведение «Детство» Нины Пеевой является вершиной гагаузского изобразительного искусства в постижении пленительного мира ребёнка, состояния, которое присуще только детскому мировоззрению, не обременённому и не омрачённому проблемами взрослой жизни. Зрителю передаётся ностальгический настрой автора «Детства» и чудо материнской любви к своему ребёнку, восходящей к заповеди Христа: «Истинно говорю вам, <...> если <...> не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (МФ, 8, 3-4, 6). Картина ориентирует на постижение истины, согласно которой духовная жизнь ребёнка подобна родниковой чистоте, и гораздо ближе к идеалу простоты и красоты, чем

мир взрослого человека. Невыразимая тоска и безмерная радость, нисходящие от картины, порождены гармонией невинности и искренности, пленительной непосредственности и лучезарной жизнерадостности. Ностальгия по невозвратному детству – это светлая боль души и вместе с тем радость и отповедь маститого художника процессам дегуманизации и глобализации, а также страстный призыв к очеловечиванию. Чем круче и труднее зигзаги современной жизни, тем ярче и привлекательнее краски прошлого в образе ребёнка.

Особое место в творчестве Светланы Курудимовой и в системе изобразительного искусства Гагаузии занимает её картина «Фырын». В узком смысле пожилая женщина, чем-то отдалённо напоминающая сгорбленную фигуру Спасителя на классической картине И.Н.Крамского «Христос в пустыне», или мучительно напряжённую спину композитора Кара Караева художника Таира Салахова, запечатлена философия мудрой гагаузской женщины, как хранительницы семьи и домашнего очага, безоговорочно и навсегда возложившей на себя ответственность за судьбу своей семьи и своих близких. В широком смысле в её философском настрое выражены наиболее актуальные вопросы современности о смысле жизни и самопожертвовании ради гуманности, ради

Нина Пеева. «Детство»

Светлана Курудимова . «Фырын»

добра и справедливости, размышления о судьбе обитателей родных Буджакских степей.

Оба произведения «Детство» и «Фырын» совокупно являются одними из знаковых работ гагаузского изобразительного искусства. Они свидетельствуют о зрелости художественного мастерства и предельной концентрации внутреннего голоса художника о красоте и мудрости.

Обе картины, наконец, свидетельствуют о типологическом сходстве концептов «ребёнок», «дети», «очаг», «дом», «семья» как фундаментальных устоев национальной ментальности, скрепляющей этнокультурное единство народа.

Вместе с тем художественный опыт живописцев Гагаузии, профессионально работающих в разных жанрах живописи, имеет известные ограничения, связанные с преобладанием контента (содержаний, смыслов, метафор живописных полотен) с большой долей повседневной и бытовой сюжетики. Такое состояние пока ещё отличает их от классического опыта европейской и русской живописи и диктует несколько иные подходы, порождённые отсутствием стадияльного развития, неразрывностью жанрового и стиливого многообразия.

Но именно эти особенности, и прежде всего пронзительные ностальгические чувства о своём не до конца осознанном и опознанном древнем кочевом прошлом, придают художественным произведениям, важное антропологическое измерение, позволяют живописным картинам стать регистраторами и летописцами происходящих перемен в традиционной культуре, в укреплении ментальности, чувства национального достоинства.

Ностальгия на страницах художественных произведений и на полотнах живописцев вместе с талантливым, натренированным воображением восполняет дефицит источников и письменной истории, пробелы в этногенезе, высветляет в образах и воображениях многотрудные движения пращуров гагаузов от Великой китайской стены и Алтая до Буджакских степей и Дуная.

3. Мостики и старые колодцы

Путешествуя по странам Юго-Восточной Азии, проживая по месяцу и более среди кинь и нунгов, таев и тхаев, чамов и мыонгов, представителей других национальностей Вьетнама, я не переставал удивляться образу, концепту и трактовке ностальгии в виде «бамбука, согнутого под напором ветра». Сегодня такое же сильное воздействие на мои ностальгические чувства, как и, надеюсь, на творческие импульсы художников Гагаузии, оказывают мостики, старые мельницы и колодцы, улочки в Комрате, овраги в Чадыр-Лунге, покосившиеся домики и плетёные амбары в их произведениях с непритворной любовью изображающие привязанность к родному краю и Буджаку (Савастин, Фазлы, Айоглу Дулогло, Арабаджи, Дечев, Ангельчев, Беженарь, Орманжи, Иварлак, Курудимова и др.).

Бамбук, согнутый под напором ветра, как и старые артефакты традиционной культуры гагаузов, с удивительной, магнетизирующей магией вызывают чувственное ощущение ностальгии, как диалог между творцом произведения и зрителем.

Повышение образовательного уровня, овладение русским языком и духовное взросление различных социальных прослоек народа, породило тоску по прошлой истории, которая усиливалась неосознанностью этногенеза. «Потерявшая прошлое» или мучительно пытавшаяся его восстановить интеллектуальная элита гагаузов искала её в сохранившихся артефактах. Одна за другой рождались знаки, символы и образы прошлого в картинах Михаила Арабаджи: «Зимний мостик», «Старый мостик», «Старый колодец», «Бабушкин дом» и «Старый двор»; Андрея Иварлака «Колодец с журавлём», «Забытый колодец»; Ларисы Орманжи «Хуторок», заваленный снегом; Георгия Дечева «Старая мельница», «Старый двор», «Буджакский пейзаж и «Сельская жизнь» со старым колодцем в центре картины; в картинах «Мостик» О.Унгуряну и «Мост» С.Железогло и Р.Ангельчева.

4. Кошары, тырла, пастухи...

Гагаузская школа живописи, как и родственная литература, буквально на наших глазах преодолевает локальную ограниченность и приобретает в лучших произведениях, универсальные измерения. Этому способствует её соприкосновение с теми библейскими, византийскими, общетюркскими и славянскими истоками, которые связующей нитью роднят её с европейской семьёй культур.

Преодолев историческую немоту и, прислушиваясь к голосу интуиции, художники Гагаузии (Дмитрий Савастин, Дмитрий Айоглу, Федор Дулогло, Иван Каранастас, Петр Фазлы) вышли на высокий уровень понимания социальных закономерностей, поселив в свои произведения каменные изваяния своих пращуров – половецких (куманских) предков. Губогло. 2012, 576-618). Такой подход открывал широкие возможности для философских интерполяций и рефлексий от толкования семантики каменных изваяний до лексических параллелей между современным гагаузским языком и его дальним родственником, зафиксированном в памятнике XIV века, знаменитым Кодекс Куманикусом.

Когда мы с очарованием восхищаемся портретом «Детство», сына Нины Пеевой, или задумываемся над космической тайной гуманитарной галереи Дмитрия Айоглу, мы не думаем о том, что именно так оно и было на самом деле. Картины отражают и создают лишь те стороны жизни, которые погружают нас в мир страстей человеческих – в чувственную материнскую любовь или в обеспокоенность интеллектуальной фантазии, каждая из которых не подвластна истощению с библейских времён.

Непревзойдённым «певцом» исторического прошлого гагаузов по праву считается выдающийся художник, родоначальник гагаузской школы изобразительного искусства Дмитрий Савастин. Его талант и невероятная трудоспособность отражены в нескольких десятках персональных и групповых выставках, в музейных коллекциях и в частных собраниях. В моей домашней коллекции, в частности, хранится 13 литографий Д.Савастина с трогательными дарственными надписями,

призывающими открывать непрочитанные страницы истории. Бесценные идеи и сюжеты для своих исторических полотен и историко-философских произведений Д.Савастин черпал из устного поэтического творчества гагаузов и доступной исторической литературы. Напомню его произведения, составившие стержень иллюстративного материала к моей трилогии «Антропология повседневности» (М., 2013): «Атилла», «Огузхан», «Деде Коркуд», «Огуз», «Тюркские легенды», «Песня», «Памяти предков», «Из гагаузского фольклора», «В гости», «Песни наших предков», «На родной земле» и др.

Существенный вклад в воссоздание особенностей прошлой кочевой жизни внесли произведения «Тырла» Михаила Арабаджи и Прасковьи Беженарь, «Закуска пастуха» Нины Ергеледжи, «Кошара» Михаила Арабаджи. Симбиоз прошлого кочевничества и последующей оседлой жизни нашёл отражение в картинах талантливой художницы С. Курудимовой, дочери знаменитого оперного певца Степана Курудимова: «Пастух», «Гагаузы», «Очаг». (Губогло 2013, с.672-673)

Философское осмысление ностальгии пространства и времени занимает едва ли не центральное место в интеллектуальном осмыслении бытия и смысла жизни. Изображая времена года (весна, лето, осень, зима), суток (утро, день, вечер, ночь), жизненного цикла (юность, молодость, зрелость, старость) художники Гагаузии фиксируют ход истории и своё место в её скрижалях, погружают зрителей в глубину прошедших веков. Обозревая поступь маститых и молодых художников, вдумываясь в их произведения, обращённые в прошлое, мы преклоняемся перед их стремлением «наводить мосты» между прошлым и настоящим.

В первые десятилетия XXI века ностальгия, как тоска по прошлому, выражается в двух измерениях, постепенно смещаясь от пространственной к временной (хронологической) дислокации и используется как персональное обращение, во-первых, к чему-то утраченному, скорее всего идеализированному прошлому, во-вторых, интеллектуально-чувственному, воспроизводящему групповую или индивидуальную версию опреде-

Атилла

Огузхан

Огуз

Памяти предков

лётного исторического периода, например, годы НЭПа, коллективизацию, культурную революцию или послевоенные хрущёвскую оттепель или брежневский застой.

Мост в гагаузской художественной литературе согласно концепции выдающегося поэта и писателя Николая Бабоглу, играет роль медиатора между нынешними поколениями и далёкими пращурами и служит питательным

бульоном ностальгических настроений

*«По голубым волнам Дуная
Я мост в историю воздвиг.
И этот мост одолевая,
Я в древность мысленно проник»*

(Перевод с гагаузского М.Губогло)

Социальная и эмоциональная значимость концепта «ностальгия» коренится в том, что

Песни наших предков

Из гагаузского фольклора

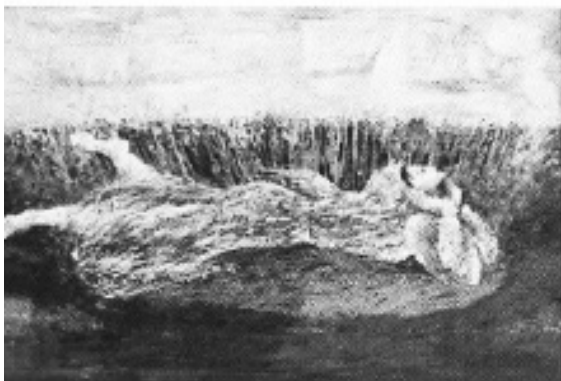
Пробуждение

Мари кыз

Утро

Песня

На родной земле

он выступает эффективной рефлексией и объяснительным ресурсом для воображения тех страниц истории народа, которые не попали на летописные страницы, но нашли отражение в артефактах генетически родственных народов. Таковы, в частности, произведения с той или иной мерой интуиции и информационной осведомлённости, свидетельствующие о каменных изваяниях половецких (куман-

ских) времён (Д.Савастин, П.Фазлы), упоминавшиеся кошары и загоны для скота, пастушеские заслоны от ветра и дождя (Арабаджи, Беженарь, Иварлак), образы матери, пастуха и домашнего очага (Курудимова, Арабаджи, Димогло).

Известная доля тайны и таинственности всегда сопутствует ностальгическим реминисценциям. Особым признанием обществен-

Невеста

В гости

Из гагаузского фольклора

Пастих

Димитраш-Пытыраш

ВОУСУ

Светлой памяти выдающегося гагаузского художника, основоположника гагаузской художественной школы Дмитрия Ивановича Савастина (избранные авторские работы)

Из книги М.Н.Губогло «Антропология повседневности», М., ЯСК, 2013, 752 с. (вклейки в конце книги)

ности пользуются исторические экскурсы Д. Савастина в воображаемое прошлое («Легенда о Тудорке», «Народная песня», «Легенда о любви», «В гости», «Димитраш-Пытыраш», «Воуси», «Песни наших предков», «Пробуждение», «На родной земле», «Оглан и мари кыз», «Через тысячи лет»). Философское обращение лидера живописцев Гагаузии Дмитрия Айоглу к ментальности и мировосприятию родного народа «культивирует ностальгические чувства» зрителей, наполняет их размышлениями, рефлексиями и фантазиями о других мирах, о месте нашей планеты во вселенной («Дух Гагаузии», «Женское одиночество», «Скрытая культура», серия «Композиций», «Сидящие девушки», «В окружении лун»).

Изобразительное искусство Гагаузии, если ему не суждено увянуть под бременем рыночных отношений, финансовых проблем и обнищания народа, ещё надолго может сохранить свою культуртрегерскую, эстетическую и воспитательную роль. Даже небольшой островок гагаузской живописи в 200 картин, выхваченный моей этносоциологической выборкой несколько лет тому назад из обширного опыта, накопленного в исторически короткий срок, свидетельствует о том, что изобразительное искусство Гагаузии представляет собой фабрику новых эстетических идей и форм культуры, важный ресурс интеллектуально-культурного потенциала Гагаузии. Он служит показателем симбиоза традиционного наследия и профессиональных художественных инноваций.

Произведения живописи, высвеченные крупным планом, выстраивают позитивную траекторию, которая связывает между собой смыслы и образы современной Гагаузии с её историей и предназначением в ряду других народов мира. Популярны среди художников композиции, особенно созданные, например, Д.Айоглу, Ф.Дулогло, Д.Савастиним, П.Фазлы, становятся важным аргументом в диалоге между художником и зрителем, между творческой элитой и социумом в нацеленности зрительского внимания в калейдоскопический круговорот повседневной жизни.

Большинство гагаузских художников не злоупотребляют чёрными красками в изобра-

жении света и теней повседневной жизни. Их произведения, как правило, несут в себе скорее оптимистические, нежели пессимистические идеи и краски, вдохновляющие мысли и настроения. Они не травмируют эстетические воззрения своих земляков. Они предпочитают благородными сюжетами и красками успокоить алармистские чувства соотечественников, стремясь сохранить в зрителях состояние душевного равновесия и комфорта, вселить любовь к родному очагу, к родителям и детям, предметам традиционного культурного наследия, вселить гордость за героев прошлого и надежды на лучшее будущее.

Вторая половина XX в. войдёт в историю как эпоха этнической мобилизации гагаузского народа на пути обретения собственной государственности. Вместе с ростом самосознания и самоуважения формировалась творческая элита, умеющая отражать и изображать духовные запросы и душевные позывы своего народа.

Справедливости ради можно сказать, что школа гагаузской живописи, как впрочем и остальные отрасли гагаузского искусства, не в полной мере освоила этномобилизационный процесс, имеющий аналоги в русскоязычной Вандее, т.е. в сохранении, поддержке и продвижении русскоязычия и русскоязычной культуры, но в значительной мере опередившей другие движения в сторону «Русского мира», за счёт успешного конституирования своего этнополитического и этнокультурного статуса. Немалую роль в этой стратегии сыграла присущая гагаузам ностальгия почти по двухсотлетнему пребыванию в составе Императорской России и Советского Союза и в лоне русского языка и русскоязычной культуры.

Две взаимосвязанные функции ностальгии – одна из которых – этноинтегративная, поддерживающая идентичность, возвращающая личность к воспоминаниям о прошлом или подпитывающая воображения о прошлом и другая, принимающая участие в поддержании смысла значений, путём экстраполяции личностных впечатлений на обширный культурно-исторический фон, содержательно обогащают ментальность, укрепляют идентичность и служат компенсацией от чувств

одинокости и отчуждения. Воспроизведение модели такой структурировано сложной ностальгии требует от художника большой эрудиции и художественного таланта.

Так, например, на картине Владимира Топала «Гагаузская свадьба», о которой мне уже приходилось писать (Губогло, 2013, 620-621) одновременно имплантированы натюрморт, в правом нижнем углу, портрет жениха и невесты в центре на переднем плане, событийное романтическое хору из недавнего прошлого, реалистично изображённое за спиной жениха и невесты, пейзаж из сельских домиков и, наконец, горластый петух, вещающий с высокой колонны. Многослойная, полифункциональная и композиционно перегруженная картина, на которой петух обращается к небу, где по представлениям воображаемых предков гагаузов обитал бог неба Тенгри, а икона в руках молодожёнов расположена почти также как чаша на знаменитых куманских (половецких) каменных изваяниях, (Губогло 2012, том 2, с.576-618) отображает синкретизм язычества и православия, симбиоз прошлой кочевой и современной оседлой жизни, манифестируя тем самым этногенез гагаузов и неизбывную ностальгию по не до конца прояснённому происхождению гагаузского народа. Невольно вспоминаются гениальные строки из шедевра Николая Заболоцкого, создавшего магический образ петуха из арсенала языческих верований древнего славянства: «Сообщает он кучу известий, непонятных, как вымерший стих, но таинственный разум созвездий несомненно присутствует в них! (...) Пел петух каравеллам Колумба, Магеллану средь моря кричал. Не сбиваясь с железного румба, корабли приводил на причал».

Содействие ностальгическим настроениям гагаузов нашло отражение в гагаузском социуме в усиленной подпитке с помощью сакрализации культа волка. Научное открытие концепта культа волка в середине 1960-х годов, (Губогло Михаил .1967а,7-8; 1967б, 159-167; 1968, с.51-60) обернулось широко-масштабной пропагандистской кампанией по подпитке ностальгирования по фрагментам этногенетической истории гагаузов, в осмыслении и истолковании которых важную роль сыграл культ волка, как символ духовного

подъема и стимул этнической мобилизации. Патриарх гагаузской школы живописи Дмитрий Савастин в картине «Сказание о сером волке» изобразил могучую фигуру волка как прародителя гагаузов, устремлённых вдаль. Центральное место в картине занимает молодая гагаузка, исполняющая на трёхструнной скрипке ностальгическую мелодию, вызывающую ассоциацию с движением на запад кочевых предков гагаузов со своей исторической родины.

Развал Советского Союза катализировал трансформационные процессы, размывая, однако при этом нравственные основы традиционной культуры. Вместе с тем урбанизация, рост миграций, разрыв целых поколений с традиционным жизненным укладом, поспешные попытки форсированной модернизации, породившей затруднения в адаптации к изменениям и породили ностальгию по недавнему прошлому, как о тихой гавани стабильности, которая могла бы снимать стресс у целых поколений и отдельных граждан. Современные СМИ, находящиеся на службе реформаторов, увидели свет в ностальгических рефлексиях граждан большой коммерческий потенциал и развернули активную пропаганду ностальгии как симбиоз запомнившегося, воображаемого и реистолкованного прошлого.

5. Культ волка – ресурс ностальгии по далёким временам

Сильнейшее впечатление на зрителя производит картина лидера гагаузских художников Дмитрия Айоглу «Волчьи праздники». Образ душераздирающей ностальгии передано могущественной фигурой серого волка, о чём-то надсадно воющего, обращаясь к богу неба. Эмоциональное озарение усиливается картиной Буджакской степи. В пелене утреннего тумана, сквозь оголённые ветви акации и иссохшие колючки кустарника по-над крышами домов и приземистых овчарен и хозяйственных построек демоническая фигура волка провоцирует комбинацию воображаемых рефлексий и реистолкованных картин прошлого, которые возбуждают в памяти позитивные ощущения о героической истории предков.

Картина «Сказание о сером волке» Дмитрия Савастина. На трехструнной национальной скрипке молодая гагаузка исполняет ностальгические мелодии, вызывающие ассоциации с исходом кочевых предков гагаузов со своей исторической прародины. Путь им указывает прародитель - легендарный серый волк, изображенный устремленным вдаль, в верхней части картины.

картина «Волчи праздники» гагаузского художника Дмитрия Айогло.
В Буджакской степи, в пелене утреннего тумана, сквозь оголенные ветви акации и иссохшие колючки кустарника по-над крышами домов, приземистых овчарен и хозяйственных построек виднеется могучая фигура серого волка, о чем-то надсадно воющего, обращаясь к Богу неба.

Стремление к красоте и ярким краскам, особенно в творчестве Д.Айоглу, Ф.Дулогло и П.Фазлы, настраивает зрителей на оптимизм и уверенность в оправданности жизни. Почти никто в произведениях не «откликается» на социальные язвы и несправедливости. Живопись, как и весь народ, находится на подъеме, но скорее вширь, чем вглубь.

Вместе с тем нравственная воля некоторых художников, особенно это видно в творчестве Д.Савастина, направлена на то, чтобы предъявлять героям своих произведений высокие моральные требования: быть стойким и мужественным в движении вперед. Такова, в частности, его картина «Возвращение», главным героем в которой зрители легко узнают нестигаемый под ударами судьбы силуэт художника, писателя и поэта Дмитрия Кара Чобана, которому посвящен очерк во втором томе названной выше моей трилогии (с. 365-454).

Мне уже неоднократно приходилось отмечать блестяще найденную Д.Савастиним композицию и метафору для изображения фигуры и личности Дмитрия Кара Чобана, одного из широкомасштабных представителей гагаузской творческой элиты, упорно шагающему навстречу напорам встречного ветра.

Подобно тому, как калированная яблоня даёт качественно новые плоды, так и социум, которому будут привиты благородные ценности эстетики и духовной культуры, начнёт иначе плодоносить, утверждая справедливость, восстанавливая равноправие, нейтрализуя социальный эгоизм и индивидуализм и утверждая взамен коллективизм и солидарность. Роль творческой интеллигенции в процессе «окультуривания» («калирования») вкусов и ценностей народа неопределима. Важная роль принадлежит в этой социализации и живописцам. Дело в том, что если экономические, политические, этносоциальные, межэтнические отношения не подпитываются ценностями и постулатами духовной культуры, они потенциально могут нести заряд недоверия, непонимания между представителями разных народов.

Культура гражданского общества без привитой к ней духовности, без чувствительной отзывчивости к инокультурным артефактам

и ментифактам, порождает сорняки и разрушительные интенции, расширяя и углубляя хаос и криминальную атмосферу в социуме.

6. Пейзажи Гагаузии

Порой бездушное отношение к представителям творческой интеллигенции проявляется в формальной поддержке их деятельности. Так, например, прекрасная идея Исполкома Гагаузии по созданию панорамного альбома из произведений нескольких десятков художников Гагаузии, может стать бумерангом чиновничеству, не разглядевшему огромную патриотически окрашенную, консолидационную культуртрегерскую функцию живописи, не осознавшему мобилизационную энергию образов в деле гагаузского нациестроительства, в подъёме национального духа и расширения мировосприятия².

Некоторым из шустрых современных русофобов (есть и такие среди гагаузов), могут показаться обидными или раздражающими мои поиски корней и идей в произведениях гагаузских живописцев и поэтов в мировом арсенале изобразительного искусства, в поэзии и прозе России. Как можно, например, не видеть в галлюцигенной картине «А на том берегу» Светланы Купавых удвоение ностальгического настроения вызванного ассоциациями с известной песней в исполнении Александра Малинина «Берега»: «Там за быстрой рекой, что течет по судьбе, свое сердце навек, я оставил, свое сердце навек я оставил тебе, там куда не найти переправы. А на том берегу –незабудки цветут, а на том берегу – звезд весенний салют. А на том берегу, мой костер не погас, а на том берегу, было все в первый раз»

Отдельных молодых поэтов, создающих свои произведения преимущественно на гагаузском языке, раздражают даже скорее воображаемые, чем реальные, скорее желаемые, чем фактические этнокультурные параллели: например, Курогло – Есенин, Кара-Чобан – Блок, Бабоглу – Бунин, Чеботарь – Белинский, Айоглу – Сальвадор Дали, Арабаджи – Левитан или Шишкин, Фазлы – Врубель или Коровин, Савастин – Суриков и т.д. и т.п.

В основе русофобского неприятия русско-

го языка, литературы и других произведений иноэтнического искусства лежит, как мне кажется, не отрицательное отношение к иноэтничности, например, к русскости или к еврейскости, а неверие в достоинство и в самодостаточность собственной культуры, страх слабой конкурентоспособности родной культуры и самого автора перед громадным опытом культуры иноязычного народа.

В самом деле, одни слои населения, оглядываясь на недавнее советское прошлое, ностальгируют по прошлому и мечтают о его воссоздании. Другие, напротив, проклинают прошлое. Разобщение народа, его социальная растерянность продолжает оставаться едва ли не главной проблемой Гагаузии, как, впрочем и Молдовы, и России в целом. Цель художников и смысл их творчества состоит в оказании посильных усилий в смягчении социального и психологического разобщения народа. Устремления значительной части художников Гагаузии направлены на решение этой задачи, суть которой заключается в социализации и окультуривании гражданского общества, как процесса консолидации гагаузского народа на принципах преодоления разрушительных итогов вялотекущих реформ и утверждения достойных ценностей жизни, выступающих пульсирующим нервом этнической истории.

Творчество гагаузских художников складывалось в условиях рефлексивно-оценочного голода, отсутствия доброкачественных рецензий, рефлексий, взаимного одобрения или порицания со стороны коллег или интерпретаторов. Слаба втянутость художников в современный исторический и историографический дискурс, относительно редкое участие в дискуссиях, конференциях, мастер-классах, отсутствие внимания к пограничным областям гуманитарного знания: к истории и этнологии, к литературе и языкознанию, философии и искусствоведению.

В чём проявляется смысл призвания художника? С одной стороны, в остром осуждении отчуждённости от современности, преобладание ласковых пейзажей и тёплых натюрмортов в ущерб изображению острых социальных проблем? Или, наоборот, увлечение изображением не вполне уловленных течений современной жизни, не вполне осмысленных

эпох, культурных ценностей и легендарных героев среди воображаемых и реальных предков? Индивидуальны и не лишены субъективности попытки изображать далёкое прошлое и предугадывать ритмы завтрашнего дня. При этом и в восприятии подобных произведений единого рецепта не существует, всё зависит от потенциала зрителя, ценителя, интерпретатора.

В чём смысл призвания живописца? В остром ощущении отчужденности и одиночества или в социальной и политической ангажированности. Дело в том, что востребованность определённых предметов его творческой деятельности, качество качества его произведений с трудом или вообще не поддаётся количественному измерению.

Ускорение исторического процесса, проявившим себя в форсированной образовательной карьере и в этнополитической мобильности гагаузского народа в последней трети XX века, юные изобразительное искусство и профессиональная литература не успевали осмысливать и выносить на суд читателей и зрителей свои истолкования смыслов повседневности и изменчивости происходящего.

Скорость этнической истории в эпоху крутых перемен давала огромную информацию («прикармливала») художников и поэтов и не давала им сосредоточиться и создавать концептуально обоснованную национальную школу литературоведения, искусствоведения, критики и рефлексирования.

Обрушившиеся реформы и трансформационные процессы не позволяли «додумывать» художественные произведения до уровня национальных или мировых ценностей. Произведения живописи, поэзии, прозы, беллетристики вынужденно становились в ряде случаев скорее рыночным товаром, чем художественной ценностью.

Между тем, вызревания художественного мастерства художников имели огромное значение для успешной социализации чувств общественного достоинства гагаузского социума, для повышения этнического самосознания. Вместе с тем, отдельные случаи профессиональной спеси, граничившие с графоманством как в живописи, так и в журналистике, могли выступать тормозом социаль-

Д.Савастин. «Диалог»

ного развития и художественного вкуса.

Относительно эпохи духовного подъёма и интеллектуального преуспеяния гагаузов с особой яркостью свидетельствуют многие сюрреалистические полотна Д.Айоглу, Ф.Дулогло и П.Фазлы, насыщенные жизнеутверж-

дающими красками красного и голубого цвета и переливами светлых желтоватых линий и оранжевых полос и пятен. В них отражение эпохи растущего самосознания гагаузов, проявление философских смыслов повседневной жизни, осознания ими своей идентичности

Д.Савастин «Димитраи-Пытыраи»

и убеждение в правоте своего бытия и движения к самоутверждению и самосовершенствованию.

Было бы ошибочно думать, что главная цель художника, будь он реалистом или сюрреалистом, романтиком или авангардистом, состоит в том, чтобы с фотографической точностью изображать заброшенные колодцы и

золотистые купола сельских храмов Гагаузии, и тем самым передавать зрителям готовые мысли, своё настроение и впечатления.

Живописцы сознательно ставят перед собой задачу, подобно тому, как ученые в лабораториях и архивах ищут ответы на волнующие вопросы смысла жизни. Таковым, в частности, видится идейный замысел и

смысл картины Д. Савастина «Возвращение», серии композиции Д. Айоглу, напоминающими по колоратуре цвета пшеничной соломы или спелой тыквы. Вглядываясь в сюжетные линии и краски, важно видеть наряду с замыслом художника и движения души героя. В порывистом рывке Д. Кара Чобана, преодолевающего напор сильнейшего ветра, видится, в частности, не возвращение, а, наоборот, движение к правде и справедливости, с раскрытой душой. Вдалеке в туманной поволоче об этом, в частности, маячит храм. Это центральный нерв картины и одновременно обозначение правды и истины, т.е. того, что беспокоит душу героя на картине и затрагивает мысли создателя и зрителя картины.

Воспитательные, культуртрегерские и эстетические идеи, привносимые гагаузскими художниками в социум Гагаузии, требуют осознания, осмысления и заинтересованного отношения политической элиты к жизнедеятельности и творчеству художников. Востребованность государственной поддержки особенно актуальна в пассионарные времена, когда мобилизованный народ воздвигает мост от этнополитического небытия к осознанию своего достоинства и самодостаточности. Подобные периоды заинтересованного взаимодействия между идеологами, политиками и деятелями культуры имели место в этнополитической и этнокультурной истории многих народов. Искусство, как правило, шагало в ногу с этнической мобилизацией, или опережало её, питая этнокультурное и этнополитическое движение дополнительной энергетикой.

К пейзажной живописи тесно примыкают произведения, несущие в себе этнографизмы, принципиальное значение которых выходит далеко за пределы чистого искусства. Отвечая на вызовы времени, они призваны сохранять образы национальной самобытности народа, служить идеологической и художественной опорой гагаузскости. Видное место в этнографически ориентированных картинах занимают произведения Марии Димогло: «Хору», «Сельская свадьба», «На свадьбу», «Дернек», «Посиделки», «На хору», «На гагаузской свадьбе», «Гагаузская семья; картины Андрея Иварлака «Хедерлез», «Рождество. Ждём гостей».

7. Буджак: ностальгия по Родине

Исключительно болезненной и мучительной перспективой была ностальгия, как тоска по утраченной Родине у русских эмигрантов – писателей, поэтов, военных, других лиц технических и гуманитарных профессий. По некоторым подсчётам за полвека между 1920 и 1970 гг. на русском языке ими было написано около десяти тысяч книг. Более семи книг романов и новелл, в том числе знаменитые «Тёмные аллеи» лауреата Нобелевской премии И.А. Бунина.

Пронзительную боль чувственной тоски по родине выразила в книге «Ностальгия» одна из ярких писательниц Серебряного века Надежда Тэффи. В золотой фонд русской художественной классики вошли сочинения А. Куприна, Б.Зайцева, И.Шмелёва, М.Алданова, раннее творчество А.Вертинского, П.Лещенко, А.Баяновой и других талантливых представителей русской эмиграции.

Чувство ностальгии, как свидетельствовали талантливые писатели и поэты русской эмиграции первой волны, часто сопрягалось с реминисценциями об этничности и этнической принадлежности, принадлежности к культуре родного народа.

Так, например, в рассказе «Разговор», Надежда Тэффи со знанием дела уверяет, что потеря родины неминуемо влечёт за собой потерю языка и национального лица. Героев других её произведений «Ностальгия», «Сладкие воспоминания», «Осколки» одолевает тоска по России и русскости. Такие же приступы и спазмы ностальгии порождают серию рассказов под общим названием «Далёкое», в котором детские воспоминания и провинциальные зарисовки перемежаются с портретной галереей людей, давно ушедших в небытие.

Художники пытаются перелистывать воображаемые страницы истории, обращаясь к картинам дальнего детства, к образу матери или пастуху с отарой овец на склоне холма. Определённые творческим воображением художника, артефакты, превращаются в философскую эманацию, имеющую цель извлечения смыслов из запредельного первоначала.

В отличие от молдаван и представителей других национальностей Республики Мол-

П. Фазлы. «Вулканеитский мотив»

дова, у гагаузов нет исторической родины, кроме как в Буджакских степях, которые они осваивали начиная с рубежей XVIII-XIX столетий. Осознание Буджака исконной Родиной писатели, поэты и художники готовы пожертвовать собой: «Буджак судьба, Буджак – наш выбор. Тебя мы любим с давних пор. Ради тебя, ради тебя готов я в жертву принести себя» - пафосно подтверждает любовь к своей Родине выдающийся поэт Гагаузии Степан Курогло. (Перевод с гагаузского М.Губогло)

Неразрывная связь с Буджакскими степями, как исконной родиной, неоднократно подтверждается в произведениях гагаузских художников. Буджаку посвятили свои патриотически насыщенные произведения Константин Келеш – «На просторах Буджака», Кара Чо-

бан Дмитрий младший – «Буджакский зной», Ворникова Наталья – «Буджакская мадонна», Михаил Арабаджи – «Дары Буджакской земли», Григорий Дечев – «Буджакский пейзаж», Фёдор Дулогло – «Солнце Буджака», Андрей Иварлак – «Буджакская степь», Д.Савастин – «На родной земле», Пётр Фазлы – «Буджакские мотивы».

Чем объяснить, что наиболее выразительные и пронзительные чувства и преданное отношения к Буджаку, как исконной среде обитания, художники посвящают свои признания с особым энтузиазмом и самоотдачей. Ответ не может быть однозначным. С одной стороны, благодаря пейзажной живописи, не требующей наивысшего напряжения сил и зрелых навыков и находящегося в повседне-

ном поле зрения, с другой стороны – благодаря усвоению богатейшего опыта всемирно известной живописи России. Едва ли не со школьной скамьи граждане бывшего Советского Союза знакомы со всемирно известными образцами пейзажной живописи, например И.И.Левитана «У омута», «Тихая обитель», «Летний вечер» и другими. «Едва видишь на картине темень вод, девятый вал, то понятно, что картину Айвазовский рисовал», «Если на картине видишь ночь, зелёную луну, значит видишь ты Куинджи: хатку, небо, тишину: если видишь на картине лес, медведь или рожь, иль пейзаж красивый русский, что на чудо так похож, или стоят на той картине ели, сосны у воды, знай, товарищ, непременно – это Шишкина труды.

Вглядываясь в панораму современной живописи Гагаузии и задумываясь об основных направлениях её развития, я задаю себе трудный вопрос: решится ли хотя бы один профессионал, вообразив себя сторонником и последователем И.Глазунова, создать правдивый триптих, в одной части которого мускулистый накачанный мужчина нянчит годовалого ребёнка, во второй части его красивая супруга с высшим образованием и голубоватым университетским ромбиком на кофточке моет пол в особняке на окраине Стамбула, а в третьей части – их недоучившийся подросток сидит в местах не столь отдалённых за хулиганство или за хранение и распространение наркотиков?

Этот, отнюдь не риторический вопрос, адресован, ясное дело, не самим художникам, а скорее к политической элите Гагаузии и Молдовы, не выказывающих особого энтузиазма и душевности по созданию надлежащих условий для творчества живописцев.

Немалые претензии зреют в душе не только в адрес административной и политической элиты, но и в адрес самих художников. Их ряды пополняются достаточно заметными темпами. Народ богат талантами. Однако, вдумываясь в развитие сюжетных линий, в проблематику и колоратуру изобразительного искусства Гагаузии, не вижу достойных изображений символики и брендов новорожденной государственности, включая изображение флага, герба, других памятных знаков

самоопределения. Смущает обилие красных цветов, в ущерб зелёным и жёлтым, вряд ли оправдано преобладание в пейзажной живописи сирени и хризантем, арбузов и яблок в ущерб историческим памятникам и легендарным личностям. Почти все художники Гагаузии, за исключением Д.Савастина, стыдливо остерегаются изображать исторических персонажей Огуз-хана, Изеддина Кейкавуса I, Деде Коркута и других воображаемых легендарных и реальных личностей, оставивших след в мифологии, в воображаемой и реальной истории гагаузов.

Трудно понять, почему художники не вдохновляются создать портретный, пусть даже схематический образ трёх выдающихся генералов – И.Н.Инзова, Н.Е.Бранденбурга, В.А.Мошкова, сделавших чрезвычайно много полезного для укоренения этнического самосознания гагаузов, прояснению их связей с воображаемыми предками, установления их правового статуса и для сохранения и развития основ их повседневной жизни. Более того, на полотнах художников отсутствует легендарный военачальник Димитрий Ватикюти, нет портретов прославленных учёных, поэтов, писателей, музыкантов, оперных и эстрадных певцов, крупных общественных деятелей и самих художников, в конце концов. Четверым художникам (Д.Айюглу, М.А-рабаджи, П.Фазлы, Копча) присвоено высокое звание «Заслуженный деятель искусства Молдовы», одному (Д.Савастин) – почетный гражданин Гагаузии. Где их портреты? Не каждый заглядывает в Интернет, чтобы гордиться ими! Через одно-два десятилетия подобные произведения могут стать пищей для ностальгии подрастающих поколений, служить укреплению единства народа

Менее полвека длится диалог зрителя с художниками Гагаузии. Существенный исторический и художественный урок этого диалога состоит в том, что диалог требует и от творца произведения и от «потребителя» определенной нравственной зрелости и некоей интеллектуальной предуготованностью.

Художники Гагаузии, как никогда, нуждаются не только в поддержке и в улучшении условий своего труда, например, в специально построенном «Доме художника», с личны-

ми мастерскими с хорошо освещенными окнами и просторным воздухом, но и в диалоге со зрителями. Пускаться в длинные рассуждения без багажа знаний, без определенного комплекса культурных ценностей, представляется бессмысленной идеей и бесполезной тратой времени. В самом деле, вглядываться («входить») в искрометные литографии Д.Савастина, на «размышлизмы» об иных мирах и состояниях Д.Айоглу, восхищаться «взрывчатой» колоратурой полотен М.Арабаджи, П.Фазлы, разгадывать фантастические ассоциации Ф.Дулогло, умиляться лучезарным светом, исходящим от знаменитого «Портрета сына» Н.Пеевой, домысливать философскую глубину матерей и старушек Д.Кара-Чобана, С.Курудимовой, П.Новикова, Л.Брумма, Н.Ворниковой, М.Арабаджи, П.Беженарь, нельзя без натренированного глаза, с равнодушным сердцем и вялой мыслью.

Заключение

Обращение к языку и семантике изобразительного искусства и художественной литературы, как к источнику исследования ностальгии, являющей одну из характеристик народной культуры, состояния самосознания, идентичности и ментальности народа, раскрывает продуктивные возможности выведения младописьменного народа из исторического небытия. Ностальгические чувства всемирно известных русских эмигрантов И.Бунина, И.Бродского, В.Набокова, Н.Тэффи и ряда других, коренятся в их тоске по утерянной родине, по национальной культуре и повседневности. Непосредственная тема всего творчества В.Набокова от первых заметных стихотворных сборников до всемирно известных романов, переведенных на десятки языков, посвящены России, русскости, русской культуре, выступающих основным фоном его творчества. Большинство его литературных героев, сохраняя особенности профессии, биографии и темперамента, сливаются в единой модели беглеца, которого не отпускает память о молодости и далеком Отечестве. «Мне – то, конечно, – определяет остроту своей ностальгии В.Набоков, – легче, чем другому, жить вне России, потому что

я наверняка знаю, что вернусь, во-первых, потому что увез с собою от нее ключи, а во-вторых, потому что все равно когда, через сто, через двести лет, -- буду жить там в своих книгах или хотя бы в подстрочном примечании исследователя» (Набоков 1989, 632).

*Таких, как я, немало, Мы
Блуждаем по миру бессонно
И знаем: город погребенный
Воскреснет вновь; все будет в нем
Прекрасно, радостно и ново –
А только прежнего, родного
Мы никогда уж не найдем.*

(Набоков 1989, 635)

Совсем иная причинность и мотивировка ностальгических чувств гагаузских художников. Она проистекает из природы Искусственного воображаемого неудовлетворенного знания конкретной реальной истории и особенностей этнокультурной ментальности далеких предков. Многочисленные картины, изображающие старые дома и домики (серия картин «Бабушкин дом», «Старый дом» Михаила Арабаджи, «Старый двор» Федора Дулогло, «Дворик» Андрея Иварлака, «Хуторок» Ларисы Орманжи, «Одинокий домик на окраине» Петра Фазлы, и др.) ассоциируются не с бездомностью в узком смысле слова, а с понимаем неустойчивости Буджака в современном геополитическом контексте. Одна из особенностей молодой гагаузской художественной культуры состоит в том, что она испытывает отторжение от малейшей банальности, от малейшей приблизительности. Высокую достоверность произведениям живописи и доверие зрителей вызывают ностальгические чувства художников, экстраполируемые ими на изображения человеческих переживаний (пленительная улыбка ребенка в «Портрете сына у Нины Пеевой, незаурядный своей теплотой семейный быт в картине Марии Дулогло «Сельская свадьба» и др.)

Ностальгия обращена не только в прошлое. Она несёт в себе в ряде случаев не только время постижения непрочитанных периодов истории, но и мучительные размышления о будущем. Непревзойдённым мастером философского изображения ностальгии о будущем выступает в своих произведениях Дмитрий Айоглу: «Дух Гагаузии», «Сидящая девушка»,

«Женское одиночество», «Скрытая культура» и «Композиции».

Не так трудно понять причины ностальгического внимания творческой элиты Гагаузии и художников в том числе, к исконной земле Буджака, к историческим этапам движения предков через евразийские степи. Вместе с литераторами, филологами и историками художники прокладывают путь от прошлого к настоящему, к будущему через настоящее и прошлое. Внимание к истории, идентичности и повседневной жизни гагаузского народа усиливается по мере освоения общественностью культовой значимости исторических реалий, таких, например, как культ волка, кочевая цивилизация предков, слова современного гагаузского языка, найденные в выдающемся памятнике Codex Cumanicus, современные слова живого гагаузского языка, которым насчитывается не менее 700 лет, скромное обаяние каменных половецких (куманских) изваяний. (Губогло 2012, том 1, с. 151-165; 491-527)

Тягостное бремя ностальгии позволяет со всей очевидностью осознавать великое значение традиционной культуры, в том числе в её этических и эстетических норм и принципов, возвышающей ментальность народа до уровня мировых художественных ценностей. Внимание гагаузских художников к природной среде, к достоинству матерей и дочерей, к красоте полей и садов, является ответом на общий процесс осознания народом национальных святынь. Культивирование артефактов прошлого означает дорогу в будущее.

Особое направление художественных поисков, вероятно, будет связано с проявлением ностальгии по недавнему прошлому, связанному с историей Советского Союза.

Одним кажется, что портрет сына Нины Певой слишком «сладкий», другие ностальгируют по тем временам, когда самим себе казались не менее романтическими созданиями.

Хотя многие художники Гагаузии родом из села, они особенно чувствительно ностальгируют по сельской идиллии. Картины о домиках, отдельных деревьях в степи, о колодцах на перекрёстках дорог излучают духовность, добродетельство, противодействие накачивающей урбанизации и индустриализации. Ностальгическая мелодика была ориентирована

на познание смысла жизни, величия природы, красоты пожилого возраста.

Ностальгия по этническому происхождению народа у некоторых художников тесно сопряжена с болезненными поисками идентичности. Три величественные арки и три тёмные женские фигуры на картине «Вечерний звон» Фёдора Дулогло напоминают о триединой доктринальной основе многих культур мирового уровня и вызывают ассоциации с прославленной русской иконой «Троица», написанной Андреем Рублёвым в XV веке. Образ религиозной идентичности вкупе с этнической напоминает о многотрудном, не до конца прояснённом движением предков гагаузов с востока на запад.

Менее всего в молодом изобразительном искусстве Гагаузии, в том числе в живописи, разработано сюжетно-тематическое направление. Даже в творчестве маститых художников нет последователей Карла Брюллова, В.Сурикова, В.Верещагина, И.Репина и других авторов картин о крупных исторических судьбоносных событиях, таких, например, как противодействие волонтерам Мирча Друка, митингам в борьбе за русский язык и за суверенитет Гагаузии, наконец, референдуму 2014 года.

Не рискуя ошибиться, вероятно можно предположить, что не менее перспективные залежи информации о ностальгии хранятся в творчестве, художественных стилях и поэтических особенностях поэтов, писателей, драматургов, в идейно-тематических направлениях прозы, публицистики и беллетристики, в фольклорных мотивах, сказочных сюжетах, образах знаменитых людей, например, в образах председательского корпуса (1960-1980-х годов), внесшего значительный вклад в дело интеллектуального и социального взросления гагаузского народа.

Если с морально-нравственной точки зрения имеют смысл понятия: «справедливость», «стыд и совесть», «добро и зло», то ностальгия, как часть «национального менталитета, обязана оценивать и судить вещи и факты прошлого, сопоставлять их с настоящим и творчески освещать ими будущее. В этом главное призвание национального сознания...» (Струве, 1997, 442).

Литература

1. Chase, Shaw 1989 – Case M. Shave C. The dimensions of nostalgia // The imagined past: history and nostalgia. Ed. By M.Chase and C.Shaw. Manchester: Manchesters university press, 1989, p.1-17
2. Абрамов 2012 – Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал, 2012, № 4, с. 5-23
3. Бенуа 1990 – Александр Бенуа, Мои воспоминания в пяти книгах, кн. 1, М., Наука, 1990, 711
4. Бойм 2013 – Светлана Бойм. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас, М., 2013, № 89
5. Губогло 1967 - М.Н. Губогло . Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. (К вопросу о происхождении гагаузов), Москва, МГУ. 1967.
6. Губогло 1968 - Губогло М.Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов. // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, с.51-60
7. Губогло 1991 – Михаил Губогло. Энергия памяти (О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти). Учебное пособие в помощь учителям литературы и истории, М., 1992, вторично опубликовано в: М.Н.Губогло, Языки этнической мобилизации, М., ЯРК, 1998, с. 497-603
8. Губогло 2012, том1, --- Губогло М.Н. Язык воображаемых предков. // Гагаузы в мире и мир гагаузов. Том 1, Автор идеи, сост. и отв.ред. М.Н.Губогло, Комрат-Кишинев, 2012, с.491-527.
9. Губогло 2012,Том 2, --- Губогло М.Н. Культурное наследие воображаемых предков: каменные изваяния куман. // Гагаузы в мире и мир гагаузов, Том 2. Комрат_Кишинев,2012, с. 576-618.
10. Губогло 2013 – Губогло М.Н. Антропология повседневности, М., ЯСК, 2013, 752 с.
11. Набоков 1989 -- Владимир Набоков Приглашение на казнь. Романы, рассказы, Критические эссе, воспоминания. Кишинев, Литература артистика, 1989, 654с.
12. Стернин 1990 – Стернин Г.Ю. «Мои воспоминания» А.Бенуа и русская художественная культура конца XIX – начала XX вв. // Александр Бенуа, Мои воспоминания в пяти книгах, кн. 4-5, изд. Второе, доп., М., Наука, 1990, 743
13. Струве 1997 – П.Б.Струве. Patriotica. Политика, культура, религия, социум. Москва, «Республика», 1997, 527 с.
14. Тишков 1999 – Тишков В.А. Антропология российских трансформаций // III конгресс этнографов и антропологов России, Тезисы докладов, М., 1999, с. 12-28
15. Трубина 2011 – Трубина Е. Участь вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные рамки пмяти. Под.ред. В.Н.Ярской и Е.Р.Ярской-Смирновой, М., 2000, ООО «Вариант», ИСПГИ, 2011, 25-45
16. Чикишева 2009 – А.С.Чикишева. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре // сб.ст. по материалам конгресса, отв.ред. Д.Л.Спивак, М., Новый хронограф: Эйдос. Том 6. Культурное наследие: от прошлого к будущему, 2009, с. 267-277

(Endnotes)

¹ Доработанный и дополненный вариант «Заключения» к монографии «Повседневная жизнь в зеркале живописи. Опыт Гагаузии», опубликованной ранее в трилогии: М.Н.Губогло. Антропология повседневности, М., Языки Славянской Культуры , 2013, с. 695-702

² Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность руководителям подготовки проекта альбома и позволяю себе включить в данную статью автограф письма с моими впечатлениями о его качестве, нравственной ущербности и профессиональной недоработанности:

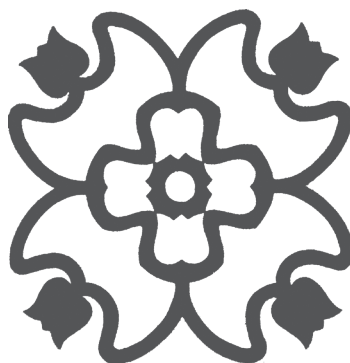
«Дорогие Иван Иванович и Иванна Ивановна , Добрый день! (Имена изменены -- М.Г.)

Примите благодарности за оказанное доверие по подготовке вступительной статьи.

Я не искусствовед по базовому образованию и не берусь профессионально судить о художественных достоинствах и стилях произведений художников Гагаузии. Однако представленная в каталоге панорама живописи (художники и их произведения) сильно искажает, точнее занижает ее гуманитарный вектор и социокультурное значение. Произведения, включенные в каталог, лишают возможности объективно оценить ее зарождение, формирование и функционирование как самостоятельной ветви профессионального искусства Гагаузии. Сильное преобладание пейзажей, цветов, времен года и суток, натюрмортов (более половины из 200 произведений) свидетельствует о сюжетно-предметной ограниченности и социально-профессиональной инфантильности (недоразвитости) художественной школы Гагаузии, о ее значительном несоответствии современному уровню политического и социокультурного развития народа. Уравниловка (по 4 произведения маститого мэтра (Савастин, Фазлы, Айоглу, Дулогло)) и начинающего художника (Брум, Дерменжи, Кара-Пееева, Андриеш, Кара) , избранная в качестве критерия выборки, не позволяет представить аргумен-

тированную концепцию национальной ШКОЛЫ живописи Гагаузии. В отличие от русских, украинцев, болгар и других лиц не-молдавской национальности, у гагаузов нет другого Этнического материка, а есть только Малая родина Буджак. Полотна об исконной земле почти совсем не попали в каталог. Между тем воспевание Буджака, как это, например, делается в гагаузской литературе, является одной из задач живописцев во имя сохранения самобытности, суверенности и мало-мальской государственности, во имя национальной гордости и достоинства гагаузского народа. Мне уже приходилось отмечать ряд произведений Савастина, Айоглу, Дулогло Топала, Курудимовой, играющих чрезвычайно важную роль не только в «украшении цветами» и яркими красками земли обитания, но и в консолидации единства гагаузского народа. Мне думается, что было бы целесообразно дополнить каталог картинами, несущими мощный заряд национальной гордости народа, в т.ч. произведениями о легендарных личностях (Атилла, Огуз-хан, Изеддин Кейкавус, Деде Коркуд, Дм. Ватикиоти, именами трех генералов (Мошков, Инзов, Бранденбург) полотнами о гагаузских традициях (свадьба, хору, Хедерлез, Касым, патриотически насыщенными картинами Курудимовой («Чобан», «Фырын», «Гагаузка»), обязательно замечательным проектом Айоглу «Родина_Мать. Ответственность каталога, являющегося важной составной частью национально-культурной стратегии Гагаузии, состоит в том, чтобы служить национальным интересам народа за счет рационального баланса политического суверенитета, социально-экономических условий и духовной жизни народа.

Впервые опубликовано в: Материалы международной научно-практической конференции. Наука, образование, культура. Сб.ст., Составители Т.И.Раковчена, С.И.Лупашку, А.К.Папцова, Комрат, 2018, с.296-315.

АНТРОПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ. СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ АССАМБЛЕИ НАРОДОВ РОССИИ¹

Предисловие.

Этнический век: Ассамблея народов России - ответ его вызовам.

XX век, особенно его вторая половина, характеризовался стремлением многих народов мира и в первую очередь малочисленных, сохранить свою самобытность и уникальность традиционной культуры. Показатель этого феномена, явившегося защитной реакцией против глобализации, проявил себя в сплеском у миллионов людей интереса к своим этническим корням и к своей идентичности. Этнические процессы, по праву занявшие в предметной области советской этнографии приоритетное место, получили название этнического парадокса современности. Парадокс заключал в себя две противоречивые тенденции: с одной стороны – нарастающую унификацию материальной и духовной культуры, а с другой – рост этнического самосознания и приумножение усилий по сохранению, поддержке и продвижению национальной культуры. Несмотря на разночтения и очевидную смысловую неточность термина «националь-

ное возрождение», а также порой синонимично воспринимаемого ещё более уязвимого термина «этнический ренессанс», само явление этнической мобилизации рассматривается в гуманитарном знании как один из немаловажных аспектов развития человечества во второй половине XX века. Ценным вкладом в исследование противоречивого характера современных этнических процессов, протекающих в виде разнонаправленных процессов интеграции, консолидации, дезинтеграции и ассимиляции, стала подготовленная сотрудниками Института этнографии АН СССР коллективная монография, «Современные этнические процессы в СССР», выдержавшая 2 издания в 1975 и 1977 гг.²

Научные итоги многочисленных исследований этносоциальных, этнокультурных, этноязыковых и этнополитических процессов, в центре внимания которых оказались рефлексии национального самосознания и дискурсы академического знания, подведены в крупномасштабном энциклопедическом издании (фолианте) о формировании, функционировании и проявлении концепта идентичности в

современном научном знании и политической практике³.

Энциклопедия идентичности стала важным событием в научной, культурной и политической жизни страны, вкладом в постижение сути многих этнополитических и этнопсихологических вопросов российского нацистроительства. Немаловажную роль в оптимизации и гармонизации межнациональных, межконфессиональных и межэтнических отношений в контексте нацистроительства, изначально была призвана сыграть Ассамблея народов России.

Скорее культуртрегерскую, чем научно-академическую функцию по установлению некоего этнополитического равновесия в турбулентном постсоветском обществе по минимизации противоречий между глобализацией и сохранением самобытности российских народов, сыграла и продолжает играть Ассамблея народов России, преобразованная в мае 2017 года по инициативе ее Председателя С.К.Смирновой в Ассамблею народов Евразии. Доктринальные послы Ассамблеи народов России и особенно ее бесценная практическая деятельность по сохранению мира и взаимопонимания между народами закономерно нашли отражение в Постановлении Правительства РФ от 20.08.2013, № 718 (ред. 25.05.2016) «Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)».

В предлагаемой статье, первоначальные варианты которой были написаны в поддержку идеи и организационных усилий по созданию Ассамблеи народов России во второй половине первого постсоветского десятилетия, представлены размышления автора о месте «этнического фактора» в «этнический век», об отношении к инициаторам развала Советского Союза и о преодолении турбулентности этнополитической ситуации. Как и в более ранних изданиях, в ней представлены размышления об ответах Ассамблеи народов России внутренним и внешним вызовам глобализации в связи с необходимостью оптимизации и гармонизации диалога государства с народами, а также о законотворчестве в сфере этногосударственных и межэтнических отно-

шений⁴.

Социалистические революции XX века повернули колесо истории Китая и России. Они знаменовали выход на авансцену истории этнического фактора, сначала в виде лозунга права наций на самоопределение, а затем в виде реализации этого лозунга на практике.

Весьма значительно этнический фактор проявил себя во втором мощном по степени своей энергии движении, которое привело к развалу колониальной системы. Под социалистическими и этническими знамёнами на политическую сцену вышли десятки новых национальных государств, в том числе с социалистической и проэтнической ориентацией.

Третий поток событий представлен формированием и распадом международного коммунистического движения и мировой системы социализма. Социальную канву этого движения составила временная, как показала история, победа идеи социального либерализма, перезревшего в социальный тоталитаризм над индивидуальным либерализмом. Этнический фактор, стянутый обручами интернациональной идеологии во время восхождения этого движения, взорвался так сильно, что смёл с политической карты многие национальные образования как СССР, СФРЮ и ЧССР. Присутствие этнического фактора в каждом из трёх глобальных движений вряд ли кто-нибудь посмеет отрицать. Более того, литература на эту тему растёт подобно снежному кому. И несть числа как серьёзным, так и произвольным толкованиям.

В каждом из потоков этнический фактор сыграл катализирующую роль самого исторического процесса, что по совокупной роли даёт основание трактовать все три потока, вместе с ними и весь XX в. веком этнической мобилизации, веком «этничности». Не случайно само это явление, попавшее в поле зрения политологии на примере истории молодых национальных африканских государств, вылупившихся из колониальной оболочки во время антиколониального периода, вышло на передний план ряда наук и прежде всего этнологии на третьем антикоммунистическом этапе широкомасштабного движения.

11 сентября 1998 года Заместитель Министра юстиции Российской Федерации Е.Си-

доренко вручил свидетельство о регистрации общественно-политического движения «Ассамблея народов России» Рамазану Абдулатипову, который был избран её Председателем на учредительном съезде, состоявшемся 8 июля 1998 г. К моменту регистрации этого движения его поддержали 58 региональных подразделений в различных субъектах Российской Федерации. На учредительной конференции приняли участие представители 72 национальностей (народов) из 60 субъектов Российской Федерации, в том числе популярные политики и общественные деятели, авторитетные учёные, известные деятели культуры, представители органов законодательной и исполнительной власти, национальных и гражданских движений, руководители национально-культурных автономий.

Весной 1999 г., накануне первого съезда Ассамблеи народов России, в субъектах РФ действовали 63 региональных отделения Ассамблеи. При этом особую активность проявили отделения в Башкортостане, Татарстане, Республике Тыва, в Астраханской, Оренбургской, Челябинской областях, в Еврейской автономной области, а также в ряде других регионов России⁵.

Конституирование этого движения с одной стороны положило конец вынужденному бездействию вице-преьера Рамазана Абдулатипова, которому, как государственному деятелю, не нашлось места в команде младореформаторов, пришедших к власти весной 1998 г. после отставки В.С.Черномырдина. С другой стороны – явилось продолжением его деятельности, как публичного политика, неизменного лидера и председателя движения «Сенежский форум». Среди первоочередных задач Ассамблеи народов России, как сказал, выступая на её учредительном съезде первый заместитель секретаря Совета Безопасности, бывший Министр по делам национальностей и федеративным отношениям В.А.Михайлов, является работа по подготовке законодательных проектов для усиления правовой базы национальной политики, деятельность по предупреждению и преодолению межнациональных конфликтов и достижению межнационального согласия, созданию условий для восстановления национальных культурных

традиций народов России.

Реализация идеи, вынашиваемой двумя крупнейшими авторитетами России в области национальной политики и межнациональных отношений В.А.Михайловым и Р.Г.Абдулатиповым, с тех пор, как в июле 1993 г. она была высказана в открытой печати, происходила весной и летом 1998 г., в трудных исторических условиях. Пришедшая к власти команда младореформаторов продолжила беспрецедентную по мощи кампанию по развенчанию исторически сложившихся российских ценностей, в том числе традиций национальной консолидации народов и их межнациональной солидарности и интеграции. С первых шагов младореформаторов стало очевидным, что они не принимают во внимание даже тот факт, что идея Ассамблеи была вмонтирована в концепцию национальной политики, разработанную Министерством по делам национальностей и федеративным отношениям, Комитетом Госдумы РФ по делам национальностей, Институтом этнологии и антропологии РАН, и конституирована специальным Указом Президента России.

За весьма короткое «царствование» младореформаторов, пока их не смял августовский финансовый обвал, они сумели ликвидировать десятки официальных и гражданский объединений, комиссий, семинаров и других структурных подразделений при органах законодательной и исполнительной власти, занимающихся проблемами национально-культурного развития народов и межнациональными отношениями. Особое неприятие сторонников правящего западничества, как показали первые отклики печати на создание Ассамблеи народов России, вызвала потенциальная возможность её преобразования со временем в третью палату российского парламента с правом законодательных инициатив, касающихся этнокультурных интересов населяющих Россию народов и вопросов межнациональных отношений.

Идеологической основой национальной политики советского периода был, как известно, принцип интернационализма при умеренном манифестировании уважительного отношения к этнокультурному развитию народов. Целью либеральной идеологии, осуществля-

емой младореформаторами через полностью контролируемые ими СМИ, стала, во-первых, демонстрация максимально индифферентного, переходящего в пренебрежение, отношения к этническому фактору и национальным традициям, и, во-вторых, подмена культурно-нравственных ценностей путём массивированного вытеснения в пропагандистской деятельности этнических традиций, исторических достижений и национальных героев, массовой попкультурой, порноиндустрией, развенчанием ценностей традиционной культуры России и её народов.

В рамках этой парадигмы, ведущей на деле не столько к заимствованию передовых западных технологий, и в чём-то полезной западной рациональности, сколько накоплению огромного заряда девиантного поведения, у сторонников западничества предложенный Р.Г.Абдулатиповым в качестве девиза Ассамблеи народов России лозунг «Пусть расцветают все цветы», не нашло сочувствия, а вызвало скорее отторжение. Ссылаясь при этом на тот факт, что представление республикам прав, входящих в противоречие с Конституцией РФ, угрожает целостности Российской Федерации. При этом эта же команда старалась оставить незамеченным предательство, совершаемое по отношению к национальным движениям, с помощью которых была низвергнута коммунистическая идеология и захвачена власть.

Использование этнического фактора в качестве служанки политических амбиций и интересов привносит новые угрозы массового протеста. Горький опыт Чечни, Северной Осетии в России, Приднестровья в Молдавии, абхазов в Грузии – в этом отношении чрезвычайно поучителен⁶. Подобным примерам несть числа.... и далеко за пределами России: Квебек, Каталония, Уэльс, Фламандия, Шри-Ланка и т.д и т.п.⁷.

В связи с этим идея создания, формирования, идеологии и деятельности Ассамблеи народов России, как негосударственной подпорки для государственного решения национальных вопросов, как налаженного механизма по расширению плодотворного диалога между органами власти страны и населяющему её народами, как цементирующего раствора

между государством, гражданским обществом и самобытными народами, заслуживает серьёзного внимания.

Прийдя к власти весной 1998 г., команда младореформаторов немедленно переименовала Министерство по делам национальностей и федеральным отношениям в малопонятное по смыслу и маловразумительное своим функциям Министерство региональной и национальной политики. Во главе министерства оказался один из самых богатых людей России, судя по опубликованной им декларации о доходах за 1997 г., однако совсем не известный в научных и политических кругах в качестве специалиста по национальным отношениям. Он был известен лишь как спикер Парламента Пермской области, не переизбранный на второй срок.

Первые же появления нового министра перед публикой дали основания для предположения о том, что настораживающая рокировка национального фактора с региональным, а национальных отношений с бюджетными, открывает новый этап во взаимоотношениях между заблудившимся в лабиринтах модернизации Российским государством и разочаровавшимися в реформах народами России. Нет веских оснований для вывода о том, что национальную политику, вместе с нею и сами народы России, недолговременно правящий кабинет министров загнал в угол. Однако затишье, немедленно наступившее после прихода Кириенко-Христенко к власти и продолжающееся после падения их кабинета, и рубля, вряд ли поддаётся прямолинейному объяснению последствиями весеннего и осеннего правительственного кризисов или же примитивной концепцией демографического омоложения хозяев высших кабинетов власти в Российском государстве. Решающую роль в переориентации курса национальной политики и в понижении в целом её статуса, а также в замене на посту Министра доктора исторических наук В.А.Михайлова доктором экономических наук Е.С.Сапиро, судя по просочившимся в печать скудным сведениям, сыграли три влиятельных политика России. И на это, пожалуй, следует обратить внимание.

Новый министр по региональной и национальной политике, откровенно признался в

том, что из трёх предложенных Б.Н.Ельцину «очень достойных» кандидатур, Президент выбрал четвертого, т.е. Е.С.Сапиро, бывшего Председателя Законодательного Собрания Пермской области, Председателя Комитета Совета Федерации по вопросам экономики, убеждённого сторонника придания субъектам Федерации одинакового статуса, активного участника договорного процесса по разграничению предмета ведения и полномочий между центром и субъектами Федерации⁸, концептуально солидарного с идеями губернизации В.В.Жириновского⁹.

По сведениям из источников в Совете Федерации кандидатуру нового министра, как крупного знатока бюджетного федерализма, противника неравноправных экономических отношений между центром и местными органами, предложил Е.С.Строев. Это вполне похоже на истину, если вспомнить, что в январе именно аналитическими службами из команды Е.С.Строева была подготовлена и проведена серьёзная Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития российского федерализма». Одна из важнейших задач этой конференции состояла в том, чтобы убедить научную общественность России, её влиятельных политиков и практиков, во-первых, в том, чтобы признать «Этнополитический принцип построения отношений между Центром и субъектами Федерации» - «разрушающим единство экономического, социального, правового и экологического пространства страны», и вследствие этого отказаться от этого принципа при дележе «основных фондов, природных и финансовых ресурсов», во-вторых, признать практику «подмены социально-экономических и правовых основ развития российского федерализма этнополитическими основами угрожающей национальной безопасности, стратегическим интересам общества и Российского государства»¹⁰.

По мере ухудшения экономического положения в России, у Е.С.Строева и В.В.Жириновского, как сторонников полной деэтизации государственного строительства и губернизации России, находится немало единомышленников, в том числе и среди научных работников. Так, например, размышляя

о превратностях исторической судьбы России («За что нас порет история!») профессор РГГУ В.Г.Сироткин предложил в качестве мер по выходу из нынешнего финансового кризиса наряду с восстановлением сильных центральных министерств, созданием некоррупцированного государственного управления, возвращением к Госплану, сокращением необъятных полномочий губернаторов, пересмотреть «отжившую коммунистическую политику национально-автономных образований, взятую некогда Лениным-Сталиным из австромарксизма и в конечном итоге приведшую Австро-Венгерскую империю к распаду»¹¹.

Принимая во внимание содержащийся в документах и материалах организованной Строевым научно-практической конференции, отнюдь не риторический пафос о приоритете регионально-политического принципа над этнополитическим, не трудно догадаться о роли лидера Совета Федерации в переориентации Министерства по делам национальностей в Министерство региональной политики. Наконец, приход в ведомство по делам национальностей политика, намеренного все региональные и национальные проблемы государства свести к местному самоуправлению, перераспределению финансов под лозунгом укрепления бюджетного федерализма, и устранения неравенства субъектов, видимо вполне импонировал вице-премьеру В.Христенко, который представил 13 мая 1998 г. нового министра членам коллегии Министерства региональной и национальной политики.

Однако кандидатура Е.С.Сапиро вызвала резкое неприятие руководителей ряда субъектов РФ и прежде всего в республиках. Формальные и неформальные лидеры республик за короткий срок пребывания у власти команды младореформаторов, неоднократно выражали озабоченность в том, что национальностями, в том числе республиканскими проблемами должно заниматься дееспособное министерство во главе с авторитетным министром. Возвращения Р.Г.Абдулатипова в национальную политику, в частности, требовали президенты Ингушетии, Северной Осетии, Чувашии¹². И это возвращение состоялось, как только было сформировано правительство

Е.М.Примакова, в котором Р.Г.Абдулатипов стал Министром национальной политики.

В идеологии и практической деятельности младореформаторов статус этнического фактора резко понизился не в связи с тем, что в России забуксовали реформы и что младореформаторы полностью переключили своё «управляющее» внимание на вывод России из финансового и экономического кризиса, а по причине того, что в пылу неумеренного реформаторства и неуверенного модернизаторства этническому фактору не нашлось достойного места. Запальчивое реформаторство взяло верх, а государственное чутьё, т.е. стратегическое понимание нужд государства и его народов, подвело безопытных управленцев, взявших руль, не накатав нужного количества часов учебной езды по ухабистым дорогам российского политического пространства. Главная ошибка младореформаторов свелась к тому, что они проигнорировали, или же не сумели понять того, что в своём рвении сделать всё, как на Западе, они посягнули на основную закон существования политического социума, основанный на учёте прав каждой культуры на самобытность и уникальность. Не случайно, например, критикуя национальную политику недавней команды младореформаторов, Президент Ингушетии Руслан Аушев заявил, что «национальная политика должна стать вторым по важности направлением в правительстве Примакова после экономической»¹³.

В стратегическом плане, конечно можно согласиться с тем, что «время уничтожает различие культур, народов»¹⁴ и человечество идёт к единой модели общественного устройства. Но, во-первых, пока ещё никто не определил суть и содержание этой модели, во-вторых, адепты демократизации и построения гражданского общества по западному, чаще всего по американскому образцу забывают, что выход из тоталитаризма и первые шаги к демократизации произошли благодаря непредсказуемому альянсу тех, кто назвал (или переименовал) себя демократами и тех, кто выбился в верхние структуры государственного управления на белом коне мобилизованной и мобилизуемой этничности. Таким образом, форсировано и бесцеремонно вы-

давливая этнический фактор из системы государственного управления российские младореформаторы совершали двойное предательство: против самих народов России, которые отнюдь не намерены по американской модели оказаться в плавильном котле и против этнических лидеров, с непосредственной помощью которых младореформаторы оказались в той самой лодке, на которой вытесняли своих бывших союзников, а затем оказались сами вытесненными.

«Что такое был русский западник? – спрашивал В.О.Ключевский и отвечал – Обыкновенно это очень возбуждённый и растерявшийся человек, который знает где он родился, и недоумевает, какой народ ему родной, где его отечество. Ухитрившись поспорить между собой столь сродные понятия, как родина и национальность, он незаметно для себя вошёл в круг невозможных представлений, разделил мир на две половины: на человечество и на Россию. Отечество – это неприятное привидение, от которого стараются отчураться средствами цивилизации»¹⁵.

Судя по нескольким интервью, данным бывшим министром по национальной проблематике в команде младореформаторов, он намеревался прежде всего вести дело к тому, чтобы статус областей приравнять к статусу республик и таким способом одновременно решать две стратегические задачи: строевскую – по «прекращению этнизации российской государственности» и собственную – по переходу от решения национальных к решению этнополитических проблем российских провинций с помощью новой налоговой политики, регулирования дотационных средств регионов, оптимизации межбюджетных отношений между Центром и регионами.

О смещении аспекта с национальной политики на региональную говорит и промелькнувшее весной 1998 г. в печати сообщение о том, что в Кремле не был снят вопрос о переводе национальной политики в Администрацию Президента и создании в президентском аппарате соответствующего подразделения¹⁶. Складывается впечатление, что, начатая в первой половине 1998 г. стратегия выдавливания этнического фактора из государственных структур, корреспондирует с позицией тех ра-

дикально-либерально настроенных прозападных реформаторов, которые ради насаждаемой сверху модернизации готовы пожертвовать не только электоральными ориентациями граждан, но и этнокультурными традициями народов. Последние скорее всего воспринимаются сторонниками немедленной вестернизации как ненужная помеха на пути полного уподобления народов «варварской» России блистательному «цивилизованному Западу». Вместо естественного развития народов и столь же естественного построения полиэтнического дома с единством в многообразии, предлагается правовое согражданство, выводящее за скобки государственного внимания этнический фактор. Однако похоже, что при этом в очередной раз забывается предупреждение, высказанное более двух веков тому назад автором «Очерка истории гражданского общества» (1767 г.) шотландским философом А.Фергюсоном о невозможности перенесения культурного опыта одной цивилизации на неподготовленное поле другой цивилизации.

Кому, как не самим народам России, решать дилемму, что для них важнее: взять ли на вооружение идею прогресса, означающее уподобление Западу по нехитрой логике «догоняющей экономической стратегии», или двигаться своим оригинальным путём, опираясь на миротворческие корни соборной культуры общежития и собственного цивилизационного поля. Ключевым вопросом в этой стратегии является поиск баланса между двумя типами этнокультурного развития, примордиального, опирающегося на свою собственную логику и цивилизационные корни, или конструктивистского, вытекающего из логики внешнего толчка и внешнего воздействия на этнический фактор и его развитие.

Озабоченное финансовым кризисом государство, в лице его «омоложённого правительства» снимало с себя целенаправленную заботу о населяющих страну народах. Более важным для него представлялось жестко собирать налоги, «наука делить», как говорил министр, ресурсы, собственность, финансы, в основу которой может быть положен «подушевой принцип». Соответственно задача Министерства по региональной и национальной политике сводилась не к обеспечению прав

и благоприятных условий этнокультурного и языкового развития народов, а к определению бюджетных потребностей регионов и к разработке рекомендаций для Министерства финансов.

Приоритеты региональному фактору в ущерб национальному (этнокультурному) были не случайны. Нефть, газ, лес и алмазы комфортнее добывать в беспризорных регионах, чем у тех или иных конкретных народов, являющихся подлинными хозяевами земли, на которой живут. Интересы народов, не имеющих юридически закреплённых прав на землю своего обитания и её недра, в расчёт не принимались. Этнический фактор не доставлял денег в казну, а лишь усиливал головную боль и отвлекал от борьбы с налогоплательщиками.

Главная ошибка младореформаторов в их попытках «сверху», не считаясь с общественным мнением и не принимая в расчёт реалии этнической ситуации в многоэтничной стране, навязать всем народам модель России, подобную западным странам. Это был не первый пример в истории России пренебречь фактором идентичности её населения, в том числе этнических идентичностей населения её народов. «Ничуть не преувеличивая их исторических заслуг, их деятельность можно в чём-то уподобить реформам Петра I, в которых одни видели «искажение русской жизни», другие – «разрушение стены, отделявшей Россию от Европы». Приговор, вынесенный Д.И.Писаревым, говоря современным языком, конструктивистским усилиям Петра был однозначен: «Решившись создать русскую цивилизацию, решившись превратить в европейцев те миллионы своих подданных, которые ещё не обнаруживали ни малейшего желания и не чувствовали ни малейшей потребности изменить свой стародавний быт, Пётр, очевидно, вступил в борьбу уже не с единичной волею, и даже не с массой единичных волей, а просто со стихийною силою, с природою, с физическими законами вещества. Переделать целое поколение своих современников и устранить влияние этого поколения на подрастающую молодёжь значило издать для целой обширной страны новую, искусственную атмосферу жизни. Выполнить

такого рода задачу было также невозможно, как, например, изменить в России климат или поворотить назад всё течение Волги, или сравнять с землёй Уральский Хребет»¹⁷.

Крутая волна весенне-летнего (1998 г.) наступления высшего государственного чиновничества на этнический фактор была вызвана ухудшением финансового и социально-экономического положения в стране, импотентностью властных структур, лихорадочно ищущих поддержку не у своих народов, а на Западе, в международных валютных фондах. Общий кризис, в том числе в сфере национальной политики, усугубляется отсутствием навыков самоорганизации у населения, ослаблением накала национальных движений. Пик напряжения этнической мобилизации совпал с развалом Советского Союза и пошёл на убыль после расстрела Белого Дома в октябре 1993 г. Падающее напряжение этнической мобилизации снова, в который раз, ввело многих политиков в искушение одним махом, с помощью пресловутой шоковой терапии, т.е. «региональной политики», окончательно решить «национальный вопрос». Сказывалось и то обстоятельство, что новая бюрократия, вкусившая плоды приватизации, т.е. обмена, а точнее соединения власти и собственности, отнюдь не была заинтересована делиться этой властью и тем более нажитой собственностью с народами России. Судя по тому, как келейно принимались указы президента и осуществлялась ротация кадров, можно сделать вывод о том, что власть не намерена была уступать руль управления общественным объединениям. Более того, становилось очевидным, что возведение здания демократии и построение гражданского общества приобрело всё более проблематичный характер. На политическом горизонте России всё более явственно проявлялись черты нового авторитаризма¹⁸.

Одной из новых форм этнической мобилизации, расширения самоорганизации и самозащиты народов, а также в деле расширения диалога между государством и множеством его народов, может стать Ассамблея народов России. В постсоветской стране, растерявшей навыки консенсусных решений, Ассамблея народов недопонимается или же понимается искажённо. Это хорошо видно из того, что в

президентском окружении, в официальных кругах Госдумы, Совета Федерации и наконец, правительство проявляло летом 1998 г. настороженное и ревностное к Ассамблее отношение, как некоему новому ведомству, создаваемому параллельно с существующим Министерством по региональной или национальной политике или многочисленным комитетами и подкомитетами Госдумы по «национальному» или «федеральному» вопросу. Между тем центральная идея Ассамблеи совсем – не очередной исполнительный или законотворческий орган, а элементарное собрание, или, если угодно, всенародное вече, или, в конце концов, съезд народов России, концентрированный итог национальных движений населяющих Россию народов. В переводе с ряда европейских языков Ассамблея означает Собрание. Идея общероссийского совещания народов отнюдь не нова. В качестве механизма реализации государственной национальной политики её формирование и проведение было предусмотрено в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. В этом документе, утверждённом Президентом страны, перед Ассамблеей были поставлены три задачи: 1) налаживание диалога между органами государственной власти и национальными общностями, 2) участие в законотворческом процессе, 3) осуществление миротворческой деятельности¹⁹. Позволю себе заметить, что при таком общем и узком понимании её задач вряд ли стоит огородить и собирать Общероссийское Собрание народов. По мнению одного из инициаторов и активных сторонников идеи Ассамблеи народов России Р.Г.Абдулатипова, круг вопросов, которые она (Ассамблея) призвана решать – гораздо шире. Её приоритетными задачами являются экспертиза законопроектов с точки зрения жизнедеятельности народов, разрешение межнациональных конфликтов, обеспечение прав человека и соблюдения международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации²⁰.

Гораздо шире и более подробно функциональная роль Ассамблеи изложена в одном из известных мне вариантов проекта «Временного положения об Ассамблее народов Российской Федерации», в котором наряду с

организационными, были перечислены аналитические, практические, политические, дипломатические, гуманитарные, миротворческие и пропагандистские задачи.

Для установления доверительного и продуктивного диалога между государством и его народами надо, чтобы представители самих народов принимали посильное консультативно-конструктивное участие в формировании стратегии развития и соответствующей этой стратегии национальной политики. Особое значение в этом диалоге имеют совместные разработки таких программ национально-культурного развития, которые предусматривали бы укрепление межнационального согласия и сотрудничества, согласование экономических, политических, исторических интересов, сочетание коллективных и частных форм землевладения и землепользования с учётом исторически наработанных форм традиционного хозяйствования. Не менее важны, конечно, и задачи дипломатического, консультативного и пропагандистского свойства, в том числе по осуществлению миротворческой миссии, направленной на предупреждение и преодоление межэтнических конфликтов, на поддержание контактов с соотечественниками ближнего зарубежья, осуществление культурно-просветительской деятельности по распространению позитивной информации об увлекательной истории и своеобразной культуре соседних народов, по рассмотрению запросов, жалоб и предложений из регионов или от имени народов, по проведению гуманитарных акций в районах бедствий или межнациональных конфликтов, по воспитанию уважения и достойного отношения к этнической и гражданской идентичности каждого человека и своеобразной культуре каждого народа.

При подобном перечислительном подходе список задач, стоящих перед Ассамблеей народов России, может быть сколько угодно укрупнён или детализирован, сокращён или, наоборот, расширен. Например, вряд ли имеет смысл ставить перед Ассамблеей аналитические задачи по изучению этнополитической ситуации, так как такая работа требует профессионализма соответствующей квалификации. И, наоборот, только представители

самих народов могут компетентно рассматривать вопросы, относящиеся к судьбе традиционных форм хозяйственной деятельности, и вопросам, связанным с защитой прав свобод человека и гражданина, а также с защитой прав национальных меньшинств. Гораздо более важно, чем составление перечня задач, установить стратегическую прерогативу Ассамблеи. Она же, на наш взгляд, заключается в том, что Ассамблея или созванное Собрание (съезд, конгресс, дело не в названии) должна решить те задачи, которые не входят ни в компетенцию учёных, ни в сферу деятельности политиков и управленцев.

Одной из таких задач, которую можно решать только в форме доверительного и компетентного диалога между государством и народами является достижение внутренней устойчивой, внешней стабильности, а также правового и твёрдого порядка, без которых никакая демократия и реформы не могут быть установлены и реализованы. В свою очередь без подлинной демократии становится проблематичным воспроизводство этническими общностями своей внутренней консолидированности, стабильности и устойчивости.

Стабильность, межнациональная солидарность и безконфликтность подрываются и размываются не уровнем экономического и культурного развития, не наличием или отсутствием автономии в той или иной форме, хотя каждый из перечисленных факторов порой льёт воду на мельницу недопонимания и «выяснения отношений», а отсутствием смысла совместного проживания и единой цели. Чтобы оставаться на месте, надо, чтобы как можно глубже осознавалось кому и зачем это нужно. В связи с этим одной из самых насущных задач Ассамблеи народов является поиск и обоснование смысла совместной жизни.

Переход от национальной политики к региональной вполне корреспондирует с идеологическими установками молодых реформаторов. Для многих из них от Гайдара до Немцова обезэтниченные «общечеловеческие ценности» и космополитический гедонизм является более привлекательными категориями (ценностями), чем национальные особенности и этнически окрашенный аскетизм. Потребительская идеология западного инди-

видуализма не сочетается с той частью этнического аскетизма, которая коренится в подавлении эгоистических потребностей индивида ради достижения общеэтнических целей. Иными словами, часть личных интересов в этнических предпочтениях и идентификациях приносится в жертву групповых. Именно с этим не согласны адепты идеологии, ведущей Россию уподоблению США, а народы политической страны в унифицированных сограждан. Стратегия «Плавильного котла», от которого отказались сами американцы²¹, российским младореформаторам представляется идеальной моделью решения национальных вопросов. Нет народов – нет вопросов. Кажется, вождь народов придерживался такого же мнения.

Попытки уподобления России США, приведение к общему демократическому знаменателю, можно было бы понять, если бы эти две страны не имели принципиальное отличие в своей истории и в истории формирования своего населения. США изначально складывались из свободных переселенцев, которые, как перекасти поле, гонимые голодом или в поисках еды и наживы, стекались на североамериканский континент со всех уголков остального мира. Каждый переселенец с оружием в руках отстаивал свою свободу и независимость, не размышляя о своём народе, оставленном по ту сторону Великого или Атлантического океанов²².

Для освоения новых земель, в том числе за счёт физического истребления их исконных обитателей²³, культурно-языковые различия имели второстепенное значение, не влияющие ни на выбор среды обитания, ни на лояльное отношение к иноэтническому опыту и к историко-религиозным предрасположенностям.

Совсем иным путём шла Россия. Ещё в середине прошлого века о ней было метко сказано: «Она (Россия – М.Г.) не построена, а выросла»²⁴. Она формировалась из народов, испокон веков населяющих «свою» территорию. Историческая задача демократии в США состояла в защите прав индивида так, чтобы смелые люди не поубивали друг друга. Историческая миссия России, как показывает её многовековой опыт, свелась к защите всту-

пивших под её крышу народов. Следовательно, одного этого факта вполне достаточно для того, чтобы закономерной показалась постановка вопроса о защите прав народов России. С правовой точки зрения этот вопрос далеко не простой, как может показаться с первого взгляда. Фундаментальная трудность заключается в создании такого правового поля, в котором конструирование отдельной этнической общности (народа) в качестве субъекта права, имело бы приемлемый характер для всего населения и всех народов, независимо от численности каждого и от отличительных признаков.

Ахиллесовой пятой построения российского федерализма с учётом исторического опыта России и учёта этнического фактора и особенно создания правовой основы легитимных отношений между государством и населяющими его народами, является оптимальное соотношение прав человека и прав народов, взаимодополняющий симбиоз индивидуальных и групповых прав. Судя по имеющейся литературе²⁵, как российской, так и мировой, эта проблема остаётся одной из самых трудных для разрешения.

В Конституции РФ 1993 г. относительно полно и всесторонне, в 48 статьях главы II, представлены нормы о правах человека. В статье 103 предусмотрена должность Уполномоченного по правам человека. Назначение на эту должность и освобождение от неё отнесено к ведению нижней палаты высшего законодательного органа страны. Однако Конституция, хотя и упоминает в ряде статей о групповых правах²⁶, особенно там, где речь идёт о малочисленных народах и национальных меньшинствах, не предусматривает должность Уполномоченного по правам народов. Безоговорочно отдавая приоритет правам человека над правами народов, Конституция 1993 г. тем самым порождает между ними если не конкурентную ситуацию, то по крайней мере трудно преодолимое противоречие.

Отсутствие собственного правового поля побуждает аналитиков и политиков России обращаться к зарубежному опыту и к содержанию международных документов. Однако понятийно-терминологические и концептуальные трудности, возникающие при перево-

де на русский язык иноязычных документов, и при освоении зарубежного опыта влекут за собой немало недоразумений и трудностей.

Наряду со ставшими уже хрестоматийными пактами 1966 г. («Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах»), «Международный пакт о гражданских и политических правах»), провозглашающими право народов на самоопределение, Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 1969, 1975 и 1986 гг. («Декларация социального прогресса и развития», «Ликвидация всех форм новой эксплуатации», «Декларация о праве на развитие»), закрепляющими взаимосвязь прав человека и прав народов, Декларациями 1960, 1988 гг. («Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам», «Азиатско-тихоокеанская декларация о правах человека и правах народов»), признающими право народов на свободу, суверенитет и национальную территорию, появляются новые документы, формулирующие самостоятельную отрасль – право народов. Убедённым сторонником и неутомимым проповедником этой отрасли права был Р.А. Тузмухамедов, разработавший в 1988 г. проект «Всеобщей декларации прав народов»²⁷.

После окончания холодной войны на Западе, как это ни парадоксально, набирает силу новая волна политико-правового интереса к правам народов. Так, например, 23 января 1996 г. Германия, Люксембург и Швейцария подписали в Карлсруэ международный договор «Декларацию о хартии народов и регионов»²⁸. Этот документ, по замыслу его создателей, должен стать первым шагом Европы на пути решения внутри- и межгосударственных конфликтов, возникающих в связи с нарушением прав народов, а также примером для всего мира в деле обеспечения гарантии этническим группам прав и свобод, автономии и права на самоопределение.

Два аспекта указанного документа – концептуальный и ситуационный – прокладывающего путь к правовому полю национальной политики, межнациональных и межгосударственных отношений в Европейских странах, представляют особый интерес с точки зрения анализа идеологии и технологии деятельно-

сти Ассамблеи народов России.

Необходимость группового права, или хотя бы «минимум прав этнических групп», вытекает из того элементарного обстоятельства, что в противном случае равные права индивидуумов, относящих себя к указанным группам, остаются чисто формальными. Иными словами, краеугольным камнем концепции «Европейской хартии народов и регионов» является понимание того факта, что «для реализации подлинного равноправия индивидуумов необходима защита национальной идентичности целой группы»²⁹. В самом деле, если нет в наличии группы, т.е. этнической общности, то индивиду не с кем себя отождествлять. Именно эта мысль стала отправной точкой для того, чтобы инициаторы «Парижской Хартии всей Европы» от 21 ноября 1990 г. обратились к правительствам и парламентам европейских государств с призывом действовать расширению рамок прав человека как индивидуума за счёт включения в них дополнительного права этнических групп и меньшинств с целью достижения «эры демократии, мира и единства»³⁰. Согласно букве и духу этого документа, стабильный мир и демократия, как прочный фундамент для объединения Европы возможны в том случае, если вслед за гарантией группам минимума прав и свобод, будут созданы условия для того, чтобы этнические большинства и меньшинства могли взаимодействовать друг с другом через механизмы культурной автономии и структуры самоопределения. Именно для этого за этническими группами должны быть признаны и закреплены права, защищающие «их равенство и национальное своеобразие»³¹.

Что касается этнической стороны дела в Европе, ставшей реальной основой для идеи международного договора, то она состояла в том, что Европа состоит наряду с крупными национальными государствами из примерно 100 миллионов человек (около одной восьмой всех европейцев), которые принадлежат к 200 этническим группам и меньшинствам. Лишь в немногих европейских государствах гарантированы равные права этим группам. Большинство же из указанных 100 миллионов европейцев сопротивляются различным видам имплицитной или эксплицитной дискримина-

ции, имущественным или эксплуатационным стратегиям, направленным на их этническую и языковую ассимиляцию. Именно из этой, угрожающей миру, порядку и стабильности ситуации исходили инициаторы создания проекта «Хартии народов и регионов».

В нынешней конфронтации идей западничества и славянофильства, имеющей глубокие корни в истории России, по одну сторону баррикады оказалась новоиспечённая компрадорская буржуазия, сумевшая соединить власть и собственность, но абсолютно безразличная к этническому фактору, а по другую – широкие народные массы, представленные в России более, чем ста пятьюдесятью национальностями. Для сохранения накопленного богатства «новым русским», являющимся олицетворением посттоталитарного западного прогрессизма, нужна сильная неограниченная власть. Отсюда осознание ими необходимости закручивания гаек бюджетного и прочего федерализма и ностальгическая тоска по авторитаризму. Здесь же корни вскипающего желанья минимизировать влияние самих народов с помощью этнического представительства в высших законодательных и исполнительных органах власти. «Сегодня перед властвующей элитой, - как это видится А.С.Самарину, стоит жёсткая дилемма: сохранение своей монополии на власть или эшафот»³².

В этих условиях этничность, своими корнями и духом связанная скорее с отечественным почвенничеством, нежели с западным прогрессизмом, становилась костью в горле младореформаторов. И по мере того, как подгоняемые алчным гедонизмом радикал-запад-

ники растаскивают испечённый всеми народами советский пирог собственности, среди них нарастают тревога и раздражение против своих же консервативных с их точки зрения этнических образований, не желающих, чтобы их загоняли в рай дубиной. Тем более, что обещанный рыночно-демократический рай оказался такой же несбыточной мечтой, как и обещанное Н.С.Хрущёвым построение коммунизма через 20 лет. Но даже если на минуту допустить, что такой рай мог бы состояться, вряд ли следует забывать впечатляющие уроки великих империй, канувших в бездну, как, например, Византия под тяжестью восторжествовавшего накануне их заката гедонизма³³.

Принципиальная консультативно-совещательно-рекомендательная функция Ассамблеи, т.е. Всероссийского Собрания народов, могла бы сыграть если не роль оппозиции самоубийственному радикал-западничеству, то по крайней мере помочь открыть глаза на прошлую историю и нынешнюю реальность, и предостеречь от того, чтобы очередной раз не наступить на «этнические грабли». Российские этносы – хранители почвенничества, несут в себе сильное противоядие от бездумного подражательства Западу, подражательства, ведущего к самоубийству.

Не претендуя на обладание властью, Ассамблея народов России способна в порядке оказания помощи народам в самозащите самобытности и самовыживании, сыграть фундаментальную просветительско-охранительную роль и предотвратить продвижение России к бездне нового геополитического разлома.

(Endnotes)

- 1 Сокращённый и доработанный вариант статьи: М.Н.Губогло. Ассамблея народов России. Концептуальные размышления // Этнопанорама, М., 1999, № 1; М.Н.Губогло, Ассамблея народов России: теория и практика // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. Сост. и отв.ред. М.Н.Губогло, М., ЦИМО, 1999, с. 103-126; О создании Ассамблеи народов России // Mobilizaria etnica si integrarea interetnica. Factori. Orizonture, Chisinau, 1999, p. 4-9
- 2 Современные этнические процессы в СССР, отв.ред. Ю.В.Бромлей, 2-е издание, 1977, Наука, 562 с.
- 3 Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание, отв.ред. член-корр. РАН И.С.Семененко, М., изд-во «Весь Мир», 2017, 992 с.
- 4 Михаил Губогло, Может ли двуглавый орёл летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений, М., 2000, 512 с.
- 5 Ондар Ч.Д.Б. О первоочередных шагах по реализации основных целей и задач Ассамблеи народов России// Ассамблея народов России. Материалы учредительной конференции, М., 1999, с. 104
- 6 Valery Tishkov. Ethnicity, nationalism and conflict in and after the Soviet Union. The mind aflame, 1997

- 7 David Laitin. Ethnicity in formation. The Russian-speaking populations in the near abroad, London, 1998
- 8 Независимая газета, 1998, 5 мая
- 9 Московский комсомолец, 1998, 7 июля
- 10 Развитие федеративных отношений в России: проблемы и перспективы, М., 1997, с. 85
- 11 Владлен Сироткин. За что нас порет история. Заметки о генезисе российской власти за сто лет // Независимая газета, 1998, 22 сент.
- 12 Алла Барахова. Абдулатипов возвращается // Коммерсант-daily, 1998, 17 сент.
- 13 Коммерсант-daily, 1998, 17 сент.
- 14 Реформы и контрреформы в России, М., 1996, с. 369
- 15 Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией, часть 1, М., 1994, с. 298
- 16 Коммерсант-daily, № 84, 1998, 14 мая
- 17 Писарев Д.И. Бедная русская мысль // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией, часть 1, М., 1994, с. 149
- 18 См. подробнее: Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая / под общ. ред. Лилии Шевцовой, М., 1998, с. 15-70
- 19 Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Российская газета, 1996, 10 июля
- 20 Независимая газета, 1998, 13 мая
- 21 Natan Glazer. Beyond the melting pot twenty years after. Journal of American Ethnic History, 1981, №1, с. 43-45
- 22 Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура, М., 1990
- 23 Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индианистики / отв. ред. В.А.Тишков, М., 1985
- 24 Хомяков А.С. Письмо в Петербург по поводу железной дороги 1845 // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией, часть 1, М., 1994, с. 66
- 25 Абашидзе А.Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву, М., 1996
- 26 Губогло М.Н. Национальное право и вопросы национально-культурных объединений в новейших Конституциях республик Российской Федерации (1993-1995 гг.) // Национально-культурные автономии и объединения. Антология, т. 2, М., 1995, с. 33-69
- 27 Права и свободы народов в современных источниках международного права. Сборник документов / сост. и автор вступ. статей проф. Р.А.Тузмухамедов, Казань, 1995, с. 187-193; см. также: Михаил Губогло, Может ли двуглавый орёл лететь с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений, М., 2000, с. 154-178, 321-328
- 28 Текст этого документа, опубликованный на 27 языках (немецкий, английский, албанский, боснийский, болгарский, каталонский, хорватский, чешский, датский, эстонский, финский, французский, греческий, венгерский, итальянский, латышский, литовский, норвежский, польский, румынский, русский, сербский, словацкий, словенский, испанский, шведский, турецкий – порядок перечисления приведён в соответствии с написанием каждого языка на английском языке – М.Г. См.: Charta Gentium et Regionum, Munchen, 1996, с. 77
- 29 Charta Gentium et Regionum, Munchen, 1996, с. 77
- 30 Там же
- 31 Там же, с. 78
- 32 Самарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке, М., 1998, с. 317
- 33 Дмитрий Оболенский. Византийское содружество наций, М., 1998

Впервые опубликовано в: Ассамблея народов России. 20 лет. Юбилейное издание, под ред. С.К.Смирновой. Автор-составитель С.С.Кучинский, М. 2018, с. 129-152

Раздел II. РЕЦЕНЗИИ НА ТРУДЫ М.Н.ГУБОГЛО

В.Н. УВАЧАН

ЯЗЫК БРАТСТВА И БРАТСТВО ЯЗЫКОВ

*Рецензия на книгу М.Н.Губогло **Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия.** Москва, Наука, 1984, 288 с.*

В упрочении социального и интернационального единства советского народа как новой исторической общности, в прогрессивном взаимодействии и взаимообогащении национальных культур важную роль играют национальные и национально-языковые процессы.

Цель советского общества в этой сфере состоит в том, чтобы способствовать неуклонному развитию общественных функций родных языков народов СССР и одновременно обеспечивать условия для успешного усвоения всеми гражданами страны языка межнационального общения - русского. Именно на этой двуединой основе формируется и функ-

ционирует национально-русское двуязычие.

Анализу факторов, тенденций и социально-культурного распространения национально-русского двуязычия, масштабам и формам его проявления и функционирования в разнообразных сферах посвящена монография М. Н. Губогло «Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия» (М., «Наука», 1984). В ней освещаются основные направления развития национально-русского двуязычия.

Возрастание руководящей роли КПСС во всех сферах общественной жизни, в том числе в национально-языковой, то есть - в укре-

плении братства, языков и в широком распространении русского языка - языка братства всех народов СССР, рассматривается автором как объективная закономерность, характерная для социализма, сплачивающего все народы в единую семью.

Книга написана на основе материалов социологических исследований, проведенных Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в ряде союзных и автономных республик. Широко использованы в ней данные нескольких всесоюзных переписей населения и статистики. В книге дано определение сущности и содержания национально-русского двуязычия, выявлены место и роль его в системе советского образа жизни и современных межнациональных отношений.

Особенно важным представляется вывод о ведущей роли советской общеобразовательной школы в распространении русского языка среди нерусского населения и в становлении национально-русского двуязычия. Уже в 1970 году русским языком свободно владело около половины всего нерусского населения страны, а в 1979-м - две трети. В книге показаны не только выдающиеся достижения в развитии национально-русского двуязычия, но говорится и о резервах для дальнейшего улучшения условий овладения русским языком.

Именно об этом говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Но есть немало фактов, когда слабое знание

русского языка ограничивает доступ человеку к богатствам интернациональной культуры, сужает круг его деятельности и общения. ЦК КПСС и Совет Министров СССР недавно приняли постановление по созданию условий, облегчающих населению национальных республик изучение русского языка. Его надо активно проводить в жизнь».

Большое место в исследовании обособленно уделяется раскрытию связи и взаимодействию между двуязычием и развитием общественных отношений - политических, социальных, идеологических и культурных на современном этапе коммунистического строительства.

Наиболее ярко эта двусторонняя связь проявляется в сфере производственной (трудовой) деятельности, выступающей основой социалистического образа жизни. Активно способствуя формированию и функционированию национально-русского двуязычия, производственная деятельность вместе с тем оказывает существенное влияние на ход интеграционных процессов в том числе в языковой жизни.

Исследование фундаментальных проблем языковой жизни советских народов в современных условиях является важной задачей. Опубликованный труд М. Н. Губогло - ценный вклад в исследование актуальной проблемы, какой являются национально-языковые процессы на этапе совершенствования развитого социализма, укрепления братства и дружбы советских народов, интернационального единства советского общества.

В.Увачан,
заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор исторических наук, профессор

Впервые опубликовано в газете : Советская культура, 1984, 6 октября .

В.С.ЗЕЛЕНЧУК.

**КНИГА О СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ
ПРОЦЕССАХ**

*Рецензия на книгу: М.Н.Губогло
Современные этноязыковые процессы в СССР.
Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия.
Москва, «Наука», 1984, 287 с.*

Одна из исторических закономерностей периода строительства коммунизма в нашей стране – это развитие национальных языков и дальнейшее расширение функции русского языка как языка межнационального общения. Исследованию этих проблем и посвящена монография М.Н.Губогло.

Изучение этноязыковых процессов значительно расширяет круг вопросов, связанных с совершенствованием социалистической культуры, с формированием и развитием новой исторической общности – советского народа. Рецензируемая работа представляет собой конкретный шаг на пути решения этих важных и сложных задач.

Центральная задача книги – показать две взаимосвязанные тенденции – свободное развитие языков народов СССР и распределение русского языка как языка межнационального общения.

По структуре и основной проблематике монография объединяет четыре сквозные темы, определяемые автором как наиболее важные,

это – тенденции развития этноязыковых процессов, язык в школе и книгоиздательском деле, место этноязыковых процессов в советском образе жизни, лингвистические факторы в современных этнических процессах. Изложению этих тем предпосланы две главы, рассматривающие историографию, методологию и источниковедение изучаемой проблемы. Уровень каждого научного направления определяется степенью разработки его методологических основ. Как отмечает М.Н.Губогло, в исследуемой проблеме сделаны лишь первые шаги. Задача заключается в том, чтобы выработать такое теоретическое понимание этноязыковых процессов и двуязычия, при котором были бы чётко определены их генезис, функции и методы изучения. И заслуга автора в том, что он глубоко подошёл к разработке основных методологических принципов изучаемого явления. Им выделены три компонента билингвизма – языковая компетенция (степень владения языком), речевая деятельность (употребление одного, двух или более

языков), языковая ориентация (отношение человека к используемым языкам). Рассмотрение билингвизма как комплексного явления, тесно связанного с социальной жизнью общества, позволило сделать шаг вперёд в понимании роли языка в общении населения.

Большое теоретическое значение в изучении двуязычия имеет выделение его языковых и речевых аспектов. В прошлом некоторые исследователи пытались объяснить двуязычие только как «форму общения народов», сужая этим сферу его реального функционирования. М.Н.Губогло рассматривает двуязычие в двух планах – социолингвистическом, относящимся к изучению взаимодействия народов СССР, и этносоциологическом, в центре внимания которого находится речь двуязычного населения. В книге всесторонне раскрывается комплексный характер двуязычия, который в полной мере проявляется в производственной, общественно-политической, культурной, педагогической, семейно-бытовой и других сферах жизни.

Серьёзная методологическая проблема – это выявление роли русского языка и национально-русского двуязычия в развитии культуры народов СССР. Общеизвестно, сколь велико в этом процессе значение русского языка, который является не только важнейшим фактором формирования, но и компонентом общесоветской культуры. В результате его активной роли в нашей стране сложилось новое явление – двуязычная культура. Этот социальный феномен нашёл проявление во всех областях жизни, в том числе – в многонациональной советской литературе. Многие писатели, будучи художниками глубоко национальными, создают произведения интернационального значения как на своём родном, так и на русском языках. Двуязычие оказывает благотворное влияние и на усвоение культурных ценностей в процессе сближения народов. Но в целом, как справедливо отметил М.Н.Губогло, роль двуязычия в создании, распространении и освоении культуры ещё мало исследована.

В основу книги положен обширный, ранее мало использованный материал. Можно сказать, что автором создана во многом новая информационная база для фиксации и

определения явлений этноязыковой жизни, включающая не только статистические сведения, но и социологические данные, полученные в результате этносоциологических исследований в ряде республик – Грузинской ССР, Татарской АССР и других. Значительная часть материалов была собрана в Молдавии, где анкетирование проводилось в Кишинёве, Тирасполе, Бельцах, Рыбнице, Сороках, Кагуле, Калараше, Фалештах, а также в более чем 30 сёлах различных районов. Автор рецензируемой работы провёл скрупулёзное исследование политических и социально-экономических факторов, способствовавших возникновению и развитию процессов двуязычия как массового социального явления. В условиях зрелого социализма усиливаются межнациональные контакты, увеличивается потребность населения в языке межнационального общения, то есть в русском языке, как важном средстве приобщения трудящихся к культуре всех народов СССР, к достижениям мировой культуры. В своей политике по отношению к развитию языков Коммунистическая партия руководствуется теоретическими положениями, разработанными В.И.Лениным.

Для решения задач социалистического строительства в сравнительно короткий исторический срок необходимо было поднять культурный уровень более 120 национальностей, 90 из которых к моменту создания Советского государства не имели своей письменности и народы которых в большинстве своём были неграмотными. Создание письменности, введение обучения в школах на родном языке, подготовка кадров интеллигенции, издание книг на национальных языках – всё это обеспечило условия для ликвидации неграмотности.

Известно, что до революции этноязыковые контакты имели ограниченный, локально-региональный характер. Отсутствовал единый язык межнационального общения, а узкие сферы применения второго языка ограничивали этнокультурные контакты между различными народами. В годы Советской власти в развитии национальных языков большое значение приобрели их взаимовлияние и взаимообогащение. Одним из основных источников в этом процессе стал русский язык,

превратившийся в язык межнационального общения. Это – исторический факт, обусловленный законами общественного развития.

Конкретной формой выражения единства национального и интернационального в языковой жизни нашей страны является двуязычие. Будучи интернациональным явлением, оно выступает одновременно и как условие и как результат процессов интернационализации хозяйственной и духовной жизни народов СССР. Автор книги обстоятельно проанализировал современные тенденции развития двуязычия у народов СССР, учёл при этом и знание языка в различных возрастных группах. Наибольшая часть населения, владеющего двумя языками, согласно переписи 1970 года, – молодёжь 20-29-летнего возраста. В результате этого исследования М.Н.Губогло пришёл к важному выводу о том, что в 70-е годы был преодолён тот рубеж, после которого стало возможным с полным основанием говорить не только о двуязычии личности или какой-либо отдельной группы, но и о двуязычии целого народа (стр. 121). Русский язык не только способствует межнациональному общению, но и становится огромной духовной ценностью и составной частью культуры всех народов СССР.

Многие разделы книги посвящены развитию двуязычия в Молдавии. Автор, пользуясь данными этносоциологических исследований, выявил новые закономерности, характеризующие развитие этого явления в нашей республике. В ходе опросов выяснилось, что реальный уровень двуязычия в городах и сёлах выше зафиксированного переписью.

Овладение вторым языком и практика его употребления складываются в СССР в условиях социальной однородности и многонациональной этнической среды. М.Н.Губогло исследует этноязыковые процессы с учётом влияния на них не только макросреды (социального и национального факторов), но и микросреды – производственного коллектива, семьи. Между ними существуют многочисленные каналы связи, через которые первая оказывает своё воздействие на человека через элементы второй. В работе анализируются также русско-национальное и национально-русское двуязычие. Так, по данным

переписи 1979 года, 9% русского населения в городах нашей республики ответили, что хорошо знают молдавский язык (стр. 81). Автор даёт правильное объяснение этому факту, считая, что на усвоение русскими молдавского языка повлияли не только межэтнические контакты и изучение молдавского языка в школе, но и внутрисемейное общение в национально-смешанных семьях. Ещё большее развитие получило у нас национально-русское двуязычие, в ходе которого молдавское население активно усваивало русский язык. Численность молдаван, свободно владеющих русским языком, возросла в городах с 1970 по 1979 годы на 4.7%, в сельской местности – на 11%, хотя в целом жителей, говорящих по-русски в городах (65.4%) больше, чем в сёлах (40.8%) (стр. 114).

Интересны страницы книги, посвящённые развитию современных этноязыковых процессов в системе советского образа жизни. Особенно благоприятные условия для успешного развития двуязычия создаёт производственная сфера. Четыре из пяти молдаван, работающих в промышленности, разговаривают на работе по-русски или на двух языках – на молдавском и русском. В сфере обслуживания реальное двуязычие составило 69.6% , в учреждениях – 74, среди студентов – 43.6% (стр. 186).

Как показывают социологические данные, в городах Молдавской ССР, Грузинской ССР, Узбекской ССР, Эстонской ССР среди билингвистов с развитым двуязычием большая часть людей имеет высокий уровень образования и профессиональной квалификации. Эта зависимость между степенью знания русского языка и трудовой деятельностью людей коренной национальности имеет глубокий смысл. Такие важнейшие аспекты советского образа жизни, как трудовая и общественно-политическая деятельность, находятся в прямой связи со знанием русского языка. Исследования автора показали, что наиболее деятельной частью населения являются лица, хорошо владеющие двумя языками. Понимание ценности труда зависит от многих факторов – культурного уровня, социально-профессиональной деятельности, семьи, воспитания и т.д. В свою очередь, профессиональный и

образовательный уровни нерусского населения связаны с хорошей языковой подготовкой. Исследования подтверждают тот факт, что у той части молдавского населения, которое хорошо знает русский язык, выявились высокоморальные жизненные установки по отношению к женщине, оценке её семейно-бытовых и производственных ролей. Автор показывает, что «семейное» двуязычие имеет место среди 33.6% лиц молдавской национальности, работающих в промышленности, 38.7% - в сфере обслуживания, 48.6% - в учреждениях и 14.1% - среди студентов.

Иное положение наблюдается в сельской местности республики, где численность говорящих на русском языке меньше. Это, как отмечает автор, является показателем определённого «резерва» знания молдаванами русского языка в условиях продвинувшегося в своём развитии потенциального молдавско-русского двуязычия (стр. 192).

Важную роль в развитии двуязычия играют национально-смешанные семьи. Каждая пятая русская женщина и каждый третий русский мужчина, состоящие в браке с лицами молдавской национальности, разговаривают дома на молдавском или на русском и молдавском языках. 80% молдаванок, состоящих в браке с русскими, дома разговаривают по-русски или на молдавском и русском языках. В результате анализа социологических данных автор установил, что действие «семейного языкового климата» не ограничивается семьёй, а охватывает и другие сферы. Супруги, состоящие в межнациональном браке, как правило, и на работе чаще разговаривают на двух языках или преимущественно на русском языке.

Развитие двуязычия – сложный процесс, обусловленный разными факторами, среди которых большое значение имели социальные. Автор убедительно показывает, что в речевой практике коренных национальностей союзных республик двуязычие не развивалось одновременно во всех слоях общества. Путь к общенародному двуязычию лежал через предварительный этап, который связан с дифференцированным овладением языком определёнными группами населения. Оно распространялось сначала среди представи-

телей наиболее квалифицированных профессий, а затем – в среде менее квалифицированных.

Расцвет языков народов Советского Союза полностью опровергает утверждения буржуазной пропаганды о якобы существующем в СССР неравноправии национальных культур и языков. Характерная черта их развития – это полное равенство, исключаяющее какие-либо антагонизмы. Известно, что в СССР нет единого «государственного» языка. Каждый язык вносит свой вклад в развитие культуры и общение народов страны. Но самым распространённым является русский язык, открывший доступ людям многих национальностей к мировым достижениям человеческой деятельности, к бессмертным творениям В.И.Ленина. Эту роль русского языка буржуазные фальсификаторы стараются исказить, выдвигая тезис о «русификации» и «вытеснении национальных языков русским». Материалы книги убедительно опровергают эту ложь. Рассматривая взаимодействие русского и национального языков, М.Н.Губогло отмечает, что, «приобщаясь к русскому языку, многие народы вместе с тем устойчиво сохраняют языки своей национальности». Примером этому может служить молдавский язык, о котором автор пишет: «Функционально развёрнутый, обладающий большим набором коммуникационных возможностей, богатый и яркий молдавский язык достаточно широко и эффективно служит сельскому населению основным средством общения во всех сферах жизнедеятельности» (стр. 212).

В заключение автор подчёркивает, что, распространённая ещё в недалёком прошлом точка зрения, абсолютизирующая языковое единство и языковую уникальность этносов, является неправомерной. В действительности, в СССР сложился исторический процесс двуязычия, который развивается под влиянием двух групп факторов как благоприятствующих развитию общественных функций родных языков народов Союза ССР, так и способствующих и широкому распространению языка межнационального общения. Согласованное действие двух групп факторов в диалектическом единстве характерно только для социалистического общества и не имеет

аналогов в мировой истории.

Важное теоретическое значение имеет характеристика сущности языка межнационального общения, разработанная и обоснованная М.Н.Губогло. Общественное значение русского языка нельзя сводить, как это имеет место в литературе, лишь к функции языка – посредника. Этим самым волею или неволею сужается его значение. История знает примеры существования языков-посредников: латинского, арабского, турецкого, французского. Социальная роль русского языка, в сравнении с ними, значительно многообразнее. В книге проведён убедительный анализ принципиальных отличий двуязычия в новой исторической общности. Среди этих типологических черт можно отметить как наиболее важные: двуязычие в СССР развивается на основе равноправия языков, оно благоприятствует развитию национальных культур и культуры единого советского народа; русский язык выступает важным фактором развития

и сближения наций. С полным основанием автор пишет, что без комплексного учёта перечисленных свойств национально-русского двуязычия вряд ли можно всесторонне раскрыть его подлинную социальную сущность. В этом, добавим мы, и состоит тот существенный научный вклад, который вносит данная работа в теорию проблемы развития двуязычия.

Следует отметить, что книга не лишена и некоторых недостатков. На наш взгляд, следовало бы несколько больше внимания уделить социолингвистическим аспектам изучаемой проблемы. Некоторые разделы порой чересчур перегружены таблицами и цифровым материалом, иногда автор стремится к «доказательству доказанного». Но всё это не умаляет того большого значения, которое имеет работа М.Н.Губогло, представляющая собой фундаментальное исследование этноязыковых процессов в СССР.

Оригинал текста (гранка), подготовленного к публикации в журнале «Коммунист Молдавии», 1984 г.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЭТНОПОЛИТИКИ

*Рецензия на книгу: М.Н. Губогло
Может ли двуглавый орел летать с одним крылом?
Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений.
Москва, 2000, 512 с.*

Распад полиэтничных государств после первой мировой войны и в конце столетия дал основание многим учёным назвать XX век веком национализма. Тезис этот спорен. Но вновь образованные государства также многонациональны за счёт миграций возрастает доля меньшинств в прежде практически однонациональных странах и выработка и проведение сбалансированной национальной политики становится условием их внутренней стабильности. Таким образом труд уроженца Молдавии академика М.Н.Губогло «Может ли двуглавый орёл летать с одним крылом?» (М., ЦИМО, 2000) посвящён решению чрезвычайно важной в научном и политическом плане задачи.

Исследование представляет собой 95-й за последнее десятилетие труд из серии «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве». В центре авторского внимания поиск ответа на актуальный не только для России вопрос – может ли быть стабильным государство без опоры на все населяющие его

народы.

Две тенденции удалось показать автору преобладают в мире – глобализация и этническая мобилизация (термин, введённый М.Губогло), задача которой – защита национальной самобытности. Традиционные подходы верховной власти к правам национальных меньшинств – от игнорирования их проблем до попыток патерналистской опеки – исчерпали себя. Декларативное поощрение этничности в документах ООН, ОБСЕ и других международных организаций противоречит нивелирующему воздействию информационного прессинга государствообразующих наций и мирового сообщества в целом на национальные меньшинства. В этих условиях политически значимо данное в книге определение идеологии государствообразующей нации как попытки правового обоснования дискриминации национальных меньшинств.

Убедительно аргументировано положение о внутренней противоречивости лозунга права наций на самоопределение вплоть до отде-

ления. На этом не до конца понятом лозунге лежит грех национализма в его разрушительной редакции. Лозунг этот представляет собой чисто экспортный вариант идеологии либерализма. «Комплиментарный взгляд» на национализм со стороны академического истеблишмента Запада, справедливо отмечает автор, распространяется на внешний мир, но не на свои отечества. Проводимые под этим лозунгом ... метод лоббирования кастовых интересов этнических элит.

Познавательного интереса данный исследовательский анализ вопроса о правомерности признания народов в качестве субъектов права США уклоняются от такого признания, на первый взгляд, предотвращая распространённую в других странах практику использования этнического фактора в качестве служанки политических амбиций. Но сдвиг в сторону обеспечения индивидуальных прав человека, наглядно показано в книге, представляет собой метод оставления его один на один с государственной машиной, а отказ от признания коллективных прав может только помешать урегулированию реально существующих проблем ибо препятствует диалогу государства с национальными меньшинствами.

Поучительна ретроспектива этнополитики в СССР. Зелёный свет, открытый В.И.Лениным этнической мобилизации, включающей политизацию этничности, «коренизацию аппарата и нациестроительство». Однако национальное размежевание 20-х гг., обоснованно утверждает исследователь, стало бомбой замедленного действия, заложенной в фундамент государства, взрыв которой в 1989-1991 гг. уничтожил Союз, а также построенные по тому же принципу Югославию и Чехословакию. Развал великой державы мог наступить ещё в 20-е гг. Его предотвратил И.В.Сталин, который, умерив политические аппетиты этнических лидеров, приостановил выяснение отношений между этническим фактором и государством.

Упразднение Союза лишь обострило проблему межнациональных отношений. Этнократические режимы, пришедшие к власти в новых независимых государствах, спровоцировали чреу гражданских конфликтов и реги-

ональных войн. Скороспелые законы, регулирующие национальную политику и языковой режим, принятые в период политической нестабильности, дискриминационны для бесстатусных народов. Наличие даже удовлетворительных законов по защите национальных меньшинств ещё не гарантирует сохранения и развития этнической самобытности. Вместе с тем, оптимистически полагает исследователь, на постсоветском пространстве имеет место не кризис межнациональных отношений, а кризис становления этнократических элит.

Анализ национальной политики, проводимой в России, ценен как основа новых решений. Возможно, учёный прав, утверждая, что крупных идей в этой сфере пока нет. Вместе с тем, сформулированные им подходы представляют практический интерес. Поскольку цель национальной политики – достижение гражданского, национального согласия, принципиально важен вывод о невозможности решать вопросы этой политики исключительно по усмотрению этнического большинства. Предлагаемая исследователем легализация прав народов на самозащиту безусловно необходима.

Постановка перед национальной политикой задачи нивелировки народов по их численности, характеру расселения, долям горожан и сельчан, удельному весу лиц, занятых физическим и умственным трудом и т.п. как это произошло в Молдове, пусть на уровне политических деклараций в 1989-1991 гг. нереальна. Лозунгу достижения фактического равенства между этническими общностями М.Губогло справедливо противопоставляет курс на выравнивание правовых основ исходных возможностей для саморазвития. Более актуально для Молдовы, чем для России принятие «Кодекса защиты и самозащиты.. и межнациональной солидарности», содержащего обоснованный и разумный перечень национальных прав и свобод индивидов друг перед другом и во взаимодействиях с государством, в первую очередь – принятие закона, обеспечивающего сбалансированное функционирование языков. Истинный федерализм, ..., как демократическое согласие, «золотую середину», предполагающую переговоры и компромиссы. Наряду с индивидуальными

правами личности требуют защиты также коллективные права народов – в случаях, когда они нарушаются по национальному признаку.

Труд М.Губогло не лишён противоречий. Диктатуре этнического большинства предлагает противопоставить диктатуру закона, но не даёт рекомендаций, как следует меньшинствам поступать в случаях, когда принятые с соблюдением процедур формальной демократии законы, например о языковом режиме, в силу объективных причин, из-за незнания частью населения языка, которому придан государственный статус, невыполнимы.

Общество, пережившее шок националистической реакции, нуждается в подведении законодательной базы под сферу этногосударственных отношений. Однако положение о необходимости законодательного оформления национальных прав и обязанностей на общегосударственном уровне небесспорно. Опыт Швейцарии и некоторых других полиэтничных государств свидетельствует о целесообразности принятия рамочных законов, предусматривающих решение вопросов языкового режима также на местном уровне.

Необоснованно обойдены в книге вниманием внешнеполитические факторы этнических мобилизаций в СССР. Сведения этого плана могут внести существенные коррективы в картину этнополитических процессов 1988-1993 гг. Доказав, что при решении проблем межэтнических отношений национально-территориальный подход себя исчерпал,

автор тем не менее осуждает попытки российских радикал-демократов перейти от этнополитического к регионально-политическому у принципу государственного строительства.

Написанная с позиций истинного демократизма, книга М.Губогло представляет собой успешную попытку сбалансированного подхода к правам меньшинства и государства и их взаимным обязанностям. Закономерно её издание в России – одной из немногих стран, где в структурах власти сохранилась традиция консенсусных решений по вопросам национальной политики. Учитывая роль этнического фактора в политических процессах 90-х гг., следует признать книгу весомым вкладом в написание истории современности. Богатство фактического материала, тематическая широта исследования и глубина авторского анализа, новизна положений и обобщений выводят исследование проблем современной этнополитики на новый уровень теоретического осмысления. По сути книга М.Губогло – энциклопедия современной российской этнополитики.

Книга представляет интерес не только для специалистов этнологов, но и для государственных деятелей и специалистов, причастных к разработке и проведению национальной политики. На вопрос, сформулированный в заглавии книги, автор отвечает определённо: Нет, не может. Ответ этот справедлив и для орла одноглавого – с историческим гербом Молдовы на груди.

Впервые опубликовано в Кишиневской газете «Glasul Moldovei»

Ю.И.СЕМЕНОВ.

**ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ:
ТРУДНЫЙ ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ
НОВОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ**

*размышления над книгой М.Н. Губогло
«Языки этнической мобилизации».
Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. 811 с.*

Книга крупнейшего специалиста по этносоциологии и этнополитологии Михаила Губогло «Языки этнической мобилизации» включает 17 статей, опубликованных в период с 1975 по 1998 г., эссе «Энергия памяти (о роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти)», увидевшее свет в 1992 г., и монографию «Мобилизованный лингвизм», впервые изданную в 1993 г. (замечу, что все эти работы напечатаны в их первоначальном виде, без всяких конъюнктурных изменений).

Книга интересна тем, что по ней можно не только проследить эволюцию взглядов автора, но и ознакомиться с процессом становления в нашей стране новой научной дисциплины, находящейся на стыке трех наук: этнографии, политологии и социологии и получившей название этнической политологии, или этнополитологии. Российские, а затем и советские ученые первыми в истории этнографии стали

заниматься разработкой теории этносов и этнических процессов - этнической этнологией (этноэтнологией)¹. Одним из первых, если не первым, среди них был С.М. Широкогоров - автор работы «Этнос. Исследование основных принципов изменений этнических и этнографических явления» (Шанхай, 1922). В последующем существенный вклад в разработку теории этносов был сделан П.И. Кушнером (Кнышевым), Н.Н. Чебоксаровым, В.И. Козловым, Ю.В. Бромлеем, С.А. Токаревым, П.И. Пучковым, С.А. Арутюновым.

Постепенно становилось ясным, что этносы явления не просто этнографические. Этнические общности могли становиться и становились политическими силами, принимающими участие в общественной жизни и особенно в политической борьбе, что предполагает наличие организаций, лидеров, политических программ. А поскольку эта борьба происходит в пределах того или иного госу-

дарства, то его верховная власть с неизбежностью должна вырабатывать и проводить определенную политику по отношению к этим общественным силам и оформлять ее правовыми актами. Все эти проблемы не были абсолютно новыми. Они были известны и раньше и обычно объединялись под названием национального вопроса. Но обращались к ним, как правило, практические политики, а затем, когда стала формироваться особая научная дисциплина политология, - политологи. В СССР разработкой национального вопроса занимались обычно специалисты в области истории КПСС, научного коммунизма и философы. К сожалению, уровень их работ был низок «Научными эти работы, - справедливо писал в 1989 г. В.А. Тишков, - нельзя назвать уже потому, что в них начисто отсутствовал главный компонент - само исследовательское начало»².

Научной дисциплины, которая бы специально исследовала этнополитические проблемы, у нас долгое время не было. Первый шаг по пути к ее созданию был сделан, когда началось использование для исследования этнических процессов методов, применяемых в эмпирической социологии. Возникновение этнической социологии (этносоциологии) подготовило условия для появления и этнополитологии. А вызвало ее к жизни резкое обострение межэтнических отношений, которое произошло в годы, непосредственно предшествовавшие перестройке, в период самой перестройки и после нее.

У истоков отечественной этнополитологии стоял тогдашний директор Института этнографии Ю.В. Бромлей. В последующем эстафету принял В.А. Тишков - его преемник на посту директора Института этнографии, переименованного в Институт этнологии и антропологии РАН, одновременно в 1992-1993 гг. возглавлявший Государственный комитет по национальной политике РФ, преобразованный по его инициативе в Министерство по делам национальностей. Среди современных российских этнополитологов следует также назвать А.Р. Аклаева, С.А. Арутюнова. Ю.В. Арутюняна. В.И. Бушкова, Л.М. Дробижеву, М.Н. Губогло, Т.С. Гузенкову, В.И. Козлова, О.Д. Комарову, И.С. Кона, В.В. Коротееву,

А.Г. Осипова, П.И. Пучкова, Г.У. Солдатову, З.П. Соколову, С.В. Соколовского, С.М. Червонную, Я.В. Чеснова, С.В. Чешко, В.А. Шнирельмана, Я.Н. Ямска и других сотрудников Института этнологии и антропологии РАН.

На мой взгляд, М.Н. Губогло наряду с Ю.В. Бромлеем, В.А. Тишковым и другими крупными этнологами можно с полным правом отнести к числу основоположников отечественной этнополитологии³.

Сформулированные М.Н. Губогло положения легли в основу программы деятельности возглавляемого им Центра по изучению межнациональных отношений (ЦИМО) Института этнологии и антропологии РАН. ЦИМО ведет большую исследовательскую работу в области этнополитологии, в которой принимает также участие большое число исследователей из различных регионов России. В издаваемой ЦИМО серии «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» к настоящему времени опубликовано более 90 книг, в том числе сборники материалов, характеризующих этнополитическую ситуацию в национальных и терри-ториальных образованиях как России, так и остальной части постсоветского пространства (Латвия, Литва, Эстония, Белоруссия, Украина, Молдавия, Приднестровье, Грузия, Абхазия, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия).

М.Н. Губогло ввел в науку понятие «этническая мобилизация», под которой он понимает процесс превращения этноса в определенную политическую силу со своими требованиями, программой, лидерами, организациями. Важнейший признак этноса - язык. И в процессе превращения этноса в политическую силу чаще всего огромную роль играют требования, связанные с языком. Это явление М.Н. Губогло назвал «мобилизованным лингвицизмом».

Почти все работы, включенные в рецензируемую книгу, по существу раскрывают роль языковых лозунгов и программных установок в процессе политической мобилизации этноса. в возникновении и развитии национальных движений. С этим связано и ее название - «Языки этнической мобилизации».

Самая важная часть книги - монография «Мобилизованный лингвицизм». В ней идет

речь о тех движениях в союзных республиках СССР, которые завершились принятием законов, провозгласивших языки народов, давших название республикам, не просто государственными, а единственными государственными. На первый взгляд, эти движения выступали как чисто языковые. Целью их провозглашалось стремление спасти языки титульных национальностей от исчезновения, а сами национальности от грозящей им ассимиляции. Эти лозунги многими были приняты за чистую монету. Значение движений, выдвинувших их, совершенно не было понято московским руководством. Не поняла их сущности и широкая общественность. Она в большинстве своем, как пишет М.Н. Губогло, “была введена в заблуждение той идеологической упаковкой, в которой публике преподносились смысл, цели и задачи языкового реформирования” (с. 416). Не разобрались в сути происходящего и многие исследователи, в том числе зарубежные. Однако, как убедительно показывает М.Н. Губогло, действительные цели борцов за введение государственного языка только этим не ограничивались.

Все эти движения были сугубо политическими, и их ближайшая задача заключалась в ослаблении зависимости республиканской власти от союзного центра, а конечная - в выходе республик из состава СССР. “Развал Советского Союза, - подчеркивает М.Н. Губогло, - начался с мобилизованного лингвизма, благодаря которому языки титульных национальностей были возведены в статус государственных языков, практически заблокировали доступ представителей нетитульного населения в кабинеты власти и содействовали достижению трех результатов: форсированной неокоренизации аппаратов управления, становлению этнократических режимов в бывших союзных республиках и, наконец, распаду СССР” (с. 14).

Главным во всех этих движениях была борьба за власть в союзных республиках. Шла она по-разному: в одних республиках старая властвующая элита была заменена новой, в других - старая сохранилась, но сменила прежнюю коммунистическую идеологию на националистическую и сепаратистскую. При

этом за огосударствление языка титульной нации и за “суверенизацию” республики прежде всего выступала значительная часть национальной номенклатуры и интеллигенции, меньше всего руководствовавшиеся интересами своего народа, но исходившие из собственных групповых корыстных интересов. «Национальные отряды интеллигенции, укorenившиеся, занявшие непропорционально длинный ряд элитарных кабинетов в структурах власти, распределении ресурсов и продуктов, других “доходных” сферах хозяйства, стали искать новые дополнительные рычаги для устранения конкурентов с этнополитической и этносоциальной арены. Конкурсный марафон начал ожесточаться» (с. 338).

Ясно, что об этих реальных целях прямо и откровенно говорить было нельзя. Их поборники утверждали, что они добиваются удовлетворения интересов всего населения республики, являются противниками тоталитаризма и приверженцами демократии. Но так как прямая критика существующего режима и открытая агитация за выход из СССР были в то время затруднительными, то понадобился враг, которого можно было бы обличать безнаказанно. «Таким врагом был “назначен” русский язык и русификаторская политика Кремля» (с. 251). В итоге во всех союзных республиках была развернута шумная публицистическая кампания против русификации и за возрождение национальных языков.

Выявляя политические и экономические корни “языковых” движений. М.Н. Губогло ставит вполне естественный вопрос: “Имел ли место такой лингвизид, когда в результате якобы целенаправленно осуществляемой Москвой политики языковой ассимиляции происходило истребление языков титульных наций, а представители этих наций отказывались от языков своей национальности в пользу русского языка?” (с. 212). И далее на основе анализа фактического материала делает в высшей степени аргументированный вывод, что в действительности “лингвизид”, проявивший себя наиболее открыто, ярко и наступательно в форме заботы о сохранности родных языков, не имел под собой сколько-нибудь реальных и объективных этноязыковых оснований. Национальное движение

за законодательное огосударствление языков титульных наций вытекало не из объективной потребности пробуждения и возрождения национальных языков, как это неустанно декларировалось накануне и в ходе языковой реформы, а служило новому самоутверждению титульных наций и утверждению их монопольного права на создание национальной государственности” (с. 214). В последующем к выводу о том, что все утверждения националистов о имевшей якобы место в СССР насильственной русификации не соответствовали действительности, пришли и другие исследователи. В частности, большой фактический материал, полностью опровергающий тезис о насильственной русификации, содержится в монографии С.В. Чешко “Распад Советского Союза. Этнополитический анализ” (М., 1996; изд. 2. 2000) и в книге В.И. Козлова “История трагедии великого народа. Русский вопрос” (М., 1996; изд. 2. 1997).

На огромном материале М.Н. Губогло показывает, к чему реально привели языковые реформы. «Говорят: “Власть - жизнь всласть”, - пишет он. - Не зря говорят: Преобразования, проведенные под флагом языковой реформы и направленные на захват власти, еще раз подтвердили эту старую истину. Целевое огосударствление языков титульных наций стало для части новой этнократии и для мобилизованного лингвицизма двуликим знаменем. На лицевой стороне знамени, там, где вместо красного яркими красками и громкими лозунгами восстанавливались триколоры, желтоблагитные и другие радующие лингвицистов национальные цвета, были написаны непрекаемые слова об этноциде, устроенном большевиками, и о необходимости национального возрождения и языкового развития. Все беды и трагедии, потери, реальные и мнимые, включая безнадежно отсталую экономику, косность и узость профессионального слоя культуры, катастрофическое обмеление менталитета были списаны на антинациональную русификаторскую политику, идущую от большевистско-коммунистического Центра и иссушающую родники и почву национального бытия... На обратной стороне национально-языкового знамени, как на невидимой стороне Луны, угнездилась совсем

иная - деструктивная идея, идея развала империи, подрыва основ веками складывавшегося многонационального государства, идея освобождения от коммунистической монополии Центра. Именно такое двуликое знамя помогло выжить прослойке старой партократии и вывело новую прослойку этнократии на политическую арену, обеспечило им поддержку части собственного народа, спровоцировало солидарность Запада, открыто заинтересованного в развале могущественной державы, обмануло заспанную в застое номенклатуру Кремля” (с. 223).

Результатом языковых реформ была оформленная законом национальная дискриминация и тем самым раскол общества бывших союзных республик на группы людей, имеющих разные права и обязанности. “Введение государственного языка, - указывает М.Н. Губогло, - создавало предпосылки для новой группировки людей по объему прав и обязанностей. По языковому принципу население раскалывается на тех, кто владеет государственным языком и соответственно входит в привилегированную группировку, группировку, которой открыты двери в управленческие кабинеты, и тех, кто не владеет государственным языком и соответственно попадает во второе сообщество, управляемое представителями первого” (с. 257).

Мне уже приходилось писать, что под термином “национально-освободительные движения” нередко имеются в виду внешне сходные, но по существу резко различающие явления. Одно дело - борьба дискриминируемого этноса против национального гнета. Это - подлинное национальное движение. В нем присутствует демократическое начало, которое, кстати, может потом и исчезнуть. И совершенно другое - борьба за привилегии для того или иного этноса, за “приоритет” титульной нации, а тем самым и за утверждение в стране режима дискриминации по этническому признаку, за изгнание или ассимиляцию представителей всех других этнических групп. Такого рода антидемократическое движение нельзя охарактеризовать как национально-освободительное. Его можно назвать квазинациональным⁴. И подавляющее число движений в бывших союзных и автономных

республиках и областях в составе России были псевдонациональными. От них прежде всего выигрывала национальная элита, хотя какие-то крохи с барского стола доставались и более широким слоям титульной нации, что и обеспечивало такого рода выступлениям более или менее массовую поддержку.

Утвердившееся неравноправие коснулось всех слоев нетитульного населения во вновь возникших государствах. «Надо отдать должное лидерам, теоретикам и активистам национальных движений стран Прибалтики и Молдавии, - с сарказмом пишет автор. - Найденный ими инструмент статуса государственного языка блестяще сработал при формировании верхних эшелонов власти в бывших союзных республиках. Анализ национального состава не оставляет никаких сомнений в том, что к власти пришли представители титульной нации, а следовательно, носители государственного языка. А коль скоро появилось неравенство, неизбежно и соответствующее следствие», а именно угнетение человека человеком, эксплуатация (с. 244).

В СССР не было насильственной русификации, однако в бывших союзных республиках (исключая, конечно, Россию) была принята на вооружение политика вытеснения или ассимиляции всех нетитульных этнических групп. В одних республиках фактически, а в других и официально были провозглашены и незамедлительно стали претворяться в жизнь лозунги типа «Грузия - для грузин», «Эстония - для эстонцев» и началась подлинная «грузинизация», «эстонизация» и т.п. Как только бывшие союзные республики добились самостоятельности, сразу же произошло «переключение от борьбы с русификацией и советизацией к борьбе за ускоренное внедрение «эстонизации», «румынизации», «грузинизации». Таковой оказалась практика и неумолимая логика мобилизованного лингвизма» (с. 323).

Вполне понятно, что там, где существует закрепленное в законах неравенство людей, не может быть демократии. Как показывает М.Н. Губогло, в результате языковых реформ в бывших союзных республиках утвердилась не демократия, а этнократия. В ряде случаев он оценивает итоги мобилизованного лингви-

цизма еще резче, говоря об утверждении, если не во всех, то по крайней мере в некоторых бывших союзных республиках тоталитарных режимов (с. 208).

Если бы сказанным выше исчерпывалось все содержание монографии М.Н. Губогло «Мобилизованный лингвизм», то на этом можно было бы поставить точку. Но в новом языковом законодательстве республик бывшего СССР автор попытался увидеть и некий позитив. Так, например, он пробует убедить нас в том, что «подведение функционирования государственных языков под официальные законодательные нормы выводило республики из бесправного статуса и было шагом к установлению демократических норм жизнеобеспечения разноязыкового населения» (с. 353), хотя в другом месте на примере Молдавии показывает, что «принятие законов о государственном языке послужило мощным катализатором повышения градуса межнационального напряжения, толчком к эскалации межнациональных конфликтов». В Молдове языковой закон «породил» две новые республики - Гагаузскую и Приднестровскую, ставшие в оппозицию и к закону, и к руководству республики. Придание молдавскому языку статуса государственного «послужило началом этнополитического раскола республики, началом длительного и утомительного противостояния национального большинства и национальных меньшинств» (с. 196).

Примеров подобного рода противоречий можно было бы привести много. Но главный вопрос - откуда и почему они взялись? Дело, конечно, не просто в пренебрежении законами логики. Причины лежат глубже.

На мой взгляд, одна из них заключается в том, что в то время, когда М.Н. Губогло писал монографию, он еще не подобрал концептуальные ключи для понимания сущности происходивших на рубеже 1980-1990-х гг. перемен. Это явствует из употребляемой им терминологии. Для характеристики старого порядка он постоянно использует крайне модный, но довольно пустой термин «тоталитаризм». Другой часто употребляемый им термин - «демократия», взятый сам по себе, в отрыве от реальной обстановки, тоже мало что может дать. Суть перемен, которые про-

исходили в перестроечные и первые после-перестроечные годы, автор видел тогда в переходе от тоталитаризма к демократии. Такое видение этого процесса навязывалось общественности всей нашей “демократической” прессой, внушавшей читателям, что движения под знаменем языковых реформ являются неотъемлемой и важнейшей составляющей безусловно позитивного процесса демократизации общества. Достаточно вспомнить, как славили и приветствовали националистические движения Е.Т. Гайдар, Г.В. Старовойтова и др. Вся работа М.Н. Губогло по сути посвящена разоблачению этого мифа, однако сам он, анализируя ситуацию, так и не смог полностью избавиться от него.

С этим связаны его попытки объяснить, почему “великолепные” по своему замыслу языковые реформы, призванные по идее обеспечить равноправие людей, превратились в свою противоположность, привели к их дискриминации по этническому признаку, превратили значительную часть населения бывших союзных республик в париев и породили межнациональные конфликты, в ходе которых нередко лилась кровь. М.Н. Губогло ищет причины этого и в отсутствии должной теоретической разработки данной проблемы, и в бедности понятийного аппарата, и в неопытности людей, которые участвовали в создании языковых законов, в их промахах и ошибках, в их неумении предвидеть последствия проводимых реформ и т.п. (с. 174-175, 177, 204, 280-282, 287, 296, 370, 391, 428, 438 и др.). И все это можно прочитать на тех же самых страницах, где автор вскрывает реальные корни реформ и подлинные замыслы их вдохновителей и творцов, заранее вмонтировавших в законы такие положения, которые в последующем позволили им все крепче закручивать гайки национального гнета.

Другая причина непоследовательности М.Н. Губогло - тесно связанный с “демократическим” мифом крайне популярный миф о “национальном возрождении”. Исходный его пункт: союзный центр вел политику, направленную на насильственную русификацию народов СССР, разрушение национальных культур и вытеснение, а в конечном свете и уничтожение их языков. В противовес этому

сейчас на повестке дня стоит возрождение всех национальных культур, восстановление в правах национальных языков. В перестроечные годы в плену этого мифа оказался и наш автор - гагауз по национальности, представитель малочисленного народа, традиционная культура которого за последние десятилетия была во многом разрушена, а язык использовался в основном лишь в быту. И перспектива была одна - аккультурация, а в последующем и ассимиляция. Обиду представителей таких народов, как и их стремление сохранить самобытность своих этносов, можно понять. Под давлением этого мифа М.Н. Губогло, который в одном из разделов своего “Мобилизованного лингвицизма” убедительно доказал, что в СССР не было насильственной русификации, в другом пишет об “оголтелых мерах, с помощью которых с откровенно имперских позиций... насаждался русский язык в нерусскоязычной среде” (с. 272), о политике “насильственного насаждения русского языка” (с. 275).

Идея национального возрождения обосновывается в более ранней (1992) его работе - в эссе “Энергия памяти (о роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти)”. Он считает, что сама по себе эта идея чиста и свята, но беда заключается в том, что отдельные ее сторонники извращают и доводят ее до абсурда, используя для обоснования совершенно ошибочных действий. М.Н. Губогло пишет об опасности разжигания антирусских настроений и резко осуждает такую близорукую и пагубную политику (с. 599). По его словам, “там, где на почву национальной жизни попадали недоброкачественные семена, - вместо возвышения национального духа, благородного стремления вывести нацию из социально-политического и экономического тупика, произрастали ростки экстремизма, нетерпимости к иным национальностям, идеализация всего своего и очернение чужого, стремление создать себе приоритетные условия за счет других” (с. 575-576).

В последующей работе “Мобилизованный лингвицизм”, как мы уже видели, И.Н. Губогло делает огромный шаг вперед. Повторяя кое-где прежние мысли об извращении некоторыми нехорошими людьми благород-

ной идеи возрождения национальных культур и языков, он в то же время на основании огромного фактического материала показывает, что воинствующий национализм представляет собой не отклонение от этой идеи, а логически и неизбежно вытекает из нее. Тем не менее прямо ошибочность этой идеи он нигде не признает. Этому есть причины и чисто теоретического порядка. Одна из них - принятие идеи культурного релятивизма, т.е. равноценности всех культур. Эта идея, в основе которой лежит отрицание прогресса человечества, на мой взгляд, глубоко ошибочна. Нравится это кому-то или, наоборот, решительно не нравится, но действительно существуют культуры менее развитые и более развитые, низшие и высшие. И на этом имеет смысл задержаться.

В большинстве классовых доиндустриальных обществ сосуществовали две культуры: элитарная культура общества в целом и простонародная - крестьянских общин. В первобытных и предклассовых обществах существовала только одна культура. Первобытную и простонародную культуру классовых обществ обычно объединяют под названием традиционной. С переходом к индустриальному обществу традиционная культура с неизбежностью разрушается и исчезает. В классовых обществах идет "опускание" и трансформация ранее элитарной культуры, которая постепенно становится достоянием широких масс, превращается в общенациональную. При этом для народов, находящихся на стадии первобытного и предклассового общества, нет никакого другого выхода, кроме усвоения культуры более развитых народов. В рамках данного подхода разрушение культуры народов, которые к моменту вхождения в состав Российской империи находились на доклассовой стадии развития, было результатом не злой воли вначале имперского, а затем союзного центра, а закономерным и неизбежным процессом. Нельзя возродить ни русскую крестьянскую культуру, ни традиционные культуры других народов. По моему мнению, национальное возрождение невозможно и не нужно⁵. Прямо идею культурного релятивизма М.Н. Губогло нигде не отстаивает, но именно она лежит в основе

его "Энергии памяти". А вот идею равноценности языков, которая является одним из компонентов культурного релятивизма, он не просто принимает, но и пытается обосновать. "Если подходить к языку, - пишет он, - с точки зрения выполнения его основной функции - быть предметом общения, - то следует признать равную ценность каждого языка для своих носителей... Что же касается разницы между языками в сроках развития письменности, уровнях разработки лексики и терминологии, то эти вопросы относятся не к степени развития языка, а к технической стороне дела, которая решается за счет экспертов, денег и технологий" (с. 468, 181).

Эта идея в отличие от идеи равноценности культур сейчас в науке пользуется чуть ли не всеобщим признанием. Поэтому ей следует уделить особое внимание. Язык - важнейший элемент культуры. Если исчезновение традиционной предклассовой культуры неизбежно, то можно ли то же самое сказать о языке? Как известно, к настоящему времени многие этносы, живущие в пределах Российской Федерации, в значительной мере перешли на русский язык. На нем ведется преподавание в начальной и даже средней школах, не говоря уже о высшей. Имеются этносы, значительная или даже большая часть членов которых не знает языка своих предков. Многие приверженцы идеи национального возрождения считают все это результатом насильственной русификации и призывают возродить родные языки и перевести на них преподавание даже в высшей школе.

Чтобы понять сущность проблемы, нужно принять во внимание, что язык (именно язык, а не речь), помимо всего прочего, представляет собой кристаллизацию мышления. Существует понятийно-словесная сеть, которая в процессе социализации человека внедряется и закрепляется в коре его головного мозга и становится основой осей его мыслительной деятельности. Эта сеть в ходе эволюции человечества развивалась и совершенствовалась, а результаты этого прогресса закреплялись в языке.

Лингвистами созданы разные типологии языков, в том числе и стадиальные. И среди них имеет право на существование стади-

альная типология языков, в основу которой положена степень развития человеческого мышления. Существуют три основных стадийных типа языков. Первый - языки первобытного (включая предклассовое) общества, или древнементальные (археоментальные, древнемышленные) языки. С возникновением цивилизации письменности и преднауки археоментальные языки преобразуются во второй тип - староментальные (палеоментальные, старомышленные). Таковы языки всех докапиталистических классовых обществ, исключая в определенной степени античное, в котором существовала не преднаука, а пра-наука. С развитием и утверждением науки в полном смысле этого слова, прежде всего современного естествознания, что произошло в Новое время в Западной Европе, палеоментальные языки трансформируются в третий тип - новоментальные (неоментальные, новомышленные) языки. И овладеть наукой можно лишь в том случае, когда человек пользуется одним из новоментальных языков. Если же он владеет только старо-ментальным языком, не говоря уже о древнементальном, то наука окажется для него недоступной.

Это не значит, что существуют языки, по самой своей структуре абсолютно неспособные к выражению научных знаний. Любой древнементальный язык может в принципе превратиться в староментальный, а любой староментальный трансформироваться в новоментальный. Но для этого нужны определенные условия и время.

Вопреки мнению значительной части наших “сверхпатриотов”, которые относят начало философских и научных знаний на Руси к IX в., в действительности ни философии, ни науки в России до XVIII в. не было. Эти формы общественного сознания не возникли у нас, а были привнесены из Западной Европы. Когда в XVIII в. в Россию стали проникать наука и философия, русский язык, который к тому времени уже около тысячи лет был языком письменным, оказался не приспособленным для выражения и изложения научных знаний и философских идей. Он был староментальным. Люди, владевшие одним лишь русским языком, были лишены возможности полноценно теоретически мыслить. И

неспособность русского языка выражать новые идеи и понятия привела к тому, что образованная часть российского общества стала пользоваться двумя иностранными языками, достигшими новоментальной стадии - немецким и французским. Потребовалось почти столетие, чтобы российское научное сообщество и русская интеллектуальная элита создали русскую научную терминологию, и русский язык превратился в неоментальный. И только тогда использование иностранных языков как средства общения внутри русской среды стало ненужным.

Языки многих этносов России к 1917 г. были даже не староментальными, а древнементальными. Эти этносы к тому времени не имели собственной письменности. Многие исследователи сейчас нередко говорят об имевшем в годы советской власти месте вытеснения русским языком языков малых народов из многих сфер деятельности и тем самым сокращении поля их применения. Но эти люди либо сами добросовестно заблуждаются, либо намеренно вводят в заблуждение широкую общественность. Все дело в том, что вся практическая деятельность народов, находившихся к моменту вхождения в состав России на стадии предклассового общества, была ограничена сферой быта. Соответственно их языки были приспособлены к обслуживанию только этой единственной сферы. И когда в результате последующего развития представители этих народов были втянуты в другие сферы деятельности, характерные для индустриального общества, все эти языки оказались неспособными их обслуживать.

Чтобы эти языки могли трансформироваться в нужном направлении, необходимо было, во-первых, возникновение сравнительно большого круга интеллектуальной элиты, и, во-вторых, длительное время. Поэтому для немногочисленных народов трансформация их языков в новоментальные была исключена, для более крупных – крайне маловероятна. С этим и было связано широкое распространение русского языка. Обойтись без него было совершенно невозможно. Он один мог действовать в новых сферах деятельности, прежде всего в сфере науки. Традиционные языки обслужить их были не в состоянии.

Как пишет М.Н. Губогло, в Казахстане отмечалось, что “из 50 социальных функций, которые необходимы любому языку для нормального функционирования, казахский язык реализует на практике лишь около 10 функций” (с. 419). Но это вовсе не потому, что русский язык вытеснил казахский и лишил его возможности выполнять 40 других функций, а потому, что казахский язык, будучи древнементальным, с самого начала не был способен выполнять эти функции и не обрел этой способности до сих пор, а возможно, и не обретет ее никогда.

Любая попытка потеснить и тем более вытеснить русский язык будет иметь своим следствием регресс в сфере образования и во всех других областях. Если попытаться преподавать, скажем, физику; на древнементальном или даже староментальном языке, то ее никто знать не будет. Все попытки реализовать программы национального возрождения, предусматривающие перевод преподавания в средней и высшей школах с русского языка на традиционные, могут причинить представителям тех народов, культуру которых намереваются возродить, только огромный вред, ибо закроют им путь к современному образованию. Единственная реальная перспектива состоит в том, что либо русский язык полностью вытеснит аборигенные языки, либо установится двуязычие, при котором русский язык будет приобретать все большее значение. В этой связи нельзя не отметить, что в книге М.Н. Губогло проблеме двуязычия уделяется большое внимание. В его работах детально разрабатывается теория двуязычия и раскрывается огромное практическое значение этого феномена. В монографии “Мобилизованный лингвизм” автор убедительно показывает всю несостоятельность выдвинутого фанатиками национализма для оправдания борьбы за вытеснение русского языка тезиса о пагубном влиянии двуязычия на мышление (с. 157-158, 263-264, 314-320). Особое внимание обращает автор на явление, которое получило наименование “двойного полуязычия” (такая ситуация возникает тогда, когда люди, принадлежащие к тому или иному этносу, не овладев в совершенстве языком другого народа, в то же время отказываются от своего родного

языка). Именно это “двойное полуязычие”, последствия которого нередко весьма печальны, часто выдается за двуязычие (с. 319-320).

Однако не со всеми положениями автора, относящимися к двуязычию, можно согласиться. Так, например, исходя из положения о равноценности языков, он отстаивает в одном случае “ситуативное”, а в другом — “паритетное” двуязычие (с. 129-149, 326-329, 538-540 и др.). Суть последнего заключается в том, что не только нерусское население национальных республик должно владеть русским языком, но и русские, живущие там, обязаны знать язык титульной национальности. В этом М.Н. Губогло видит некую высшую справедливость. Но с этим вряд ли можно безоговорочно согласиться. Ведь главный принцип подлинной демократической языковой политики должен состоять в том, что вопрос о том, каким языком должен владеть человек, на каком языке он должен получать образование, какие языки он вообще должен изучать, решает только сам этот человек. Никто не может обязать его знать тот или иной язык. В этой области не должно быть никакого принуждения.

Возведение в закон в большинстве бывших союзных республик СССР знания государственного языка — мера антидемократическая. А применение административных мер, имеющих целью насаждение государственного языка и вытеснение русского, красноречиво свидетельствует об отсутствии в недалеком прошлом в этих республиках насильственной русификации. В противном случае никакой нужды насильственно вытеснять русский язык не было бы, поскольку с достижением республикой независимости и прекращением навязывания русского языка он сам собой утратил бы свои позиции. Упорная борьба с русским языком при помощи государственного аппарата, помимо всего прочего, означает, что титульный язык не способен выдержать свободной конкуренции с русским. По существу это означает молчаливое признание неравноценности русского и государственного языков, точнее большей ценности первого языка по сравнению со вторым.

В национальных республиках в составе Российской Федерации ни один из языков

титульных народов не является новоментальным. Поэтому принуждать нерусское население этих республик административными мерами изучать русский язык нет никакой нужды, ибо к этому их принуждает сама жизнь. С другой стороны, русским, проживающим в тех же республиках, знание языка титульной национальности не нужно. И поэтому добровольно они его никогда изучать не будут. Таким образом, обеспечение “паритетного” двуязычия в этих республиках с неизбежностью предполагает применение административных мер, т.е. использование той или иной формы насилия. Но сразу же нужно сказать, что и насилие тут не поможет: титульный язык русские все равно знать не будут. “Паритетное” двуязычие в национальных образованиях Российской Федерации практически невозможно. Конечно, декларировать его подобно тому, как это делает М.Н. Губогло, можно, но ратовать за него не имеет никакого смысла.

Нередко миф о “национальном возрождении” толкуют как чисто оборонительный. Люди просто стараются обосновать необходимость защиты своей культуры и языка. На самом деле этот миф всегда является обоснованием и оправданием агрессии. Его ревнители никогда не ограничиваются заботой о своем языке. Осуждая якобы имевшее место навязывание русского языка, они одновременно настаивали на необходимости принудить все население республики знать язык титульного народа. И хуже всего при этом приходилось представителям последнего. Русских детей в самом худшем случае заставляли изучать титульный язык, но не получать на нем образование. Детей же титульного этноса нередко пытались принудить учиться в школах, где преподавание велось только на языке этого народа, что сразу же встретило сопротивле-

ние со стороны титульного населения, большая часть которого упорно желала, чтобы их дети получали образование на русском языке. На многих научных конференциях мне приходилось слушать жалобы поборников “национального возрождения” на неблагодарность своего народа, упорно не желающего “возродиться”.

Желание во что бы то ни стало навязать титульный язык как титульному, так и нетитульному населению национальных республик стало идефикс некоторых представителей национальной интеллигенции. Во время конгресса этнографов и антропологов, проходившего в 1997 г. в Уфе, мне дважды (на пленарном заседании и в более узком кругу) пришлось выслушать горячее, взволнованное выступление президента АН Башкортостана (кстати, по специальности не гуманитария, а физика), суть которого заключалось в том, что все население Башкирии без всякого исключения должно усвоить башкирский язык. Большой заботы у него не было. И это при том, что по переписи 1989 г. башкиры составляли лишь 21,9% населения республики. Но самое интересное заключается в том, что на том же самом конгрессе уфимский этнограф Ф.Г. Сафин привел данные опроса, согласно которому лишь 8,1% башкир выразили желание, чтобы их дети обучались в школе только на башкирском языке⁶.

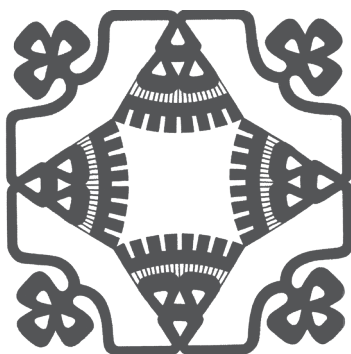
Об интереснейшей книге М.Н. Губогло и о поднятых в ней проблемах можно было бы говорить и спорить еще очень долго. Но и сказанного достаточно, чтобы оценить ее значение. Помимо всего прочего, она свидетельствует о том, как труден путь становления каждой новой научной дисциплины. Этнополитология в этом отношении не является исключением.

(Endnotes)

- 1 См.: Семенов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. 1998, № 2.
- 2 Тишко В.А. О новых подходах к теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. 1989. № 5. С. 5.
- 3 См.: Губогло М.Н. От корней до кроны. Задачи изучения этнополитических ситуаций // Гражданские движения в Таджикистане. М., 1990; е г о ж е. Вместо введения. О задачах этнополитической антологии // Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 1. М., 1992 и др.

- 4 См.: Семёнов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 62-63;
- его же. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 46.
- 5 Подробнее об этом см.: Семёнов Ю.И. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской части России, Сибири и Русской Америки в составе Российской империи // Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской части России, Сибири и Русской Америки в составе Российской империи. М., 1998; его же. «Национальное возрождение»: возможно ли оно и нужно ли оно // III конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999.
- 6 Сафин Ф.Г. Языковые ориентации башкир и татар Башкортостана (по данным социологических исследований в республике Башкортостан) // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Резюме докладов и сообщений. Ч. 1. Уфа, 1997. С. 149

Впервые опубликовано в журнале: «Отечественная история», 2001, №4, с.170-178

Ю.И.СЕМЕНОВ.

**ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА**

*размышления над книгой М.Н. Губогло
«Языки этнической мобилизации».
Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. 811 с.)*

Как-то года два тому назад в одном из журналов попалась мне на глаза статья, в которой автор, историк по специальности, просил у читателей прощения за свои работы, написанные в советское время, в которых он в угоду указаниям свыше сознательно искажал историческую реальность. Покаявшись, автор обещал впредь писать правду и только правду. Может быть теперь он и искренне хочет заняться поисками истины, но я уверен, что все его усилия в этом направлении будут тщетными. Привыкнув постоянно лгать, он перестал быть ученым, исследователем. Впрочем, возможно, он никогда им и не был, а сразу же занялся фальсификацией истории. Во всяком случае ученого из него теперь уже не выйдет, несмотря на все его обещания. Но беспокоиться за его дальнейшую карьеру нет особых оснований. И сейчас у определенных, причем

весьма могущественных кругов нашего теперешнего общества существует настоятельная потребность в извращении как настоящего положения вещей, так прошлого нашего общества. Так что богатейший опыт фальсификации истории, накопленный этим человеком, может ему пригодиться и принести немалый доход. Ясно, что подобного рода «ученый», боясь предстать перед обществом в своем истинном виде, никогда бы не согласился на переиздание своих прежних работ.

Иное дело — подлинный исследователь. Ему никогда не придет в голову стыдиться своих прошлых работ, тем более отречься от них. Это, отнюдь, не означает, что его взгляды со временем никогда не менялись, что ему никогда не приходилось отказываться от тех или иных положений, которые он ранее выдвигал и отстаивал. Но дело в том, что все из-

менения в его представлениях связаны вовсе не с переменой власти и желанием приспособиться к новому начальству, новым веяниям и новой моде, а с накоплением новых фактов и более глубоким проникновением в сущность изучаемых явлений. Если ученый исследует современность, то он, разумеется, должен принимать во внимание происходящие в ней перемены, но лишь для того, чтобы привести свою концепцию в более точное соответствие с объектом изучения, а не приспособить ее к интересам и желаниям правящей элиты.

На все эти мысли натолкнула меня вышедшая в 1998 г. книга нашего крупнейшего специалиста по этносоциологии и этнополитологии — Михаила Николаевича Губогло, носящая название «Языки этнической мобилизации». Эта огромная по объему книга (59,5 а.л. или 811 с. текста) не представляет собой монографии. Это — сборник, в который вошло 17 статей, опубликованных в период с 1975 г. по 1998 г., эссе «Энергия памяти (О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти)», увидевшее свет в 1992 г., и монография «Мобилизованный лингвизм», впервые изданная в 1993 г. Замечу, что все эти работы напечатаны в их первоначальном виде. Автор не внес в тексты ни одной поправки. Хотя данная книга М.Н. Губогло включает в себя значительное число работ, опубликованных в течение почти четверти века, она тем не менее представляет собой единое целое. И этому единству нисколько не мешает то обстоятельство, что одна часть включенных в книгу работ была написана еще в эпоху «застоя», другая — во время перестройки, а третья — в постсоветский период. Мы наблюдаем развитие взглядов автора, но никакой конъюктурщины, если понимать под этим не учет изменений объекта исследования, а желание угодить начальству. Автор может ошибаться, но он всегда искренен в своем стремлении к истине.

Книга интересна тем, что по ней можно не просто проследить эволюцию взглядов автора, а ознакомиться с определенными моментами процесса становления в нашей стране новой научной дисциплины, находящейся на стыке трех наук: этнографии, политологии и социологии. Она получила к настоящему вре-

мени название этнической политологии, или, коротко, этнополитологии.

Российские, а затем советские ученые первыми в истории этнографии стали заниматься разработкой теории этносов и этнических процессов — этнической этнологией (этноэтнологией)[1]. Одним из первых, если не первым среди их был С.М. Широкогоров — автор работы «Этнос. Исследование основных принципов изменений этнических и этнографических явлений» (Шанхай, 1922). В последующем существенный вклад в разработку теории этносов был сделан П.И. Кушнером (Кнышевым), Н.Н. Чебоксаровым, В.И. Козловым, Ю.В. Бромлеем, С.А. Токаревым, П.И. Пучковым, С.А. Арутюновым.

В дальнейшем постепенно во все большей степени начало становиться ясным, что этносы суть явления не просто этнографические. Этнические общности могли становиться и становились политическими силами, принимающими участие в общественной жизни и особенно в политической борьбе. Участие в политической борьбе требует и предполагает наличие организаций, лидеров, политических программ. Так как эта борьба происходит в пределах того или иного государства, то его верховная власть с неизбежностью должна вырабатывать и проводить определенную политику по отношению к этим общественным силам и оформлять ее в определенных правовых актах.

Все эти проблемы не были абсолютно новыми. Они были известны и раньше и обычно объединялись под названием национального вопроса. Но обращались к ним, как правило, не этнологи, а практические политики, а затем, когда стала формироваться особая научная дисциплина, получившая название политической науки, или — политологии. В нашей стране в советское время разработкой национального вопроса занимались обычно специалисты в области истории КПСС, научного коммунизма и философы. К сожалению, уровень их работ был низок.

«Научными эти работы, — справедливо писал в 1989 г. В.А. Тишков, — нельзя назвать уже потому, что в них начисто отсутствовал главный компонент — само исследовательское начало.»[2]

Никакой особой научной дисциплины, которая бы специально исследовала этнополитические процессы у нас долгое время не было. Первым шагом на пути к ее созданию было начало использования для исследования этнических процессов методов, применяемых в эмпирической социологии. Возникновение этнической социологии, или, короче, этносоциологии подготовило условия для появления и политологии. А вызвало ее к жизни резкое обострение межэтнических отношений, которое произошло в годы, непосредственно предшествовавшие перестройке, самой перестройки и последующее время.

У истоков отечественной этнополитологии стоял тогдашний директор Института этнографии Ю.В. Бромлей, который возглавлял Межведомственный научный совет по исследованию национальных процессов при секции общественных наук Президиума АН СССР. В последующем эту эстафету принял его преемник на посту директора Института этнографии, переименованного в Институт этнологии и антропологии, — В.А. Тишков. Последний занимался не только теоретической разработкой проблем этнополитологии, но практической деятельностью в этой области. Продолжая оставаться директором Института этнологии и антропологии, он в 1992-1993 гг. возглавлял Государственный комитет по национальной политике РФ, преобразованный по его инициативе в Министерство по делам национальностей. Результаты его научных исследований наиболее полно представлены в книгах «Этничность, национализм и конфликты в и после Советского Союза: Пожар в умах» (опубликована на английском языке в 1997 г.) [3] и «Очерки теории и политики этничности в России» (М., 1997). Во «Введении» к последней из названных книг он особо отметил широкое развертывание в последние годы этнополитологических исследований в стране целом и в рамках Института этнологии и антропологии в особенности.

«Автор, — писал он, — обладает привилегией быть членом научного коллектива, где за последние годы выполнены высоко профессиональные и обстоятельные исследования сходных проблем и сюжетов. Среди многих мне хотелось бы отметить в этой связи рабо-

ты А.Р. Аклаева, С.А. Арутюнова, Ю.В. Арутюняна, В.И. Бушкова, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, Т.С. Гузенковой, В.И. Козлова, О.Д. Комаровой, И.С. Кона, В.В. Коротеевой, А.Г. Осипова, П.И. Пучкова, Ю.И. Семенова, Г.У. Солдатовой, З.П. Соколовой, С.В. Соколовского, С.М. Червонной, Я.В. Чеснова, С.В. Чешко, В.А. Шнирельмана, А.Н. Ямска и других сотрудников Института этнологии и антропологии РАН.» [4]

Было бы крайне интересно нарисовать более или менее полную историю становления этнополитологии в России. И вероятно кем-то когда-то это будет сделано. Я же здесь ограничился буквально несколькими штрихами, чтобы стал более или менее ясным тот общий фон, на котором появились рассматриваемые работы М.Н. Губогло. На мой взгляд, этого исследователя наряду с Ю.В. Бромлеем, В.А. Тишковым и рядом других крупных этнологов можно с полным правом отнести к числу основоположников отечественной политологии.

М.Н. Губогло принадлежит одна из первых работ, в которой не просто употреблялся термин «этнополитология», а говорилось о возникновении новой научной дисциплины, определялся ее предмет и раскрывались ее задачи. Это опубликованная в 1990 г. и, к сожалению не включенная в данную книгу, статья «От корней до кроны. Задачи изучения этнополитических ситуаций».

«Вопрос о советской политологии, — писал он в этой работе, — должен сегодня встать во весь рост. И на первых порах речь должна идти об определении контурных границ новой предметной области и о предварительном выделении ее основных составных частей». [5]

И далее автор выделял «четыре круга фундаментальных проблем». Первый — «выделение и характеристика компонентов этнополитической ситуации». [6] Ими являются народные фронты, интердвижения, демократические движения национальных меньшинств, национально-культурные общества.

«Вторым кругом фундаментальной проблем является анализ проблем, возникающих в ходе развития и взаимодействия компонентов этнополитической ситуации с внеш-

ней экологической, макро- и микросредой, в том числе с существующими формальными структурами.»[7]

«Третьим фундаментом этнополитологии должна стать новая информационная база, включающая принятые национальными и политическими движениями документы (программы, уставы, регламентации, обращения, лозунги и т.д.), обновленную статистику, в том числе дополненные (вширь и вглубь) данные переписей населения, новые и повторные этносоциологические массовые опросы в сочетании с короткими мониторингами с участием относительно узкого круга специалистов, лавинообразные данные периодики.»[8]

«И, наконец, четвертым основанием этнополитологии выступает, на наш взгляд, недвусмысленный выбор пути, т.е. обязательности подхода к изучению этнополитической ситуации с учетом следующим компонентом этнополитической ситуации: этнотерриториальных, этноэкономических аспектов среды, уровня ее инфраструктуры, этнодемографических и этносоциальных параметров, этнокультурных, этноязыковых и этноличностных характеристик участников движений, этноисторических и этноправовых условий становления, функционирования этнополитической ситуации и перехода ее в иное качество; и, наконец, обязательным здесь является историография и понятийно-терминологическая система.»[9]

В последующем данные положения были детально раскрыты и конкретизированы М.Н. Губогло в работе «Вместо введения. О задачах этнополитической антологии», опубликованной в первом томе трехтомного издания «Этнополитическая мозаика Башкортостана» (М., 1992). Указанные статьи М.Н. Губогло получили признание у многих исследователей, занявшихся изучением этнополитических процессов в России. Так, например в работе Г.С. Денисовой «Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов», изданной в Ростове-на-Дону в 1996 г., говорится:

«Изучение данных (этнополитических — Ю.С.) процессов началось совсем недавно. Думается, что в качестве программных установок для исследований в этой области можно выделить небольшую по объему статью М.Н.

Губогло..., в которой определяется предметная область политологии и обозначаются основные группы фундаментальных проблем... Последующее изложение представляет собой попытку анализа проблемы в очерченных границах.»[10]

Сформулированные М.Н. Губогло положения легли в основу программы деятельности возглавляемого им Центра по изучению межнациональных отношений (ЦИМО) Института этнологии и антропологии РАН. ЦИМО вел и ведет огромную исследовательскую работу в области этнополитологии. В этой работе принимают участие не только штатные сотрудники Центра, которых очень немного, но также и большое число исследователей из различных регионов России. По существу ЦИМО стал центром всероссийского и даже большего масштаба, вокруг которого группируется целая когорта этнополитологов. В созданной Центром серии «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» к настоящему времени опубликовано более девяти книг, среди которых большое место занимают сборники материалов, характеризующих этнополитическую ситуацию в национальных и территориальных образованиях как России (республика Коми, Мордовия, Марийская республика, Татария, Башкирия, Оренбуржье, Прикамье, Калмыкия, Дагестан, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Адыгея), так и целого ряда других государств, возникших после распада СССР (Латвия, Литва, Эстония, Белоруссия, Украина, Молдавия, Приднестровье, Грузия, Абхазия, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия).

Значение этой серии не только для нашей, но и мировой науки трудно переоценить. Создан огромный массив добротного фактического материала. Но работа Центра никогда не ограничивалась одним только сбором эмпирических данных. На базе накопленных данных делались и делаются широкие теоретические обобщения. Они содержатся во вступительных статьях к сборникам документов, а также в вошедших наряду с ними в серию монографиях и тематических сборниках статей. Все эти материалы и сделанные на их основе теоретические выводы легли в основу целого ряда докторских (З.Н. Анайбан, В.В.

Амелин, Р.Р. Галлямов, Г.П. Лежава, Т.М. Полякова, В.П. Торкало, Ю.П. Шабаев) и кандидатских (В.В. Маресьев, В.М. Пешкова, Ф.Г. Сафин) диссертаций по этнополитологии.

Автором многих вступительных статей к сборникам, а также ряда монографий является М.Н. Губогло. Часть этих работ вошла в рассматриваемую книгу. Именно в данных и иных работах М.Н. Губогло было введено в науку понятие «этническая мобилизация», под которой автор понимает процесс превращения этноса в определенную политическую силу со своими политическими требованиями, программой, лидерами, организациями. Важнейшим признаком этноса является язык. И в процессе превращения этноса в политическую силу чаще всего огромную роль играют требования, связанные с языком. Это явление М.Н. Губогло назвал «мобилизованным лингвицизмом».

Почти все работы, включенные в рассматриваемую книгу, по существу посвящены роли языковых лозунгов и программных установок в процессе политической мобилизации этноса, в возникновении и развитии национальных движений. С этим и связано ее название – «Языки этнической мобилизации».

Самая важная часть книги — монография «Мобилизованный лингвицизм». В ней идет речь о тех движениях в союзных республиках СССР, которые завершились принятием во всех их законов о языках, провозгласивших языки народов, давших название республикам не просто государственными, а единственными государственными. На поверхности эти движения выступали как чисто языковые. Целью их провозглашалось стремление спасти языки титульных национальностей от исчезновения, а сами эти национальности от грозящей им ассимиляции.

Эти лозунги многими были приняты за чистую монету. Значение этих движений совершенно не было понято союзным руководством. Не поняла их сущности и широкая общественность. Она в большинство своем, — пишет М.Н. Губогло, — «была введена в заблуждение той идеологической упаковкой, в которой публике преподносился смысл, цели и задачи языкового реформирования.» (с. 416). Не представляли исключение и многие

исследователи. Не только советские, но зарубежные ученые «не разглядели и не вскрыли внеязыковые корни большинства языковых проблем в программах языковых реформ и в документах национальных и языковых движений.» (с. 178)

Автор дает глубокий анализ этих движений, их языковых требований, принятых законов и результатов их принятия. Прежде всего он ставит перед собой задачу раскрыть реальные причины и смысл движений, внешне преследующих исключительно культурнические цели. Как убедительно показывает М.Н. Губогло в действительности корни всех внешне чисто языковых требований и лозунгов лежали далеко вне языковой сферы.

Все эти данные движения были сугубо политическими, первая цель которых заключалась в ослаблении зависимости республиканской власти от союзного центра, а конечной — выход республик из состава СССР.

«То, что не видно было вчера, — писал автор в 1993 г., — стало ясным для многих. Тщательно замаскированный, слава богу, бескровный, первый штурм твердыни Союзного Центра начался с пересмотра языковой политики и незыблемых в прошлом основ коммунистической идеологии. Высшее руководство Центра «прозевало» тот очевидный факт, что принятие законов о государственном языке означало не столько ревизию «ленинской языковой политики», сколько подрыв основополагающих постулатов союзной государственности. Разработка и принятие законов о языке (языках) определило новые взаимоотношений не между языками и их носителями, а между союзными республиками и Москвой» (с. 168).

«Развал Советского Союза, — подчеркивает он в другом месте, — начался с мобилизованного лингвицизма, благодаря которому языки титульных национальностей были возведены в статус государственных языков, практически заблокировали доступ представителей нетитульного населения в кабинеты власти и содействовали достижению трех результатов: форсированной неокоренизации аппаратов управления, становлению этнократических режимов в бывших союзных республиках и, наконец, распаду СССР.» (с. 14)

Главным во всех этих движениях была

борьба за власть в союзных республиках. А власть могла быть полной только при условии выхода из состава СССР. В разных республиках борьба за власть шла по разному. В одних старая властвующая элита была заменена новой, в других — старая элита сохранилась, но при этом сменила прежнюю идеологию на националистическую и сепаратистскую. Все это многообразие учитывает автор.

«Одним словом, — пишет он, — языковая реформа-89, преследующая отнюдь не языковые цели, состоялась. В одном случае, захватив власть на волне борьбы за установление статуса государственного языка, национальная номенклатура постаралась оградить свои интересы с помощью этого нового социально-языкового института. В другом — перехватив инициативу, — старая номенклатура сохранила свою власть, ринувшись навстречу идеям национального суверенитета через предварительный этап суверенизации национального языка, путем придания ему статуса государственного языка. В третьем случае, бывшие номенклатурные кадры, быстренько сменив идеологические одеяния и пересев с коммунистической колесницы на коня национальной независимости, ухватились за государственный язык как одну из важнейших целей в процессах суверенизации и консолидации.» (с. 222)

М.Н. Губогло убедительно показывает, что за огосударствление языка титульной нации и за «суверенизацию» республики прежде всего выступала значительная часть «национальной» номенклатуры и «национальной» же интеллигенции. Меньше всего исходили они при этом из интересов своего народа. Ими двигали собственные групповые корыстные интересы.

Как указывает автор, на борьбу за огосударствление языка и независимость их прежде всего толкала «углубляющаяся конкуренция за ключевые позиции в системе управления, в недрах номенклатуры, затем за престижные места в лоне культуры и науки, а в дальнейшем замаячила перспектива конкуренции и в средних клетках социальной лестницы, в том числе среди интеллигенции массовых профессий. Национальные отряды интеллигенции, укоренившиеся, занявшие непропорци-

онально длинный ряд элитарных кабинетов в структурах власти, распределения ресурсов и продуктов, других «доходных» сферах хозяйства, стали искать новые дополнительные рычаги для устранения конкурентов с этнополитической и этносоциальной арены. Конкурсный марафон начал ожесточаться. В литературе неоднократно отмечалась, во-первых, взаимосвязь между развитием национальной интеллигенции и ростом национального самосознания; во-вторых, малообоснованные домогательства молодой интеллигенции, получившей наименование «неинтеллигентской интеллигенции», на значительные роли, основанные не на высоком уровне профессиональной квалификации, а на национальном происхождении; в-третьих, причастность представителей новой «народной» интеллигенции к созданию очагов социальной и межнациональной напряженности.» (с. 338).

Эта интеллигенция «становилась катализатором межнациональных конфликтов» (с. 338)

Ясно, что об этих реальных целях прямо и откровенно говорить было нельзя. Нужна была идеологическая маскировка. Необходимо было выдать себя за борцов не просто даже за национальные, но и общие интересы населения республики, выставить себя в качестве противников тоталитаризма и поборников демократии. Но так как прямая критика существующего режима и открытая агитация за выход из СССР были в то время затруднительными, то понадобился враг, которого можно было бы обличать безнаказанно.

«Для идеологического обеспечения этой борьбы нужен был «враг», — пишет М.Н. Губогло. — Таким врагом был «назначен» русский язык и русификаторская политика Кремля.» (с. 251).

Как убедительно показывает он, именно с целью идейного обоснования необходимости придания языкам титульных наций статуса государственных языков во всех союзных республиках была развернута шумная публицистическая кампания против русификации и за возрождение национальных языков (с.212).

И продолжая свою линию на выявление «неязыковых», а именно политических и экономических, корней «языковых» движений,

М.Н. Губогло ставит вполне естественный вопрос: «Имел ли место такой лингвицид, когда в результате якобы целенаправленно осуществляемой Москвой политики языковой ассимиляции происходило истребление языков титульных наций, а представители этих наций отказывались от языков своей национальности в пользу русского языка?» (с. 212).

И далее автор, на основе анализа фактического материала делает в высшей степени аргументированный вывод, что в действительности «лингвицизм, проявивший себя наиболее открыто, ярко и наступательно в форме заботы за сохранность родных языков, не имел под собой сколько-нибудь реальных и объективных этноязыковых оснований. Национальное движение за законодательное огосударствление языков титульных наций вытекало не из объективной потребности пробуждения и возрождения национальных языков, как это неустанно декларировалось накануне и в ходе языковой реформы, а служило новому самоутверждению титульных наций и утверждению их монопольного права на создание национальной государственности.» (с. 214).

В последующем (напомню, что М.Н. Губогло писал об этом в 1993 г.) к выводу, что все утверждения националистов о имевшей якобы место в СССР насильственной русификации, пришли и другие исследователи. В частности большой фактический материал, полностью опровергающий этот тезис, был приведен С.В. Чешко в монографии «Распад Советского Союза. Этнополитический анализ» (М., 1996; 2-е изд. 2000) и В.И. Козловым в книге «История трагедии великого народа. Русский вопрос» (М., 1996; 2-е изд. 1997)

Но факты меньше всего интересовали поборников языковых реформ. Им нужна была власть. Именно поэтому «максимально используя доступные им средства массовой информации, они в борьбе за вход в новые номенклатурные эшелоны власти организовали активную обработку общественного мнения. Делалось это искусно, хотя и тривиальными средствами. Борьба за огосударствление языка увязывалась с борьбой за ущемленные национальные права, за восстановление справедливости, попоранной безжалостным

репрессивным аппаратом тоталитаризма. Общественное мнение легко «клюнуло» на такие доступные для понимания призывы, как внедрение «национальных» квот в управленческих, распределенческих и иных не бездоходных сферах. Инакомыслие не допускалось, а виновные в нем дискредитировались как «враги нации»» (с. 254-255)

В конце концов нужные законы были приняты. И истинные цели «языковых реформаторов» начали постепенно обнаруживаться.

«Парад языковых законов и меры, последовавшие за ним, — указывает автор, — развеяли миф о грядущем демократическом благоденствии, при котором, якобы, будет обеспечен мир народам и расцвет языкам.» (с. 211)

На огромном материале М.Н. Губогло показывает, к чему реально привели языковые реформы.

«Говорят: «власть — жизнь всласть», — пишет он. — Не зря говорят. Преобразования, проведенные под флагом языковой реформы и направленные на захват власти, еще раз подтвердили эту старую истину. Целевое огосударствление языков титульных наций стало для части новой этнократии и для мобилизованного лингвицизма двуликим знаменем. На лицевой стороне знамени, там, где вместо красного яркими красками и громкими лозунгами восстанавливались триколоры, желтоблагитные и другие, радующие лингвицистов, национальные цвета, были написаны непрекаемые слова об этноциде, устроенном большевиками, и о необходимости национального возрождения и языкового развития. Все беды и трагедии, потери, реальные и мнимые, включая безнадежно отсталую экономику, косность и узость профессионального слоя культуры, катастрофическое обмеление менталитета были списаны на антинациональную русификаторскую политику, идущую от большевистско-коммунистического Центра и иссушающую родники и почву национального бытия. В отличие от этой стороны, имеющей не только человеческое лицо, но и исторически сложившиеся предпосылки застоя в развитии национальной культуры, на обратной стороне национально-языкового знамени, как на невидимой стороне луны, угнездилась

совсем иная — деструктивная идея, идея развала империи, подрыва основ веками складывавшегося многонационального государства, идея освобождения от коммунистической монополии Центра. Именно такое двуликое знамя помогло выжить прослойке старой партократии и вывело новую прослойку этнократии на политическую арену, обеспечило им поддержку части собственного народа, спровоцировало солидарность Запада, открыто заинтересованного в развале могущественной державы, обмануло заспанную в застое номенклатуру Кремля.» (с. 223).

«Статусный язык, — подчеркивает автор в другом месте, — стал важным инструментом в политическом противостоянии, в ходе которого происходили переходы власти из одних рук в другие. Власть отбиралась у коммунистов, независимо от того, владели или не владели коммунисты статусным языком. Лицам, лишенным знания статусного языка, перекрывались каналы в кабинеты власти... Критерием включения в новые структуры власти становится не только знание статусного языка, но и обязательная этническая идентичность с носителями этого языка.» (с. 253).

Языковые реформы затронули не только номенклатуру и интеллигенцию. Их результатом была оформленная законом национальная дискриминация и тем самым раскол общества бывших союзных республик на группы людей, имеющих разные права и обязанности.

«Введение государственного языка, указывает автор, — создавало предпосылки для новой группировки людей по объему прав и обязанностей. По языковому принципу население раскалывается на тех, кто владеет государственным языком и соответственно входит в привилегированную группировку, группировку, которой открыты двери в управленческие кабинеты, и тех, что не владеет государственным языком и соответственно попадает во второе сообщество, управляемое представителями первого» (с. 257).

Мне уже приходилось писать, что под термином «национально-освободительное движения» нередко имеются в виду внешне сходные, но по существу совершенно отличные явления. Одно дело — борьба дискриминируемого этноса против национального

гнета, дискриминации. Это — подлинное национальное движение. В нем присутствует демократическое начало, которое, кстати, может потом и исчезнуть. Совершенно другое дело — борьба за привилегии для того или иного этноса, за «приоритет» титульной нации, а тем самым и за утверждение в стране режима дискриминации по этническому признаку, за изгнание или ассимиляцию представителей всех других этнических групп. Такого рода антидемократическое движение не может быть охарактеризовано как национально-освободительное. Его можно назвать квазинациональным[11]. И подавляющее число движений как в бывших союзных республиках, так и в бывших автономных республиках и областях в составе России были псевдонациональными. От этих движений прежде всего выигрывала национальная элита. Но какие-то крохи с барского стола доставалась и более широким слоям титульной нации, что и обеспечивало этим движениям более или менее массовую поддержку.

Утвердившиеся неравноправие коснулось всех слоев нетитульного населения вновь возникших государств. «Надо отдать должное лидерам, теоретикам и активистам национальных движений стран Прибалтики и Молдавии, — с сарказмом пишет автор. — Найденный ими инструмент статуса государственного языка блестяще сработал при формировании верхних эшелонов власти в бывших союзных республиках. Анализ национального состава не оставляет никаких сомнений в том, что к власти пришли представители титульной нации, а следовательно, носители государственного языка. А коль скоро появилось неравенство, неизбежно и соответствующее следствие», а именно угнетение человека человеком, эксплуатация (с. 244).

Если в СССР не было насильственной русификации, то в бывших союзных республиках (исключая, конечно, Россию), была принята на вооружение политика вытеснения или ассимиляции всех нетитульных этнических групп. В одних республиках фактически, а в других и официально были провозглашены и незамедлительно стали претворяться в жизнь лозунги типа «Грузия — для грузин», «Эстония — для эстонцев» и началась под-

линия «грузинизация», «эстонизация» и т.п. Как только бывшие союзные республики добились самостоятельности сразу же, — читаем мы в книге, — произошло «переключение от борьбы с русификацией и советизацией к борьбе за ускоренное внедрение «эстонизации», «румынизации», «грузинизации». Таковой оказалась практика и неумолимая логика мобилизованного лингвицизма» (с. 323).

Подробнее М.Н. Губогло показывает это на примере Эстонии.

«Таким образом, — пишет он, подводя итоги, — ровно через 3 года после принятия Закона ЭССР от 18 января 1989 г. «О языке» стала отчетливо проявляться одна из функций, предусмотрительно вмонтированная дальновидными реформаторами в контекст языкового закона. Речь идет о функции индигенизации, т.е. о создании в республике с помощью механизмов языкового закона таких условий, которые станут благоприятствовать последовательному сокращению русскоязычного и возрастанию доли индигенного (местного, коренного, аборигенного) населения. Тайное стало явным. Обнажились и скрытые причины новой языковой (языковой ли?) политики.» (с. 334-335).

Вполне понятно, что там, где существует закрепленное в законах неравенство людей, не может быть демократии. Как показывает автор, в результате языковых реформ в бывших союзных республиках утвердилась не демократия, а этнократия. (с. 223 и др.). В ряде мест работы он оценивает итоги мобилизованного лингвицизма еще резче, говоря об утверждении, если не во всех, то по крайней мере в некоторых бывших союзных республиках тоталитарных режимов.

«И хотя отдельные специалисты допускают, что этницизм и лингвицизм вполне могут сочетаться с демократическими реформами, на самом деле они ведут скорее к установлению новых, пусть и миниатюрных, тоталитарных режимов.» (с. 208)

Если бы сказанным выше исчерпывалось все содержание монографии М.Н. Губогло «Мобилизованный лингвицизм», то на этом можно было бы поставить точку. Но в указанной работе имеется и нечто совершенно другое, обойти которое совершенно невозможно.

Во введении к рассмотренной монографии автор предупреждает, что при изложении всех вопросов он принципиально не будет предлагать «оценочных суждений» (с. 174-175). Как видно из всего приведенного выше, автор от оценок ни «языковых реформ», ни деятельности «языковых реформаторов» отнюдь не воздерживается. И все те оценки, которые содержались в приведенных выше цитатах, были резко негативными. Но наряду с ними в работе содержатся оценки и совершенно противоположного характера — позитивные и иногда даже весьма позитивные. Может быть именно это имел ввиду автор, говоря об отказе от оценок: в математике, как известно, плюс на минус дают в сумме ноль.

«Принципиальное значение нового языкового законодательства, — говорит автор, — состоит в том, что в республиках граждане получают законные гарантии своему праву на выбор языка.» (с. 232).

«К числу позитивных достижений языковой реформы, — читаем мы на другой странице, — следует отнести тот факт, что во всех законах гарантировано равноправие языкам, независимо от каких-либо внешних, внеязыковых параметров носителей этих языков...» (с. 285).

На странице 353 нас еще раз убеждают в том, что «..подведение функционирования государственных языков под официальные законодательные нормы выводило республики из бесправного статуса и было шагом к установлению демократических норм жизнеобеспечения разноязыкового населения».

Противоречия в работе иногда не поддаются никакому объяснению. Там, где автор хвалит языковые законы за детальный учет интересов всего населения республик, он среди них особо отмечает молдавский.

«В ряду языковых законов с дифференцированным учетом интересов различных групп населения, — пишет он, — достойное место занимает и молдавский языковой закон» (с. 182).

И к чему же привел этот великолепный закон?

«...В некоторых республиках, — читаем мы через 14 страниц, — принятие законов о государственным языке послужило мощным

катализатором повышения градуса межнационального напряжения, толчком к эскалации межнациональных конфликтов. Классическим примером стала Молдова, в которой языковой закон буквально »породил« две новые республики — Гагаузскую и Приднестровскую, — ставшие в оппозиции к закону и к руководству республики. Иными словами, придание молдавскому языку статуса государственного языка послужило началом этнополитического раскола республики, началом длительного и утомительного противостояния национального большинства и национальных меньшинств» (с. 196).

И автору совершенно понятно, в чем причина этого противостояния. Вся суть этого закона заключалась в обеспечении приоритета молдавской нации.

«И эту связь, — отмечает М.Н. Губогло, — что не заметили теоретики, задавленные идеологическим прессингом, быстро заметил народ, точнее та часть населения многонациональной Молдовы, которая не относилась к молдавской нации. И пока теоретики отмалчивались, народ стал собирать силы против дискриминационных пунктов закона.» (с. 250).

А еще дальше мы узнаем, что суть закона прекрасно понимали и те теоретики, которые его разработали и добились его принятия.

«Принятые в Молдове законы о языке (языках) позволили руководителям НФМ официально декларировать идеологию приоритета прав коренной нации, что в свою очередь воспринималось немолдованами как предлог для дискриминации по национальному признаку.» (с. 342).

Примеров подобного рода противоречий можно было бы привести много. Но главный вопрос — откуда и почему они взялись. Дело, конечно, не просто в пренебрежении законами логики. Причины лежат глубже.

На мой взгляд, одна из них заключается в том, что автор в то время, когда писал монографию, еще не подобрал концептуальные ключи для понимания сущности происшедших на рубеже 80-90-х годов перемен. Это явствует из употребляемой им терминологии. Для характеристики старого порядка он постоянно использует крайне модный,

но довольно пустой термин «тоталитаризм». Другой часто употребляемый им термин — «демократия», взятый сам по себе, в отрыве от реальной обстановки, тоже мало что может дать. Суть перемен, которые происходили в перестроечные и первые послеперестроечные годы, автор видит в переходе от тоталитаризма к демократии.

Развертывалось мощное демократическое по своей сущности движение, которое, разумеется, было явлением крайне прогрессивным и поэтому заслуживало положительной и только положительной оценки. Движения под знаменем языковых реформ были неотъемлемыми и важнейшими составляющими этого безусловно позитивного процесса и тем самым должны были быть бесспорно положительным явлением. Достаточно вспомнить, как славил и приветствовали националистические движения наши «демократы» типа Е.Т. Гайдара и Г.В. Старовойтовой и как они продолжают восхвалять их до сих пор [12]. Таков был созданный «демократами» миф. Вся работа М.Н. Губогло по сути посвящена разоблачению этого мифа. Однако сам он сразу же по горячим следам так и не смог полностью преодолеть его, избавиться от него.

С этим связаны его бесконечные попытки объяснить, как «великолепные» по своему замыслу «языковые реформы», долженствующие по идее обеспечить равноправие людей, превратились в свою противоположность, привели к дискриминации по этническому признаку, превратили значительную часть населения бывших союзных республик в париев, в людей второго сорта, породили межнациональные конфликты, в ходе которых нередко лилась кровь. Автор ищет причины и в отсутствии должной теоретической разработки, и в бедности понятийного аппарата, и в неопытности людей, которые участвовали в создании языковых законов, в их промахах и ошибках, в их неумении заглянуть вперед и предвидеть последствия предпринимаемых реформ и т.п. (с. 174-175, 177, 204, 280-282, 287, 296, 370, 391, 428, 438 и др). И все это автор пишет нередко на тех же самых страницах, на которых он вскрывает и реальные корни реформ, и реальные замыслы их вдохновителей и создателей, и дальновидность этих

людей, заранее вмонтировавших в законы такие положения, которые в последующем позволили им все больше и больше закручивать гайки национального гнета.

Другая причина непоследовательности автора — тесно связанный с «демократическим» мифом еще один крайне популярный миф — миф «национального возрождения». Исходный пункт этого мифа: союзный центр вел политику, имеющую своей целью насильственную русификацию народов СССР, разрушение их национальных культур и вытеснение, а в конечном счете и уничтожение их языков. Необходимостью сейчас стало возрождение всех национальных культур, восстановление в правах национальных языков. Этот миф и сейчас господствует. На его основе создаются программы государственной деятельности как в масштабе Российской Федерации, так и её субъектов, прежде всего, национальных республик. Мало кто даже сейчас решается выступить с его разоблачением. Поэтому вряд ли удивительно, что в перестроечные годы в плену этого мифа оказался и наш автор.

Этому способствовало и его этническое происхождение. М.Н. Губогло — гагауз, представитель небольшого народа, традиционная культура которого действительно за последние десятилетия была во многом разрушена, а язык использовался в основном лишь в сфере деревенского и домашнего обихода. И перспектива была одна — аккультурация, а в последующем и ассимиляция. Обиду представителей таких народов можно понять. Можно понять и их надежду как-то сохранить самобытность своих этносов. Но вряд ли плодотворно исходить из этого в научном исследовании.

Под давлением этого мифа М.Н. Губогло, который в одном из разделов своего «Мобилизованного лингвицизма» убедительно доказал, что в СССР не было насильственной русификации, в других местах этой же работы пишет, ничем не обосновывая этого положения, об «оголтелых мерах», «с помощью которых с откровенно имперских позициях... насаждался русский язык в нерусскоязычной среде» (с. 272), о политике «насильственного насаждения русского языка» (с. 275).

По существу почти полностью обоснованию идеи национального возрождения посвящена более ранняя работа М.Н. Губогло — эссе «Энергия памяти (О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти)» (1992). Важнейшее условие восстановления «исторической памяти» и обеспечения «национального возрождения» автор видит в достижении этими народами независимости, т.е. образование самостоятельных государств. «Энергия памяти, — пишет он, — имеет двоякую форму существования: пассивную, состоящую, как дремлющий вулкан, в бездействии, и активную, пробуждающую народ из сонного состояния, вовлекающую значительные массы людей в борьбу за справедливость, за независимость, за суверенитет и за иные, свободу несущие мысли.» (с. 517). «Борьба за национальное возрождение, — читаем мы в другом месте, — стала предтечей, подтолкнула к борьбе за политическое освобождение. 1989 г., год суверенизации союзных и автономных республик, год парада деклараций о суверенитете, стал логическим завершением, а частично и решением вопросов о национальном освобождении.» (с. 578).

Тем самым автор имплицитно обосновывает и оправдывает идею распада СССР. Однако эту линию он нигде и никогда не доводит до конца. В отличие от других авторов, которые и в то время и сейчас занимались и занимаются пропагандой этих идей, М.Н. Губогло уже в данной работе указывает на связанные с этим опасности, прежде всего на разжигание антирусских настроений и вообще вражды между народами (с. 564-576, 586-601 и др.). Более того он показывает, к чему привела реализация идеи «национального возрождения»:

«Раздуваемая средствами массовой информации независимых государств антирусская истерия... создает невыносимые условия жизни, труда и отдыха. Установление законодательным путем приоритетного положения статусных наций в сфере экономики, управления, политики, культуры и быта обрекает русских на ощущение себя второсортным населением и на перспективу ассимиляции и исчезновения с этнополитической арены.» (с. 599).

Однако все это не заставляет его полно-

стью отказаться от идеи «национального возрождения». Он считает, что сама по себе эта идея чиста и свята. Беда заключается не в ней, а в отдельных ее сторонниках, которые неправильно ее толкуют, извращают ее и доводят до абсурда, которые используют ее для обоснования совершенно ошибочных действий. Как он считает, только «...там, где на почву национальной жизни попадали недоброкачественные семена, — вместо возвышения национального духа, благородного стремления вывести нацию из социально-политического и экономического тупика, произрастали ростки экстремизма, нетерпимости к иным национальностям, идеализация всего своего и очернение чужого, стремление создать себе приоритетные условия за счет других.» (с. 575-576). Лишь в таких случаях историческая «память изменяет себе и начинает играть роль катализатора в реакции межнациональных отношений.» (с. 392).

В последующей работе «Мобилизованный лингвицизм», как мы уже видели, М.Н. Губогло делает огромный шаг вперед. Повторяя кое-где прежние мысли об извращении некоторыми нехорошими людьми благородной идеи возрождения национальных культур и языков, он в то же время на основании огромного фактического материала показывает, что воинствующий национализм представляет собой не отклонение от этой идеи, а логически и неизбежно вытекает из нее. Но прямо ошибочность этой идеи он нигде не признает.

И этому есть причины и чисто теоретического характера. Одна из них — принятие идеи культурного релятивизма, т.е. равноценности всех культур. Эта идея, в основе которой лежит отрицание прогресса человечества, на мой взгляд, глубоко ошибочна. Нравится это кому-то или, наоборот, решительно не нравится, но действительно существуют культуры менее развитые и более развитые, низшие и высшие. И на этом имеет смысл задержаться.

В большинстве классовых доиндустриальных обществ сосуществовали две культуры: элитарная культура общества в целом и простонародная культура крестьянских общин. В первобытных и предклассовых обществах существовала только одна культура. Перво-

бытную, включая предклассовую, культуру и простонародную культуру классовых обществ обычно объединяют под названием традиционной культуры. С переходом к индустриальному обществу традиционная культура с неизбежностью разрушается и исчезает.

В классовых обществах идет «опускание» и трансформация ранее элитарной культуры, которая становится теперь достоянием широких масс, превращается в общенациональную. Для народов, находившихся на стадии первобытного и предклассового общества, нет никакого другого выхода кроме усвоения культуры развитых народов.

Разрушение культуры народов, которые к моменту вхождения в состав Российской империи находились на доклассовой стадии развития, было результатом не злой воли вначале имперского, а затем союзного центра, а закономерным и неизбежным процессом. Нельзя возродить ни русскую крестьянскую культуру, ни традиционные культуры других народов. Национальное возрождение невозможно и не нужно[13].

Прямо идею культурного релятивизма М.Н. Губогло нигде не отстаивает, но именно она лежит в основе его «Энергии памяти». А вот идею равноценности языков, которая является одним из компонентов культурного релятивизма он не просто принимает, но и пытается обосновать. «Если подходить к языку, — пишет он, — с точки зрения выполнения его основной функции, — быть предметом общения, — то следует признать равную ценность каждого языка для своих носителей... Что же касается разницы между языками в сроках развития письменности, уровнях разработки лексики и терминологии, то эти вопросы относятся не к степени развития языка, а к технической стороне дела, которая решается за счет экспертов, денег и технологий.» (с. 468. См. также с. 181).

Эта идея в отличии от идеи равноценности культур сейчас пользуется чуть ли не всеобщим признанием в науке. Поэтому ей следует уделить особое внимание.

Язык — несомненно важнейший элемент культуры. Если исчезновение традиционной предклассовой культуры неизбежно, то можно ли то же самое сказать о языке? Как

известно, к настоящему времени многие этносы, живущие в пределах Российской Федерации, во многом перешли на русский язык. На русском языке ведется преподавание в начальной и даже средней школе, не говоря уже о высшей. Имеются этносы, значительная или даже большая часть членов которых не знают языка, который был родным для их предков. Многие приверженцы идеи национального возрождения считают все это результатом насильственной русификации и призывают возродить родные языки, перевести на них преподавание даже в высшей школе и т.п.

Чтобы понять сущность проблемы, нужно принять во внимание, что язык (именно язык, а не речь) помимо всего прочего представляет собой кристаллизацию мышления. Существует понятийно-словесная сеть, которая в процессе социализации человека внедряется и закрепляется в коре его головного мозга и становится основой всей его мыслительной деятельности. Эта словесно-понятийная сеть в ходе эволюции человечества развивалась и совершенствовалась, а результаты этого прогресса закреплялись в языке.

Лингвистами созданы разные типологии языков, в том числе и стадияльные. И среди них имеет право на существование стадияльная типология языков, в основу которой положена степень развития человеческого мышления.

Существуют три основных стадияльных типа языков. Первый тип — языки первобытного (включая предклассовое) общества. Это — археоментальные (древнементальные, древнемышленные) языки. С возникновением цивилизации, письменности и преднаки археоментальные языки преобразуются в палеоментальные (староментальные, старомышленные). Таковы языки всех докапиталистических классовых обществ. С развитием и утверждением науки в полном смысле этого слова, что произошло в новое время в Западной Европе, палеоментальные языки трансформируются в неоментальные (новоментальные, новомышленные) языки.

Овладеть наукой можно лишь в том случае, когда человек пользуется одним из новоментальных языков. Если он владеет только староментальным языком, не говоря уже о древ-

нементальным, то наука окажется для него недоступной. Он мало что поймет или совсем ничего не поймет.

Это не значит, что существуют языки, по самой своей структуре абсолютно неспособные к выражению научных знаний. Любой древнементальный язык может в принципе превратиться в старооментальный, а любой старооментальный язык в принципе способен трансформироваться в новооментальный. Но для этого нужны определенные условия и время.

Вопреки мнению значительной части наших сверхпатриотов, которые относят начало философских и научных знаний на Руси к IX в., в действительности ни философии, ни науки в России до XVIII в. не было. И эти формы общественного сознания не возникли у нас, а были занесены из Западной Европы.

Говоря о горячей вере первого русского ученого М.В. Ломоносова в великое будущее России, у нас любят ссылаться на его слова:

*«О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Рачением вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.»*[14]

Но при этом совершенно не замечают главного: М.В. Ломоносов исходит как из несомненного факта, что в России никогда раньше не было ни философов (Платонов), ни ученых (Ньютонов). И сейчас ей приходится звать специалистов «из стран чужих» и она еще только должна доказать, что в ней могут родиться собственные философы и ученые.

Когда в XVIII в. в Россию стали проникать наука и философия, русский язык, который к тому времени около тысячи лет был языком письменным, оказался не приспособленным для выражения и изложения научных знаний и философских идей. Он был староментальным. Люди, владевшие одним лишь русским языком, были лишены возможности полноценно теоретически мыслить. И неспособ-

ность русского языка выражать новые идеи и понятия привела к тому, что образованная часть российского общества стала пользоваться двумя иностранными языками, достигшими новоментальной стадии, — немецким и французским. Потребовалось почти столет деятельности возникавшего российского научного сообщества и русской интеллектуальной, включая литературную, элиты, чтобы возникла русская научная терминология и русский язык превратился в неоментальный. И только тогда использование иностранных языков как средства общения внутри русской среды стало ненужным.

Языки многих этносов России к 1917 г. были даже не староментальными, а древнементальными. Эти этносы к данному времени не имели собственной письменности. Многие исследователи сейчас нередко говорят об имевшем в годы советской власти место вытеснении русским языком языков данных народов из многих сфер деятельности и тем самым сокращении поля их применения. Но эти люди либо сами добросовестно заблуждаются, либо намеренно вводят широкую общественность в заблуждение.

Все дело в том, что вся практическая деятельность народов, находившихся к моменту вхождения в состав России на стадии предклассового общества, была ограничена сферой быта. Никаких других не было. Соответственно их языки были приспособлены к обслуживанию только этой единственной сферы. Когда в результате последующего развития представители этих народов были втянуты в другие сферы деятельности, характерные для индустриального общества, все эти языки оказались неспособными их обслуживать.

Чтобы эти языки могли трансформироваться в нужном направлении необходимо было, во-первых, возникновение сравнительно большого круга интеллектуальной элиты, во-вторых, длительный период времени. Поэтому для немногочисленных народов трансформация их языков в новоментальные была исключена, для более крупных — крайне мало вероятна. С этим и было связано широкое распространение русского языка. Обойтись без него было совершенно невозможно.

Он единственный, который мог действовать в новых сферах деятельности, которые не могли быть обслужены традиционными языками, прежде всего в сфере науки.

Как говорит автор, в Казахстане отмечалось, что «из 50 социальных функций, которые необходимы любому языку для нормального функционирования, казахский язык реализует на практике лишь около 10 функций» (с. 419). Но это вовсе не потому, что русский язык вытеснил казахский и лишил его возможности выполнять 40 функций, а потому, что казахский язык, будучи древнементальным, с самого начала не был способен выполнять эти функции и не обрел этой способности до сих пор, а, возможно, и никогда ее не обретет.

Любая попытка потеснить, тем более вытеснить русский язык, будет иметь своим следствием регресс в деле образования и вообще во всех областях. Если попытаться преподавать, скажем, физику, на древнементальном или даже староментальном языке, то ее никто знать не будет. Все попытки реализовать программы «национального возрождения», предусматривающие перевод преподавания в средней и высшей школе с русского языка на традиционные, могут причинить представителям тех народов, культуру которых намереваются возродить, только огромный вред, ибо закроют им путь к современному образованию.

Единственная реальная перспектива: либо полное вытеснение русским языком аборигенных языков, либо двуязычие, при котором русский язык будет приобретать все большее значение.

В этой связи нельзя не отметить, что в книге М.Н. Губогло проблеме двуязычия уделяется огромное внимание. Ей полностью посвящены пять статей: «К изучению двуязычия в истории народов мира» (1977), «К изучению двуязычия в культурно-историческом аспекте» (1978), «Двуязычие у национальных меньшинств Вьетнама: факторы распространения» (1986), «Факторы и тенденции развития двуязычия русского населения, проживающего в союзных республиках» (1987), «Как два крыла в полете» (1988). К этой проблеме он обращается и в детально рассмотренной

выше монографии «Мобилизованный лингвицизм» (1993).

В этих работах, а также в вышедшей незадолго до начала перестройки книге «Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия» (М., 1984), М.Н. Губогло детально разрабатывается теория двуязычия и раскрывается огромное практическое значения этого феномена. В монографии «Мобилизованный лингвицизм» автор убедительно показывает всю несостоятельность выдвинутого фанатиками национализма для оправдания борьбы за вытеснение русского языка тезиса о пагубном влиянии двуязычия на мышление (с. 157-158, 263-264, 314-320). Особое внимание обращает автор на явление, которое получило наименование «двойного полуязычия». Такая ситуация возникает тогда, когда люди, принадлежащие к тому или иному этносу, не овладев в совершенстве языком иного народа, в то же время отказываются от своего родного языка. Именно это «двойное полуязычие», последствия которого нередко весьма печальны, часто выдаются за двуязычие (с. 319-320).

С многими положениями автора, относящимися к двуязычию, нельзя не согласиться. Однако не со всеми. Например, исходя из положения о равноценности языков он отстаивает идеи в одном случае «ситуативного», в другом «паритетного» двуязычия. (с. 129-149, 326-329, 538-540 и др.) Суть идеи «паритетного» двуязычия заключается в том, что не только нерусское население союзных и автономных республик должно владеть русским языком, но и русские, живущие в этих образованиях, обязаны знать язык титульной национальности. В этом М.Н. Губогло видит высшую справедливость.

Я не думаю, что с этим можно безоговорочно согласиться. Главный принцип подлинной демократической языковой политики, должен состоять в том, что вопрос о том, каким языком должен владеть человек, на каком языке он должен получать образование, какие языки он должен изучать, может решать только сам человек. Никто не может его обязывать знать тот или иной язык. Не должно быть никакого принуждения в этой области.

Вначале буквально несколько слов о положении в бывших союзных республиках, ставших независимыми государствами. Прежде всего заметим, что возведение в большинстве этих стран в закон знания государственного языка, является мерой антидемократической. А применение административных мер, имеющих целью насаждение государственного языка и вытеснение русского языка красноречиво свидетельствует об отсутствии в недалеком прошлом этих республик насильственной русификации. В противном случае никакой нужды насильственно вытеснять русский язык не было бы. С достижением республикой независимости и прекращением навязывания русского языка он сам по себе утратил бы свои позиции. Упорная борьба с русским языком при помощи государственного аппарата помимо всего прочего означает, что титульный язык не способен выдержать свободной конкуренции с русским языком. По существу это означает молчаливое признание неравноценности русского и государственного языков, точнее большей ценности первого языка по сравнению со вторым.

Теперь о положении в национальных республиках в составе Российской Федерации. Ни один из языков их титульных народов не является новоментальным. Поэтому принуждать нерусское население этих республик административными мерами изучать русский язык нет никакой нужды. К этому принуждает сама жизнь. Без русского языка обойтись невозможно.

Но жизненные условия не делают необходимым для русских, проживающих в этих республиках, знание языка титульной национальности. Он им просто не нужен. И поэтому добровольно они этот язык никогда изучать не будут. Таким образом обеспечение «паритетного» двуязычия в этих республиках с неизбежностью предполагает применения административных мер, т.е. использование той или иной формы насилия. Но сразу же нужно сказать, что и насилие тут не поможет: титульный язык все равно знать не будут. «Паритетное» двуязычие в национальных образованиях Российской Федерации практически невозможно. Декларировать его, подобно тому, как это делает М.Н. Губогло, можно, но

ратовать за него не имеет никакого смысла.

Нередко миф о «национальном возрождении» толкуют как чисто оборонительный. Люди просто стараются обосновать необходимость защиты своей культуры и языка. На самом деле этот миф всегда является обоснованием и оправданием агрессии. Его ревнителю никогда не ограничиваются заботой о своем языке. Осуждая якобы имевшее место навязывание русского языка, они одновременно настаивали на необходимости принудить все население республики знать язык титульного народа. И хуже всего при этом приходилось представителям последнего. Русских детей в самом худшем случае заставляли изучать титульный язык, но не получать на нем образование. Детей же титульного этноса нередко пытались принудить учиться в школах, где преподавание велось на языке этого народа. Это сразу же встретило сопротивление со стороны титульного населения, большая часть которого упорно желала, чтобы их дети получали образование на русском языке. На многих научных конференциях мне приходилось слушать жалобы поборников «национального возрождения» на неблагодарность своего народа, упорно не желающего «возродиться».

Желание во чтобы то ни стало навязать титульный язык как титульному, так и нетитульному населению национальных республик,

стало *idea fixe* некоторых представителей национальной интеллигенции. Во время второго конгресса этнографов и антропологов, происходившего в 1997 г. в Уфе, мне дважды (на пленарном заседании и в более узком кругу) пришлось выслушать горячее, взволнованное выступление президента АН Башкирии, кстати по специальности не гуманитария, а физика, суть которого заключалась в том, что все население Башкирии без малейшего исключения должно усвоить башкирский язык. Большой заботы у него не было. И это при том, что по переписи 1989 г. башкиры составляли всего лишь 21,9 % населения республики. Язык меньшинства должен быть навязан большинству. Но самое интересное, что на том же самом конгрессе уфимским этнографом Ф.Г. Сафиним был приведен данные опроса, согласно которому лишь 8,1% башкир выразили желание, чтобы их дети обучались в школе только на башкирском языке [15].

О книге М.Н. Губогло и о поднятых в ней проблемах можно было бы продолжать и говорить, и спорить. Но и сказанного достаточно, чтобы оценить ее значение. Помимо всего прочего она свидетельствует о том, как труден путь становления каждой новой научной дисциплины. Этнополитология в этом отношении не представляет исключения.

Опубликовано в сборнике «Философия — Культура — Философия культуры: Сборник трудов кафедры философии и гуманитарных дисциплин» (М., 2004). С.

ДВУГЛАВЫЙ ОРЁЛ НЕ МОЖЕТ ЛЕТАТЬ

С ОДНИМ КРЫЛОМ

Интервью Председателя Комитета Госдумы Российской Федерации по делам национальностей Ткачёва А.Н. в связи с выходом в свет книги эксперта Госдумы М.Н. Губогло «Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. Москва, ИЭАРАН. 2000, 512с.

- Александр Николаевич, возглавляемый Вами думский комитет с декабря 1998 года лоббирует принятие федерального закона «Об Уполномоченном Федерального Собрания Российской Федерации». Введение этого института не просто назрело, а уже давно стало насущной необходимостью. Поэтому скорее уместен вопрос: отчего на протяжении столь долгого времени депутатам профильного комитета не удаётся поставить законопроект в повестку сессии?

- Разработка каждого проекта закона имеет свою историю, а в такой тонкой сфере, как государственная национальная политика, необходима особая аккуратность и взвешенность. Здесь трудно определить фактор времени. Например, понятие «национально-культурная автономия» на протяжении целого столетия было мишенью жарких споров меньшевиков, большевиков, коммунистов, советских учё-

ных... И только в 1996 году его узаконили федеральным законом «О национально-культурной автономии».

Работа над проектом федерального закона «Об Уполномоченном Федерального Собрания Российской Федерации по правам народов Российской Федерации» ведётся системно и последовательно. В Комитете по делам национальностей вместе с представителями субъектов Федерации и учёными мы провели два «круглых стола». В результате этих обсуждений мы убедились в том, что идём по правильному пути и России нужен Уполномоченный по правам народов. 19 декабря планируем провести парламентские слушания по этому вопросу и далее продвигать законопроект согласно регламенту Государственной Думы. Поэтому я не вижу здесь причины говорить о «затягивании».

Вызовы модернизации и цивилизованного развития многонационального государства и построение подлинных, а не мнимых федеративных отношений дают моральное право России перед лицом мирового сообщества взяться за разработку нового закона, которому нет пока аналога в мировой практике. Ведь у нас институт по правам народов будет функционировать наряду с институтом по правам человека. А в международной практике такого разграничения нет.

- Рамки полномочий будущего главного «национального правозащитника», или, применяя западную терминологию, «этнического омбудсмана», к сожалению, ограничены консультативными функциями. Как Вы считаете, не повлечёт ли отсутствие директивных полномочий к тому, что будущего Уполномоченного по правам народов власти попросту не будут принимать всерьёз?

- В стране на федеральном уровне действуют уже 11 НКА, хотя соответствующий закон существует только четвертый год. В этом законе ещё много открытых вопросов, особенно по вопросам взаимодействия НКА с государственными органами. Институт Уполномоченного сможет осуществлять парламентский контроль за соблюдением законных прав и интересов этнических граждан, их общественных объединений, а также степени их представленности в деятельности органов исполнительной власти. Во всяком случае, в наш Комитет по данной проблеме поступает много писем и обращений. Например, в выступлениях участников парламентских слушаний 21 сентября на тему «О состоянии организационной работы по восстановлению экономики, социальной сферы, соблюдения прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике», прозвучали многие претензии, которые вполне мог бы снимать или учреждать Уполномоченный по правам народов.

Особое внимание будет направлено на предупреждение возникновения и развития межэтнических конфликтов на их начальной стадии. Институт Уполномоченного по правам

народов, который планируется утвердить в качестве межфракционной межкомитетской структуры, будет рассматривать «этнически окрашенные» жалобы на чиновников из органов государственной власти и управления, если последние будут уличены в этнической дискриминации или блокировании её преодоления.

Ниша канувшей в Лету Палаты Национальностей осталась открытой. Россия – поликультурное многонациональное государство, и она исторически является гарантом защиты разных культур и религий. Особо хотел бы акцентировать внимание на том, что наш проект закона не направлен лишь на защиту интересов национальных меньшинств, как полагают отдельные коллеги. Речь идёт о защите интересов всех народов, этнических общностей, этнических групп, в том числе русского народа, его самобытной культуры, русского языка, выступающего в триедином качестве: как национального языка русского народа, как государственного языка РФ и как языка межнационального общения.

- В этих условиях особое значение приобретает выбор кандидатуры на пост Уполномоченного по правам народов. Видите ли Вы уже наиболее достойного кандидата на эту должность и какими мотивами Вы бы при этом руководствовались?

- Это депутат Государственной Думы, а не бюрократическая фигура, которая избирается сроком на 4 года большинством голосов. А что это должен быть уважаемый человек, яркая личность, авторитетный, харизматичный политик – несомненно.

Поле его деятельности, безусловно, многогранно. Возьмём федеральные законы «О гарантиях правовых коренных малочисленных народов» и «Об общих принципах организации общин народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Разве это не сфера деятельности Уполномоченного? В своих ежегодных докладах (а это заложено в законопроекте) он будет вносить перечень кодифицированных законов, которые помогали бы каждому народу удовлетворять свои национальные, культурные и социально-экономические потребности. Незнание

специфики и проблем государственной национальной политики порой становится причиной нечаянного или намеренного искажения проблем национального развития в СМИ. Уполномоченный обязан в таких случаях содействовать привлечению к ответственности виновных за разжигание национальной розни или ущемление прав по этническому признаку.

Разве это только консультативные функции? Что касается директивных полномочий, то деятельность данного института внутри Федерального Собрания даёт депутату Государственной Думы, а мы такую норму статуса Уполномоченного закладываем, право уже по своему положению находить формы воздействия, в том числе путём обращения в Генпрокуратуру и другие инстанции.

- Институт «этнических омбудсменов» уже давно с успехом действует в нескольких зарубежных странах. Наверняка этот опыт был изучен и применён при разработке данного законопроекта. Назовите самые, по Вашему мнению, успешные примеры решения национальной проблемы на государственном уровне. В чём проявляется российская специфика?

- Институт «этнических (национальных) омбудсменов» действует в 90 странах мира. Главное внимание этих институтов сосредоточено на защите прав и свобод человека и гражданина, хоть есть исключения из правил. Например, в Венгрии параллельно с институтом Уполномоченного по гражданским правам на основании тех же законодательных норм действует институт Уполномоченного Государственного Собрания по правам национальных и этнических меньшинств.

В каждой стране имеются свои особенности во взаимоотношениях государства, общества, народов и личности. Но есть одно общее правило. В стране, где соблюдаются правовые основы защиты своих граждан и создания экономических и социальных условий для жизнедеятельности общества, меньше всего провоцируются межэтнические конфликты. А такие общечеловеческие проблемы, как сохранение языка, культуры и самобытности каждого этноса, существуют везде, и

потому существуют проблемы национально-культурного развития этнических общностей.

- Иногда высказывается точка зрения, согласно которой Уполномоченный по правам народов просто должен быть одним из заместителей Уполномоченного по правам человека. Иначе говоря, он будет ответственным за одно из ряда структурных подразделений общей правозащитной деятельности, которая целиком замкнётся на главном «правозащитнике» страны. Согласны ли Вы с этим подходом?

- Нет, не согласен. Такая точка зрения также была предметом обсуждения. Права человека – одно из наиболее часто употребляемых словосочетаний в современном политическом лексиконе. Что касается прав народов, то здесь не достигнута полная ясность, прежде всего в силу того, что юристы не могут выработать критерии определения народа как субъекта права. Я согласен – это очень трудная задача.

Легитимизируя понятие «права народов», мы стремимся, чтобы данный институт Уполномоченного функционировал вместе, рядом с Уполномоченным по правам человека, дополняя друг друга. Не случайно на днях изданная книга, аргументировано обосновывая необходимость института Уполномоченного по правам народов РФ, начинается с названия «Может ли двуглавый орёл летать с одним крылом?» и заканчивается убедительным ответом: «Нет, не может!». Согласимся с её автором, экспертом Комитета ГД по делам национальностей в том, что на это не способна даже такая гордая и сильная птица, как орёл. Кто хоть немного знаком с историей России, тот хорошо понимает, что нельзя всю демократию свести исключительно к правам человека, забывая о том, что наша страна состоит из множества народов, без соблюдения прав которых на сохранение и развитие их самобытности не может быть и речи о реальной демократии.

Вы видите, какие споры идут сегодня вокруг музыки и слов национального гимна. Но мало кому приходит в голову оспаривать герб России с двунлавым орлом. Двуглавость на гербе означает усиление изначальных

качеств, которыми обладает символ страны. Поэтому смысл вышеупомянутого названия книги, содержащей размышления об Уполномоченном по правам народов, состоит в том, что права народов не конкурируют с правами и свободами человека, а дополняют и усиливают их. Множество народов России – это не признак и тем более не причина её слабости, а фактор и основа её силы и уверенности в себе и своём будущем.

История развития России как многонационального государства показывает, что страны в большинстве своём присоединились к ней на добровольной основе. Более того, как бы ни меняли и ни трактовали историю русского государства, оно было, есть и будет, в этом я просто уверен, притяжением для народов, исторически обречённых (в хорошем смысле слова) жить вместе.

- За то время, что Вы занимаетесь «национальным вопросом» как Председатель Комитета Государственной Думы по делам национальностей, Вы уже наверняка столкнулись с острыми проблемами. Прокомментируйте, пожалуйста, те из них, с которыми в первую очередь столкнётся будущий Уполномоченный по правам народов.

- Прежде всего хотелось бы сказать, что институт Уполномоченного необходим законодателям как межфракционная, межкомитетская структура. Для чего он нужен именно в таком статусе? Депутаты Государственной Думы постоянно сталкиваются с проблемами урегулирования межэтнических конфликтов. Как правило, в работе такого рода конфликтов принимают участие депутаты от всех комитетов и комиссий, но эта работа не носит системного, упреждающего характера. Обычно каждую Комиссию создают вслед уходящему поезду. А работа Комиссий по содействию нормализации общественно-политической и социально-экономической обстановки и соблюдению прав человека

в Чеченской Республике, председателем которой я являюсь, показала, что очень важно при любых действиях знать особенности и тонкости традиций и обычаев народов. Более того, необходимо разрабатывать в целом государственную стратегию национальной политики с учётом исторической обусловленности национально-культурного развития того или иного народа.

Данный институт должен чувствовать пульс общественного мнения и поддерживать веру общества в конституционность и законность федерального управления. В этом плане предлагаемый нами закон не имеет «прямых» аналогов, хотя, как я уже говорил, имеются подобные институты по защите коллективных прав, например, прав национальных меньшинств. Повторюсь, мы в этом отношении – первые. Приветствую Ваш интерес к нашему проекту и надеюсь, что я в общих чертах определил проблемы сохранения «единства в многообразии».

- Одним из самых многонациональных регионов Российской Федерации является Ваш родной Краснодарский край. Желая Вам успеха на предстоящих выборах главы администрации края, хотелось бы услышать Ваше мнение по поводу возникающих там время от времени межнациональных проблем и Ваши предложения по их разрешению.

- Спасибо за доброе пожелание. Мой родной край соцветием народов, можно сказать, представляет в миниатюре всю многонациональную Россию, а значит, порождает все те проблемы, которые есть сегодня у нас с вами. Но скажу одно, уже как хозяйственник, представляющий ещё и Агропромышленную депутатскую группу Государственной Думы: там, где есть работа, где люди могут комфортно и благополучно жить, лишние проблемы уходят сами собой. Будет хлеб, как говорится, будет и песня. А на Кубани можно услышать мелодии песен на 122 языках.

Интервью было подготовлено в аппарате Комитета Госдумы РФ по делам национальностей. Беседовал Игорь Мусаханов

М.М.ФОРМУЗАЛ

РЫЦАРЬ РОМАНТИКИ

*Предисловие к книге М.Н.Губогло
Словохи прошлого. Автобиографические заметки.
Кишинев, Tipografia Centrala, 2008, 560 с.*

Новая книга нашего земляка, Почетного гражданина Гагаузии Михаила Губогло увлекает, завораживает, вдохновляет. Она излучает радость, настраивает на оптимизм, хотя и порой напоминает о том, что в жизни автора возникал свет в конце репрессивного туннеля.

До сих пор читатели с жадностью набрасывались на его новаторские произведения, посвященные различным формам идентичностей: этнической и гражданской, региональной и религиозной, гендерной и когортной. В незаурядной книге воспоминаний «Встречи с прошлым» речь идет об идентичности его Величества – Времени. Без риска ошибиться можно предсказать, что «Автобиографические заметки» станут настольной книгой тех наших соотечественников, кого волнуют исторические пути- траектории гагаузского народа, отраженные в судьбе его одаренных инициативных сыновей и дочерей, внесших значительный вклад в дело становления Гага-

узии, как государственности гагаузского народа.

Цепкая память автора, общепризнанного романтика, неутомимого трудоголика, человека влюбленного в жизнь во всех ее формальных и неформальных проявлениях, сохранила для последующих поколений те значимые события из реки по имени факт, о которых мало кто мог бы поведать с такой пронзительной пронизательностью и отточенным профессионализмом .

В руках у читателя многоплановое и многокрасочное произведение . Трудно однозначно определить его жанр: воспетые в книги детство и юность автора - это несомненная художественная удача мемуариста, обладающего огромным запасом жизненных впечатлений; высокая чувствительность к социальным переменам- это как признак серьезного аналитического размышления о времени и своем поколении; стойко перенесенные удары судьбы – показатель хирургического вмеша-

тельства во власть внешней среды; беллетризованные очерки о ключевых принципах «Грамматики жизни» у себя на малой Родине и на иноэтничной чужбине несут в себе несомненный дар бытописания, как и требует того основная профессия этнолога- характеристики культуры, быта и нравов народов.

Все перечисленные ипостаси, в которых слиты воедино стихи и проза, песни и живопись, имеют единое структурно-стилевое оформление. Каждый из более чем десятка очерков, особенно поразительная переписка с любимой учительницей истории, в том числе письма, написанные в середине первого постсоветского десятилетия, напоенные горечью от развала могущественной державы, могли бы легко обернуться киносценарием, стать сюжетами повестей и романов, или текстами для сценического исполнения. Однако, главное значение книги, смею думать состоит в другом. Она как маяк, послужит надежным ориентиром для нового направления в молодой, но уверенно набирающей обороты гагаузской художественной литературы. За удивительно короткий, по историческим меркам, срок художественная литература гагаузов, как возрожденного из небытия народа, прошла форсированным маршем путь от стихов к прозе, от бытовых очерков к научным фолиантам.

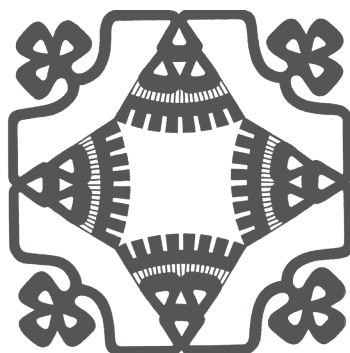
Сейчас перед социально зреющей культурой Гагаузии – новая высота - мемуаристика. «Автобиографические затеси» - это проторенная лыжня, подобно скоростному пуску, изображенному на одной из юношеских фотографий автора книги. Творческий потенциал гагаузских деятелей искусства вполне готов к овладению этой высотой. Книга задает не только ориентир. Она зазывно ведет к новым вершинам. В этом ее исторический смысл, духовное предназначение и нравственный урок.

Хронологические рамки воспоминаний, назовем их первым томом, ограничены, как указывает сам автор, его доисторическим детством, то есть временем до депортации 1949 года его семьи в Сибирь и его юности, включая получение аттестат зрелости, по окончании Каргапольской средней школы.

Из чрезмерной скромности автор не присваивает книге порядковый номер, но мы, читатели, надеемся, что последующие «Этносоциологические затеси» в том числе о пребывании в стенах МГУ- как одного из лучших университетов мира и далее о работе в системе Академии наук Советского Союза и Российской Академии Наук будут не менее интересными.

Остается пожелать автору сил, здоровья и вдохновения воплотить в жизнь нашу мечту.

Впервые опубликовано в книге: М.Н.Губогло. Сподохи прошлого: Автобиографические затеси, Кишинев, 2008, с. 5-7

ГРОСУЛ В.Я.

СУДЬБА ОДНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ НАЦИИ

*Рецензия на книгу «МОЛДАВАНЕ»
Ответ. Ред М.Н.Губогло, В.А.Дергачев,
Москва, Наука, 2010, 542 с*

В 1977 г. в Кишиневе вышла книга «Молдаване», подготовленная сотрудниками Академии наук Молдавской республики и посвященная проблемам истории, этнографии, искусствоведения молдавского народа. Прошло 33 года и заинтересованный читатель получил возможность познакомиться с новой монографией на эту же тему, вышедшей уже в Москве в серии « Народы и культуры ». Ее соавторами стали прежде всего кишиневские обществоведы, а также и московские авторы. Есть среди них и несколько исследователей принимавших также участие в написании первой книги, что сохранило некоторую преемственность между двумя работами. Наличие специальной серии, основанной почти двадцать лет тому назад, предполагало раннее или позднее издание новой книги о молдаванах, но, конечно, треть века привела к накоплению дополнительного исследовательского материала, а бурные события последних десятилетий поставили новые научные задачи,

ибо в 1977 г. никто даже бы и не подумал о том, что может быть написана специальная глава о постсоветских этнических процессах, представленная в новом издании.

По сравнению с первой книгой заметно большее внимание уделяется вопросам национального самосознания и, вообще, этнической истории, что прослеживается не только по специальным главам, но и по многим другим разделам книги. Естественно, любая этническая история начинается с проблем этногенеза и данная книга не является исключением. Впрочем, за треть века прошедших с издания первой книги не заметны какие - либо заметные подвижки в этом отношении. Сохранился основной корпус письменных, да и археологических источников, в строю остались и три основные концепции этногенеза восточных романцев - автохтонная, миграционная и адмиграционная. В главе под названием « От волохов к молдаванам » пишется о том, что на оккупированной римлянами тер-

ритории в Трансильвании даки были почти полностью истреблены (с. 43). В этой связи мы еще раз должны вернуться к тезису о романизованных даках. Тезис этот имел многих последователей, но необходимо признать, что в действительности о романизованных даках мы почти ничего не знаем. Древний автор Евтропий, писавший в IV в., подчеркивал отсутствие в Дакии после ее завоевания Траяном мужчин и поселение в этих местах для их хозяйственного освоения колонистов из различных провинций Римской империи. Легионы Траяна, как известно, набирались в Иберии (Испании), а в сочетании с легионерами переселенцы из различных регионов создали здесь этнический плавильный котел, в котором дакийский элемент, видимо, играл незначительную роль. Таким образом тезис о молдаванах как потомках романизованных даков не может считаться научно доказанным. Романизации подверглись различные этносы и кто из них доминировал в районах на Север от Дуная пока мы не знаем. Возможно это удастся установить в процессе дополнительных антропологических исследований, а, скорее всего, генетикам и биохимикам. Определенные шаги в этом направлении имеются и в данной монографии, где помещен краткий, но весьма насыщенный параграф под названием антропологические данные (с. 15 — 18) и подводятся итог антропологическим и молекулярно - генетическим исследованиям.

По вопросу же того, осталось ли здесь романизованное население после вывода в конце III в. римской администрации и римской армии автор соответствующей главы считает более приемлемой концепцию изложенную в работах Д.Ончула, Ал. Филиппиде и В. Шишмарева (с. 48). По - видимому после ухода официального Рима из римской Дакии какое - то часть романизованного населения оставалась, но тогда почему в его языке нет ни одного готского слова, хотя готы здесь находились почти столько же, сколько и римляне? Почему несколько веков в источниках ничего об этом населении не говорилось? столь богато как молдавское. Как известно, молдавским летописям предшествовали славяно - молдавские. Славяно - валашских летописей нет, во всяком случае они не сохранились. Валашские

летописи в этой книге используются как один из источников по этнической истории молдаван. Молдаване в этих летописях упоминаются неоднократно и, например, в летописи К. Кантакузино отмечается, что на вопрос «Кто такие ? » валахи и арделяне (трансильванцы) отвечают - «румыны», «а молдаване отличаются тем, что отвечают: молдован» (с. 27). Это отражение этнической ситуации конца XVII - начала XVIII вв. Здесь же приводятся слова современного румынского историка Л. Боя, писавшего в 1997 г.: «Термин « румын » широко распространяется с первой половины XIX века, но далеко за серединой этого века не смог передвинуть на второй план название молдаван » (с.28).

Специальный параграф монографии посвящен происхождению этнонима «молдаване ». Вопрос этот не новый, он неоднократно поднимался в литературе, что привело к появлению ряда теорий, ни одна из которых не получила всеобщее признание. Как пишется в книге, « зарождение молдавского этнического самосознания, этнонима молдовень - результат последовательных многоступенчатых этнических трансформаций: романизация даков; становление восточных романцев (волохов); ассимиляция ими потомков свободных даков Карпато - Днестровских земель; симбиоз восточнокарпатских романцев с восточными славянами (русинами)» (с. 51). Таковы этапы и компоненты молдавского этноса, которые подаются в этой книге. Вместе с тем, они не являются общепризнанными и отражают мнение авторов данного издания. О романизации даков мы уже говорили, о ней мы почти ничего не знаем, и после заселения римской Дакии здесь перемешались самые различные этнические элементы, то - есть романизованные слои из ряда римских провинций, среди которых даки по - видимому были в меньшинстве. Их слияние с уже романизованным населением это большой вопрос. Что касается смешения восточных романцев с вольными даками обитавшими за пределами римской Дакии то это вопрос еще более значительный. Не решен и вопрос о постоянном проживании романизованного населения на север от Дуная. Поэтому не исключено, что предки молдаван пришли из районов на юг от

этой реки и были они не романизованными фракийцами (даками), а романизованными иллирийцами. Но эта концепция в книге не получила своего отражения, хотя имеет свое право на существование.

Вместе с тем, авторы книги имеют полное основание для присоединения к мнениям тех исследователей, которые утверждают, что самые древние письменные бесспорные свидетельства о стране молдавской включены в документы королевства Венгрии, первое из них относится к 20 марта 1360 г. - terra Moldavanae (Moldauana) и от 2 февраля 1365 г. - terra Moldvana (Molduana) (с. 52).

Для работ подобного рода вполне естественно обращение к проблемам национального языка. Они тесно связаны с этнической историей. Здесь специально изучается происхождение и строение молдавского языка, письменность на этом языке, языковая жизнь молдаван в постсоветский период. Подчеркиваются особенности этого языка по сравнению с языком валахов, показываются языковые связи молдаван с восточными славянами, с которыми валахи не могли иметь массовые контакты. В книге подчеркивается более древнее существование плетонима лимба молдовеняскэ (молдавский язык) чем термин румынский язык, более богатая молдавская литература XVII - XVIII вв. чем литература валахов (с. 90). Самым тесным образом с этим вопросом связан и параграф под названием «Письменные источники», где подробно изучаются славяно - молдавские летописи и летописи на молдавском языке. Изучаются они прежде всего с точки зрения этнической истории молдаван, что раньше почти не находило своего отражения. В книге прямо пишется: «Первой письменной этнической историей молдаван следует признать «Сказание вкратце о молдавских господарях отколе начася Молдавская земля в лето 1359 г.» или по другому - «Молдавско - русская летопись», 1359 - 1504 гг. (с. 21).

Как известно, языковые проблемы в Молдавии носят не столько лингвистический характер, сколько политический и в книге показываются бурные дебаты на этот счет, которые вспыхнули в конце 80-х гг. XX в. Значительное место они заняли в уже упоминавшейся главе

посвященной постсоветским этнополитическим процессам. Это был период активного наступления на молдавское самосознание, возобновления борьбы между молдавофилами и румынофилами, которая в советский период почти полностью заглохла и с новой силой проявилась прежде всего в связи со столкновениями по поводу известных языковых законов 1989 г. Уже в начале книги отмечается противоборство двух господствующих сегодня в Молдавии идеологий - молдовенизма, утверждающего самобытность и самостоятельность молдавского народа, и румынизма, сторонники которого отказывают молдаванам в праве считаться самостоятельным народом (с. 10). Эта глава вводит читателя в современные события и показывает в каких условиях все - таки удалось отстоять молдавскую государственность.

В этой главе характеризуются исторические процессы характерные для тех молдаван, которые оказались в составе России. Эти процессы оцениваются как позитивные поскольку сохраняли молдавскую идентичность, не позволяли уничтожить молдавское самосознание, способствовали экономическому и культурному прогрессу. Они положили конец турецким и татарским набегам. Как отмечается в книге, на протяжении XVIII в. ногайцы, обычно при поддержке крымских татар, предприняли не менее семи крупных грабительских акций, опустошая территорию Молдавского княжества (с. 62). Это только крупных акций, а мелкие набеги были постоянным явлением, препятствуя нормальному развитию княжества в целом и, особенно, районам в междуречье Прута и Днестра. Вхождение в состав России положило конец этим набегам, а также многочисленным войнам, которые шли в этом регионе.

Кстати, следовало бы подчеркнуть, что накануне русско - турецкой войны 1806 - 1812 гг. в состав Молдавского княжества входила уже меньшая часть междуречья, тогда как большая ее часть подчинялась турецким пашам и ногайским ханам. Вообще существовала угроза, что все эти земли будут превращены в османский пашалык. Бухарестский мир 1812 г. положил конец этим устремлениям и привел к созданию новой исторической общ-

ности - Бессарабской области, где была уничтожено существовавшее прежде территориальное размежевание. Это в свою очередь привело к заметному росту числа молдаван в составе России, численность которых по переписи 1897 г. составила 1135, 9 тыс. человек. (с. 69). Как отмечается в книге, сразу после присоединения этих земель к России в качестве официальных языков здесь были установлены в законодательном порядке русский и молдавский языки. Они были подтверждены и специальным «Уставом образования Бессарабской области» от 29 апреля 1818 г., не без основания называемым в книге первой конституцией Восточной Молдавии (с. 94). К сожалению, в книге не нашло специального отражения молдавское движение в Запрутской Молдове с 1812 по 1859 г., то есть не показана судьба молдаван западной части Молдавского княжества.

Возвращаясь к главе по проблемам постсоветских этнополитических процессов, следует отметить, что в ней главным вопросом национального движения молдаван признается языковое строительство, причем 60 - 80 - е годы XX в. признаются « самым продуктивным периодом всей молдавской истории » (с. 138). Так вот, после этого «самого продуктивного периода», при том, что, как отмечается в книге, до конца 1980 - х годов молдавских националистических организаций с фиксированным членством и политическими программами не возникло (с. с. 140 - 141), почему-то проявляется в Молдавии течение румынистов. При этом в книге подчеркивается, что «в перспективе конфликт двух национальных идеологий был неизбежен» (с. 141). Он был неизбежен в тех условиях, когда после 1985 г. была поставлена задача смены общественного строя и сторонники капитализации страны видели в националистических движениях силы, которые должны были и нанесли удар по советскому устройству. Местное националистическое движение никогда бы не получило широкого размаха если бы не пришла поддержка из центра, то - есть из Москвы, и хорошо известно, что ему содействовали не только А.Н. Яковлев, но и сам М.С. Горбачев. Чем дальше, тем больше стала заметна поддержка, которую оказали националистам и

из-за рубежа. Как и в других регионах СССР постепенно все более критический характер стали носить средства массовой информации. Они стали эксплуатировать экологические затруднения, сложные вопросы исторического прошлого, но особенно частыми стали выступления по языковым проблемам.

В книге подробно показано как борьба вокруг языковых проблем, которые во многом были надуманными, привела к расколу республики и появлению приднестровского движения. Сторонники молдавской идентичности отстаивали право на свое самоназвание, на сохранение лингвонима молдавский язык, вообще, на сохранение своей, молдавской государственности. Отдельный параграф книги носит название «Движение молдавистов и создание Приднестровской Молдавской Республики». В нем читатель может почерпнуть конкретные факты о том, как возникло молдавское движение, точнее будет сказано, возродилось, и как возникла Приднестровская Молдавская Республика. Как пишется в монографии, « события подтвердили приверженность молдаван Приднестровья молдавским национальным ценностям и традиции корректных межэтнических отношений » (с. 164). Во время местных референдумов 1989 - 1990 гг. около 90% приднестровцев высказались за придание официального статуса в регионе наряду с молдавским также русскому языку и за создание региональной государственности, за использование русского гражданского шрифта и против румынского триколора. В таких условиях 2 сентября 1990 г. депутаты Советов всех уровней провозгласили на своем съезде в Тирасполе создание Приднестровской Молдавской АССР.

Примечательно, что если в молдавских районах междуречья Прута и Днестра Референдум 17 марта 1991 г. в значительной степени был сорван, хотя и там определенная часть населения вопреки властям в нем приняла участие, то по - другому дело обстояло в Приднестровье. В Референдуме по поводу сохранения СССР там приняли участие 84% граждан, занесенных в списки для голосования, из них 98% высказались за сохранение СССР. Можно не сомневаться, что если бы молдавские власти не сорвали проведение Ре-

ферендума в других районах республики, то и там большинство населения проголосовало бы за сохранение СССР. Но даже в таких сложных условиях в Референдуме приняли участие 947 тыс. человек, то - есть более 50% граждан, участвующих в свободных выборах. В действительности же националисты Молдавии внесли свой вклад в разрушение союзной державы.

Однако молдавскую государственность удалось сохранить, как пишется в книге, «румынский национальный проект стался чужд молдаванам... Вопреки усилиям румынистов, молдавские традиционалисты сохранили преемственность молдавской государственности» (с. 166). Самые крупные молдавские политические партии постсоветского периода - Аграрно - демократическая, Социалистическая, а затем и ПКРМ были партиями промолдавской ориентации, что позволило сохранить республику и внести специальный пункт в Конституцию, по которому официальным языком был признан молдавский язык, а русский по - существу провозглашен языком межнационального общения, то - есть он по - существу провозглашался официальным. Однако борьба на культурном фронте продолжалась и противная сторона добилась издания учебников по языку и литературе, а также по истории и географии явно антимолдавского плана. Как пишется в книге «новое поколение утрачивает традиционное наименование родного языка. Согласно переписи 2004 г. немногим более 480 тыс. молдаван назвали родной язык румынским» (с. 176). Несмотря на это за объединение Молдавии с Румынией в 1999 г. высказалось по социологическому опросу лишь 2,2 % опрошенных. Примечательно, что примерно такой же процент населения республики назвал себя румынами.

Значительное место в рецензируемой монографии занимает повседневная жизнь молдавского народа - среда обитания, традиционные занятия, профессиональная культура и т.д. Характеризуя нахождение молдаван в составе Советского Союза, авторы подчеркивают, что «трудно не согласиться с тем, что оно коренным образом сказалось на социально - экономическом и культурном облике молдаван, их отраслевой и социально - профессиональной

структуре» (с. 335). Еще одним разделом, который отсутствует в монографии 1977 г. является параграф под названием «Эволюция соционормативной культуры», где основное внимание уделяется молдавскому обычному праву. Там совершенно справедливо подчеркивается, что в Молдавии до 40 - х гг. XVIII в. в правовой жизни значительную роль играли «обычаи земли» - по - молдавски обичеюл пэмынтулуй. Этим правом регулировался и ряд уголовных и процессуальных правоотношений. Игравшее существенную роль в эпоху средних веков оно постепенно теряет свое значение и в уголовном процессе в XIX в. полностью вытесняется общеимперским уголовным законодательством и только в гражданских делах могли использоваться нормы обычного права. В книге показываются особенности молдавского обычного права в области собственности, наследства, регулирования вопросов семейно - брачных отношений, завещаний и т.д. Их рассмотрение показывает своеобразие молдавских обычаев, свидетельствует о национальной культуре повседневности.

К числу разделов отсутствовавших в монографии 1977 г. можно отнести и специальный параграф носящий название «Православие в истории Молдавии» (там были параграфы «Религиозные верования» и «Преодоление религиозных пережитков»), где дается краткая история молдавской церкви. Создание молдавской митрополии относится еще к концу XIV в. и она насчитывает многостолетнюю самостоятельную историю. Молдавские иерархи сами избирали митрополитов и это была одна из особенностей молдавской церкви. Молдавских митрополитов утверждали не патриархи, а господари. После 1812 г., когда территория между Прутом и Днестром вошла в состав России, создается митрополия Кишиневская и Хотинская, ставшая частью русской православной церкви. В нее вошли также приходы, которые подчинялись некоторое время так называемой Проиловской епархии, то - есть находившиеся на тех землях, которые управлялись турецкими пашами и татарскими (ногайскими) ханами. В книге отражается история молдавской митрополии, показываются сложности на ее пути, в том

числе и проблемы сегодняшнего дня.

Возвращаясь к повседневной жизни молдавского народа, можно сказать, что в книге можно почерпнуть подробные сведения о пище и утвари, поселениях и жилищах, одежде молдаван. Например, как и в предыдущей монографии здесь присутствует отдельная глава об одежде молдаван, но, тем не менее, главы эти заметно отличаются между собой и в последнем случае явно заметно подключение новых материалов, что стало результатом последующей работы в этом направлении. Тоже самое следует сказать и о большой главе под названием «Традиционная обрядность». Три автора писавшие по этой теме в предыдущей книге ушли из жизни и к написанию данной главы были подключены два новых исследователя. Они подробно рассказали о календарных обычаях и обрядах, свадебной обрядности, родильной обрядности, а также о похоронно - поминальной обрядности, материал о которой заметно более обширный чем в монографии 1977 г.

В книге нашли отражение и молдавский фольклор, и хозяйственные и художественные промыслы, и профессиональная культура, которым посвящены отдельные главы. Некоторое удивление вызывает отсутствие специального параграфа по молдавской музыке. В предыдущей книге имелись два соответствующих параграфа, один из которых был посвящен музыкальному фольклору, а другой - профессиональной музыке. Отсутствует и раздел о молдавской науке, в том числе гуманитарной и общественной, что имеет прямой выход на национальное самосознание. А что касается, например, раздела посвященного кино, то хотя он написан одним и тем же автором, в предыдущем издании он был по объему заметно более детальным. Грустно звучат последние слова этого параграфа и всей книги (это был последний ее раздел при отсутствии заключения): «... мы говорим о нем (о молдавском кино - В.Г.) сегодня, увы, в прошедшем времени, ибо сегодня, в отличие от музыки, театра, живописи и других искусств, оно лишено возможности сколько - нибудь успешно продолжать свое бытие в качестве очевидной и значащей части национальной художественной культуры Молдовы».

Да, действительно, книга засвидетельствовала не только определенные позитивные сдвиги в жизни молдавского народа, но и негативные явления. Не случайно по сравнению с предыдущей книгой нет подробных разделов о развитии сельского хозяйства, промышленности, города и деревни. Глава под названием «Хозяйство» не отражает этих тем по отношению к современному экономическому развитию. Там подробно и с большим знанием дела говорится о традиционных занятиях в области земледелия, животноводства, виноградарства и виноделия, садоводства и т.д. О сегодняшней экономике республики в книге сообщается очень мало. Правда, присутствует довольно подробный параграф под названием «Динамика отраслевого и социально - профессионального состава», в котором эти вопросы в определенной степени отражаются. Но по своему объему они заметно уступают разделам в книге 1977 г.

В этом параграфе показывается как постепенно шла урбанизация республики, менялся характер занятий ее населения, как росла численность населения занимавшегося умственным трудом. По Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. 95% молдаван Бессарабской губернии было занято физическим трудом. К концу 70-х гг. XX в. доля городских молдаван, занятых умственным трудом составила 29%, а среди сельских молдаван - 10%. В дальнейшем процент молдаван занимавшихся умственным трудом увеличился еще больше. В городах, например, с 1989 по 2004 гг. сфера умственного труда у молдаван расширилась с 32% до 55%. Произошло это, впрочем, в связи с заметным сужением сферы физического труда. Особое внимание привлекают те сдвиги, которые произошли в среде молдаван в постсоветский период. Резко возрос процент молдаван среди руководящих работников. Так, в 1996 г. молдаване составляли 96% работников Министерства приватизации, 89% Верховного суда, Министерства труда и Министерства образования, 87% Министерства здравоохранения (с. 342). В свою очередь, среди представителей бизнеса молдаване составили лишь 40% (с. 354).

Постсоветский период, как показано в

книге, привел к развалу многих хозяйственных отраслей, к массовой безработице и небывалому в истории Молдавии оттоку из нее трудоспособного населения. Как там пишется по официальным данным около одного миллиона молдаван - гастербайтеров выехало на работу за пределы республики. Это является сильнейшим ударом по производительным силам республики и привело к фактической ее деиндустриализации. Особенно пострадали машиностроительная, химическая и легкая промышленность. Только производство тракторов в Молдавии с 1991 по 2005 гг. снизилось в 16 раз. В 2005 г. в структуре промышленности республики около 60% составляло производство пищевых продуктов, а машин и оборудования - только 3%. Численность работников промышленности и строительства сократилась втрое, работников науки в 4 раза (с. 344 - 345). Вместе с тем резко возростала сфера торговли, заметно увеличился приток иностранного капитала. Обращено

в книге внимание и на экономическое положение населения современной Молдавии. В ней признается снижение уровня жизни подавляющего большинства населения, падение заработной платы. В 1995 г. в Молдавии среднемесячный размер заработной платы составлял всего 32 доллара. В 2006 г. она составила уже 130 долларов США, но была значительно меньше чем в России и многих других странах.

Выход рецензируемой книги, конечно, следует отнести к заметным явлениям современной историографии. Можно себе представить какие сложности пришлось преодолеть авторскому коллективу, редакторам и руководителям серии «Народы и культуры», которая, тем не менее, пополнилась еще одним томом, среди прочего свидетельствующим о том, что российско - молдавское научное сотрудничество, несмотря на все проблемы последнего времени, все - таки продолжается.

Опубликовано в: «Этнографическое обозрение», 2012, №2, 183-185

С.В. ЧЕШКО

ФЕНОМЕН УДМУРТИИ

*Отв. ред. М.Н. Губогло, С.К. Смирнова.
В 9-ти томах. – М. – Ижевск: Удмуртия, 2001 – 2008.*

4 ноября 1920 г. В.И. Ленин и М.И. Калинин подписали декрет об образовании Вотской автономной области. В 1932 г. она была переименована в Удмуртскую АО, а два года спустя преобразована в Удмуртскую АССР. Наверное, для столичных аборигенов подобные «провинциальные даты» пролетают мимо уха, но для жителей Удмуртии празднование 95-летия республики явно обещает быть весьма ярким, «знаковым» и запоминающимся событием. Публикация данного обзора – это своего рода отражение вклада Института этнологии и антропологии РАН в исследование общественно-политических и этнокультурных процессов в Удмуртии за истекшие без малого сто лет.

Те, кто читал мои работы по этнополитическим проблемам, знают, что я являюсь противником идеи каких бы то ни было субъектов федерации, организованных и официально статуйрованных по этническому признаку. Однако эта критика касается, главным обра-

зом, самого принципа «этнического федерализма», который, будучи внедрен в советское государственное строительство во многом по тактическим соображениям, застрял, кажется, навсегда (см., например: Чешко 1993; Чешко 1996). В то же время, не могу отрицать того, что для своего времени – в условиях политического реконструирования страны – создание национальных (этнических) субгосударственных образований для нерусских народов зачастую играло большую положительную роль.

Не стану касаться того, какими методами осуществлялось приращение российского государства за счет новых земель с населявшими их инородцами, была ли Российская Империя «тюрьмой народов» или благом для них: было разное и всякое, как, впрочем, и в советское время. Но «национальные» республики и автономии во многих случаях определенно способствовали подъему благосостояния, социального обеспечения, здравоохранения,

школьного и профессионально образования, профессиональной культуры периферийных народов страны, общему социально-экономическому развитию данных регионов.

Сегодня говорить об этих очевидных вещах, к сожалению, не лишне. Отечественная «либеральная» и западная советолого-русологическая литература изобилуют филиппиками по отношению к советской «национально политике». А зарубежные радители интересов финно-угорских народов постоянно пытаются навязать России обвинения в нарушении прав этих народов, проживающих на территории нашей страны, вплоть до обвинений в насильственной ассимиляции и чуть ли ни в геноциде.

В связи со сказанным выше представляется полезным представить завершившийся в 2008 г. проект «Феномен Удмуртии», осуществленный в Центре по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН под руководство его руководителя М.Н. Губогло. Разумеется, этот проект известен специалистам по поволжско-приуральскому региону, и данная публикация рассчитана, прежде всего, на более широкий круг читателей.

Очевидно, что предпринятый мною обзор следовало бы кому-то сделать значительно раньше. Однако «взойти» на рецензирование двенадцати солидных фолиантов непросто. Несколько исправляет дело то, что в этом году исполняется юбилей республики, которой и посвящен данный проект. Дело не только в юбилее, хотя, конечно, и «дорого яичко к Христову дню». По существу перед нами – комплексное этносоциологическое обследование Удмуртии в постсоветский период в контексте предыдущей истории края. Подобных масштабных исследований каких-либо других регионов России, насколько я знаю, не было.

Серия «Феномен Удмуртии» создана и издана в рамках более широкого проекта «Электрокардиограмма (ЭКГ – этничность, конфессиональность, гражданственность) социальных изменений», затеянного в 2002 году Центром по изучению межэтнических отношений ИЭА РАН. Исследования проводились в Башкортостане, Марий Эл, Татарстане

и Удмуртии. Задача проекта состояла в том, чтобы составить, по определению организаторов, «контурное изображение», результатов реформ в постсоветское время. Наверное, с «контурным изображением» они поскромничали: речь может, скорее, идти о вполне фундаментальном исследовании в русле этносоциологии.

Основные исполнители обоих проектов – Михаил Николаевич Губогло и Светлана Константиновна Смирнова. Получился нечасто встречающийся удачный симбиоз академической науки в лице М.Н. Губогло и практической политики в лице С.К. Смирновой, которая, впрочем, с наукой не порывает. К реализации проекта привлекались и другие ученые из различных научных центров Российской Федерации. Необходимо сказать добрые слова в адрес Российского научного гуманитарного фонда, оказавшего поддержку проекту.

Надо дать некоторые пояснения, чтобы читатель не запутался в структуре серии «Феномен Удмуртии». Она состоит из двенадцати книг, объединенных в девять томов. Исследовательская логика не вполне соответствует очередности выхода томов. Так, последний, 9-й том вышел в свет в 2006 г., а 6-й, 7-й и 8-й тома – в 2008 г. Ориентироваться надо именно на нумерацию томов, отражающую задуманную авторами последовательность исследовательских тем. Кроме того, самый первый том вообще не пронумерован, хотя в аннотации указано, что намечено издать 5-6 томов. Видимо, руководители проекта не были вполне уверены, что в итоге получится многотомный монографический труд. Не имеет номера еще один том – монография С.К. Смирновой «Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций».

Учитывая весьма ограниченный лимит объема, выделяемой на рецензии, я даже не попытаюсь отразить все заслуживающие внимания аспекты, рассмотренные в «Феномене Удмуртии». Коснусь лишь наиболее, на мой взгляд, важных и интересных сюжетов, наблюдений, выводов.

Первый том «Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века» (2001 г.) представляет общий контекст истории удмуртов, вхождения

их земель в состав России и адаптации к новым для них политическим и социально-экономическим условиям. Авторы так определяют свой подход: «Удмуртия в трех измерениях», имея в виду пространственно измерение (территория, природа, ресурсы), временное измерение (хронология исследования) и этническое измерение. Перед читателями предстает широкая панорама сюжетов, характеризующих почти все основные стороны жизни удмуртского этноса, включая его происхождение, культуру, хозяйство и многое другое. Основное внимание уделено первому и наиболее драматичному постсоветскому десятилетию.

Мой глаз зацепился за три группы проблем. Первая из них касается жизни удмуртов в составе Российской Империи. Авторы приходят к следующему заключению: «Несмотря на то, что на царскую Россию был навешен ярлык тюрьмы народов, она не проводила такой систематической национальной политики, которая лишала бы малочисленные народы возможности самосохранения и развития своей этнической идентичности» (с. 422). Не могу не согласиться с этой оценкой – и сам об этом писал (*Чешко* 1996). Добавлю, что эта политика варьировала в разные периоды и не была одинаковой в отношении разных народов. Но вот как раз финно-угорские народы, насколько я знаю историю России, не испытывали какого-то жесткого «колониального гнета».

Вторая группа аспектов, связанных с пониманием Удмуртии и удмуртского народа, касается их места в составе российского/советского/русского государства и общества. Авторы делают, казалось бы, тривиальный вывод: «...можно сказать с большей или меньшей уверенностью: Удмуртия, в самом деле, является неотъемлемой частью России... Однако, будучи частью целого, она имеет свое лицо, свои отличительные признаки» (с. 417). А в действительности вывод не такой уж тривиальный. Очень часто приходится слышать что-то вроде того, что Россия – это русский народ (и православие) и не очень естественно привязанные к ней другие народы.

Позволю себе небольшое отступление, ассоциирующееся у меня с обсуждаемыми вопросами. Однажды в публичной дискуссии (обстоятельства приводить не буду) у меня

получился спор с весьма уважаемым (и почившем в бозе) коллегой, придерживавшимся русоцентристских взглядов. По ходу дела я спросил примерно такое: «А Вы можете представить себе Россию» без мордвы? Ответ был: «Да, представляю». То есть Россия могла бы быть Россией и без мордвы. Я же полагаю неоспоримым фактом, что Россия складывалась, существует, развивается именно как полиэтничное и поликонфессиональное общественно-политическое и культурное, если угодно, «цивилизационное», образование (хотя я не люблю увлечение модной в последние годы цивилизационной и евразийской риторикой, за которой обычно стоят философские и романтические умозаключения, а не исторический и этнокультурный анализ). И авторы тома на конкретных материалах, в результате конкретных исследований показали, что Россия – это действительно единство в многообразии.

Третья группа заинтересовавших меня проблем касается пертурбаций 1990-х годов. Авторы, рассматривая события тех лет как в России в целом, так и в Удмуртии, не стесняются в резко отрицательных оценках «реформ» ельцинской эпохи, и я с этими оценками полностью согласен. И еще одно замечание, относящееся к собственно этнической проблематике, привлекает внимание: «Кажется, никто еще не получил Нобелевскую премию за аргументировано-доказательное изложение того, чем должно государство заниматься: оберегать этничность или разрушать ее, поощрять стихийное самовоспроизводство народов или конструировать этнические общности по своим лекалам?» (с. 419). Думаю, насчет разрушения – это, скорее, сказано в полемическом запале. А волюнтаристские лекала в этнической политике – это до сих пор очень актуально, несмотря на нескончаемые дискуссии и уже тысячи законодательных и иных нормативных актов федерального и региональных уровней, принятых в постсоветское время.

Второй том «Феномен Удмуртии. Постижение суверенности: становление государственности Удмуртской Республики» в 2-х книгах (2002 г.) касается сложных политических процессов в связи с «перестроечными»

и «постперестроечными процессами», включая период начала 2000-х годов. Обе книги («Сфера законодательной власти» и «Сфера исполнительной власти») заполнены преимущественно документальными материалами о политической реорганизации Удмуртии в постсоветский период с упором на этнические сюжеты. Наверное, это самый полный свод нормативных документов Удмуртской Республики, касающихся темы проекта. 2-я книга включает и материалы обсуждений принятых решений. Краткие вводные статьи я не буду подробно комментировать, поскольку они, на мой взгляд, несколько перегружены парадным пафосом. Однако пара замечаний все же напрашивается.

Одно из них касается констатации того, что в законодательстве республики «...видны изъяны в понимании этнополитических проблем, и вместе с тем проблем в понимании роли государственных институтов в их решении» (Кн. 1: 17). Возможно – авторам виднее, но то же самое можно сказать и обо всем российском законодательстве.

Авторы отмечают, что одна из задач Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики (принята в 1998 на основе федеральной Концепции) состояла в том, чтобы «...остановить процесс ассимиляции удмуртского народа, возродить в нем ощущение своей национально-культурной полноценности, перспективности своей национальной истории» (Кн. 1: 19). Эту важнейшую тему можно было бы и развить. Естественная ассимиляция – это именно естественный процесс, который не может оцениваться ни положительно, ни отрицательно (или наоборот – как кому нравится). А насильственной ассимиляцией российское государство никогда на протяжении всей его многовековой истории не занималось. Примечательно, что сами авторы пишут о том, что беспокойство по поводу ассимиляции высказывают представители удмуртской интеллигенции (Кн. 1: 19), а мы знаем, что именно (творческая) интеллигенция, в силу ряда объяснимых (рациональных и иррациональных) причин особенно подвержена рефлексиям на этнической почве.

Третий том «Феномен Удмуртии. Идео-

логия и технология этнической мобилизации» (в 3-х книгах, 2002 – 2003 гг.) заслуживает, на мой взгляд, особого внимания.

Кн. 1 «Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии» включает разнообразные и разнородные материалы, касающиеся удмуртского национального движения (документы общественных организаций, статьи ученых и публицистов и пр.). А во вводной статье М.Н. Губогло и С.К. Смирнова высказываются об очень серьезных и, видимо, вечных проблемах, связанных с политической ипостасью этничности. Позволю себе просто привести довольно пространную выдержку, хотя я и не люблю такой способ заполнения текста: в данном случае это уместно.

«Квадратурой круга или лабиринтовой можно определить ситуацию, в которой оказались народы бывшего Советского Союза, часть которых поддалась соблазнам государственного самоопределения под лозунгами и флагами национального возрождения. В программных документах народных фронтов, национальных объединений, языковых и этнокультурных центров и иных этноориентированных движений первоначально манифестировались благороднейшие цели спасения и возрождения национального языка и культуры, сохранения этнической самобытности, воспевались национальная история и национальные герои, велись хронологические поиски «Золотого века», своего национального времени и географических границ этнической территории. Фактически же, может быть за небольшим исключением, идеология и практическая деятельность национальных движений были нацелены на борьбу за власть. Власть нужна была для успешного участия в переделе собственности, а собственность — для обеспечения условий приоритетного развития национальной культуры, а еще более в качестве строительных лесов для возведения каркаса этнического дома с этническими управляющими» (с. 5).

Тут трудно что-то добавить, разве что сказать, что это позиция ученых, отстаивающих результаты своих профессиональных штудий, зачастую расходящихся с мифами о бескорыстности активистов агрессивного «этни-

цизма» и безобидности национализма.

Во второй книге тома «Удмуртское национальное движение и финно-угорское сообщество» собраны материалы Всеудмуртских съездов – с 1991 г. по 2000 г. их состоялось восемь. Кроме того, этническая мобилизация удмуртов рассматривается в контексте международного финно-угорского общественно-политического движения. Приводятся материалы двух съездов финно-угорских народов России и двух Всемирных конгрессов финно-угров.

В третьей книге «Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути» представлены документы и статьи, касающиеся этнокультурных инициатив проживающих в республике народов – русских, татар, бесермян, евреев, чувашей, немцев, марийцев, корейцев, кряшен, азербайджанцев, башкир, таджиков, армян, а также казачества. Приведены также материалы Молодежной ассоциации финно-угорских народов мира.

Том «Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций»*, как и первый том серии, не обозначен никаким номером. Видимо, издатель посчитали, что это уместно, поскольку книга представляет собой монографическое исследование С.К. Смирновой. И зря – читателей не следовало бы сбивать с толку. Книга насыщена полезными для понимания удмуртских трансформаций документальными источниками (как, впрочем, и вся серия), хорошо дополняющими авторские разделы.

В основу работу легли материалы исследований 2002 г., проведенных в рамках проекта «Электрокардиограмма (ЭКГ) социальных трансформаций», о котором говорилось выше. Анализ, предпринятый С.К. Смирновой, отличается критичностью в отношении ельцинских реформ и отсутствием пиетета к «этническому романтизму», характерному для многих республик России и национальных движений.

«Инспирированная в августе 1991 г. не обдуманной формулой Б.Н. Ельцина «Берите суверенитета сколько сможете проглотить», – пишет автор – суверенизация республик стала важным, едва ли не центральным аспектом новоявленных этнополитических про-

цессов. Вместе с переходом к рыночной экономике, изменениями во взаимоотношениях собственности и власти, выходом – политическую сцену новых элит, а на социальную – новых социальных и социально-профессиональных групп, современные этнополитические процессы привели к серьезным структурно-функциональным изменениям в конфигурации социальной стратификации, в формировании новых интересов и идентичностей, в способах личностного и группового поведения, в модели социальных и политических взаимодействий. Несмотря на неудачи навязываемых сверху реформ, на видимые и невидимые признаки социально-экономического кризиса и политической нестабильности, на противоречия и конфликты в явной и скрытой форме, в менталитете бывших советских граждан, в их представлениях о себе, о стране и мире произошли немаловажные сдвиги» (с. 13).

С.К. Смирнова верно отметила одну из главных причин проблем переходного периода: «Переход от авторитаризма и тоталитаризма к политическому плюрализму и демократии и от огосударственной административно-распределительной системы к системе собственнических экономических отношений затрудняется тем, что разрушительный отказ от прежних ценностей и ориентиров опережает созидательное формирование новых. Более того, в становлении новых форм государственного устройства, например, в ходе наполнения суверенизации реальным содержанием, допускаются ошибки, за которые приходится расплачиваться, в частности, и ухудшением атмосферы межэтнических отношений» (с. 14).

Автор отмечает, что на этнополитическую ситуацию «...в любой из республик Российской Федерации... в той или иной мере влияют общие процессы становления России как федеративного демократического государства и формирования элементов гражданского общества» (с. 15). При этом, что очень важно, что в Удмуртии удалось избежать этнических конфликтов, «...вопреки еще далекому от стабильного положения дел в экономике и острым коллизиям, случившимся во взаимоотношениях между республиканскими и

центральными органами власти» (Там же). Как это удалось – показано в главах, повествующих о развитии удмуртской государственности, формировании институтов и норм гражданского общества и роли национальных движений.

Пятый том – «Феномен Удмуртии. Национализм и межэтнические отношения» (2003 г.) включает материалы научно-практических конференций, проводившихся в Удмуртии во второй половине 1990-х гг. Конференции касались как самой Удмуртии, так общих для России этнополитических процессов.

Шестой том «Феномен Удмуртии. “Как слово наше отзовется...”» (2008 г.) затрагивает весьма актуальную и болезненную тему о роли СМИ в освещении сложных политических проблем и ответственности журналистов за то, о чем и как они пишут. Думаю, есть и обратная сторона проблемы – насколько адекватно и толерантно потребители продукции СМИ к ней относятся. «Производство» информации и ее восприятие и потребление (употребление в идеологических и других практических целях) – это должен быть взаимовыгодный процесс производителей и потребителей.

Очень информативен с точки зрения фактов политической жизни Удмуртии конца прошлого столетия *седьмой том* – «Феномен Удмуртии. Хроника этнополитических событий». В нем дана хронология наиболее важных событий 1990-х гг., оказавших влияние на этнополитическое развитие Удмуртии. Заслуживают внимания некоторые вопросы, рассмотренные во Введении его авторами – Г.А. Никитиной и Ю.А. Перевозчиковым.

Авторы предложили свою периодизацию постсоветского этнополитического обустройства Удмуртии. По их определению, *первый этап* приходится на первую половину 1990-х годов, от Декларации о суверенитете Удмуртской Республики до принятия ее Конституции и выборов в Государственный Совет. Это был период становления новой политической системы республики на фоне экономического упадка, кризиса социальной сферы (с. 4). *Второй этап* охватывает 1995 – 2000 гг. и характеризуется выработкой способов и форм

реализации той модели, которая была заложена в предыдущее пятилетие (Там же). *Третий период* (с 2000 г.) отмечен установлением в республике президентской формы правления, отработкой системы правовых взаимоотношений с федеральным центром, стабилизацией экономики и межэтнических отношений (с. 5).

Особое внимание уделено роли республиканских элит – политической и этнической – вопросу, как отмечают авторы, слабо изученному. Они отмечают, что трудности в переустройстве Удмуртии в значительной степени объясняются недостаточно развитому слою интеллектуальной элиты. Это обусловлено как вообще характерными для небольших народов проблемами в производстве этой социальной группы, так и традиционным для республиканской экономики преобладанием аграрных отраслей (с. 23).

Восьмой том «Феномен Удмуртии. Удмуртская диаспора» (2008 г.) вызывает у меня желание поспорить. Понятие «диаспора» на протяжении долгого времени остается предметом научных дискуссий, имеющих и вполне политическое значение на фоне современных миграционных процессов и понимания сущности полиэтнических государств (а моноэтнических государств нет и не было). Я решительно не согласен с тем, чтобы именовать российских аборигенов диаспорой, если они живут за пределами «своих национальных образований».

В связи с этим можно, например, предположить, что весьма значительная часть русских в Российской Федерации должна рассматриваться в качестве не только «диаспоры», но и вообще некоренным населением, поскольку в составе СССР никогда не было «русского национально-государственного образования». Кстати, в период «перестройки» раздавались предложения создать такое образование даже со стороны уважаемых мною академических ученых. Хорошо, что такие предложения не прошли. Но это к тому вопросу о федерализме, о котором я писал в начале обзора.

Наконец, *девятый том* «Феномен Удмуртии. Траектории деинфантилизации» (2006 г.) подводятся итоги исследований по проекту. Основной вывод, как я понял, состоит в

том, что Удмуртия – это отнюдь не периферия России. Она следует общероссийским политическим, интеллектуальным, культурным процессам с поправками на региональную и этнокультурную специфику, состоящую во взаимодействии трех основных этнокультурных компонентов (славяно-православного, тюрко-мусульманского и финно-угорского), которая, впрочем, ощущается уже не очень

явно в силу интенсивных интеграционных и аккультурационных процессов. Генеральная же тенденция постсоветского развития республики состоит в *деинфантилизации*, которая означает «...выявление и преодоление факторов, препятствующих вовлечению народного большинства в современные преобразования, а также факторов, благоприятствующих процессам социальной адаптации» (с. 7).

Литература

Чешко 1993 – Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993, № 6. С. 29-45.

Чешко 1996 – Чешко С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 1996.

(Endnotes)

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЭА РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

* Создатели серии в своих ее аннотациях помещают этот том между вторым и третьим томами, что представляется нелогичным, тем более что том под номером 4 вообще отсутствует

Опубликован в качестве индивидуальной монографии С.К.Смирновой «Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. Москва-Ижевск, 2002, 560 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ АКАДЕМИКА В.А. ТИШКОВА

К 75-ЛЕТИЮ М.Н.ГУБОГЛО

*книге М.Н. Губогло «Антропология повседневности».
М. «Языки славянской культуры». 2013, с. 11-19*

На перекрестках ряда наук – истории, психологии, этнологии и филологии формируется новое междисциплинарное направление, в известной мере оппонирующее классическим наукам и номинирующее себя словами своих адептов то «антропологизацией авторства», то «лирической историографией», то «исповедальным стилем», то «сам себе этнолог». Суть этого новомодного течения состоит в смещении исследовательского фокуса с описания исторических и социологических фактов, событий, организаций и структур на анализ поведения конкретного человека и восприятия им самого себя в связи с исполнением функциональной роли.

М. Н. Губогло предлагает обратный ход: от описания конкретных поведений конкретных лиц и известных личностей к поискам смыслов их повседневной жизни во времена смены исторических этапов советской и рос-

сийской истории. Он – свидетель поствоенного времени, когда страна в муках позднего сталинизма с трудом поднималась с колен, питаясь скорее духом победы и патриотизма, чем нарастающими мизерными шагами по обеспечению материальных благ. Его студенческие и аспирантские годы пришлись на хрущевскую оттепель, на истоки и на «расцвет» брежневского застоя. В пору академического периода жизни ему было дано вместе с Ю. В. Арутюняном, Л. М. Дробижевой стать одним из основоположников конкретно-социологических исследований повседневной жизни, культуры и быта народов, исследований, ставших основой этносоциологии как нового научного направления.

Очерки, помещенные в его новой книге «Антропология повседневности», свидетельствуют не об отречении от опыта и наработанных методов этносоциологии, а о продол-

жении ее новаторских традиций.

Здесь представляется уместным обратить внимание на тот факт, что важным фактором возникновения и развития этносоциологии как науки, связавшей этническое с социальным и социальное с этническим, выступило стремление науки и власти к достижению взаимного доверия. Это стремление было основано на том, что в 1960–1970-е гг. стареющая и морально хиреющая политическая и административная власть нуждалась в доброкачественной экспертизе состояния дел в сфере межэтнических отношений.

Власть нуждалась в рекомендации по оптимизации этой сферы и в регулировании этногосударственных отношений на научной основе. Она чувствовала или знала, но опасалась обнародовать, что доктрина советской национальной политики дает сбой. Особенно в части таких ее аспектов, как в продолжении политики аффирмативных действий, в курсе на тотальное сближение наций, в политике выравнивания уровней экономического и социального развития народов, уровней жизни городского и сельского населения, умственного и физического труда. К концу 1990-х гг. о нелепостях, имеющих место в сфере межнациональных отношений, заговорила не только научная, но и художественная литература. О многом, в частности, говорит пассаж, приведенный в романе «Ложится мгла на старые ступени», публикация первых глав которой началась во второй половине 1990-х гг., в т. ч. в журнале «Знамя». Граждане Советского Союза, воспитываемые в духе интернационализма, понимали, что политика помощи «отсталым в прошлом народам», именуемая на Западе политикой аффирмативных акций, оказалась на практике несостоятельной. Она приводила к ускоренному росту социальных претензий и формировала негативные установки, в частности, к представителям титульных национальностей, которым предоставлялись какие-либо льготы в ущерб другим народам.

В классе был интернационализм, – вспоминает свои школьные 1940-е годы А. П. Чудаков, автор вышеназванного романа, – правда, представителей всех наций, кроме немцев, было по одному: кореец, каракалпак, эстонец,

полька и даже китаец... – и далее следует убийственная фраза, обличающая суть такой национальной политики, когда приоритеты представителям одной нации создавались за счет каких-либо других. – Казашка также была одна – Джабагина, ей потом по рекомендации райкома дали серебряную медаль [Чудаков 2013: 276].

Академик Ю. А. Поляков, объездивший среднеазиатские республики вдоль и поперек, имел основание сделать вывод о том, что «выращенная при самом активном участии преподавателей и ученых России республиканская интеллигенция стала главной носительницей националистических, сепаратистских тенденций» [Поляков 2011: 363].

Понятно, что наука и образование в таких условиях нуждались в освобождении от идеологических пут, которые тяжелыми гирями мешали ее двигаться дальше, в стремлении не отставать от уровня мировых тенденций. В изначальных исследовательских проектах, разработанных Ю. В. Арутюняном, О. И. Шкаратаном, Л. М. Дробичевой, В. В. Пименовым и другими сотрудниками Института этнографии АН СССР, немедленно обнаружилась проблема доверия, имеющая многие смыслы, как в накоплении информации, адекватно отображающей реальные межэтнические и межязыковые ситуации, так и значения, придаваемые этническим явлениям неэтническими факторами.

Вместе с тем, главы и очерки книги М. Н. Губогло ориентированы не столько на воспроизведение «абсолютной объективности», сколько на достижение эффекта реальности, или, как сказал И. В. Нарский, солидаризируясь с Н. Н. Козловой, на достижение эффекта реальности, наглядности и даже осязаемости «ощущения подлинности воскрешенного прошлого» [Козлова 2005: 18; Нарский].

Вместо наполнения истории, прошлой и современной повседневной жизни тем или иным политическим, научным и художественным смыслом в соответствии с характерным для этносоциологии стремлением к отражению «объективной реальности», на передний план выступает раскрытие значимости интеллектуальных смыслов или со-

бытийной интриги. Через откровенное и искреннее самопознание авторской позиции и авторского образа жизни («исповедальная автоэтнография») прокладывается тропа к пониманию содержания и сути того или иного этапа истории в жизни окружающей среды и страны [Губогло 2008а: 76–87; 2012: 174–191].

Гарантией от прегрешений субъективного восприятия себя и стратегии поведения своих «антропологических» героев, в подходе, избранном М. Н. Губогло, служит его профессиональный долг и опыт этносоциолога-эмпирика, привыкшего ходить «по земле» и иметь дело с конкретными документами, данными ведомственной статистики, информацией об исторических событиях и нарративными текстами. Опора на личные воспоминания представляет собой не бунт этносоциолога, а пополнение арсенала новой науки дополнительными возможностями, не опровержение, а подтверждение этносоциологии, как части антропологии и ее потенциальных возможностей в деле осмысления истории и современной повседневной жизни.

Для того чтобы играть на скрипке, надо, во-первых, обладать музыкальным слухом, во-вторых, владеть определенными навыками, в-третьих, иметь знания и способности, и, наконец, в-четвертых, надо быть в настроении играть. Для того чтобы вспоминать свои детские и юношеские, студенческие и аспирантские времена и их культурные берега, извлекать из небытия события, личности и факты, раскрывать смыслы и значения увиденного и прочувствованного, надо иметь цепкую память, наработанные навыки этнографического описания, приемы этносоциологического толкования смыслов и способности доходчивого изложения. И, наконец, надо иметь настроение и социальную ответственность в создании правдивой картины прошлой повседневной жизни.

Настроение – дело наживное. М. Н. Губогло умеет настраивать себя на позитив. Иначе зачем воспоминания, как диалог с самой собой?

Обращение к автобиографии как к источнику и жанру этнологического исследования в известной мере корреспондирует с биогра-

фиями ученых, написанными их учениками, поклонниками, коллегами по цеху, по поводу тех или иных юбилейных дат. Могу напомнить получившую общественный резонанс серию «Портреты историков. Время и судьбы» [Портреты историков 2000–2010]. И хотя представленные в томах этой серии очерки не являются каноническими биографическими или аналитическими эссе, в них освещаются исследовательская практика и итоги по известным проблемам истории и культуры, в том числе по истории повседневной жизни народов России и других стран мира. В связи с актуализированной в последнее время тематикой, посвященной повседневности, особый интерес вызывает, например, творческое наследие замечательного русского историка второй половины XIX в. Ивана Егоровича Забелина [Портреты историков 2000–2010, 1: 65–77].

Попытки некоторых современных исследователей представить предметную область повседневности, как исключительно новомодное направление, пришедшее на рубеже XX–XXI вв. в Россию извне, представляются неубедительными в свете трудов И. Е. Забелина, неоднократно изданных во второй половине XIX в. [Забелин 1862–1869; 1872; 1895; 1915; 1918] и, к сожалению, оказавшихся неупомянутыми в фундаментальном историографическом обзоре «Истории русской этнографии» классика советской этнографии С. А. Токарева (см. «Указатель имен» в [Токарев 1966: 443]).

Отечественная этнология дореволюционного периода, в том числе в деле изучения повседневной жизни народов, развивалась в рамках общемирового процесса наравне или в опережающем режиме по сравнению с ведущими этнологическими и антропологическими школами Европы и США. Некоторые важные вопросы повседневности нашли освещение в трудах этнологов, что нашло отражение в ряде очерков серии «Портреты историков», в том числе о творчестве Ю. В. Бромлея, М. М. Ковалевского, С. А. Токарева, С. П. Толстого [Портреты историков 2000–2010, 4: 53–70, 257–281, 446–261, 462–484].

Хорошо, когда создание текста и текстов – это не только изнурительный будничней

труд, но и праздник души, адекватное вдохновение для творчества. В противном случае вряд ли можно было бы ожидать от М. Н. Губогло написание около двух десятков книг. Вряд ли можно было бы ему осилить крупномасштабный проект «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве», состоящий из изданных 130 томов с аннотациями и комментариями документов эпохи развала Советского Союза на рубеже веков. Вряд ли в новое постсоветское время можно было бы вместе с коллегами создать 12-томную этнополитическую историю Удмуртии и 10-томную серию сборников «Курсом развивающейся Молдовы», не имея для этого достаточных материальных средств и полагаясь, главным образом, на энтузиазм и на обретенную свободу творчества.

Важнейшей заповедью профессионального антрополога является попытка нащупать с изучаемыми людьми общую почву.

Мы... говорим о некоторых людях – повторял за Витгенштейном К. Гирц, – что мы их видим насквозь. На этот счет важно, однако, заметить, что один человек может быть полнейшей загадкой для другого. Мы удостаиваемся в этом, когда попадаем в чужую страну с совершенно чуждыми нам традициями; более того, нас не спасает даже знание языка этой страны. Мы не понимаем людей (и вовсе не потому, что не слышим, что они друг другу говорят). Мы не можем нащупать с ними общую почву [Гирц: 20].

В поисках общей почвы, что составляет суть этнологического исследования, антропологи не стремятся, как считает К. Гирц, «ни превращаться в natives, местных жителей, ни подражать им» [Гирц: 21].

М. Н. Губогло в его новой книге не надо ни «превращаться» в тех современников или в тех личностей, о ком он пишет, ни «подражать» им. Восстанавливая дух, атмосферу и настроение прошлого, он сам является одним из них, и у него с большинством из его героев имеется общая почва. Инкорпорирование героев в контекст времени и ткань повседневности позволяет приподнимать завесу эпохи и пелену прошлого, подобно тому, как реставраторы за каждым слоем «черной доски» раскрывают на старой иконе лики

и блики прошлого.

Предпринятое автором «путешествие в детство» в первой части его книги не навеяно его ностальгическим желанием реанимировать его изначальную этническую или раннюю социальную идентичность. Его воспоминания о поствоенном периоде продиктованы профессиональным интересом, что в конечном счете позволяет добавить новые краски к тому периоду советской истории, противоречивость которого до сих пор остается за пределами предметной области исторического знания [Тишков 2013: 291].

«Путешествие в прошлое» продолжается в двух других частях книги. Вспоминая своих друзей и коллег и рефлексировав по поводу их творческого наследия, М. Н. Губогло раскрывает мощную энергетическую силу мотивированности молодежи 1970–1980-х гг. социализацией и адаптацией к внешней среде и вызовам времени. При этом красной нитью через ряд очерков проходит освещение и характеристика великой роли русской культуры в деле социализации молодых поколений и в деле становления литератур и культур младописьменных и бесписьменных в прошлом народов.

Чем объяснить появление необычной книги? В основе новейших течений с обостренным вниманием к авторским мотивам и интенциям лежит возникшая в постсоветский период неудовлетворенность концептуальным арсеналом и методическим инструментарием классической исторической науки. Она по инерции в ряде случаев обращается к безымянным массам, социальным слоям, структурам, к немым статистам «великой истории», общественно-экономическим формациям, в ущерб исследованиям «маленьких людей» и безымянных героев. Между тем впечатляют новые инициативы и исследовательские проекты, посвященные этнической истории народов, происхождению и развитию условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения человека, его ментальности, стратегий поведения и их толкований.

Вместе с тем, предлагая и иницируя новые повороты в исторической науке второй половины XX в., радикально настроенные неофиты адресовали неоправданные упре-

ки историкам и, понятное дело, рикошетом к этнологам, обвиняя их в тривиальном пересказе данных, извлеченных из источников, без стремления распутывать узлы истории, разгадывать мотивы и локомотивы, двигающие целеполаганием и целедостижением людей. Нет сомнения, что интерес к судьбам отдельных людей значительно расширяет горизонты гуманитарного знания, в том числе путем исторических и этнополитических исследований [Горизонты... 2008].

В очерках М. Н. Губогло видное место наряду с фактами и событиями депортированного времени, совпавшего с его школьными годами, занимают социально-художественные образы, воссозданные памятью и воображением. Одним из таких образов выступает мост через реку Миасс. На берегах этой тихой речки, круто, во весь горизонт, разливающейся в пору весеннего половодья, прошло его детство и первые годы социализации и вступления во взрослую жизнь. Поэтому он умеет запрягать лошадь, сажать, полоть и копать картошку, лепить пельмени, жарить семечки конопли, кормить поросят, пасти овец и поить корову, косить траву и колоть дрова.

К символике, семантике и многозначным смыслам Каргапольского моста он прибегает неоднократно в ряде очерков, в том числе в длившейся 40 лет дружбе и переписке с любимой учительницей Ульяной Илларионовной Постоваловой. В реальности мост, соединяющий районный центр Каргаполье на левом берегу Миасса с вереницей сел на правом берегу, представлял собой деревянную конструкцию с примыкающими ледаколами (быками), как летящий в небо шедевр архитектурной мысли. По местным преданиям, этот мост был построен белогвардейцами в 1918 г. и был разрушен накануне развала Советского Союза. В воспоминаниях М. Н. Губогло Каргапольский мост – это космическая точка на евразийском пространстве, соединяющая прошлое и настоящее, домашний очаг и дороги, поэтику духовности и прозу картофельного поля, радость встреч и горечь расставания. Мост – это магнит, сильно притягивающий к себе молодежь и стариков, притягивающий сильнее, чем сельский клуб, чем стадион или спортивный зал. Мост, определяющий

дистанцию между своим и чужим, между малой родиной и внешним миром, между региональной и гражданской идентичностью, помогающий порой выяснить подростковые отношения между обитателями правого и левого берега Миасса. Мост, подобно Великому Шелковому пути, соединяющий мир Запада и Востока. Мост, вобравший в себя этапы социализации и обретения смыслов жизни, в то же время наделен символом и безысходности, и надежды, и выдает в М. Н. Губогло скорее оптимального оптимиста, чем опального пессимиста и адепта отчаяния [Губогло 2008].

Саморефлексия профессионалов, обратившихся к своим воспоминаниям в проектах автоэтнографии, приобретает не только особую привлекательность, но и источниковедческую ценность.

Обращаясь к изучению своей собственной профессиональной среды, – как поясняла свою мысль российская исследовательница Т. Б. Щепаньская, – мы получаем возможность протестировать этнографические методы, обычно применяемые для изучения символически отдаленных традиций, на материале, максимально знакомом и близком для большинства коллег. Это позволяет этнографу, как исследователю и одновременно носителю описываемой традиции, наглядно проследить трансформации материала, которые происходят в результате его полевой фиксации и последующей текстуализации [Щепаньская 2003: т. IV, № 2: 166].

В разделах второй части, посвященных выдающимся личностям, в том числе обучавшимся и работавшим в Институте этнографии АН СССР, друзьям и коллегам по МГУ, раскрывается их вклад в осмысление повседневности, а также отдельных этносоциальных процессов и идей или научных направлений. Выбор героев для своих очерков и россыпи жадных воспоминаний далеко не случаен. С каждым из них связана та или иная этническая концепция, теория адаптации или парадигма формирования идентичности или структуры повседневности и образа жизни.

Проникновению в духовный мир основоположника гагаузской художественной ли-

тературы Д. И. Кара Чобана и С. С. Курогло способствуют переводы их стихотворений и осмысление внутренних мотивов их творчества. Впервые в молдавском литературоведении раскрываются истоки творчества гагаузских поэтов, вдохновленных знаменитыми произведениями российской «деревенской», «фронтальной» и «интеллигентской» литературы, практикой собирательства икон и старины, получившей распространение с легкой руки Владимира Солоухина.

Этнологический анализ произведений указанных поэтов, друзей М. Н. Губогло, позволяет выявить общие тенденции приобщения более чем 200-тысячного двуязычного гагаузского населения, исповедующего православие, к культурному наследию русского народа и других народов к русскому миру. Историческое значение этого вывода заключается в том, что в становлении и жизнеутверждении русского мира наряду с различными вариантами диаспор немаловажную роль сыграло добровольное вхождение некоторых этнических групп, изначально не идентифицирующих себя с русской или российской идентичностью, но выработавших в своей ментальности ориентации на русскую историю и культуру. Исследования состояния языковой ситуации в Республике Молдова, проведенных в ходе реализации ряда научно-исследовательских программ, нашли отражение в ряде коллективных монографий, подготовленных по инициативе и под руководством М. Н. Губогло [Молдаване 2010; Гагаузы 1993; Гагаузы в мире... 2012].

На конкретном эмпирическом материале и на основе личных наблюдений М. Н. Губогло в них показано, что оснований думать о дерусификации гагаузского населения и об усыхании русскоязычия и культурологического тяготения гагаузов к русскому миру и русской культуре нет. Скорее имеет место, о чем с сожалением пишет М. Н. Губогло, ослабление поддержки языковой ситуации в Молдове со стороны России и русского мира в деле сохранения русскоязычия.

Труды двух ближайших друзей – Юрия Борисовича Симченко и Юрия Исраэловича Мкртумяна, наделенных большим талантом этнографов-полевиков, вошли в золотой фонд

отечественной и армянской этнологии. Научные и художественные тексты Ю. Б. Симченко стали библиографической редкостью подобно, в свое время, трудам М. А. Булгакова, О. Э. Мандельштама, А. И. Солженицына и других авторов, не сразу получивших выход к широкому читателю.

Советское общество, вопреки имеющему широкому хождению на Западе мнению о железном занавесе, было открытым обществом в том смысле, что социальная и социально-профессиональная карьеры не покупались за деньги, а строились на личной инициативе граждан, в том числе благодаря доступности высшего образования. Рассказывая еще о двух своих друзьях, ставших известными профессорами в элитной среде московских историков – об Александре Степановиче Руде и Сергее Кулешове, М. Н. Губогло вспоминает о восприятии бывшими провинциалами стратегий адаптации в повседневную жизнь Москвы и о самоидентификации в качестве москвичей и граждан Советского Союза.

На протяжении двух постсоветских десятилетий исследования повседневности расширяли предметную область этнологии, имеющей вкус к этой тематике в России еще с середины XIX в. Повседневная жизнь открыта и неисчерпаема. Сохраняя культурное наследие народа и, вступая в диалог с вызовами времени, она увлекает специалистов многих направлений гуманитарного знания. Значительный вклад в ее изучение внесли своими организационными усилиями и исследовательской деятельностью академик РАН, Ю. В. Бромлей, член-корреспондент РАН Р. Г. Кузеев, а также член-корреспондент АН Республики Молдова В. С. Зеленчук. Возвращаемое прошлое и конституированное будущее, – как показывает М. Н. Губогло в очерках о каждом из них, – едва ли не главные тренды, по которым двигалась исследовательская мысль крупномасштабных ученых. Оба направления отражены в их трудах, в том числе в этногенетических сочинениях и в разработке методологических основ этнографии.

Один из ближайших друзей М. Н. Губогло, рано ушедший из жизни В. Н. Шамшуров, талантливый музыкант, один из тех, кто стоял у истоков этносоциологии, участник много-

летней советско-вьетнамской этносоциологической экспедиции, заместитель министра по национальной политике – стал героем одного из очерков, включенных в книгу.

В познании повседневности важно не только исследование креативной деятельности человека, но и личности ученого, поэта, художника. Каждый из героев очерков был одержим творчеством и любовью к своему делу, народу и своей земле. Все они любили часто ездить, гореть желанием желаний, уметь много хотеть и добиваться, дружить и помогать. Они могли, не теряя сегодняшней, ценить завтрашний день и прошлые времена, привыкая одновременно к ускоряющимся темпам жизни и сохраняя преданность и любовь к своему делу.

В заключительной части книги в центре внимания М. Н. Губогло – повседневная жизнь, изображаемая в современной живописи Гагаузии.

За сравнительно короткий по историческим меркам срок новоявленная живопись уверенно шагнула на сцену высокого изобразительного искусства, опираясь на ценности традиционной культуры гагаузского народа и на мощные художественные корни русского, европейских и других народов евразийского пространства.

Векторы становления и вызревания изобразительного искусства Гагаузии основаны на изображении и осмыслении повседневности. Возникновение и развитие совпали по фазе с частью этнополитической жизни гагаузского народа. Тем не менее отраженная в ней проблематика связана скорее с изображением повседневной, чем политической жизни. Основная тематика связана с бытовой экологией, с запечатленными временами года и суток, воспеванием красоты родного края и основ традиционной культуры. Ее историческая миссия состоит в укреплении самосознания, этнической и гражданской идентичности.

Раскрытие образов Времени через автобиографию и биографии своих коллег и дру-

зей представляет собой новый, относительно малоизвестный в этнологии прием с целью изучения акторов этнической истории и социальной жизни. В текстах о поствоенном и постсоветском времени, а также о временах оттепели и застоя, научный анализ сочетается с художественно выраженными стилистическими кусками. Такой подход напоминает подготовку обычной научной монографии или романа в виде отдельных самостоятельных рассказов или очерков с автономными ссылками и автономным научным аппаратом. Однако, в отличие от романа, в предлагаемых текстах о времени и замечательных представителях эпохи нет места для вымысла. В них речь идет только о фактах, событиях и действиях в потоке реальной действительности.

В заключение надо отметить новаторский характер источниковой базы, на которой основана книга М. Н. Губогло. наряду с автобиографическими очерками, в ней представлены произведения художественной литературы и живописи, в том числе такой малоизвестный источник, как дарственные надписи на книгах, подаренных известному молдавскому этнографу, поэту и общественному деятелю – С. С. Курогло.

Всем известно, М. Н. Губогло – неисправимый романтик.

Поэтому его воспоминания основаны на противопоставлении двух миров – возвышенного и низменного. Однако подготовленные тексты его новой книги данной антитезой не исчерпываются. Ему, познавшему путь в лихолетье депортационного режима, присуща острая социальная чувствительность, скрытая до поры до времени под жестким идеологическим прессом и деликатно проявляемая в современном деидеологизированном обществе. В годы становления этносоциологии как нового научного направления он был скорее очевидцем и регистратором процессов и событий, чем радикальным критиком и хулителем времени. Он не обижен на мир, он радуется жизни.

В.В. Карлов*

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ
РЕФЛЕКСИИ**

Рецензия на: М.Н. Губогло «Антропология повседневности»

МОСКВА, : ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2013. – 752 с., с илл.

Книга известного российского этнолога и этносоциолога М.Н. Губогло представляет собой, как и многие публикации автора, явление незаурядное, причем и в научном, и в литературном отношении. К разряду традиционных научных монографических разработок ее отнести сложно, ибо и ее предмет, и объем, и охват тем, поднимаемых автором, очевидно, выходят за пределы строго научной формы рефлексии. Поэтому и стандартный жанр научной рецензии к ней едва ли применим. По существу перед нами в данном случае уникальное сочетание различных форм рефлексии на то, что можно обозначить как отражение повседневности в сознании автора и в его жизненном опыте. При этом опыте и как профессионала-этнолога, и как индивида, становление личности которого проходило в трудные послевоенные годы, и как свидетеля и участника многих поворотных событий в истории страны (сталинизм, хрущевская «оттепель», застой, перестройка, распад СССР

и становление современной России). Это, наконец, авторский взгляд на такие тонкие и сложные феномены отражения повседневности (или художественно-эстетические формы рефлексии о повседневности) как поэзия или живопись (в данном конкретном случае это творчество знакомых автору поэтов и художников Гагаузии). Все это в совокупности как бы без труда подпадает под определение мемуарной литературы. И, вместе с тем, это не совсем мемуары уже потому, что автором избран особый подход к излагаемому: профессионально-антропологический, в современном понимании, взгляд на жизнь, ее многогранные аспекты, проявления и ракурсы. Добавлю: взгляд не бесстрастного регистратора реальности, но человека заинтересованного и неравнодушного, думающего, размышляющего и готового к диалогу с читателем.

Итак, повседневность как объект и предмет авторской рефлексии о ней, плюс анализ автором тех форм рефлексии, к которым он

был причастен, будучи профессиональным этнологом и антропологом, а также знатоком и ценителем творчества гагаузских поэтов, а также зрителем и любителем живописи гагаузских художников. Таков самый краткий перечень сюжетов этой книги. Она состоит из трех относительно самостоятельных разделов. Формально даже четырех: первая часть описывает особенности завершения социализации автора, прошедшей в послевоенные годы в с. Каргаполье Курганской области, куда его родители были насильственно переселены из родной Буджакской степи, а вторая носит название «Антропология повседневности времен оттепели и застоя», то есть в основном уже отражает гражданский и профессиональный опыт автора книги периода 60-х – 80-х гг. Но по существу это относительно единое повествование о не только сложном и многозначном феномене повседневности, но и не менее сложном и не менее неоднозначном восприятии этой материи бытия человеком в процессе его социального онтогенеза, процессе перманентном и не имеющим конца, пока человек жив.

Две оставшиеся части книги М.Н. Губогло посвящены, соответственно, анализу отражения повседневности (в широком ее понимании) в поэзии близких автору творческих людей Гагаузии Д. Кара Чобана и С. Курогло, и в живописи современных гагаузских художников.

Подробный анализ структуры работы М.Н. Губогло здесь едва ли возможен, да и, пожалуй, не нужен: книга, несомненно, имеет очень оригинальное построение, где личные воспоминания, вызывая некие авторские ассоциации, с легкостью перемежаются главами и разделами на, казалось бы, сугубо научно-антропологические темы, или очерками о жизни и творчестве, о научных интересах, о становлении гражданской и профессиональной позиции ученых или художников, с которыми М.Н. Губогло свела судьба. Неслучайно, вероятно, автор во Введении сделал предварительную оговорку, заметив, что книгу можно читать как последовательно одну часть за другой, так и в «автономном режиме» (с. 21). Это действительно так: книга написана столь живым языком и содержит такую массу ин-

тереснейших сюжетов, каждый из которых самоценен, что она легко воспринимается читателем практически с любого места.

Что же касается персоналий – это уже, к сожалению, покойные друзья и коллеги, каждый из которых внес несомненный вклад в формирование автора – человека и профессионала, в его восприятие повседневности и в бытовом, и в научном понимании. В этом списке представлены, безусловно, яркие личности, чей вклад в науку историю и этнологию, в общественную жизнь страны, неоднократно и по достоинству оценен. Однако новые штрихи к их человеческому портрету, отдельные не вполне известные детали – замечания автора книги об их жизни и творчестве, порой глубоко личностные или даже лирические, окрашенные неизменно теплой дружеской интонацией, а порой содержащие серьезный историографический анализ и оценку, – все это составит весомый вклад в историю науки того пока еще не столь далекого от нас времени – времени, без знания и понимания, которого мы не сможем объективно судить и воспринимать также пути развития науки сегодняшнего дня. Этот перечень имен людей, о которых повествуется в книге, достаточно велик: историки А.С. Рудь и С.В. Кулешов, этнологи Ю.Б. Симченко и Ю.И. Мкртумян, Р.Г. Кузеев, Ю.В. Бромлей, В.С. Зеленчук, В.Н. Шамшуров. Иногда в этих очерках больше личностного (но ведь это тоже детали, из которых складывается ткань повседневности), как, например, в главе памяти сокурсника и друга автора А.С. Рудя. Иногда же, напротив, воспоминание о роли человека в профессиональной деятельности автора дает ему повод к тому, чтобы подробно рассказать и высказать свои суждения о такой, например, проблеме, как подъем этно-национального самосознания в постсоветское время и подходы к исследованию и к постановке практических задач учета этого важнейшего фактора в жизни страны (с. 183–202).

Авторская рефлексия о повседневности пронизывает все без исключения разделы этой большой и содержательной книги, идет ли речь о его детско-юношеских воспоминаниях, о студенческих и аспирантских годах в Московском университете, о приходе в «боль-

шую науку» и контактах с коллегами или с рядовыми людьми – объектом профессиональных исследований этнолога. Интереснейший материал представляют собой наблюдения и размышления автора о периоде социализации, о роли среды, ставшей, по существу, в какой-то мере средой «ресоциализации» сына репрессированных и депортированных родителей. Здесь нашлось место оценке и личностных контактов на подростковом уровне, и роли советской школы и системы школьного образования, и многих компонентов бытия, из которых черпались и сливались воедино в ходе формирования личности такие истоки ее духовного становления, как книги (и прежде всего великая русская литературная классика), кино, искусство, отражение всего этого богатейшего (на фоне скудной и небогатой жизни материальной) духовного мира в детских альбомах, и т.д. Становится достаточно понятно, как и каким образом из провинциалов, прошедших суровую жизненную школу уже с малолетства, вырастали личности, дерзко, страстно, целеустремленно и сознательно вступавшие во взрослую жизнь, рвущиеся к прогрессу и знанию, бесконечно уверенные в том, что могут (и даже обязаны) принести пользу стране и человечеству. И это ведь у них получалось! Все написанное автором по этому поводу – закономерная дань великой отечественной культуре, приобщение к которой формировало личность. По аналогии можно вспомнить образное высказывание А.С. Панарина относительно того, что внедряемая через школу русская литературная классика смогла как бы возвести весь народ в дворянское достоинство¹. В книге М.Н. Губогло ярко и красочно показано, в частности, и то, как это происходило. И остается только глубоко сожалеть о том, что ныне, в эпоху Интернета и иных информационных технологий, эта высочайшая культура в значительной степени утрачена.

Что до разделов о поэзии и живописи как отражении повседневности, о роли этих видов искусства в повседневной жизни народов (в данном случае гагаузского народа) - специально останавливаться на данных сюжетах с целью их разбора нет нужды. Не только потому, что все это очень специфические и даже

интимные формы рефлексии, окрашенные талантом и мироощущением их творцов. Не менее деликатна и индивидуализирована сфера потребления продукта этих форм рефлексии читателем и зрителем. Это достаточно понятно. Но принципиально важным представляется именно то, что М.Н. Губогло подошел к изложению своего восприятия этих специфических и тонких материй как раз в качестве особых форм этно-национальной рефлексии на повседневность этнического бытия. Уже это по-своему новаторский подход. Все мы чувствуем и понимаем, что национальное бытие так или иначе отражается в искусстве, литературе, кино. Однако, занимаясь научной формой этно-национальной рефлексии, мы очень часто не воспринимаем другие, ненаучные, формы как тоже способ познания бытия, в том числе этнического, причем способ, в общем-то, равноправно имеющий место в жизни одновременно с рефлексией научной. Не говоря уже о том, что по своему воздействию на общество эти художественно-эстетические способы рефлексии куда более сильно и доходчиво воздействуют на публику, нежели рефлексия научная. В написанном автором на эти темы просматривается и другая очень важная составляющая. Она заключается в том, что волею исторических судеб гагаузский народ воспринял в свои способы и формы рефлексии о повседневности, о бытии и об истории, интернализировал в своей ментальности огромное влияние русской и евразийской в широком смысле цивилизации, ставшее неотъемлемой частью и его культуры. Ныне трудно и невозможно, вероятно, представить его без этого прочно внедренного в повседневность культурного кода (автор доказательно и ярко показал это на примере поэзии и живописи гагаузов). И в этом тоже один из уроков этой большой и многозначной книги. На примере гагаузской культуры автором это показано очень убедительно, но написанное им – наглядное свидетельство также удивительной цивилизационной цельности нашей части евразийского ареала.

Разумеется, в этой объемной работе достаточно много высказанных автором мнений, которые вызывают желание с чем-то поспорить или, по крайней мере, продолжить об-

суждение затронутого. Например, несколько спорными представляются суждения о том, что в этнографии и социологии фокус исследовательского интереса был более смещен в сферу групповых особенностей, а биографический и автобиографический метод редко привлекался для «осмысления взаимосвязи этнических и внеэтнических явлений и процессов» (с. 35). Достаточно вспомнить работы таких классиков отечественной науки как, например, В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг, С.В. Максимов, которые часто и охотно вводили в повествование рассказы о жизни и поступках многих конкретных своих респондентов. Другое дело, что в рассказанных ими биографических историях отслеживалось то, насколько полученные сведения типичны/нетипичны для данного народа. Ныне модная у историков т.н. «устная история» на самом деле давным-давно находилась в арсенале приемов этнологической науки.

Не совсем верным мне представляется и мнение автора о том, что классик нашей науки и ведущий ее историограф С.А. Токарев недооценивал мемуарную и автобиографическую литературу (там же). Процитированный им отрывок из книги Токарева свидетельствует лишь о том, что ученый считал важным для истории науки не всю мемуарную литературу. Речь в данном случае у него шла об историографии этнографии, но не об изучении этнокультурной повседневности. В последнем случае Сергей Александрович всегда был готов внимательно анализировать биографическую литературу «носителей этнических культур» как источник. То есть, он довольно четко отделял задачи изучения истории науки от задач анализа ее источников.

В целом же я не ставлю перед собой задачу перечислять спорные моменты работы – и вот

по какой причине: автор книги блистательно владеет техникой провоцирования (в хорошем смысле) своего читателя. Это составная часть авторского стиля, манеры изложения, которой он побуждает нас не просто проглатывать текст, безоглядно принимая все на веру, но размышлять, сопоставлять и анализировать сказанное. Прочтение этой немаленькой по объему книги оставляет при всем том ощущение чего-то не до конца досказанного, вызывает желание вернуться ко многим сюжетам, встретиться с автором – интереснейшим собеседником – снова и снова. В данном отношении наличие спорных и дискуссионных моментов, даже при не всегда полностью убедительной авторской интерпретации – не недостаток, но достоинство этого по своему знакового повествования о повседневности как антропологическом феномене. Остается только согласиться со словами автора: «В повседневной жизни так много труда, красоты, а порой и горечи, что разные люди по-разному видят небо и Бога, солнце и любовь. Словом, тема повседневности неисчерпаема, как неисчерпаем мир» (с. 22).

И последнее. Приведя перечень десятка мотивов, названных классиком психологии личности Гордоном Олпортом как побуждающие людей к автобиографическим сочинениям, М.Н. Губогло заметил, что ни один из них к его книге воспоминаний не подходит. Думаю, что один из них все же подходит (хотя, конечно, не исключительно он один), даже в том случае, если автор книги сознательно не ставил такую задачу. А именно – его сочинение, бесспорно, ценнейший исторический источник, многое способный сказать потомкам, последователям и исследователям о времени и исторической ткани повседневного бытия целой эпохи.

Примечания

¹ «Пушкин посвятил всю нацию в дворянское достоинство: его чувство свободы и чувство чести стало национальным достоянием»: Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм. 2006. С. 143–144.

(Endnotes)

***Карлов Виктор Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: vikarlov@mail.ru.

Впервые опубликовано в журнале: «Вестник антропологии». Москва, ИЭА, РАН, 2015, №4, с. 201-205.

П.М. ШОРНИКОВ

ИСТОРИЯ ГАГАУЗСКОГО ПРОЕКТА

Рецензия на: М.Н.Губогло «Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов».
М.: Наука, 2006

Почётный действительный член Академии наук Молдовы, член редакционной коллегии коллективной монографии «История Приднестровской Молдавской Республики» профессор М.Н.Губогло выпустил труд «Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов» (М.: Наука, 2006). Как один из ведущих российских социологов и этнологов М.Н.Губогло является консультантом Государственной Думы, при его участии формируется национальная политика России, его трактовка состояния этногосударственных отношений в Молдавии учитывается при формировании внешней политики России. Поэтому, а главное вследствие тематического многообразия и познавательной ценности данная книга заслуживает подробного рассмотрения.

Выпуск монографии «Именем языка...» закономерен как продолжение более сорока лет проводимых М.Н.Губогло исследований истории и культуры гагаузов, этнополитических процессов, происходящих в Молдавии

при их участии. В 90-е годы XX века учёный результативно исследовал связи между социальными трансформациями и этничностью в контексте теории идентичностей. В написанном им параграфе «Приднестровский народ как единая общность» (История Приднестровской Молдавской Республики, т.2, ч. II) раскрыт генезис и характер приднестровской региональной идентичности. И наконец, ценным пополнением источниковой базы, необходимой для создания научной картины этнополитических процессов в Молдавии 1989-1992 гг., стал вышедший под редакцией М.Н.Губогло сборник документов и материалов «В лабиринтах самоопределения и самоутверждения» (М.: ЦИМО, 2003). У нового комплексного исследования академика – две стержневые темы: история гагаузского национально-культурного и этнополитического проекта и роль русского языка в социально-культурном развитии гагаузского этноса во второй половине XX в. Ценность исследования заключается также в использовании

автором документации, почерпнутой в архивах Москвы, и материалов социологических опросов, раскрывающих направленность текущих этнокультурных процессов.

**Основа гагаузского проекта:
национальные ценности
гагаузского народа**

Определяя жанр рецензируемой книги как истории, М.Н.Губогло ограничил себя в выборе тематики исследования. Если исходить из такого подхода, то первые два раздела монографии, посвящённые гагаузской традиционной культуре, на первый взгляд, выпадают из контекста исторического исследования. Действительно, гагаузы не являются народом, неведомым миру. Однако исходная точка любого этнического проекта – сохранение этнокультурной самобытности, и автор был прав, когда решил составить своего рода реестр национальных ценностей гагаузов. Материалы книги дают читателю возможность получить достаточно полное представление о содержании гагаузской этничности и о том, что именно защищали гагаузы во времена распада СССР и становления современной молдавской государственности.

Главная из национальных ценностей гагаузов, как и любого народа, – родной язык, хранитель этнокультурной информации. Создание гагаузской письменности на основе русского гражданского шрифта (1957 г.) обеспечило подъём гагаузской литературы, убедительно опровергая пропагандистские выдумки о якобы имевшей место «русификации» гагаузов, авторы приводят свидетельства прочности гагаузского национального сознания и владения гагаузами родным языком.

Другая национальная ценность гагаузов, также определяющая их этническую сущность, – их историческая память, легенды, баллады, сказания, сказки. Автору удалось показать формирование гагаузского национального проекта во второй половине XX в., которое шло традиционным путём – посредством создания культа Прошлого. Беда гагаузов заключалась в том, что о временах до расселения в Буджаке у них не сохранилось даже устных преданий. Призывы литераторов

воздать должное «следам кочевий» и «могилам предков» вряд ли могли возместить отсутствие таких следов и могил, а также героев ранней гагаузской истории.

Недоработку историков взялись исправить литераторы. В 50-80-е годы деятели гагаузской культуры, отвечая на вызовы настоящего и будущего, отчаянно восстанавливая картину прошлого, стремились преодолеть дискриминацию гагаузов замалчиванием их пребывания на Буджакской земле. Продолжая эту традицию, М.Н.Губогло уделил большое, на наш взгляд, даже чрезмерное внимание культу волка в мифологии и в представлениях гагаузов. Но включённый в книгу очерк истории гагаузской культуры – литературы, живописи, музыки – весьма содержателен и заслуживает отдельного издания. Как важная черта гагаузской этничности и гарантия сохранения национальной самобытности гагаузов в книге наглядно обоснована также их приверженность православной вере.

Разгадка загадок этнической идентичности гагаузов и механизмов её конструирования, данная автором, проста и убедительна: их этническая сущность – в языке и фольклоре. А интеллигентам следует оставить поиски исторической родины гагаузов на границах Индии и Китая и заняться практической работой по социально-культурному подъёму народа, к которому принадлежат по рождению.

**Русский язык как национальное
достояние гагаузского народа**

Один из парадоксов новейшей истории гагаузов заключается в том, что большую часть XX в. им пришлось бороться за свободное использование не родного, а русского языка. Идея о сохранении национальной самобытности на базе двух языков – своей национальности и русского – укоренилась в среде гагаузов ещё в 50-е годы. В монографии «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (М.: ЦИМО, 2004) М.Н.Губогло показал, что на рубеже 60-х годов, а вовсе не 90-е, состоялась их первая этническая мобилизация. Она была вызвана переводом школьного обучения на гагаузский язык, осуществлённым без предварительного выявления воли родителей

школьников, без должного научно-методического, кадрового и материально-технического обеспечения. Профанация образования грозила ограничить новому поколению гагаузов доступ к высшему образованию и их социальное продвижение. Родители ответили на это решение властей активными протестами, и официальный Кишинев был вынужден возобновить обучение на русском языке.

Массовое владение гагаузами русским языком не препятствовало утверждению гагаузской национальной идентичности и развитию гагаузской культуры. Более того, оно стало фактором стремительного социально-культурного подъема гагаузского этноса в 60-80-е годы XX в. Добровольно приобщаясь к русскому языку, гагаузы сделали его своим национальным достоянием. Владение русским языком освободило их от комплексов национального меньшинства при общении с молдаванами и обеспечило равные с этническим большинством условия аккультурации нового поколения и социального продвижения. Опыт самоутверждения гагаузов посредством использования русского языка оказался всецело положительным.

Продолжая исследование этой темы, автор труда изучает роль языкового фактора в политическом размежевании в Молдавии на рубеже 90-х годов. Показательны выявленные М.Н. Губогло различия в отношении к русскому языку Народного фронта Молдавии (НФМ) и Народного движения «Гагауз халкы». Если НФМ, декларируя свою поддержку функционированию гагаузского языка, требовал от гагаузов одновременного отказа от использования русского языка, то в Программе «Гагауз халкы» отношение к русскому языку было прямо противоположным. Придание государственного статуса только одному языку — молдавскому, полагали «халкисты», означало бы принятие курса на исчезновение гагаузов как этноса. Национально-русское и русско-национальное двуязычие гагаузы считали единственной возможной базой языковой политики в гагаузских районах.

Игнорирование мажоритарными национал-радикалами языковых реалий вынудило гагаузское национальное движение защищать этнокультурный выбор своего народа поли-

тическими средствами. Как удалось показать автору, этническая мобилизация гагаузов протекала под флагом русского языка и во имя его сохранения в качестве их национального достояния.

Радикализация гагаузского проекта. Особенности этнической мобилизации гагаузов

Термином «этническая мобилизация» понятийный аппарат этнологии обогатил именно М.Н. Губогло (см.: Языки этнической мобилизации. — М.: Школа, 1998), поэтому особый интерес представляет данный им анализ этого процесса в Гагаузии.

Гагаузский национальный проект советских времен, явствуя из рецензируемой книги, заключался в сохранении и развитии гагаузской этнокультурной идентичности и в использовании преимуществ проживания в крупном государстве в целях социально-экономического подъема гагаузского этноса. Несмотря на недовольство политикой официального Кишинева, гагаузы были лояльными гражданами СССР, поэтому националистического либо сепаратистского движения среди них не возникло. Даже после развала Советского Союза, справедливо отмечает автор, в Гагаузии, как и в России, не было ни консолидирующей этническую общность идеи, ни лиц, готовых взять на себя ответственность стать ее творцами и выразителями.

Концепция предоставления гагаузам административной автономии была сформулирована кишиневским доцентом И.И.Мещерюком в письмах партийно-государственному руководству СССР еще в 1957 г., но она не была закреплена в программных документах и не стала известна общественности. В гагаузский национальный проект эта идея вошла только в период кризиса Союза, в конце 80-х годов, как реакция на попытку титульных национал-радикалов установить в Молдавии дискриминационный для национальных меньшинств языковой режим. Несмотря на декларации национал-радикалов о готовности предоставить гагаузскому языку — в отличие от русского, украинского, болгарского — статус регионального официального языка, гагаузская обще-

ственность быстро осознала, что, добиваясь маргинализации русского языка, титульные националисты стремятся узаконить такую кадровую политику, с помощью которой носители молдавского языка могли бы без конкуренции с иноязычными специалистами занимать руководящие должности. Поэтому формирующееся гагаузское национальное движение поддержало требование Интердвижения Молдавии о предоставлении государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку.

При этом автономизация рассматривалась не как прелюдия отделения от Молдавии, а только как гарантия сохранения национального равноправия в гагаузских районах. «Когда гагаузский народ говорит о своей автономии, — заявила 12 ноября 1989 г. на Чрезвычайном съезде гагаузского народа историк М.В. Маруневич, — хочется, чтобы понимали: в этом нет ничего националистического, лишь только желание выжить и дружить на равных со всеми народами...»

Гагаузское движение не выдвинуло требований, направленных на ущемление иноэтничного населения районов своего компактного проживания. Эти обстоятельства, а также правозащитный характер гагаузского этногосударственного проекта обеспечили гагаузам поддержку других национальных сообществ Молдавии, населения Приднестровья. Политическая мобилизация гагаузов состоялась на общедемократической основе и не повлекла осложнения межэтнических отношений в районах их компактного проживания.

Положительная сторона рецензируемой работы — ее предметный характер. В книге поименно названы более 100 деятелей и активистов гагаузского движения, указаны личные заслуги каждого из них. Раскрыт вклад едва ли не всех деятелей гагаузской культуры в национальное пробуждение гагаузов, указано, что в разработке концептуальных основ гагаузской автономии приняли участие ученые-гагаузы С.С.Курогло, И.И.Каракаш, К.П.Таушанжи.

Проекты автономии

Автору удалось раскрыть эволюцию идеи региональной автономии. В 1988-1989 гг. конкурировали три ее модели: Гагаузская,

Гагаузско-Болгарская и Буджакская. Национальной, таким образом, была только первая, две другие автономии были задуманы как полиэтничные, а по времени обсуждения их, видимо, следовало перечислить в обратном порядке. Выдвигалась также четвертая модель — создание Бессарабской Советской Социалистической Республики с включением в ее состав районов компактного проживания гагаузов и болгар юга Молдавии и Одесской области Украины. Представленная в книге квалификация этого проекта, имеющего, скорее, экзотический, чем рациональный смысл, верна: однажды прочерченные административные границы превратились в межгосударственные, и их изменение стало практически невозможным. Но закономерность в возникновении такого проекта все же имела место. Еще в 1957-1958 гг. И.И.Мещерюк предлагал руководству СССР создать в тех же территориальных пределах Болгаро-Гагаузскую Республику.

Закономерно было и намерение сторонников всех проектов сохранить в автономии за русским языком официальный статус. Более того, отмечает автор, стратегически точнее звучала бы формула не «язык для республики», а «республика для языка», ибо только сохранение русским языком его позиций позволяло гагаузам не утратить конкурентоспособность на рынке труда, включая сферу управления. Но именно отношение к русскому языку являлось главным пунктом противоречий между национальным движением гагаузов и про-румынскими национал-радикалами. Если движение «Гагауз халкы» предлагало, что паритетное национально-русское и русско-национальное двуязычие есть единственно реальная языковая база в местах компактного проживания гагаузов, то НФМ с особой жесткостью отвергал возможность образования «каких-либо автономий на базе русского языка».

Реализация того или иного варианта автономизации зависела не от его исторической, правовой или даже этнодемографической обоснованности, а от соотношения политических сил в республике и за ее пределами. Материалы книги позволяют проследить процесс «свертывания» этногосударственных

проектов. Самый широкий проект создания Бессарабской ССР практически не обсуждался. Почти та же судьба постигла проект полиэтничной Буджакской автономии. Проект образования Гагаузско-Болгарской АССР в составе Молдавии оставался в силе до ноября 1989 г.; намеченный на 12 ноября съезд гагаузского народа готовился с целью создания двуэтничной автономии. Но в период между 30 октября и 12 ноября стало очевидно, что в болгарском Тараклийском районе сторонники автономизации не добились должной поддержки. Именно в этот момент в гагаузском движении возобладал проект создания Гагаузской АССР в составе Молдавской ССР. В дальнейшем гагаузский народ вел борьбу за осуществление именно этого проекта.

Однако это еще не означало перехода на позиции сепаратизма. В составе СССР гагаузы прекрасно уживались с молдаванами. Только летом 1990 г., когда титульные национал-радикалы выступили с требованием присоединения Молдавии к Румынии, в программу гагаузского национального движения был включен пункт о праве гагаузов на внешнее самоопределение в случае изменения государственного статуса Молдавской республики. Не желая мириться с дискриминационной политикой прорумынских националистов, 19 августа 1990 г. более 800 депутатов Советов всех уровней — участников II Чрезвычайного съезда гагаузского народа — единодушно приняли «Декларацию о свободе и независимости гагаузского народа от Республики Молдова». Это решение поддержали делегаты II Чрезвычайного съезда народных депутатов всех уровней, провозгласившие 2 сентября Приднестровскую АССР. Но гагаузы, как, впрочем, и молдаване, и другие народы Молдавии, по-прежнему желали сохранить Союз, что и подтвердили в ходе референдума СССР в марте 1991 г.

Попытки концептуального разоружения гагаузов

Безусловным достоинством рецензируемой работы является обращение автора к некоторым вопросам этнополитики, публично практически не обсуждающимся. Речь идет о

графике гагаузского языка. С этой проблемой в начале 90-х годов был искусственно увязан вопрос о языке аккультурации нового поколения гагаузов.

Отразив в начале 60-х попытку официального Кишинева под предлогом обеспечения им права на обучение на родном языке заключить их в языковое гетто, гагаузы решительно отвергли и проект «гагаузации» образования, предложенный титульными национал-радикалами в 1989 г. Но постановка вопроса о латинизации гагаузской письменности оказалась для гагаузов неожиданной. Никогда, за исключением периода румынской оккупации в 30-е годы и в 1941-1944 гг., когда публичное использование гагаузского языка было запрещено, гагаузы не знали латинской графики. Проживая в Добрудже, они пользовались заимствованной у болгар кириллицей, а после переселения в Россию — русским гражданским шрифтом. Именно этой графикой до 30-х годов XX столетия создавал свои труды просветитель гагаузского народа М.М. Чакир. В богослужебных книгах гагаузов также применялось греческое, так называемое караманлийское, письмо.

Получив в республике власть, титульные национал-радикалы попытались решить эти вопросы методами административного насилия, представленного как инициатива самих гагаузов. В июле 1991 г. адепт латинизации Н. Бабоглу, назначенный заместителем министра образования, созвал на совещание 30 гагаузских интеллигентов. 11 из них являлись сотрудниками научных учреждений или преподавателями высшей школы, 10 — служащими министерств и ведомств, 6 — учителями, 3 — журналистами и один композитор. Все они, за исключением двоих, являвшихся также депутатами парламента, зависели по службе от министра образования Н. Маткаша и других национал-радикальных функционеров. Кишиневский чиновник, отмечает автор, «наряду с молниеносно усвоенной им обычной для народнофронтистской риторики хулой на все советское прошлое позволил себе надуманные обвинения в адрес русского языка». Он призвал прекратить «тратить впустую средства на печатание литературы на ломанной орфографии кириллицы». Один из де-

путатов, член фракции НФМ, даже оказывал давление на участников совещания.

К этому времени гагаузы пережили «поход» молдавских волонтеров, избиение националистическими погромщиками артистов ансамбля «Дюз ава» и ряд нападений на депутатов-гагаузов. Продолжались массовые увольнения с работы политически негодных лиц. Тем не менее заведующий отделом гагаузоведения Академии наук Молдовы депутат С.С. Куроглу, а также деятель гагаузского движения старший научный сотрудник Академии наук ГА.Гайдаржи и еще 11 участников совещания выступили против латинизации гагаузской письменности и перевода обучения на гагаузский язык. Однако 18 человек, включая инициатора совещания, приняли написанное под диктовку НФМ обращение к руководству ССР Молдовы и к руководству Турецкой (!) республики с просьбой об оказании помощи в переводе гагаузского языка на латиницу и в подготовке кадров с тем, чтобы осуществить переход к обучению на гагаузском языке.

Принятие этого обращения представляло собой и попытку извратить гагаузский проект. Отказ от русского языка, отмечает М.Н.Губогло, подобно эффекту бумеранга, не только не спасет гагаузов от ассимиляции, но напротив, загонит их социокультурное и этнополитическое развитие в тупик, изолирует от магистральной эволюции модернизации. Успешная самозащита малочисленного и потому малозащищённого народа на основе младописьменного, функционально слаборазвернутого гагаузского языка попросту невозможна. На эту роль подходит русский язык, которым гагаузы владеют и уже сделали своим национальным достоянием.

Несмотря на массивную пропаганду, организационные меры воздействия и структурное насилие (сокращение возможности получить в Молдове высшее образование на русском языке и невозможность трудоустройства в государственную администрацию при наличии такого образования), гагаузы и в дальнейшем сохранили ориентацию на русский язык как язык образования. Красноречива приведенная автором цифра: в 1995/96 учебном году на русском языке обучались 97% гагаузских детей. Для сравнения: в это

время на русском языке обучались только 72,3% русских детей, 68,7% украинцев и 75,9% болгар Республики Молдова.

Латинизация гагаузской письменности так и не получила научного обоснования. В выступлениях парламентариев Молдовы прозвучал политический мотив: перевод гагаузской письменности на латиницу якобы облегчит гагаузам интеграцию в тюркский мир. Но тюркский мир — мир мусульманский. Стремятся ли к этому гагаузы, народ православный? Приемлема ли для них «интеграция» ценой этнокультурной капитуляции? История перевода гагаузской письменности на латиницу все еще остается загадочной. Некоторые участники совещания 1991 г., выступившие в защиту гагаузской традиции, после перехода Молдовы к независимости в 1993 г. поддерживали латинизацию перед парламентом. Такую смену этнокультурной ориентации М.Н. Губогло резонно объясняет социальными мотивами: «Поистине, кто кормит, тот и танцует». Но не исключены и другие версии.

Впрочем, в период существования Гагаузской республики латинизация гагаузской письменности так и не состоялась. Она была осуществлена только в 1996 г. Перевод гагаузской письменности на латинскую графику предстает в книге как пример операции по геополитической переориентации этноса, проведенной внешними силами руками этнокультурных компрадоров.

Проект для Молдавии: Унитаризм? Федерализация? Конфедерализация?

После расчленения СССР лозунг права наций на самоопределение правящими кругами новых независимых государств был немедленно забыт. Процедуры формальной демократии оказались неприменимы при решении вопросов национальной политики. Парламентарии, принадлежавшие к титульным нациям, начали демократическим большинством голосов решать, на каком языке надлежит воспитывать и обучать детей, обращаться в государственные учреждения, получать общественно-значимую информацию лицам, принадлежащим к национальным

меньшинствам. Этот курс, как явствует из рецензируемой книги, лишь укреплял гагаузов в решимости сохранить провозглашенную 19 августа 1990 г. гагаузскую государственность. Их согласие с понижением ее статуса до уровня автономии в обмен на признание официальным Кишиневом, данное 23 декабря 1994 г., не означало отказа от гагаузского этногосударственного проекта. Гагаузам удалось сохранить в автономии официальный статус русского языка и право на проведение недискриминационной кадровой политики. Неизменной осталась также геополитическая ориентация гагаузского народа на Россию.

Весьма содержателен данный в книге обзор взаимоотношений между Комратом и Кишиневом в 1994-2005 гг. Подтверждая свои суждения фактами, автор убедительно квалифицирует эти отношения как внешне благополучные и терпимые, а в действительности — острые, противоречивые и конфликтогенные. В то время как центр настроен на максимальное выхолащивание статуса автономии, гагаузское движение требует наполнения гагаузского суверенитета дополнительными гарантиями и полномочиями, включения представителей Гагауз-Ери в делегацию, которая ведет переговоры по вопросу о статусе Приднестровья, выражает намерение добиться для Гагаузии статуса третьего субъекта будущего общего государства. Руководителям Гагаузии приходится сдерживать стремление своего народа довести решение вопроса о статусе Гагауз-Ери до логического конца — до провозглашения независимости от Кишинева. В этих условиях Комрат разработал проект Закона РМ «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова», в котором предложил установить между Молдовой и Гагаузией даже не федеративные, а конфедеративные отношения. Таким образом, речь идет уже не только о признании официального статуса русского языка в Молдове. Вопрос поставлен ребром: быть или не быть федерации в Молдавии.

Как долго сможет официальный Кишинев игнорировать полиэтничный, в основном двуязычный характер Республики Молдова? Ответ на этот вопрос затрагивает интересы не только гагаузов, но и двух пятых населения

республики. Расчленение СССР в момент, когда на Западе в виде Европейского Сообщества формируется Европейское сверхгосударство, не дало бывшим субъектам Союза подлинной независимости. Решения ПАСЕ, МВФ, ЕБРР и других международных политических и финансовых структур для Кишинева не менее обязательны, чем в былые времена директивы Политбюро ЦК КПСС. А для европейского общественного мнения, на которое ориентируется правящая партия и большинство других политических сил Молдовы, демократический федерализм, даже конфедерация как форма государственного устройства более привлекательны, чем постсоветский этнократический унитаризм. Экономика Молдовы остается ориентированной, прежде всего, на Россию. Таким образом, от справедливого определения статуса Гагаузии, полагает автор, в немалой степени зависит не только урегулирование конфликта между Молдовой и Приднестровьем, но и в целом современное положение Молдовы на политической карте мира.

Отмеченные достоинства не означают, что у книги нет недостатков.

Желательно рассмотрение истории гагаузского национального движения в более полном контексте политической борьбы в Молдавии. Помощь Народному движению «Гагауз-Халкы» оказывали руководители Интердвижения молдаванин профессор-юрист В.Н. Яковлев и украинец профессор-историк А.М. Лисецкий, ученый-правовед В.Ю. Лебедев и некоторые другие специалисты. Продвижению вопроса о гагаузской автономии в Верховном Совете и Правительстве СССР способствовал народный депутат СССР Ю.В. Блохин. Подробного научного анализа заслуживает также участие самого М.Н. Губогло в защите национального равноправия в СССР в целом и в Молдавии в частности, в разработке программы гагаузского национального движения.

Спорна, на наш взгляд, трактовка М.Н. Губогло Народного фронта Молдовы как политического формирования молдавских националистов. Социальную базу «фронта» составляли румынисты, т. е. лица, перешедшие к румынской этнической самоидентификации, которые действовали исходя из

национально-государственных интересов не Молдовы, а прежде всего Румынии.

Закономерно названы в книге творцы гагаузской культуры 60-80-х годов в отличие от исторических деятелей. В 90-е годы некоторые из них занимали политические позиции, не всегда корректные с точки зрения национальных интересов гагаузского народа. Этому следует дать не только нравственную, но и политическую оценку. Представляется целесообразным также разделить этнополитические и художественные критерии оценки литературных качеств ряда произведений гагаузских литераторов.

Именем языка националистические круги Молдовы, как и других новых независимых государств, проводили и продолжают проводить в своих интересах внутреннюю социальную и национальную политику. Гагаузский этногосударственный проект наряду с традиционными национально-культурными ценностями включает идею сохранения и развития своей национальной самобытности на базе двух языков — гагаузского и русского.

Как и всякое добротное исследование, труд М.Н. Губогло представляет собой вклад в реабилитацию советского периода национальной истории, оболганной и очерненной. Вместе с

тем его содержание свидетельствует об уточнении авторской оценки языковой реформации, происходящей в СССР, а затем в новых независимых государствах с конца 80-х годов XX в. Процесс, вначале названный исследователем «тихой языковой революцией», а позднее, когда эта «революция» вылилась в серию гражданских конфликтов и региональных гражданских войн, — языковой реформацией (см.: Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крышом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. — М.: ЦИМО, 2000), в рецензируемой книге наглядно представлен как политика насилия, которая проводилась в своих корыстных интересах националистическими кликами.

Монография «Именем языка...», написанная главным идеологом и историком гагаузского национального движения, представляет собой наиболее полное изложение истории гагаузского этногосударственного проекта. Это познавательно интересный и методологически значимый опыт написания этнической и региональной истории, ценное пополнение дискурса гагаузской истории и культуры. Данный в книге анализ текущих этнополитических процессов позволяет прогнозировать будущее, и как таковой может быть интересен не только для историков и массового читателя, но и для действующих политиков.

Впервые опубликовано в: «Общественная мысль Приднестровья». Тирасполь, 2006, №2, с.58-66; Петр Шорников, Поля падения. Историография молдавской этнополитики, Кишинев, 2009, с.99-107

ПРИРУЧЕНИЕ ПАНТЕРЫ

*Рецензия на книгу: М.Н.Губогло
«Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки».
М. Наука, 2003, 764 с.*

Ренессанс этничности в конце XX в., давший некоторым исследователям основания определить всё столетие как век национализма, состоялся на фоне нарастающих процессов глобализации. Для раскрытия сути проблем этнической идентичности приведём поучительную притчу о пантере. «Пантера убивает, если её преследуют, она убивает, даже если ей не причиняют особого беспокойства, но хуже всего – если, ранив её, пытаются оставить её в покое. Но даже пантеру можно приручить». Ответы на важнейшие вопросы, сформулированные этнологической наукой в кризисные 90-е годы, представленные в труде академика М.Н.Губогло, аргументированы исчерпывающим образом¹.

Достоинствами книги являются теоретическая новизна, многообразие проблематики и богатство использованных автором материалов. О фундаментальном характере моногра-

фии и полноте проведённых исследований идентичностей можно судить уже по их списку: гендерная, семейная, этническая, религиозная, профессионально-трудовая, социальная, региональная, гражданская. Каждая из названных идентичностей является объектом специального исследования.

Концепция множества идентичностей, основанная на понимании многокультурности как богатства, а не порока общества, предложенная автором вместо всё ещё популярной теории множественной идентичности, заслуживает особого внимания не только в силу своей новизны, но и потому, что обоснована анализом материалов полевых исследований, проведённым с использованием различных подходов (когнитивного, конативного, атитюдного). Особую убедительность авторскому анализу идентичностей, соотношения этнического и гражданского, придаёт то

обстоятельство, что взаимосвязи между социальными трансформациями и процессами формирования идентичностей раскрыты на основе данных этносоциологических исследований, проведённых в последнее десятилетие не только в России, но и в Молдавии и других новых независимых государствах, а также в Приднестровье. Применение этой методики позволило автору наглядно раскрыть факторы и технологии функционирования идентичностей во многих сферах и ситуациях.

Одно из центральных мест в книге М.Н.Губогло обоснованно занимает изучение менталитета граждан полиэтничного государства. Понимание соотношения и взаимодействия идентичностей – прежде всего этнической и государственной – правил, вмонтированных в контекст каждой культуры, даёт ключ к пониманию сущности двух разновекторных тенденций – глобализации и индивидуализации, в том числе в области культуры, тенденций смещения этничности из сферы материальной в сферу духовной культуры и далее – в сферу политики и права, к прогнозированию действий граждан при определённых обстоятельствах в соответствии с воспринятой ими этнической ролью или этническими, групповыми и иными стереотипами поведения, определяемыми идентичностями.

Не только в научно-познавательном, но и в политическом плане ценен данный в монографии анализ такого явления, как выхолащивание содержания этнической идентичности, манипулирование этническим сознанием, его использование в качестве механизма достижения внеэтнических целей. Автору удалось доказать, что расшатывание этнической идентичности осуществляется путём перетасовки, целенаправленной компрометации и обесценивания составляющих (самоназвание народа, наименование языка, родовая (историческая) память), объявления одной из них (например, языка), более важной, чем другие. Следующим удобным приёмом «размывания» этничности, справедливо отмечает исследователь, служат попытки противопоставить этническое «мы» внеэтническому. В результате сравнивают не две этнические идентичности, что было бы правомерно, а идентичность этническую с территориальной, земляческой,

региональной, культурной, гражданской и даже европейской и ещё шире – с глобальной. Результат такого сравнения нетрудно предугадать.

Важным преимуществом М.Н.Губогло – автора, составителя редактора около 120 монографических трудов и сборников документов, опубликованных за последнее десятилетие, – является возможность сопоставить результаты уже проведённого им в других работах анализа текущих и незавершённых этнополитических процессов в новых независимых государствах с последними достижениями мировой этнологии. Несомненная заслуга исследователя – выявление тенденций смещения этничности по линии хозяйство-психология-политика, изучение парадоксального характера воздействия перехода к демократии и рыночной экономики на этнополитическую ситуацию в ряде регионов и этническую идентичность населяющих их народов. Поиски общеобъединяющей национальной идеи, предпринимающиеся в 90-е годы в России и других постсоветских государствах, подчёркивает учёный, оказались безрезультатными.

Чрезвычайно актуальна для понимания этнокультурных и, следовательно, политических перспектив Молдавии рассмотренная в книге проблема возможной потери национальной самобытности. Под угрозой оказались не только языки и культуры национальных меньшинств, но и самоназвание, лингвоним, культурный суверенитет титульного этноса. Возникновение такой угрозы, а также несоблюдение права народа на самоопределение, произвольное установление межгосударственных границ и исторические причины – завоевание, угнетение, депортации и т.п. – или, добавим мы в свете недавнего опыта нашей республики, целенаправленное насаждение в массовом сознании социально-деструктивных исторических мифов, служат источником психологической травмы и создают условия для проведения этнических мобилизаций.

Родовая травма идентичностей – конфликты. Исследование вопроса о том, следует ли трактовать этнокультурные различия, существующие между народами, как «призраки этнических конфликтов», особенно актуаль-

но в свете этнополитических процессов, протекавших в 90-е годы XX в. на пространстве от Адриатики до Тихого океана, в том числе в Молдавии. Универсальность этнических различий состоит в том, что они проявляются как в объективной реальности, так и в субъективной сфере не только на личностном, но и на групповом уровне, в открытой и скрытой формах. Этим различиям, справедливо отмечает автор, довольно часто придают если не самодовлеющее, то по крайней мере немаловажное значение, и подобные вызовы времени не случайны. Рассмотрение конфликтов как фактора формирования новых идентичностей (лучшей иллюстрацией данного положения послужила бы история приднестровской государственности) вполне обосновано.

Убедителен также данный учёным анализ формирования приднестровской идентичности. Развал Советского Союза, совершённый верхушкой партноменклатуры Кремля при содействии и соучастии политической элиты некоторых союзных республик, сыграл катализирующую роль в формировании региональной и гражданской идентичности населения Приднестровья. Среди свидетельств тому – принципиальное несовпадение удельного веса сторонников и противников распада СССР в Приднестровье и РМ, высокий процент жителей ПМР, считающих, что население Приднестровья уникально, специфичность геополитических ориентаций приднестровцев.

Читателю, знакомому с этнополитическими реалиями Молдавии конца XX – начала XXI столетия, определение Днестровской войны 1992 г. как конфликта «кишинёвского этницизма с тираспольско-бендерским регионализмом» представляется сознательным упрощением сути дела. Однако мнение автора о том, что в основе её конфликт двух коллективных идентичностей – наступательно-эт-

нической со стороны Кишинёва и оборонительно-региональной со стороны Тирасполя – заслуживает признания. Данное определение позволяет выработать более сбалансированный подход к оценке Приднестровского конфликта и реалистичные предложения по его урегулированию путём устранения вызывающих его причин.

В контексте общепризнанных мировых тенденций неожиданны приведённые в книге данные о скромном месте этничности в системе идентичностей, полученные в ходе недавних этносоциологических исследований в многонациональном Поволжье. Так был ли XX век веком национализма? Не является ли национальная индивидуация реакцией на угрозу этнокультурного обезличивания, созданную глобализацией? Теоретически и практически важна также разработка вопроса об использовании этнических различий для достижения социальных и политических целей.

Подзаголовок «Этносоциологические очерки», которым автор снабдил название книги, лишь частично характеризует богатство содержания этого исследования. Предназначенное для историков, этнологов, социологов, оно представляет интерес не только для специалистов. Знание структур, сути, характера и закономерностей взаимодействия и тенденций развития идентичностей даст возможность этническому сознанию продолжить маршрут развития в обход конфликтных зон. Не менее ценны и выявленные автором методы «управления» этничностью. Их знание позволяет препятствовать демонтажу этничности, эффективно защитить традиционные ценности, сохранить этнокультурное многообразие человечества, сформулировать обоснованные рекомендации по части приручения «пантеры» шовинизма.

(Endnotes)

¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности. – М.: Наука, 2003

Впервые опубликовано: Исторический альманах Приднестровья, Тирасполь, 2005. №9, с.157-158.; См.: также Петр Шорников, Поля падения. Историография молдавской этнополитики. Кишинев, 2009, с.26-27

ГРЕК И.Ф.

ГАГАУЗЫ

Гагаузоведение находится еще в младенческом возрасте и коллективная монография «Гагаузы» зафиксировала этот ее возраст. Первый шаг в жизни младенца – это всегда радостное событие в жизни его родителей, предмет их гордости. Поэтому, первая коллективная монография о гагаузах, их происхождении, этнокультурной идентичности имеет все основания быть встреченной гагаузской общественностью как примечательное событие в жизни гагаузского народа Молдовы.

В 2000 году я и зав. Отделом гагаузоведения АН РМ Л. С. Чимпоеш напросились на встречу с тогдашним башканом Гагаузии Д. Г. Кройтором. Мы пришли к нему с запиской «По вопросу написания истории гагаузского народа». В ней предусматривалось три этапа работы над темой. Первый должен был завершиться изданием сборника «по узловым проблемам истории и культуры гагаузского народа», включая и «белые пятна». На втором этапе мыслилось выйти на издание научно-популярной книги по данной теме. И лишь на третьем этапе планировалось написание

монографии в 3-х томах.

Башкан обещал подумать над реализацией идеи «Записки», но на этой ноте все и закончилось. Глядя со стороны, можно было заметить, как тогда главы Гагаузии пользовались плодами интеллектуального труда гагаузской национальной элиты, выступившей в качестве коллективного идеолога гагаузской этнической, этнокультурной и этнополитической идентичности, и подвигом гагаузского народа, боровшегося за свои автономные права в составе Республики Молдова. Но за достижения в конце прошлого столетия надо продолжать бороться, единая национальная идеология гагаузов по многим параметрам еще до конца не разработана и она не стала частью этнопсихологи гагаузского народа. Гагаузским этническим идеологам на постсоветском пространстве предстоит проделать большую и кропотливую работу, чтобы донести до своих соплеменников – в автономии и за ее пределами в Молдове – необходимость развивать и защищать свою идентичность во всем ее многообразии.

Сама же постановка проблемы в начале нулевых годов XXI века была актуальной и сво-

евременной. И ее реализация легла на плечи московского этнолога, уроженца Чадыр-Лунги М. Н. Губогло. Независимо от меня и Л. С. Чимпоеш, Михаил Николаевич также пришел к выводу о необходимости научной разработки проблем гагаузоведения. Его местоположение в Москве и связи в планетарном этнологическом мире, а также осознанное внутреннее чувство быть полезным своему народу, подвигли его взяться за реализацию этой сверхсложной научной задачи. Десять томов сборников статей «Курсом развивающейся Молдовы», вышедших в Москве под его общей редакцией, а также его монографии «Именем языка» и «Русский язык в этнополитической истории гагаузов», как и многочисленные статьи по этнографии и этнологии гагаузов, стали весомым научным фундаментом, на котором покоится коллективная монография «Гагаузы».

Следует подчеркнуть, что кроме него в разработке научных проблем гагаузоведения самое активное участие приняло молодое поколение ученых и исследователей гагаузов Молдовы: Л. Чимпоеш, Д. Никогло, В. Сырф, Е. Квилинкова, Е. Сорочяну и другие. Кроме того, в 2002 г. была издана в Одессе солидная монография местного ученого А. В. Шабашова «Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа», а в 2006 г. в Кишиневе увидели свет очерки «История и культура гагаузов», подготовленные к изданию С. С. Булгаром. Эти две книги примечательны тем, что в них также рассматриваются проблемы этногенеза, этнического самосознания, материальной и духовной культуры гагаузского народа. Более того, и одесский этнограф А. В. Шабашов, и многие авторы указанных очерков стали соавторами московского издания «Гагаузы». Следовательно, все они, как говорится, были уже «в теме», и от них требовалось проявить в новой работе концептуальное единство и высокий уровень научного обобщения и академического изложения.

Укажем также, что «Гагаузы» – это вторая в московской серии книг «Народы и культуры» (первая – «Молдаване», опубликована в 2010 г.) коллективная монография, посвященная одному из этносов нашей республики. Обе они сконструированы по стандартной схеме,

свойственной этому серийному изданию. В них рассматриваются проблемы этногенеза, этнологии, материальной и духовной культуры мажоритарного молдавского этноса и малочисленного гагаузского народа, обретших в конце второго тысячелетия нашей эры политический суверенитет (молдаване) и автономный статус (гагаузы) в составе Республики Молдова.

Коллективная монография «Гагаузы», как и «Молдаване», структурно разбита на части, главы и параграфы. Помимо этого, их еще объединяет один из ответственных редакторов (М. Н. Губогло) и несколько соавторов – тот же М. Н. Губогло, а также И. А. Субботина, Л. В. Остапенко.

Имея еще ряд общих черт, обусловленных требованиями, которые предъявляются к самой серии «Народы и культуры», тем не менее, обе монографии, «Молдаване» и «Гагаузы» отличаются, и не только по предмету исследования. Этому есть объяснение, в том числе научно-исторического и субъективного характера.

Если говорить о достоинствах книги, то следует, прежде всего, сказать, что М. Н. Губогло, как ответственному редактору монографии «Гагаузы» и одному из главных ее соавторов в целом удалось провести на ее страницах гипотезу о тюркском кумано-огузско-печенежском происхождении гагаузов, спрятав ее за кажущейся туманной формулировкой «вероятные предки гагаузов». Правда, сделал он это – обстоятельства вынуждали – весьма своеобразно: в споре с Ф. А. Ангели, который, в общем-то, стоит на этих же позициях; в дискуссии с болгарским ученым Г. Атанасовым, который отстаивает куманскую гипотезу происхождения гагаузов; в раскрытии им этнической истории гагаузов, запечатленной в их этнографической культовой системе (культ предков, культ волка, культ петуха, культ судьбы, культ земли и хлеба, культ коня) и в их соционормативной культуре (общественное мнение, хору, ярмарки, курбан, гостеприимство). Можно соглашаться с автором или не соглашаться, но он последовательно и настойчиво отстаивает свое видение происхождения гагаузов, их этническую историю и этнографическую специфику. Вместе с тем,

М. Н. Губогло, признает, что он придерживается одной из гипотез этногенеза гагаузов, но видит ее ограниченность и недостатки, как и ограниченность, и недостатки, присущие другим его гипотезам. Он соглашается с мнением других ученых в том, что научное единство и согласие по этой проблеме может быть найдено через преодоления крайностей всех этих гипотез и при комплексном исследовании этногенеза гагаузов, с подключением инструментария множества научных дисциплин. И автор не только это декларирует, но уже признает присутствие и не тюркского компонента в этногенезе и этнической истории гагаузов.

Этническая история тюркоязычного православного населения, ныне известного как *гагаузы*, которые и являются объектом исследования, раскрывается в книге этнографическими, языковыми и демографическими сюжетами. Они составляют ее основу во всех четырех частях монографии. В первой ее части этническая история гагаузов рассматривается в 3-й – 5-й главах. Их авторы освящают такие ключевые вопросы гагаузской идентичности, как происхождение и строй гагаузского языка, диалектные формы его существования, современные языковые ситуации, формирование самосознания гагаузов, динамика численности гагаузов и демографические процессы среди них, а также географическое расселение гагаузов в России, юго-восточной Европе и на Балканах.

Во второй части коллективной монографии этническая история гагаузов рассматривается как система жизнеобеспечения (главы 6 – 9). Это земледелие, животноводство и промыслы, посредством которых они обеспечивали свое существование на земле. Это их поселения, усадьба и жилища, где протекал жизненный цикл каждого поколения по наследству от дедов и отцов к детям и внукам. В категорию жизнеобеспечения входит питание и одежда гагаузов в их специфической этнографической традиции.

В третьей части книги этническая история гагаузов рассматривается как система установившихся родственных отношений и функционирующей соционормативной культуры и традиционной обрядности (главы 9 и 10).

Наконец, четвертая часть книги посвящена

духовной культуре и народным знаниям гагаузов, а именно устному народному творчеству (дастанный эпос, поэтическое творчество и песенно-инструментальное творчество) и народно-медицинской практике (глава 14).

Все указанные компоненты материальной и духовной культуры присутствуют в этнической истории каждого народа. Все дело в специфике их проявления, в хронологической последовательности их выстраивания. Применительно к этнической истории гагаузов это выражалось – в наиболее обобщенной форме по отношению к бессарабским гагаузам – в присутствии трех пластов, наслоенных один на другой, в материальной и духовной их культуре. Если взять систему жизнеобеспечения бессарабских гагаузов, то их этническая история проявлялась в том, что в добалканскую историю их «воображаемых предков» главную роль играло животноводство. Балканский период их истории характерен переходом на оседлый образ жизни и подключением земледелия в их жизнеобеспечении. А бессарабский цикл их истории представляет собой перевод животноводческо-земледельческой системы хозяйствования в земледельческо-животноводческую, их эволюцию от экстенсивного к интенсивному этапу развития.

Указанные три периода этнической истории гагаузов Буджака – добалканский, балканский и бессарабский – хорошо прослеживаются в монографии в системе их питания, языке (диалекты вулканештский и комратско-чадыр-лунгский), кровно-родственной практике. Но бессарабский этап этнической истории гагаузов характерен и тем, что в их этногенезе вливаются новые этнические компоненты (русские, украинцы, молдаване), отсутствующие в балканском периоде их этнической истории. То есть, этническое смешение у них здесь стало более обширным, численно более значимым, что особенно проявилось после 1944 г. но это не привело к размыванию этнической специфики гагаузов. В этом одно из главных проявлений феномена устойчивости гагаузской идентичности в Молдове и на Украине во всех ее формах.

Демографический компонент коллективной монографии «Гагаузы» заслуживает осо-

бого внимания. В положительном ракурсе он решен на статистическом материале, начиная с Всероссийской переписи населения 1897 г. и завершая переписями населения на Украине (2001 г.), в России (2002 г.) и в правобережной Республике Молдова (2004 г.). В параграфе «Динамика численности и демографические процессы в XX – XXI вв.» И. А. Субботина использует всю имеющуюся статистическую базу переписей, а также литературные источники и собственные статистико-демографические полевые материалы. Это позволяет автору раскрыть все многообразие демографических процессов в бессарабской, советской и постсоветской гагаузской общности. От ее взгляда не ускользнула ни одна сторона этого процесса, определяющая и влияющая на этническое самочувствие и этническую перспективу гагаузов как на постсоветском пространстве в целом, так и в Республике Молдова, в частности. Автор очень убедителен, когда методами демографической статистики по полу рождения, возрастным группам и возрастной структуре репродуктивности и с учетом географии расселения показывает эволюцию численности гагаузов на этапе их расширенного воспроизводства, имевшее место на рубеже XIX и XX веков, ее переход к простому воспроизводству, зафиксированному в середине XX столетия. А завершает параграф рассмотрением демографического кризиса, настигший гагаузов на рубеже XX и XXI веков. А. И. Субботина объясняет причину такой негативной динамики, угрожающей самому существованию гагаузского этноса на постсоветском пространстве. Это и замедление темпов прироста населения, вызванные мировыми войнами, природными и социальными катаклизмами. Это и рассредоточение гагаузов посредством эмиграции в Латинскую Америку в 1920-х годах и миграции из Буджака в румынский и в советский период их истории. Это и распад гагаузской общности на три части в результате развала Советского Союза в 1991 году. Именно это дисперсное расселение на прежде единой государственной территории объективно может привести к их исчезновению на Украине и в РФ, как это произошло с несколькими тысячами гагаузов, эмигрировавших в Латинскую Америку. А

трудовая эмиграция гагаузов Молдовы в Россию и на Украину не усиливает гагаузскую популяцию там, поскольку мигранты не селятся в места проживания местных гагаузов. Эта эмиграция, как и та, что оседает в Турцию, в странах западной Европы рассасывает гагаузскую общность в Молдове, а она – единственная, имеющая внутреннюю энергетику сопротивления этническим, этнокультурным и этнополитическим рискам. Автор указывает на эти риски, объясняет их природу и убеждает, что нельзя мириться с демографическим кризисом, его необходимо преодолеть, и чем раньше, тем лучше для гагаузского этноса.

Отмечая высокое качество параграфа А. И. Субботиной, его научный фундамент и академический стиль изложения, приходится сожалеть о том, что предыдущий параграф монографии, на который она должна была бы опираться или отталкиваться от него, не отвечает этим профессиональным критериям.

Коллективная монография «Гагаузы» – это первый обобщающий труд в таком содержательном этнологическом формате. Часть его авторов в виду своей научной молодости впервые участвуют в написании такой работы, отличающейся от индивидуальной монографии или научной статьи. Коллективный обобщающий труд требует от его авторов не только умения освещать «белые пятна» истории и культуры, но и знание всей литературы по теме, особенности трактовки в ней отдельных аспектов проблемы и способность отобразить в нем это многообразие научных открытий и мыслей предшественников. Поэтому свою задачу рецензент видит как в том, чтобы публично отметить плюсы этого первого коллективного опыта и поздравить его ответственных редакторов и авторский коллектив за смелое решение и его осуществление, так и в том, чтобы указать на его недостатки во имя того, чтобы в последующих трудах их можно было избежать. А то, что новые коллективные и обобщающие труды по истории и культуре гагаузов последуют вскоре, не приходится сомневаться.

Общеизвестно, что православные тюркоязычные переселенцы из-за Дуная сформировали в степном Буджаке в XIX – XX вв. гагаузскую нацию. Этому способствовало здесь:

благоприятное политическое положение края после 1812 г., православная церковно-религиозная атмосфера духовного развития гагаузов, сохранение их языковой специфики, толерантные межэтнические отношения между полиэтническим населением края, наконец, этнографическая идентичность или близость традиций, обычаев, обрядов, быта и традиционной культуры у гагаузов и болгар, гагаузов и молдаван, гагаузов и восточных славян. Гагаузская особенность, ее становление, не могла сохраниться, развиваться и укрепляться в агрессивной этнической, этнокультурной и другой конфессиональной среде. Поэтому их идентичность это не только результат внутреннего ее становления, но благоприятные внешние факторы. В монографии «Молдаване» эта взаимосвязь внутренних и внешних процессов, «своего» и «чужого» более отчетливо прослежена, чем в коллективном труде «Гагаузы».

Недостатки монографии в контексте ее этнологической реализации я группирую в три разряда: организационные (подбор авторского коллектива), научно-организационные (концепция, ее реализация) и авторские.

Организационные и научно-организационные недостатки монографии тесно переплетены, их трудно разделить. Можно даже сказать, что одни из них переходят в другие, а еще точнее, одни обусловлены другими. И причина этому была заложена при подборе авторского коллектива.

Будучи, за редким исключением, истинными учеными, отдельные авторы коллективного труда придерживаются разных взглядов на самую главную проблему гагаузоведения, на этногенез гагаузов. И это не могло не отразиться на содержании и качестве монографии. Так, например, М. Н. Губогло и А. В. Шабашов в своих работах по-разному рассматривают проблему происхождения гагаузов. По идее Шабашов не мог быть членом авторского коллектива, но он – крупный специалист, издал еще в 2002 г. солидную монографию «Гагаузы: система родства и происхождение народа». Как можно было не предложить ему участвовать в написании работы, стать одним из ее авторов? Его привлекают, но в монографии «Гагаузы» он автор трех второстепенных

сюжетов, которые вписываются в тему монографии, но его авторский взгляд на этногенез гагаузов в них не представлен, он лишь подразумевается. В первой главе «История изучения гагаузов» ему принадлежит параграф «Украинская историография гагаузоведения». В главе 5 «Расселение гагаузов» он осветил один аспект проблемы, а именно «Гагаузы на Украине». Наконец, в главе 10 «Социальные институты» он рассмотрел «Родственные отношения: терминология и практика» гагаузов. На первый взгляд, в рецензируемой монографии Михаилу Николаевичу удалось избежать дискуссии с Александром Васильевичем по вопросу этногенеза гагаузов. Но разве его точка зрения на эту проблему никак не отражена в системе родства? Научный потенциал А. В. Шабашова оказался лишь частично востребованным теми, кто задумал и осуществлял написание данной монографии.

«Пострадал» в ней и концептуальный багаж самого М. Н. Губогло. Как уже было сказано, он сторонник тюркской гипотезы происхождения гагаузов с тремя этническими компонентами: огузов, половцев (куманов) и печенегов (с. 68), добавляя в нем здесь еще и черных клобуков (с. 83–85). Но как организатор и ответственный редактор этой коллективной монографии он понимал, что, заложив открыто и безоппорно в ее содержание эту гипотезу, он нарушит научную этику по отношению к другим авторам монографии, не разделяющие его мнение по этому вопросу. В конце концов, он растворил свое видение этногенеза гагаузов в романтическом стиле написанной второй главе книги «Вероятные предки гагаузов» и в разделе «Институты соционормативной культуры» 10-й главы. Однако гагаузский читатель не получил однозначного ответа в этой монографии на волнующий его вопрос: кто такие гагаузы, какие у них этнические корни? Кстати, чтобы не вступать в полемику с Ф. А. Ангели и Г. Атанасовым относительно гипотезы происхождения гагаузов, М. Н. Губогло критически рассматривает противоречия в их позициях, весьма изящно скрывая ответ на вопрос, кто же из них ему все же ближе: Г. Атанасов, отстаивающий лишь куманских предков гагаузов, или Ф. Ангели, ставящий огузский компонент в формирова-

нии гагаузов выше и весомее печенежского и половецкого (куманского) компонентов.

Из научно-организационных недостатков монографии «Гагаузы» отметим отсутствие единых принципов и подходов в написании глав и параграфов, в их структурной компоновке, в подаче историографии и источников по теме монографии. Это, конечно, сказывается на качестве монографии и на ее восприятие вдумчивым читателем, хотя и обеспечивает ей в большинстве представленных сюжетов высокий научный уровень.

Но монографии присущи и авторские просчеты. Так, некоторые параграфы монографии написаны не как обобщающие, опирающиеся на весь имеющийся историографический материал по рассматриваемому аспекту, а как авторская статья неисследованной или слабо изученной проблемы. К ним относятся, например, параграфы Е. Н. Квилинковой в 1-й и 3-й главах и параграф О. К. Радовой в 4-й главе первой части монографии («Этническая и политическая история гагаузов»).

Параграф О. К. Радовой назван «Переселенческое движение гагаузов в Южную Россию и Бессарабию в XVIII – первой половине XIX в.». Рецензент, к сожалению, не может дать ему сколько-нибудь приемлемую научную оценку.

Автор делает в тексте до 90 ссылок на работы около 20 авторов. На первый взгляд, есть, казалось бы, основание считать параграф обобщающим и отвечающим своему предназначению – переселенческому движению гагаузов в указанный период. На самом деле, это не так. Из 90 ссылок более 30 сделано на работы самого автора параграфа. Еще более 20 ссылок сделано на архивные (НА РМ) и опубликованные источники (сборник документов «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского, сост. Е. М. Руссев и К. П. Крыжановская, и «Кишиневские епархиальные ведомости»). Из этого можно сделать вывод, что в параграфе отражена авторская точка зрения на переселение гагаузов из-за Дуная, которая изложена в ряде ее прежних публикаций практически в одинаковом текстовом оформлении. Использование же архивных и опубликованных документов подчеркивается

именно такой его характер и преследует цель убедить читателя, что проблема переселения гагаузов до О. К. Радовой не разработана в научной литературе. Так ли это?

В библиографическом указателе литературы И. Грека «Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. – 1995 г. Кишинев, 2003» в разделе «Переселение. Основание болгарских поселений. Административно-территориальное устройство и социально-правовое положение. Демографические процессы» указаны источники и литература по проблеме, которая освещается О. К. Радовой в монографии. Здесь расписано 691 библиографический источник. Среди них есть достаточно много и по гагаузской проблеме. Надо просто уметь читать и находить интересующий тебя материал и обобщить его.

Автор не сумела этого сделать только потому, что считает, что гагаузский компонент в переселенческом движении сознательно упущен, или проигнорирован исследователями, и она поставила перед собой задачу решить эту научную проблему. На странице 145 монографии она, ссылаясь на статью И. И. Мещерюка 1953 года издания, обвиняет его в том, что он «не ставил своей целью рассматривать болгар и гагаузов отдельно, наоборот, он их объединял в один народ». (Это обвинение О. К. Радовой маститого ученого кочует из одной ее работы в другой без каких-либо словесных изменений).

Но буквально через два десятка строк (С. 146) автор, говоря о массовом переселении 1806–1812 гг., подчеркивает, что оно было гагаузским по своему составу, цитируя ... ту же самую статью Мещерюка 1953 года: «Анализ фамилий представленного «Именного списка переселенцев с правой на левую сторону Дуная с 1809 г. живущих в Молдавии и Бессарабии» свидетельствуют о решительном преобладании гагаузов, составляющих около двух третей переселившихся». Из этого следует, что именно И. И. Мещерюк, а не кто-нибудь другой, первым из ученых выделил гагаузов из общей переселенческой массы и указал их долевою составляющую.

Рассуждение О. К. Радовой о дате появления этнонима *гагаузы*, якобы выявленный ею в архивохранилищах Турции в документах,

относящихся к 1695 г., внесет полную сумятицу в головы читателей. Если бы такой документ был на руках автора, и, более того, она бы ввела его в научный оборот в эту коллективную монографию, то это было бы настоящим научным открытием, которое способно перевернуть гагаузоведческую науку в части этногенеза гагаузов. Но автор лишь намекает на то, что такой документ у нее есть. А наука, как известно, строится не на намеках, а на фактах. Их то она и не представила.

Такая сумятица, вносимая О. К. Радовой, состоит в том, что она утверждает: в найденном ею документе 1695 г. тюркоязычное православное население идентифицировано этнонимом **гагаузы**. Относительно XVII в., точнее, его середины, Э. Челеби, говоря о православном тюркоязычном населении Добруджи, употребляет термин-прозвище **читаки**. М. Н. Губогло вполне резонно замечает в своих публикациях, что некоторые ученые «не без оснований» считают, что под этим именем скрываются **гагаузы**. В этой монографии он признает, что науке неизвестно это православное население под этим этнонимом не только в XVII, но и в XVIII веке. И я с ним вполне согласен. Е. Н. Квилинкова в этой же работе утверждает о двойной идентичности бессарабских гагаузов (на ее сюжетах в монографии остановимся ниже) как о специфической особенности формирования самосознания этнической общности бессарабских гагаузов. И я с ней тоже согласен. Мнение Михаила Николаевича, как и утверждение Елизаветы Николаевны, свидетельствуют о том, что православное тюркоязычное население на Балканах не обрело тогда еще своего постоянного этнонима **гагауз**, хотя само слово в виде прозвища – балканского происхождения, но более позднего времени. Эта точка зрения К. Иречека никем научными фактами не опровергнута. О. К. Радова не считается с мнением коллег по коллективной монографии. Ее утверждение о том, что предки гагаузов жили в Буджаке в XVI в., и ногайцев тогда заселили среди них (с. 144), как и то, что «тюрки, осевшие в исторической территории Бессарабии еще в скифский период (в Малой Скифии, VI в. до н. э. – I в. н. э.) входили, как компоненты в этногенез гагаузов, не подкреплено ни од-

ним источником, кроме одной какой-то работы самой О. К. Радовой. Я не специалист по этому периоду истории Буджака, но насколько мне позволяют мои непрофессиональные знания, я не вижу связи между Скифией и Малой Скифией, это две большие разницы. Скифия – это территория Северного Причерноморья, куда, естественно входит и Буджак, а Малая Скифия – это территория современной Добруджи. К тому же, скифы, насколько мне известно, не относятся к тюркоязычным племенам. Их относят к носителям североиранских языков иранской группы индоевропейской языковой группы. И, вообще, какое отношение они имеют к ее параграфу, ограниченному хронологическими рамками XVIII – первой половины XIX века?

Остановимся еще на одном моменте в этом параграфе. Приведем цитату: «До окончательного переселения ногайцев на Молочные воды, в 1807 г., мало кто решался селиться в Буджакские степи... Только тюркские народы могли ужиться в той среде. Видимо на это тогда и рассчитывала русская администрация, переселив на юг тюркских православных христиан – гагаузов» (с. 145). Получается, что русские власти, начав войну в 1806 г. с Османской империей, сразу начала переселять в Буджак гагаузов. И напрашивается вопрос, а не переселение ли гагаузов вынудило Петербург выселить отсюда ногайских татар? И второй вопрос, как могли ужиться гагаузы с ногайцами, если одних заселяли, а других в это же время выселяли? Или русские власти заселяли гагаузами буджакскую степь до 1806 г.? Как она могла это делать, если Буджак входил в состав Османской империи до мая 1812 г.? Автор явно не в ладах с историей, ее фактами, процессами и явлениями, не говоря уже о владении ею историографией вопроса, ею освещаемого (например, нет ссылок на работу Э. Челеби, ссылка на работу К. Иречека 1891 года издания на немецком языке, вызывает сомнение относительно того, читала ли ее автор).

Обратим внимание на еще одну деталь в параграфе О. К. Радовой, а именно: на соотношение материала, относящегося к названию параграфа, и материала, не имеющего к нему отношения. Весь параграф занимает с.

140–158. Из них, содержание 7 страниц выходит за хронологические и тематические рамки параграфа (рассуждения автора о греко-болгарской церковной распри 1874 г., о существовании этнонима *гагауз* в конце XVII века и т. д.). Еще 4 страницы занимают таблицы с перечислением сел, произвольно сгруппированных по этническим признакам их населения, содержание которых повторяется также и текстом. Таким образом, более половина текста параграфа либо выходит за его обозначенные в названии хронологические рамки, либо не имеет отношение к рассматриваемой проблеме, либо повторяется. Объем 18 страниц – солидный, а текста, обобщающего достижение исторической мысли по проблеме нет. Авторская позиция есть, но она известна по ее прежним публикациям, в которых, утверждаю, один и тот же сюжет повторяется многократно, но этого совершенно недостаточно для данной обобщающей работы. Параграф О. К. Радовой в монографии «Гагаузы» – один из самых слабых в научном смысле. Он фактически разрушает демографическую базу кумано-огузо-печенежской гипотезы этногенеза гагаузов на Балканах и не может служить обоснованием процессу формирования гагаузской общности в Буджаке после 1812 г.

Не можем обойти вниманием и некоторые сюжеты монографии, автором которых выступает Е. Н. Квилинковой. Она, пожалуй, самая плодовитая в современной науке гагаузоведения, много пишет и много публикует. Ее потрясающая работоспособность, амбициозность, настойчивость и заряженность на выдачу научной продукции по слабо разработанным этнографическим проблемам гагаузского этноса заслуживают уважения. Вместе с тем, Елизавета Николаевна, в силу своего очень молодого для науки возраста, но уже имеющая ученую степень доктора habilitation, как мне представляется, все же не покорила вершины научного Эвереста. На наш взгляд, некоторые ее сюжеты в монографии, не отвечают требованиям, предъявляемым к коллективным работам.

Возьмем для анализа только два ее параграфа: «Письменные источники по традиционной духовной культуре гагаузов» из 1-й и «Формирование самосознания гагаузов» из

3-й глав 1-й части монографии.

В первом из них, автор анализирует, главным образом, архивные документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Молдова, и публикации в Кишиневских епархиальных ведомостях. Но, во-первых, архивные документы не являются по своей природе письменными источниками, это – рукописные документы и материалы. К тому же Е. Н. Квилинкова анализирует только те архивные документы и материалы, которые она выявила, работая над исследованием этнографических проблем бессарабских гагаузов. А это – капля в море документальной базы по истории и культуре бессарабских гагаузов, хранящихся также в архивохранилищах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Измаила, Симферополя, Херсона, Запорожья, Бухареста, Брашова, Варны, Софии, не говоря уже об архивохранилищах Турции, все еще недоступных нашим ученым. Кроме того, автор дает сведения, выявленные в архивных делах, но не делает анализ архивных фондов (только перечисляет некоторые из них), в которых есть масса еще не выявленного материала по гагаузским проблемам.

Другое замечание по этому параграфу относится к характеристике письменного источника «Кишиневские епархиальные ведомости» (КЕВ). Историографический обзор предполагает обратить внимание читателя на то, какую информацию из него можно извлечь. Это своеобразная фотография источника-объекта. Елизавета Николаевна местами переходит на его исследовательский анализ, характерный для научной его интерпретации, а это уже накладывает на источник субъективное его восприятие автором (см. с. 48–50).

Вызывает недоумение также, почему автор включила в параграф лишь один письменный источник до 1917 г. Есть и другие, в которых также можно найти сведения по гагаузам и гагаузским селам Бессарабии. В частности, это ежегодные издания уездных земств юга Бессарабии, «Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества», «Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии» и другие.

Но главный недостаток этого параграфа в другом. В нем основное внимание уделено а)

отражению в источниках состояния религиозности гагаузов (в двух ее проявлениях, язычества и православия) и отношению священников к этому их религиозно-нравственному состоянию и б) отражению на страницах КЕВ завершающего этапа (конец XIX – начало XX в.) формирования гагаузской общности в Буджаке. В частности, автора интересует отражение на страницах КЕВ процесса принятия тюркоязычным населением Буджака этнонима «гагауз» и глоттонима «гагаузский язык». Однако и религиозность бессарабских гагаузов, и рост их этнического самосознания – это научные аспекты этногенеза и этнической истории гагаузов Буджака. И как бы ни был интересен этот сюжет сам по себе, но традиционная культура гагаузов, вынесенная в название параграфа – это нечто другое. Специфическая материальная и духовная культура гагаузов освещена во II – IV частях монографии. Следовательно, название параграфа не отвечает его содержанию. Следует подчеркнуть также, что виды преступлений среди гагаузов, обычно-правовые нормы в их традиционной жизни, практика взимания десятины, случаи кровосмешения и другие сюжеты, присутствующие в этом параграфе не имеют отношение к материальной и духовной культуре гагаузов Буджака, это, скорее всего, отступление от нее.

Другой параграф монографии, принадлежащий Е. Н. Квилинковой, – «Формирование самосознания гагаузов», – несомненно, представляет большой интерес. Прежде всего, насыщенностью архивных и литературных фактов по проблеме становления гагаузской общности в Буджаке, которые и придают весомость анализу различных аспектов этого исторического процесса. Елизавета Николаевна, является одним из разработчиков этой научной проблемы и этим она вносит свой вклад в науку гагаузоведение. Однако она не единственный, кто исследует эту проблему, и не используя труды других ученых в своем исследовании, проявляет некорректность к ним. К тому же, сама обобщающая коллективная монография требует от автора использование всей известной ему опубликованной литературы, ее анализ и оценку. Возьмем, к примеру, вопрос о двойной идентичности гагаузов. По

этой проблеме есть опубликованные статьи у М. Н. Губогло, И. Ф. Грека, они вышли в свет в 2006 – 2010 гг., автор о них знает, поэтому возникает вопрос, почему они не использованы при написании коллективной монографии и не все приведены в «Списке библиографии»? Сказать, что Е. Н. Квилинкова не знает, в чем состоит разница между индивидуальной научной статьей и научной коллективной монографией, было бы чрезмерным, поскольку она не только автор, но и вместе с М. Н. Губогло и ответственный ее редактор. Объяснение, почему она так поступила, мы находим в том, что, на наш взгляд, представленный ею в монографии параграф был написан в форме статьи задолго до появления идеи об издании такой коллективной работы, и она его в таком первоначальном виде его и включила. И она, статья, просто не вписывается в коллективную обобщающую монографию! Статьи могут быть включены и изданы в сборнике статей. А сборник статей и коллективная монография – это два разных вида издания научной продукции.

Другие недостатки этого параграфа обусловлены противоречивостью текста самой статьи, как следствие недостаточного проникновения автора в сути этой чрезвычайно сложной проблемы в ее историко-этническом аспекте. Подтвердим это тремя выдержками. «В **современный** период идентификация себя только **с одним этносом** характерна лишь для гагаузов Молдовы и юга Украины (Одесской области)» (с. 126). «**Окончательное** становление этнической идентичности гагаузов происходило на территории Бессарабии» (с. 127). «Формированию в психологии народа принципа двойной идентичности во многом способствовали существовавшие на Балканах исторические условия, в которых жили гагаузы» (с. 129). Как видим, автор в одном случае утверждает, что потомки тюркоязычных задунайских переселенцев только в Буджаке обрели этноним *гагаузы*, подтверждая, что именно здесь они окончательно сформировали свою идентичность, а в другом заявляет, что психология двойной самоидентификации имеет у гагаузов балканские исторические корни, обусловленные османским господством на полуострове. На лицо явное противоречие в

позиции Е. Н. Квилинковой, которое она пытается спрятать за словом «**окончательное**» (а чуть ниже, на этой же 129-й странице, Е. Н. Квилинкова пишет о «**сохранении** принципа двойной идентификации у гагаузов Бессарабии»), вкладывая в него смысл завершения процесса, который имел свое начало на Балканах. Но Е. Н. Квилинкова смешивает два разных этнических и этнопсихологических процесса. Никто в научном мире не отрицает формирование на Балканах тюркоязычного православного населения, ныне известное как гагаузы. Но и никто до сих пор не доказал, что это православное тюркоязычное население изначально формировалось там также и с использованием этнонима *гагаузы*. **Не только оно само себя тогда так не называло, но и «другие» его так не называли.** Нет доказательств обратного. Поэтому, одно дело – возникновение процесса формирования нового этноса на основе множества тюркоязычных этносов на Балканах. И совсем другое дело, когда сам он себя или кто-то «другой» дал этому новому этническому образованию имя. На мой взгляд, этнос, как и ребенок, рождается без имени. Автор, как нам представляется, не разобрался с тем, что собой представляет **двойная идентичность, где, когда и у кого она возникает и каковы ее причины.** В статье-параграфе есть и другие высказывания автора, подтверждающие эту нашу оценку понимания автором смысла двойной идентичности применительно к бессарабским (буджакским) гагаузам. Возьмем для примера 7-й абзац на странице 131, где Е. Н. Квилинкова излагает свои мысли относительно самосознания гагаузов Приазовья, которые в 1860–1862 гг. переселились туда из Бессарабии. На основе собранного ею полевого материала автор пишет, что они «идентифицируют себя главным образом как «болгары», одновременно называя приазовских болгар «туканнар» или «болгары-славяне». Автор делает вывод о том, что на момент «переселения самосознание бессарабских гагаузов... еще **полностью** не сформировалось». В следующем предложении: «...у бессарабских гагаузов в тот период **сохранялась двойная самоидентификация**», но при этом они продолжали причислять «себя к болгарской

общности». И итоговое суждение: «Тот факт, что данный способ **самоопределения** (болгарами – И. Г.) **стал основным и практически единственным** (везде выделено нами – И. Г.), в значительной степени объясняется их малочисленностью и тем, что они **оказались в славянском окружении**». В 10 строчках Е. Н. Квилинкова уместила три разных оценочных вывода, которые выделены нами черным шрифтом. И если к первым двум можно отнестись с пониманием, то третье просто научно не корректно. Если статья на точку зрения автора (малочисленность гагаузов и славянское окружение обусловило причисление себя к болгарам), то как объяснить тот факт, что они не были ассимилированы и не растворились в славянской среде? И почему они идентифицировали себя болгарами, а не другими славянскими этнонимами. Почему только славяне виноваты в том, что они не идентифицировали себя гагаузами? Ведь они же жили не одно столетие и среди турок-осман, и среди греков, и среди молдаван и валахов в Дунайских княжествах, в Пруто-Днестровском междуречьи! Что, эти народы не влияли на самоидентификацию рядом и вместе с ним проживающего тюркоязычного православного населения?

На мой взгляд, формирование самосознания бессарабских гагаузов нельзя сводить к механической констатации того, как проходил переход от идентификации бессарабского тюркоязычного населения себя болгарами к идентификации гагаузами. **Двойная идентичность – это специфическая форма становления гагаузской общности в Бессарабии – и только здесь.** Поэтому, как нам представляется, название параграфа – более широкое и объемное и потому соответствующим содержанием оно не заполнено.

Кроме того, структурно параграф размещен не совсем удачно, он предшествует параграфу О. К. Радовой о переселении гагаузов, как таковых. Этнографическая тематика монографии может не вписываться в проблемно-хронологический принцип, характерный для работ исторического характера. Но здесь мы сталкиваемся не только с нарушением хронологической последовательности освещения этнической истории бессарабских гагаузов, но и с разным взглядом на их этно-

генез. А этого не должно было быть. Здесь проявилось фундаментальное противоречие, заложенное в коллективной монографии еще при формировании ее авторского коллектива.

Автор, представив в монографию, ранее написанную научную статью, а не обобщение по проблеме, лишил себя возможности опереться на выводы, изложенные в работах других авторов. Перед Елизаветой Николаевной не было целинной степи, а параграф претендует на первую ее сплошную вспашку. Так, автор, приводит идентификационные данные по трем священникам: В. П. Петрова из Авдармы, К. Статова из Татар Копчака и М. Грекова, просившего направить его в приход с. Баурчи. Первый из них в 1909 г. признавал себя болгарин-гагаузом, второй по документам записан гагаузом-болгарин, а третий в 1918 г. писал в прошении: «По происхождению гагауз и говорю на их языке». Автор делает вывод: «Данные свидетельства в определенной степени дают возможность проследить процесс постепенного перехода гагаузов Бессарабии от принципа двойной самоидентификации («гагаузы-болгары») к идентификации себя только с одним этносом» (стр.131). Во-первых, на основе этих трех фактов «проследить процесс» отказа от двойной идентичности невозможно. Для этого необходимы более весомые статистические сведения. Во-вторых, автор поставила знак равенства между двумя двойными идентичностями: «болгарин-гагауз» и «гагауз-болгарин». Между тем, процесс перехода от одной идентичности «болгарин» к другой – «гагауз» содержал в себе два переходных этапа: первый – «болгарин-гагауз», а второй – «гагауз-болгарин». Именно такая последовательность приводит к отпадению болгарской части этнонима в самоназвании гагаузов. В-третьих, вывод автора, уже имеется в литературе: «Таким образом, объективные этносоциолингвистические процессы среди бессарабских гагаузов в XIX – начале XX в. обусловили вытеснение в их среде второго этнонима «болгары», закрепление – и признание иноэтническим окружением в Бессарабии – первого этнонима «гагаузы», а также появление здесь плоттонима «гагаузский язык» (Грек И. Ф. Этноним «гагауз» и плоттоним «гагаузский язык» (этногенезис

гагаузов в XIX – начале XX в. в условиях Бессарабии) // Журнал этнологии и культурологии. Т. II. Кишинев, 2007, с. 263). Здесь же, говоря о том, что тюркоязычные переселенцы из-за Дуная в Буджаке были с двойной идентичностью, я утверждал: «При этом важно подчеркнуть (если взглянуть на исторический процесс в ретроспекции): употребление первого этнонима («болгары» – И. Г.) шло по затухающей, а второго – по нарастающей линии» (стр. 262). В списке литературы эта статья указана в публикации в сборнике «Курсом развивающейся Молдовы», т. 2, М., 2007. Но и там вышеприведенные цитаты присутствуют (см. стр. 265 – 266 и 269).

В другой своей работе я предпринял попытку дать периодизацию формирования бессарабской гагаузской идентичности. Начальные два этапа включают концентрацию переселенцев по языковому принципу в Буджаке и языковую их консолидацию, главным образом в Верхне-Буджакском округе Управления задунайскими переселенцами. А со второй половине XIX в. «тюркоязычных выходцев из-за Дуная и их потомков ожидали впереди следующие этапы их сложной этнической истории в Буджаке: полная языковая консолидация на основе турецкого языка/тюркче, отказ от этнонима болгары, трансформация термина *гагауз* в этноним *гагауз*, замена названия турецкий язык//тюркче на гагаузский язык/гагаузча. На это ушло еще более 100 лет» (Грек И. Ф. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX вв.) // STRATUM plus, № 6. 2010. «СЛОВА И ВЕЩИ». Кишинев, 2010. – С. 337–338. Эта статья в списке литературы отсутствует, что не означает, что автор не был с ней знаком). Со мной можно соглашаться или нет, но не замечать имеющиеся точки зрения в научной литературе по проблеме двойной идентичности гагаузов, на мой взгляд, не этично. Можно было бы предположить, что при написании коллективной монографии авторы ограничились публикациями, имеющимися, скажем, по 2007 год. Но тогда это должно было быть оговорено. В приведенном в конце монографии «Списке литературы» указаны издания, вышедшие и в 2010 г. Ограничимся этой констатацией.

Я так подробно остановился на статьях-параграфах монографии, написанных О. К. Радовой и Е. Н. Квилинковой, по той простой причине, что они должны были стать основополагающими при решении научной проблемы этногенеза и этнической истории бессарабских гагаузов. К сожалению, они таковыми не стали. Но укажем, в форме перечисления, еще на некоторые важные ошибки и недостатки коллективной монографии «Гагаузы». В первой главе «История изучения гагаузов» не представлена академически болгарская, румынская, русская, польская, турецкая историографии по проблеме этногенеза гагаузов. В пятой главе «Расселение гагаузов» нет сюжетов о гагаузах в Румынии и Бразилии и их судьбе. Глава 12 «Динамика отраслевого и социально-профессионального состава гагаузов XX в.», на мой взгляд, лучше смотрелась бы рядом с главой 4 «Динамика численности гагаузов», если нельзя было их объединить. Глава 14 «Устное народное творчество» представлено без песенного фольклора, сказок, пословиц и поговорок. Народные знания в общественной практике гагаузов не ограничены только народной медициной.

Перечисленные телеграфно недостатки можно трактовать двояко. В коллективной монографии «Гагаузы» не все изученные аспекты этногенеза, этнографии и этнологии гагаузов нашли отражение и в таком случае пред-

ставленный читателю труд имеет очерковый характер. Либо, многие аспекты этого направления гагаузоведческой науки еще не стали предметом научного исследования или недостаточно разработаны, что не позволило авторскому коллективу включить их рассмотрение в этот коллективный труд. Видимо имеет место быть обеим точкам зрения, но лично мне кажется более верной и объективной вторая позиция. Ведь если быть непредвзятым, то следует признать, что гагаузы стали объектом науки каких-то 150 лет назад, а первая научная структура в рамках АН МССР, начавшая разработку и планирование научных исследований по гагаузоведению, появилась чуть более 50 лет назад. Гагаузоведение находится еще в младенческом возрасте и коллективная монография «Гагаузы» зафиксировала этот ее возраст. Первый шаг в жизни младенца – это всегда радостное событие в жизни его родителей, предмет их гордости. Поэтому, первая коллективная монография о гагаузах, их происхождении, этнокультурной идентичности имеет все основания быть встреченной гагаузской общественностью как примечательное событие в жизни гагаузского народа Молдовы. Убежден, что второй коллективный шаг будет более уверенным, проект профессионально более крепко исполненным, а читательский запрос более полно удовлетворенным.

Грек Иван
26 августа

Впервые опубликовано: интернет ресурс: <https://ava.md/2012/03/05/gagauzy/>

ШОРНИКОВ П.М.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ

*Рецензия на книгу: М.Н.Губогло
Русский язык в этнополитической истории гагаузов
Москва, Старый сад. 2004. 432с.*

Самым сложным, вызывающим споры моментом при написании истории любого народа является разработка концептуальной схемы. Поэтому особый интерес представляет такая схема, предложенная почётным академиком Академии наук Молдовы М.Н.Губогло в монографии «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (М., 2004). Её суть – в признании исключительной роли знания гагаузами русского языка в социально-культурном подъёме гагаузского этноса во второй половине XX века.

Идея о сохранении народами национальной самобытности на базе двух языков – своей национальности и русского, – справедливо отмечает автор, – ныне малопопулярна на постсоветском пространстве. Причины тому – политико-идеологического свойства.

Опыт самоутверждения гагаузов с помощью свободного использования русского языка в хозяйственно-экономической и общественно-политической жизни оказался всецело положительным. Именно поэтому гагаузский народ сохранил русский в качестве языка официального общения, делопроизводства, образования, массовой информации, науки, культуры и после перехода Молдавии к независимости.

Свой выбор русского языка образования гагаузами пришлось защищать ещё на рубеже 60-х годов XX столетия. После создания гагаузской кириллической письменности (фактически – воссоздания, потому что гагаузы пользовались кириллицей ещё в XIX веке) ряд представителей гуманитарной интеллигенции поставил вопрос о переводе на

гагаузский язык школьного обучения. Исследователь справился с трудной задачей выявления архивных материалов по этой теме. Обоснованно отметив, что многие решения в те времена принимались в спешке, академик М.Н.Губогло наглядно показал, что перевод в 1958 году обучения на гагаузский язык в первых классах 38 школ был осуществлён без необходимого научно-методического, кадрового и материально-технического обеспечения, а главное, без предварительного выявления воли родителей школьников.

Документальных оснований подозревать кого-то в стремлении создать для гагаузов языковую резервацию и тем самым, говоря словами гагаузских интеллигентов, «оставить их всех чабанами», нет, но переход к обучению на гагаузском языке осложнил гагаузским детям усвоение русского языка. Поэтому решение Министра просвещения Молдавской ССР о переводе обучения на родной язык гагаузская общественность восприняла как попытку ограничить новому поколению гагаузов доступ к высшему образованию и его социальное продвижение.

Именно тогда, а не в конце 80-х годов, произошла первая, по терминологии М.Н.Губогло, этническая мобилизация гагаузов, их массовое выступление в защиту своих национальных интересов. В гагаузских районах прошли родительские собрания с участием более 6000 человек, на которых выступили свыше 500 родителей. Они требовали возобновить обучение на русском языке с первого класса, и официальный Кишинёв был вынужден уступить.

Массовое владение гагаузами русским языком не препятствовало утверждению гагаузской национальной идентичности и развитию гагаузской культуры. Вместе с тем оно стало фактором их стремительного социально-культурного подъёма в 60-е – 80-е годы XX века. «Гагаузация школ не произошла, но сам прорыв, связанный с обретением письменности, - обоснованно утверждает исследователь, - стал мощным психологическим катализатором этнического самосознания, повышенного тяготения к русскому языку [...] И чем глубже приобщались гагаузы к русскому языку, чем убеждённее делали его своим национальным

достоянием, тем ощутимее становился их вес в общественной жизни республики». Итак, ключевое слово сказано: гагаузы сделали русский язык своим национальным достоянием.

Жертвовать этим достоянием они не желали и в кризисные годы конца столетия. Показательны различия в отношении к русскому языку «Народного фронта Молдавии» и Народного движения «Гагауз халкы», выявленные автором. Если НФМ, декларируя свою поддержку функционированию гагаузского языка, требовал от гагаузов одновременного отказа от использования русского языка, то в Программе «Гагауз халкы» отношение к русскому языку было прямо противоположным. Придание в республике государственного статуса только одному языку, молдавскому, полагали «халкисты», означало бы принятие курса на исчезновение гагаузов как этноса. Национально-русское и русско-национальное двуязычие гагаузы считали единственно возможной базой языковой политики в гагаузских районах. Игнорирование кишинёвскими национал-радикалами языковых реалий вынудило гагаузское национальное движение взять курс на автономизацию.

Прочную основу курса гражданской истории гагаузов составляет данное в книге описание этнополитических процессов 1989-1994 годов. В книге убедительно раскрыта ведущая роль этнического и языкового фактора в избирательных кампаниях этого периода и парадоксальный характер гагаузского национального движения, как и других движений национальных меньшинств Молдавии: будучи национальным, оно не являлось националистическим, поскольку не ставило перед собой целей, наносящих ущерб другим народам, и поддерживало существующую государственность. Политические мобилизации этого периода – за исключением осуществлённой титульными национал-радикалами – происходили на общедемократической, а не национальной основе.

Борьба, как удалось показать М.Н.Губогло, шла прежде всего вокруг вопроса о пределах функционирования русского языка. В августе 1990 года политическая элита Кишинёва, полагает он, «была обеспокоена не столько провозглашением гагаузской автономии, сколько

тем, что сам факт её существования на русскоязычной основе не позволит в полной мере и немедленно реализовать законы о языке», т.е. вытеснить русский язык из официальной сферы управления русскоговорящих специалистов.

Академиком М.Н.Губогло создан большой, многоплановый научный труд, посвящённый малоисследованной проблематике современ-

ной истории гагаузского народа. Представляется необходимым его переиздание, с тем, чтобы он стал доступен не только исследователям, но и студентам, и преподавателям Комратского университета, учителям школ АТО Гагаузия, всем интересующимся историей и культурой гагаузов и историей современности.

Впервые опубликовано в: «Русское слово», Кишинев, 2005, №16 (108), август; Петр Шорников Поля падения. Историография молдавской этнополитики, Кишинев, 2009, с. 112-113

Б.Г.БОМЕШКО

ПРОРЫВ ЧЕРЕЗ ЗАБВЕНИЕ

Рецензия на книгу: «Этническая мобилизация национальных меньшинств», автор-составитель, Е.М.Губогло, Ответствен. редактор М.Н.Губогло. // Серия «В лабиринтах самоопределения и самоутверждения» Москва, 2000. 416 с.

Современная трактовка событий 1989-1992 гг. постепенно отходит от постулатов политической публицистики того времени. С одной стороны, историки начинают по-другому относиться к европейскому контексту событий в Молдавии, более правильно расставлять акценты, но, с другой – явно в соответствии с политическим заказом, забывают местную специфику и вместе с ней не только детали, но и смысл минувшего противоборства.

В Республике Молдова установление этнократического режима и провалившийся карательный поход против Приднестровья уже второе десятилетие пытаются закрепить в сознании народа как борьбу «за язык и латинскую графику» и войну «бессарабских румын» за «национальное освобождение». При этом неприемлемым условием восприятия аргументации прорумынских националистов является забвение новым поколением причин и сущности гражданского конфликта в Молдавии и той борьбы, которую вели её патриотические силы на правом берегу Днестра.

Ценным вкладом в создание адекватной

картины исторических событий 1989-1992 гг. можно считать выход в свет в Москве сборника документов и материалов «Этническая мобилизация национальных меньшинств» - первого тома серии «В лабиринтах самоопределения и самоутверждения», запланированной к изданию престижным Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая.

Одна из трагических коллизий разделения Советского Союза на 15 новых независимых государств состояла в том, что самоопределялось не всё население каждой из бывших союзных республик, а только титульная национальность. Гражданский конфликт в Молдавии представлен в сборнике как конфликт двух государственно-политических проектов. Согласно одному из них Республика Молдова должна была стать национальным государством только молдаван, согласно другому – государством всех населяющих республику национальностей. Но в ходе общественной борьбы в массовое сознание был вброшен и третий проект, расколовший политический класс титульной

нации: молдаване – это румыны, молдавского языка не существует, а из формулы «один язык – один народ» следует и третье звено триады – «одна страна». Появление Народного фронта Молдовы, пропаганда лозунгов унионизма, насаждение идеологии румынизма ещё более осложнили политическую борьбу в республике.

Автору-составителю сборника «Этническая мобилизация национальных меньшинств» Е.М.Губогло удалось выявить и убедительно проиллюстрировать документами две главные сюжетные линии политических событий, происходящих в регионе: провоцирование гражданского конфликта по типовому сценарию путём общественного обсуждения, скандального принятия Верховным Советом Молдавии 30 августа 1989 г. закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» и его не менее скандального проведения в жизнь путём кадровой чистки, которая обеспечивалась яростной националистической пропагандой. В свете материалов сборника становится понятнее, почему отказ от советского опыта гармонизации межэтнических отношений, несмотря на демократическую риторику, обернулся законодательным закреплением этнической дискриминации нетитульного населения, его социальной маргинализацией, ожесточённой политической борьбой и дезинтеграций Молдавии.

В соответствии с европейским и мировым опытом такой сценарий «демократизации» традиционного общества должен был привести к крайнему обострению межнациональных отношений. Однако из опубликованных в сборнике уставов национально-культурных организаций, заявлений Интер-движения «Унитате-Единство», публицистических выступлений общественных деятелей, отчётных документов и справочных материалов следует неожиданный вывод: степень обострения межэтнических отношений оказалась сравнительно высокой и этот процесс имел место только на правом берегу Днестра. Даже из публикаций унионистов (а они тоже приведены в сборнике) явствует, что националистической реакции со стороны национальных меньшинств не последовало. Русские и украинцы, гагаузы и болгары, евреи и белорусы, цыгане и поляки были озабочены, прежде всего, защитой своих законных, конституционно признанных прав и не собирались покушаться на права

титульной нации. Пожалуй, в Молдавии никто не возражал против придания государственного статуса молдавскому языку. И приднестровцы, и гагаузы, и участники Интердвижения Молдавии требовали иного: придать в соответствии с закреплёнными в Конституции принципами национального равноправия такой же статус русскому языку. Как видим, выдумка румынистов о «национально-освободительной борьбе» повисает в воздухе.

Учитывая содержание опубликованной документации, вызывает сомнение и правомерность использования при характеристике большинства политических мобилизаций, проходивших в тот период в Молдавии, определения «этнические». Мобилизация этносов республики проводилась под лозунгами борьбы не за этнические, а за общегражданские права. Автору концепции этнических мобилизаций почётному академику Академии наук Молдовы М.Н.Губогло и составителю рецензируемого сборника, проводившим исследования в Тирасполе, Комрате и Кишинёве, известно, что даже национальное движение гагаузов, добившихся создания автономии, националистических лозунгов не выдвигало. В съездах гагаузского народа участвовали также русски, молдаване, украинцы, болгары, а в период, когда Гагаузия была вполне не зависима от Кишинёва, ни один молдаванин в Комрате, Чадыр-Лунге или Вулканештах не был уволен с работы, не был унижен или ограничен в правах, что сплошь и рядом происходило с гагаузами и другими нетитульными гражданами Молдовы в Кишинёве. Ещё менее применимо определение «этническая» к политической мобилизации в Приднестровье. Многонациональное население левобережья Днестра, включая молдавское, стремясь оградить себя от неадекватной политики республиканского центра, создало автономию, в которой проводит испытанную политику баланса интересов национальных сообществ.

Как ни странно, но термин «этническая мобилизация» не вполне уместен и при описании политической мобилизации нетитульного населения Молдовы, прежде всего Кишинёва. Ключевую роль в этом процессе, как явствует из опубликованных в сборнике материалов, сыграло Интер-движение Молдавии «Унитате-Единство» - организация, по определению чуждая национализму. Оно провело огромную

работу, направленную на политическое сплочение многонационального сообщества русскоязычных, на прорыв информационной блокады вокруг событий Приднестровской войны, на разъяснение общественности СССР, а затем России, Украины и других новых независимых государств сути гражданского конфликта в Молдавии. Отмечая новизну документации по этому вопросу, вводимой в научный оборот впервые, сошлёмся на хроникальные материалы о роли, которую сыграло «Единство» в создании Молдавской Русской общины российских соотечественников. В период своего недолгого (1993-1996) существования, следует из приведённого в сборнике отчёта, РОРС представляла собой наиболее активную и действенную этнокультурную организацию Молдавии.

Учитывая необходимость изучения технологии дестабилизации, применённой в Молдавии в конце 80-х и в 90-е годы XX в., Е.М.Губогло вполне правомерно включила в сборник ряд справочных материалов, характеризующих общественные движения Молдавии, в том числе список неправительственных организаций Молдовы, насчитывающий около 600 названий. Взрыв общественной активности показателен как свидетельство не столько становления гражданского общества, сколько возросшей потребности этнических сообществ и социальных групп оградить себя от произвола государства. А само существование множества официально зарегистрированных организаций, декларирующих своей целью решение одних и тех же задач, наводит на мысль об использовании известными государственными структурами организационного оружия в целях дробления и дезорганизации общественного движения, а также контроля над ним. Зная позицию руководителей этнокультурных организаций, позволяющих различным политическим силам (почти всегда тем, которые находятся у власти) использовать их в своих интересах, обилие таких организаций нельзя признать свидетельством наличия демократии в Молдове.

Наряду с документами и немногими публичными выступлениями деятелей Ин-тердвижения «Унитате-Единство» в сборник

включены и публикации их оппонентов из Народного фронта Молдовы. Но этим, конечно же, не ограничивается список народнофронтных мнений и взглядов – участники и свидетели событий, а также исследователи обладают огромным количеством саморазоблачительных документов и материалов, исходящих от прорумынских националистических организаций и заслуживающих публикации и введения в научный оборот. Заслуживает обсуждения и практического решения вопрос об издании специального сборника документов под рабочим названием «Шовинизм: как это делалось в Молдове».

Расчленение Союза ССР, подтверждают материалы сборника, не могло не привести к обострению и выявлению существующих в обществе противоречий, к серии региональных гражданских войн и вооружённых конфликтов, подобных молдово-приднестровскому. Опубликованная в сборнике документация наглядно характеризует не только начальный этап возникновения гражданского конфликта в Молдавии, но и позволяет лучше понять его современную фазу, механизм осуществления власти официальным Кишинёвом, включающий патерналистские декларации, принятие законодательных актов, якобы направленных на поддержку развития культуры тех или иных национальных групп и практическое применение дискриминационных технологий.

У сборника есть трудно устранимый недостаток: подобно множеству других серьёзных работ сотрудников ЦИМО, он издан настолько малым тиражом, что автор-составитель предпочла даже не указывать его. Между тем без использования включённых в него и анонсированных материалов создание действительно научного дискурса по современной истории Молдавии и истории Приднестровья представляется чрезвычайно сложным.

Первый том серии сборников документов и материалов «В лабиринтах самоопределения и самоутверждения» получился содержательным и познавательно интересным. Но его неполнота очевидна. Научная общественность ожидает выхода обещанных следующих трёх томов.

Впервые опубликовано: «Ежегодник» «Исторический альманах Приднестровья». Тирасполь, 2005, №9, с.159-160

С.В. ЧЕШКО

*Рецензия на: М.Н. Губогло. Страсти по доверию.
Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии.
– М.: ИЭА РАН, 2014. – 214 с.*

Публикация М.Н. Губогло посвящена состоявшемуся в Гагаузии 2 февраля 2014 г. «консультативному референдуму». Наши СМИ сообщали о нем очень скудно, как бы, между прочим. Между тем, этот референдум заслуживал гораздо больше внимания. А сегодня он стал еще более интересным и симптоматичным в связи с последовавшими вскоре плебисцитами в Крыму, Донецкой и Луганской областей Украины. Работа М.Н. Губогло явилась редким, а возможно, уникальным случаем столь оперативного исследования такого важного политического события.

Референдум был фактически спровоцирован намерением руководства Молдавии вступить в Европейский Союз, а также популярными среди части молдавской политической элиты идеями румынизации Молдавии и присоединения страны к Румынии. Учитывая, что в Гагаузии эти идеи никогда не пользовались поддержкой, организаторы референдума решили замерить настроения населения.

Подготовка к референдуму сопровождалась, с одной стороны, активным противодействием молдавских властей, а с другой стороны, впечатляющим энтузиазмом жителей самой ав-

тономии и активной поддержкой гагаузской диаспоры в России. Беспрецедентный случай – в связи с запретом кишиневских властей провести референдум за счет бюджета автономии его профинансировал гагаузский предприниматель, ведущий свое дело в России, Ю. Якубов.

Референдум дал сенсационные для избирательной практики постсоветской Молдавии результаты. Явка избирателей оказалась выше 70 %. Подавляющее большинство проголосовавших высказалось за вхождение в Таможенный союз, то есть, фактически, за экономическую интеграцию с Россией – 98,47 %, а против присоединения к Европейскому Союзу – 97,43 %. За так называемый «отложенный суверенитет» (в случае присоединения Молдавии к Румынии) проголосовали 98,8 % пришедших на голосование.

Я привел конкретные данные об обстоятельствах подготовки к референдуму и его результатах потому, что публикация тиражом всего лишь в 300 экз. и выпущенная, по сути, «домашним» издательством Института этнологии и антропологии РАН, вряд ли будет легко доступна даже специалистам в области

этнополитических проблем, не говоря уже о более широком круге интересующихся этими проблемами читателей.

Небольшая по объему, но емкая по содержанию работа М.Н. Губогло основана на разнообразных источниках – официальных документах, материалах политических партий и общественных движений, прессе, высказываниях жителей Гагаузии, государственных, политических и общественных деятелей, личных наблюдениях и впечатлениях. Своего рода хроника событий отражена в размещенных в тексте фотографиях. Несомненный интерес представляют приложения, касающиеся разных аспектов подготовки и проведения референдума.

Работа, включающая Предисловие, шесть глав, Заключение, Приложений, отличается четкой и логичной структурой. Автор анализирует особенности политического и социально-экономического положения Гагаузии в составе Республики Молдова и отношений с властями последней. Автор показывает, что именно эти, зачастую неблагоприятные условия обуславливают стремление народа Гагаузии к самостоятельности и ориентацию на сотрудничество с Россией. Этому же способствуют исторические и этнокультурные, в том числе, религиозные традиции. Резкое неприятие вызывает политика румынизации Молдавии.

Главы 3–5 (одни из самых интересных, на мой взгляд), рассказывают о том, что предшествовало референдуму, как и в каких условиях он готовился. М.Н. Губогло, будучи специалистом в сферах этнографии, этносоциологии и этнополитологии, усмотрел в общественной активности этого периода своеобразное сочетание обычной политической деятельности и традиционной для гагаузов праздничной обрядности («хору»). Для этнолога эти наблюдения особенно любопытны, и автор, используя нарративный и иллюстративный материал, сумел показать роль культурных традиций в современной политической жизни.

Особое внимание автор уделит чрезвычайно важному, наверное, одному из наиболее значимых аспектов для понимания современной Гагаузии и событий, связанных с референдумом. Референдум не был спровоцирован политической элитой автономии: скорее, наоборот, элита услышала народные настро-

ния и придала спонтанному движению людей организационное, легитимное оформление. Если судить по исследованию М.Н. Губогло (а в достоверности его материалов трудно сомневаться), следует констатировать нечастое в истории случай единодушия – на основе осознания объективных национальных интересах, да просто интересов людей, – власти (автономии) и народа.

В связи со сказанным выше большой интерес вызывают размышления автора о проблеме сепаратизма. Как известно, в международном праве и международной правоприменительной и политической практике все связанное с понятиями «самоопределение» и «сепаратизм» вызывает дискуссии по причине смутности этих понятий. Неясность обусловлена, во-первых, тем что «самоопределенческая» тематика появилась в актах ООН и других международных организаций после Второй мировой войны в связи с процессами деколонизации. С тех пор прошло много времени, ситуация в мире сильно изменилась, и оперирование теми же понятиями и формулировками зачастую приводит в тупик. Во-вторых, отсюда же возникла серьезная проблема в соотношении понятий «самоопределение народов», «самоопределение наций», «национальное самоопределение», «этническое самоопределение» и т.п. В-третьих, требуется уточнение о содержании самого базового понятия «самоопределение», о каких формах самоопределения может идти речь, обязательно ли самоопределение должно выражаться в политической форме, по Ленину, вплоть до отделения и создания независимого государства.

Попутно замечу, что события последних месяцев, включая референдумы на Украине, делают, на мой взгляд, вновь актуальной и неотложной проблему самоопределения в современном мире. Мы неожиданно обнаружили, что это требование могут высказывать «простые» люди, если их к тому понуждают обстоятельства и власти, а не какие-то «элиты». Об этнических элитах говорить и не приходится: народные движения в Молдавии и на Украине интернациональны. Пользуясь случаем и статусом одного из главных редакторов «Вестника антропологии», приглашаю коллег к обсуждению этой проблемы.

М.Н. Губогло на гагаузском материале, похоже, нащупал для себя ответы на эти вопро-

сы. Политическое движение в Гагаузии за самостоятельность он не считает сепаратизмом: оно представляет собой не интриги и заговор элиты, а выражение воли подавляющей части полиэтнического (курсив С.В.) общества автономии, и результаты прошедшего референдум есть не более и не менее чем фиксация этой воли. Иными словами, жизненные потребности и законные интересы людей оказываются более значимыми, нежели закостенелые юридические и политические традиции, особенно если они произвольно используются той или иной «третьей силой» в собственных целях.

Нетрудно заметить аналогии гагаузского феномена с Приднестровьем, Крымом, Левобережной Украиной. Но в Гагаузии получилось еще интересней с точки зрения политической дихотомии «государственный суверенитет – самоопределение».

Молдавия в период распада СССР явила совершенно уникальный случай: если политические «элиты» других бывших союзных республик выступали за создание собственных государств, то наиболее радикальные молдавские независимцы с самого начала мечтали об объединении с Румынией, и эту мечту они сейчас пытаются осуществить. Получается, что готовность гагаузцев к «отложенному суверенитету» означает их желание сохранить государственный суверенитет Республики Молдова. Разумеется, молдавско-румынские патриоты имеют не меньше права на самоопределение, нежели народ Гагаузии. Но это лишь свидетельствует о необходимости для международного сообщества в постсоветскую эпоху выработки новой, непротиворечивой и практически осуществимой формулы решения проблем, обусловленных хаотичным распадом СССР, который определялся, в большинстве случаев, групповыми интересами этнических элит, подкрепленными «внеэтническими» интересами ельцинской группировки в России.

Данная рецензия основана на моем же отзыве на рукопись работы М.Н. Губогло (в публикации я значусь как один из официальных рецензентов). Ознакомившись с моими соображениями по поводу самоопределения, Михаил Николаевич, как он мне признался, взял и написал шестую главу – «От унитаризма к

федерализму на основе взаимного доверия».

В этой главе автор размышляет о перспективах молдавской, а заодно, и украинской государственности (ко времени выхода книги подоспели и украинские события). М.Н. Губогло полагает, что положительные перспективы могут быть связаны лишь с федерализацией, поисками достижения гражданского согласия. Полезным он считает опыт постсоветской России, сумевшей преодолеть центробежные тенденции 1990-х годов.

О том, как это получилось в России, говорить не буду, поскольку это особая, очень сложная и емкая тема. Что же касается Украины, то, по-моему, М.Н. Губогло идеализирует ситуацию. После всего, что там произошло, и в связи с тем, что там неизбежно еще произойдет, речь не идет о сохранении целостности государства, даже путем гипотетической федерализации, которой, кажется, уже никто не хочет. Распад Украины, на мой взгляд, неизбежен – вопрос только, на сколько частей. А вот Молдавии анализ трагического украинского опыта может помочь.

Собственные пространные размышления рецензента могут показаться неуместными, однако они объяснимы, поскольку М.Н. Губогло прямо провоцирует их своим исследованием, и это можно считать одной из заслуг автора.

Имею некоторые замечания, касающиеся, впрочем, особенностей стилистики изложения и интерпретации материала. Мне показались чрезмерными пафос и экспрессивность, которыми проникнут текст. Для академического издания это непривычно и едва ли нужно. Но автора, кровно связанного с Гагаузией и искреннего «болеющего» за судьбу своих соплеменников, это понятно: главное, М.Н. Губогло ничего не выдумал и при этом честно высказал свою позицию – позицию ученого, гражданина и человека. Думаю, ученый имеет не меньшее право высказываться по актуальным политическим проблемам, чем, скажем, «представители творческой интеллигенции», ежедневно выступающие в СМИ в качестве экспертов по этим проблемам. Иногда ученому не грех выбираться из пресловутой башни из слоновой кости и явить свое профессиональное видение происходящего вокруг.

В.В. КАРЛОВ

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И ФАКТОР ДОВЕРИЯ:
ЭТНОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС
В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ¹**

*Размышления в связи с выходом в свет книги М.Н.Губогло
«Антропология доверия»,
Москва, ЯСК, 2016, 544с.*

Современный этап развития процессов глобализации в мире отражает довольно парадоксальную ситуацию в межнациональных и межэтнических отношениях в жизни народов и государств. С одной стороны, мы наблюдаем очевидные признаки интенсификации межэтнического общения в самых разных сферах жизнедеятельности людей и человечества в целом. С другой же, такое интенсивное общение, в числе ряда других факторов, постоянно вызывает рост межэтнической напряженности, настроений сепаратизма и попыток децентрализации со стороны населения и политических лидеров региональных, этнокультурных, этноконфесси-

ональных анклавов даже в давно и, казалось бы, прочно сформировавшихся странах мира (Великобритания, Испания, Бельгия, Канада, Мексика и др.). Конечно, причины роста конфликтности бывают очень разными и часто обусловлены множеством конкретных ситуаций в политике, экономике, культуре и многих иных сферах жизнедеятельности. Но именно по этой причине имеет огромное научное и практическое значение профессиональное исследование факторов, лежащих в основании формирования системно оптимальных связей как между народами, так и в целом между различными социальными и субкультурными группами стран глобализирующегося, но, не-

смотря на это, столь разного и нестабильного мира. И среди них одно из ведущих мест принадлежит фактору доверия в межэтнической и социальной сферах.

Как раз такой специально-профессиональный подход к проблеме межэтнических отношений в современной действительности развернут и продемонстрирован в недавно опубликованной монографии М.Н. Губогло «Антропология доверия» [1]. В этой связи можно отметить, что доверие как антропологическая категория и как предмет исследования не впервые стала объектом гуманитарного изучения в сфере социологии и политологии. Известна, в частности, книга Ф. Фукуямы [2], посвященная данному феномену: идеи, высказанные в ней, неоднократно в работе М.Н. Губогло излагаются и комментируются. Однако в нашей антрополого-этнологической литературе к специальному исследованию феномена доверия и его роли в межэтнических отношениях М.Н. Губогло обратился впервые, и это одно уже делает его работу новаторской. И вместе с тем побуждает задуматься, настолько ли данное явление социальной жизни оставалось вне поля зрения отечественных этнологов. Думается, что если явление доверия не выносилось в заголовок или не декларировалось как предмет этнографических разработок, то все же де-факто ни одно исследование, посвященное специфике социальной организации любого народа, по сути дела не могло обойтись без описания форм и границ групповой солидарности, которая в принципе существовать иначе, чем на фундаменте определенного доверия между членами группы, не может.

Работа М.Н. Губогло стала уникальным в своем роде серьезным научным изданием, посвященным конкретному всестороннему анализу истории проведения референдумов на бывшей территории СССР, в регионах, статус которых остается до сих пор предметом многих социально-политических конфликтов между властями постсоветских государств (Молдавия, Украина), с одной стороны, а с другой – населением и региональными политиками сложных по составу областей, более или менее существенно отличающихся в этническом отношении от своих «метрополий»:

Приднестровье, Гагаузия, Крым. Несомненный интерес представляет уже то, что административно-правовой статус всех названных территорий в результате сложился по-разному: Приднестровье остается «непризнанной республикой», чье существование в огромной степени осложняется непризнанием со стороны Молдовы, Крым в результате референдума изменил свой государственный статус, став республикой в составе РФ, и только Гагаузия смогла мирным и легитимным путем договориться с центральной властью и получить автономию в составе Молдовы. Поэтому сопоставление всех трех вариантов политического процесса и хода борьбы за регионально-национальные интересы, бесспорно, имеет очевидное научное и практическое значение.

Однако необходимо отметить, что названное исследование при, казалось бы, сугубо частном аспекте анализа конкретных случаев этнополитического характера, волею автора приобрело далеко не частное узко политологическое звучание. Он смог предложить к обсуждению целый комплекс важнейших сюжетов и проблем, непосредственным образом затрагивающих не только сферу этнополитологии как отрасли этнологии и социальной антропологии, но и затронуть немало важнейших методологических вопросов из предметной области этих наук, или даже более широкого спектра проблем гуманитарного знания. Широта такого подхода определена уже в авторском Предисловии к работе, где сказано, что этногосударственные отношения между носителями региональной идентичности и центральной властью в Кишиневе и Киеве «обусловлены не менее чем пятью факторами: историческими, правовыми, социокультурными, личностными и ситуационными» [1, с.21-22].

Излишне говорить, что учет и анализ такой совокупности факторов неизбежно выводит исследователя на широчайшее поле множества ситуативных проявлений сочетания в самых разнообразных, и даже порой весьма причудливых, вариациях всей данной группы факторов. И заслугой исследователя в данном случае видится постоянное стремление показать всю сложность и многокрасочность гаммы антропологического взаимодействия

акторов (имеется в виду их как групповой, так и индивидуально-личностный уровень) описываемого процесса, результатом которого он считает возникновение атмосферы доверия или недоверия между участниками, в огромной степени определяющей в итоге решение конфликтных или спорных ситуаций в государственно-правовом аспекте.

Связь между доверием и групповой солидарностью (соответственно, и групповой идентичностью) довольно очевидна. Ведь в любом сообществе *Homo sapiens*'ов аффилиация есть одна из главных базовых потребностей человека уже потому, что человек приходит в мир абсолютно не готовым и не способным к индивидуальной адаптации в среде обитания, способ адаптации воспринимается им не через гены, а через некий культурный код, усваиваемый в процессе социализации в том или ином социуме. Все это как будто совершенно элементарные, банальные, понятные и давно понятые истины антропологии в широком смысле, но, занятые анализом множества частных случаев социальной практики людей, мы нередко про них забываем. Сказанное отнюдь не означает, что заголовок книги М.Н. Губогло некая попытка автора «вломиться в открытую дверь». Напротив, в отношении основной темы его исследования вынесение в заглавие работы проблемы доверия более чем уместно и своевременно, особенно с учетом конкретной ситуации начала XXI века (о чем ниже).

Есть еще одно понятие, фактически поставленное автором работы в ряд основополагающих категорий – это понятие справедливости как сильнейшего мотива и фактора возникновения доверия или недоверия в межэтнических отношениях. В работе используются имеющиеся общефилософские и социологические разработки феномена восприятия справедливости как мотива поведения и руководства к действию в современном обществе, в частности, работа Дж. Ролза [3]. Но позиция Ролза, при всей оригинальности и некоторой новизне (по крайней мере по отношению к классическому этическому наследию) его взглядов, это все же позиция одного из идеологов современного западного постиндустриального общества, общества да-

леко не бесклассового и не эгалитарного, но сложно и многоступенчато иерархизированного, имеющего, соответственно, множество градаций в понимании социальной справедливости, что исключает некое усредненное ее восприятие. С такой точки зрения его теория неоднократно подвергалась критике и на западе, и в России. В частности, А.С. Панарин обращал внимание на своеобразные положения теории Ролза, имеющие релятивистский характер, которые в случае их воплощения в практику вызывают ряд вопросов. [4, с.224-230] М.Н. Губогло и сам отмечает, что такое понятие как справедливость тесно зависимо от статуса индивида и многих из его социальных характеристик и ролей.

Особое место в книге занимает анализ и изложение данных нескольких этносоциологических опросов, проведенных в том числе лично автором, одним из опытейших ответственных представителей данного направления, или при его непосредственном участии. Среди таких материалов есть, в том числе, и данные, характеризующие отношение респондентов к понятиям справедливость, порядочность, честность. [1, с.360,364, 365,427, 431] Они, как и многие другие характеристики, позволяют лучше понять и оценить результаты, полученные в референдумах. Эти материалы, безусловно, ставят работу в ряд одного из важнейших источников по истории современных этнополитических процессов постсоветского времени в восточной Европе. Публикация таких данных побуждает, однако, к некоторым размышлениям о способах оптимизации исследования современной этнокультурной и этнополитической динамики, ее движущих факторов и механизмов.

При сравнении данных о восприятии, например, социальной справедливости и важности данного понятия для респондентов, мы можем получить представление о том, насколько такое понятие равноценно или нет для респондентов разной этнической принадлежности. Такой подход вполне традиционен для этносоциолога или этнопсихолога. Но современное общество сложно и одновременно интересно для анализа также тем, что практически любой его представитель, к какому бы этносу он по происхождению и идентичности

ни принадлежал, одновременно с аффилиацией этнической имеет еще целый набор групповых характеристик (региональную, социально-классовую, социально-профессиональную, поло-возрастную, конфессиональную, и еще много других макро- и микро-групповых). При всем том, что каждая из таких групповых идентификаций, бесспорно, ситуативна, для исследователя (как, впрочем, и для индивида-носителя набора идентичностей) возникает вопрос, какая из его групповых «привязок» когда и почему более актуальна. И здесь мы уже выходим из узкого профессионального поля этнологии или этносоциологии и больше приближаемся к сфере предметных интересов социальной антропологии. Методологически (и методически) было бы очень важно сопоставить ориентацию в ряде ситуаций по признаку этническому в сравнении с делением опрашиваемого массива на другие групповые категории как во внутриэтническом измерении, так и в не зависимых от него, автономных групповых массивах. Это могло бы дать более полное представление о значимости той или иной аффилиации людей, в том числе в ситуациях этнополитических конфликтов.

Еще одно соображение об антрополого-этнологической важности исследования феномена доверия связано со спецификой современного состояния общества и его общественного сознания, вытекающей из особенностей постсоветского периода истории. Важнейшим фактором перемен в жизни всех народов СССР стал распад Советского Союза и связанные с этим социально-политические изменения: переход постсоветских стран к обществу капиталистическому, при этом в условиях, когда все эти страны были по множеству параметров просто не готовы ни к такому переходу, ни, тем более, к специфическим условиям функционирования мира в постиндустриальную эпоху. Разумеется, кто-то из нас быстрее адаптировался в новых обстоятельствах и даже сумел достичь немалых успехов в советское время и связанных с такой метаморфозой благ. Но подавляющее большинство населения постсоветских стран приспособилось к новому миропорядку долго и мучительно, испытывая

постоянные стрессы и находясь годами в состоянии фрустрации. Конечно, ценностные и поведенческие стереотипы, сформированные в условиях социализма, в том числе и понимание справедливости, не могли измениться одномоментно. А с этим в сильнейшей степени связано и создание в обществе атмосферы доверия или недоверия ко всем и всему: власти, сослуживцам, партнерам по общению, единоверцам или иноверцам, согражданам, соседям и т.д. И, само собой, трансформации, продолжающиеся уже более четверти века, не способствуют стабильности социальных связей. Именно поэтому фактор фрустрации представляет особую угрозу устойчивости и социальной гармонии в обществе, в том числе, и даже в особенности, межэтническим отношениям.

Прежде всего следует отметить очевидный факт: фрустрация как состояние дезорганизации сознания, вызываемое невозможностью осуществить поставленные личностью перед собой цели (хорошая работа, жилье, семья и многое другое), не может длиться слишком долго. Психика человека подсознательно ищет из него выход, один же из типичных и широко распространенных вариантов выхода – перенесение своего недовольства на некий реальный или мнимый объект, поиск «козла отпущения». В далекие уже 1980-е годы одна из ярких иллюстраций действия фрустрации на индивида и социум была сделана армянскими этнопсихологами в работе о населении Еревана. По результатам опросов ими была выявлена категория лиц, имеющих негативный автостереотип. Когда исследователи стали анализировать, что это за прослойка в социальном отношении и кто в нее входит, выяснилось: это люди, наименее устроенные в армянской столице в бытовом смысле, не нашедшие своего «места под солнцем». Выход из испытываемой фрустрации они перенесли на якобы негативные качества собственного народа, армян. Авторы исследования совершенно справедливо заключили, что такое действие механизма выхода из фрустрации в виде негативного автостереотипа возможно лишь в фактически моноэтнической среде (какую представляло население Еревана), но в любом полиэтническом обществе выходом

из фрустрации неизбежно станут не «плохие» качества собственного народа, а перенос вины за свои нерешаемые жизненные проблемы и за свою неудовлетворенность жизнью на иноэтничных партнеров по общению. [5, с.208-209]

К огромному сожалению, подтверждение верности изложенного вывода этнопсихологов не заставило долго ждать. В 1988 г. разыгралась трагедия, жертвами которой стали армяне Сумгаита. Поводом, как известно, послужило прибытие под утро 28 февраля на станцию Сумгаит поезда с беженцами-азербайджанцами из Араратской долины Армении, насильственно изгнанными оттуда. Это был один из самых типичных и с точностью сработавших случаев действия механизма фрустрации, за которым последовало немало других «перестроечных» конфликтов, с неизменным постоянством, к несчастью, подтверждавших объективность и практическую реальность данной психологической категории и форм ее проявления.

Здесь имеет смысл коротко остановиться на хронологических особенностях случаев возникновения и разрешения этнических конфликтов в советское время. Хорошо известно, что в целом для сложнейшей в этническом и этнокультурном отношении Советской страны межэтническая напряженность на грани политических взрывов и эксцессов не была, тем не менее, распространенным явлением. Это объясняется не только и не столько репрессивными мерами в отношении националистов и националистических проявлений (хотя данный фактор тоже нельзя не учитывать). Одной из главных причин следует назвать то, что исторически ведущими причинами и мотивами резкого обострения этно-национальных конфликтов было изменение положения определенных социальных слоев той или иной этнической принадлежности, вылившееся в напряженную ситуацию в социуме в условиях острой экономико-хозяйственной конкуренции, особенно если социальные диспропорции имели тенденцию экстраполяции на этно-демографическую структуру тех или иных областей. В результате же революционных преобразований государственные сферы экономики стра-

ны, завершённое с окончанием НЭПа также и фактическим устранением частного из сферы торгово-посреднической, ликвидировало основные причины острой конкуренции в социальном и межнациональном отношениях. Это, конечно, не устранило полностью межэтнического недоверия и противостояния: сказывалась инерция дореволюционных противоречий, конкуренция порой возникала и по причине кадровых предпочтений «своих» перед иноэтничными работниками. Но все такие обстоятельства более или менее могли быть контролируемы и регулируемы властью, не говоря о том, что правящая партия была призвана бдительно охранять сферу межнационального согласия на местах.

В свете сказанного довольно характерным выглядит социальный состав участников активизировавшихся в начале XX в. националистических движений периода накануне и после первой русской революции. В частности, самых массовых и популярных организаций у русских, «Союза русского народа» и «Союза Михаила архангела». В них, как известно, принимали определенное участие и представители консервативно-монархически настроенной интеллигенции, и части промышленных рабочих. Однако нельзя сказать, что для обеих этих социальных категорий участников это было широко распространенным и массовым явлением. Основная поддержка право-монархических организаций была оказана со стороны среднего горожанина, городского мещанства. Причина заключается вовсе не в особом идеологическом настрое мещанства русского города, но прежде всего в сфере его занятий и экономических интересов. Историки черносотенства в России не напрасно называли черную сотню организацией лавочников и ремесленников. Эти группы действительно активно поддерживали СРН и СМА. Возникает законный вопрос: почему? И вот здесь надо обратить внимание на основополагающие сдвиги в экономике страны. Конец XIX – начало XX в. – вступление России в стадию смены свободной капиталистической конкуренции монополизмом. На этом фоне, особенно в результате кризиса начала XX в., происходит массовое разорение мелких и средних кустарей и торговцев, их «заведе-

ния» одно за другим закрываются, а «ниша» их традиционной сферы занятий замещается посредническими конторами крупных фирм, и не только в столицах, но и в малых и средних городах страны. Соответственно, бывшие кустари и торговцы оказываются подвержены фрустрирующим факторам. Среди владельцев же крупных фирм и посреднических контор - изобилие не-славянских фамилий. Почва для спуска механизма фрустрации готова.

Не менее интересно и по-своему поучительно то, что лидеры охранительно-монархических организаций довольно безуспешно пытались «канализировать» в русло своих движений российское крестьянство, но успеха, за редкими исключениями, среди крестьян не имели. Это, к слову, вопреки расхожему социологическому клише о якобы особой склонности именно крестьян к ксенофобским настроениям. Они, несомненно, иногда встречались, но, возможно, русских крестьян удерживало от ксенофобии в выраженных формах обстоятельство, отмеченное физическими антропологами на своем материале: они пришли к выводу, что в процессе славянской колонизации установка на мирное взаимодействие с коренным населением осваиваемых территорий входила у колонистов в их стратегию выживания. По-видимому, такое отношение стало обиходной нормой. Зарубежные специалисты по истории национального вопроса в России в XIX в. отмечали, например, что в полиэтничных районах среднего Поволжья среди всех его обитателей именно русские крестьяне были наиболее открыты для межэтнических контактов. [6, s.495]

Характерно, однако, что среди всех губерний империи особая популярность право-монархической идеологии и лозунгов была отмечена среди украинских крестьян Юго-Западного края, особенно в Подолии и на Волыни. Но здесь, не считая активной поддержки черносотенных организаций местным духовенством, причина заключалась лишь в том, что крестьяне сильно зависели в отношениях с рынком от торговцев-перекупщиков, которые более чем на 90% в черте оседлости состояли из евреев. Попытки же представителей СРН вытеснить их из посреднической торговли не выдержали конкуренции, а в итоге и под-

держка черносотенных организаций здесь постепенно сошла на нет. Что же касается образованной части украинского общества, то, в отличие от крестьянской массы, в начале XX в. для некоторых идеологов изменения экономической ситуации повлияли на другой вариант выхода из фрустрации – очевидный рост «антимоскальских» настроений и течений. Многие из их лидеров происходили или из казацко-старшинской среды (как М.С. Грушевский), или из прослойки мелкой городской буржуазии (как С. Петлюра).

По поводу настроений крестьян России в межнациональной сфере можно заметить также то, что декларирование идеи сложной национально-государственной структуры страны (право на самоопределение, федерация, широкая автономия), в чем сейчас весьма модно упрекать большевиков и Ленина, на самом деле принадлежит отнюдь не большевикам, а самой массовой крестьянской партии России – народных социалистов (трудовиков), в программе которых это было записано уже в 1906 г., большевики же еще 10 лет стояли на позиции унитарного государства. [7, с.14] Ленин, однако, очень точно уловил массовые настроения народа в 1917 г., использовав и фактически воплотив в 1922 г. программу НСП по национальному вопросу.

Возвращаясь к печальному опыту фрустрации и ее проекции на межэтническую сферу в позднесоветское время, очень показательным выглядит тот факт, что одним из детонаторов взрыва стало Закавказье. Здесь, как и в ряде других национальных районов юга СССР, к 80-м годам XX в. появилась недопустимо большая доля незанятого населения, возникла хроническая трудоизбыточность среди трудоспособного населения. В партийной печати «перестроечного» времени назывались цифры – 27,6% трудоспособных незаняты были в Азербайджане, 18% в Армении, но даже эти показатели, по-видимому, несколько занижены. Нельзя сказать, что власти этого не знали, однако практически не предпринимали серьезных попыток исправить положение. Более того, наличие незанятого трудоспособного населения стало базой для гигантского роста коррупции.

В ходе этносоциологического опроса, про-

водившегося в 1980-е годы кафедрой этнологии МГУ в Азербайджане, такие факты не только были зафиксированы анкетным опросом, они были видны, что называется, невооруженным глазом. Люди даже не скрывали, что получение не то чтобы престижной, но и самой непрезентабельной работы возможно лишь при помощи взятки, и нередко довольно крупной, плюс последующие «откаты» благодетелям от заработанного. Соответственно, получивший искомое место всеми силами и средствами стремился как можно скорее окупить затраты. Водители транспорта, например, сдав предприятию положенный план, все что сверх плана как должное оставляли себе, но соответственно «отстегивали» и начальству. Продавцы магазинов совершенно произвольно завышали цены на товары и тоже «делились» в обязательном порядке с начальством, базой, контрольными органами, милицией. И т.п. снизу доверху. При таких порядках иметь мало-мальски приемлемые условия для жизни могли только те, кто обладал хотя бы какой-то возможностью получения не фиксируемых доходов. «Перестроечные» новации только лишь усугубили, вплоть до фактического узаконивания в общественном сознании, атмосферу тотальной коррупции. А в самом фрустрированном положении оказывались люди, или вовсе не сумевшие получить хоть какую-то работу, или те, кто жил только на фиксированную зарплату и иных источников дохода не имел. В первую очередь это были рабочие крупных заводов и фабрик. [8]

Последнее было типично, в частности, для Сумгаита. Сумгаит – промышленный город, население которого было занято главным образом на крупных промышленных предприятиях, в основном химической промышленности. Центр города был выстроен в 1950-е гг. в довольно помпезном стиле «сталинского ампира», но районы окраин выглядели совершенно иначе. Здесь при практическом отсутствии нормальной городской инфраструктуры стояли порой даже не дома, а какие-то лачуги, слепленные из разнообразных попавшихся под руку подсобных материалов (включая жести, фанеру, картон). При сложившейся к тому времени в Азербайджане системе жизнеобеспечения, свободных, не

фиксируемых доходов основное рабочее население города было фактически лишено. Понятно, что большинство горожан испытывало в связи с многочисленными не решаемыми житейскими проблемами (достойный заработок, жилищные вопросы, благоустройство) постоянный стресс или вообще находилось под воздействием фрустрации, будучи лишено реальных возможностей для решения важных жизненных задач. То есть составило идеальную почву для спуска механизма фрустрации, и хватило лишь одного толчка. При этом, личностные отношения в рабочей среде межэтнической напряженностью в целом не отмечались – например, даже в трагические дни известно много случаев, когда уже в ходе погрома азербайджанцы укрывали и спасали своих армянских соседей. Однако стихия погрома уже действовала сама по себе.

Сказанное о «переводе стрелок» с чисто социальных проблем в плоскость межэтнических отношений в условиях обострения конкуренции в позднесоветское время весьма поучительно и имеет самое что ни на есть практическое значение и для современной постсоветской истории. Диспропорции социальных перемен как следствие довольно стихийных, регулируемых отнюдь не только законом (а часто даже если и законом, то порой весьма произвольно трактуемым), или своекорыстно понимаемым властью предрержащими «прецедентным правом», разумеется, не создают в обществе обстановки социального доверия как основы стабильности. Наличие же фрустрирующих факторов в этой ситуации ведет к периодически повторяющимся в разных регионах эксцессам, нередко переводимым в межнациональную плоскость. Если посмотреть на все громкие эпизоды эксцессов и насилия за последние годы, практически почти во всех случаях этнический фактор был одним из детонаторов взрывов социального недовольства (Кондопога, Манежная площадь, Сагра, Бирюлево, Хованское кладбище и т.д.). Хотя столь же очевидно, что подлинной причиной взрывов были отнюдь не межэтнические противоречия.

Разумеется, постсоветские страны не составляют какого-то особого случая или исключения. Ситуация нестабильности нарас-

тает во всем мире, включая самые экономически развитые и успешные страны. Совсем свежий пример – состоявшиеся в конце сентября 2017 г. выборы в германский Бундестаг, на которых неожиданно высокий процент получила недавно созданная правая партия «Альтернатива для Германии». При этом особенно много голосов она получила на бывшей территории ГДР, в восточных областях страны. Рост популярности АдГ объясняют ростом антимигрантских настроений в немецком обществе. Однако, есть очевидная причина, объясняемая повышенной, в сравнении с западными районами ФРГ, долей на востоке людей, подверженных фрустрации. После воссоединения Германии произошла, по сути дела, фактическая аннексия западной Германией самостоятельного государства ГДР, население которого довольно долго вынуждено было подчиняться диктату со стороны западных соотечественников, чувствуя собственную «второсортность» и быстро утрачивая былые надежды на процветание в единой стране. Приток же мигрантов и официальное благосклонное отношение к ним власти выглядело определенным контрастом отношения к восточным немцам. Почва для выхода из фрустрации нарастанием настроений ксенофобии – крайне благоприятная.

Подводя итог этим заметкам, следует отметить, что свод проблем, которые, вслед за М.Н. Губогло, можно обозначить понятием «антропология доверия», чрезвычайно важен и актуален для целого ряда гуманитарных дисциплин: социальной антропологии, этнологии, социальной и этно- психологии, социологии, демографии, культурологии и, разумеется, конфликтологии. Пристальное изучение в самых разнообразных ракурсах проблемы доверия в современном обществе, где все более нарастает глобальная социальная нестабильность, есть необходимая со стороны науки попытка внести практический вклад в поддержание и улучшение социального кли-

мата и попытки достижения хотя бы относительной социальной справедливости в мире. В условиях ее острого дефицита довольно закономерным выглядит рост регионального самосознания, особенно когда это сочетается с этническим и этнокультурным своеобразием регионов. Это было верно подмечено М.Н. Губогло, подчеркнувшим глобальный масштаб тенденций роста конфликтности между национально-региональной идентичностью и централизованным государственным управлением. Их типичность и актуальность автор книги о доверии проиллюстрировал списком локально-региональных конфликтов в ряде ведущих стран Европы. [1, с.404-411]

Что же касается отмеченного здесь фактора фрустрации как одной из серьезнейших проблем в деле поддержания социального мира, то, конечно, наивно было бы полагать, что в условиях тотальной нестабильности его можно было бы устранить. Он опасен именно тем, что способен сработать где угодно и в любой момент, для чего, как легко убедиться, достаточно небольшого толчка: все зависит от степени фрустрированности и, увы, громадного выбора потенциальных «козлов отпущения». Однако общество и государство могут и должны в максимальной степени такие ситуации предупреждать. Репрессивные меры здесь не помогут, в целом ряде случаев они даже усугубляют положение. Наиболее рациональным способом видится развертывание подготовки специалистов, способных профессионально отслеживать и по возможности предупреждать рост напряженности в обществе: этнологов, социальных антропологов, этнопсихологов, социологов. Такие специалисты нужны не только для научных целей, еще более важно иметь их в штате государственных и муниципальных учреждений. Средства на их подготовку и содержание найти легче и проще, чем потом тратить значительно больше на устранение последствий возможных эксцессов.

Примечания:

[1] Губогло М.Н. Антропология доверия. М. : Издательский дом ЯСК, 2016

[2] Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М. 2004

[3] Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск. 1995

[4] Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм. 2006

[5] Население Еревана. Этносоциологические исследования. Ереван: Издательство АН Арм. ССР. 1986

[6] *Kappeler A.* Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16 bis 19 Jahrhundert. Köhln, Wien. 1982.

[7] Программа народно-социалистической (трудовой) партии. СПб., 1906

[8] Полевые материалы автора

(Endnotes)

¹ Вариант статьи автора под заглавием «Доверие, недоверие, конфликт в антрополого-этнологическом измерении» публикуется в журнале «Конфликтология/ Nota Bene», 2017, №4

Раздел III. РЕЦЕНЗИИ М.Н.ГУБОГЛО

ЯЗЫКИ РОДИНЫ

*Рецензия на книгу М.И.Исаева:
«130 равноправных»
Москва, Наука, 1970, 133 с.*

Само человечество ещё не знает, на скольких языках оно говорит. В одном издании указывается 2250, в другом больше, в третьем меньше. Даже в нашем государстве до недавнего прошлого не было точно установлено общее число языков. В специальной литературе упоминалось то около ста, то около двухсот. Объясняется это целым рядом исключительных случаев, когда на одном языке говорят два народа и, наоборот, один народ говорит на двух языках. Например, кабардинцы и черкесы говорят на одном языке – кабардино-черкесском, а у мордвы и марийцев – по два языка.

С выходом в свет книги М.Исаева «Сто тридцать равноправных» (изд-во «Наука», 1970, 133 стр.) широкий круг читателей сможет наконец узнать, сколько языков у нас в стране, как они группируются, как видоизменяются.

Языковое строительство – важнейший элемент культурной революции. В книге убе-

дительно показан прогрессивный характер преобразований в языках народов СССР. Например, почему было необходимо заменить графическую основу многих языков, базировавшихся ранее на арабском, древнееврейском и древнеуйгурском алфавитах, сначала на латинскую, а затем на русскую? Дело в том, что усложнённый алфавит – тормоз на пути ко всеобщей грамотности и культурному подъёму. В этих условиях латинизация письменностей – оптимальное решение проблемы. А возросший культурно-политический и профессионально-образовательный уровень населения, постоянно крепнувшие дружба и сотрудничество народов СССР в период строительства социализма выдвинули на роль языка межнационального общения русский.

Невиданное по массовости распространение двуязычия у народов СССР (родного и русского) на глазах воплощает в жизнь вековую мечту человечества о едином, понятном всем языке межнационального общения. В

условиях социалистического строя расцветают и развиваются все языки, достигается их подлинное равноправие. Нет «лучших» и «худших» языков, и социально-общественный прогресс всегда стимулирует прогресс языковой. Язык отсталого прежде народа обогащается новыми словами и понятиями, он заимствует из более развитых языков и активно перерабатывает на свой лад грамматические, морфологические и стилистические конструкции. Однако величие социальной революции в том, что она, обеспечив возможность для бурного развития всех народов СССР, одновременно открыла широкую дорогу для становления и функционирования языка межнационального общения. Дальнейшее развитие этого двуединого процесса наблюдается и в наши дни, когда в многонациональном советском обществе, вступившем в период научно-технической революции, возрастает социальный резонанс и диапазон языковой коммуникации, осуществляемый путём всестороннего расширения двуязычия. Этот невиданный по массовости и глубине процесс одновременно формирует беспрецедентную в истории межнациональных контактов тенденцию языкового развития. В двух словах её суть заключается в том, что свободное развитие национальных (родных) языков народов СССР в условиях делового и культурного сотрудничества, дружбы, братства и равноправия сопровождается параллельным возрастанием роли русского языка, добровольно

выбранного всеми народами СССР в качестве языка межнациональных общений. Наши успехи в языковом строительстве коренятся в претворении в жизнь ленинской национальной политики, равноправия всех народов и всех языков.

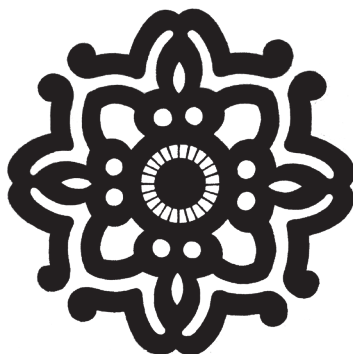
Во втором разделе книги читатель найдёт разносторонние сведения не только о каждом из 130 языков, но и о народах, создавших эти языки. Немалый интерес представляют статистические данные, характеризующие численную долю каждого народа, говорящего как на своём родном языке, так и на языках других народов СССР.

В конце книги М.Исаев даёт должный отпор буржуазным исследователям, различными способами пытающимся всячески умалить и опорочить советский опыт решения национального и языкового вопросов. На самом деле, языковые процессы в странах с разными социальными системами протекают по-разному. Например, несмотря на прогрессивное значение перевода турецкой письменности на латинскую графическую основу, это мероприятие в условиях эксплуататорского строя не привело к ликвидации неграмотности широких масс трудящихся.

Книга М.Исаева – отрадное явление в нашей литературе. В систематизированном виде она даёт необходимые знания широкому кругу читателей, которые будут очень признательны за это её автору.

М.Губогло,
Научный сотрудник института этнографии АН СССР

Впервые опубликовано в «Техника молодежи» М. 1971, №8, с.63.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ВИКТОР МААМЯГИ

ЭСТОНСКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ В СССР

(1917-1940 ГГ.).

ТАЛЛИН, 1977, 235 стр.

Воссоздать историческую панораму эстонских поселений в СССР в период, предшествовавший вхождению Эстонии в состав СССР в 1940 г., - такую задачу поставил и успешно решил в своем новом исследовании акад. АН ЭССР В. А. Маамяги.

Книга В. А. Маамяги интересна прежде всего потому, что доказывает целесообразность изучения двух взаимосвязанных аспектов - «внутреннего» и «внешнего» в исторической судьбе любой этнической общности. Как показывает автор, «внутренняя» история населения Советской Эстонии была бы неполной без страниц, раскрывающих этно-исторические судьбы той части эстонского этноса, которая оказалась в отрыве от его основной массы, будучи расселенной в инациональном окружении. Избранный автором аспект исследования - изучение истории эстонского национального меньшинства, жившего

за границами буржуазной Эстонии, в связи с историей всего эстонского народа в целом несомненно принес плодотворные результаты и придал рецензируемой книге новаторский, творческий характер.

Содержащийся в монографии материал представляет большой интерес.

Ценность рецензируемого труда заключается также в том, что он помогает теоретически осмыслить этнокультурные процессы, характерные для национального меньшинства в инациональном окружении. Опираясь на важнейшие в методологическом отношении высказывания В. И. Ленина о положении этнических меньшинств в инациональной среде, на партийные документы - резолюции и решения съездов, конференций ВКП(б), материалы съездов Советов, в которых четко определена национальная политика Советского государства и отражен процесс проведения

ее в жизнь.- В. А. Маамяги вводит в научный оборот новый, собранный буквально по крупицам материал, отражающий работу эстонских секций ВКП (б) и ВЛКСМ, Эстонского отдела Народного комиссариата по делам , национальностей РСФСР, Отдела национальностей ВЦИКа. Ценно в книге то, что автор показывает, как реализовывалась национальная политика партии по отношению к эстонскому национальному меньшинству. Историческую канву огромной работы партии и органов Советской власти в этом направлении автору помогают воссоздать материалы эстонской советской периодической печати, информировавшей читателей о положении дел во многих эстонских поселениях. Книга В. А. Маамяги по существу открывает новое, перспективное направление в советской исторической науке, одной из задач которой является всестороннее изучение этнических аспектов становления новой исторической общности - советский народ.

Основным главам исследования предпослана вводная глава об истории возникновения поселений эстонцев в различных районах дореволюционной России. Подобный «выход» за хронологические рамки исследования закономерно вытекал из самого объекта исследования. Миграция эстонского населения в различные районы России (Крым, Кавказ, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток и в другие места), вызванная безземельем и помещичьим гнетом, началась еще во второй половине XIX в. По подсчетам автора, в ходе этих миграций возникло около 500 эстонских поселений, рассредоточенных в различных уголках России. Около 75% из них были сельскими поселениями.

Ретроспективный подход имеет важное методологическое значение, так как позволяет читателю самому убедиться в принципиальном различии судеб этнических изолятов в дореволюционный и послереволюционный период. Внимательно прослеживая этнокультурную судьбу эстонских поселенцев дореволюционного периода, автор подробно описывает и характеризует их хозяйственные занятия на новых местах, раскрывает картину и механизм их адаптации к новым социально-экономическим и природно-кли-

матическим условиям, прослеживает выработку новых и усовершенствование старых элементов в системе жизнеобеспечения колонистов (сельскохозяйственные орудия, жилище, хозяйственные постройки, одежда и т. п.) в совершенно новых, непривычных для них условиях. В. А. Маамяги продолжает изучение этих проблем, опираясь на сравнительно богатые традиции отечественной историографии и мировой сельской социологии.

Совершенно очевидно, что воссоздание в книге основных этапов исторического развития эстонских поселенцев даст исследователям возможность рассматривать и сопоставлять их историю с историей многих других этнических изолятов, находящихся в разных социально-экономических и географических условиях. Для этнографов, в частности, особую ценность представляют наблюдения и выводы автора о закономерностях этнокультурного развития эстонских колонистов в инонациональном окружении. Несмотря на территориальную отдаленность от основной массы эстонского населения, эстонские поселенцы. долго сохраняли в новых местах свою материальную и духовную культуру, язык и самосознание. Анализ фактов, способствовавших как устойчивости, так и размываемости этнических черт,- важнейший вклад автора в изучение этнических процессов, характерных для национального меньшинства. В трактовке этой. проблемы буржуазная историография, как известно, допускает ряд методологических ошибок, преувеличивая в одних случаях роль заимствования национального хозяйственно-культурного опыта, в других случаях, наоборот, принижая его. Автор демонстрирует нам принципиальное отличие марксистского подхода к решению данной проблемы. Характеризуя эстонских колонистов дореволюционного периода, В. А. Маамяги показывает их прогрессивную роль в экономическом и культурном развитии сельских жителей в районах нового расселения (они демонстрировали преимущества многополья, оригинальные приемы обработки земли, новые сельскохозяйственные орудия, новые сорта семян, новую постановку дела, новые трудовые навыки).

Вместе с тем в отличие от буржуазной

историографии, намеренно или непреднамеренно извращающей историю поселений, объясняющей прогрессивность эстонских переселенцев их национальным характером или даже национальным превосходством, В. А. Маамяги дает подлинно научное объяснение той действительно положительной роли, которую играли эстонские поселения. Он, в частности, подчеркивает, что переезжая на новые необжитые места, эстонские крестьяне применяли сравнительно передовые знания, ранее приобретенные ими у себя на родине во время работы на помещичьих землях, где капиталистические отношения в сельском хозяйстве были более развиты, чем в районах, куда они переселялись (стр. 34). Автор говорит также, что с самого начала переселенцы в свою очередь заимствовали отдельные элементы в культуре, и прежде всего материальной, у местного населения. Однако широкому сближению эстонцев с этим населением, как показано в книге, в дореволюционный период мешала национальная замкнутость эстонских переселенцев. Она была ответной реакцией на ассимиляторскую политику царизма, стремившегося подвергнуть обрусению всех «инородцев» и не считавшегося с национальными чувствами и интересами народов.

В совсем иных условиях протекали этнокультурные процессы среди эстонского национального меньшинства в советский период. Последовательному сближению эстонцев с местным населением в немалой степени благоприятствовала совместная борьба за установление и упрочение Советской власти, борьба в рядах Красной Армии на фронтах гражданской войны и последующее участие в восстановлении и реконструкции народного хозяйства, индустриализации, коллективизации и осуществлении культурной революции. Автор демонстрирует влияние Великого Октября и социалистических преобразований на эстонских переселенцев. Причем на каждом этапе исторического развития страны передовые идеи Советской власти, идеи пролетарского интернационализма несли в их среду рабочие, прошедшие школу революционной закалки.

Глава вторая дает наглядное представление о роли эстонских рабочих, матросов и солдат

и прежде всего коммунистов в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции в ряде мест, включая столицу, о переходе эстонского трудового крестьянства на позиции Советской власти, чему в немалой степени способствовала деятельность эстонских секций РСДРП(б), внесших посильный вклад в решение задач общероссийского революционного движения. В книге говорится о значении создания Эстонского отдела Наркомнаца РСФСР, съездов беспартийных безземельных крестьян и сельских рабочих эстонских поселений, на одном из которых, например, был избран Комитет эстонских поселений и определены его функции. Большую роль играло также участие в формировании национальных частей Красной Армии эстонских коммунистических батальонов и полков, ядро которых составляли рабочие и батраки. Центральное место в книге занимают третья и четвертая главы, в которых обстоятельно анализируется история эстонского национального меньшинства и деятельность национальных организаций в деревне в годы восстановления народного хозяйства и далее - в годы реконструкции и коллективизации. При этом показано социальное расслоение среди эстонских переселенцев в годы, предшествовавшие коллективизации. Этой проблемой до В. А. Маамяги по существу никто не занимался. Очень ценно, что в книге изображена как синхронная, так и диахронная картина социального расслоения. Если, например, до первой мировой войны зажиточные крестьяне составляли 15, середняки 20, а бедняки 65%, то в 20-е годы «середняк» стал центральной фигурой в эстонских поселениях» (стр. 109).

В. А. Маамяги справедливо акцентирует внимание читателя на том, что основными инициаторами создания колхозного строя в эстонских поселениях, как и повсюду, выступали группы бедняков под руководством местных сельских партийных организаций, бойцы Красной Армии, бывшие партизаны, а также рабочие, направленные из города в сельскую местность. Процессы коллективизации среди эстонских переселенцев обуславливали существенные культурно-бытовые преобразования. Важную роль в деле повышения культурности эстонских переселенцев играли также

турно-образовательного уровня эстонского национального меньшинства; несомненно, играл Эстонский отдел Наркомнаца РСФСР, а позднее местные исполкомы Советов. Претворение в жизнь принципов ленинской национальной политики в отношении экстерриториальных групп эстонского меньшинства прежде всего велось по линии советского, хозяйственного и партийного строительства. В частности, чтобы приблизить органы Советской власти к населению, создавались сельсоветы, в которых делопроизводство велось на эстонском языке; а в районах расселения лиц эстонской национальности; в состав Отделов районных исполнительных комитетов включались работники, знающие эстонский язык. При этом к категории национальных сельских советов относились, обычно те, которые создавались там, где то или иное национальное меньшинство составляло большую часть населения. С точки зрения этнокультурной истории эстонского национального меньшинства, известный интерес представляет освещение в книге роли большевистской печати в развитии интернационализма среди поселенцев. Автор показывает, что интернациональное воспитание эстонского населения постоянно находилось в центре внимания газет, систематически публиковавших материалы, посвященные ленинской национальной политике и дружбе народов СССР. Приводятся важные сведения, об истории учительского корпуса, истории школ с эстонским языком обучения; при этом рассказывается о мероприятиях (материальная помощь, убеждение, а порой и принуждение), предпринимавшихся Советской властью для того, чтобы все дети эстонских поселенцев учились в школе.

Для понимания сущности и содержания этнических процессов среди эстонских поселенцев важное значение имеют приводимые автором данные о развитии эстонско-русского двуязычия. В частности, в инациональном окружении выбор языка обучения носил исключительно добровольный характер.

Обильный фактический материал мобилизован автором для того, чтобы показать огромную культурно-просветительную работу, проводившуюся партией среди поселенцев с целью укрепления связей между горо-

дом и селом. Большой популярностью среди местного населения пользовались певческие праздники эстонских поселенцев.

В противовес тенденциозной буржуазной историографии, склонной изображать коллективизацию как акт «принуждения», В. А. Маамяги показал ее исторические предпосылки и объективную необходимость. Коллективизация в эстонских поселениях повторяла общие для всей страны закономерности: она проходила в условиях ожесточенной классовой борьбы.

Осуществление ленинской национальной политики привело к тому, что эстонские поселения включались в общую жизнь советских народов. Партия и Советское государство направляли межнациональное сближение и помогали укреплению интернационального единства народов СССР. Чаше стали заключаться межнациональные браки; эстонские переселенцы начали более широко приобщаться к русскому языку как к языку межнационального общения, ускорялись процессы их социальной, профессиональной мобильности, повышалась производственная и общественная активность. Росло и крепло, чувство принадлежности к единому советскому народу - строителю первого в мире социалистического государства.

Изучение эстонских поселенцев, живущих вне этнической территории Эстонии, как видно из вступительного историографического обзора, имеет некоторые традиции. Однако в значительной своей части имеющаяся литература опубликована на малодоступном для многих исследователей эстонском языке. Монография В. А. Маамяги подводит итог всем предшествующим трудам, посвященным этой проблеме, и вносит значительный вклад в разработку ряда узловых вопросов истории эстонского народа. Вместе с тем, публикуя итоги своего исследования на русском языке, автор помогает широкому кругу специалистов ознакомиться с конкретными процессами «внутренней» и «внешней» истории эстонского народа.

Ценность рецензируемого труда заключается и в том, что сходные сюжеты, касающиеся других народов, могут разрабатываться на базе сопоставления с материалами книги

В. А. Маамяги, дающей важные методологические ориентиры для проведения аналогичных исследований. Нет сомнения, что в истории эстонского национального меньшинства в известной мере отражается историческая судьба некоторых других народов Европейской части нашей страны: латышей, литовцев, молдаван и других.

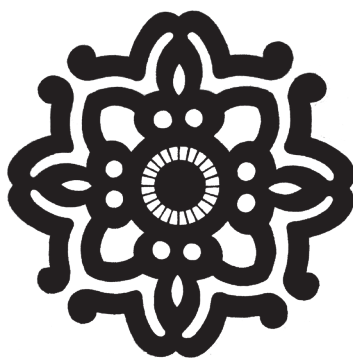
История эстонских поселенцев, живших в иноэтнической среде, еще раз наглядно демонстрирует преимущества социалистической системы, в которой эффективно решается национальный вопрос, в том числе и проблема определения судьбы национальных меньшинств. Идеологическая значимость предпринятого исследования заключается в том, что его выводы дают отпор попыткам извращения этнокультурной истории эстонских поселенцев, провокационный смысл которых

сводился к тому, чтобы подсчитать, какая часть поселенцев сохранилась для «эстонства», а сколько из них «большевизировано».

Видимо, целесообразно перевести книгу на эстонский язык, поскольку она содержит богатый и ценный материал; она будет с интересом прочитана не только специалистами, но и широкими кругами эстонского населения республики. При переиздании можно устранить некоторые редакционные шероховатости (стр. 10, 14, 49, 184).

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что рецензируемая книга представляет собой важный вклад не только в историю эстонского народа, но и заметное явление нашей исторической и этнографической литературы, особенно той ее части, в которой разрабатываются национальные проблемы.

Впервые опубликовано в журнале «Советская этнография». Москва, 1978, № 3, с.176-178.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

ФОРМИРОВАНИЕ МОЛДАВСКОЙ

БУРЖУАЗНОЙ НАЦИИ

КИШИНЕВ, 1978, 218 С.

В сравнительно небольшой по объему книге коллективу авторов удалось раскрыть ведущие тенденции и основные закономерности формирования молдавской буржуазной нации (конец XIX — начало XX в.). Своеобразие избранной темы, а также сложность ее разработки в том, что в процессе формирования нации, как в фокусе, находят свое отражение экономические, политические, идеологические, социальные, культурные (включая языковые) процессы, а также процессы в сфере общественного сознания.

Раскрытию указанных процессов подчинена и структура книги. В ее первой главе, а также частично во введении и в заключении анализируется общее и особенное в формировании молдавской буржуазной нации; во второй главе раскрываются историко-этнические предпосылки ее создания, в том числе территориальные и демографические предпосылки становления и развития не только собственно нации, но и молдавской народности.

Третья глава посвящена характеристике социально-экономической базы создания молдавской буржуазной нации; здесь показаны развитие капиталистических отношений в экономике, становление классовой структуры общества. В четвертой главе характеризуется национальная культура, в том числе развитие молдавского литературного языка, народное и профессиональное искусство, наука и просвещение. В пятой главе раскрываются национально-освободительные традиции, революционная борьба молдавского народа, говорится о формировании национального самосознания. Упущением следует считать отсутствие в книге специального раздела о государственно-правовых аспектах формирования молдавской буржуазной нации.

Большое значение для дальнейшей разработки теории национального вопроса в классовом обществе имеет рассмотрение на широком историко-социологическом фоне общего и особенного в формировании молдавской

буржуазной нации. В частности, ценным в книге представляется вывод о том, что «главное стадияльное отличие нации от народности заключается не в появлении у народности (?— М. Г.) какой-то якобы отсутствовавшей ранее экономической общности, а в целом комплексе социально-экономических изменений, обусловленных переходом от феодализма к капитализму» (с. 19). К сожалению, в приведенной цитате огорчает отмеченная вопросительным знаком досадная опечатка (вместо слова «нация» набрано «народность»). В этой же главе плодотворной представляется постановка вопроса о роли различных классов и социальных групп в национальном развитии.

Развитие буржуазных отношений, говорится в первой главе, является одним из признаков формирующейся нации. Тем не менее, здесь высказано положение, что в многонациональных государствах значительную роль в национальном развитии играет национальная интеллигенция, а не национальная буржуазия. Подобная точка зрения аргументируется тем, что буржуазия может играть на национальных чувствах, используя их, например, в конкурентной борьбе, но может и легко предать национальные интересы, если ей это выгоднее. Кроме того, буржуазия непосредственно связана с развитием экономики, что в многонациональных государствах не разъединяет, а скорее сближает нации. Что же касается национальной интеллигенции, то действительно, ратуя за развитие родного языка и литературы на родном языке, разрабатывая национальную историю, развивая национальное искусство, она, тем самым, как говорится в книге, служит общенациональным целям, создает базу для развития и укрепления национального самосознания (с. 19).

Однако, во избежание недоразумений, здесь же, вероятно, следовало подчеркнуть, что речь идет прежде всего о передовой, прогрессивно настроенной части интеллигенции, так как значительная часть буржуазной интеллигенции, как правило, выступает выразительницей интересов класса буржуазии.

Общеизвестно, что нация формируется на базе предшествовавшей ей общности людей — народности. Ввиду того, что по вопросу об образовании молдавской народности в исто-

рической литературе и в настоящее время ведется оживленная полемика, в ходе которой выдвигаются порой тенденциозные теории, искажающие объективный исторический процесс, включение параграфа, в котором рассматривается этот вопрос, вполне правомерно. На основе последних достижений советских и зарубежных историков здесь освещаются вехи демографических процессов и показывается, что образование молдавской народности представляло собой длительный процесс, состоявший из двух этапов: 1) складывание этнической общности волохов; 2) формирование собственно молдавской народности.

Демографические аспекты развития молдавской буржуазной нации рассматриваются в широких хронологических рамках. Темпы роста населения в Бессарабии были выше, чем в целом по Российской империи, чему, по мнению авторов, способствовали три фактора: 1) большой естественный прирост; 2) переселения, происходившие стихийно; 3) государственно-помещичья колонизация.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что демографические процессы XIX в. в сильной степени повлияли на складывание национального состава населения края.

Многонациональность населения не могла оказать влияния на формирование молдавской буржуазной нации. Межэтнические контакты, особенно с русскими и украинцами, привели к тому, что молдавская народная культура приобрела ряд особенностей, отличавших ее от культуры молдаван, живших за Прутом. Вероятно, можно было бы анализ территориальных и демографических аспектов формирования буржуазной нации завершить постановкой теоретического вопроса о численности населения как об, одном из критериев при разработке типологии этнических общностей.

В третьей главе интенсивное экономическое развитие объясняется широким внедрением капиталистических форм производства в сельское хозяйство и промышленность (развитие крупных капиталистических хозяйств, применение вольнонаемного труда в сельском хозяйстве и промышленности, использование паровых двигателей и других машин, развитие железнодорожного и водного транспорта

и т. д.). На этой основе образовался местный рынок в рамках общероссийского внутреннего рынка. Приведенный материал свидетельствует о том, что ввоз промышленных товаров из центральных районов России и вывоз из Молдавии сельскохозяйственных товаров на общероссийский и особенно на внешние рынки укрепляли капиталистические отношения в производстве и торговле. Итак, своеобразие складывания экономической общности молдавской нации состояло в преобладающей роли аграрно-торговой буржуазии, которая вместе с интеллигенцией молдавского происхождения была ведущей силой в развитии молдавской буржуазной нации.

Для формирования капиталистической нации существенные процессы, происходящие в национальной культуре и, прежде всего, в языке, литературе, искусстве. Характеризуя процессы формирования и развития национального молдавского языка, авторы справедливо отмечают, что «...понятие национальный молдавский язык (подчеркнуто авторами -М. Г.) охватывает все языковые проявления в среде молдавской национальной общности, т. е. литературный знак (в его письменной и устной формах), разговорный язык, интердиалекты, территориальные диалекты и говоры» (с. 81). Они указывают, что сведение национального языка лишь к его литературной форме нельзя считать правильным, ибо национальный язык в отличие от языка народности представляет собою сложное объединение единого для всей нации нормированного многофункционального языка с нестандартизованными устными разновидностями речи. Ценным представляется анализ различных гипотез о происхождении молдавского языка. Убедительно показано, что севернодунайские типы восточнороманского языка уже изначально существовала в виде «двух диалектных разветвлений - молдавского и мунтянского». В дальнейшем эти различия стали еще более значительными, что дает полное основание говорить о сложении хотя и близкого к румынскому, но совершенно самостоятельно молдавского языка.

Уже на ранних этапах своего становления молдавская народная культура приобрела на территории Молдавии ряд своеобразных

черт, отличавших ее от культуры Олтении, Мунтении и Трансильвании. Это проявилось в том, что она тысячью нитей была связана с культурой России и Украины. Так, можно говорить о значительной близости основных художественных принципов как средневекового художественного ремесла, так и народного искусства у молдаван, русских и украинцев.

Анализ многовековой истории формирования основных характерных элементов материальной и духовной культуры молдавского народа убедительно показывает, что уже в эпоху феодализма в молдавской этнической общности формировались особенности, позднее ставшие фундаментом национальной культуры молдавской буржуазной нации.

При рассмотрении профессионального искусства молдавского народа авторы с полным основанием говорят о том, что именно складывание профессиональных форм искусства, выделение его из народного творчества и ремесла свойственно тому этапу развития этноса, когда можно говорить о формировании буржуазной нации. В профессиональном искусстве национальное самосознание проявляется наиболее определенно. Ставится также вопрос о роли народного искусства в развитии профессиональной художественной культуры. Для истории молдавской культуры характерно сравнительно позднее формирование профессионального искусства (80-90 гг. XIX в.). Однако задолго до этого растущее самосознание выражалось в народном искусстве, фольклоре. Даже после выделения профессионального искусства из народного творчества последнее играло особо важную роль, во многом определяя самобытность профессиональной художественной литературы, музыки и изобразительного искусства. Авторы раскрывают этот тезис на конкретных примерах, анализируя развитие различных видов профессионального искусства. «Главная характерная черта молдавской литературы, - пишут они, - в ее изначальной близости к фольклору, к устной традиции» (с. 128). В молдавской литературе XIX в. нет практически ни одного писателя, который не был бы так или иначе связан с исторической тематикой XVII-XVIII вв. или народными легендами. И. Некульче, Г. Асаки, К. Стамати, К. Негруци, М. Когэлни-

чану, А. Руссо, В. Александри, Б. П. Хашдеу, М. Эминеску, черпая сюжеты из прошлого, воспроизводили на страницах своих произведений яркие события, образы исторических личностей, широкие картины быта и нравов минувших эпох (с. 130).

Важное значение для формирования молдавской национальной культуры имело создание национального театра, ибо театр - один из показателей ее зрелости. История знает немало примеров, когда театральное искусство как бы аккумулирует в себе общенациональную проблематику. Прослеживая основные этапы развития театра, авторы пишут, что в конце XIX и начале XX в. театральное искусство уже настолько ярко выражало национальное самосознание народа, что было немаловажным фактором формирования молдавской буржуазной нации.

Аналогичные тенденции выявлены и в профессиональном изобразительном искусстве, начиная с Г. Асаки. Захваченный идеей культурного возрождения своей страны, он превратил свое искусство в орудие воспитания и национальной пропаганды. Как и другие виды искусства, молдавская профессиональная живопись складывалась под сильным воздействием русской художественной школы и самобытного народного творчества.

Хотя музыка как вид искусства, выражает общественную жизнь, классовые антагонизмы и национально-освободительную борьбу более опосредованно, развитие национального самосознания в этот период проявлялось в повышенном интересе к народной музыке. В этом смысле весьма показательна деятельность основателя музыкальной школы Бессарабии 90-х гг. XIX в. В. Гутора. Сплав замечательных традиций молдавского музыкального фольклора и русской профессионалы той художественной культуры определил особенности молдавской профессиональной музыки конца XIX - начала XX в., ярко проявившиеся во всей многогранной деятельности Кишиневского отделения Русского музыкального общества.

Как известно, специфика современных исследований проблем культуры состоит в комплексном подходе к пониманию ее как целостной системы. Важнейшими состав-

ными частями этой системы являются: 1) художественное творчество т. е. производство культурных ценностей; 2) фонд культуры, включающий опредмеченные результаты человеческой деятельности; 3) распространение культуры через сеть учреждений и с помощью средств массовой коммуникации; 4) потребление культуры и, наконец, 5) культурный уровень народа, т. е. степень вовлеченности народных масс в культурную деятельность.

Несомненной удачей авторов можно считать анализ молдавской культуры периода капитализма. В книге показана история создания молдавской профессиональной культуры - литературы и театра, живописи, науки и просвещения. И вместе с тем желательным было бы дать более развернутую характеристику процесса приобщения народных масс к профессиональной культуре. Тогда перед авторами встала бы важная задача изображения культурных очагов и культурной среды края. К числу упущений в книге можно отнести и слабое освещение развития образования как основы общего социально-культурного роста молдавского населения. Словом, если рассматривать культуру нации комплексно через призму названной выше формулы, то нетрудно заметить, что здесь возможны дальнейшие плодотворные разработки темы. Частично можно было бы их реализовать и в рецензируемой книге за счет более рационального распределения материала пятой главы, которая, кстати, в среднем в 2 раза больше по объему, чем остальные главы. Для понимания процесса складывания и функционирования буржуазной нации, в том числе перехода от культуры народности к культуре нации, первостепенное значение имеет выход за рамки традиционного изучения национальной культуры, особенно ее профессиональных форм, когда фонд культуры исследуется в отрыве от его создателей, а культурные ценности от их носителей.

Анализ национальной культуры, в том числе ее профессиональных слоев, конечно, нельзя считать завершенным без выявления и всестороннего описания ее самобытных черт, отражающихся в различных видах искусства. Однако, нельзя терять чувство меры в поисках этой самобытности. «В творчестве мол-

давских писателей,- говорится на с. 131,- нашли отражение именно молдавский характер, молдавский образ мышления, молдавский пейзаж, сюжеты молдавского фольклора». В этой фразе все можно принять, кроме «молдавского образа мышления» так как вряд ли можно считать, что народы отличаются друг от друга по «образу своего мышления».

Внимание исследователей в последнее время все больше и больше привлекает проблема периодизации национального развития. В книге сделана попытка при выделении периодов формирования молдавской буржуазной нации учитывать различные аспекты: экономический, социальный, демографический, культурный, языковой. Слов нет, создать обобщающую, так сказать, сквозную схему истории становления нации трудно, так как развитие отдельных сторон ее отдельных элементов ее культуры не всегда синхронны. К тому же между различными авторами, подчас, нет договоренности о выделении периодов социально-экономического или культурно-языкового развития.

Авторы рецензируемой книги констатируют (с. 61), что установление прочных экономических связей, является необходимым условием для складывания буржуазной нации: Развивая эту мысль, они пишут: «Для сложившегося местного рынка были характерны не только господство капиталистического производства, тесные экономические внутринациональные и широкие внешнеторговые связи, но и определенная динамика цен на важнейшие продукты производства и стоимость рабочей силы» (с. 73). Эти положения верны, но дело в том, что на современном этапе ученые пользуются другими методами для доказательства прочности экономических связей на какой-либо территории. Сегодня уже недостаточно привести примеры о торговом обороте, о наличии путей сообщения, и т. д. Как правило, изучается движение цен на определенной территории и на основе динамики этих цен делаются выводы о степени развития здесь экономических связей. «Можно с полным основанием заключить,- пишут авторы,- что в качестве этнической территории формирования молдавской капиталистической нации выступала в целом вся территория Бессара-

бии» (с. 54). И далее добавляют, что рубежи молдавской этнической территории (? - М. Г.) не ограничивались рамками края, а включали и некоторые районы Подольской и Херсонской губерний Украины.

Вопрос об определении этнических территорий - один из наиболее сложных в теории национальных отношений, и помня о старых спорах, авторам следовало бы проявить большую осторожность. Видимо, надо сначала договориться о критериях выделения этнической территории. Действительно, в одном случае, как видно из вышеприведенной цитаты, к молдавской этнической территории безоговорочно относятся и те районы Бессарабии, где удельный вес молдаван был невелик по сравнению с немолдавским населением, а в другом случае, в этническую территорию включаются некоторые районы Украины, поскольку в них имеется молдавское население (с. 55).

Сделанные на отдельных страницах книги, и прежде всего, в ее первой главе, выводы относительно общего и особенного в формировании молдавской буржуазной нации, несколько выходят за рамки обозначенной темы. В этом одно из достоинств книги. И, думается, если возникает вопрос относительно повторного ее издания, то желательно было бы первую главу поместить не в начале, а в конце книги. Дело в том, что здесь как бы заранее «задаются» отдельные выводы, которые затем в последующих главах раскрываются на конкретном материале.

Так, в первой главе интеллигенции отводится одна из главных ролей в формировании нации, поэтому во втором параграфе третьей главы следовало бы осветить этот вопрос полнее, а не ограничиваться несколькими фразами о наличии интеллигенции.

Кроме того, целесообразно было бы уделить больше внимания и вопросу о формировании буржуазии, ее национальном составе, показать какими капиталами она располагала, размах ее предпринимательской деятельности и т. д. К числу достоинств первой главы относится и то, что в ней, в отличие от многих других исторических работ, затронутая тема не закрывается, а открывается для новых исследований. Это еще один аргумент в пользу

того, чтобы завершить ею книгу.

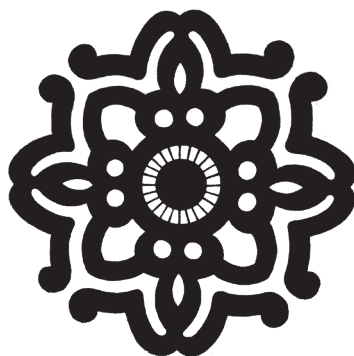
Следующий шаг в исследовании проблем формирования буржуазной нации состоит в том, чтобы перейти от анализа одной нации к общесоциологическим, историко-культурным, языковым и психологическим аспектам формирования буржуазных наций в более широком хронологическом и географическом континууме. На очереди рассмотрение широкого круга национальных проблем в связи с генезисом капитализма и сменой феодальных отношений капиталистическими: этнодемографических, этносоциальных, этнокультурных, этноязыковых и этнопсихологических процессов в связи с классовой борьбой и национально-освободительным движением народов. Особенно много в этом направлении сделал в последние годы Институт славяно-

ведения и балканистики АН СССР, предпринявший ряд работ по изучению формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе на примере польского, чешского, словацкого, венгерского, сербского, болгарского и румынского народов¹.

Видимо, аналогичные сравнительные исследования имеет смысл осуществлять и на примере многих народов нашей страны. В рецензируемой работе сделан шаг к типологическим сопоставлениям за пределами одной нации. И именно это обстоятельство - выявление и постановка новых задач, наряду с уже решенными, делает рецензируемую книгу полезной и необходимой. Вне всякого сомнения, она привлечет к себе благожелательное внимание специалистов.

¹ См., напр., ряд историографических обзоров в книгах: «Основные проблемы балканистики в СССР», М., 1979; «Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований». М., 1979.

Впервые напечатано в журнале; Советская этнография, Москва, 1980, №4, с. 173-176

МОЛДАВАНЕ И МОЛДАВИЗМ. УСТОЙЧИВОСТЬ И ДИНАМИЗМ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ МОЛДАВАН

Дискуссионные размышления в связи с выходом в свет книги: П.М. Шорникова. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. 400 с.

В 2007 г. увидели свет две книги большой общественной значимости: соответственно, в Москве - «Национализм в мировой истории» - коллективное произведение и в Тирасполе - индивидуальная монография «Молдавская самобытность». В первой из них впервые произведен систематический анализ национализма (точнее -- национализмов) и представлен обстоятельный обзор различных концепций и подходов к изучению национализма на примерах Британской и Российской империй, Венгрии, Индии, Ирландии, Испании, некоторых Среднеазиатских государств, Югославии, Японии, во второй -- дано панорамное (в хронологическом масштабе) изображение молдавской национальной идеи, из которой на протяжении веков складывалась, адаптируясь и приспосабливаясь к временам и ситуациям, молдавская идентичность².

Если бы в названиях каждой из них мы в порядке логического эксперимента поменяли местами два понятия: «национализм» и «самобытность», то в новом варианте соответствующие названия книг - «Самобытность в мировой истории» и «Молдавский национализм» -- вполне соответствовали бы их нынешнему содержанию.

И, подобно арифметике, где от перестановки слагаемых сумма не меняется, в данном случае концептуальный приговор двум понятиям - национализму и самобытности -- оказался бы, если не совсем, то, по крайней мере, почти одним и тем же.

И в том нет ничего удивительного, так как каждая из книг вызвана к жизни, во-первых, беспрецедентным ростом национального самосознания народов в XX в. и, соответственно, неугасающим вниманием экспертов, политиков и общественного мнения к формированию и различным формам проявления национальной идентичности, ее реквизитам, основанным на исторических фактах, традициях и инновациях, языке, народных традициях и исторической памяти. В каждой из них в скрытой или явной форме произносится молитва балансу прошлого, соотношению традиций и инноваций, без которых становление, воспроизводство и сохранение самобытности (в том числе в форме национализма) трудно себе представить.

В формировании структуры национализма огромное значение имеет качество национальной идентичности, в том числе собирательный образ своей страны и своего народа.

Не случайно В.А.Тишков определяет «национальную идентичность, как общеразделяемое представление граждан о своей стране, её народе и как чувство принадлежности к ним». При этом «Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности (и, добавим от себя, своей самобытности - МТ.) в мировоззренческой сфере и политике - отстаивание национальных интересов страны и её народа принято называть национализмом в широком смысле этого слова»³.

Пожалуй, без риска ошибиться можно было бы сказать, что авторы и коллективной, и индивидуальной монографий подписались бы под рядом популярных прогнозов известного американского футуролога и публициста Элвина Тоффлера, в том числе под его выводом относительно воздействия на явления и проблемы самобытности и национализма так называемого «Индекса Быстротечности». Есть смысл привести эту формулу в оригинальной авторской редакции.

«Если кто-нибудь станет подробно изучать социально-адаптивную мобильность будущего, в том числе движение из одного экономического класса в другой, из одной клановой группировки к другой, то обнаружит, - пишет Элвин Тоффлер, - резкое возрастание того, что можно назвать Индексом Быстротечности. Темп оборота вещей, мест, людей, организационных и информационных отношений резко возрастает. Мы ощущаем, что нам надоело шелковое платье, или галстук, или старый светильник Тиффани, ужасный викторианский столик на ножках-лапках все это символы наших связей с субкультурой прошлого. Мы начинаем шаг за шагом заменять их новыми вещами, символическими для нашей новой самоидентификации. Тот же самый процесс происходит и в нашей социальной жизни – «пропускная способность» людей увеличивается. Мы начинаем отказываться от идей, которых придерживались (или объяснять, или осмысливать их по-новому). Мы вдруг оказываемся свободными от всех ограничений, которые накладывали на нас наша субкультура или стиль. Индекс Быстротечности окажется чувствительным индикатором тех моментов в нашей жизни, когда мы наиболее свободны, но в то же время наиболее потеряны»⁴.

Тем не менее всякий раз ключевыми понятиями могут служить в одном случае этническая мобилизация⁵, в другом политическая мобилизация⁶. При этом не лишен смысла подход, когда этнический национализм рассматривается как закономерная реакция этнических общностей, особенно миноритарных, на вызовы политического тоталитаризма или на давление глобализационных процессов.

Монография П.М. Шорникова представляет собой первый синтез, раскрывающий во всей полноте содержание молдавской этничности и эволюцию государственной идеи молдаван.

В свою очередь, равнодействующая двух векторов развития - этничности и государственности - в суммарном виде представляет то, что в современной европейской и частично в российской литературе именуется национализмом в его не этническом, а в гражданском смысле, а в книге П.М. Шорникова - самобытностью. Понятно, как следует из соответствующих дискурсов, если мы получим дополнительный политический акцент в категории национализма и несколько более замкнутый этнографический смысл в категории «самобытность».

Как и любой другой народ, отмечает автор, молдаване, хотят уважать себя, свой язык, свою культуру. Им необходимо ясное представление о своем прошлом, в своей миссии в истории и задачах на будущее, ибо, как отмечал классик Михаил Эминеску, «без общих идей не существует народа». Логика исторического познания и потребности молдавского общества, как полагает П.М. Шорников, требуют исследования сущности и структуры молдавской национальной идентичности, особенностей молдавского этнического и государственного сознания, этнообразующих функций молдавского языка, молдавской духовной культуры, молдавской государственности, молдавской Церкви, молдавского обычного права, типичных черт национального характера молдаван.

Все перечисленные характеристики, присущие молдаванам, представляют собой предмет национальной идентичности, именно то самое, чем надо дорожить и гордиться, а не стыдиться и не испытывать комплекс непол-

ноценности, уподобляясь отдельным лицам, назвавшим себя румынами. По переписи 2002 года их удельный вес в составе населения Республики Молдовы без ее восточных регионов составил 2,2%⁷.

В отличие от советских времен, когда национализм воспринимаемый как идеология национального превосходства, безоговорочно отвергался и подвергался социокультурной критике, в некоторых странах, например, в Индии в прошлом и новом веке, людей преследуют не за национализм, а за отсутствие такового⁸. В ряде стран Западной Европы, подобно Индии, национализм критиковался соответствующей политикой и программами, как идеология, спланивавшая нацию, поскольку нация в гражданском (а не в этническом) смысле понимается как единство всех граждан независимо от их этнической, языковой, религиозной принадлежности или имущественного состояния. Согласно этой логике, нынешние гагаузы по своей этнической принадлежности - гагаузы, как носители этнонима «гагауз» и обладатели лингвонима «гагаузский язык», и по гражданской идентичности они - члены молдавской нации, не просто гагаузы, а молдавские гагаузы, если не угодно называть себя, будучи в зарубежных странах, молдаванами, молдавеями, молдавцами, подобно тому, как татары России вправе называть себя россиянами.

В то же время не без труда проникающее в российский и молдавский дискурс разделение на гражданский и этнический национализм не должно вводить в заблуждение своей универсальностью. В различных странах в зависимости от сложности этнического состава обе формы национализма могут проявляться в самых разнообразных формах, в зависимости от постановочных целей, формируемых идеологами национализмов.

Итак, гражданский национализм, основанный на понятии народа не как «этноса» или этнической общности, а как территориально-сообщества и на понятии нации как «многонациональной политической общности», считается по мысли В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана, нормой человеческого общежития. Следовательно, коллективистская идея нации, воплощающая высшие ценности,

основана на государственности и власти.

Разнообразная по количеству и надежная по качеству источниковая база П.М. Шорникова подтверждает известный в литературе факт, что этническая принадлежность в разных ситуациях, периодах истории и контекстах может опираться на различные факторы -- на язык, на религию, на историческую память, на кочевой или оседлый образ жизни в прошлом, на «Золотой век» своей истории или на славные реальные или мифические подвиги культурных или этнических героев. Иногда защита ценностей и корней своей культуры во имя национализма принимает уродливые формы, как, например, в случаях, когда некоторые болгарские интеллектуалы, агрессивно отрицающие право гагаузов на самобытность, скорее бранью, чем фактами, пытаются отказать гагаузам в праве на свое прошлое и на право самостоятельно идти в будущее, развивая свое настоящее. Такой подход мало чем отличается от позиций адептов румынизма, также лишаящих молдаван права считать себя молдаванами.

Информационные источники, использованные П.М. Шорниковым, включают не только до сих пор не переведенные на русский язык труды молдавских летописцев, молдавских писателей-классиков, комплекс документов канцелярии молдавских господарей, но и основные работы румынских и молдавских историков и лингвистов. Представляется обоснованным предпочтительное отношение автора к фольклору как источнику по истории молдавской этничности и массового сознания молдаван. Анализ молдавской национально-культурной идентичности, основанный лишь на суждениях писателей и историков был бы неполным, ибо таковые свидетельствуют только о существовании тех или иных взглядов и оценочных суждений у интеллектуальной элиты, а легенды, сказки, баллады, пословицы, поговорки, другие явления устного народного творчества характеризуют национальную культурную идентичность всего народа.

В методологическом плане книга «Молдавская самобытность» - новаторская. В ней тщательно обоснована концепция исторического развития молдавского народа, раскрыта

спорность, если не несостоятельность противостоящей молдавизму идеологии румынизма, включая основу ее исторической концепции - теории континуитета. Данная автором «картина мира» молдаван Средневековья, характеристика их отношений с соседними народами, а также с Московской Русью, позволяет судить о происхождении некоторых этнических стереотипов их поведения.

Оригинален представленный в монографии очерк этногенеза молдаван. Автору удалось избежать излишнего молдавского этноцентризма, закономерного при исследовании молдавской национальной идеи. В книге упомянуто о продолжительном, начиная с VI в., славянском присутствии в Карпато-Днестровских землях, отражено этническое многообразие средневековой Молдавии, участие потомков древнерусского населения в этнокультурном синтезе, приведшем к образованию молдавской народности. обстоятельный анализ молдавского этногенеза, формирования молдавской этнокультурной идентичности позволил ему дать ответ на политически злободневный вопрос о том, что есть молдавизм, чем отличаются молдаване от румын в историко-политическом и в национально-культурном плане.

Убедителен данный в книге очерк эволюции государственной идеи у молдаван - от верности своему господарю - к попыткам возвести на господарский престол «своих», крестьянских правителей и, - через отчуждение от молдавского государства, превращенного в аппарат ограбления народа в интересах Османской империи, - к лояльности Государству Российскому. Идея присоединения Молдавии к России, как удалось показать автору, восходит к временам Стефана Великого. Его женитьба на киевской княжне Евдокии, брак его дочери Елены с наследником московского престола Иваном-царевичем, вассальная присяга великому князю Ивану III свидетельствует, по мнению автора, о существовании у молдавского господаря стратегического интеграционного замысла объединения Молдавии и России под одним скипетром. Начиная с господаря Георгия Стефана (1656 г.), Молдавская Церковь и ряд правителей Молдавии при поддержке народа добивались включения

Молдавии в состав России. Самую решительную попытку осуществления этой идеи принял Дмитрий Кантемир.

Научный и познавательный интерес представляют собой приведенные в книге сведения о том, как вели себя молдаване в различных исторических обстоятельствах, как сформировался и изменялся Молдавский национальный проект, как молдавское национальное сознание влияло на геополитический выбор молдавского народа во времена русско-турецких войн, в том числе в момент присоединения Бессарабии к России в 1812г., ее оккупации румынскими войсками в 1918г., в годы Великой Отечественной войны и на рубеже 90-х гг. ХХ в., в период кризиса и распада Союза ССР.

Обоснованно выделяет автор существование у молдаван с начала ХХ в., двух видов национализма - интеллигентского и крестьянского, -- с различным кругом требований и идей. Расхождения в политическом поведении интеллигенции и крестьянства прослежены на материалах событий времен революции 1917 г., румынской оккупации Бессарабии 1918-1940 г. и Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В книге даны убедительные ответы на вопросы о том, действительно ли режим Антонеску считал молдаван румынами. удалось ли оккупантам повлиять на национальное самосознание, государственную ориентацию и политическое поведение молдавского народа. Хорошо документирован вывод автора: по вопросу об отношении к Румынии и румынизму в молдавском обществе раскола не было. Массовое участие молдаван в борьбе против фашистской агрессии невозможно объяснить только симпатиями трудящихся к советскому строю. Более понятным, близким массовок) сознанию фактором являлась приверженность молдаван России/СССР как к своему государству.

Не случайно, как показали результаты двух широкомасштабных этносоциологических опросов в 1998 году по российско-американскому проекту «Национальные процессы, языковые отношения и идентичность (автор проекта - Дэвид Лейтин (США) при участии М.Н.Губогло (Россия) и в 2006 году по российско-молдавскому проекту « Электрокар-

диограмма (ЭКГ) выживания. Этнорегиональный опыт» (автор - М.Н.Губогло), едва ли не каждый третий молдаванин, болгарин и гагауз, а также каждый второй русский даже в постсоветский период называли Советский Союз своей родиной.

Великая Отечественная война осталась в историческом сознании молдавского народа не только как время страданий и жертв. Сознание своей причастности к завоеванию Великой Победы возвысило национальное достоинство молдаван, открыло новые пути к укреплению этнокультурного суверенитета молдавской нации. В духовных, нравственных итогах войны, полагает автор, - истоки молдавского национального возрождения 60-х - 80-х годов XX в.

Данное в книге определение молдавской этничности требует дополнительного обсуждения. Молдавизм, пишет автор, есть молдавское родовое (этническое, национальное) сознание и приверженность традиционным ценностям молдавского народа: самоназванию «молдаване», лингвониму «молдавский язык» и молдавской кириллической графике. Но разве после перевода молдавской письменности на латиницу молдаване перестали быть молдаванами? Нынешний этап эволюции молдавской этничности автор определяет как кризис идентичности. Точнее было бы определять ее как развивающуюся идентичность. Для молдаван Пруто - Карпатской Молдавии подобный кризис в конке XIX в. закончился их включением в состав румынской нации. Но вывод исследователя относительно будущего молдавского этноса оптимистичен. Молдаване располагают государственностью, которая ограждает их этничность и питает национальное достоинство. Кроме того, в настоящее время стратегия забвения - главное звено процесса созидания новой нации - становится нереализуемой в принципе. Молдаване отстают и свою этнокультурную самобытность, и вместе с лицами других национальностей - свое национальное единство.

Книга П.М. Шорникова позволяет по-новому оценить текущие этнические процессы, она познавательна интересна и прочно связывает современность с историей, помогает не только лучше понять людям других нацио-

нальностей, но и многое разъясняет и самим молдаванам. Методология «Молдавской самобытности» универсальна.

Прочитав книгу до последней страницы, читатель, естественно, еще раз спрашивает себя, что же такое «молдавская самобытность»? Это - совокупность реальных признаков, критериев, основ или совокупность представлений о признаках, отличающих один народ от другого, или нечто большее - одно и другое вместе взятое. Очевидно, что если бы П.М. Шорников толковал самобытность в его первом тривиальном смысле, вряд ли стоило бы браться за перо, и вряд ли для этого надо писать книгу объемом в 25 издательских листов. Однако, с первых слов, уже в аннотации к своему труду, раскрывая скобки, автор разъясняет, что самобытность -- это не просто самобытность, а «условие формирования, структура и содержание молдавской национальной идентичности и геополитической ориентации молдавского народа, эволюция молдавской государственной идеи, борьба молдаван за осуществление своего национального проекта».

То, что это более чем отличие от инаковости, видно из постановки задачи в том, чтобы рассмотреть молдавскую идентичность (понятие близкое к самобытности - М.Г.), необходимо рассмотреть составляющие как «молдавское этническое и государственное самосознание, язык и его наименование, некоторые особенности традиционной молдавской духовной культуры» (С.42).

Теперь позволим себе в заключение привести несколько определений национализма из новейшей российской и европейской литературы, и убедимся, что в развернутых зарубежных формулировках национализма их смысловая нагрузка вполне корреспондирует с развернутым пониманием самобытности по П.М. Шорникову. Предварительно осмыслим, что в полемике с адептами румынизма дается ссылка на трактаты одного из идеологов этого конфронтирующего с молдаванизмом течения, которое называется «румынизм», «румынская этничность», «национализм».

Так, например, В.А. Тишков и В.А. Шнирельман определяют национализм «как идеологический концепт и основанную на нем

политическую практику, которые базируются на том, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государства, их хозяйственной, социальной и культурной жизни, и члены нации должны демонстрировать свою преданность, а государство и лидеры - ставить выше всего и отстаивать интересы нации»⁹.

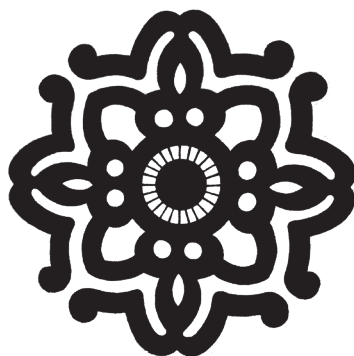
Завершая свои размышления по поводу книги П.М. Шорникова, можно добавить, что ее принципиальный недостаток, как и книги «Национализм в мировой истории» - это чрезмерная увлеченность автора и авторов сухими

концептуальными построениями, безусловно, заслуживающими внимания, но лишенные данных об эмпирическом проявлении самобытности и национализма в различных группах значительных масс населения. Какие бы остроумные теории не выдвигались по поводу национализма, они могут быть убедительными в случае, если основаны на конкретных измерениях того, кто, где, когда, по какому поводу и в какой форме исповедует, манифестирует, декларирует и проявляет в своем поведении этот самый национализм и эту самую самобытность.

(Endnotes)

- 1 Национализм в мировой истории. Под редакцией В.А.Тишкова, В.А.Шнирельмана, М., 2007; Шорников П.М. Молдавская самобытность, Тирасполь, 2007
- 2 Национализм в мировой истории, с. 561
- 3 Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002, с. 244
- 4 См. подробнее: Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации, М., 1998
- 5 Национализм в мировой истории, с. 13
- 6 Показательно, что по данным переписей 1970 и 1979 гг. никто не назвал себя иноэтничным этнонимом, а по данным переписей 1959 и 1989 гг. % граждан, самоопределивших себя румынами не превышал 0.1%. См.: Recensaminul Populateie. Перепись населения 2004. Vol. 1. Chisinau, 2006, p. 300
- 7 Национализм в мировой истории, с. 4
- 8 Национализм в мировой истории, с. 24

Впервые опубликовано в: «Курсом развивающейся Молдовы». Том 3. Отв. Ред. М.Н.Губогло М. 2007, с. 489-497.

РЕЦЕНЗИЯ

НА РУКОПИСЬ УЧЕБНИКА

«ОСНОВЫ ЭТНОЛОГИИ»

Для высших учебных заведений. Под ред. В.В. Пименова. Авторский коллектив: в.н.с., д.и.н. Э.Г. Александренков, акад. РАН Т.И. Алексеева, чл.-корр. РАН С.А. Арутюнов, проф. Р.Ш. Джарылгасинова, проф. Л.Б.Заседателя, доц. Ю.И. Зверева, доц. О.Е. Казьмина, проф. В.В. Карлов, в.н.с., д.и.н. П.М. Кожин, проф. К.И. Козлова, доц. Е.И. Ларина, проф. Э.С. Львова, проф. Г.Е. Марков, н.с. Н.Л. Мехедов, проф. А.А. Никишенков, проф. В.В. Пименов, проф. С.П. Поляков, доц. Т.Д. Соловей, доц. О.В. Солопова.

Подготовку к изданию нового учебника по основам этнологии для высших учебных заведений России и стран СНГ следует признать своевременной и очень актуальной: годы, прошедшие после распада СССР, были отмечены тенденциями бурной суверенизации народов разных административно-государственных образований на пространстве бывшего Союза, невозможными без беспрецедентного за последнее столетие роста этнического самосознания. Между тем питательной средой для развития историко-этнологического знания и сознания постсоветского общества часто служат источники, не всегда объективно и адекватно отражающие этнокультурную историю и этническую картину как мира в целом, так и

стран содружества. То есть постоянно растущая насущная потребность общества в этнологическом знании удовлетворяется пока, к сожалению, не полностью, не в необходимом объеме, а нередко и на таком научном уровне, который трудно назвать сколько-нибудь приемлемым.

Отражением указанной потребности стало расширение преподавания основ этнологии, этносоциологии, этнополитологии и других народоведческих курсов в системе высшего образования. Если раньше курс основ этнологии (этнографии) читался только на исторических факультетах университетов, то теперь многие университеты и даже пединституты вводят его на всех гуманитарных факультетах,

а также вводятся подобные предметы в виде факультативов в средней школе. Но при этом качественными учебниками, отвечающими задачам этнологического образования и просвещения, высшая школа в данный момент не располагает. Многие поколения студентов изучали этнологию по учебникам 1968 г. «Основы этнографии» под ред. С.А. Токарева, «Этнография» 1982 г. под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. Эти учебники, отвечавшие задачам вузовских курсов своего времени, сейчас уже не вполне соответствуют современному уровню развития науки, да и давно превратились в библиографическую редкость. Учебник же «Этнология» 1994 г. (ред. Г.Е. Марков, В.В. Пименов), получивший признание у научно-педагогической общественности, был издан ничтожно малым для страны тиражом.

Практический интерес к предмету вызвал в последние годы появление целого ряда пособий по этнологии, не считая большого числа учебных изданий по культурной и социальной антропологии, авторы которых чаще всего не дают ясного и отчетливого представления о науке. Они предпочитают излагать главным образом современные западные этнопсихологические, этносоциологические и культурологические концепции и методы, что может быть полезно студентам, но совсем не в состоянии заменить необходимое современное научное знание этнической картины мира и этнокультурной характеристики человечества.

Первые три главы подготовлены в жанре учебника, в то время как 4-я глава, «Важнейшие этапы истории зарубежной этнологии» (С. 33-40), напоминает скорее жанр аналитической монографии с чрезвычайно обширным и полезным научным аппаратом, в том числе многочисленными постраничными сносками.

Исключительно ценным в данной главе надо признать библиографические сведения о сочинениях классиков и основоположников различных течений этнологической мысли, изданных в основном на европейских языках, а в отдельных случаях и в переводе на русский язык. Любой ученик, каким бы современным он ни был, все равно не успевает за развитием и тиражированием научного знания. Так, например, анализируя вклад родоначальни-

ка культурологии Лесли Уайта в развитие неозволюционизма в системе американской культурной антропологии, наряду со ссылками на его труды, изданными на английском языке, можно было бы упомянуть и недавно переведенный на русский язык его фолиант «Избранное: наука и культура» (М., 2004. 959 с.). Напротив, в главе 8-й, «Этнология и социальная реальность», занимающей ключевое место в структуре учебника, отсутствует библиографическая подпитка, хотя освещаемым в ней проблемам, как, например, этнической конфликтологии, прикладной этнологии, этнической мобилизации в постсоветский период посвящено изрядное количество публикаций.

Важно отметить, что рецензируемый учебник для ВУЗов представляет собой новое издание, которое отличается от всех предыдущих не только по составу авторов, но и по композиции, и, отчасти, по подходу к предмету. Основу авторского коллектива, как и в прежних, составили профессора и преподаватели кафедры этнологии МГУ и других подразделений Университета, а также сотрудники РАН. Но на этот раз к изданию привлечены немногие из коллег, работающих в РАН, причем все они имеют многолетний опыт преподавания в Университете. Все это позволило коллективу сохранить и развить позитивный опыт предыдущих учебников, при этом существенно обновив текст. Совершенно новыми являются разбивка текста на части и главы, состав и компоновка глав. Основной материал учебника разделен теперь на три информационные части: «Народы дальнего зарубежья», «Народы России», «Народы ближнего зарубежья». Вероятно, с такой разбивкой частей можно спорить: она не всегда и не во всем соответствует устоявшимся ранее собственно этнографическим принципам типологизации и классификации. Например, привычное прежде объединение в одну главу восточнославянских этносов здесь нарушено. Теперь очерк о русском народе оказался не только в другой главе, но и в ином разделе, чем очерки об украинцах и белорусах. Вместе с тем не признать, что такое деление соответствует сегодняшним этнополитическим реалиям.

Новейший учебник, совмещающий в себе главы, посвященные теории и истории этнологического знания и его важнейших направлений (эволюционизм, диффузионизм, марксизм, структурализм, фрейдизм и др.), с главами, посвященными характеристике культуры, быта и жизнедеятельности народов во всех регионах мира, уже сам по себе выступает важнейшим историческим документом, отражающим в полной мере состояние истории народов и истории науки о народах на этапе перехода России из одного состояния в другое. Этот вполне неизбежный оттенок маргинальности выступает одновременно и достоинством учебника и его легко устранимыми недостатками. Так, например, представляется сомнительной экстраполяция новояза «государствообразующей «народности русской» в освещение предметной области этнографии в середине XIX века, в пору первых попыток теоретического обоснования этнографии как особой науки (С.82).

В данной рецензии нет необходимости подробно оценивать научный уровень и содержательную сторону глав, посвященных отдельным регионам, странам и народам. Научная квалификация почти всех участников авторского коллектива давно и широко известна и признана научным сообществом, что по существу снимает проблему каких-то неточностей или ошибок в изложении и трактовке материала. Однако на одном важном принципиальном аспекте освещения материала следует остановиться. Во всех прежних учебных изданиях такого рода под этнографией (этнологией) понималось прежде всего освещение культурно-бытовых особенностей народов на этапе бытования традиционной культуры. Если шла речь о населении индустриально развитых стран, описывались в лучшем случае культура и обычаи их крестьянского населения, а современная индустриально-городская специфика быта вообще не рассматривалась, что нельзя признать правильным. Впервые попытка ввести материалы об этнокультурных особенностях индустриальных и постиндустриальных народов была сделана в некоторых главах учебника 1994 г. В новом учебнике принцип освещения этнокультурной специфики народов на

всех без исключения этапах их этнической истории и этнокультурной действительности распространен практически на все главы, что чрезвычайно важно. Например, в разделах о странах и континентах, ставших объектами колонизации, идет речь в равной мере как об аборигенных этносах, так и о формировании новых (Америка, Австралия), а очерки о народах Старого Света содержат сведения не только о традиционном, но и о современном этапе бытия этнических культур.

Серьезным подспорьем изучающим этнологию может стать и материал заключительной, 5 части учебника, где, кроме завершающей аналитической главы об этнологии и социальной реальности, имеется необходимый справочный материал, а именно: список рекомендуемой литературы, схемы крупнейших языковых семей мира, данные об этническом составе и численности государств планеты. Важно также то, что к учебнику предполагается приложить до 5 п.л. иллюстративных материалов и картосхем, без которых учебник по этнологии представить трудно.

Следуя традициям классических университетских учебников, видимо, в перечень иллюстративных материалов можно было бы включить краткий глоссарий или список терминов. Тем самым отпала бы необходимость специального пояснения, почему в одних случаях в названиях глав учебника фигурирует термин «этносы» (С. 79, 243, 341, 476, 508, 536, 551, 640), а в других – «народы» (С. 95, 160, 182, 218, 287, 434, 570, 616). Иными словами, упомянутые в Предисловии (С. 1, 7) три термина – народы, этносы и этнические общности как синонимы, нуждаются в специальном разъяснении.

Было бы желательно в учебнике более полно отразить сотрудничество этнологии и этносоциологии, как нового междисциплинарного направления, в становлении которого приняли активнее участие как сотрудники кафедры этнологии МГУ, так и Институт этнологии антропологии РАН. Так, например, включая в перечень современных учебников и учебных пособий интересную книгу Т.Г. Стефаненко «Этнопсихология», который, кстати, уже вышел 3-м исправленным и дополненным изда-

нием (М., 2003), учебник С.В. Лурье «Историческая этнология», малопривлекательный, дилетантски исполненный учебник А.П. Садохина «Этнология», в рецензируемом учебнике нет упоминания об учебнике «Этносоциология», вышедшем двумя изданиями (1984, 1998 гг.), учебном пособии «Этнополитология» (М., 2005) и некоторых других.

Невнимательное отношение к новейшим направлениям в лоне отечественной этнологии может стать причиной некоторых фактических ошибок, которые можно легко устранить при подготовке рукописи к изданию. Так, например, в родоначальники этносоциологии причислен О.И. Шкаратан (С. 91), который на самом деле – один из основателей отечественной урбаносоциологии (социологии города). Вызывает сожаление радикализированная, не во всем справедливая критика постсоветской этнологии, в частности, огульное обвинение в разрыве ее связей с органами государственной власти. Возьму на себя смелость напомнить, что именно этнологи и, прежде всего, этнологи кафедры этнологии МГУ и Института этнологии и антропологии РАН сыграли едва ли не решающую роль в создании в середине и во второй половине 1990-х годов прорыва в деле законодательства в сфере этногосударственных и межэтнических отношений. Достаточно указать на их участие в подготовке Концепции государственной национальной политики, ряда законов, посвященных малочисленным народам, новаторского закона «О национально-культурной автономии» и ряда других.

Справедливо оценивая существенные изменения в развитии этнокультурных и этнополитических процессов, в немалой мере связанных с ростом этнического самосознания (С. 2), учебник умалчивает об этниче-

ской мобилизации и ее продуктивной роли в становлении институтов гражданского общества, несмотря на то, что этой теме посвящено около 120 книг, изданных в 1990-2005 гг. по плану проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», и посвященных характеристике идеологии, программатике и деятельности различных форм национально-культурных организаций и объединений.

Таким образом, не вызывает сомнения, что подготовленный текст учебника «Основы этнологии» по полноте представленного материала, отбору и качеству информации, научно-методологическому уровню соответствует современным требованиям и потребностям начального этнологического образования в университетах и ВУЗах широкого гуманитарного профиля. Скорейшее издание данного учебника представляется долгожданным, необходимым и желательным. Мои пожелания сводятся в основном к тому, что в ходе редакционной подготовки не следует пытаться сократить текст. Лишней и ненужной информации в тексте практически нет.

Исключительную значимость учебнику придает его гуманистическая и нравственная направленность. Он не только обогащает глубокими и интересными знаниями о народах и культурах мира, но и учит добру и толерантному отношению к инаковости, и лояльному и бережному отношению к национальным меньшинствам (С.669) как важному принципу справедливости, без которой трудно продвигаться к гражданскому обществу, трудно преодолевать напряженности и предупреждать конфликты, нелегко устанавливать между народами многоэтничных государств отношения сотрудничества и солидарности.

Доктор исторических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки Российской Федерации
М.Н. Губогло

Приложение к рецензии на рукопись учебного пособия МГУ, (титульный лист) :

Основы этнологии. Учебное пособие для студентов университетов. Под ред. Профессора В.В.Пименова. Москва, МГУ, 2007, 696 с.

УДК 39;572.9 ББК 63.5

О73

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Р е ц е н з е н т ы:

Кафедра мировой культуры Московского государственного лингвистического университета (зав. кафедрой кандидат филологических наук, доцент О.А. Нестерова), доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ М.Н. Губогло, доктор исторических наук, профессор Ю.И. Семенов

Авторский коллектив:

Вед. науч. сотр. Э.Г. Александренков — гл. 18 (разд.1—5);акад. РАНТ.И. Алексеева — гл. 6;чл.-корр.РАНС.А. Арутюнов — гл. 16 (разд. о японцах), гл. 25 (разд. о народах Чукотки и Камчатки), гл. 26 (разд.1—4),гл. 29 (разд.1—4),прилож. II (совм. сН.Л. Мехедовым); проф.Р.Ш. Джарылгасинова — гл. 16 (разд. о корейцах); проф.Л.Б. Заседателяева — гл. 20, 21, 27 (разд. об украинцах); доц.Ю.И. Зверева — гл. 26 (разд.5—7),список литературы; доц.О.Е. Казьмина — гл. 19, 28; проф.В.В. Карлов — гл. 24, 25 (разд. о народах Приамурья и Приморья); вед. науч. сотр.П.М. Кожин — гл. 16 (разд. о китайцах и монголах); проф.К.И. Козлова — гл. 23, 29 (разд.5—7); доц.Е.И. Ларина — гл. 27 (разд. о крымских татарах и молдаванах); проф.Э.С. Львова — гл. 11, 12; проф.Г.Е. Марков — гл. 4 (разд. об этнологии в германоязычных государствах), гл. 7, 13, 14, 15; ст. науч. сотр.Н.Л. Мехедов — прилож. I, II (совм. с С.А. Арутюновым); проф.А.А. Никишенков — гл. 4 (разд. об этнологии в странах английского и французского языка), гл. 9, 10; проф.В.В. Пименов — предисловие, гл. 1, 2, 3, 8, 18 (разд. 6), гл. 22, заключение; проф.С.П. Поляков — гл. 30; доц.Т.Д. Соловей — гл. 5, 17;доц. О.В. Солопова — гл. 27 (разд. о белорусах)

Основы этнологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.В. Пименова. — О73 М. Изд-во МГУ, 2007. — 696 с.

ISBN 978-5-211-05321-2

В учебнике рассматриваются предметная область этнологической науки, методы собирания, переработки и интерпретации этнологических данных, используемые источники информации, проблемы теории и истории этнологической науки. Большая часть глав учебника содержит научное описание (по континентам и регионам) современной этнической картины мира и истории ее формирования. Особое место уделено вопросам соотношения расового и этнического состава населения планеты, а также антропо- и расогенезу. Рассмотрены разнообразные классификации народов (по типам хозяйственной деятельности, характерным чертам материальной и духовной культуры, языкам и их семьям и пр.).

Для студентов исторических и других факультетов российских университетов, русскоязычных студентов университетов стран ближнего зарубежья, аспирантов, преподавателей вузов и всех, кто интересуется этнологией (этнографией) народов мира.

© Издательство Московского государственного университета, 2007

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

*К выходу 4-томной публикации Б.Х. Юлдашбаева
Национально-государственное устройство Башкортостана. 1917-1925 гг.
Сборник документов и материалов.
Т. 1-4. Уфа, Китап, 2002-2009 гг.*

Предыстория создания четырёхтомного сборника документов такова. В 1959 г. Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР издал в Башкирском книжном издательстве сборник документов и материалов «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики». Редактором сборника был молодой заведующий сектором истории ИИЯЛ Биалал Хамитович Юлдашбаев, которому едва исполнился 31 год. Объём книги, состоящей из 990 страниц и включившей в себя почти 500 документов, а главное – острота проблемы и смелость в подаче материалов, освещающих самые запретные страницы истории башкирского национального движения и его лидеров, – всё говорило о неординарности и внутренней свободе молодого учёного. Книга сразу привлекла к себе внимание специалистов-историков, философов, юристов, а также, и не в последнюю очередь, партийных идеологов.

Подавляющее большинство включённых в сборник архивных материалов публиковалось впервые, это документы ЦГИА РБ (213 ед.), ЦГАОО РБ (75), а также ГАРФ (20), РЦХИДНИ (7), Оренбургского областного архива. Была проделана огромная редакционная работа по датировке, орфографической правке с сохранением стилистических особенностей документов, их археографической обработке, восстановлению делопроизводственных отметок, составлению легенд. Каждая легенда содержала название архива или другого источника, номер фонда, описи, дела и листов, а также обязательного указания степень подлинности документа. В тех случаях, когда языком оригинала архивных документов и материалов национальной прессы был башкирский, татарский или иной другой, даётся перевод на русский язык с указанием языка оригинала.

Отдельно следует сказать об оформлении научно-справочного аппарата издания. Он

включает в себя список сокращений, комментарии, примечания, именной и географический указатели, общий перечень документов. Все документы связаны между собой перекрёстными сносками и с комментариями и примечаниями путём ссылок на них. Тщательно выверенные примечания, - в книге насчитывается 312 примечаний, в том числе персоналий, - могут сегодня рассматриваться как самостоятельные справочно-энциклопедические статьи. Для примера можно привести тексты примечаний к фарману № 1 Башкирского областного шуро, газете «Кюряш», Милли меджлису и многие другие, которые впоследствии практически без изменений не раз публиковались в различных справочных изданиях, в том числе в Башкирской краткой энциклопедии.

Сборник представлял собой классическое научное издание, предпринятое в соответствии с действовавшими на тот период «Правилами издания исторических документов» (М., 1955). Сегодня, к сожалению, зачастую публикаторы пренебрегают этими правилами, что снижает качество и ценность многих издаваемых сборников документов и материалов.

В сборнике «Образование БАССР» впервые нашли документальное отражение многие факты истории башкирского национального движения. Среди них особое внимание привлекают протоколы заседаний правительства Башкирской автономии (Башкирского областного шуро, Временного революционного совета Башкортостана, затем Башкирского военно-революционного комитета), многие из которых подписаны З.Валидовым.

Трудно переоценить значение сборника «Образование БАССР» для формирования целого поколения молодых башкирских историков, философов, обществоведов, для динамично развивающегося национального самосознания башкирской интеллигенции. Однако сам Биалал Юлдашбаев признавал, что в те годы не всё из задуманного удалось ему сделать. Позднее, готовя к изданию рукопись многотомного сборника «Национально-государственное устройство Башкортостана. 1917-1925 гг.», он напишет во Введении к 1 тому: «Археографическая разработка проблемы образования автономной Башкирской

республики имеет свою историю, данный многотомник – предысторию, которая далее обстоятельно будет рассмотрена в общем комплексе историографии вопроса, но уже здесь, в чисто деловой предисловии, отметим, что ещё в 1959 г. был опубликован (под редакцией автора этих строк, он же ответственный составитель) сборник документов и материалов «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики» объёмом около 60 печатных листов. Он явился результатом общих усилий Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, государственного и партийного архивов БАССР и обкома КПСС, группы научных их сотрудников, принявших участие как в выявлении материалов, так и археографической их обработке – в составительской работе (Л.А.Вагапова, Г.Х.Гумеров, Р.У.Кузыев, Л.А.Мягчилова, Ф.С.Саяпова, А.А.Сидорова). ... Но эта публикация охватывает далеко не все первичные источники по проблеме и, кроме того, не до конца свободна от проявлений и следов казённо-идеологического давления бывшей коммунистической партии, которые, правда, несравненно более присущи для других, в том числе археографических публикаций, выполненных в условиях большевистского режима».

Действительно, не смотря на «хрущёвскую оттепель», отойти от узаконенных партийными идеологами стереотипных оценок событий 1917-1925 гг. было практически невозможно, а за смелость, которую позволил себе молодой учёный, за слишком объективное, дерзкое по своей самостоятельности и независимости осмысление истории башкирского национального движения 1917-1925 годов, вскоре последовала расплата. Биалал Юлдашбаев был объявлен апологетом буржуазного национализма, осмелившимся воспроизвести имена неугодных Заки Валидова, Шарифа Манатова, Мусы Муртазина, по учебникам которого, кстати, обучались офицеры в Академии Генштаба. В юлдашбаевской теории демократического национализма видели лишь слово «национализм», а этого было достаточно, чтобы предать историка анафеме – резкой «партийной» критике с трибуны Политбюро ЦК КПСС.

В июне 1963 года бюро Башкирского об-

кома, затем Пленум ЦК КПСС указали на серьёзные ошибки в научных работах Б.Х.Юлдашбаева. В своём решении от 12 июня 1963 года бюро обкома КПСС отметило, что «т. Юлдашбаев, взявшись за пересмотр истории Башкирии, с целью очистить её от субъективизма и всего наносного, связанного с культом личности, вместо принципиального и честного исследования с позиций марксизма-ленинизма встал на путь субъективного и тенденциозного освещения отдельных событий из истории Башкирской АССР, выражающегося в смазывании контрреволюционного характера буржуазно-националистического движения 1917-1920 гг. и выпячивании роли некоторых деятелей этого движения».

В принятых партийных документах говорилось, что «под флагом критики культа личности Сталина Юлдашбаевым делаются попытки реабилитировать буржуазно-националистическое движение в Башкирии в период гражданской войны».

В решении Пленума ЦК КПСС отмечалось, что «эти ошибочные тенденции возглавлялись руководителем сектора истории, который активно сосредотачивал вокруг себя малоопытную молодёжь, не имеющую достаточной научной и партийной закалки. Недавно обком партии вновь вмешался в дела института и исправил идеологические и политические ошибки товарищей». Обком, «исправляя» эти ошибки, потребовал от Президиума Башкирского филиала АН СССР «освободить Юлдашбаева от должности заведующего сектором истории Института истории, языка и литературы». Сам Биалал Юлдашбаев напишет: «весь пафос идейно-обличительной кампании, которая развернулась в 1963 году на основе этого решения... был пропитан духом партийно-пропагандистской казённости и неосталинизма, был направлен на очернительство «первых ласточек» нового мышления в национальном вопросе, в оценке национализма, принципиально родственного с «буржуазными» принципами демократии (политической и экономической свободы), но чуждого «пролетарской» идеологии классового раскола общества и этнонациональной общности людей».

Успев издать сборник «Образование БАС-СР» в последний оттепельный год, Биалал Ха-

митович был вынужден на целые десятилетия отложить публикацию остальных двух тысяч архивных документов, собранных им в архивах страны. Нечего было и мечтать о том, чтобы они увидели свет в эпоху «строительства развитого социализма».

В 1992 г. Реском КПСС отменил постановление бюро Башкирского обкома от 12 июня 1963 года «О неправильном освещении некоторых вопросов истории Башкирской АССР». Парадоксально, однако, то, что в 90-е годы XX века, в период обретения Башкортостаном государственного суверенитета, когда и башкирское национальное движение, и деятельность правительства Башкирской автономии, и имя З.Валидова стали олицетворять собой начальный этап борьбы за суверенитет, Биалал Юлдашбаев вновь остался не до конца понятным по некоторым вопросам национально-государственного устройства республики.

Биалал Юлдашбаев, между тем, оставаясь верным самому себе, продолжил научно-археологическую работу по проблеме национально-государственного устройства Башкортостана. В 1996 г. учёный взялся за составление 4-томного сборника документов и материалов, получив поддержку Президента Республики Башкортостан в виде специального постановления об издании трудов по истории Башкортостана. Уже через год учёный опубликовал отдельный сборник документов Учредительного курултая Башкирской автономии, состоявшегося 8-20 декабря 1917 г. в Оренбурге. В нём впервые были опубликованы официальные документы – фарманы, определяющие цель, задачи, структуру правительства Башкирской автономии.

В 1996-2001 гг. им были подготовлены к печати 4 тома книги «Национально-государственное устройство Башкортостана. 1917-1925 гг. Сборник документов и материалов» общим объёмом более 300 п.л. Только первый том рукописи включал 1200 страниц. В предисловии к нему Биалал Юлдашбаев пишет: «Необходимость документальной разработки темы в археологическом плане обусловлена возросшим ныне интересом национальной и, в целом, региональной общественности, политиков и учёных к вопросу: откуда есть пошла она – Республика Башкортостан. Какова

была ситуация на Южном Урале, когда развернулось башкирское движение за национально-суверенные права автономии, какой путь прошло это движение и как вообще создавалась автономная республика, расширялась её территория, какие складывались политические отношения pobорников национальной автономии с общероссийским государственным центром, соотношение автономизма и федератизма Башкортостана и России как части и целого... Всё это принципиально перекликается и созвучно по духу с тем, как сегодня решается национальный вопрос применительно к башкирам и проблема правового устройства Башкортостана как многонациональной республики в составе федеративной России».

При подготовке рукописи книги «Национально-государственное устройство Башкортостана» к публикации вокруг Билала Хамитовича сформировалась группа помощников – работников библиотек и архивов, научных сотрудников, его близких, которые принимали участие в отборе и переводе на русский язык татароязычных, исполненных арабской графикой материалов – Р.Р.Кутушев, Р.Ф.Рязяпов, С.М.Хусаинов, З.А.Сиразитдинов, З.Д.Буракаева. Организованные работы по подготовке и изданию тома осуществлял Ю.М.Абсалямов.

Первый том увидел свет в 2002 году, через год после кончины учёного. Во Введении автор-составитель пишет о необходимости дополнительной к сборнику 1959 г. научно-археографической разработки истории образования автономной Башкирской республики «... как федеративной части России, причём намного более обширной и детальной, чем это сделано до сих пор, и опирающейся на современные возможности объективного и правдивого отражения исторической действительности, - составления и издания нового и многотомного уже сборника документов и материалов по проблеме».

Билал Юлдашбаев ввёл в оборот максимально возможное количество первоисточников самого различного идеологического направления: националистического и интернационалистского, башкирского и татарского, большевистско-«красного» и демократически-«белого». Материалы также разнообразны и по форме – архивного и печатного, офици-

ально-документального и мемуарного свойства.

Все подготовленные им к печати материалы снабжены необходимыми комментариями – сжатым и ёмким их истолкованием, что относится и к основной части фигурирующих в них лиц. Пояснения и примечания даны непосредственно при документе или материале, нуждающемся в таковых.

К 2007 г. вышли 3 тома книги «Национально-государственное устройство Башкортостана», из них два тома изданы в двух частях ввиду большого объёма материала. Таким образом, уже вышли 5 книг общим объёмом 300 п.л., в которых опубликованы свыше тысячи документов.

Структура издания уникальна по охвату проблем национально-государственного устройства, которые не ограничиваются лишь Башкортостаном, а рассматриваются в общероссийском масштабе с экскурсами в историю государственности зарубежных стран. Достаточно взглянуть на содержание опубликованных томов, чтобы оценить масштабность и значимость предпринятого издания.

В 1 томе, который называется «Россия на повороте к федератизму. Движение за национально-суверенные права автономии Башкортостана. Проект Татаро-Башкирской республики», документально рассмотрена проблема национально-государственного устройства России после свержения русского царизма и большевистского переворота в октябре 1917 года, дан общий обзор этнополитического развития Башкирии, представлены материалы Башкирских съездов 1917 г. В специальном разделе опубликованы документы Учредительного курултая. Документы тома отражают острую борьбу между сторонниками национал-демократизма (демократического национализма) с большевизмом. Башкирский национал-автономизм рассматривается в контексте движений за этноправовое объединение и самоопределение тюрко-мусульман Татарстана и Башкортостана. Отдельным блоком выделены документы, в которых анализируется исламский фактор национальной активности тюрко-мусульманских народов России.

Две части II тома «Во имя автономно-республиканского статуса: интеграция в белое

движение, непримиримая борьба и примирение с большевиками. Соответствующее соглашение и начало его реализации» посвящены периоду начала гражданской войны. Здесь на общероссийском этнополитическом фоне рассматриваются участие башкир в рядах вооружённого сопротивления большевистской «диктатуре пролетариата», на полях сражений с Красной Армией, проблемы национальной автономии в постановке валидовского крыла башкирского белого движения и видении внутринациональной оппозиции, отношение к ней представителей татарского и русского национализма, руководства белой гвардии, конфликт с военно-политическим руководством белого движения и переход башкир на сторону советской власти. В документах прослеживается начавшееся организационное становление новой – классово-этнической модели этноправового устройства Башкортостана.

III том «Дальнейшее развёртывание практических мер по организации автономной советской республики в 1920 г.» также вышел в двух частях. В них опубликованы документы, относящиеся к 1920 г., когда обострился конфликт башкирского правительства с большевиками, завершившийся самороспуском Башвоенревкома. Здесь же опубликованы документы, в которых прослеживается судьба проекта Татаро-Башкирской республики и идеи объединения Башкортостана с Казахстаном в одну республику, процесс советизации башкирской автономии и её распространение на Стерлитамакский и другие уезды Уфимской губернии, трения вокруг формирования органов управления «Большой Башкирии».

Билал Юлдашбаев, рассматривая вопрос формирования территориальных рамок Башреспублики и сформировал крупный блок документов и материалов, посвящённых вопросам образования Большой Башкирии и определения её границ, расширения границ Башкирии, слияния партийных и советских органов Малой Башкирии и Уфимской губернии. Среди материалов особое значение имеет Декрет ВЦИК «О расширении границ Автономной Башкирской Социалистической

Советской Республики» от 14 июня 1922 г. Декрет упразднил Уфимскую губернию, включив в состав Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики уезды Челябинской губернии. Этим же декретом центр Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики был переведён из Стерлитамака в Уфу. Документы по определению границ и районированию Большой Башкирии, по вопросам передачи и возврата территорий Южноуральской промышленной зоны (Тамьян-Катайского кантона и Белорецких заводов) из состава Башреспублики в Челябинскую губернию и обратно, присоединения к Челябинской губернии восточной горнозаводской части Уфимского уезда Уфимской губернии, Декрет от 17 августа 1922 г. и другие акты привели к территориальным изменениям, в результате которых определились границы Башкирской республики.

Этнолингвистический состав населения автономного Башкортостана в новых границах, вопросы удовлетворения культурно-национальных потребностей башкир, реализации башкирского языка и национально-государственного его статуса рассматриваются составителем в контексте общетюркской самостоятельной государственности.

В последнем IV томе, состоящем из двух частей, книги Б.Х.Юлдашбаев продолжил публикацию документов и материалов по истории этно-политического развития Башкортостана и его политико-правового статуса в составе России. Особое место занимает вопрос конституционного строительства Башкортостана, в процессе которого происходила трансформация политической системы как РСФСР, так и находящихся в её составе национальных автономных республик.

Научное наследие учёного являет собой фундаментальную источниковую базу для многих дальнейших археографических исследований и создания достоверной, документально подтверждённой истории национального, политического, правового устройства и социокультурного развития Башкортостана в составе России.

Впервые опубликовано в: «Курсом развивающейся Молдовы».

Том 10 Личность и группа 6 векторы трансформационных изменений. М. 2010, с.300-308

БУДЖАК: БРЕНД НОВОРОССИИ ИЛИ СЕГМЕНТ УКРАИНСКОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА?

Размышления над книгой:

*«Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины»
Одесса, 2014, 744 с.*

1. Тропой многотрудной судьбы

Вряд ли есть необходимость номинировать книгу о Буджаке в каком-либо едином классическом жанре. Как продукт междисциплинарного исследования, она одновременно и научная монография, и популярная энциклопедия, и захватывающая дух беллетристика. В этом читатели смогут убедиться, погружаясь в полифункциональность и многослойность её содержания, в полиструктурность и многоаспектность её сюжетов. Её незаурядность и привлекательность провоцируют размышления и вопрос: что есть Буджак: бренд Новороссии или сегмент украинского нациестроительства?

При этом особый колорит книге прида-

ют исповедальные признания членов авторского коллектива в неподдельном интересе к истории региона («Буджак сквозь века»), к её мудрому и трудолюбивому населению («Культура народов Буджака»), и одновременно к современным этнокультурным и этнополитическим процессам («Добрососедство и межэтнические взаимодействия»), в ходе которых конструируется фундамент, здание и ментальность украинской нации.

История и культура Буджака, события и факты, люди и герои региона, а также итоги двадцатилетних экспедиционных исследований Одесского национального университета по широкомасштабному проекту «Буджак» стоят того, чтобы писать о них в книге и в рецензии с восхищением и энтузиазмом.

Авторы вполне заслуженно, без преуве-

личений, называют совместный труд «Буджакской энциклопедией» (Н.И.Серебрянникова) или «Настольной книгой бессарабцев» (А.С.Жечева). Я уверен, что для буджакцев книга будет подобной венгерским рапсодиям Ференца Листа, посвящённым музыкальным повествованиям о родине великого композитора, эпическим и этническим песням, её истории и культуре.

Вместе с тем удачная находка авторского коллектива, систематизируя знания о Буджаке и его людях, придаёт изготовленным очеркам о народах налёт романтизма и эстетизма. Такой подход делает текст привлекательным для чтения и восприятия, но, увы, не вводит читателя в сложные проблемы, с которыми столкнулась Украина в нелёгкие годы постсоветского нацистроительства. Надо ли напоминать о том, что книга о Буджаке увидела свет когда один из её регионов отказался от участия в украинском нацистроительстве, а в двух других продолжается нечто похожее на гражданскую войну.

Приглашение киевским руководством на пост губернатора и вице-губернатора Одесской области оппонентов путинской России экс-президента Грузии Михаила Саакашвили, а его заместителем - экс-заместителя главы Кировской области правнучку Гайдара Марию Гайдар наводить порядок, нельзя не принимать в расчёт, анализируя вместе с рецензируемой книгой, прошлое и настоящее многострадального Буджака.

Немаловажным аспектом современных исследований тех или иных идентичностей, в том числе набирающий силу региональной идентичности, выступают научная и эмоциональная ответственность авторов за создаваемые ими тексты. Новаторский приём авторского коллектива, представившего на читательский суд своё научное и гуманитарное кредо в сопровождении лирических отступлений в автобиографию, содержит дополнительное доверие к Буджаку и его людям, а также авторской команде. В ряде случаев любовь к избранной теме исследования в известной мере корреспондирует с жертвенностью, на которую в своих трудах готовы обладатели региональной идентичности – поэты, писатели и художники как соратники учёных по ча-

сти придания позитивного имиджа родному региону.

Многостраничный объём и полифоничный характер повествования о Буджаке побуждает отказаться от канонической рецензии и предоставить свои размышления по поводу навеянного книгой научного интереса.

Сразу же замечу, что авторы надёжно застраховали себя от упреков в источниковедческой оснащённости и историографическом обзоре к каждому разделу книги, предусмотрительно определив её жанр как «Книгу для чтения». Отсутствие источниковой и историографической базы за исключением обстоятельной «библиографии» (с. 685-739) никоим образом не снижает научный уровень сочинения, хотя в известной мере ограничивает возможности читателей обращаться к первоисточникам с целью дальнейшего постижения феномена Буджака и идентичностей его народов, в том числе региональной идентичности его граждан.

Прежде всего огромный интерес представляет многотрудная региональная история Буджака, пережившего ослабление шестивековой Османской империи, развал двухвековой Императорской России и краткий по историческим меркам в несколько десятилетий период истории Советского Союза (с. 55-145).

Мудрое и политкорректное в связи с до-майdanовскими и майdanовскими событиями изложение истории Буджака с известными недоговорённостями и с минимальным акцентированием внимания на регионе, как части исторической Новороссии, свидетельствует об изобретательности и деликатности авторского коллектива.

2. Регионы Украины как близнецы-братья

Воспринимая самобытность истории украинской части Буджака и сохранение специфических особенностей его населения, как носителей региональной идентичности, не позволяющих отождествлять Буджак с другими регионами Украины, доставшимися в наследство от России и Советского Союза, нельзя не отметить ряд типологически сходных черт в его истории и культуре с Придне-

стровьем, Крымом, Гагаузией и рядом других регионов. Речь идёт, в частности, о тех регионах, которые, адаптируясь к происходящим изменениям и отвечая на вызовы модернизации, в той или иной мере объединены сохранением верности русскоязычию, русскокультурную, настойчивым стремлением на этой основе к сбережению своей самобытности, в том числе в деле исторической памяти в сфере этнокультурной жизни.

История Буджака, подобно художественным мемуарам человечества вызывает к профессиональному долгу исследователей. Она озабочена своей незапечатленностью. Если история остаётся невыявленной и ненаписанной, она исчезает из памяти человечества. Белые страницы истории создают провалы в развитии народа. Сила истории – предупредить о будущем с помощью высвечивания прошлого и настоящего. История не имеет права быть менее великой, чем реальность и повседневность. Вызывает благодарность инкорпорированный в текст изложения истории Буджака очерк о ногайцах (с. 85 - 116), хотя несколько удивляет, во-первых, отсутствие очерков о других тюркских народах средневековья, обитателей южнорусских степей, именуемых порой в литературе Новороссией. Алогичное с точки зрения формальной логики включение очерка о ногайцах не в серию «Культура народов Буджака (с. 171-636), а в серию общетеоретических и исторических очерков (с. 9-170), видится вполне закономерным. Оно оправдано рядом обстоятельств, имеющих принципиальное концептуальное и общественно-идеологическое значение. Во-первых, в этом очерке, одном из немногих, преодолевается негласное официальное табу, обязывающее современных украинских исследователей, особенно гуманитарного профиля, воздерживаться от упоминаний Новороссии как части Императорской России или тем более как части Советского Союза. Между тем автор очерка о ногайцах, проявляя завидное мужество и строгую академичность, прямым текстом напоминает об известном манифесте Екатерины II, изданном в 1783 году, согласно которому «упраздняясь государственность Крымского ханства и причерноморских тюркоязычных кочевников», а

им самим предписывалось переселяться из Новороссийских степей (с. 114). Тем самым для принадлежности Новороссии к императорской короне подводилась правовая основа, как результат победы России над Османской империей. «После Крымской войны 1853-1856 гг. - как указано далее в тексте, - ногайцев опять обвинили в симпатиях к Турции, и кампания по их выселению из Новороссийского края возобновилась» (с. 114-115).

Во-вторых, в очерке о ногайцах упоминается один из сложнейших вопросов этнологической науки о характере кочевого способа производства, породившего накануне развала Советского Союза продолжительные дискуссии относительно соотношения собственности на основные средства производства: частной на скот и коллективной – на пастбища.

В очерке о средневековых ногайцах и их культуре говорится о том, что «основным видом собственности большой патриархальной семьи у ногайцев-кочевников был мелкий и крупный рогатый скот, лошади, верблюды» (с. 97), которые, естественно, «были мерой зажиточности и социального положения» (с. 107). Вместе с тем добавляется веское уточнение о том, что «кочевая или оседлая ногайская община пользовалась <...> совместно пастбищными и покосными угодьями» (с. 97).

Во время посещений горных и степных алтайцев в составе этнографической экспедиции МГУ, работавшей в начале 1960-х годов под руководством выдающегося знатока литературы и проблематики горизонтального номуадизма профессора Г.Е.Маркова, мне неоднократно доводилось фиксировать в полевых дневниках сведения о наличии ещё в недавнем прошлом двуединой формы собственности на средства производства, в том числе – частной на скот и коллективной на пастбища, как основу хозяйственной деятельности алтайцев при кочевом способе производства.

3. Регионы и региональная идентичность: истоки, факторы и фактура становления

Важнейший с этносоциологической и этнополитической точки зрения вывод сделан, как это часто бывает в фундаментальных произведениях, не в заключении книги, а во

вступительной пояснительной записке Президента Ассоциации болгар Украины, народного депутата Верховной Рады Украины (IV и VI созывов) Антона Ивановича Киссе. Цель и оправдание книги, подчёркивает он, как её ответственный соредактор, состоит в исследовании и познании того, как в уникальной истории Буджака «возник общий региональный вариант культуры, в котором нашлось место каждому из народов» (с. 6). Несмотря на редакционную шероховатость приведённой фразы и подзаголовка, вынесенного в название книги, из которых всё же не вполне ясно о чём, во-первых, идёт речь – о географическом измерении региона или о симбиозе культуры, во-вторых, об «очерках народов», или об «очерках о народах» авторская мысль ясна: региональная идентичность Буджака и идентичность буджакцев стала главным достижением истории Буджака, что сделало его «особенно привлекательным в общемировом масштабе» (с. 6).

Перефразируя крылатые слова А.Н.Леонтьева о том, что наука должна развиваться «не в куст, а в ствол», можно отнести и к общей композиции книги о Буджаке. Её «стволом» является очерк «Межэтнические связи и опыт взаимоотношений» (с. 639-660), в котором собран богатый урожай «длительного опыта добрососедства» народов Буджака. Этот опыт многоязычия и межэтнической солидарности заслуживает внимания не только с познавательной и теоретической точки зрения, но и с целью использования его в других полиэтнических регионах мира.

Что же касается «куста», если продолжить метафору выдающегося советского психолога, то включённые в книгу 11 очерков о народах Буджака, в том числе албанцах, армянах, болгарях, гагаузах, греках, евреях, молдаванах, немцах, ромах (цыганах), русских и украинцах не ютятся на периферии внимания, а достойно дополняют «ствол» и заслуживают каждый в отдельности особого анализа и целенаправленных рецензий. По структурно-функциональному содержанию и общественной значимости каждый из них напоминает серию «Народы и культуры», по плану которой уже увидели свет 26 томов, в том числе «Гагаузы» (М., 2011), «Молдаване»

(М., 2010) и планируется том «Болгары Украины, Молдовы и России».

В ряде очерков наряду с традиционным этнографическим описанием культурного опыта и духовного наследия народов Буджака, рассыпаны, как изюминки, сведения о базовых нормах и принципах повседневной жизни буджакцев, раскрывающих представления о смысле жизни человека и его отношении к окружающему миру, глубину исторической памяти, место и роль традиционных ценностей в сохранении и обновлении своей идентичности.

Для раскрытия основного замысла книги – формирования, истории и этнокультурных особенностей Буджака как региона и буджакцев, как носителей региональной идентичности – принципиальное значение имеют 3 очерка теоретического раздела, в том числе об «основных вехах историко-этнографического развития в XIX– начале XXI вв.», и особенно очерк, подготовленный ответственным соредактором А.А.Пригариним совместно с С.Б.Кузьминой «Этнокультурные группы Буджака в исторической динамике» (с. 146-168).

Наряду с аналитическими очерками 1 и 3 разделов, важное значение для характеристики региональной идентичности Буджака и его обитателей имеют 11 дескриптивных очерков 2-го раздела о конкретных народах.

В информативно насыщенном очерке об основных вехах историко-этнографического развития Буджака в XIX– начале XXI вв. представлена панорама развития тех условий формирования региона, которые в известной мере способствовали складыванию региональной идентичности буджакцев. Ключевым фактором, определившим судьбу этнической и региональной идентичности стала практически полная смена этнического состава края в ходе 3х волн миграционных перемещений, в первой половине XIX в., в том числе в 1806-1812 гг., 1828-1834 гг., 1853-1856 гг. Вместо расселённых в регионе ногайцев и татар по решению России началась кампания по заселению обезлюдившего Буджака выходцами из других историко-этнографических регионов Украины, России и европейских стран. Важное значение имела правительственная под-

держака России переселенческого движения из-за Дуная болгар, гагаузов, немцев, греков и представителей других национальностей. Осваивая Новороссию, и Буджак в том числе, Россия была заинтересована иметь на своих юго-западных землях рачительных хозяев и преданных подданных (с. 118). Этнический состав региона приумножался выходцами из центральных и северных районов Бессарабии, украинскими казаками из-за Днестра и Дуная, малочисленными группами албанцев, греков, сербов, немцев, французов, швейцарцев.

Для создания благоприятных условий адаптации спецпереселенцам предоставлялись льготы по жизнеобеспечению и щадящие по сравнению с остальными регионами Российской империи, системы управления, которые в конечном счёте служили культивированию у буджакцев чувства самодостаточности и самоуправляемости. Когда в 1860 г. молдавское правительство предприняло попытку лишить задунайских переселенцев прав и льгот, ранее дарованных им Россией, возник кровопролитный бунт, в ходе которого в Болграде 10 человек было убито и более 100 ранено.

Противодействие болгар и гагаузов края возникшему давлению способствовало укреплению внутрорегиональной сплочённости и солидарности.

Силовое решение проблем жизнеобеспечения Буджака извне, как отмечается в ряде документов, недавно опубликованных известным молдавским историком болгарского происхождения И.Ф.Греком, а также в соответствующем очерке рецензируемой книги, вызвало среди населения Буджака страх за свою судьбу и массовое бегство из городов и сёл Буджака в русскую часть Бессарабии и в районы Приазовья. Более чем через полвека в 1924 году вспыхнуло Татарбунарское восстание снова против реформ румынского правительства и политики принудительной румынизации. Ключевое звено этой политики состояло в переводе русских гимназий в Аккермане, Измаиле и Болграде в женские и мужские лицеи с жёстко осуществляемым преподаванием на румынском языке.

За советский период развития Буджака, особенно в послевоенную эпоху, вплоть до разва-

ла Советского Союза, в Буджакском регионе вырос корпус интеллектуалов из числа болгар, гагаузов и представителей других национальных меньшинств. Авторы очерка чутко следят за социально-экономическим развитием Буджака, поэтому позитивно и критически могут оценивать успехи в промышленном строительстве, в расширении дунайского пароходства, в повышении уровня благосостояния населения. Вместе с тем за пределами авторского внимания остаются главные тренды преобразовательных программ и процессов, в ходе которых выросли кадры поэтов, писателей, художников, учёных, способных и готовых адекватно выражать интересы своих народов и национальных групп.

Особенно бедно, едва ли не поверхностно, с недоговорённостями отражается в очерке постсоветский период, когда Буджак в составе девяти юго-западных районов Одесской области вошёл в состав Украины, получившей независимость после развала Советского Союза. На это у авторов, думается, были веские причины: не дразнить гусей из числа киевской номенклатуры, взявшей курс на принудительную украинизацию нетитульного населения страны, в том числе и буджакцев.

Авторы очерка, к примеру, позитивно оценивают, что «подрастающее поколение – потомки бывших переселенцев – получило возможность получать высшее образование на исторической родине (Болгарии, Румынии, Молдавии и др.) (с. 144). Однако на это как посмотреть? Вряд ли талантливые деятели художественной культуры – гагаузы С.С.Булгар, С.С.Курогло, болгарин Д.Пейчев и др., покинувшие родные сёла в украинском Буджаке и отдавшие свой талант служению молдавскомунациестроительству, созданию позитивного имиджа Республики Молдова, «способствовали созданию условий для возрождения этнокультурной жизни на малой родине. Более того, есть основания думать, что выходцы из украинской части Буджака, хотя и сохранили свою этническую идентичность и память о родном селе, всё же обрели новую региональную идентичность, что позволило, например, корпусу научной и художественной элитыгагаузов принять активное участие в этнической мобилизации на рубеже 1980-

1990-х годов и создать национальную государственность в виде территориальной автономии «Гагауз-Ери».

Анализ исторических и географических условий формирования Буджака, как особого региона и региональной идентичности его обитателей, приводит авторов к важному выводу о том, что оба эти фактора вместе с этнополитическими характеристиками и особенностями населения порождали «свойство замкнутости и консервации», которое «сочеталось с мобильностью и инновационностью» (с. 14). В закреплении двуединого вектора развития особую роль играло стремление болгар, гагаузов и представителей других национальностей Буджака к самоуправлению на всех этапах истории, в том числе в раннем средневековье, в ордынскую и российскую периоды.

Значительную роль в закреплении внутригрупповой сплочённости и солидарности играли травмы, полученные в ходе борьбы за самостоятельность, самоуправление и самодостаточность. Из поколения в поколение передавалась память о восстании болгар и гагаузов Болграда 1860 г. и о насилии, совершённом над ними регулярными войсками молдавского княжества.

В «памятной записке таможенного чиновника майора Дембровского о причинах бегства жителей из южного участка Бессарабии», недавно впервые опубликованной И.Ф.Греком и П.М.Шорниковым, читаем: «По прошествии двух дней все депутаты собрались к управляющему объявить ему о прибытии в Болград по делу о рекрутских наборах, потом отправились в школу, чтобы обсудить, как поступить им относительно рекрутской повинности, давать ли натурой или деньгами, и не успели ещё ничего решить, как школа окружена была войском; видя это они стали выходить, тогда бывший при войске управляющий их г.Тинко приказал стрелять в них, колоть и бить их. Более полутораста человек было ранено, несколько убитых; после того солдаты отправились в дома к хозяевам – били, ломали всё, что ни попадалось им и насиловали жён и дочерей их» [Забытые страницы истории Южной Бессарабии... с. 76].

Незаживающей раной в памяти жителей

Буджака служит травма, полученная в ходе подавления Татарбунарского восстания 1924 г., вспыхнувшего против принудительно проводимой политики румынизации. «Румынские войска, - констатируют авторы очерка о социально-политическом развитии Буджака в XIX– начале XXI вв., - штурмом взяли Татарбунары, применяя артиллерию и химические снаряды. Три дня восставшие держали оборону, было убито более 3 тысяч человек» (с. 133, 135).

В дальнейшем травмы, полученные во время подавления Комратского восстания в 1905 г., в ходе принудительных депортаций на рубеже 1940-1950-х гг., не ослабляли, а, напротив, способствовали внутри- и межэтнической консолидации болгар и гагаузов на основе единой региональной идентичности. О чертах её сходства и различиях в осмыслении и проявлении региональной идентичности в менталитете болгар и гагаузов стоит сказать подробнее.

Серьёзным вкладом в изучение индивидуальных и групповых идентичностей может служить затронутая в книге о Буджаке проблематика, связанная с географическим фактором в его узком и широком смысле. В сравнительно недавние советские времена роль географического фактора была подвергнута разгромной критике и остракизму, что серьёзно обеднило арсенал отечественного гуманитарного знания. Между тем в расширяющемся фронте исследований идентичности в когнитивном, конативном (поведенческом) и аттитюдном аспектах видное место занимает региональная идентичность, имеющая особые формы, особенность и специфику проявления в Буджаке и в типологически сходных регионах, как близнецах-братьях, в Приднестровье, Гагаузии, в Крыму и в других полиэтничных регионах. Нельзя не согласиться с вытекающим из чувствительных наблюдений авторов выводом о том, что региональная идентичность в Буджаке «проявляется в существовании «образа своей земли» и представляет собой «элементы менталитетов и ментальных пространств социо-культурных групп, проживающих в едином геосоциальном организме» (с. 640). Вывод представляется чрезвычайно важным, заслуживающим

специального обсуждения.

Для дальнейшего исследования проблем идентичности, в том числе в ретроспективном ракурсе, важное значение имеет анализ трендов повседневной жизни. Несомненный интерес, в частности представляют отмеченные в ряде очерков о народах Буджака традиции трудолюбия и гостеприимства, честности и аккуратности, религиозности и нравственности. Буджакские немцы гордились так называемым «немецким словом», которое старались не нарушать (с. 521). Похоже, оно было сродни «слову купеческому» среди купцов России, известному каждому россиянину из пьес Н.А.Островского. С точки зрения современных задач антропологических исследований обращает на себя внимание стремление бессарабских немцев-колонистов в пору их проживания в Буджаке, рассматривать себя в качестве особого этноса «восточных немцев» (с. 520), хотя вывод о том, что высокая рождаемость среди немецкого населения обуславливалась «стремлением к сохранению этноса», представляется спорным.

Несмотря на короткое по историческим меркам 100-летие пребывания немецких колонистов на Буджакской земле, они оставили о себе, как уважительно отмечается в очерке «Немцы», добрую память (с. 522). Русский генерал-лейтенант В.А.Мошков, основоположник научного гагаузоведения отмечал серьёзное влияние немецкой культуры на развитие земледельческой индустрии в южных и центральных районах Бессарабии. На рубеже XIX-XXвв. гагаузы по свидетельству ряда источников отдавали своих детей в немецкие семьи для обучения ремеслу, а взрослое население активно приобретало и осваивало в немецких колониях орудия сельскохозяйственного производства.

Значительный вклад в экономику и культуру гагаузов и болгар Буджака, в том числе в процессы их этнокультурной истории внесли греки. Традиционный общественный праздник – панаир (от греческого «панигирис», что означает «праздник») дал своё название ярмаркам всей Бессарабии. Базары, организуемые в Гагаузии в межвоенном периоде и в первые поствоенные десятилетия, назывались панаиры. Мне уже приходилось отме-

чать, что панаиры (ярмарки) в Чадыр-Лунге, где я родился, проводились по четвергам. При этом четверг, как день панаира, воспринимался и осознавался «празднее», чем православный праздничный день – воскресенье.

Драматургия ярмарочного гагаузского панаира, насколько я вынес из детских впечатлений, типологически во многом была сходной с ролью греческого панаира с его функциональной ролью как «символа единения территориальной общины» (с. 371-373). Панаиры Буджака, как и по всей Бессарабии, служили внутриэтнической консолидации и межэтнической интеграции, чему активно способствовало смещение в атмосфере праздника акцента с сакрализации к светской карнавализации. Как и в греческих праздниках-панаирах, в гагаузских ярмарках-панаирах непременно была боза– «слабохмельный напиток, приготовляемый специально к панаиру из просяной и кукурузной муки» (с. 373).

4. Буджак: единый, хотя и разделенный

Важнейшей основой этнорегиональной идентичности гагаузов, болгар и представителей других национальностей, бесспорно, выступает Буджак как географическая основа и как среда обитания, воспетая в поэзии, прозе, в песнях, сказках и легендах болгар и гагаузов. Приведу пример из творческого наследия выдающегося гагаузского поэта С.С. Курогло.

*«Буджак – судьба. Буджак – наш выбор,
Тебя мы любим с давних пор.
Ради тебя, ради тебя
Готов я в жертву принести себя»*

Приведённый отрывок имеет глубокий исторический и социологический смысл и представляется до сих пор не оценённым с точки зрения истолкования сути региональной идентичности гагаузов в отличие от этнической и региональной идентичности болгар. Чтобы понять философию этого признания, её квинтэссенцию, достаточно такого факта: наличие её у 150 тыс. жителей Гагаузии и отсутствие или в лучшем случае слабо выраженную форму у русского населения Республики Молдова и у болгарского в Буджаке Украины. Слова поэта: «Буджак – наш выбор» – означа-

ет, что у гагаузов нигде в мире, кроме Буджака, нет ни территории как постоянного места своего проживания, ни этнического материка, к которому они могли бы прислониться или влиться в случае грозящей им ассимиляции и в ходе утраты этнической идентичности. Русские, дисперсно проживающие в основном среди городского населения Республики Молдова, во-первых, не воспринимают, подобно гагаузам, землю Молдовы той Малой Родиной, которая является для них единственным и постоянным местом проживания, во-вторых, у них, благодаря этнической идентичности, есть ощущение принадлежности к великому этническому материка в лице культурного наследия нынешней Российской Федерации.

Магнетизирующее влияние этнического материка оказывает двоякое влияние на самочувствие болгар в украинском Буджаке и русских в Молдове. С одной стороны, русский и болгарский язык и культура самым надёжным образом подпитывают гордость и ментальную сопричастность к великому достоянию болгарского и русского народа. С другой стороны, этнический материк обесточивает и расхолаживает региональную идентичность русских в Молдавии и болгар в Одесщинетем, что оставляет за ними возможность выезда из страны в случае угрозы сохранности их этнической идентичности.

Преданность гагаузов и болгар многострадальному, единому, но разделенному Буджаку, как земле обетованной, как месту постоянного компактного проживания и как основе региональной идентичности, известный гагаузский поэт, классик гагаузской профессиональной литературы С.С.Курогло, выражает словами: «Ради тебя, ради тебя, готов я в жертву принести себя». В типологически сходном ключе Расул Гамзатов выражает свою этническую идентичность клятвой родному аварскому языку: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть» [Расул Гамзатов. Родной язык. Перевод с аварского Н.Гребнева. <http://www/tsumada.ru/en/text/143>].

Чем сильнее связь с этническим материком, как показывает опыт русского населения в Республике Молдова и болгар в Одесской области Украины, тем слабее региональная идентичность и соответственно её солидари-

зационный и мобилизационный потенциал. Наличие устойчивой региональной идентичности у гагаузов и её нерасторжимая связь с этнической, сыграла немаловажную роль в самоопределении гагаузов на Буджакской земле Республики Молдова и в создании национально-территориального образования.

Принципиальное отличие реализации права на самоопределение на состоявшихся региональных референдумах в Крыму и в Гагаузии состоит в том, что в первом случае на основе волеизъявления крымчан, полуостров Крым перешёл из Украины в состав России, нарушив тем самым территориальную целостность страны проживания. Доктринальная цель гагаузского референдума, напротив, состояла в сбережении Республики Молдова и её территориальной целостности и при этом никоим образом не преследовались сепаратистские цели. Избиратели Гагаузии единодушно отдали голоса за самоопределение и за вхождение в Таможенный Союз, обнародовали свою позицию и право на выход из состава Республики Молдова только в том случае, если она потеряет свой суверенитет.

Анализ доктринальных установок на самоопределение Гагаузии, в том числе на референдум 02.02.2014, озвученных в выступлениях и публикациях башкана Гагаузии М.М.Формузала, обозначенных в ходе митингов, уличных шествий, круглых столов и научно-практических конференций даёт основание считать, что этническая и региональная идентичность гагаузов представляет глубоко взаимосвязанные компоненты их ментальности, представляющие важную часть их социальной жизни. Не ставя перед собой специальной задачи по автономному анализу каждой из упомянутых идентичностей, позволим себе назвать их единым термином – этнорегиональной идентичностью. Она представляет собой идеологически и психологически осмысленный продукт, обязанный своим происхождением взаимодействию людей, и выраженный в предметной и символической формах.

При этом позитивный настрой и мотивация к самоопределению коренящиеся в региональной идентичности молдавских гагаузов, служат не нарушению территориальной

целостности молдавского государства, а укреплению его суверенитета, преодолению межэтнических недоразумений, порождённых недоверием, созданным по недоумию отдельных политиков или общественных деятелей.

Обвинение гагаузов в сепаратизме, противопоставление региональной и национальной (в смысле общегражданской) идентичности является огорчительным заблуждением ряда политиков в Кишинёве, их неспособностью понять, что все три гагаузские идентичности – этническая, региональная и гражданская – сосуществуют на мирной основе и принципиально дополняют друг друга. Этнорегиональная идентичность гагаузов как одна из основ их стремления к самоопределению, имеет глубокие исторические корни, связанные с их переселением в Буджак в конце XVIII – начале XIX вв. и последующим утвердившимся отождествлением себя с Буджаком.

Наличие исторического «задела» облегчило задачу этническим мобилизаторам Гагаузиина рубеже 1980-1990-х годов конструировать новую, актуализировать исторически сложившуюся, не прикладывая особых усилий для поддержки складывающейся естественным путем региональной идентичности.

Наряду с Донецкой и Луганской региональными идентичностями, породившими едва ли не гражданскую войну в борьбе за самоопределение, на Украине есть вероятность активизации этнических мобилизаторов в других её регионах. Таковы, в частности, созданная в Одессе Народная Рада Бессарабия, напоминающая вместе с движением венгров, русин и румын в Закарпатье пробуждающийся этнополитический вулкан.

«Бессарабскую раду» организовали представители национальных меньшинств с целью добиться самоопределения в формате национально-территориальной автономии. При этом на первом этапе организаторы готовы ограничиться созданием национально-культурной автономии в составе Украины без нарушения соответствующих законов страны.

Тем не менее политическая элита Киева, напуганная опытом Крыма, восприняла эту идею как посягательство на территориальную целостность страны. И стоило только

новоизбранному главе Народной Рады «Бессарабия» Дмитрию Затуливетеру объявить о том, что народы Одесской области – немцы, поляки, болгары, гагаузы «должны быть достойно представлены в политической и экономической жизни Украины, а также влиять на решения, которые касаются нашего края», как пресс-служба Народной Рады сообщила об его исчезновении. В президиуме Народной Рады «Бессарабия» уверены, что это служит показателем начала репрессий. Само по себе появление ещё одного проблемного региона имеет под собой вполне объяснимые исторические корни. Значительная часть Одесской области представляет собой южную часть Буджака, населённого представителями различных национальностей, являющихся носителями региональной идентичности с давних пор. Трагическая судьба этого региона напоминает чем-то судьбу неоднократных разделов территории Польши великими европейскими державами. Так, например, согласно Парижскому мирному договору 1856 г., Россия уступила (по требованию победителей в Крымской войне) часть Южной Бессарабии Молдавскому княжеству в качестве компенсации за Крымский полуостров. При этом граница была проведена таким образом, что поселения бессарабских болгар и гагаузов оказались разделёнными примерно на две равные части.

В 1940 г. южная часть Буджака без согласования с его обитателями была передана Украине и вошла в состав Одесской области, как об этом глухо упомянуто на стр. 137 рецензируемой книги. Гагаузские и болгарские поселения Буджака снова оказались разделёнными сначала в советские годы условной, а в постсоветский период – реальной государственной границей.

Обозревая трагическую судьбу Буджака, надо было обладать изрядным запасом мужества, чтобы посвятить ему специальное исследование и воспринимать его целостность как территориальную основу региональной идентичности гагаузов. Эту миссию взяла на себя Д.Е. Никогло и поставила перед собой трудную задачу по выявлению общего и особенного в восприятии Буджака как малой родины в поэзии гагаузских и болгарских по-

этов Молдовы и Украины. При этом она исходила, во-первых, из того, что «Одной из важных составляющих идентичностей индивида является региональная (территориальная) идентичность, в которой выражается отношение человека к своей малой родине и земле, на которой он родился или живёт и работает» [Никогло Д.Е., 2010, с. 283].

Ей сопутствовала серьёзная удача, когда удалось обнаружить принципиальную смысловую разницу в нагрузке текста (т.е. содержания) региональной идентичности, исповедуемой гагаузами и болгарами, несмотря на господствующую в историографии общность исторических судеб и близость их традиционных культур. «Идейно-тематический разлом» в болгарской и гагаузской поэзии, – заключает Д.Е. Никогло, и согласимся в этом с ней – проявляется в отношении к исторической родине – Балканам, Болгарии».

Суть различий, по её мнению, в том, что для болгарских поэтов Одессщины чувство подлинной родины связано с этническим материком – страной Болгарией и вытекающим отсюда представлением о наличии двух родин: большой (Болгарии) и малой (Буджака). Убедительное подтверждение этому выводу находим и в очерке о межэтнических связях и опыте взаимодействий, в котором говорится в рецензируемой книге: «... у нас две Родины: Украина и Болгария – как говорят буджакские болгары» вслед и вместе со своей художественной элитой (с. 653). В творчестве гагаузских поэтов обращение к Балканам как к исторической родине и как к земле обетованной, встречается довольно редко. Исследование показало, что для гагаузов единственной родиной воспринимается Буджак или евразийские степи, по которым передвигались их кочевые пращуры [Никогло Д.Е., 2010, с. 292-298].

5. В плену деликатной и неделикатной недоговорённости

Деликатная недоговорённость и благодушно-умиротворённое восприятие реальности, как уже отмечалось выше, подводит некоторых авторов и ведёт к искажению современной картины этнополитической и эт-

нокультурной жизни населения Буджака. Изображение, например, языковой ситуации, якобы лишённой каких-либо противоречий и проблем, вряд ли соответствует курсу официальной языковой политики Киева, которая направлена на принудительное создание украиноязычной среды, в том числе в русскоязычных регионах страны, но не отвечает реальным потребностям народов Буджака. Так, например, с 1991 года по 2002 год доля школьников с украинским языком обучения возросла с 45% до 73.8%, а доля школьников с русским языком обучения сократилась за этот же период с 54% до 25.3% [http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1130803].

В 1989-1990 учебном году на Украине насчитывалось 4633 школ, где русский язык был единственным языком обучения. Начиная с 1990 г. число школ с русским языком обучения сократилось на 3 тысячи в пользу украиноязычных и смешанных школ [там же]. Количество школ с русским языком обучения в постсоветский период сокращалось в восточных и южных регионах Украины. Так, например, в Одессе уже в 1998 году осталось только 46 (32%) школ с русским языком обучения, при том, что русскоязычное население города составляет 73% [там же].

Согласно данным переписи 2001 года доля русскоязычных граждан в Одесской области составляла 42%, в то время как доля учащихся, получающих среднее образование на русском языке, составляло 30% [там же].

Будучи народным депутатом Верховной Рады Украины и Президентом Ассоциации болгар Украины Антон Иванович Киске, как учёный, общественный и политический деятель, хорошо понимает, что «проблема сохранения своей идентичности при условии удачного вписывания в общие модернизационные процессы» (с. 6) представляет собой вызов Буджаку, подобно «квадратуре круга», когда самоопределение народа или его отдельной части и сохранение территориальной целостности государства» выглядит неразрешимой задачей. Уверен, что он отлично знаком и с турбулентной этнополитической ситуацией в своей стране и настороженностью в своём регионе. Именно этим, на мой взгляд, объясняются неадекватная оценка политики украин-

низации и недоговорённости в текстах «Буджака».

Понятно, что о болевых точках Буджака, в том числе о становлении и современном состоянии региональной идентичности буджакцев А.И.Киссе говорит, как о «его сложной исторической судьбе» (с. 6). И справедливо, что при этом оставляются в тени нерешённые конфликтные проблемы, в связи с тем, что Буджак сегодня, как и прежде находится в эпицентре геополитических интересов ряда крупных держав. «Если говорить о конфликте на востоке или на юге Украины, - свидетельствует бывший посол Молдовы во Франции Олег Серебрян в интервью DeutscheWelle, - то это затяжной конфликт, связанный с Новороссией и состоящий из нескольких мелких конфликтов. Конфликты в Донбассе, Крыму, Приднестровье или Буджаке не существуют по отдельности. Они относятся к одному масштабному конфликту. Невозможно анализировать приднестровский конфликт и делать прогнозы насчёт его развития, без того, чтобы включить его в одно уравнение с конфликтами в других конфликтных зонах региона» [Дипломат обеспокоен возможностью создания на юге Молдовы и Украины «новой сепаратистской республики» gagauzinfo.md/index.php?newsid=19563].

Авторы «Буджака» деликатно обходят стороной проблему разделённости Буджака, и, повторимся, по-видимому, правильно делают. Подальше от греха! Однако некоторые политики соседнего государства могут предпринимать «попытки силой решить вопрос объединения двух частей Буджака в границах одного румынского государства», что представляет «большую опасность для всего региона юго-восточной Европы». Решение ещё одной «квадратуры круга», как считает известный молдавский политолог болгарского происхождения И.Ф.Грек, «должно быть найдено на базе неприкосновенности ныне существующих границ между Украиной, Молдовой и Румынией, свободного перемещения граждан Молдовы и Украины из одной части Буджака в другую, создание этими государствами условий для их социально-экономического развития, сохранения этнической и этнокультурной близости между населением обеих частей

Буджака [Иван Грек. Бессарабия: факты истории и их фальсификация. <http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=15093&print=Y>].

В трёх относительно автономных, но тесно связанных друг с другом очерках об этнокультурных группах Буджака в исторической динамике (с. 146-170), межэтнических связях и опыте взаимоотношений (с. 639-660), практике межэтнических взаимодействий (с. 661-684), несмотря на то, что они композиционно разделены описательными и в отдельных случаях компилятивными очерками о народах, представлены этнополитические и этносоциологические наблюдения обобщения проведённых исследований, и также выводы, венчающие стрелковскую концепцию и генеральный замысел авторского коллектива.

С точки зрения прогноза дальнейшей судьбы Буджака, как полиэтничного региона Украины, немаловажное значение имеет мониторинг этнодемографических процессов, способствующих как укреплению, так и размыванию региональной идентичности населения региона. Однако именно этот аспект изучения Буджака, судя по рецензируемой книге, менее всего исследован, в чём, в частности, свидетельствуют скупом цитируемая литература, которая к тому же специально не выделена к очерку об этнографических группах Одессщины. Тем не менее авторы этого очерка сумели обнаружить важную тенденцию абсолютного и относительного увеличения численности украинского населения. Его доля возросла с 1989 г. по 2001 г. с 35.87% до 40.37%, в то время как доля русских, например, сократилась за этот же период с 23.98% до 20.20% (с. 157). В этом, как считают авторы, «сказались результаты нового самоопределения части населения в условиях независимой Украины» (с. 158). Мягко сказано. Об этнической переидентификации свидетельствуют не только широкомасштабные потери русскоязычного населения в регионе – около 30 тысяч по подсчётам авторов, но и этноязыковая политика Киева, реализуемая в стране с целью создания украинской нации и этнократической государственности по этническому принципу. В известной мере этот вывод авторов, корреспондирующий с наблюдениями экс-президента Украины Л.М.Кучмы в

его нашумевшей книге «Украина не Россия», которая, кстати, не упомянута даже в библиографии, свидетельствует об издержках украинского нациестроительства, в задачи которого не создание условий для «сбережения» русскоязычия и русскокультурия, ни для федерализации государственного устройства с целью сохранения самобытности региональных групп неукраинского населения. В этом очерке, как и в ряде других, видны следы недоговорённостей, вызванных, скорее всего, цензурными или дипломатическими соображениями.

Недоговорённость недоговорённости рознь. Одно дело, когда патриотически настроенные авторы к своей стране и родному региону, воздерживаются «раскрыть карты» и рассказывать читателям о социальных язвах, проблемах и противоречиях в современной системе жизнеобеспечения, не желая бросать тень на авторитет страны, в которой живут, избегая ронять позитивный имидж любимого региона, которому посвящают свои труды, и совсем другое дело, когда недоговорённости продиктованы иными, порой паранаучными мотивами. Так, в частности, случилось в очерке о гагаузах, одном из лучших по информационной насыщенности, по степени и глубине исследованности духовной культуры в прошлом и настоящем. Постоянно и настойчиво замалчивая кочевое прошлое гагаузов, как наиболее очевидное свидетельство их принадлежности к тюркскому миру евразийских степей, автор очерка очередной раз, как в своих прежних публикациях, упрямо повторяет предвзятый вывод о том, что «традиционная духовная культура гагаузов имеет свою специфику, которая была сформирована на Балканах» (с. 327), и что «гагаузская обрядность, связанная с Волчьими праздниками, во многом схожа с аналогичной обрядностью народов Балканско-Дунайского региона (болгарами, румынами) и представляет собой общеполубалканское явление» (с. 309). Преувеличение роли православной религии и фрагментов этнической истории гагаузов во время их пребывания в составе Болгарского государства, в ущерб реальным фактам и свидетельствам более ранних этапов их истории, вызвано односторонним подходом к происхождению

гагаузов и стремлением во что бы то ни стало поддержать теорию их болгарского происхождения, согласно которой «тюркоязычные и православные гагаузы – «это отуреченные болгары, которые в результате османского господства утратили свой родной язык (то есть болгарский), но сохранили религиозную принадлежность» (с. 275-276). Спорность этой теории обусловлена не только тем, что её сторонниками в Болгарии были одни учёные, получившие образование в фашистской Германии в 1930-е годы и настроенные против СССР, а другие отрицали наличие тюркского компонента в этнической истории болгар ради утверждения монолитности «болгарской социалистической нации», а в том, что не признаются достижения языковедов, фольклористов, историков и востоковедов России, убедительно аргументировавших тюркские корни и кочевое прошлое в этнической истории предков гагаузского народа. О том, что недоговорённости в очерке о гагаузах носят, отнюдь не деликатный характер, видно хотя бы из того, что в нём не упоминается публикация выдающейся исследовательницы грамматики, лексики и других аспектов гагаузского языка, Л.А.Покровской, посвящённая «Мусульманским элементам в системе христианской религиозной терминологии гагаузов» (Советская этнография, 1974, № 1, с. 139-144). И хотя указанная статья Л.А.Покровской упомянута в «Библиографии», приложенной к очерку (с. 722), автор очерка снова и снова настаивает на том, что «Именно христианство (в форме православия) оказалось мощным фактором, способствовавшим сохранению ими своей гагаузскости» (с. 277).

Недоговорённости в угоду предвзятой концепции, ведущие к искажению исторической истины, особенно видны в очерке о гагаузах, исполненном на более высоком профессиональном уровне по сравнению с некоторыми очерками о других народах Буджака. Я имею ввиду, в частности, тот факт, что реквизиты значительной части иллюстративного материала в нём документированы по всем правилам академического издания. По-видимому, автором были хорошо усвоены уроки строгого редактора издательства «Наука», неукоснительно требующего сопровождать каждую

фотографию, рисунок или схему хронологической, пространственной и авторской «пропиской» при редактировании тома «Гагаузы» (М., 2011).

Недоговорённости о значительных тюркских следах и роли тюркских народов в этнической истории болгарского народа в последнее время успешно преодолеваются трезвомыслящими болгарскими историками и антропологами. В растабуирование проблематики, связанной с приходом на Балканы куман (половцев) и другого тюркоязычного населения северным путём из южнорусских степей Новороссии, морским путём из Крыма, а также южным путём из пределов Сельджукского государства важную роль сыграли издание двухтомного историографического сочинения «Куманология» (София, 2009) крупного болгарского историка Н.Стоянова, оставшегося, кстати, незамеченным ни в очерке «Гагаузы», ни в приложенной «Библиографии» и включённую в «Библиографию» публикацию известного археолога, нумизмата и этнолога Г.Атанасова, например, его фундаментального сочинения «Добруджанского деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIVвек», Велико Търново, 2009.

6. Регион, где говорят на трёх-четырёх языках

Феноменом в феномене Буджака, веками воспроизводящему полиэтнический состав населения, являет собой многомерный и многоаспектный опыт трёх- и четырёхязычия. Об этом достаточно чётко сказано в очерке о межэтнических связях и взаимоотношениях. Не могу лишиться себя удовольствия привести целиком вывод авторов: «... почти все члены переселенческих групп трёх- или четырёхязычные, они свободно владеют «своими», «внутренними» языками, что обуславливало внутреннее единство и возможность «изолироваться», а также в достаточной мере пользоваться «внешними» языками румынским, русским и украинским или языками близких соседей (в случае совместного поселения)» (с. 652).

Жанр «Книги для чтения», по-видимому,

не обязывал авторов привести конкретные примеры из собственной языковой жизни или поделиться итогами исследований языковой ситуации в районах Буджака. Могу в подтверждение многообразия языковой жизни буджакцев сослаться на известные мне примеры многоязычия среди гагаузов молдавской части Буджака. Мой едва грамотный дед по отцу Пётр Дмитриевич Губогло на бытовом уровне легко говорил на 5 языках: гагаузском, русском, болгарском, молдавском и бегло на немецком.

В студенческие и аспирантские годы я переписывался с мамой Димитрой Степановной Стойновой на гагаузском языке, используя наиболее удобную для неё латиницу, в то время как официальная письменность для гагаузов была утверждена в 1957 г. на кириллице.

Муж моей сестры, уроженец с. Кирсово Комратского района Георгий Нягов свободно говорит на трёх языках: русском, болгарском и гагаузском, а при необходимости и на молдавском. Башкан Гагаузии Ирина Фёдоровна Влах, избранная на этот высокий пост 22 марта 2015 года к трём своим языкам форсировано добавляет четвёртый – молдавский. Во всяком случае к впервые посетившему Гагаузию Президенту Республики Молдова Николаю Тимофти, приехавшему по её личному приглашению, она обратилась на молдавском языке.

Мой бывший аспирант, экс-председатель Народного Собрания Гагаузии, ныне директор научно-исследовательского центра Гагаузии им. М.В. Маруневич, Петр Михайлович Пашалы активно пропагандирует стратегию трёх- или четырёхязычия – гагаузского, русского, молдавского и английского для молодых поколений Гагаузии.

Можно согласиться с автором очерка «Евреи» в том, что его герои – «евреи Бессарабии всегда владели государственным языком и, соответственно, говорили на латыни, греческом, итальянском, османском, молдавском, русском, украинском» (с. 408). Приведённый перечень языков, конечно, впечатляет, хотя языкознанию не известен «османский» язык.

Уроженец села Кубей (Червоноармейское), член Союза писателей Украины – Виталий Бошков создаёт свои произведения на 5 язы-

ках: болгарском, гагаузском, украинском, русском и французском. Гимн родному селу он написал на четырёх языках:

*«Серед героїв – герой
Серед степі, наче бей,
На перехресті доріг –
Нами любий Кубей.
Как его не назови,
Пусть и Червоноармейское,
В силе взаимной любви
Кроется сущность Кубейская.*

*Българина във Кубей
Със гагауз и надост,
Всеки другарин – здравей
За тебе ще вдигне тост!*

*Насыладламаону,
Беки Червоноармейск,
Дайма саерыз буну –
Ватанамыз о – Кубей.*

[Текст песни Гимн Кубею – муз. В.Станков, ст. В.Бошков;

<http://pesenok.ru/4/gimn-kubeyu/text-pesni.V.Stankov-st.V.Boshkov-isp-L.Dimova>].

Осмелюсь предположить, что опыт многоязычной жизни таких сёл как Кубей (Червоноармейск), Каракурт (Жовтневое), Кирсово (Комратский район Молдавии) и ряда других сёл полиэтничного Буджака, достойны стать основой для новых направлений социолингвистических и этносоциологических исследований. Он заслуживает отдельных монографий и оригинальных теорий, подобных, например, гипотезе лингвистической относительности Бенджамина Уорфа и Эдварда Сепира, согласно которой структура языка определяет мышление и способ постижения реальности; теории вертикальной зональности двуязычия, Леонида Лаврова, когда горные народы, живущие выше, владеют языками живущих ниже, а не наоборот, его же теории о связи многоязычия с традициями эндогамии у народов Дагестана или популярной теории соподчинённости «билингвизма и бикультурализма» Сергея Арутюнова. У антропологов любых междисциплинарных направлений не может не вызывать интереса связь семейных обычаев албанцев Буджака, особенно села Каракурт, с особенностями их языковой жизни.

«Нередко женщина, - говорится в очерке, посвящённом албанцам, - выходявшая замуж за представителя другого этноса, плохо владела языком его семьи. Она осваивала его, живя в этой семье, особенно если в доме была свежая кровь. <...> с мужем и детьми продолжала говорить на родном языке. Со временем когда она становилась старшей хозяйкой в доме, её родной язык превалировал в семейном быту над остальными и её невестка в свою очередь должна была его освоить» (с. 186-187).

В общем тексте 2 раздела, где идет рассказ о выразительных и самобытных народах-культурах Буджака рисковали бы затеряться «привычные» русские и украинцы. Но и сами традиции оказались яркими, и авторы соответствующих очерков сумели подобрать слова к их описанию. Это самые «спокойные» в эмоциональном смысле части книги: здесь не встретить «ажиотажа древности», мало в ней и намеков на исключительность. Горделивые народы даже в условиях бурного национального возрождения не имеют право на голословное превосходство. В постоянном сравнении относительно небольших анклавов этих народов и вариантов их культур с основными материнскими территориями удалось изложить специфичность как прошлого, так и настоящего русских и украинцев.

Так, например, казачество (и украинское, и русское), сыгравшее принципиальную роль в формировании восточнославянского населения региона, подается без излишней романтизации. В обеих очерках поданы конкретные эпизоды истории: когда, в силу каких причин, каким образом на Дунае появились бывшие донские и запорожские казаки. Вместе с тем, современные практики обеих народов подаются не как конфронтация с «инородцами», а в результате анализа показывается роль «дружбы» (бытовым языком) или «кросс-культурном взаимодействии» (академическая лексика) с другими этническими сообществами. Крайне сдержанная общая характеристика этих народов воплощается в истории переселения их представителей в Буджак - от древних этапов до современных тенденций.

Для жителя Буджака мне с детства известна не однозначность категорий «русские» или «украинцы» в регионе. Эти номенклатуры

распадались на множество отдельных культурных обществ: «липоване», «абаяне», «молокане», «казаки», «райки» и т.д. Это многообразие и стало задачей, с которой успешно справились авторы. Им удалось показать поливариативность каждой из этих традиций как в исторической ретроспективе, так и в этнографическом сравнении. На мой взгляд, это несомненный успех коллег.

Очень тяжело описывая «большие» культуры, в которых множество людей считает себя экспертом, не впасть в трюизмы и банальности. Избежать этого можно только глубоким пониманием и фактическим знанием региональных вариантов этих традиций. В очерках не идет сказ о русском или украинском народе в целом, а представлен анализ конкретных исторических судеб и комплексов культурно-бытовых обычаев.

Отдельно отмечу содержательные характеристики «Дунайского (Новороссийского) казачьего войска» и старообрядческого (липованского) населения Буджака. Обе группы (социальная - в первом случае, конфессиональная - во втором) сыграли значительную роль в истории Восточной Европы. По разным причинам, они не выступали долгое время специальными предметами научного внимания. Теперь же имеется добротная научная библиография, но именно благодаря этим очеркам казаки будут восприниматься не только на Днестре, а старообрядцы обидно именоваться «раскольниками». Сложные культурные практики этих общностей вписаны в общеэтнические и региональные масштабы.

7. Отдельные шероховатости легко устранимы

В фундаментальных изданиях энциклопедического класса, каковой несомненно является книга, посвящённая Буджаку, как-то не принято заострять внимание на редакционных шероховатостях, мелких фактических погрешностях и ошибках, а также на вопросах, провоцирующих неутолённое читательское любопытство, но не включённых в текст. Однако, в данной книге, которой гарантировано широкое общественное признание и соответственно второе издание, нельзя не высказать

отдельные пожелания с целью её дальнейшего совершенствования.

Выше уже отмечалась некоторая бедность её источниковедческого и историографического и, добавим, инструментально-методического оснащения. Вряд ли уместно, например, как сделано в книге, одни и те же количественные показатели (цифры) повторять в тексте, в таблице 7 и диаграмме 1 (с. 153-154), в таблице 8, диаграмме 2 (с. 155), в таблице 9, диаграмме 3 (с. 157-158), а также на стр. 283, в таблице «Численность и расселение молдавского населения в Буджаке 2001» и диаграмме (с. 448-449).

Трудно понять, почему фамилия одного и того же автора в одних случаях: В.М.Кожукару (с. 442), в других – В.М.Кожокару (с. 729) или В.М.Кожакару (с. 445).

Некоторые двусмысленности могут поставить читателя в тупик. В Очерке «Евреи» в одном случае: «После Бухарестского договора 1812 года Бессарабия вошла в состав Российской империи. В 1856-1878 находилась под властью молдавского княжества» (с. 400). На следующей же странице читаем другое: «В период 1856-1878 годов, когда Южная Бессарабия входила в состав Молдавского княжества...» (с. 401). В соотнесении названий о Бессарабии и Буджаке как о двух названиях междуречья Дуная и Днестра, внёс ясность молдавский историк и политолог И.Ф.Грек, опираясь на итоги исследований С.В.Паламарчук. Однако к данному случаю входила ли целиком вся Бессарабия или только её южная часть в состав Молдавского княжества, состоявшаяся дискуссия отношения не имеет [Грек И.Ф. Указ.раб.].

В очерке «Гагаузы» ошибочно названо село Кубей родиной известного поэта, учёного и общественного деятеля С.С.Курогло (с. 326), внесшего значительный вклад в разработку доктринальной основы самоопределения гагаузов и конструирования национально-территориального образования «Гагауз-Ери». На самом деле С.С.Курогло родился в селе Димитровка Болградского района Одесской области.

Не вполне соответствуют высокому профессиональному уровню авторского коллектива недоговорённости, например, об

изобилии документов о языковой политике, создающих Украине имидж демократической страны и преследующих заботу о сохранении и развитии этнических меньшинств, а на самом деле декретирующих принудительную украинизацию. Иначе чем объяснить оставленную без комментариев тенденцию языковой жизни, в ходе которой к 2001 году лишь 8.7% евреев, 13.5% немцев, 22.8% белорусов и 31.9% греков сохранили родным язык своей национальности (с. 163, табл. 10). Глухое упоминание турецкого источника 1740 года о Валахии, Молдавии и Украине, существующего в нескольких переводах на европейские и на русский языки, не сопровождается сноской на знаменитый корпус «Восточных источников по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы», увидевший свет под руководством и редакцией видного советского специалиста по Османской империи и русско-турецким отношениям А.С.Тверитиновой.

Недоговорённость, вероятно, вызвана стремлением авторов минимизировать имеющиеся в источниках сведения о вхождении Буджака в состав Новороссии. В указанном источнике между тем сообщается, что «Страна Буджак представляет собой вход в всемирную степь Хейхат», которая согласно древней татарской традиции означает причерноморские или половецкие степи и неонакратно встречается в сочинениях турецкого путешественника ЭвлияЧелеби [Михаил Губогло. Турецкий источник 1740. О Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964, с. 143, 156].

Воздерживаясь от признания Буджака как южного «степного окна» России в Европу наряду с «северным морским окном», авторская команда боится себя, пожалуй, только очерком «Молдаване», в котором говорится о «молдавском населении Бессарабии и Новороссии» и об этнических (ассимиляционных) процессах «в среде молдавских изолятов» в Новороссии, в Правобережной Украине и в Новороссийском крае (с. 442). Более того, нет упоминания о порой синонимичном употреблении названия Новороссии как «Дикого поля», как «южнорусских степей» и т.д.

В отдельных случаях вольное обращение с источником ведёт к искажению исторической реальности. В Указе Сенату от 14 октября 1762 г., в частности, говорилось: «Так как в России много населённых и глухих местностей, и многие иностранцы просят разрешения поселиться в этих местностях, так даём Мы нашему Сенату разрешение...» (с. 645). Цитируя этот документо колонизационной политике Екатерины II, авторы поясняют, что целью этой политики было «освоение плодородных приграничных земель Юга Украины» (с. 645). Хотя Украины, как самостоятельной страны в конце XVIII века не существовало.

Несмотря на некоторые недоговорённости и редакционные шероховатости авторский коллектив, подготовивший талантливую книгу, всё же представляет себе Буджак исторически единым регионом, а его обитателей – носителями сходной региональной идентичности.

Согласно данным социологического опроса, проведённого специалистами Киевского международного института социологии и группы «Рейтинг», 58% жителей Одесской области выступают за полноправное вхождение Украины в Таможенный Союз, и лишь 25% отдают предпочтение евроинтеграции.

Не случайно соредатор книги о Буджаке Антон Киссе заявил по итогам гагаузского референдума в интервью одесской интернет-газете «Топор», что с внешнеполитическим выбором гагаузов придётся считаться «не только Молдове, но и административным и политическим элитам Евросоюза, особенно соседних государств», в т.ч. Румынии и Украины. Как подчеркнул парламентарий, факт проведения референдума в Гагаузии должен стать поводом для того, чтобы украинские политики задумались над этим вопросом и осознали, что настроения приграничной Гагаузии – это настроения и южной Бессарабии. «Я не вижу, чем, например, гагаузы Комрата отличаются от гагаузов Дмитровки или Червоноармейского Болградского района Одесщины. Один язык, одна культура, ментальность», — подчёркивает Антон Киссе [Владимир Букарский. Буджак – новый импульс для Новороссии. <http://http://eurasiainform.md/2887.html>].

Во второй половине XVIII в. Бриллиантом

на короне Императорской России засверкала Новороссия, включённая в состав страны усилиями Екатерины II и её выдающихся сподвижников П.А.Румянцева, М.И.Воронцова, графа П.А.Панина, князя Г.А.Потёмкина, фельдмаршала А.В.Суворова. В настоящее время территория Новороссии, и её жемчужина - Буджак - входит в состав Российской Федерации, Украины, Молдовы и непризнанной

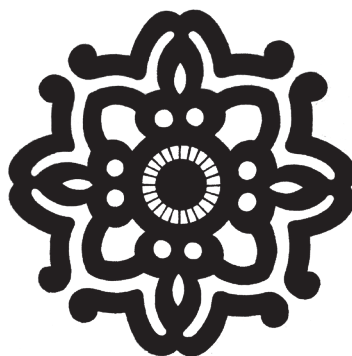
Приднестровской Молдавской Республики.

Книга о Буджаке и его народах, прочитанная с большим интересом и огромным удовольствием, вселяет уверенность в том, что многонародный и уникальный Буджак, благодаря своей красоте и богатству, самобытности и самодостаточности, останется жемчужиной, в состав какого бы государства он ни входил.

Литература

1. Гагаузы. Серия «Народы и культуры», М., 2011
2. Грек И.Ф., Руссев Н.Д. 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинёв, Stratumplus, 2011
3. Губогло М.Н. Ресурсы гагаузского нацистроительства // Траектории двадцатилетнего нацистроительства. Опыт Гагаузии. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. 20 лет АТО Гагаузии. Прошлое, Настоящее. Будущее. / «Роль и место Гагаузской автономии в современной Молдове». Главный ред П.М.Пашалы Комрат. 2015.
4. Губоглу Михаил. Турецкий источник 1740 о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964
5. Забытые страницы истории Южной Бессарабии (1856-1861 гг.). Кишинёв, 2012
6. Квилинкова Е.Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинёв, 2007
7. Кушко Андрей, Таки Виктор при участии Олега Грома. Бессарабия в составе Российской империи. 1812-1917. НПО (Серия Historia Rossica/ Украины Российской империи. М., 2012
8. Никогло Д.Е., Чимпоеш Л.С. О некоторых элементах этнической идентификации в гагаузской поэзии. <http://gagauzia.ugoz.com/forum/10-10-1>
9. Паламарчук С.В. Забытая земля: историческая область Бессарабии. Одесса, 2008
10. Пригарин А.А., Самаритаки Е.С., Станко В.Н. Материалы по греко-болгарским переселениям из Румынии в Северное Причерноморье 1801-1806 гг. // Българите в Северното Причерноморие: изследвания и материали. Том 9. Одесса, 2006, с. 209-224

Опубликовано: Вестник антропологии, 2015, №4, с. 5-25

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЧЕШКО С.В.

ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

*учебное пособие для студ. учреждений высш. образования
М. изд-во Академия, 2014, 240 с.*

Кафедра этнологии МГУ, давшая России не одно поколение первоклассных специалистов, всегда славилась профессорско-преподавательским корпусом. Вместе с учёными Института этнологии и антропологии РАН, она внёсла значительный вклад в развитие науки о народах нашей страны и мира. Мне, как выпускнику этой кафедры образца далёкого 1963 года, конечно, трудно судить, каким должен быть современный базовый учебник по этнологии вместе с ассоциированными с ним тематически ориентированными учебными пособиями, представляющими в совокупности итоги научных исследований и преподавательских практик в деле освоения и осмысления истории, системы жизнеобеспечения, опыта и культуры человечества. Однако я уверен, что новое учебное пособие С.В. Чешко «Этнология и социальная практика», совмещающее в себе итоги научных исследований автора и систематическое изложение и истолкование этнографических портретов многих народов мира, в 20 главах, отвечает высоким требованиям преподавательской деятельности на кафедре этнологии, подобно знаменитым лекциям Василия Осиповича

Ключевского на истфаке МГУ.

Высокий уровень образования, получаемый воспитанниками знаменитой кафедры этнологии, обеспечивается, во-первых, лекциями и семинарскими занятиями под руководством учёных, имеющих мировое признание, во-вторых, высоким уровнем периодически обновляемых учебников и учебных пособий, в которых сочетается как глубина осмысления, так и доступность постижения излагаемого материала, в-третьих, атмосферой воспитания глубокой мотивации студентов и аспирантов, ступивших, благодаря кафедре, на стезю этнологии и социальной антропологии.

В течение ряда лет мне довелось вместе с С.В.Чешко принимать вступительные экзамены в аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН. Меня сегодня удивляет, как, обладая безмерной эрудицией, С.В.Чешко сумел вместить как в китайские колодки, богатейшую информацию в краткое российское учебное пособие.

В этом ему вспомоществовали, во-первых, стратегия экономного изложения материала двух важнейших разделов этнологии – тео-

ретики-методологической и информационно-познавательной – «в одном флаконе», во-вторых, его умение и способность мыслить конкретно и системно, что сказалось на качестве учебного пособия. Экономный подход позволил без потерь оптимально изложить трудоёмкий материал, успешно пройти между Сциллой многословия и Харибдой обидных недоговорённостей из-за ограниченных размеров «социального заказа» (объёма учебного пособия).

В первом разделе, в котором мне видятся 6 глав из 20, изложены принципиальные теоретико-методологические основы этнологии и социальной антропологии.

Среди фундаментальных трудов советских этнографов и антропологов видное место занимает учебное пособие профессора С.А.Токарева «Этнография народов СССР» (М., 1958, 616 с.). Книга была написана по материалам многолетней исследовательской работы и на основе курса лекций, читаемых автором с 1939 г. для студентов и аспирантов кафедры этнографии исторического факультета МГУ. Шёл 1958-й год, время ранней хрущёвской оттепели. Книга С.А.Токарева, как энциклопедическое издание по «историческим основам быта и культуры» (таков был её поясняющий подзаголовок), послужила настольной «дорожной картой» для многих выпускников кафедры этнографии МГУ.

Учебное пособие известного российского этнолога С.В.Чешко «Этнология и социальная антропология» подобно мосту над бездной, соединило через 56 лет берега вершинных достижений советской и постсоветской этнологической науки.

Между этими двумя фолиантами, как связующей нитью прошлого и настоящего, можно назвать двухтомное учебное пособие «Народоведение», созданное авторитетным авторским коллективом под руководством преемника С.А.Токарева по заведыванию кафедрой, профессора В.В.Пименова, одного из активных сторонников привнесения в 1960-1970-е годы «его Величества Числа» в методику этностатистических этнографических исследований.

Книга С.А.Токарева, сочетавшая в себе в те 1960-1970-е годы лирику (иллюстрации и

ментифакты) и физику (аналитическое описание артефактов), имела чёткое функциональное предназначение: представить общественности истоки происхождения народов СССР и итоги преобразования их культуры и быта, что имело огромное теоретическое, политическое и практическое значение, в том числе в обосновании исторической справедливости в деле сохранения жизнеспособности и самобытности народов России по сравнению с исчезновением с лица земли некоторых народов на других континентах планеты.

Преклоняясь перед памятью С.А.Токарева, перед его фантастической эрудицией и личным обаянием, не могу себе отказать сказать несколько слов о книге, по которой сначала сдавал, а потом и принимал экзамены у студентов и аспирантов по основам общей этнографии народов СССР. Учебное пособие С.А.Токарева представляло собой первое систематическое обзорное издание о народах СССР в масштабах всего Советского Союза. Так сложилось в науке, что к середине XX века в стране не было ни классического учебника, ни учебных пособий по причине того, что были слабо разработаны теоретические и практические вопросы исследовательских практик и стратегий в слабо обозримой предметной области.

В отличие от учебного пособия С.А.Токарева, в котором подводились итоги развития этнографии, за истекшие несколько веков, перед учебным пособием С.В.Чешко стояла неизмеримо более сложная задача: подвести итоги преобразований за постсоветский период, а также представить панораму значительных концептуальных обновлений и состояния предметной области этнографии, переименованной в этнологию. Смысл предлагаемой рецензии видится в изображении и в объяснении того, как С.В.Чешко успешно справился с этой задачей.

Профессора кафедры этнографии МГУ иногда в соавторстве с учёными Института этнологии и антропологии РАН создали серию интересных учебников и учебных пособий, отражающих основы жизнедеятельности народов и трансформационные процессы. Так, например, в учебнике «Этнография» (М., 1982, 320 с.) под редакцией Ю.В.Бромля и

Г.Е.Маркова была дана краткая характеристика этнического своеобразия народов мира на различных этапах мировой истории: в древности, в средневековье, в новое время и по состоянию на рубеже 1970-1980-х годов. Изложение приведено в региональном аспекте. Специальный раздел посвящён проблемам и фрагментам этнической истории народов СССР.

В учебнике «Этнология» под редакцией Г.Е.Маркова и В.В.Пименова (М., 1994) было обращено внимание на первые шаги постсоветской истории. Популярностью пользовались в своё время учебные пособия преподавателей кафедры в том числе: Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры (в первобытном и раннеклассовом обществе – учебное пособие (М., 1979); Основы этнологии – учебное пособие под редакцией В.В.Пименова (М., 2007); Казьмина О.Е., Пучков П.И. Религиозные организации современного мира – учебное пособие (М., 2010).

Оценивая достижения советских этнографов 1960-1970-х гг. С.В.Чешко делает вывод о том, что главным в советской теории этноса является «признание народов-этносов в качестве самостоятельных субъектов исторического развития и социального бытия» (с. 7).

Это признание имеет фундаментальное значение, так как позволяет выделить два направления в освоении истории человечества, особенно с момента появления наряду с сообществами народов-этносов и государственных образований. С.В.Чешко ставит точку над *i*, когда утверждает, что «невозможно отрицать объективность существования этнических общностей разных типов и таксономических уровней, которые можно объединить общим, родовым понятием – этнос (с. 8).

Вспоминается, как более 40 лет тому назад видный советский археолог и историк, академик Б.А.Рыбаков на пленарном заседании Всесоюзного археологического, этнографического совещания по итогам полевых исследований (1973 г., г. Ташкент) предупредил этнографов и будущего академика РАН Ю.В.Бромлея в том, что «предметная область этнографии напоминает льдину, тающую под горячими лучами весеннего солнца». Этому,

увы, фатальному, в чём-то недружелюбному прогнозу, прозвучавшему тогда как приговор профессии этнографов, не суждено было сбыться. Успехи отечественной этнографии и её законной наследницы – этнологии и социальной антропологии в убедительной форме отражённые в учебном пособии С.В.Чешко, похожем одновременно и на курс лекций, и на итоги исследовательской работы, в полной мере убеждают в несостоятельности пессимистического предсказания маститого учёного.

Предметная область этнологических исследований, как основательно показано в рецензируемой книге, не «таяли под лучами солнца», а, напротив, расширялась, благодаря не затухающему интересу общественности к соединению двух потоков исследовательских проектов – к этнологическому изучению групп людей и антропологическому + постижению повседневной жизни индивида. Именно на пересечении коллективистских и личностных мотивов, интересов и практик в лоне этнологии сохранили свои позиции и способствовали расширению предметной области этнологии – диффузионизм и фрейдизм, функционализм и французская социологическая школа, историческое и психологическое направление (с. 41-54).

Во второй половине XX – начале XXI вв. возникла тенденция реабилитации отечественного эволюционизма, что привело к утверждению неозволюционизма (с. 54). Из функционализма выросли британский и французский структурализм, представленные соответственно сочинениями Эванса Причарда и Леви-Стросса (с. 54-56).

Подчёркивая высокую значимость достижений советского этнографического знания во второй половине XX века (1950-1980-е годы) и, объясняя это наряду с другими факторами «либерализацией политического режима после смерти Сталина и XX съезда КПСС (с. 56), С.В.Чешко находит удачный, на мой взгляд, показатель (определитель) предметной деятельности этнографов и оправданно даёт ему оригинальное название «этносология» (с. 57-61). Думаю, что термин обречен на общественное признание.

Перспективы дальнейшего развития

этого научного направления, вероятно, будут в немалой мере взаимозависимы с развитием пограничных научных дисциплин – этносоциологии, этнополитологии, этноэкологии, этнодемографии, этногеографии, этномедицины и ряда других (с. 8-9).

Антропологизация этнологии, как сподвижницы исторического знания, вероятно, будет пополняться обострённым вниманием к человеку, воспринимающему, отражающему и воспроизводящему этнокультурное наследие своего народа – этнофору (В.В.Пименов), этноличности (И.С.Кон, Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробижева), этноинтересанту (М.Н.Губогло).

Ядром этнологии послужили некоторые идеи С.М.Широкогорова, отражённые в его книге «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» (Шанхай, 1923), частично воспринятые Ю.В.Бромлеем и Л.Н.Гумилёвым. Будучи вдумчивым и въедливым исследователем, С.В.Чешко, следуя принципу справедливости, отмечает, что концепции этноса, основоположником которой является Ю.В.Бромлей, «предшествовали теоретические заходы по отдельным проблемам Чебоксарова, Кушнера, Токарева, Арутюнова и других учёных» (с. 58).

Не вдаваясь в острую полемику, развернувшуюся между сторонниками теории этноса – Ю.В.Бромлеем и Л.Н.Гумилёвым, С.В.Чешко считает своим долгом серьёзно отнестись к теории этногенеза, в которой чрезвычайно важная роль принадлежит «пассионариям, по той причине, что «пассионарность имеет энергетическую природу: пассионарии либо поглощают больше энергии, чем другие индивиды, либо умеют направить её на определённые цели...» (с. 60). И хотя, по заключению С.В.Чешко, обе концепции и Ю.В.Бромлея, и Л.Н.Гумилёва «не пользуются популярностью в среде профессиональных этнологов», обе они занимают достойное место в истории науки и в расширении границ её предметной области.

Каждая из них в той или иной мере затрагивалась в ряде публикаций в трудах постсоветских исследователей. Более того, их отзвуки, рефлексии и сполохи нашли отраже-

ние ещё в двух подходах к разработке теории этноса, а, следовательно, в определении границ предметной области этнологии. Ассоциированными с теорией этноса подходами можно назвать, как это предлагает С.В.Чешко, информационную концепцию С.А.Арутюнова и Н.Н.Чебоксарова, а также компонентную теорию В.В.Пименова с её «изюминкой» - «Его Величеством Числом» и уже упомянутым выше «этнофором».

На закате XX и на заре XXI веков развернулось нешуточное противоборство идей в понимании объекта и предмета, сути и содержания этноса и этнических проявлений, что нашло выражение в противостоянии двух конкурирующих научных направлений - примордиализма и конструктивизма. В постсоветских условиях либерализации публикаторской деятельности, когда объявилось несметное количество адептов и той, и другой концепции, трудно было бы расставить по полочкам сторонников примордиализма и конструктивизма. Никто не взялся за чёткое проведение границ между теми и другими. Тем более что для представителей каждого направления характерны взаимные пересечения границ, явления интерференции, взаимодействия и взаимопроникновения, что привело к гибридизации и появлению инструментализма. И, осознанно обуздав свою эрудицию, С.В.Чешко, ограничивает собственную задачу краткими дефинициями сути примордиализма и конструктивизма, которые по мере определения и уточнения своих позиций, идут навстречу друг другу.

Примордиализм, согласно С.В.Чешко, «утверждает объективность существования этнических общностей, возникших в весьма отдалённые времена в результате расширения кровнородственных связей в древних общинах» (с. 62). Смысл конструктивистской концепции заключается в том, что этнические общности – «это полностью или в значительной степени искусственные образования, созданные этническими элитами для достижения тех или иных политических и экономических целей посредством этнической мобилизации «соплеменников» (с. 62).

В критике советской теории этноса, а вместе с ней и примордиализма, как исконно

заданных, изначальных свойств и признаков той или иной этнической общности, стимулирующую роль сыграла нашумевшая книга выдающегося этнолога и этнополитолога, академика В.А.Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии» (М., 2003). В ней автор подверг пересмотру теорию этноса и её политические воздействия. Однако многие читатели, особенно из среды этнических мобилизаторов, восприняли «реквием по этносу» не как критику теоретических основ примордиализма, а как отрицание объективного существования этноса как исторической реальности. С.В.Чешко не ставил в учебном пособии перед собой задачу выявления итогов критики советской теории этноса, под воздействием трудов академика В.А.Тишкова. В какой-то мере об этом сказал сам В.А.Тишков в одной из своих последующих книг, подводя итоги жизненности и востребованности советской теории этноса.

Труды академика Ю.В.Бромлея и его оппонента Л.Н.Гумилёва, - писал В.А.Тишков, «остаются востребованными, а их понятийно-терминологический язык уже вышел за пределы академических текстов и стал частью словаря даже лидеров нашего государства и некоторых других постсоветских государств» (В.А.Тишков. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., наука, 2013, с. 32).

Заключая серию из 5 первых глав в начальном разделе учебного пособия о преобразованиях и достижениях отечественной этнологии, С.В.Чешко сделал неутешительный вывод о том, что «В 1990-е годы быть уличённым в приверженности примордиализму означало примерно то же, что в советское время быть обвинённым в антиисторизме и идеализме. В последнее время публикации отечественных этнологов и дискуссии по теоретическим проблемам стали редкостью» (с. 62). Да, это действительно так. И не совсем так. В большинстве почти 30 томов, увидевших свет по плану крупномасштабного проекта «Народы и культуры» (главные редакторы – В.А.Тишков и С.В.Чешко) вопросы этногенеза народов, фрагменты их политических историй, характеристика системы

жизнеобеспечения, элементов материальной и духовной культуры освещаются с использованием традиционных подходов, присущих скорее примордиализму, чем абстрактному конструктивизму.

Сошлюсь на авторитет известного не только в России, но и далеко за её пределами, этнолога и социального антрополога, члена-корреспондента РАН, С.А.Арутюнова, высоко оценившего в трудах В.А.Тишкова полемику по поводу различных подходов к формированию и существованию этничности, в том числе примордиалистского, инструменталистского и конструктивистского. «Надо признать, - писал он в своей монографии «Силуэты этничности на цивилизационном фоне» (М., 2012), - что некоторые этносы действительно были в значительной мере сконструированы усилиями местной интеллектуальной верхушки и политиков, формировавшихся, хотя бы отчасти, под внешним цивилизационным влиянием» (Арутюнов С.А., 2012, с. 62). Однако прямой конструктивизм, - по убеждению С.А.Арутюнова, - довольно редкое и очень новое явление. Большинство этносов появилось на свет без каких-либо конструкторских усилий, в результате более или менее стохастических процессов» (там же, с. 62-63).

Важное место в восприятии и освоении этнического портрета народов имеет последовательный историзм, как профессиональное кредо С.В.Чешко, при знакомстве с каждым из них. Не случайно, вопреки сложившейся в отечественной науке традиции начинать изучение человечества с истории народов Австралии и Океании, С.В.Чешко предпочитает стартовать с изложения этнографии народов и континентов с Африки, так как «именно Африка, - по его словам, - была прародиной человечества» (с. 70).

Последовательность изложения истории и этнографии народов мира в учебных пособиях для школьников 9-11 классов под редакцией В.В.Пименова (2002) и для студентов высших учебных заведений, автор С.В.Чешко (2104)

<p>Народоведение под ред. проф. В.В.Пименова. Книга 1. Народы дальнего зарубежья, М., 2002, 264 с. Книга 2. Народы России и сопредельных стран, М., 2002, 352 с.</p>	<p>С.В.Чешко. этнология и социальная антропология, М., 2014, 233 с.</p>
<p>Книга 1.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Австралия: аборигены и англоавстралийцы 2. Островной мир Меланезии 3. Мореплаватели солнечного восхода 4. Народы и культуры Северной Африки 5. Жители африканского юга 6. Африка южнее Сахары 7. В краю оазисов и пустынь (народы Передней Азии) 8. Индия и её соседи 9. Народы Центральной и Восточной Азии 10. Страны южных морей (Юго-Восточная Азия) 11. Единая и многоликая Северная Америка 12. Латинская Америка и Карибский бассейн: этносы, общества, государства 13. Народы Западной, Северной, Центральной и Южной Европы 14. Западные и южные славяне <p>Книга 2.</p> <p>Учебное пособие (книга 2) «Народы России и сопредельных стран» состоит из 11 глав, в том числе в главах 1-10 излагаются материалы по этнографии русских и других народов бывшего СССР.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Народы Африки 2. Народы Австралии и Океании 3. Народы Юго-Восточной Азии 4. Народы Южной Азии 5. Народы Восточной и Центральной Азии 6. Народы Юго-Западной Азии 7. Народы Средней Азии и Казахстана 8. Народы Кавказа 9. Народы Сибири и Дальнего Востока 10. Народы Америки: общие сведения 11. Народы Америки: традиционная культура 12. Народы Зарубежной Европы 13. Восточнославянские народы 14. Народы Европейской части России

Наряду с логически выверенным историческим подходом к изложению, а, в известной мере, и познанию народов, важное значение имеет классификация народов мира. Учебники и учебные пособия не могут быть полноценными без изложения материалов о народах в виде сгруппированных и систематизированных сведений. С.В.Чешко счёл логичным выделить проблематику классификаций, применяемых в этнологии, в отдельную 2-ю главу и сделать её одной из заповедных, тем самым дистанцировал её от непосредственного изложения этнографии о конкретных народах мира в 4-х промежуточных главах, в которых представил материал о предыстории и становлении этнологической науки, в том числе о её развитии с конца XIX до начала XXI вв. (с. 32-64).

Лично мне представляется, что главу о классификациях (географической, антропологической, языковой, религиозной, хозяйственно-культурных типов, историко-формационной) логичнее было бы поместить непосредственно перед изложением материала по этнографии конкретных народов, стран, континентов. Однако, в данном случае, композиция учебного пособия – дело вкуса.

Народы целых регионов по географическому территориальному признаку характеризуются в книге С.В.Чешко по сравнительно сходному сценарию:

- Этническая и политическая история
- Этнолого-антропологические характеристики
 - Языки
 - Религиозная ситуация
 - Системы жизнеобеспечения (хозяйство, ремёсла, жилища, транспорт, пища, одежда)
- Социальные отношения
- Духовная культура
- Народное творчество и профессиональное искусство.

Некоторые мелкие вопросы, которые я не успел задать С.В.Чешко в ходе обсуждения («по всей строгости академического закона») рукописи его новой книги на заседании Учёного Совета Института этнологии и антропологии РАН, никоим образом не влияют на высокую оценку его оригинального, новатор-

ского произведения. В ряду таких мелкозернистых придинок я, следуя принципиальным устоям С.В.Чешко, в частности, просил бы объяснить, по каким таким критериям в таблице 7 (с. 188) среди «народов зарубежной Европы» упомянуты баски численностью в 2.4 млн человек и отказано в упоминании валенсийцам и каталонцам, численность которых, кстати, по не вполне точным данным достигает едва ли не 7.5 млн человек?

Отсутствие каталонцев в таблице тем более досадно, что на протяжении 2014 года Европа, затаив дыхание, ожидала референдум в Каталонии, вместо которого был проведён опрос, в ходе которого более 80% из двух миллионов избирателей проголосовали за независимость Каталонии от Испании. Что же касается Валенсии, то по данным департамента образования автономного сообщества Валенсии, с середины 1980 г. численность валенсийцев, владеющих валенсийским языком, увеличилась в 5 раз [news.flagus.ru/?topic=4326].

Хотя С.В.Чешко не наделяет особым вниманием пограничные дисциплины и пути развития междисциплинарных научных направлений, но в ряде случаев упоминает о питательной среде, в которой вырастали новые направления: например, появление неофрейдизма на основе учений Фрейда о бессознательном, теории культуры и личности на почве идей Фрейда (с. 45-46), формирование функционализма и структурализма на основе французской социологической школы Эмиля Дюркгейма (с. 47), историческая школа, давшая сильный толчок американской антропологии (с. 49).

К этому можно было бы добавить тенденцию к гибридизации и междисциплинарности, что нашло отражение в многообразии учебников и учебных пособий, посвящённых основам этнодемографии (Казьмина О.Е., Пучков П.И.), этносоциологии (Арутюнян Ю.В. и др.), этнической географии (Иванов К.П.), этнической психологии (Платонов Ю.П., Стефаненко Т.Г.), исторической этнологии (Лурье С.В.), исторической антропологии (Алексеев В.П., Кром М.М., 2000), этнополитической конфликтологии (Аклавев А.Р., 2005), политической антропологии (Крадин

Н.Н., 2001), этнополитологии (Тишков В.А., Шаббаев Ю.П., 2011; Ачкасов В.А., 2005; Кирдяшов В.Ф., 2003; Тураев В.А., 2004; Абдулатипов Р.Г., 2004).

К числу не зависящих от С.В.Чешко «недоговорённостей» из-за ограниченного объёма учебного пособия относится упоминание о «пашенных скифах», идентичность которых до сих пор вызывает споры (с. 196). К прежним дискуссиям: «славяне или не-славяне», в постсоветский период широко развернулась борьба за их языковую принадлежность: иранскую или тюркскую.

Иногда встречаются редакционные шероховатости, неуместные для учебного пособия, редактирование которого требует особой тщательности. Так, например, случается, когда лингвистическая и языковая классификации преподносятся синонимически (с. 186), хотя первая относится к научной сфере языкознания, а вторая к сфере реальной языковой жизни.

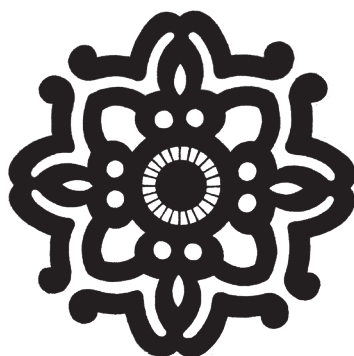
Завершая университетский курс, выпускники задумываются о роли этнологии в общественном развитии и о практической востребованности своей профессии. Эти настроения хорошо известны автору учебного пособия С.В.Чешко – исследователю, преподавателю и воспитателю. И, оберегая предметную область этнологии, а вместе с тем и

профессиональную специализацию студентов от чрезмерного расширения, или, напротив, неоправданного сокращения, С.В.Чешко завершает учебное пособие напутствием мэтра в том, что в современных условиях «прикладное значение этнологии существенно увеличилось, неизмеримо расширилась сфера использования этнологических знаний» (с. 219).

Вместе с автором согласимся с тем, что «этнология – с присущей ей спецификой – представляет собой один из инструментов самопознания человечества», при том, что «потребность в познании – это то, что отличает человечество от прочей живой природы» (с. 220).

В отличие от профессорско-преподавательского коллектива, авторов солидного двухтомного «Народоведения» (М., 2012), завершающего учебное пособие напоминанием «Чему учит народоведение (этнология)» (т.2, с. 242), сотрудник ИЭА РАН - С.В.Чешко указывает, кому и зачем она (этнология) нужна и в каких сферах жизнедеятельности она востребована (с. 221-224). Понятное дело: в первом случае профессора кафедры этнологии МГУ озабочены обучением студентов, во втором случае авторитетный учёный, работающий в системе РАН, даёт будущим коллегам путёвку в жизнь в виде «дорожной карты».

Впервые опубликовано в : «Вестник антропологии», М. 2015, №1 (29).с. 163-170; См.: также: Международная научно-практическая конференция. 24 годовщина образования Комратского государственного университета. «Наука, образование, культура», Том2 Под общей редакцией Л.В.Федотовой. Комрат, 2015, с. 252-259.

СОВЕТСКОСТЬ: МЕЧТА О ПРОЦВЕТАНИИ И / ИЛИ АГОНИЯ САМОРАЗРУШЕНИЯ?¹

Индикаторы, маркеры, показатели советскости варьировали в широком диапазоне между мечтой о процветании и прогрессе и агонией саморазрушения: между гордостью за первый полёт советского человека в космос и трагедией Чернобыля, когда вместо благих намерений получили катастрофу евразийского масштаба.

Статья подготовлена в связи с размышлениями о сочетании советскости и этничности в судьбе малочисленных народов Севера. Стимулирующим поводом послужила публикация дневников, отчётов и докладных записок о полевых исследованиях известного советского этнографа З.П.Соколовой об их хозяйственно-экономической жизни и этнокультурной повседневности.

Indicators, markers, indices of Sovietness varied in a wide range between the dream of prosperity and progress and the agony of self-destruction: between pride for the first flight of a Soviet man into space and the tragedy of Chernobyl, when instead of good intentions a catastrophe of Eurasian scale was received.

The article is prepared in connection with reflections on the combination of Sovietness and ethnicity in the destiny of the small peoples of the North. A stimulating reason was the publication of diaries, reports and memorandums on field research of the famous Soviet ethnographer Z.P.Sokolova about their economic and ethnocultural everyday life.

Величие отечественной этнографии, как и классической художественной литературы, состоит в том, что обе, в отличие от других отраслей и форм гуманитарного знания, отчётливо осознавали свои цели и задачи: изучать народ и народы, будучи в гуще народа и вместе с народом. Я не ошибусь, если смею предположить, что многие мои коллеги, особенно выпускники кафедры этнографии МГУ, в своё время были мотивированы романтической карьерой этнографа-профессионала пристрастием к произведениям Гоголя и Пушкина, Лескова и Толстого, Горького и Бунина.

В первые послевоенные годы, в начале второй половины XX века, когда ещё не были на слуху понятия этничности и советскости, этнографы вместе с филологами, искусствоведами и представителями других отраслей человековедения, изучали народы многоэтнической страны в рамках идеологизированного континуума «национальное – интернациональное» в быту, повседневной жизни, в литературе и искусстве, в архитектуре и театре. При этом этнографам принадлежала приоритетная роль по созданию выпуклого и правдивого образа советской действительности без заказанного властями приукрашивания во всех аспектах повседневной жизни: в материальной и духовной культуре, в динамике численности населения, в психологическом восприятии времени, причинности и пространства.

Интернационализм, как важная часть идеологической доктрины советскости, выводил за пределы предметной области большинства гуманитарных дисциплин человека и его частную жизнь. Коллективизм, общественные интересы выступали на передний план, оттесняя человека, вещи и вещной мир повседневной жизни. В общем русле гуманитарного знания исключение составляли этнографы. Они сохранили в соответствии с традициями отечественной науки интерес к «этнографизмам», т.е. к соотношению, точнее к несоответствию советской мифологии о будущем процветании и советской реальности. Обиходные явления и вещи, векторы жизненного уклада, зафиксированные в полевых наблюдениях этнографов, отразили многие аспекты истории советского общества, динамику человеческих интенций, личностных предпочтений

и творческих возможностей, судьбу человека от рождения до ухода в мир иной.

Не случайно известная исследовательница этнической и этнокультурной панорамы целого ряда регионов по ту сторону Уральских гор, Зоя Петровна Соколова свой объёмистый фолиант, исполненный на грани этнографии, мемуарной литературы, беллетристики и увлекательной антропологии путешествий, назвала коротко, ёмко и предельно ясно: «Этнограф в поле» (Москва, Наука, 2016, 942 с.). О неразрывной связи «этнографического поля» и «поля литературного» неоднократно упоминал недавно ушедший из жизни, заведующий кафедрой этнологии МГУ Владимир Владимирович Пименов в автобиографической книге с типологически сходным названием и ряд других исследователей [Пименов, 2015; Губогло, 2013].

Несмотря на приливы и отливы, накатывающие и откатывающие постмодернизма и других новомодных течений, бесценный опыт отечественных этнографов-полевиков остаётся востребованным во многих регионах России и в бывших союзных республиках Советского Союза. Примером продуктивного освоения «этнографии поля» может, в частности, служить собирательская деятельность молдавской исследовательницы Е.Н.Квилинковой.

Книга З.П.Соколовой, вызвавшая мои размышления о советскости составлена из полевых материалов, дневниковых записей, которые она вела систематически на протяжении более трёх десятилетий (1956-1989 гг.), научных отчётов, а также из отчётов и Докладных записок, представленных ею в директивные органы и заинтересованные ведомства. Каждый раздел источниковой базы заслуживает отдельного разговора, однако все материалы совокупно взятые, воссоздают (фактами и образами) «этнографию советскости» на примере ряда малочисленных народов Сибири, втянутых в XX веке в процессы модернизации. В отличие от ряда трудов по «антропологии советскости», созданных в последние годы коллегами-философами, в этнографической литературе «советскость» воспринимается синонимично с «советской идентичностью», за которую в свою очередь принимается «макросоциальная надэтническая идентич-

ность».

Методологически постижение советскости вполне согласуется с идеей Маркса и Энгельса, высказанной в «Немецкой идеологии» в связи с истолкованием понятия «образ жизни». В предложенной ими формуле образ жизни – «это определённый способ деятельности данных индивидов, определённый вид их жизнедеятельности» [Маркс и Энгельс, т.3, 19].

Включение этничности в этимологию и в смысловой состав советскости открывает перспективы для понимания роли конструирования советского народа, как основы российской нации постсоветского времени, а также для понимания взаимосвязи конструктивизма и примордиализма.

З.П.Соколова не акцентирует внимание на академическом анализе с целью разработки концепции и теории советскости. Однако собранные ею материалы, в известной мере являющие пример «насыщенного описания культуры» (Клиффорд Гирц) представляют собой фундаментальную источниковую базу для освещения и осмысления советскости как базовой характеристики социалистического строя и советского образа жизни в полиэтничной стране со сложным религиозным и социальным составом населения.

Несомненная ценность материалов, особенно дневниковых записей в том, что они сегодня позволяют ретроспективно раскрывать механизмы и стратегию становления советскости со всеми позитивными и негативными трендами, в интраэтническом, интерэтническом и экстраэтническом аспектах.

В книге З.П.Соколовой, созданной на основе полевого научного архива, собраны уникальные материалы о хозяйстве, об этничности, в том числе об этнографических особенностях хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры, в системе жизнеобеспечения и самоутверждения, в религиозной обрядности и нравственном поведении хантов и манси, лесных ненцев, селькупов и эвенков, заметки об их повседневной жизни. Часть этих материалов была опубликована ею на страницах свыше 15 книг и 300 статей, отражена в серии докладных записок, представленных в директивные партийные и

советские органы с аргументированными рекомендациями по оптимизации социально-экономического и культурного развития народов, этнографическому изучению которых З.П.Соколова посвятила многие годы своей жизни.

В исследовании этнографии советскости особую ценность для современного читателя представляют не только умозрительные философские размышления, но и конкретные свидетельства о вещах и символах, буднях и праздниках советского времени, фотодокументы и литературные зарисовки, картинки межличностных контактов, записи о чувствах коллективизма и патриотизма, о национальной и этнической гордости и самоуважении людей с различной социокультурной судьбой. «Тройной одеколон» и гранёный стакан, авоська и кирзовые сапоги, банка сгущёнки и плавленный сырок «Дружба», колхозные трудодни и пионерский костёр, губительное укрупнение хозяйств и конфеты «Мишка косолапый» - эти и многие другие понятия и вещи, ещё недавно такие естественные и привычные артефакты и ментифакты советского образа жизни и советскости остались в прошлом, но не пропали бесследно, попав на страницы дневниковых записей талантливых этнографов-полевиков и аналитиков.

Универсальным брендом советскости, главной государственной эмблемой были серп и молот, изображённые на гербе, который использовался в качестве грифа на деловых бумагах государственного ранга, на флаге, на государственной печати. «Но не орёл, не лев, не львица собой украсили наш герб, - чеканил парадные стихи С.Я.Маршак, - А золотой веночек пшеницы, могучий молот, острый серп». Однако наряду с этими пафосными словами были совсем другие, «самодельные» стихи про серп и молот, залитые кровью крестьянства и рабочего класса, а также неприличные частушки, за которые можно было расстаться со свободой, а то и с жизнью» [Сделано в СССР, 2013, 7].

Наряду с гербом, с его выразительным серпом и молотом, «эталоном социалистического реализма», т.е. художественным брендом советскости, была скульптура «Рабочий и колхозница», созданная талантливой Верой

Игнатъевной Мухиной. По мнению членов правительственной комиссии, возглавляемой В.М.Молотовым, в скульптуре удалось выразить суть советскости, - «уверенного, но не законченного движения», что означало: «мы добились многого, но впереди ещё много важных дел». Между тем сама В.И.Мухина, по свидетельству её родных, считала «Рабочего и колхозницу» символом подвига труда, что имело по её мнению ценность при любом общественном строе» [Сделано в СССР, 2013, 197, 199].

Многое из репертуара советскости (вещного и поведенческого) сохранилось до сих пор. З.П.Соколова вправе гордиться, что с её лёгкой руки старинные термины Югра и Югория, как называли в XII-XV веках пространства Тюменского Севера, оказались реанимированными и вновь вошли в жизнь и постоянно присутствуют в названии округа, в названии энциклопедии, а также в названиях банков, различных неправительственных организаций (с. 907). Вряд ли дневниковые записи могут быть интересными, если исследователь-этнограф не влюблён в свою профессию и не оплачивает свой профессиональный и гражданский долг искренней заботой об улучшении жизни изучаемых им народов. Об этом - чуть ниже.

Как бы современные модернисты не относились к романтизму, считая его показателем, признаком или маркёром консерватизма, всё же нельзя не признать, что сотни и тысячи статистических таблиц и страниц дневниковых записей были бы трудно усвояемыми без традиционных лирических отступлений. Они придают дополнительную подсветку советскости, в которой любовь к изучаемым народам, их культурам, как историческому достоянию отечества и родной страны, выступает немаловажным показателем ментальности советских людей. Поэтому каждому из этнографов, как исповедально, метафорично пишет З.П.Соколова, могут быть «так памятны и первое цветение багульника, душистым ковром покрывающие землю, и буйство весенних купав и незабудок по берегам речек, питающих многоводную Обь, и аромат черёмухи, плывущий над рекой, и золотые звёздочки морозики на кочках, и белые ночи, и

солнце, стоящее почти в зените, и тучи комаров, беспрестанно пикирующих на всё живое...» (с. 908).

После такого признания в любви, нельзя не поверить, что «за время частых экспедиций в Западную Сибирь мне (З.П.Соколовой – М.Г.) стал родным этот край лесов, озёр, полноводных рек, где живут приветливые и интересные люди» [Соколова, 2016, 908].

Докладные записки этнографов – служение отечеству

Важным аспектом «опредмеченных результатов деятельности» (Э.С.Маркарян) советских этнографов было соучастие в создании образа и в раскрытии смысла советскости, как совокупного показателя советского образа жизни и одновременно социокультурной, надэтнической советской идентичности. Одним из механизмов этого «соучастия» были докладные записки о состоянии и преобразованиях в хозяйстве, социально-профессиональной структуре, динамике уровня образования, производства, тиражировании и потреблении культурных ценностей, о расселении и динамике быта и численности населения, создания и разрушения колхозного строя, ликвидации промысловых хозяйств.

Официально декларируемая проэтнически ориентированная политика Советского государства [Губогло, 1995] не обеспечивала в должной мере сохранение традиционных культур, изучение, знание и употребление языка своей национальности. И, хотя не было прямой директивы или твёрдой установки на прямолинейно-лобовую ассимиляцию малочисленных народов, их ассимиляция имела место результатом. Прикладные этнологические и этносоциологические исследования в большей мере, чем другие отрасли гуманитарного знания, «снабжали» руководство страны правдивыми эмпирическими данными о состоянии этнокультурных, социально-экономических, этноязыковых и этнопсихологических ситуациях в регионах страны, среди различных групп населения. Механизмом информирования директивных органов, хотя и не в полной мере учтённым и востребованным, служили докладные записки

«для служебного пользования», основанные на включённом наблюдении этнографов «в поле», беседах с информаторами, основательной проработке малодоступной официальной статистики и текущей периодики.

Подготовленный материал обсуждался в кругу авторитетных специалистов, апробировался на заседании партийного бюро и за подписью директора Института этнографии АН СССР отправлялся в Отделение общественных наук Президиума АН СССР и далее – в ЦК КПСС, или в другие государственные органы.

Среди зарубежных коллег, а порой и среди скрытно настроенных оппозиционных советских коллег, существовало предубеждение и неприятие чрезмерной насыщенности некоторых этнографических текстов, публикуемых в открытой печати, цитатами из директивных партийных документов или речей и выступлений секретарей ЦК КПСС. Между тем значительное количество ссылок на партийные документы, порой оказывались самоцитированием текстов, докладных записок, подготовленных этнографами о неблагоприятных ситуациях, возникающих на местах в ходе социально-экономических преобразований: отдельная строка, оригинальная мысль или конкретная рекомендация этнографа-полевика или этносоциолога-прикладника, попавшая в текст партийного или административного документа, служила признанием личной значимости специалиста, показателем вклада этнографии в дело государственного строительства, в дело сбережения и развития национальных культур. «Не зря хлеб едим» - тешили себя авторы докладных записок, обнаружив свои мысли, слова или идеи в партийном документе или в текстах выступлений партийных лидеров².

Разработанные этнографами идеи подхватывала идеологическая служба страны. Так, например, предлагаемая мной идея «надэтнической общности», хотя и была использована при индоктринации «советского народа, как новой исторической общности», тем не менее не нашла себе место в этнополитическом терминологическом вокабуляре [Губогло, 1972]. А сегодня в некоторых новейших кандидатских и докторских диссертациях по филосо-

фии преподносится как неведомая в прежние времена концепция.

Позволю себе напомнить о знаменательной статье «Метаэтнические общности» сотрудников Института этнографии АН СССР - выдающихся советских этнографов – этнодемографа Соломона Ильича Брука и этноантрополога Николая Николаевича Чебоксарова, посвящённой поискам программных концептуальных ориентиров для специальных исследований с целью классификации и разграничению метаэтнических, в том числе межэтнических, суперэтнических, надэтнических общностей по сравнению с общностью народов Советского Союза [Брук, Чебоксаров, 1976, 15-41].

И хотя статья публиковалась через 5 лет после утверждения концепции «советского народа – новой исторической общностью людей», на XXIV съезде КПСС и индоктринации советского народа в качестве советскости, как общности советских людей, С.И.Брук и Н.Н.Чебоксаров в соответствии с обсуждавшимися в Институте этнографии АН СССР идеями о советском народе как надэтнической общности, рискнули подчеркнуть, что закреплённый партийным съездом идеологизированный термин³ имел «наднациональный характер» [Брук, Чебоксаров, 1976, 38-39].

Академическая корректность, научная этика и гражданская скромность не позволяла авторам и соавторам тех «докладных записок» дотошно отслеживать «родные» слова и суждения, попавшие в тексты руководителей страны, но зато «находки» служили осознанием социальной востребованности, своей принадлежности («сопричастности») к советскости, как уникальному типу социокультурной, надэтнической общности.

Составление «докладных записок» требовало не только обширных знаний о характеризуемом объекте и проблеме, глубокой эрудиции, в том числе историографической, но и гражданского мужества, по той причине, что партийные и госчиновники, деятели идеологического аппарата бдительно и чутко следили за малейшей критикой социалистического строя и его ценностей. Этнографы вынуждены были в целях самосохранения подвергать свои тексты тщательной внутренней цензуре,

чтобы не попасть под Дамоклов меч внешне-го партийного контроля.

Классическим примером текста, позволяющего видеть, как этнографы преодолевали личный страх и риски во имя торжества социально-экономической и этнокультурной справедливости, служит, в частности, Докладная записка З.П.Соколовой «Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры Сургутского и Нижневартовского районов Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области» (895-904). Можно лишь удивляться и восхищаться профессиональному мастерству её автора, сумевшей за короткий срок (с 21 июля АО 12 августа 1989 г.) собрать и осмыслить внушительный материал едва ли не для отдельной книги.

Между тем в докладной записке, как меморандуме, раскрыты потрясающие картины агонии саморазрушения экологии, инфраструктуры мест традиционного обитания коренных народов Западной Сибири. Наряду с вмешательством в законы природы раскрыты причины и обстоятельства дегуманизации, расчеловечивания коренных жителей легендарно сказочно богатой Югории.

Обе тенденции – агония и экологии, и человека раскрыты на примере хищнического, бездумного освоения территории, разрушительного влияния человека, особенно в лице пришлого населения, на природо- и землепользование, ужасающего, безнаказанного разорения угодий, загрязнения среды обитания малочисленных народов.

Основываясь на опыте некоторых западных стран, успешно проводивших в своё время политику *affirmative action*, но вовремя разочаровавшихся в ней, так как она вела к инфантилизации коренного населения, к формированию саморазрушительной стратегии иждивенчества, советские управленцы пытались организовать «выплату компенсаций за промышленное освоение территорий, где живёт коренное население» (с. 898), организовать «материальное обеспечение» (с. 898-900), предупредить катастрофическое «сокращение традиционных отраслей хозяйства», создать условия для «трудоустройства» молодёжи (с. 900-901). Однако каждый раз получалось по Черномырдину: «Хотели как лучше, а

получилось как всегда».

Ещё накануне губительных Гайдаровско-Ельцинских реформ последнего десятилетия XX в., ставших мощным катализатором дегуманизации, т.е. расчеловечивания людей, З.П.Соколова одна из первых предупреждала на примере расширяющегося криминализма, «браконьерства» (с. 901), алкоголизма (с. 902) ухудшение состояния здоровья малочисленных народов Севера и качества советского медицинского обслуживания (с. 903), неблагоприятного обеспечения жильём в ходе принудительного перевода некоторых представителей коренных народов на оседлость (с. 902).

Надо отдать должное интуиции и социальной чувствительности З.П.Соколовой, когда она проявляла особую озабоченность состоянием школьного обучения, обустройства интернатов и инфраструктуры поселений хантов и других малочисленных народов Севера, отношением властей к изучению их родных языков. В самом деле, без подготовки двуязычного отряда национальной интеллигенции, без устойчивой внутренней мотивации самих представителей коренных малочисленных народов повышать свой образовательный и профессиональный уровень, трудно было ожидать формирование корпуса квалифицированных управленцев, способных оптимально обустроить жизнеобеспечение и сохранить культуру родного народа.

Впечатляют полевые наблюдения С.П.Соколовой, когда она более полувека тому назад забила тревогу о состоянии национальной культуры малочисленных народов и трендов их ассимиляции. «Приходится сталкиваться с проявлениями великорусского шовинизма. С ничем не прикрытым подчас желанием поскорее русифицировать коренное население – писала она в докладной записке 1962 г., - в ряде случаев объективное, добросовестное желание русских специалистов поднять культурный уровень коренного населения, улучшить его быт приводят к тем же расширениям и результатам – покончить с традиционными отраслями хозяйства (особенно с оленеводством и охотой), переселить всех хантов в посёлки и занять их в новых отраслях хозяйства, сделать их ничем не отличающихся от русских» (с. 346).

Попытка перенесения на российскую почву австралийско-американской модели affirmative action, новаторски адаптированную ещё на X съезде ВКПб в качестве генерального проекта «помочь отсталым в прошлом народам догнать передовые нации», оказалась губительной как для сохранения традиционной культуры, так и для успешной модернизации малочисленных народов Западной Сибири.

Могу сослаться на хорошо известный мне противоположный пример. В 1960-1980-е годы руководство Молдавской ССР не только восприняло модель affirmative action в отношении национальных меньшинств, в т.ч. – болгар и гагаузов, но скорее создавало не льготы, а преграды для их социальной карьеры. «Председательский корпус» (Г.Г.Радов), выросший на управлении колхозного строя, мудро инвестировал средства на форсированное повышение образовательного уровня и социально-профессиональной подготовки болгарской и гагаузской молодёжи.

В итоге гагаузов миновала этноразрушительная стратегия affirmative action, а так же практика иждивенчества, доставшаяся на долю малочисленных народов Севера. Более того, сформировавшаяся на базе русского языка и национально-русского двуязычия национальная интеллигенция гагаузов добилась в 1994 г. конституционного признания своей государственности в формате национально-территориальной автономии «Гагауз-Ери» («Земля гагаузов») с целью самосохранения своей самобытности и своего достоинства, а вместе с тем и сохранение Республикой Молдова государственного суверенитета.

Валерий Александрович Тишков совершенно справедливо упрекнул этнографов в том, что они упустили из поля зрения, «прозевали» «этнографию советскости» [Тишков, 1999].

В происхождении этого «зевка» лежит объективный фактор – попытка стремительной модернизации и обвальской конфликтологии и этнополитологии, в ходе которых на периферию предметной области классической этнографии было отодвинуто исследование норм и принципов этнической этики, в том числе «этикетно отрицательное самописание» (Я.

Чеснов). Один из информаторов в «этнографическом поле», так охарактеризовал своих земляков: «Мужики опойки, а бабы блудни». Сохраняя себя в лоне отечественной этнографии классический «этнограф-полевик» Ян Чеснов, во многих регионах бывшего Советского Союза и нынешней постсоветской России сталкивался с тенденцией «расчеловечивания», когда люди в категоричной форме характеризовали убийственные последствия утраты или «измельчания» этических представлений по проблемам нравственного поведения.

«Так, например, чеченцы, у которых традиционные правила поведения строго формализованы и поэтому всем хорошо известны, тем не менее прозвучало горестное «Теперь мы все разложились. Виной этому, - как объясняет Ян Чеснов, - называют «русское рубло». Человек высоконравственный с чертами аристократического поведения называется «куонах». Раньше в каждом селе было 9 куонахов. А теперь на всей этой площади (беседа происходит в Грозном) и одного не сыщешь» [Чеснов, 2004, 17].

Этнографические дневники – свидетели расчеловечивания

Концептуальную модель «этнографии советскости», разумеется, вряд ли уместно ограничивать перечнем её отрицательных сторон, граней её предметной области, перечнем вещей базовой части её материальной культуры. Точно так же вряд ли можно понять «этнографию советскости» без идентичности советского человека, обладающего противоречивыми свойствами приверженности коллективизму и стремления к автономности. Это означает, что идентичность советского человека определялась с одной стороны с ценностями патернализма, коллективизма и социального равенства (точнее равноправия), а с другой стороны он был ориентирован на ценности автономии, самореализации и личной свободы.

В преамбуле докладной записки «О положении хантов Ларьянского района Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области» (1957 г.) З.П.Соколова не

без оптимистимизма обобщала свои первые полевые наблюдения за истекшие 2-3 года над повседневной жизнью хантского населения. «... Колхозы неплохо снабжаются техникой (особенно в последнее время получено много мотолодок, катеров, тракторов и т.п.). Большое значение имеет строительство в хозяйствах. В последние годы много сделано и в деле снабжения коренного населения продовольственными и промышленными товарами, хантам предоставлены большие возможности и льготы в деле образования (бесплатное обучение и содержание детей хантов на полном государственном обеспечении в интернатах и проч.) (с. 181). Однако этот оптимистичный вывод, сделанный через розовые очки, станет одной из первых и едва ли не последней позитивной оценкой реализации национальной политики КПСС с целью создания оптимальных условий для развития советскости (национальной по форме, социалистической по содержанию, культуры) малочисленных народов Западной Сибири.

В 1962 году после 6 лет работы в Институте этнографии АН СССР она с горечью и тревогой за судьбу малочисленных народов в дневнике отмечает: «Много пьяных, женщины пьяные. Продавец продаёт водку в любое время суток <...> Везде в посёлки завезён спирт <...> В любое время суток продавали спирт, даже в долг. Многие в беспробудном пьянстве (с. 252-253). Ханты пропивают все свои заработки <...> Водка к общему обороту составляет 10-12% <...> Смертность на почве пьянства» (с. 296).

Напросившись на партийное собрание в июле 1962 г., она, как истинный советский этнограф с активной жизненной позицией, «выступала, говорила о неумении работать с населением, особенно с хантами, о пьянстве, отсутствии культмассовой работы» (с. 276). Одним словом стала на защиту очеловечивания расчеловечивающейся части представителей коренного населения Западной Сибири.

От экспедиций к экспедиции полевые дневники З.П.Соколовой наполняются трагическими свидетельствами о падении нравственных норм, нарастающем алкоголизме, о многократных проявлениях девиантного поведения, создающих разрушительный об-

раз советскости и этничности. Приведу, к примеру, записи от 2 августа 1963 года: «Несчастливые случаи: отец Терешкина убит на рыбалке <...> И.Сивков (избач) убит на рыбалке («утонул»), его череп нашли через год. Парень убил другого из ружья. Отец убил сына, стреляя уток в лодке (скрыли от властей). Бухгалтер Пётр Башманов застрелился. Один резал другого (в тюрьме) (с. 372). <...> Здесь зарабатывают помногу, но пропивают (брага, одеколон, вино, спирт). <...> Когда пьют, не работают, ходят по деревне, поют песни, опохмеляются – и так из дома в дом. Драки» (с. 372).

«Распространено пьянство, рыбкап стал завозить вина в 2 раза больше с тех пор, как заработки в совхозе увеличились» (1969 год, с. 573).

Особую тревогу у З.П.Соколовой, наблюдавшей этничность и советскость малочисленных народов Западной Сибири, вызвал нарастающий широкомасштабный алкоголизм. «Пьянство не только дезорганизует людей, снижает производительность труда, мешает производственному процессу, - писала она в Докладной записке в 1971 году, - оно губительно сказывается на здоровье людей, разлагает их морально и даже ведёт к психологическим расстройствам, кончающимся самоубийствами» (с. 663).

Дневниковые записи (как оригинальный жанр «затесей» Виктора Астафьева), рисуют пронзительную картину социальных болезней малочисленных народов Западной Сибири и прежде всего алкоголизма как национального бича, блокирующего не только развитие современной культуры хантов, но и ведущего к ухудшению межличностных, в том числе межэтнических отношений. Книга З.П.Соколовой – одно из убедительных обвинений пьянству, порождающему социальный инфантилизм, вызывающий недовольство пришлого населения, в том числе по поводу так называемой проэтнической политики федерального государства, обеспечивающего многочисленным народам Западной Сибири различными гуманитарными льготами-лицензиями на вылов рыбы, отстрел лосей, бесплатное приданое новорожденным, внеконкурсное поступление в вузы и др. (с. 664).

Советскость и этничность как формы групповой и индивидуальной идентичности

Приоритет постановки вопроса о соотношении и взаимосвязи советскости и этничности, без сомнения, принадлежит выдающемуся советскому этнографу и археологу – Геннадию Евгеньевичу Маркову – общепризнанному автору теории горизонтального номадизма, крупнейшему знатоку немецкой этнологии, Маркову, экс-заведующему кафедрой этнографии МГУ, моему научному руководителю по подготовке дипломной работы и кандидатской диссертации.

До сих пор не потеряла своей актуальности предложенная им вслед за классиками марксизма «в самом сжатом виде» дефиниция образа жизни «как совокупности типичных условий жизни, норм и форм жизнедеятельности, взаимоотношений людей, отношения общества и окружающей среды» [Марков, 1977, 11].

Если принять предложенную им дефиницию «образа жизни» как основу для определения тесно связанного с ним понятия «советскости», то нельзя не согласиться с ещё одним его методологическим умозаключением о том, что «этнические признаки входят как составная и неотъемлемая часть в характеристику образа жизни, но в разных исторических условиях и конкретных случаях играют неодинаковую роль [Марков, 1977, 9].

Оба понятия – советскость и этничность подпитываются социальными и политическими факторами и выступают расплывчатыми категориями, состоящими из разного рода признаков и критериев, чередующихся по шкале значимости друг с другом.

Признание примата социально-экономических факторов, как это принято в ряде этносоциологических исследований, не снимает задач по изучению этических и эстетических норм, как при классификации уровней, так и характера или качества советскости. В полиэтничном обществе оценка советскости не может быть полной без учёта этнографических данных, особенно как показала З.П.Сokolova, собранных методом включённого наблюдения.

Оба понятия – советскость и этничность – скреплены пленительным чувством малой Родины, которое, к примеру, у гагаузов, крымчан и приднестровцев, представляют человеческий потенциал русскоязычия и русскокультурия [Губогло, 2016]. И это счастливая особенность, – как сказал бы, наверняка, Ян Чеснов, – позволяет «психологически переходить с этого уровня на уровень большой Родины и той высоты, которая обычно называется Отечеством, заботливо печалиться и деяниями по возможности обихоживать малую родину, облекать её заботой» [Чеснов, 2004, 21].

Типологическое сходство понятий советскости и этничности в самом деле, как увиделось Я.Чеснову, в понятии Родины, которая для русского и нерусских народов СССР была единой. Это заметно было для наблюдателей и экспертов в материальной сфере повседневного быта, традициях и некоторых аспектах духовной жизни, устном народном творчестве, литературе, искусстве. Тем не менее общие черты (черты сходства по Ю.Кахку), существовали с культурными особенностями разных народов, порождённые различными географическими условиями, неодинаковой исторической судьбой, социально-экономическими и этнокультурными контактами с другими народами.

За неимением дефиниции советскости в этнографической/этнологической литературе, и чрезмерно обильным количеством разнообразных, редко совпадающих определений этничности, практически в трудах каждого исследователя, можно обратиться к трудам учёных, проявивших в последнее время активность в философском осмыслении советскости, представленной «надэтнической идентичностью советского человека, носившей одновременно конструируемый, инструментальный и естественный, объективный характер» [Попов, 2004].

Ещё одна цитата: «Понятие советскости раскрывает сущность проблемы формирования и социокультурной динамики надэтнической идентичности советского человека. Инструментальный характер советскости связан с конструированием, идеологией и пропагандой полиэтничной общегражданской консолидации в целях сохранения государствен-

но-политического единства страны.

Объективный характер советской идентичности создавался едиными для советского народа культурными институтами, системой образования, средствами массовой информации, единообразием институциональной организации в сферах социальной, политической и повседневной жизни: едиными нормами права, информационной структурой, системой социального обеспечения» [Попов, 2004].

Можно согласиться с априорным суждением философа о том, что «советский человек является коллективным субъектом, мобилизовавшим идентичность для утверждения надэтнической культуры в процессе социального, политического и культурного творчества» [Попов, 2004].

Советскость, как и этничность, является синтетическим показателем духовных, материальных и этнополитических особенностей на индивидуальном и групповом уровне с целью социально-политической и этнической идентификации.

В некоторых философских трудах, не перегруженных фактическими материалами и конкретно-социологическими исследованиями, а также лишённых историографического анализа, делается характерный для либерально-постмодернистского дискурса («всё плохо в советском») вывод о том, что «научные исследования, посвящённые изучению надэтнической общности и соответствующей идентичности в контексте проблемы этнонациональных и межкультурных отношений в СССР, лишены целостности и являются в настоящее время одними из наиболее слабо разработанных и, наоборот, сильно идеологизированных» [Попов, 2004].

Между тем в океане советской литературы «особенно т.н. застойного периода, действительно чрезмерно идеологизированный, едва ли не более чем основательно разработаны новые направления о взаимодействии национальных культур, о соотношении национального и интернационального, (этнического и иноэтнического, этнического и социального), о месте и роли этничности в советском образе жизни. Нет смысла приводить историографические примеры, которым поистине «несть числа...».

Воздерживаясь от фиксации и толкования психологического восприятия представителями коренных малочисленных национальностей Западной Сибири, происходящих на их глазах перемен, призванных формированию советскости, З.П.Соколова привлекла огромный фактический материал для анализа «вещной», поведенческой стороны граждан в становлении советскости. При этом особый интерес вызывают «детали» повседневности, в которых проявляются сочетание социального и этнического, биологического и ментально-психологического. Как заядлая грибница, она в первой же экспедиции (1956 г.) решает угостить своих помощников съедобными грибами, искусно приготовленными (натушенными) в сметане, и обнаруживает, что ханты избегают есть грибы. Тем не менее, двое из них соглашаются попробовать, но через 5-10 минут бегут в лес, где их вырвало, так как их «организм не принял непривычной пищи...».

Не ставя перед собой задачу дать современное научное объяснение этому знаменательному факту, имеет ли он в своей основе биологическое или ментально-психологическое основание, З.П.Соколова приводит наряду с популярным объяснением («Ханты грибы не едят... Это пища оленей») этнографическое толкование: в устном народном поэтическом творчестве, «гриб – это фаллос» (с. 62). Я оставляю вопрос о толковании несъедобности грибов открытым, так как в моей полевой практике был случай с несколько иной мотивировкой. После того, как мы, члены молдавской этносоциологической экспедиции, пообедали в кодрах в придорожном ресторанчике и сели в экспедиционную машину, одна из сотрудниц пояснила, что «очень вкусная котлета была из свинины». Наш аспирант из Северо-Кавказской республики (не буду называть его фамилию) остановил машину. Ему стало плохо. Сработал не физиологический механизм, а психологическая установка.

Сравнение дневниковых записей с первой докладной запиской свидетельствует о быстром вхождении юной аспирантки в тему. В дневнике от 16 июня 1957 года читаем: «Из года в год растёт общественное хозяйство колхозов, всё более активизируется личное участие колхозников коренной национально-

сти в артельное производство» (с. 67). Приведённый журналистский газетный штамп явно навеян чтением документов или речей партийных руководителей. Однако в докладной записке, впервые опубликованной в открытой печати в 2004 году, обнаруживаем наряду с позитивными итогами социально-экономических и культурных изменений (с. 181), жёсткие слова профессионального этнографа о плачевном реальном состоянии «советскости» среди хантов. Крупномасштабное «сселение и оседание полукочевого национального населения» оказывается на проверку скрытой формой принудительной ассимиляции. Советскость для хантов оказывает пагубное воздействие на их основную хозяйственную деятельность – рыболовство и охоту, неустроенный быт способствует распространению различных заболеваний – туберкулёза, трахомы, ревматизма, различных простуд и т.п. На рыболовных промыслах семьи рыболовов живут в чумах, палатках, шалашах, нередко ветхих или рваных, спят на земле, постилая сено или старые вытершиеся шкуры. Как правило, живут по две-три семьи в чуме или палатке, в тесноте, грязи. Дым костра чума и шалашей разъедает глаза, дождь заливают чум. Работать приходится в холодной воде по пояс, обсушиться и обогреться негде... (с. 188-189).

Заключение. Советскость и этничность. Социокультурные параллели

Мощная идеологическая пропаганда, целенаправленное воспитание и форсированное внедрение советскости («во имя построения коммунистического общества») подрывали основы этничности, вольно или невольно, умышленно или бездумно создавали противоречие между развитием национальной и общесоветской культуры, между этничностью и советскостью. Это противоречие в эксплицитной и в имплицитной форме нашло отражение в полевых исследованиях этнографов и в этносоциологических опросах, в том числе в противоречиях между пришлым и местным населением, между духовностью и бездуховностью.

Приоритет советскости над этничностью,

интернационализма над национализмом хотя и не было лишено националистического оттенка, постепенно приводило к принижению роли культурного наследия своего народа. Несмотря на неоднократные призывы писателей-деревенщиков, а также солидарных с ними коллег, пишущих о советской интеллигенции, о Великой Отечественной войне, о коллективизме советского человека, в общественном мнении, в идеологии советскости не утвердилось убеждение в том, что без стабильной самоидентификации личности и общества затруднительно эмоциональное и позитивное восприятие собственной традиции, готовности приложить усилия для самосохранения и передачи советскости как особой формы культурного наследия следующему поколению.

Движимая желанием не только рефлексировать на суровую и прекрасную, порой нелицеприятную «правду жизни», проникнутая желанием разобраться в труднообъяснимом сочетании этничности и советскости, З.П.Соколова пыталась донести до общественности и до руководителей страны итоги своих наблюдений и исследований, мысли и рекомендации по улучшению быта и условий жизнеобеспечения малочисленных народов Западной Сибири, в том числе по сохранению их национальных культур. Ограничивая первые романтические впечатления о фактах и процессах успешной модернизации, особенно сселения и принуждения к переходу на оседлость представителей коренных народов Западной Сибири, З.П.Соколова в работе, написанной более полувека тому назад и впервые опубликованной в 2005 году, писала: «Даже если когда-либо хантская национальная культура и отомрёт и будет заменена какой-то общечеловеческой, коммунистической, это не значит, что сейчас надо полностью отказаться от её достижений. В ней, как и в других национальных культурах, есть вредные пережитки (религиозные и т.д.), но есть важные, выработанные веками в суровых условиях Севера завоевания, которые сделали свой вклад в мировую культуру: введение промыслового хозяйства с использованием доступных им природных богатств, прекрасные одежда и обувь, великолепно приспособленные к тяжёлым

климатическим условиям средства транспорта и т.д. <...> Поэтому нельзя, борясь с вредными пережитками, полностью отрицать национальную культуру» (с. 346).

Социальный диагноз, основанный на личном общении с представителями малочисленных народов, позволял предложить рецепт по обережению национальной культуры и, следовательно, сохранению самих народов: «необходимо, чтобы это понимали местные работники, которые нередко относятся к хантам и их культуре с пренебрежением, считая их отсталыми. Надо, чтобы методы работы с коренным населением, приобщение их к социалистической культуре основывались на взаимном уважении, убеждении, а не на администрировании и принуждении» (с. 346).

В 1960-1970-е годы в Советском Союзе появились первые признаки внутрисоюзного и международного туризма. Символом этой новой для советскости – института культуры стала популярная телепередача «Клуб путешествий», инициированная сначала первым ведущим программы, известным путешественником и режиссёром Владимиром Адольфовичём Шнейдером в 1960 году, а затем успешно продолженная его преемником Юрием Александровичем Синкевичем. Экономический кризис 1998 г. вызвал всплеск спроса на внутренний туризм, которым стали интересоваться частные инвесторы. Ранее, на рубеже 1960-1970 гг., в регионы России богатые природными богатствами, устремились самостоятельные туристы, влекомые не только стремлением отдохнуть, но и подзаработать, в том числе не брезгуя браконьерством.

В докладной записке, составленной по итогам поездки к хантам Шурышкарского района Ямало-Ненецкого национального округа в 1971 году, З.П.Соколова предлагала узаконить правовые основы на выдачу лицензий «диким» туристам, с необходимостью в инструкции по рыболовству указывать на недопустимость браконьерства, спаивания местного населения, <...> скупки у него рыбы и шкурок зверей (с. 661-662).

Дневники и докладные записки З.П.Соколовой, подобно энциклопедии, отражают важный пласт социальной жизни малочисленных народов Севера. Читателя не должен ввести в

заблуждение тот факт, что в моих рефлексиях акцент сдвинут на тёмные стороны жизни. Воспеванию советскости и советского образа жизни посвящены горы литературы. главный смысл писаний учёных, политиков, заказных журналистов, беллетристов состоял в манифестации выживаемости малочисленных народов в условиях навязываемого им формата модернизации. Однако без этнографии советскости, освещающей теневые стороны этничности и этнических процессов, изображение жизнеобеспечения, этнической идентичности и сохранение самобытности было бы неполноценным, недостоверным и ущербным.

С моей точки зрения наиболее важное значение публикаций дневников и докладных записок и, понятное дело, монографических изданий, с огромным количеством бытовых деталей, состоит в том, что воссоздаваемая панорама советскости и этничности позволяет исторически осознать великую гуманитарную миссию Императорской России и Советского Союза в деле сохранения («сбережения») малочисленных народов Севера в отличие от этнокультурной истории малочисленных народов в других регионах мира.

Теоретически советскость – это феномен, предназначенный для комфортной коллективной жизни человека, для обеспечения оптимальных социально-экономических и этнокультурных условий жизнедеятельности. Советскому человеку имманентно присуща сомасштабность объективных и субъективных факторов окружающей среды. Изменения, связанные с давлением так называемой научно-технической революции и модернизацией, навязанной внешней глобализацией, грозили взрывом недовольства, риском разочарования, и в конечном итоге вспышками агрессии и ростом насилия. Временные и пространственные риски и неудобства ограничивают возможности отрефлексирования, компенсацией которых может быть индивидуальное творчество или социальная апатия.

Важной составной частью советскости выступала гармония между гедонизмом и аскетизмом, приукрашенная мечтами о будущем процветании и благоденствии. Однако несбыточные социальные надежды, как парадоксы повседневной жизни и советскости, отсут-

ствие культуры соответствия завышенных потребностей низким возможностям, оказывали разрушительное воздействие на советскую мифологию и советский тип мышления, в том числе на специфическое восприятие действительности. Этнические и этнографические компоненты советскости проявлялись в традициях, ритуалах, праздниках, а также в их семантике и смысле.

Этносоциологические исследования, развёрнутые на рубеже 1960-1970-х годов показали неадекватное восприятие советскости городскими и сельскими жителями.

Угасающие со временем несбывшиеся мечты о прекрасном коммунистическом будущем порождали, подобно капле, разрушающей камень, чувства отчаяния, маргинализации, локальной причастности к месту обитания, вместо гордого чувства великой державы.

Вместе с Советским Союзом, как великой многонациональной державой, ушли в прошлое времена, когда долг этнографа-полевица ограничивался, во-первых, наблюдениями за жизнедеятельностью малочисленных народов, за особенностями их культуры, языка и быта, во-вторых, готовностью защищать национальное достоинство, самобытность образа жизни, в-третьих, публикацией научных статей и монографий, в-четвёртых, обраще-

нием к руководству федеральных и местных органов с рекомендациями о создании оптимальных социально-экономических условий для адаптации и вызовами модернизации и обновлению в формате советскости. Сегодня востребованы во многом новые обязательства. Прежде всего необходимы научно-обоснованные экспертизы и диагностика с целью правового регулирования социальной ответственности как промышленных компаний, так и самых малочисленных народов.

Слов нет, стране нужна энергия для развития экономики и культуры и для выживания в конкурентной борьбе в геополитическом аспекте. Однако не в меньшей мере необходимы адекватные социально-экономические условия и правовые гарантии для обеспечения этнодемографической, материально-бытовой устойчивости ресурсов коренных малочисленных народов.

Словом, нужен переход от традиционной академической этнографии, во многом основанной на тактике полевых наблюдений к модернизированной прикладной антропологии с целью «обеспечения лучшего понимания потребностей людей и проведения в жизнь административных решений в соответствии с культурными потребностями человека» [Новикова, 2016, 440].

Литература

1. Брежнев 1972 – Брежнев Л.И. Отчётный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, 30 марта 1971 года // «Ленинским курсом», т.3, М., 1972
2. Брук, Чебоксаров 1976 – Брук С.И., Чебоксаров Н.Н. Метаэтнические общности // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник, М., 1976, Наука, с. 15-41
3. Губжиков Марат Нурбиевич. Антропология советскости через призму музейных источников. Заявленный доклад на секции 14 «Социокультурная коммуникация у народов Кавказа» // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Контакты и взаимодействие культур, Программа, 2-5 июля 2015 г.
4. Губогло 1972 - Губогло М.Н. Ленинская национальная политика и проблемы языка межнационального общения (Из опыта изучения языковой жизни народов Поволжья) // Торжество ленинской национальной политики, Чебоксары 1972.
5. Губогло 1995 – Губогло М.Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение, 1995, № 5, 6
6. Губогло 2013 – Губогло М.Н. Антропология повседневности, М., ЯСК, 2013
7. Губогло 2016 – Губогло М.Н. Антропология доверия, М., ЯСК, 2016
8. Квилинкова 200 - Квилинкова Е.Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев, 2007, 840 с.
9. Марков 1975 – Марков Г.Е. Категория «образ жизни» и характер советского образа жизни // Вопросы совершенствования распределительных отношений в условиях развитого социализма, М., 1975

10. Марков 1976 – Марков Г.Е. Советский образ жизни и проблемы этнографии // Советская этнография, 1976, № 2
11. Марков 1977 – Марков Г.Е. Этнос, этнические процессы и проблема образа жизни // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник, 7, 1977, М., Наука, с. 9-28
12. Маркс Энгельс – Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., том 3, М.
13. Новикова 2016 – Новикова Н.И. Прикладная антропология: на стыке наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии, отв.ред. и сост. Г.А.Комарова, М., 2016, ИЭА РАН, с. 440-453
14. Пименов 2015 – Пименов В.В. Моя профессия – этнограф, М., 2015, 320 с.
15. Попов 2004 – Попов М.Е. Антропология советскости (философский анализ), Дисс. Канд. Фило-соф. Наук, Ставрополь, 2004, 200 с., РГБ, ОД 61:04-9/622
16. Соколова 2016 – Соколова З.П. Этнограф в поле. Западная Сибирь 1950-1980-е годы: Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки М. 2016 Наука, 942 с.
17. Ссорин-Чайков Н.В. Модерн как дар: «Помощь народам северных окраин», Доклад на секции 36 «Антропология дара», XI Конгресс антропологов и этнологов России, Контакты и взаимодействие культур, Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г.
18. Тишков 1999 – Тишков В.А. Антропология российских трансформаций // 111 Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов Москва 1999, ИЭА РАН. С.12-28
19. Чеснов 2004 – Ян Чеснов, «Родиноведение» (философско-антропологические обоснования) // Российская государственная библиотека. Информкультура, вып. 4, Материальная база сферы культуры, научно-информ. Сб., вып. 4, О ремесле жизни, изд. РГБ, 2004, с. 12-65
20. Чудаков 2013 – Чудаков Александр, Ложится мгла на старые ступени. Роман-идиллия, М., 2013, Время, 534 с.
21. Якель Ю.Я. Возможности и перспективы правового регулирования социальной ответственности промышленных компаний в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, доклад на секции 40 «Человек и право на перекрестке культур», XI Конгресс антропологов и этнографов России, Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г.

1 Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 17-01-00281(а)

2 Эту традицию, похоже, небезуспешно унаследовали бывшие и нынешние критики советскости, либерально настроенные авторы, не скрывающие при этом своей советскости. Так, например, в дневниковой записи от 28 сентября 1994 года, известный филолог, автор нашумевшего романа-идиллии «Ложится мгла на старые ступени» Александр Петрович Чудаков, пишет: «Вчера слушал речь Ельцина в ООН. Есть пара фраз из текста Л.». Его жена Мариэтта Чудакова, ещё более чем муж известная своими либеральными взглядами и критическим отношением к советскости, так оценивает «находку» супруга о своей деятельности как члена Президентского Совета с осени 1994 года до 2000-го: «Если осталась пара фраз, - считает она, - уже много!». (цит. по: Александр Чудаков. Ложится мгла на старые ступени. Роман-идиллия, М., 2013, Время, с. 534).

3 Аргументация Л.И.Брежнева о возникновении «новой исторической общности людей – советского народа» сводилась к тому, что «В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями – отношения дружбы и сотрудничества. Наши люди спаяны общностью марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества» [Брежнев, 1972, 279].